КБ 34
С 79
т 3

Ю. СТЕКЛОВ

М. А. БАКУНИН

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С859
КБ
34
С-79

Ю. СТЕКЛОВ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ТОМ
ТРЕТИЙ
1868—1870

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Кб
34
С79

Ю. СТЕКЛОВ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ТОМ ТРЕТИЙ

БАКУНИН В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

ОТКРЫТЫЙ И ТАЙНЫЙ АЛЬЯНС. — МИРОВОЗЗРЕНИЕ БАКУНИНА. — НЕЧАЕВЩИНА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 25880 1973 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

По техническим причинам, независящим от автора, транскрипция ряда терминов в настоящем третьем томе отличается от той, которая употребляется в остальных томах этой работы. Такие термины, как Международное Товарищество Рабочих, Генеральный Совет, Интернациональное Братство и т. п., начертание которых в мировой литературе принято производить с прописных букв во всех частях этих составных терминов, в настоящем томе сохранили прописную букву лишь в первом слове, в последующих же набраны со строчных букв (например, Международное товарищество рабочих, Генеральный совет и т. п.). На это обстоятельство автор считает нужным обратить внимание читателей, предупреждая их, что правильной надлежит считать транскрипцию не третьего, а остальных томов.

Равным образом автор указывает, что слово МТР (вместо М. Т. Р.), набранное в настоящем томе без точек после отдельных заглавных букв, означает Международное Товарищество Рабочих, т.-е. Первый Интернационал.

Автор.

Москва, 1 декабря 1926 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *Тайный Альянс.*

Глава I. Открытый Альянс 1
1. Первые трения . . . . . —
2. Роспуск открытого Альянса 13

Глава II. Организация тайного Альянса 25
1. Существовал ли тайный Альянс? . . . . . —
2. Откуда взялись тайные документы Альянса? 39
3. Программа и устав Альянса и Интернационального братства . 60

Глава III. Значение и цели тайного Альянса 84
1. Альянс в оценке противников . . . . . —
2. Альянс в оценке самого Бакунина 93
3. К вопросу о личных мотивах 111
4. Плюсы и минусы бакунинской схемы 118

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. *Мировоззрение Бакунина.*

Глава I. Что сделал Бакунин для теории анархизма? . . . 131

Глава II. Философские взгляды Бакунина 142
1. Материалистическое мировоззрение . . . . . —
2. Исторический материализм и поправки к нему 150
3. Наука и революция 157
4. Религия 163

Глава III. Социальная концепция Бакунина 171
1. Постановка социального вопроса 173
2. Антигосударственность аполитика 184
3. Анархизм 225
4. Критика социал-демократической партии 235
5. Бунтарство как метод борьбы 251

Стр.

Глава IV. Народ и отдельные его разряды 266
а) Крестьянство 270
б) Рабочий класс 282
в) Интеллигенция 302

Глава V. Судьбы народного движения в России 310

Глава VI. Национальный вопрос 321
1. Право наций на самоопределение . . . . . —
2. Революционный панславизм 324
3. Антигерманизм 335
4. Антисемитизм 346

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. *Первые столкновения.*

Глава I. Борьба в романской Швейцарии 351
1. В Женеве . . . . . —
2. В швейцарской Юре 360

Глава II. Вокруг Базельского конгресса 366
1. Базельский конгресс Интернационала . . . . . —
2. Суд чести в Базеле 378

Глава III. Первые полемические схватки 388
1. С М. Гессом . . . . . —
2. С С. Л. Боркгеймом 400

Глава IV. Переезд Бакунина в Локарно 410

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. *Нечаевское дело.*

Глава I. Первая встреча 418
1. Кто был Нечаев? . . . . . —
2. Нечаев и Бакунин 430
3. Литературная подготовка Нечаевского дела 443
а) Произведения, авторство которых Бакунину не принадлежит или всеми оспаривается . . . . . —
б) Произведения, принадлежащие Бакунину и более часто ему приписываемые 457
в) «Катехизис революционера» 466
г) Оценка «нечаевской» литературы противниками Бакунина 480

Глава II. Нечаев за работой 487
1. Нечаев в России . . . . . —
2. Возвращение за границу и возобновление союза с Бакуниным 495
3. Вторая литературная кампания 507
4. Разрыв 521

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ТАЙНЫЙ АЛЬЯНС.

Глава первая.

ОТКРЫТЫЙ АЛЬЯНС.

1. Первые трения.

Отколовшись от Лиги мира и свободы, бакунистское ее меньшинство энергично приступило к работе. Одновременно с переорганизацией тайного Альянса и с расширением Интернационального братства, руководившего его делами, основан был открытый Альянс. Последний, как мы уже знаем из II тома этой работы, с одной стороны, заявил о принятии им программы и статутов Интернационала, а с другой — пытался конституироваться в совершенно самостоятельную международную организацию со своей особой программой, со своим специальным уставом, со своим Центральным и национальными комитетами, со своими собственными конгрессами и т. д. Временное центральное бюро открытого Альянса, образованное членами-основателями Альянса, т.-е. ушедшим с Бернского конгресса меньшинством Лиги мира, составлено было из Бакунина, И.-Ф. Беккера, Броссэ, Дюваля, Гетà, Перрона и Загорского [1]. Все они были в то же время членами Интернационала.

---

[1] Франсуа Броссэ — женевец, кузнец; держал тогда кабачек для рабочих и потому выгоден был в смысле связей; в то время стоял близко к Бакунину, но затем примкнул к католикам и отошел от движения. — Теодор Дюваль — женевец, столяр; был членом первого романского федерального комитета; впоследствии стал противником Альянса. — Гетà — француз, сапожник, заменил Броссэ на посту председателя первого романского федерального комитета в августе 1869 года; впоследствии сделался врагом Альянса. — Шарль Перрон — женевец, живописец по эмали; быстро был приближен Бакуниным, который ввел его в Интернациональное братство; временно был секретарем женевской секции открытого Альянса; в 1868 году, уже стоя

Старый Беккер, увлеченный своим революционным рвением, попал в эту компанию случайно. Впоследствии, когда он понял весь вред бакунинской затеи, он порвал с Альянсом и сделался его ожесточенным врагом. Но в первый момент бакунисты, учитывая его связи в Генеральном совете, сопротивления которого они не могли не предвидеть, выдвигали его на первый план, чтобы с его помощью добиться приема в Интернационал. Именно Беккеру и поручено было повести об этом переговоры с Генеральным советом. Вот как рассказывает об этом сам Бакунин в своем не раз цитированном нами очерке «Интернациональный союз социальных революционеров»:

«Союзу оставалось только соблюсти формальность своего зачисления в состав Международного общества. По поручению своих членов член Центрального бюро И.-Ф. Беккер обратился с этой просьбой в лондонский Генеральный совет. На эту просьбу Совет отвечал неожиданным (?) отказом на том основании, что Союз имеет организацию, совершенно отличную и независимую от организации Интернационала, свои особые комитеты, свое главное бюро, и что поэтому присутствие в Интернационале такого независимого от него общества, действующего в нем и вне его смотря по своей надобности, угрожало бы Интернационалу дезорганизацией.

«Этот ответ произвел различное впечатление на различных членов Союза. Большинство женевцев и Беккер были оскорблены им и заявляли свое желание прервать сношения с Генеральным советом [1]. Но Бакунин и Перрон признали возражения Совета основательными и настояли, чтобы организация Союза была изменена [2] в этом смысле, т.-е. чтобы его Центральное и местные бюро были закрыты, а секции его признали себя просто непосредственными секциями Интернационала, сохранив

близко к Бакунину, был кандидатом на выборах в Большой совет; впоследствии отошел от Бакунина и вообще от политики. — Загорский, по словам Бакунина в письме к Жуковскому от 15 ноября 1868 года, не делал для Альянса ничего: «Я совершенно один — от Загорского никакой помощи, но спасибо, что дал свое имя» (т.-е. в качестве поляка, очевидно).

[1] Что Беккер по своей горячности мог увлечься и наговорить лишнего, — это возможно, тем более, что он о задних мыслях Бакунина тогда не догадывался и действительной цели и устройства Альянса сразу не понял (ведь ему далеко не все открывалось). Но замечательно, с какою настойчивостью сам Бакунин, а вслед за ним Неттлау и Гильом подчеркивают пылкое поведение увлекающегося Беккера, дескать доходившего до предложения порвать с Генеральным советом (?), и тем сильнее оттеняют «лойяльное» поведение Бакунина. О смысле этого «лойялизма» мы уже говорили в § 6 второй главы третьей части II тома. Образцы его мы увидим и дальше.

[2] В оригинале по ошибке сказано: «применена».

только свою программу, так как она нисколько не противоречит (!) программе Интернационала, а только расширяет ее.

«Это решение было принято и сообщено лондонскому Совету с требованием совершить формальность зачисления в Интернационал секции (т.-е. женевской. — *Ю. С.)* Союза, так как теперь препятствия этому устранены. Совет отвечал согласием и только потребовал изменения той фразы в программе, редакция которой по своей небрежности могла допустить недоразумение (хотя надо было иметь много доброй воли, чтобы перетолковывать ее таким образом), будто Союз, желая уравнения, т.-е. уничтожения классов, тем не менее допускает или предполагает их сохранение.

«Комитет Союза поспешил последовать этому справедливому замечанию, и редакция спорного места получила тот вид, в каком мы привели его в тексте. Что же касается до принципов, выраженных в программе, Совет в своем ответе весьма резонно говорит: «В наши обязанности не входило подвергать критическому разбору программу Союза. Мы не будем разбирать, верно ли она выражает настоящий дух движения пролетариата. Мы должны были только рассмотреть, не содержится ли в ней чего-нибудь противного общему направлению нашей Ассоциации, т.-е. полному освобождению рабочего класса. За исключением всего, что могло бы противоречить этому, принципы нашей Ассоциации требуют предоставлять всякой секции свободно формулировать свою теоретическую программу».

«Таким образом, просуществовав около полугода, Союз прекратил свое существование в качестве особой организации, и его секции обратились в простые секции Интернационала. Из них женевская секция, составлявшая прежде Центральное бюро, сохранила название «Союза (Alliance) Социальных Демократов», но была отныне простой секцией Международного общества рабочих и была признана таковой лондонским Генеральным советом 18 июля 1869 года. Вместе с тем как одна из 33 интернациональных секций, существовавших в Женеве, она должна была войти в состав федерации романской Швейцарии. Но судьба Союза, как секции, начало существования которой почти совпадает с открытием Базельского конгресса Интернационала, принадлежит уже к следующей части истории Международного общества. Факты же, которые мы здесь изложили, послужат читателю для оценки честности и правдолюбия тех интриг, которые избрали потом Союз предлогом для устранения из Интернационала революционного элемента» [1].

---

[1] «Историческое развитие Интернационала», стр. 314—317.

Дальше мы увидим, сколько правды и сколько неточностей и умолчаний содержится в этом рассказе. А пока выслушаем сообщение о тех же переговорах от другой стороны, а именно — от Генерального совета, точнее — от его комиссии (1872—1873 годов) по составлению доклада об Альянсе. Вот что там говорится:

«Интернациональные братья были лишь штабом без дела; им нужна была армия. Они решили, что для этой-то цели и создан Интернационал. Чтобы добраться до командования этой армией, надлежало протащить туда открытый Альянс. Опасаясь, что обращение с просьбою о своем допущении к Генеральному совету, власть которого они таким образом признали бы, было бы унизительным для их достоинства, они несколько раз тщетно обращались за этим к бельгийскому и парижскому федеральным советам. Эти повторные отказы принудили Альянс просить 15 декабря 1868 года своего принятия у Генерального совета. Он прислал свои статуты и свою программу, которые определенно говорили о его намерениях. Хотя Альянс заявлял о своем «полном растворении в Интернационале», он собирался составить в рядах последнего вторую международную организацию. На-ряду с Генеральным советом Интернационала, избираемым конгрессами, должен был существовать Центральный комитет Альянса, заседающий в Женеве и избирающий сам себя; на-ряду с местными группами Интернационала — местные группы Альянса, которые через посредство своих национальных бюро, действуя помимо национальных бюро Интернационала, «будут просить о своем приеме в Интернационал через Центральное бюро Альянса». Таким образом Центральное бюро Альянса присваивало себе право приема в Интернационал. На-ряду с конгрессами Интернационала должны были происходить конгрессы Альянса, так как «на ежегодных рабочих конгрессах делегация Альянса» претендовала на устройство «своих публичных заседаний в особом помещении».

«22 декабря Генеральный совет... об'явил эти притязания решительно противоречащими статутам Интернационала и категорически отказал Альянсу в приеме. Через несколько месяцев Альянс снова обратился к Генеральному совету с вопросом, согласен ли он или нет с его принципами. В случае утвердительного ответа Альянс заявлял о своей готовности превратиться в простые секции Интернационала. Генеральный совет 9 марта 1869 года ответил, что высказываться о научных достоинствах программы Альянса значило бы для него выходить за пределы его функций, и что в случае замены слов «уравнение классов» словами «уничтожение классов» не будет препятствий к пре-

вращению секций Альянса в секции Интернационала. Он присовокуплял: «Если роспуск Альянса и вступление его секций в Интернационал были бы окончательно решены, то согласно нашему уставу было бы необходимо сообщить Генеральному совету местопребывание и численность каждой новой секции».

«22 июня 1869 года женевская секция Альянса уведомила Генеральный совет, как о совершившемся факте, о роспуске Интернационального альянса социалистической демократии, всем секциям которого предложено было «превратиться к секции Интернационала». После такого формального заявления и введенный в заблуждение несколькими стоявшими под программой подписями, внушавшими предположение о том, что секция эта признана романским федеральным комитетом, Генеральный совет допустил ее в состав Интернационала. Прибавим, что ни одно из принятых условий никогда выполнено не было. Напротив, с этого момента тайная организация, скрывавшаяся за открытым Альянсом, заработала во-всю. За интернациональной женевской секцией стояло Центральное бюро тайного Альянса; за интернациональными секциями Неаполя, Барселоны, Лиона, Юры — тайные секции Альянса. Опираясь на это франк-масонство, о существовании которого даже не подозревали ни масса членов Интернационала, ни его административные центры, Бакунин рассчитывал забрать в свои руки управление Интернационалом на Базельском конгрессе в сентябре 1869 года» [1].

Верны ли эти утверждения или нет, мы увидим дальше.

Просьба Альянса о принятии его в Интернационал доложена была Генеральному совету 15 декабря 1868 года; обсуждалась она 22 декабря. Возможно, что именно в предвидении этого Бакунин решил, наконец, нарушить свое продолжительное молчание по отношению к Марксу. Бакунин не мог не понимать, что просьба Альянса в том виде, как она первоначально была сформулирована, не только натолкнется в Генеральном совете на сопротивление, но и способна будет возбудить там сильные подозрения. Именно потому, как мы уже знаем, и выдвинут был на первый план И.-Ф. Беккер, через которого и возбуждено было ходатайство Альянса. И вполне вероятно, что с целью усилить благоприятное впечатление и рассеять возможные подозрения Бакунин и обратился с письмом к Марксу, которому не писал и не отвечал так долго. Как бы там ни было, но, воспользовавшись тем обстоятельством, что Маркс в письме к А. Серно-Соловьевичу запросил

[1] Брошюра «L'Alliance», стр. 16—17.

о нем и о его настроениях, Бакунин поспешил откликнуться весьма дружеским по форме письмом. Вот что он писал Марксу 22 декабря 1868 года [1]:

«Мой старый друг!

«Серно сообщил мне ту часть твоего письма, которая касалась меня. Ты спрашиваешь его, остался ли я попрежнему твоим другом. Да, и даже больше, чем когда-либо, милый Маркс, потому что лучше, чем когда-нибудь, я понимаю теперь, до какой степени ты был прав, идя сам и приглашая нас итти по столбовой дороге экономической революции и резко порицая тех из нас, которые сбивались на тропинки национальных или исключительно-политических предприятий. Я делаю теперь то, что ты начал делать уже 20 лет тому назад. Со времени торжественного публичного прощания с буржуа Бернского конгресса я не знаю другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. Мое отечество теперь — Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Итак, ты видишь, дорогой друг, что я — твой ученик и горжусь этим. Вот все, что я считал необходимым сказать, чтобы выяснить тебе мои личные отношения и чувства.

«Перейдем теперь к другим вопросам.

«В письме к Серно ты говоришь, что мы на Бернском конгрессе неверно поставили вопрос, когда говорили об уравнении классов и личностей. Замечание это вполне справедливо в отношении терминов и употребленной нами формулировки. Но эта формулировка была нам, так сказать, навязана глупостью и колоссальной бездарностью нашей буржуазной аудитории. По своей глупости они уступили нам, можно сказать, без боя всю область вопроса о равенстве; и наша победа как раз и заключается в том, что нам удалось констатировать, что они отвергают все условия для настоящего и серьезного равенства. Это-то и привело и до сих пор приводит их в ярость. Впрочем, я охотно признаю, что мы сделали бы лучше, если бы выразились иначе, например, если бы мы сказали: «Радикальное уничтожение экономических причин существования различных классов и экономическое, социальное и политическое уравнение среды, условий существования и развития для всех личностей без различия пола, национальности и расы».

«Посылаю тебе под бандеролью все речи, которые я произнес в Берне, за исключением одной. Г-н Герцен просил у меня позволения напечатать их в своем последнем могикане, т.-е. в последнем номере

---

[1] Напечатано впервые в «Neue Zeit» от 6 октября 1900 года.

своего журнала, который прекратился за отсутствием публики и читателей. У меня не было основания отказать ему. Но прошу тебя верить мне, что между мной и им нет решительно никакой солидарности. С 1863 года в особенности все политические, а теперь даже и частные отношения между нами порваны. Он просил у меня позволения переделать на свой лад ту речь, которую я произнес в Берне о России в ответ на речь моего друга Мрочковокого. Последнюю ты найдешь в «Колоколе». Как и все мои друзья из числа русской социалистической демократии, — программу коих, впрочем, составленную мною самим, я тебе также посылаю, — я в этой речи утверждал, что первым условием подлинной, т.-е. экономической, социальной и политической эмансипации русских и не-русских народов, заточенных в Российской империи, является радикальное разрушение этой империи. Для Герцена это было слишком, и мы разошлись. Посылаю тебе также программу Альянса, который мы основали с Беккером и многими итальянскими, польскими и французскими друзьями. По этому поводу нам с тобой придется много говорить. В ближайшем будущем я пришлю тебе копию большого письма — почти брошюры, — которое я написал по этому вопросу другу Цезарю де-Папу.

«А теперь несколько слов о том, что творится здесь. В Базеле происходит крупная забастовка, результатом коей, вероятно, будет то, что у Интернационала прибавится 5.000 новых членов. Женева ведет себя безукоризненно. У нас было большое народное собрание, которое избрало постоянную комиссию для связи с Базелем. Я вхожу в нее, Беккер также. Я нашел здесь среди рабочих поистине замечательных людей.

«Кланяйся от меня Энгельсу, если он не умер вторично. Ты ведь знаешь, что раз его уже похоронили; передай, пожалуйста, один экземпляр моих речей ему, а также Эккариусу и Юнгу.

«Преданный тебе
«М. Бакунин.

«Пожалуйста, передай от меня привет госпоже Маркс».

Письмо это, насколько мы знаем, осталось без ответа. Теперь Маркса уже нелегко было подкупить словами. К этому моменту он имел в руках программу Альянса, известный пункт которой, по словам Бакунина, был навязан ему политической невоспитанностью буржуазной публики [1], но которую он, несмотря на это, хотел навязать рабо-

[1] На самом деле эта формулировка, как известно, была навязана не Бакунину буржуазными членами Лиги, а навязывалась последней Бакуниным.

чему движению как последнее слово революционной мысли. Возможно, что Маркс уже в то время знал и про письмо Бакунина к Густаву Фохту, которое мы привели во второй главе третьей части II тома и которое мы там достаточно определенно охарактеризовали. И как мог Маркс без дальнейших фактических доказательств верить словам Бакунина о том, что отныне он не знает другого общества, кроме рабочего мира, и другого отечества, кроме Интернационала, когда за четыре года до того Бакунин уже говорил ему то же самое во время свидания в Лондоне, а на деле показал затем нечто совершенно иное? Где была гарантия того, что на этот раз Бакунин поступит иначе? Такой гарантии, на основании всего прошлого, не было. Зато налицо была анархическая программа Альянса, а главное — устав Альянса, который, создавая государство в государстве, должен был заставить Маркса сразу насторожиться. Он тогда еще не знал, что Альянс представляет продолжение старой конспиративной затеи, не знал, что за явным уставом Альянса скрывается секретный, не знал, что тайное Интернациональное братство, составленное из выходцев из буржуазной среды, руководимое Бакуниным и, может быть, парою его интимных друзей, ставит себе задачею направить международное рабочее движение по анархическому пути и руководить мировой социальной революцией в анархическом духе. Но и того, что он в тот момент знал, было вполне достаточно для того, чтобы заставить его в первый раз отнестись с подозрением к подходам и авансам Бакунина.

18 декабря (вернее, в ночь с 17 на 18) 1868 года он писал Ф. Энгельсу:

«Прошу тебя серьезно проштудировать прилагаемый документ, несмотря на его нелепость, написать на полях свои замечания по-французски и вернуть мне его самое позднее к ближайшей субботе. Стоящий за кулисами всей этой истории господин Бакунин снисходит до того, что готов взять рабочее движение под русское (?) руководство. Эта затея существует уже два месяца. Только сегодня вечером старый Беккер известил о ней письменно Генеральный совет. На этот раз Боркгейм прав [1]. Общество (т.-е. Альянс), — как пишет старый Беккер, — должно восполнить недостаточный «идеализм» нашего общества (т.-е. Интернационала). Русский идеализм! Сегодня вечером в нашем Генеральном совете по поводу этого документа проявлена была большая ярость, особенно французами. Я об этой затее знал давно. Я считал ее мертворожденной и из уважения к старому Беккеру хотел

---

[1] Смысл этой фразы мы поймем ниже.

дать ей умереть естественной смертью. Но дело приняло более серьезный оборот, чем я думал. И теперь считаться с старым Беккером уже не приходится. Сегодня вечером Совет решил публично — в Париже, Нью-Йорке, Германии и Швейцарии — отмежеваться от этого назойливого общества. Мне поручено к ближайшему вторнику составить отклонительный декрет. Меня огорчает все это из-за старого Беккера. Но не может же наше общество совершать самоубийство ради старого Беккера».

На это Энгельс отвечал в тот же день:

«Женевский документ весьма наивен. Старый Беккер никогда не мог устоять против шумной суматохи: где двое или трое соберутся вместе, там и он обязательно должен затесаться среди них. Если бы ты во-время его предостерег, то он тем временем наверно убрался бы оттуда. Теперь же он будет поражен скверным эффектом от его благих намерений. Что Интернационал не может пойти на это жульничество, ясно как день. *(Дальше по-французски.)* Оказалось бы два Генеральных совета и даже два конгресса; это — государство в государстве, и с первого же момента вспыхнул бы конфликт между практическим Советом в Лондоне и теоретическим, «идеалистическим» Советом в Женеве. В Интернационале не может быть двух международных (профессиональных) союзов, как и двух Генеральных советов. Вдобавок, что дает вам право признавать никем не уполномоченное так называемое Центральное бюро, члены которого, принадлежащие к одной национальности, конституируются[1] («ся» в § 3 пропущено, и не напрасно!) в национальное бюро своей страны? Эти господа, не имея учредителей, кроме себя самих, хотят, чтобы Интернационал выступил в качестве их поверенного. Если Интернационал откажется это сделать, кто же признает «инициативную группу», иначе говоря «Центральное Бюро», своим представителем? Центральный совет Интернационала прошел по крайней мере через три последовательных избрания, и все знают, что он представляет мириады рабочих. А эти «инициаторы»? *(Дальше снова по-немецки.)* Остальное ты уже отметил в своих примечаниях. Я, как и ты, считаю это дело мертворожденным, чисто женевским местным продуктом. Оно стало бы жизнеспособным только в том случае, если бы против него выступили слишком резко и этим придали бы ему значение. По моему, лучше всего было бы спокойно, но твердо отклонить претензии этих господ пролезть в Интер-

[1] В уставе Альянса, приведенном нами во II томе, сказано: «constituent le Bureau National». Энгельс ехидничает по поводу того, что там не сказано: «se constituent en Bureau National».

национал, а дальше сказать, что они выбрали себе специальное поприще, и придется выждать, что они на нем сумеют сделать, а в конце сказать, что временно ничто не мешает членам одного общества быть членами другого. Так как этим ребятам решительно нечем заниматься, кроме словоизвержений, то они скоро до чортиков надоедят друг другу, а так как можно ожидать, что притока сил со стороны у них не будет,... то вся затея в короткий срок провалится. Но если ты резко выступишь против этой русской (!) интриги, то ты без всякой надобности раздразнишь весьма многочисленных среди рабочих (особенно в Швейцарии) людей с обывательскими воззрениями и повредишь Интернационалу. Имея дело с русскими (а здесь их четверо, не считая женщин), никогда не следует выходить из себя. Ничего более жалкого, чем теоретическая программа [Альянса], я никогда не читал. Сибирь, пузо и молодая полька превратили Бакунина в совершенного быка (в смысле глупца. — *Ю. С.)*».

На следующий день Маркс отвечал Энгельсу:

«Благодарю за твои замечания! Когда ночью я писал тебе, я был возбужден. Но на утро уже наступила реакция, и я решил отнестись к делу по-дипломатически, вполне в духе твоего предложения» [1].

Так же отнесся к делу и Генеральный совет. В тот самый день, когда Бакунин писал Марксу приведенное выше письмо, Генеральный совет принял следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что существование второй международной организации, функционирующей внутри и вне Международного товарищества рабочих, было бы вернейшим средством его дезорганизации;

«что всякая любая группа людей, проживающих в какой-нибудь местности, была бы вправе подражать женевской инициативной группе и под более или менее удобосказуемыми (ostensibles) предлогами прививать к МТР другие интернациональные общества с иными специальными задачами;

«что таким образом МТР скоро сделалось бы игрушкою в руках интриганов всех наций и партий;

«что, вдобавок, устав МТР допускает в его ряды лишь местные ветви и национальные ветви (см. ст. I и ст. VI устава);

---

[1] Насколько велика была подозрительность, возбужденная в обоих друзьях неожиданным выступлением Бакунина с его Альянсом, видно из того, что в письме от 13 января 1869 года Энгельс усматривает в бернских речах Бакунина, помещенных в «Колоколе», доказательство полной его солидарности с Герценом!

«что секциям МТР запрещено принимать уставы и административные регламенты, противоречащие общему уставу и административным регламентам МТР (см. ст. XII административного регламента);

«что устав и административный регламент МТР могут быть изменены лишь общим конгрессом, на котором две трети присутствующих делегатов выскажутся за такое изменение (см. ст. XIII административного регламента);

«что этот вопрос был предрешен резолюциями против Лиги мира, единогласно принятыми общим конгрессом в Брюсселе;

«что в этих резолюциях конгресс заявляет, что Лига мира не имеет права на существование, так как, согласно ее последним заявлениям, ее цель и принципы тождественны с целью и принципами МТР;

«что несколько членов инициативной группы Альянса в качестве делегатов Брюссельского конгресса голосовали за эти резолюции; —

«Генеральный Совет МТР в заседании 22 декабря 1868 года единогласно постановил:

«1) Все статьи устава Интернационального альянса социалистической демократии, трактующие о взаимоотношениях его с МТР, об'являются несуществующими и недействительными;

«2) Интернациональный альянс социалистической демократии не допускается в качестве ветви МТР» [1].

Через несколько дней Маркс получил приведенное выше письмо Бакунина, которое еще больше встревожило его, показав, что Альянс собирается хозяйничать на чужом поле и собирать там, где не сеял. 28 декабря он поспешил написать об этом Юнгу [2]: «Только что вы ушли, как я получил письмо от Бакунина, в котором он уверяет меня в своей специфической дружбе. Из его письма я усматриваю, что он снова написал большое письмо де-Папу для того, чтобы завербовать его в «Интернациональный альянс». Поэтому, во избежание недоразумений и дабы потом нельзя было жаловаться на неполучение своевременного

---

[1] По поводу этой резолюции Маркс в «Конфиденциальном сообщении» замечает: «Последовало мотивированное и разработанное решение, чисто юридическое и об'ективное по содержанию, но полное иронии в своих мотивировочных соображениях, которое кончалось так (следуют последние два абзаца резолюции). В мотивировочной части ясно и убедительно доказывалось, что Альянс представляет орудие, предназначенное для дезорганизации Интернационала».

[2] Герман Юнг — тогдашний приятель Маркса и член Генерального совета, секретарь для Швейцарии.

уведомления, необходимо, чтобы вы как можно скорее переслали де-Папу копию нашей резолюции об Альянсе. Следует, разумеется, вместе с тем сказать ему, что ввиду нынешнего положения в Швейцарии и во избежание всякой видимости раскола мы не желаем опубликования этой резолюции и ограничиваемся конфиденциальным сообщением ее центральным советам разных стран» [1].

А Энгельсу Маркс писал 13 января 1869 года: «За это время мы получили из Брюсселя, Руана, Лиона и пр. письма, которые безусловно высказываются за решение Генерального совета. Ни одного голоса не раздалось в пользу женевской инициативной группы. Что эта группа действовала не совсем честно, ясно уже из того, что она сообщила нам о своем основании и работе только после того, как она предварительно пыталась привлечь на свою сторону брюссельцев и т. д. Я считаю вопрос исчерпанным, хотя мы еще не получили из Женевы ответа на свой «приговор». Во всяком случае покушение не удалось.

«По поводу Бакунина. Для понимания его письма, при сем прилагаемого, ты должен знать следующее: прежде всего это письмо разошлось в пути с нашим «посланием» относительно Альянса. Поэтому Бакунин еще льстит себя приятной надеждой, что ему дозволено будет орудовать без помехи. Далее: русский Серно [2] в своей прежней переписке с Боркгеймом решительно высказывается против Бакунина. В моем ответе Серно я просил у этого юноши сведений о Бакунине. Но так как я не доверяю ни одному русскому [3], то я сделал это в такой форме: «Что поделывает мой старый друг (не знаю, остается ли он таковым и сейчас) Бакунин и т. д., и т. п.?».

---

[1] Приводя это письмо, Гильом меланхолически замечает: «С этим письмом система «конфиденциальных сообщений» начала практиковаться в Интернационале». Подумаешь, какая чувствительность со стороны человека, который был близким другом и сотрудником Бакунина и потому прекрасно знал (особенно, когда писал эти строки), что вся работа Бакунина в Интернационале построена была на тайне, конспирации и конфиденциальных сообщениях!

[2] А. Серно-Соловьевич, о котором мы говорили во 2-м томе.

[3] Для правильного понимания недоверчивого отношения Маркса и Энгельса к тогдашним русским см. книгу Д. Рязанова: «Маркс и русские люди 40-х годов». Действия Бакунина могли только укрепить это отношение, хотя мы должны сознаться, что выходки обоих друзей по адресу русских (правда, в частной переписке) производят такое же неприятное впечатление, как и огульные нападки Бакунина на немцев (правда, не только в частной переписке).

Русский Серно не придумал ничего лучшего, как немедленно сообщить содержание этого письма Бакунину, а тот использовал его для сантиментального введения!» [1]

2. Роспуск открытого Альянса.

Ответ Генерального совета, отосланный по адресу 28 декабря, по неизвестным причинам получен был Альянсом только в конце января

---

[1] Неясно, с какой целью и по какому поводу Марксу вздумалось собирать справки о Бакунине. Но почти несомненно, что этот интерес к Бакунину вызван был первыми сведениями об основании Альянса, о его программе и уставе, о его желании войти в Интернационал и пр. Подозрения Маркса и Энгельса могли только усилиться с получением ходатайства Альянса перед Генеральным советом. Теперь подозрительность друзей уже не знает пределов. Как видно из относящейся к этому времени их переписки, они с помощью Боркгейма начинают собирать сведения о «панславистских» тенденциях Бакунина. Весь Альянс они готовы рассматривать как «русскую интригу». Правда, тенденциозные комментарии Боркгейма (повидимому, к речам Бакунина на с'ездах Лиги мира) Энгельса не убедили (см. письмо от 17 февраля), но он все же находит в выступлениях Бакунина ярко выраженный панславизм и «угрозы по адресу поляков» (такое, видимо, впечатление произвела на него критика Бакуниным «белых» и вообще польских узких националистов). Требования Бакуниным права на самоопределение для всех народов, в том числе для Прибалтики и Силезии, превращаются у Маркса в «притязания Бакунина на «славянских» (?) братьев в Курляндии и Лифляндии» и в «притязания его на Силезию» (письмо от 24 февраля 1869 года). А в письме от 28 февраля Энгельс сообщает, что он посоветовал Боркгейму поднять вопрос, допустимо ли вообще для западных европейцев иметь что-либо общее с «панславистским сбродом» до тех пор, пока «эти господа проповедуют свое славянское господство» (господство над кем, интересно было бы знать!). Чем дальше, тем тон друзей по отношению к Бакунину становится все более резким. Даже в ссоре И.-Ф. Беккера с В. Либкнехтом, возмущавшимся претензиями первого на диктатуру над германским движением, друзья готовы усмотреть руку Бакунина. «Беккер сам по себе не опасен, — пишет Маркс 27 июля 1869 года, — но его секретарь Реми, как нам сообщают из Швейцарии, рекомендован ему господином Бакуниным и является орудием последнего (действительно, Реми был членом Альянса. — *Ю. С.*). Этот русский явно стремится сделаться диктатором в европейском рабочем движении. Пусть поостережется! Иначе он будет официально исключен». На это Энгельс отвечает 30 июля: «Что здесь не обошлось без жирного Бакунина, это совершенно ясно. Если этот проклятый русский действительно думает пролезть во главу рабочего движения, то настало время раз навсегда проучить его и поставить вопрос, может ли панславист вообще быть членом Международного товарищества рабочих. Справиться с ним нетрудно. Пусть он себе не воображает, что перед рабочими он может разыгрывать роль

1869 года [1]. Особенно «негодовать» по поводу этого решения не приходилось, ибо приводимые в нем аргументы были настолько неопровержимы, что даже ярые сторонники Бакунина, вроде Гильома и Неттлау, принуждены признать их правоту. Мысль о создании параллельной Интернационалу международной организации, празднующей и на Антона, и на Онуфрия, не встречала сочувствия даже среди людей, дружественно к Бакунину расположенных, — более того, даже разделявших многие его взгляды (как, например, Гильом). Вообще, за редкими исключениями, такая мысль могла пустить корни только среди людей, совершенно чуждых Интернационалу и рабочему движению и до тех пор в нем не участвовавших. Старые же интернационалисты сразу отнеслись к ней отрицательно.

Так, от имени Центрального комитета бельгийских секций де-Пап обратился 16 января 1869 года к членам инициативной группы Альянса с письмом, в котором мягко, но решительно осуждал их затею [2]. Это письмо тем более знаменательно, что бельгийцы, переживавшие тогда, подобно Бакунину, полосу перехода от путаного прудонизма (мютюэлизма, «колэнизма» — в его бельгийской разновидности) к столь же путаному анархизму, выражали свое согласие с бакунинской программой, — той самой, о которой Маркс как-то выразился: «до чего же поглупел старый Беккер, если он действительно верит, что Бакунин

космополитического коммуниста, а перед русскими — роль пылкого панслависта». И даже на русских сторонников Генерального совета Энгельс готов распространить свое подозрительное отношение: «Русь остается Русью, — говорит он в письме от 31 июля 1870 г. — Когда шесть русских ссорятся между собою, то поднимается такая свара, как будто от исхода ее зависит судьба мира. Обвинения против Бакунина здесь (в присланных из Женевы документах. — *Ю. С.*) еще не выставлены, одни жалобы на склоку в Швейцарии. Во всяком случае наши сторонники, — повидимому, порядочные ребята, насколько это доступно русскому, но я бы все-таки был с ними осторожен. Впрочем, не мешает знать все эти сплетни, — ведь это относится к дипломатии пролетариата» (Briefwechsel, том IV, passim).

Печально читать такие строки у наших учителей. Мы, конечно, знаем, что политическая борьба не обходится без резкостей и подчас без несправедливостей, но это нам нужно будет также помнить при чтении многих аналогичных выпадов в бакунинских писаниях.

[1] Но что он был отослан своевременно, видно из того, что Маркс в письме к Энгельсу от 13 января выражает удивление по поводу неполучения ответа из Женевы. С другой стороны, Перрон во втором обращении Альянса к Генеральному совету тоже указывает, что ответ был отослан 28 декабря.

[2] Письмо это опубликовано у Неттлау (стр. 322—324) и у Гильома (том I, стр. 111—113).

выдумал «программу»!» (письмо от 14 марта 1869 г.). Итак, вот что писали бельгийцы:

«Мы были столь же удивлены, как и огорчены, когда узнали об образовании вашей группы. Не то, чтобы мы не одобряли вашей программы, ибо, спешим прибавить, большинство высказанных там мыслей разделяются нами и даже рабочим Интернационалом... Но чего мы не можем одобрить, о чем мы сожалеем, так это то, что для осуществления этой программы вы сочли нужным основать особую организацию, вместо того, чтобы раствориться в великой народной массе, составляющей Международное товарищество рабочих.

«Одно из двух, граждане. Или вы полагаете, что Международное товарищество представляет учреждение, несущее в своих недрах возрождение общества, а потому должно обсуждать на своих с'ездах различные вопросы, перечисленные в вашей программе, и искать их разрешения и применения, — но тогда зачем же вы основываете в стороне от него и в то же время в его рядах свой Альянс социалистической демократии? Или же вы полагаете, что наше Международное товарищество неспособно выполнить великую роль, к которой оно стремится, или что оно не сдержит своих обещаний, — и в таком случае вы должны были бы открыто организоваться против него, для борьбы с ним. Этому мы не можем поверить... По правде сказать, мы думаем, что вы хотели сделать шаг вперед, выставив программу, быть может, более передовую, более радикальную, чем программа некоторых секций [1], но что в действительности вы затеяли дело, которое, вопреки всем вашим благим намерениям, причинит вред делу пролетариата, так как возбудит трения и рано или поздно приведет к расколу в нашем Международном товариществе рабочих (курсив мой. — *Ю. С.*). Не этого вы, очевидно, хотите, ибо мы видели, что везде и всегда люди, подписавшиеся под вашим манифестом, выражали сочувствие этому Товариществу.

«Не думаете ли вы, граждане, что если вы составите внутри великого Товарищества интернациональную ветвь с той или иной специальной целью и особой программой, то завтра другие, а послезавтра третьи сделают то же самое? И каждая из этих ветвей, подобно вашей, будет иметь свои отдельные с'езды в особом помещении, вместо того, чтобы добиваться обсуждения господствующей в ней специальной идеи на заседаниях местных секций и особенно на ежегодных конгрессах, где

---

[1] Это — тонкий намек. Бакунин воображал, что программа Альянса более радикальна, чем программа не «некоторых секций», а Интернационала.

собираются делегаты всех стран... Вместо того, чтобы об'единить всех рабочих и всех социалистов вокруг великой идеи полного освобождения пролетариата, уничтожения всяких классов [1],.. мы кончили бы тем, что, делясь и подразделяясь, оказались бы совершенно р а с п ы л е н н ы м и (chacun tout seul), ибо кто из нас по некоторым детальным пунктам будущего общественного устройства не имеет своей собственной идейки?

«Или же вы, граждане, быть может, думаете, что ваш пример останется изолированным? В таком случае вы, социалисты-атеисты и революционеры, стали бы моральными руководителями остальной массы рабочих, об'единенных в Международном товариществе. Но неужели вы не понимаете, что рабочие основали Интернационал именно потому, что они не желают никакой опеки, будь то социалистической демократии или иной; что они хотят действовать самостоятельно и без советчиков, и что если они допускают в свое Товарищество социалистов, не принадлежащих по рождению и по своему привилегированному положению в современном обществе к обездоленному классу, то лишь на том условии, чтобы эти друзья народа не выделялись в особую категорию своего рода идейных опекунов или умственной аристократии, словом — в о ж д е й, а растворились в рядах широкой пролетарской массы?»

И, указав на преследования, которым всюду подвергается Интернационал, авторы письма убеждают альянсистов отказаться от своего гибельного дезорганизаторского плана и советуют тем из них, кто не состоит членом Интернационала, войти в местные секции МТР, а не пытаться проникнуть туда через ворота новой организации, способной вызвать только раздоры и раскол.

Даже Гильом, которого Бакунин при первом знакомстве очаровал и который впоследствии сделался одним из самых ревностных его приверженцев, отнесся отрицательно к мысли об устройстве отдельной о т к р ы т о й организации Альянса. В начале января 1869 года Бакунин, на квартире которого в Женеве Гильом, приехавший на с'езд романской делегации, тогда поселился, пытался привлечь своего нового знакомца в состав открытого Альянса. «Он, — рассказывает Гильом (том I, стр. 108), — дал мне прочитать программу, федералистический и антиавторитарный характер которой совпадал с моими собственными мыслями. Правда, я находил, что начальная фраза «Альянс об'являет себя атеистическим» имеет несколько театральный оттенок; мне ка-

---

[1] Второй намек на неудачную формулировку соответствующего пункта в программе Альянса, где говорилось об «уравнении классов».

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

залось, что было бы предпочтительнее взять за исходный пункт философское утверждение, чем отрицание. Но зачем придираться к словам? Разве не у всякого свой темперамент, и не следует ли брать своих друзей такими, какие они есть, с их достоинствами и с их недостатками? Я без задних мыслей мог заявить Бакунину, что чувствую себя согласным с ним во всех существенных пунктах. Но я возражал не против программы, а против самого существования Альянса как особой организации (курсив мой. — *Ю. С.*). Бакунин не особенно настаивал на интернациональной организации Альянса с Центральным бюро [1]; но он придавал важное значение образованию местных групп Альянса, приемлющих его специальную теоретическую программу. Он об'яснил мне пользу, которую он усматривал в этих группах, и оправдывал их существование теми услугами, которые, по его словам, в последнее время оказала женевская группа, добившаяся, по его мнению, весьма удовлетворительных результатов в области революционной пропаганды. Я отвечал, что в Женеве такая группа была, возможно, полезной, но оспаривал, чтобы то же самое должно было иметь место в Локле и Лашодефоне. Когда впоследствии я получил формальное приглашение основать в Локле группу Альянса, я дал тот же ответ».

И действительно, когда в феврале того же года Бакунин приехал в Локль, то Гильом и его приятель, старый демократ Констан Мерон, пришли, как мы увидим ниже, в восторг от мысли о тайном Альянсе, но отнеслись отрицательно к открытому Альянсу, который в качестве особой международной организации противостоял бы Интернационалу. Вот что сообщает по этому поводу Гильом (т. I, стр. 132): «В беседах, имевших место в Интернациональном кружке, Бакунин рассказывал своим слушателям об Альянсе, основанном в результате Бернского конгресса; он привез с собою программу и устав Альянса... Он прочитал нам эту программу, всем понравившуюся, и задал вопрос, не найдется ли среди членов Интернационала в Локле таких, которые пожелали бы составить местную группу Альянса, вроде той, какая существовала в Женеве [2]. Несмотря на симпатию, внушаемую Бакуниным,

---

[1] Как мы уже указывали во II томе, он делал это потому, что располагал тайным Альянсом и Братством; открытый же Альянс, как он предвидел, мог скорее повредить его плану, чем помочь, как это и произошло в действительности.

[2] Заметим кстати, что это происходило уже после получения резолюции Генерального совета, об'являвшей невозможным признание Альянса как особой международной организации!

присутствующие дружески, но твердо воспротивились выраженному им пожеланию. Ему заявили, что по нашему мнению будет неудобно образовать на-ряду с секцией Интернационала группу, обнимающую наиболее передовые элементы, и что именно потому, что программа Альянса подходит к нашим вкусам, мы хотим пропагандировать ее принципы внутри секции и стараться привлечь на ее сторону всех... И если локльские социалисты отказались образовать группу Альянса, можно сказать, что почти все об'явили себя сторонниками его программы» [1].

Когда Гильом и ряд его локльских товарищей все-таки были внесены в список женевской группы Альянса, Гильом при встрече с Жуковским на контрессе в Лашодефоне (в апреле 1870 года) протестовал против этого и просил вычеркнуть себя из списка, напоминая, что в свое время он и его товарищи отказались основать в Локле отдельную секцию Альянса (впрочем, некоторые из них, в том числе А. Швицгебель, записались в сентябре 1869 года в женевскую секцию Альянса). А 11 августа 1871 г. при обсуждении вопроса о роспуске этой секции (см. ниже) Гильом писал Н. Жуковскому: «Я попрежнему не считаю себя членом вашей секции Альянса и уверен, что локльские товарищи скажут то же самое». Это, впрочем, вовсе не свидетельствует об особенной лойяльности Гильома по отношению к Интернационалу. Он просто считал нецелесообразным организацию параллельного Интернационалу о т к р ы т о г о Альянса, но ничего не имел против тайного (точка зрения, которая в конце концов и возобладала среди альянсистов) и, как узнаем дальше (см. § 3 этой главы), организовал зимой 1869 года тайную группу внутри Интернационала в Локле, что, впрочем, не мешало ему до конца дней своих отрицать существование тайного Альянса.

Неудивительно, что при таких условиях Альянс счел сопротивление невозможным. Центральное бюро Альянса, убедившись, что в деле отстаивания права на открытое самостоятельное существование оно не встретит широкой поддержки даже среди теоретически сочувствовавших ему элементов, принуждено было в этом вопросе формально капитулировать. Единогласно постановлено было поручить Шарлю Перрону (Беккер явно не оправдал надежд) написать Эккариусу или Юнгу [2]

[1] Той же тактики локльцы держались и впоследствии. Так, когда они решили превратить свою локльскую газетку «Прогресс» в двухнедельную, Бакунин предложил им об'явить ее органом Альянса и даже провел в таком духе резолюцию в женевской группе. Но локльцы благоразумно воздержались от такого шага, что, впрочем, позже не помешало реформированному «Прогрессу» фактически стать именно органом Альянса (но тайного).

[2] Оба были членами Генерального совета, а Юнг еще и секретарем по швейцарским делам.

письмо, в котором, откровенно изложив создавшееся положение и истинные (!) цели Альянса и рассказав все то, что члены Альянса уже сделали для рабочего движения в Италии, Франции, Испании, равно как в Женеве, просить адресатов внести от имени Центрального бюро Альянса в лондонский Генеральный совет следующее предложение: если Альянс в качестве международной организации будет распущен, а его Центральное бюро прекратит свое существование, то согласится ли в таком случае Генеральный совет признать секции, основанные членами Альянса в Швейцарии, Испании, Италии и во Франции с программою Альянса [1], обычными секциями Интернационала, связанными отныне лишь программою, но отказывающимися впредь от иных форм международной солидарности и организации, кроме тех, какие они найдут в великом Товариществе рабочих? В случае утвердительного ответа Центральное бюро брало на себя обязательство убедить секции Альянса, уже существовавшие к тому времени в разных странах, отказаться от всего, что в их устройстве противоречит уставу Интернационала.

26 февраля 1869 года Перрон в качестве генерального секретаря Центрального бюро Альянса обратился к Генеральному совету с следующим письмом [2]:

«Мы своевременно получили письмо, которое вы нам отправили 28 декабря 1869 года.

«Мы не станем разбирать толкование, которое вам угодно было дать нашему уставу и которое — мы охотно допускаем, против вашей воли — ошибочно во многих (?) пунктах. Перейдем прямо к делу.

«Если мы не отвечали вам до сих пор, то потому, что должны были запросить наши национальные комитеты [3]. А теперь вот наш ответ:

«Мы предложим всем нашим секциям распустить нашу организацию только после того, как вы нам сообщите:

«1) Противоречат ли, да или нет, принципы, выраженные в прилагаемой программе, принципам, которые может допустить Международное товарищество рабочих?

«2) Могут ли, да или нет, различные группы, пропагандирующие эти принципы, присоединиться к Международному товариществу ра-

---

[1] Ниже мы узнаем, о каких секциях здесь идет речь.

[2] Приводим его по черновику, найденному М. Неттлау и опубликованному им в его биографии Бакунина. Соответствует ли этот черновик точно тексту обращения в Генеральный совет, мы не знаем.

[3] Весьма сомнительно, чтобы таковые в то время существовали где-либо, кроме разве Италии.

бочих на том условии, разумеется, что каждая из этих групп в отдельности заявит о признании ею регламента и статутов названного Товарищества?

«3) Будут ли, следовательно, да или нет, образованные Альянсом группы признаны в качестве секций Интернационала в том случае, если, по опросе наших национальных комитетов и всех секций Интернационального альянса социалистической демократии, мы выскажемся за его распущение?

«Если на первый вопрос вы ответите: нет, а на второй и третий: да, то мы заявляем:

«Что во избежание дробления рабочих сил мы употребим все наши усилия к тому, чтобы добиться согласия заинтересованных на роспуск нашего Альянса, который, однако, уже дал прекрасные результаты в Швейцарии, а особенно во Франции (?), Испании и Италии, где Международное товарищество рабочих до сих пор не могло твердо упрочиться, и где радикальная программа, вроде нашей, представляется нам более способной привлечь широкие рабочие массы. И прибавим, что, как мы надеемся, шаги, которые мы готовы предпринять в этом направлении, приведут к желательному результату.

«Но вместе с тем мы должны вам заявить, что если против нашего ожидания вы ответите утвердительно на наш первый вопрос и отрицательно на оба остальные, мы слагаем с себя ответственность за раскол, который ваша резолюция от 22 декабря прошлого года стремится неминуемо вызвать, и сохраним существование нашего Интернационального альянса социалистической демократии. Будучи не в состоянии пожертвовать своею программою, т.-е. своими убеждениями, мы с чувством удовлетворения будем сознавать, что мы исполнили свой долг, предложив пожертвовать своею организациею с целью снова скрепить единение рабочих без различия разделяемых ими воззрений.

«Итак, вам, граждане, мы предоставляем решить вопрос о нашем существовании путем заявления, может ли по вашему мнению Международное товарищество рабочих допустить в свои ряды группы, которые исповедуют и проповедуют идеи, содержащиеся в нашей программе. Ввиду важности этого дела мы надеемся, граждане, что вы не замедлите ответить нам, и что этот ответ будет проникнут тем же духом рассудительности, каким продиктовано это письмо».

Так как проект резолюции по этому вопросу снова пришлось составлять Марксу, то он по обыкновению решил посоветоваться с Энгельсом, проживавшим тогда, как известно, в Манчестере. Пересылая ему 5 марта 1869 года «документик» (новое обращение Альянса

к Генеральному совету), Маркс излагает намечаемое содержание ответа, почти буквально соответствующее действительно затем принятому, и говорит: «Господам из Альянса понадобилось много времени для изготовления сего произведения. Нам было бы в действительности приятнее, если бы они оставили себе свои «многочисленные батальоны» во Франции, Испании и Италии. Бакунин рассуждает так: если мы одобрим его «радикальную программу», то он об этом прокричит на весь мир и хоть немного да нас скомпрометирует. Если же мы выскажемся против нее, то будем громогласно об'явлены контр-революционерами. Кроме того, если мы их допустим, то он позаботится о том, чтобы явиться на Базельский конгресс в сопровождении еще каких-нибудь проходимцев». Дальше идет предполагаемое содержание ответа, по поводу последнего пункта которого (указание точного числа членов отдельных секций) Маркс ехидно поясняет: «этот последний пункт — подсчет их легионов — особенно уязвит их».

На это Энгельс отвечал 7 марта: «Ответ русскому и его свите совершенно таков, каким и должен быть. В своем обращении к вам они не смеют даже и предлагать вам признать их программу вашею; они хотят лишь косвенно заманить вас, заставив пуститься в теоретическую критику. Глупая русская ловушка, в которую здесь никто не попадется. В остальном отступление этих господ полное, и большего здесь желать не приходится. Мысль заставить их учинить перед вами смотр своим боевым силам весьма забавна и подействует на их фразистые головы как ведро холодной воды».

9 марта 1869 года Генеральный совет принял по поводу второго обращения Альянса следующую резолюцию [1]:

«Согласно статье I нашего устава Международное товарищество рабочих допускает «все общества рабочих, стремящиеся к той же самой цели, а именно к охране, прогрессу и полному освобождению рабочего класса».

«Так как различные разряды рабочего класса в каждой стране и рабочие классы в отдельных странах находятся в весьма различных условиях и достигли в настоящее время неодинаковых ступеней развития, то отсюда с необходимостью вытекает, что и их теоретические воззрения, отражающие реальное движение, также неодинаковы.

«Однако общность действия, установленная Международным товариществом рабочих, обмен взглядов, облегчаемый публичными органами

---

[1] Написанная рукою Маркса, она дана в виде факсимиле в приложении к книге Иекка «Интернационал», изд. «Знание», Пет., 1906 г., стр. 359—360.

различных национальных секций, и непосредственная дискуссия на общих с'ездах не преминут постепенно привести к выработке общей теоретической программы.

«Таким образом Генеральный совет вышел бы за пределы своих функций, если бы вздумал войти в критический разбор программы Альянса. Нам не приходится решать, является ли она адэкватным выражением пролетарского движения. Для нас важно только знать, не содержится ли в ней чего-либо противного общей тенденции нашего Товарищества, т.-е. полному освобождению рабочего класса.

«В вашей программе имеется одна фраза, которая с этой точки зрения представляется неудовлетворительной. Она находится в статье 2: «Он (Альянс) стремится прежде всего к политическому, экономическому и социальному уравнению классов».

«Уравнение классов в буквальном толковании сводится к гармонии капитала и труда, столь назойливо проповедуемой буржуазными социалистами. Не уравнение классов, — логическая бессмыслица, неосуществимая в действительности, — а уничтожение классов, составляющее настоящий секрет пролетарского движения, — вот великая цель Международного товарищества рабочих.

«Однако, рассматривая эту фразу об уравнении классов в общем контексте, можно признать ее простой опиской, и Генеральный совет не сомневается в том, что вы вычеркнете из своей программы фразу, подающую повод к столь опасным недоразумениям.

«За исключением случаев нарушения общей тенденции МТР, его принципы позволяют предоставлять каждой секции свободно формулировать свою теоретическую программу.

«Следовательно, нет препятствий к превращению секций Альянса в секции МТР.

«Если распущение Альянса и вступление его секций в МТР будут окончательно решены, то согласно нашему уставу необходимо будет уведомить Генеральный совет о местонахождении и числе членов каждой новой секции».

Повидимому, о письме Ш. Перрона к Эккариусу Маркс узнал уже после письма к Энгельсу от 5 марта. Так, 14 марта он писал своему другу: «Ответное послание женевцам отослано. Я придал французскому тексту еще более холодный и отчасти иронический тон. К счастью, англичане [1], естественно знавшие только мой английский перевод, этого не заметили. Эти господа (альянсисты. — *Ю. С.*), кроме сообщенного

---

[1] Т.-е. английские члены Генерального совета.

тебе официального обращения, послали еще Эккариусу на четырех страницах частное письмо, по которому выходит, что только благодаря усилиям Беккера[1], Бакунина и автора письма Перре [2] удалось предотвратить немедленный разрыв. Их «революционная» программа в несколько недель оказала, дескать, в Италии, Испании и т. д. более сильное действие, чем программа Международного товарищества рабочих в течение ряда лет. Если мы отвергнем их «эвентуальную программу», то мы вызовем раскол между странами «революционного» рабочего движения, — по их перечислению это: Франция (где у них есть целых два корреспондента), Швейцария (!), Италия (где рабочие, кроме тех, которые примыкают к нам, представляют просто мацциниетский хвост) и Испания (где имеется больше попов, чем рабочих), — и странами постепенного развития рабочего класса (т.-е. Англией, Германией, Соединенными Штатами и Бельгией). Другими словами, раскол между вулканическим и плутоническим рабочим движением, с одной стороны, и водянистым — с другой. То, что швейцарцы представляют революционный тип, действительно забавно. Как же должен был поглупеть старый Беккер, если он всерьез верит, что Бакунин изобрел какую-то «программу»!».

Получив ответ Генерального совета на свое второе обращение, Альянс принужден был наружно смириться. Центральное бюро Альянса, сообщив этот ответ своим секциям, предложило им превратиться в обычные секции Интернационала, сохраняя свою собственную программу, и добиваться у Генерального совета своего приема в МТР. Женевская группа Альянса, ознакомившись с решением Генерального совета, во второй половине апреля 1869 года заменила в соответствующем пункте программы слова: «политическое, экономическое и социальное уравнение классов и личностей» словами: «окончательное уничтожение классов и политическое, экономическое и социальное уравнение личностей», а также выработала новый устав, первый пункт которого гласил: «Женевская группа Альянса социалистической демократии, желая принадлежать исключительно к великому МТР, консти-

---

[1] Если Маркс точно передает содержание письма (которое Эккариус ему, наверное, показал), то это указание решительно противоречит сообщению Бакунина, а за ним Неттлау, Гильома и пр., о том, будто Беккер, в противность Бакунину, отказывался подчиниться Генеральному совету и настаивал на разрыве с ним. Впрочем, мы уже и прежде указывали, что это сообщение Бакунина маловероятно.

[2] Здесь у Маркса или у редакторов «Переписки», видимо, описка, ибо письмо писал не Перре, а Перрон.

туируется в секцию Интернационала под именем «Альянса социалистической демократии» (!), но без иной организации, бюро, комитетов и конгрессов, кроме тех, которые имеет МТР». На своем общем собрании 1 мая 1869 года секция Альянса избрала комитет, в состав которого вошли между прочим Бакунин (в качестве председателя), Беккер, Фриц Хенг и Ш. Перрон. Центральное бюро в июне тоже заявило о своем роспуске [1].

И название секции, и подбор членов ее комитета были весьма знаменательны.

---

[1] В своей рукописи «Доклад об Альянсе», полной экивоков и умолчаний, Бакунин говорит: «В продолжение этого времени (до получения второго ответа из Лондона, т.-е. до второй половины марта, на самом же деле до июня, т.-е. до формального роспуска ЦБ. — *Ю. С.)* Центральное бюро, продолжая временно свою роль представителя международной связи Альянса, собиралось регулярно раз в неделю у Бакунина. Так как оно было избрано временно на один год членами-основателями международного Альянса, а не женевской группой, то оно не должно было давать никакого отчета этой последней, и оно сообщало ей из своей переписки с группами Альянса других стран только то, что могло быть предано гласности, не компрометируя никого. Эта осторожность была необходима особенно по отношению к Италии и Франции, где далеко не пользовались свободой и личной безопасностью, к которым привыкли в Женеве. Вероятно, этот полусекрет и заставил гг. Дюваля и Гетà вообразить, что они были членами тайного общества». Эти наивные строки написаны по поводу слов Гетà, Анри Перре и Дюваля, выступивших на с'езде романской федерации в Лашодефоне в апреле 1870 года с разоблачениями о тайной организации Альянса. Ниже мы увидим, сколько неискренности и намеренной путаницы содержится в этой деланой наивности Бакунина, а за ним и Гильома.

Глава вторая.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТАЙНОГО АЛЬЯНСА.

1. Существовал ли тайный Альянс?

«Так как Центральное бюро Альянса перестало существовать (в июне 1869 г. — *Ю. С.*), — говорит Бакунин [1], — то наши официальные регулярные сношения с секциями, учрежденными Альянсом в различных странах, были прерваны... Неаполитанская секция Альянса, просуществовав несколько месяцев, была распущена, и большинство ее членов вступило индивидуально в Интернационал. Мадридская секция превратилась в секцию Интернационала, сохранив программу Альянса. То же самое было с секциями Альянса в Париже и Лионе [2]. Так умер добровольною смертью Международный альянс социалистической демократии. Желая прежде всего торжества великого дела пролетариата и считая Международное товарищество рабочих единственным средством к достижению этой цели, он пожертвовал собой не из чувства уступчивости, а из чувства братства, и потому что он был убежден в совершенной правильности решений, которые огласил против него лондонский Генеральный совет в декабре 1869 года. Альянс, о котором я буду говорить теперь, — совершенно другой Альянс: это уже не международная организация, это — отдельная местная женевская секция Альянса социалистической демократии, признанная в июле 1869 г. Генеральным советом как регулярная секция Интернационала».

Так писал Бакунин летом 1871 года, в разгар борьбы в Интернационале. Так до сих пор повторяют за ним анархистские и буржуазные

---

[1] «Доклад об Альянсе» в «Избранных сочинениях», изд. «Голос Труда», М., 1921, том V, стр. 98 и след.

[2] Эти четыре секции представляли все силы, которыми мог тогда похвастать открытый Альянс (при чем существование парижской весьма сомнительно).

писатели, плохо знакомые с историей Интернационала и Альянса. Но здесь мы имеем дело просто-напросто с игрой слов, с попыткой затушевать факты, напустить густого тумана. Да, открытый Альянс, который должен был явно играть роль международной организации, с одной стороны, входящей в Интернационал, а с другой — параллельной ему, с собственным Центральным комитетом, национальными и местными комитетами, с особым уставом, собственной кассой и отдельными конгрессами, — этот открытый Альянс ввиду встреченного со всех сторон сопротивления принужден был закрыться на первых же шагах своей деятельности. Основателям его тем более пришлось с этим примириться, что, как они могли скоро убедиться на опыте, никакой почвы для создания второй, параллельной интернациональной организации тогда не было, что мысль о ней натолкнулась на сопротивление даже со стороны таких элементов, которые готовы были сочувствовать теоретической программе Бакунина. Что это так, видно из ничтожного числа тех секций, которые членам Альянса удалось основать в разных странах и которые упоминает Бакунин в приведенных выше строках. При этом следует заметить, что из четырех перечисленных им секций мадридская основана была с программой Альянса, но считала себя секцией Интернационала, а о существовании особой парижской секции Альянса вообще ничего неизвестно; да и лионская секция сводилась тогда к Альберту Ришару и небольшому числу его друзей.

Итак, открытый Альянс принужден был прекратить свое существование после неудачной попытки сопротивления. Но это вовсе не значит, что Альянс вообще перестал существовать. Не забудем, что учреждение открытого Альянса первоначально вовсе и не входило в планы Бакунина, что оно, по его словам, было навязано ему французскими и итальянскими его сторонниками. Бакунин возлагал все свои надежды не на открытый, а на тайный Альянс, руководимый Интернациональным братством. Этот тайный Альянс, который можно рассматривать как непосредственное продолжение его старого тайного Союза, основанного еще в Италии, или как новую, если угодно, расширенную и реформированную организацию, созданную после разрыва с Лигой мира (сам Бакунин не очень-то в этом разбирался), все время стоял за открытым Альянсом и прекрасно мог обойтись без этой, в сущности стеснявшей его и привлекавшей к нему внимание, декорации. Так оно и случилось. Открытый Альянс оказался неудобным и нежизнеспособным, и от него отказались без особенной борьбы. Но тайный Альянс остался, и с этого момента с не-

бывалой энергией взялся за работу, которая в конце концов должна была привести к расколу в Интернационале.

Но существовал ли действительно тайный Альянс после 1869 г.? Не есть ли это действительно выдумка злокозненных марксистов, которые, чувствуя свою «слабость» для борьбы с бакунистами в чисто «идейной» области, сочинили легенду об этом тайном обществе, созданном Бакуниным — как вне, так и внутри Интернационала — для овладения мировым движением пролетариата в анархических целях? Большинство анархистов до сих пор наивно думает именно так. И нужно сказать, что благодаря секретности и бессистемности действий Бакунина ему удалось настолько запутать дело, что даже многие его сторонники, фактически работавшие в тайном Альянсе или в одном из его ответвлений, сами того не сознавали и удивлялись, когда им указывали на то, что они в сущности говорят альянсистской «прозой» (например, Джемс Гильом, до конца оставшийся при «убеждении», что ни в каком тайном Альянсе он не участвовал, и в своей истории Интернационала, игнорируя признания М. Неттлау, пытающийся доказать, что и вообще-то никакого тайного Альянса не существовало).

Дело в том, что Бакунин конспирировал и секретничал с разными людьми и группами по-разному, плел одновременно свою сеть с разных сторон, строил сразу несколько различных об'единений и организаций. Возможно, что в конце концов он сам путался в них, как путался (по сообщению З. Ралли) в многочисленных условных словарях, которые он каждый раз наново сочинял и передавал своим сторонникам. Неудивительно, что даже его единомышленники и сотрудники не могли разобраться в этой путанице. Еще более естественно, что его противники, до которых доходили лишь случайные слухи о происках конспираторов, и в руки которых попадали лишь разрозненные документы о деятельности бакунинских тайных организаций, не могли хорошенько в них разобраться и бродили в этом лабиринте как в потемках. Но только тот, кто стремится не к выяснению исторической истины, а преследует определенно партийные цели (вроде Гильома), способен использовать эту неосведомленность противников Бакунина для того, чтобы начисто отрицать несомненное существование тайного Альянса в недрах Международного товарищества рабочих.

Комиссия Гаагского конгресса, рассматривавшая вопрос об Альянсе, была совершенно сбита с толку, с одной стороны, отсутствием достаточного количества документов [1], а с другой — показаниями при-

[1] Теперь-то они нам известны — и в значительной мере благодаря бакунистам М. Неттлау и Д. Гильому, равно как З. Ралли и пр. Но Маркс с са-

влеченных бакунистов (Н. Жуковского, Мораго, Гильома, Фарга Пелисера, Марселау, Алерини). Поэтому вынесенное ею решение было несовсем уверенным, тем более, что в то время трудно было (да отчасти и сейчас трудно) провести точное разграничение между открытым Альянсом, тайным Альянсом, испанским Альянсом и Интернациональным братством. Первый пункт заключения комиссии, говорящий о существовании тайного Альянса, несколько как будто противоречит второму, в котором говорится о «попытках» Бакунина основать общество под названием Альянс (без прибавления слова «тайный»). Очевидно, здесь имеется все-таки в виду тайный Альянс, ибо существование открытого Альянса с осени 1868 года до лета 1869 года не составляло секрета ни для кого. И если пункт второй не решается утверждать уверенно, что Бакунину удалось основать общество под названием «Альянс», тогда как пункт первый определенно констатирует существование тайного Альянса в течение известного времени, то это бросающееся в глаза противоречие можно об'яснить двояко: во-первых, недостаточной осведомленностью членов комиссии и той путаницей, которую создавали многочисленные разветвления бакунинского тайного Альянса, принимавшие в разных местах и в разное время неодинаковые формы; достаточно сказать, что в Испании, напр., бакунинская организация так и носила название «Альянс» (Alianza), что для России (см. ниже) Бакунин с Нечаевым придумали особую организацию «Европейский Революционный Комитет», псевдоним все того же вездесущего и многообразного Альянса, и т. п.; а, во-вторых, тем, что, констатировав существование тайного общества, комиссия не решилась приписать основание его именно Бакунину. Точно так же нельзя строго судить комиссию за то, что в пункте первом, констатировав, что тайный Альянс одно время бесспорно существовал, она прибавила, что у нее нет достаточно доказательств для утверждения, что он продолжает существовать и сейчас. Это только доказывает добросовестность комиссии. Нам же теперь известно, что тайный Альянс несомненно существовал и во время Гаагского конгресса (как и после него) [1].

мого начала хотя и не имея тогда в своем распоряжении документов, но просто наблюдая развертывавшиеся в Интернационале события, чувствовал за их кулисами руку Альянса. «На словах, — писал он Энгельсу 10 февраля 1872 года, — его (бакунинский) «Альянс социалистической демократии» распущен, но на деле он продолжает существовать» (Briefwechsel, том IV, стр. 241). Маркс был совершенно прав: чутье его не обмануло.

[1] Повидимому, в тот момент комиссия располагала точными сведениями относительно испанского Альянса, существование которого было для нее бесспорно (см. письма Энгельса к Куно); о существовании Альянса в других стра-

Поэтому заявление Гильома («L'Internationale», том II, стр. 356), что «на Гаагском конгрессе велось следствие относительно фантастического тайного Альянса», — это заявление для человека, стоявшего так близко к Бакунину и вдобавок знакомого с работою М. Неттлау, где существование тайного Альянса документально доказано, представляется слишком уже развязным [1]. Тайный Альянс бесспорно существовал и после 1869 года, как и до того. Равным образом продолжали существовать и его главный штаб — тайное Интернациональное братство, и национальные комитеты тайного Альянса. Одни из них рассыпались, другие вновь создавались, как, напр., русский национальный комитет, в 1869 г. состоявший из Бакунина и Нечаева, а в 1872—1873 гг. — из Бакунина, Сажина (Росса), Ралли, Эльсница и Гольстейна. Но вплоть до ухода Бакунина с политической арены Альянс в том или ином виде и размере не прекращал своего существования, равно как и сопутствовавшее ему (а иногда, быть может, существовавшее и без него) Интернациональное братство.

Возьмем для начала показание З. Ралли, одно время бывшего интимным другом Бакунина и членом Интернационального братства, равно

нах она могла только высказывать догадки, хотя имела в руках устав Альянса. При таком предположении становятся об'яснимы кажущиеся противоречия ее резолюции: там, где она говорит уверенно, она имеет в виду факт испанского Альянса; там же, где она говорит о попытках, она имеет в виду другие страны, относительно которых она не располагала достаточными сведениями.

[1] Особенно странной становится эта развязность, когда мы узнаем, что по собственному его сознанию, сначала опубликованному М. Неттлау (стр. 280), а затем и им самим в той самой книге, где он отрицает существование тайного Альянса («L'Internationale», том II, стр. 12—13), Гильом сам основал тайную группу Альянса в Локле, — одну из первых в Швейцарии! В цитированном выше (§ 2 этой главы) письме к Н. Жуковскому от 11 августа 1871 года после заявления, что он, Гильом, попрежнему не считает себя членом открытой женевской секции Альянса, он прибавляет: «Не помню точно, в какое время — во всяком случае это случилось в пресловутую зиму между Брюссельским и Базельским конгрессами — я получил программы Альянса. Я воспользовался ими для того, чтобы основать в Локле тайную группу внутри Интернационала (курсив Гильома.— *Ю. С.)*. Но мы отнюдь не думали участвовать в вашей (т.-е. открытой! — *Ю. С.)* секции Альянса. Мы просто (вот уж именно «просто»! — *Ю. С.)* хотели связать более интимными узами наиболее передовых людей в Локле. Я всегда говорил Мишелю (т.-е. Бакунину. — *Ю. С.*), что открытая секция Альянса в Женеве — глупость, и что вы должны были держать эту организацию втайне; по его словам это было невозможно; я же ответил ему, что мы-то поступим именно так, что открытый Альянс был бы смертью Интернационала в Локле, сея раздор, тогда как тайный Альянс оживил бы работу». Дальше

как и русского национального комитета Альянса («Русское Братство» тож). Рассказав об основании открытого Альянса после Бернского конгресса, Ралли [1] продолжает: «Программу общества написал Бакунин, и эта программа с некоторыми изменениями впоследствии послужила Бакунину для сформирования снова своего «б р а т с т в а» (т.-е., очевидно, после роспуска старого общества весной 1869 года, о чем мы говорили во II томе. — *Ю. С.)*. Относительно обвинения, которое было сделано общим советом Интернационала, что общество, созданное Бакуниным, есть тайный совет в недрах Международного общества рабочих, что в этом обществе Бакунин провозглашен диктатором, то это обвинение de jure не верно, а только de facto было так. М. А. написал для своего «Alliance», собственно говоря, две программы: одна была верная копия (?) с программы Интернационала, другая же, предназначавшаяся для избранных им лично членов, имела в виду организацию интернационального комитета социалистов-революционеров, которые должны были подпольно руководить явным Alliance'ом, считавшимся простыми секциями Международного общества рабочих. Конечно, в комитете тайном руководящая роль естественным образом оказалась в руках Бакунина, как самого активного и самого доверенного лица; но никогда М. А. не был

Гильом говорит: «Во избежание недоразумений я готов дать такие об'яснения перед Генеральным советом; нет никакого вреда в том, чтобы признать перед ним эту попытку тайной организации». О д н а к о Г и л ь о м э т о г о н е с д е л а л, а предпочел и на Гаагском конгрессе, и до старости отрицать существование тайного Альянса.

Кроме этого сознания Гильома, в литературе существует ряд других указаний, свидетельствующих о том, что Гильом был членом тайного Альянса. Приведем одно из них, особенно показательное и исходящее от самого «учителя». В датированном 5 апреля 1872 года письме Бакунина к Ф. Мора, которого Бакунин считал тогда альянсистом, сказано черным по белому: «В Швейцарии я рекомендую вам двух членов Альянса (deux alliés): Джемса Гильома и Адэмара Швицгебеля» («L'Alliance», стр. 136—137). Ришар в своей, цитированной в конце II тома, статье тоже называет Гильома в числе главных заправил тайного Альянса. Наконец, З. Ралли в своих воспоминаниях (Сборник «О Минувшем», стр. 324) определенно называет Гильома членом Центрального бюро Интернационального братства.

После всего вышесказанного упорство, проявленное Гильомом в деле отрицания очевидного факта, представляет прямо какую-то психологическую загадку, чтобы не сказать ненормальность. Старик, не могший до самой смерти простить обиду, нанесенную ему в Гааге исключением из Интернационала, не хотел и по смерти оставить ненавистному Марксу хотя бы тень оправдания.

[1] «Михаил Александрович Бакунин», — «Минувшие Годы», 1908 г., октябрь, стр. 152.

провозглашен диктатором, никогда он и не требовал ни от кого такого титула, хотя, повторяю, фактически был полным руководителем составленного им тайного общества».

Итак, это свидетельство человека, лично участвовавшего в Альянсе и его органах, определенно устанавливает факт существования тайного Альянса после 1868 года, наивно отрицаемый Гильомом. Оговорка же Ралли относительно того, что обвинение Генерального совета было верно de facto, а не de jure, как видно из текста, относится не к тайному обществу, а к диктатуре в нем Бакунина. Но, разумеется, обвинение в диктатуре играло здесь совершенно второстепенную роль. Имелся ли в Альянсе какой-нибудь диктатор или нет, был ли этим диктатором Бакунин или кто-либо другой, установилась ли эта диктатура de jure или de facto, — все это не имело существенного значения. Важно было то, что в недрах Интернационала и тайком от него действовало тайное общество, ставившее себе специальные цели и дезорганизовавшее общую работу. Остальное все мелочи.

Возьмем другую часть мемуаров З. Ралли — «Из моих воспоминаний о М. А. Бакунине», напечатанную в сборнике «О Минувшем». Здесь мы находим не только подтверждение факта существования тайного Альянса, но и много сообщений о функционировании его аппарата, о его программе и уставе, о его комитетах и братствах и т. д., и т. п.; тут же приводятся и условные обозначения из тайных словарей, говорящие (в 1872 году) о национальных комитетах Альянса, об Интернациональном братстве. Здесь же кстати несколько раз указывается на причастность Гильома к работам тайного Альянса (стр. 304, 307). Какая путаница царила даже среди самих участников дела, видно из того, что из рассказа Ралли никак нельзя понять, в чем собственно он участвовал — в Альянсе или в Интернациональном братстве, которое по уставу являлось чем-то вроде расширенного пленума Центрального комитета Альянса. По его словам выходит, что Альянс и Братство—одно и то же. («В 1872 году, — пишет он, — по предложению Бакунина, мы трое, т.-е. я, Ал. Эльсниц и Вл. Гольстейн, вошли в так называемый союз интернациональных братьев, носивший название по-французски Alliance de la Démocratie Socialiste»). Это в конце концов не столь, впрочем, важно. Гораздо интереснее то, что З. Ралли, вопреки Гильому, Неттлау и т. п., определенно, хотя и косвенно, признает, что документы, напечатанные в брошюре Энгельса—Лафарга — Утина об Альянсе 1873 года, во-первых, подлинны и точны, а во-вторых, представляют вовсе не проекты, как в этом силятся убедить нас анархисты, а дей-

ствительную программу и действительный устав [1]. Эти тайные программы и уставы предназначались только для верных, — для «братьев», и разглашать их возбранялось [2].

В тайном словаре, переданном в декабре 1869 года Альберу Ришару через Гильома (который ничего о тайном Альянсе, бедняжка, не

---

[1] Из четырех напечатанных в брошюре документов два почти целиком совпадают с текстом Ралли. Только одного из них у Ралли нет. Но это, вероятно, ошибка Ралли (возможно, потерявшего этот документ через 35 лет), а не брошюры. Об этом см. дальше.

[2] Другой русский сотрудник Бакунина того периода, М. П. Сажин (Росс), считает факт существования тайного Альянса настолько ясным, что выражается на этот счет вполне определенно: «К а к и з в е с т н о (курсив мой. — *Ю. С.*), — говорит он, — Бакунин устроил в Интернационале свой собственный тайный Интернационал, так называемый Альянс. Сюда входили его приверженцы из анархистов самых различных стран» (П. В и т я з е в — «П. *Л.* Лавров в воспоминаниях современников, IV. Из рассказов М. П. Сажина», «Голос Минувшего», 1915 г., октябрь, стр. 132). Впрочем, Сажину это было «известно» в 1915 году; через 10 лет, в 1925 году, для него это стало уже неизвестно. В книге «М. П. С а ж и н — Воспоминания», которая выпущена в Москве в 1925 году и в которую вошла между прочим и эта статья, приведенное нами выше место совершенно и с ч е з л о (стр. 40). Зато в «Ответе Герману Лопатину», впервые напечатанном в этой книге, имеется (стр. 59) следующее замечательное место: «Утверждаю решительно, что в мое время, т.-е. с 1870 д о 1876 г о д а (снова курсив мой. — *Ю. С.*), среди нас, самых близких лиц к Бакунину и работавших вместе с ним, н е с у щ е с т в о в а л о н и к а к о г о (курсив М. Сажина. — *Ю. С.*) «заговора против своих же товарищей-единомышленников», н и к а к о г о (тоже. — *Ю. С.*) «тайного союза, имевшего целью секретно, неведомо для массы рядовых членов Интернационала управлять его деятельностью». Вот какое просияние ума случилось с М. Сажиным за десятилетний промежуток. При этом он забывает, что в другой заметке («Краткая автобиография»), помещенной в т о й ж е книге (стр. 14), он сообщает про себя, что «в 1872 году был принят в члены знаменитого Альянса». Наконец, в своей статье «Первое знакомство с М. А. Бакуниным», напечатанной в № 5/26 «Каторги и Ссылки» за 1926 год, М. Сажин (стр. 14 и 19) снова пытается отрицать существование тайного Альянса. «За все время моей дружбы и совместной деятельности с ним (Бакуниным) и с другими нашими друзьями, как Гильом, Швицгебель, Кафиеро и др., — пишет он, — никогда не было никакого тайного общества, заговора. Пресловутый «Альянс» давным-давно, еще до моего знакомства с Бакуниным, прекратил свое существование, был распущен, если не ошибаюсь, в 1869 году. В сущности была группа лиц, одинаково мыслящих и работающих в одном и том же деле. Мы сами иногда называли себя «союзом», а Бакунин иногда употреблял выражение «святая святых». Гильом совершенно прав, когда в своей 4-томной книге об Интернационале говорит, что все рассказы и даже обвинения в существовании «Альянса» — чистейшая фантазия». Что за наивное заметание следов! Или М. Сажин хочет уверить нас, что тайный

знает!) и отобранном у него полицией в 1870 году [1], указан шифр для следующих слов: Альянс социалистической демократии; — открытый, тайный; открытая женевская секция; тайная организация Альянса; тайная интернациональная организация; — национальная, провинциальная, местная; тайный интернациональный союзник (allié, т.-е. член Альянса); — национальный, провинциальный, местный; Центральное бюро Альянса; Бюро швейцарское; — французское, итальянское, испанское, немецкое, австрийское, бельгийское, английское; конгресс Альянса; член Альянса; делегат; дальше имеется шифр для отдельных видных членов Альянса. В другом словаре, повидимому, относящемся приблизительно к тому же времени, на-ряду с Интернационалом, Генеральным советом и пр., зашифрованы следующие слова: Альянс, открытая секция, Центральное бюро, национальное бюро, провинциальное бюро, тайная группа Альянса, открытый член Альянса, член тайного Альянса, Братство, брат.

Это ясно показывает, что после формального роспуска открытого Альянса, пытавшегося одно время, как мы увидим, продолжить свое существование в виде своей женевской секции, принявшей его старое наименование, не только тайный Альянс сохранил существование, но и сделаны были попытки придать ему еще небывалые до тех пор размах и развитие. Мы, конечно, не утверждаем, что все перечисленные в тайных словарях национальные бюро существовали на деле; многие из них, например, немецкое, австрийское, английское, наверно, существовали лишь в воображении Бакунина или состояли из одного человека, но это перечисление показывает, что в план организации Альянса входили и эти бюро. Точно так же мы не беремся утверждать, чтобы даже в наиболее охваченных влиянием Альянса странах действи-

---

Альянс не был тайным и что он не стремился секретно управлять деятельностью Интернационала? Пусть же он почитает приводимые нами дальше заявления самого Бакунина. Быть может, он тогда поймет, что положение человека, желающего превзойти в роялизме самого короля, не лишено некоторых неудобств. А мораль отсюда ясная: укрывательство истины и извращение фактов не всегда удаются даже Гильому, а не то что М. Сажину.

Как увидим дальше, подобную же попытку взять обратно свои прежние признания, сделал в последнее время и М. Неттлау (и с таким же «успехом»).

[1] Некоторые из тайных словарей Бакунина, взятые при обысках в Лионе, напечатаны в известной книге Тестю «L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe», том I, стр. 131—156. Тестю, которому прокуратура несомненно предоставила подлинники этих словарей, даже уверяет, что на них имеются собственноручные пометки и исправления Гильома.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ

тельно существовали все градации тайной альянсистской иерархии, начиная от местных и провинциальных групп до национальных, но что к этому заправилы тайного Альянса стремились, нам представляется очевидным. Во всяком случае одних этих словарей, напечатанных в 1872 году, совершенно достаточно, чтобы убедиться в существовании и работе тайного Альянса после 1868 года, — и тем не менее Гильом, прекрасно знавший книгу Тестю и даже сам передавший один из этих словарей Ришару, позволяет себе говорить о мнимом, выдуманном марксистами, тайном Альянсе.

Далее идет переписка Бакунина и его друзей. До сих пор она известна еще далеко не вполне, но и того, что уже стало достоянием гласности, совершенно достаточно для бесспорного установления существования тайного Альянса после 1868 и до 1872 года, т.-е. до исключения Бакунина из Интернационала. Значительную, если не бо́льшую часть этой корреспонденции опубликовал М. Неттлау в своей биографии Бакунина и в «Дополнении» к ней, из которого он извлек несколько статей. Эти документы устанавливают существование тайного Альянса за рассматриваемый нами период с непререкаемой очевидностью.

Начнем с мелочи, с обращения. К испанцу Ф. Мора Бакунин обращается 4 апреля 1872 как к «allié», т.-е. члену Альянса; к итальянцу Рубиконе (Л. Набруцци) — дважды как к «брату», т.-е. члену Интернационального братства (письма от 3 и 23 января 1872 г.); с таким же эпитетом он обращается к испанцу Паоло (Мораго) 21 мая 1872 года; к французу А. Ришару — 12 марта 1870 года. Ему же он поручает от имени Братства оповестить ряд французских альянсистов об интриге Утина и женевских «реакционеров» против швейцарских сторонников Бакунина (1 апреля 1870 года). Про одного русского приятеля (Н. Жуковского) Бакунин сообщает, что он «allié extérieur, non intime», т.-е. не интимный, а испытуемый член Альянса (письмо к Ришару от 17 апреля 1870 года).

В целом ряде писем Бакунин определенно говорит о существовании тайного Альянса, дает советы, указания относительно вербовки членов Братства и т. п. В письмах к А. Ришару он не только характеризует Альянс, его задачи и цели, но развивает целый революционный план осуществления «незримой диктатуры» альянсистов во время народного восстания (например, в письме от 1 апреля 1870 года; см. ниже). В письме от 10 августа 1870 года Бакунин сообщает Ришару о проекте Альянса поднять анархическое восстание в юго-западной Европе и о практических шагах, уже предпринятых для этой цели (см. IV том этой работы, часть I, о франко-прусской

войне). В цитированном уже письме к Ф. Мора он говорит об Альянсе, как об организации, существующей параллельно с Интернационалом («Интернационал и наш дорогой Альянс»).

В письме к «братьям по Альянсу в Испании» (весна 1872 года) Бакунин говорит об Альянсе, действующем в этой стране, возмущается роспуском мадридской группы Альянса, требует ее восстановления и пр. И как бы для того, чтобы отнять у Гильома возможность впоследствии дурачить публику уверением, что существовавший в Испании тайный Альянс, называвшийся там по капризу истории «Alianza», ничего общего не имеет с международной тайной организацией Бакунина, сам Бакунин определенно говорит об испанской Alianza как о местной ветви общего тайного Альянса и жалуется на то, что в Испании «рав гласили тайну Альянса, хранить которую все мы обязались своею честью»[1].

В письме к испанскому альянсисту Паоло (Мораго) от 21 мая 1872 года Бакунин напоминает, что Фанелли, посланный в Испанию в конце 1868 года, основывал там секции Интернационала наряду с секциями Альянса. Далее он протестует против роспуска секций Альянса в Мадриде и Барселоне и говорит: «Мы считаем этот роспуск великим несчастием с точки зрения революционной солидарности всех стран, а те, кто был причиною этого роспуска и разглашения тайн Альянса, даже самого его существования, которое всегда должно оставаться тайным и невидимым, и которого никто из нас не вправе выдавать, не покрывая себя позором и не нарушая высшей обязанности, соблюдать которую мы взаимно обязались [2],— те являются тяжкими преступниками... Те, кто предал Альянс по злостности и по непростительной слабости, должны быть навсегда удалены из него, но... добрые, энергичные, преданные... должны восстановить Альянс». Дальше об'ясняется, кого можно принимать в Братство.

Разумеется, организуя свой тайный Альянс внутри Интернационала, Бакунин хорошо понимал, что такие вещи следует тщательно

---

[1] То же говорится в другом отрывке, представляющем, быть может, первоначальный набросок цитированного сейчас письма. Здесь сказано, что «настоящий Альянс нерасторжим», и «во имя всех братьев» рекомендуется адресатам, «тем, кто не солгал себе и другим, добиваясь вступления в Альянс в качестве братьев, восстановить в своей среде истинный Альянс» (подписано: «член-основатель Альянса М. Бакунин»).

[2] Не потому ли Гильом так упорно отрицал «самое существование» тайного Альянса — даже спустя 40 лет? В таком случае надо признать, что это был человек, действительно верный своему слову.

скрывать. В этом отношении характерно его письмо к А. Лоренцо от 24 апреля 1872 года. Лоренцо был делегатом на Лондонской конференции Интернационала в сентябре 1871 года, где много говорили о происках Альянса. Естественно, что Бакунину очень хотелось знать, что именно там говорилось на его счет. И вот он поставил Лоренцо по этому поводу целый ряд вопросов, прося сказать ему всю правду. «Я, — продолжает Бакунин, — вправе требовать ее от вас в качестве друга и в качестве члена Альянса. Прошу вас только в вашем ответе не говорить ни слова об Альянсе потому, что Альянс это — тайна, которую ни один из нас не вправе оглашать, не совершая предательства. Поэтому я прошу вас не называть меня альянсистом и обращаться ко мне как к простому (!) члену Интернационала в том ответе, которого я жду от вас, ибо я должен вас предупредить, что я использую его как базу для обвинения моих клеветников в свою очередь. Давно уже пора положить конец всем презренным и низким интригам, не имеющим другой цели, кроме установления диктатуры марксовой шайки на развалинах Интернационала»[1]. Подпись: «Альянс и Братство. М. Бакунин».

Кажется, ясно? И, однако, это ничуть не помешало Гильому, который знал эти документы лучше нас, ибо ему одному Неттлау предоставил для использования не только первые три тома своей литографированной биографии Бакунина, но и «Дополнение» к ним, остающееся тайною для всех остальных смертных, — так вот это не помешало Гильому до конца дней своих притворяться ничего не знающим о существовании тайного Альянса и уверять, что все это — выдумка К. Маркса, чтобы погубить своего врага Бакунина!

В этом вопросе М. Неттлау оказался — по крайней мере временно — добросовестнее и откровеннее Гильома[2]. Использованные им для биографии Бакунина документы говорили слишком недвусмысленным языком. Здесь уже нельзя было отговориться никакими «комментариями» и «раз'яснениями». Разумеется, что, верный своей адвокатской тенден-

---

[1] Эта заключительная фиоритура насчет интриг... марксовой шайки в связи с тайными происками Альянса прямо великолепна! Можно думать, что читаешь самого доктора Макса Неттлау.

[2] Мы, конечно, не думаем, что это случилось потому, что Неттлау писал свою книгу, размноженную всего в 50 экземплярах и потому мало доступную для широкой публики, тогда как Гильом печатал свою книгу об Интернационале доступную для всех. Но странно то, что в печатном издании сочинений Бакунина (на немецком языке) Неттлау пытается взять обратно свои слова.

ции по отношению к Бакунину и прокурорской по отношению к Марксу, Неттлау старается, как и где только возможно, ослабить истинный смысл приводимых им документов и смягчить картину систематически проводимого заговора против Интернационала. Но он, в отличие от Гильома и... самого Бакунина, не пытается начисто отрицать существование и деятельность тайного Альянса после 1868—1869 годов.

Рассказывая о конференции в Шапонэре (см. том II, часть третью, главу вторую, § 7), закончившейся распадением старого Интернационального братства, и о письме Бакунина от 26 января 1869 года, в котором он заявляет о своем уходе из него, Неттлау (стр. 279—286) замечает: «Таким образом здесь говорится т о л ь к о о Б р а т с т в е и о еще существовавшем тогда о т к р ы т о м Интернациональном альянсе с его Центральным бюро, а не о т а й н о м Альянсе. Так как эти заявления Бакунина и ответ на них охватывают все тогда существовавшее, то отсюда следует заключить, что тайный Альянс в то время не существовал [1]; не должен ли был он, согласно проектам устава, явиться только в результате этого совещания? В о в с я к о м с л у ч а е п о з ж е о н с у щ е с т в о в а л (здесь подчеркнуто мною. — *Ю. С.*), как показывают, например, обширные списки шифров (приведенные у O. Testut в «L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe», 1871, том I). Эти списки были составлены в начале 1870 г. [2], и там действительно появляется «тайная организация Альянса», но не «Братство»,—в списке из 584 слов, тогда как другой список упоминает «Братство» и «брата», но касается главным образом Альянса и его организации (тайная группа Альянса; член тайного Альянса), и упоминание «Братства» в этом списке имеет скорее исторический (?), чем актуальный характер. Итак, мы видим, как с 1869 года, но неизвестно точно, с какого момента, появляется т а й н ы й А л ь я н с, — стоящее с этого времени за открытым Альянсом или секциями Интернационала более интимное об'единение друзей Бакунина. Таким образом это не что иное, как само Братство после удаления неподходящих элементов, и фактически — круг

---

[1] Это несмотря на то, что, по заявлению самого Бакунина в «Историческом развитии Интернационала» (см. том II), Альянс, сиречь Братство, был основан им в 1864 году! Ведь это просто игра слов: в большинстве случаев тайный Альянс и Братство совпадают, хотя по уставу Братство есть лишь нечто вроде расширенного ЦК Альянса.

[2] Относительно первого словаря это неточно. Как рассказывает Гильом, он отвез этот словарь в Лион, а Гильом был в Лионе 4—5 декабря 1869 г. (а «словарь Бедуша» существовал еще раньше).

состоявших в более непосредственной связи с Бакуниным интернационалистов» [1].

Для нас сейчас неважно указывать на неточность или неосновательность гипотезы Неттлау. О составе и характере Альянса и Интернационального братства мы уже говорили много во II томе, будем говорить еще. Здесь мы хотим подчеркнуть лишь основной факт — признание Максом Неттлау, на основании изучения документов, существования тайного Альянса в тот период, в который Бакунин и Гильом, важнейшие в данном случае свидетели, пытались публично его отрицать. Точно так же для нас в данном случае неинтересна попытка самого Неттлау, немедленно вслед за признанием, ослабить значение этого кардинального факта, сыгравшего такую роковую роль

---

[1] В приложении к третьему тому биографии Бакунина (примечание 3959) М. Неттлау приводит печатный устав тайной организации Бакунина, доставленный ему в 1900 году В. Давом, в свою очередь получившим его от кого-то из родственников Поля Робена, относящийся, повидимому, к началу 1869 года и напечатанный в типографии Чернецкого на французском языке. Об этом документе мы подробнее будем говорить в следующем параграфе этой главы. Он допускает, что это есть действительный устав (точнее — устав-программа) тайного Альянса, основанного, по его мнению, Бакуниным после роспуска старого Братства, т.-е. весною 1869 года. Неттлау полагает, что этот устав просуществовал недолго (программа, поясняет он, конечно, осталась), а именно — до роспуска открытого Альянса, т.-е. до лета 1869 года. Основывает он это утверждение на том, что в тех пунктах этого устава, где говорится об открытом обществе, за спиною которого действует тайная организация, имеется якобы в виду не Интернационал, а открытый Альянс. Но эта гипотеза Неттлау реально ни на чем не основана. Достаточно посмотреть на статью 10-ю этого устава, чтобы убедиться в том, что речь идет именно об Интернационале. В этой статье сказано (заполняем имеющиеся в документе пробелы по смыслу): «Регулярные (с'езды Альянса) будут происходить раз в год в то же время и в том же месте, как и (с'езды Интернационала). Поэтому все (интернациональные братья) с помощью своих национальных организаций и своих (бюро или комитетов) постараются добиться своего избрания в качестве делегатов» (ясно: на с'езд Интернационала). Это вполне соответствует содержанию 7-й статьи устава открытого Альянса, приведенной на стр. 419 II тома этой работы, и 1-й и 3-й статьям устава тайного Альянса, печатаемого нами ниже (в 3-м параграфе этой главы). Прятаться от открытого Альянса интернациональным братьям не приходилось. Речь идет именно о с'ездах открытого Альянса, которые должны были по проекту Бакунина состоять из членов тайного Альянса (Интернационального братства тож) и происходить одновременно со с'ездами Международного Товарищества Рабочих.

в истории первого Интернационала, и уверить читателя, будто Маркс в своих целях сознательно раздул его значение [1]. История показала, кто был прав: Маркс ли, сразу понявший опасность бакунинской затеи, или «адвокаты дьявола», старающиеся всеми правдами и неправдами замазать и затушевать неприятную для них действительность.

2. Откуда взялись тайные документы Альянса?

Впервые программы и уставы тайного Альянса и Интернационального братства были опубликованы в брошюре «L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs. Rapports et Documents publiés par ordre du Congrès International de la Haye»,

---

[1] Для усвоенной в этом вопросе анархистами игры в прятки в высшей степени характерна сделанная в последнее время Максом Неттлау печатная попытка взять обратно свое признание, сделанное им в рукописной биографии Бакунина. Возможно, что это раскаяние овладело им под влиянием четырехтомной книги Гильома, посвященной доказательству того тезиса, что никакого тайного Альянса между 1868 и 1872 годами не существовало, и что весь этот «роман» придуман злостным воображением Маркса. Так или иначе, но в своих комментариях к немецкому изданию сочинений Бакунина, составленных в 1924 году, Неттлау уже считает себя вправе заявить следующее: «Все известные организационные документы относятся ко времени, в течение которого все это разыгрывалось вне (?) Интернационала, так как Международный альянс никогда не был принят в Интернационал, тогда как для времени с весны 1869 года можно доказать существование интимных связей между Бакуниным и его товарищами, которых он рассматривал как «союзников» (альянсистов) или «братьев» и наличность и деятельность которых он признавал чрезвычайно важной, но не существование между ними организации: таковая была образована в сентябре 1872 года в Цюрихе, после Гаагского конгресса, чем доказывается, что до тех пор она не существовала или перестала действовать» (Michael Bakunin—«Gesammelte Werke», том III, Берлин, 1924, стр. 80). Все это место весьма характерно для писательской манеры Неттлау. Итак, были интимные связи, но не было организации; Бакунин «считал» своих товарищей членами Альянса и Братства, но таковых не существовало (Неттлау благоразумно умалчивает о том, что и корреспонденты Бакунина тоже «рассматривали» себя как альянсистов и братчиков); эти товарищи Бакунина не только имелись в наличности, но и проявляли какую-то «деятельность», но надо полагать, не в качестве альянсистов и братчиков (почему же Бакунин в таком случае признавал ее чрезвычайно важной?). Словом, Неттлау делает запоздалую попытку взять назад откровенные признания, вырвавшиеся у него в минуту слабости; но эта попытка никого не убедит. Такую же попытку, как мы видели выше, делает и другой анархист — М. Сажин.

Кстати, ссылка на сентябрьскую конференцию 1872 года в Цюрихе, которая, по мнению Неттлау, должна доказать, что до того никакой тайной

1873 [1]. Эти документы напечатаны на страницах 118—132 брошюры, а в переписке Бакунина, изданной Драгомановым в Женеве, 1896, они занимают страницы 443—459. Ввиду того, что данный у Драгоманова перевод с французского, подобно другим переводам в этой книге, не совсем удовлетворителен, мы, согласно нашему общему правилу, приводим эти документы в новом, исправленном и проверенном нами переводе.

Но прежде всего возникает вопрос: какова историческая ценность этих документов? Представляют ли они действительные программы и уставы Альянса и Братства, или же это только проекты, одни из много-

---

организации не было, доказывает прямо обратное. Во-первых, там просто был несколько переделан устав ввиду изменившихся обстоятельств; а, во-вторых, собрались-то все члены якобы несуществовавших Альянса и Братства, которые после Гаагского конгресса поехали прямо к своему руководителю Бакунину и совместно с ним выработали новый план действий. Кроме альянсистов и братчиков, никого в Цюрихе не было (подробно об этом см. том IV).

Впрочем, факты и документы говорят столь убедительным языком, что выдержать характер до конца не удается даже и Неттлау. Так, относительно известного письма Бакунина к Франциско Мора от 5 апреля 1872 года он замечает: «Оно доказывает только, что формальной организации вне Испании тогда не существовало, и что слова альянсисты и интимные товарищи полностью совпадали» (цит. нем. изд., том III, стр. 119). Почему отождествление слов «альянсист» и «интимный товарищ» доказывает отсутствие формальной организации Альянса, а не его существование, это остается секретом Неттлау: по здравой человеческой логике выходит как раз наоборот. А затем относительно Испании Неттлау вынужден взять обратно свое смелое утверждение о несуществовании Альянса как формальной организации. Это уже частичная сдача незащитимой позиции. Но мы не хотим оставить Неттлау и этого последнего утешения. К его несчастью, письмо к Мора разбивает в прах всю его конструкцию. В нем Бакунин говорит и о «наших альянсистах из Юрской федерации», и об успешнейшем развитии «нашего дорогого Альянса» в Италии (на-ряду с Интернационалом), и о гонениях Генерального совета на «нас», т.-е. альянсистов, и в других странах (дальше называются Италия, Франция и Швейцария). Словом, даже это письмо, написанное незнакомому человеку, симпатии которого к Альянсу только предполагаются, определенно указывает на существование Альянса на-ряду с Интернационалом в Швейцарии, Франции, Италии и Испании. Как умудрился Неттлау вычитать из него нечто прямо противоположное, это составляет тайну его писательской совести.

[1] «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. Доклады и документы, публикуемые согласно постановлению Гаагского международного конгресса», 1873. По-немецки эта брошюра вышла под заглавием «Ein Komplott gegen die Internationale» («Заговор против

численных проектов, вырабатывавшихся Бакуниным и никогда не вступавших в действие? Каково происхождение этих документов, откуда они взялись, кто доставил их в комиссию Гаагского конгресса (или в Генеральный совет Интернационала), каким путем они попали в руки доставившего их туда? Вот вопросы, которые, естественно, встают перед исследователем, и на которые приходится дать тот или иной ответ.

Неттлау, а вслед за ним и Гильом утверждают, что все это проекты, никем не утверждавшиеся и не вступавшие в действие [1]. По их мнению

Интернационала»). Почему-то принято называть эту брошюру «брошюрою Н. Утина». Так делают не только анархисты, которые, впрочем, иногда, как, например, Неттлау, называли ее брошюрою К. Маркса (позже он узнал, кто настоящие авторы брошюры), но и такой писатель, как М. Драгоманов, который, перепечатывая в изданной им переписке Бакунина с Герценом и Огаревым эти документы из брошюры «L'Alliance», называет ее «книжкою Н. Утина» (стр. 443). Что Утин был одним из авторов брошюры, это весьма вероятно; ему, надо полагать, принадлежит часть ее, посвященная деятельности Альянса в России и изложению русских писаний Бакунина, а быть может, и глава «Альянс в Швейцарии». Во всяком случае, видимо, он доставлял для нее материалы, как усматривается из письма Энгельса к Зорге от 5 октября 1872 года, где говорится, что эти документы дополнительно присланы из Швейцарии («Переписка Зорге», стр. 73). Вообще же брошюра составлена Энгельсом и Лафаргом. Об этом, между прочим, определенно говорит Маркс в письме к Энгельсу от 11 ноября 1882 года, где он советует Лафаргу перечитать «его совместно с тобою (т.-е. Энгельсом) написанный памфлет об Альянсе» («Briefwechsel», том IV, стр. 486). То же заявил Энгельс в письме к Зорге от 26 июля 1873 года: «Составляли его мы вместе с Лафаргом, лишь заключение написано мною и М[арксом]» («Переписка Зорге», изд. Дауге, стр. 128). Что они при этом совещались с Марксом, это весьма возможно. На русском языке брошюра целиком никогда не появлялась, а между тем издать ее было бы весьма полезно.

[1] Как мы уже упоминали в предыдущем параграфе, М. Неттлау опубликовал печатный устав, который он считает уставом тайного Альянса. Этот документ состоит из 42 статей и представляет в действительности устав Интернационального братства (и Альянса, повидимому). Трудно сказать, является ли этот документ действовавшим уставом Братства или одним из его проектов. Имеющиеся в нем пробелы могут об'ясняться не тем, что это проект, подлежавший дальнейшему изменению, а соображениями конспирации, ибо пропущены как раз такие слова, как Альянс, Братство, Интернационал, брат и пр. Неттлау допускает, что это действительный устав, имевший силу с весны до лета 1869 года. Свое предположение Неттлау основывает на двух обстоятельствах: 1) на существовании и т а л ь я н с к о г о перевода с этого документа, почти буквально совпадающего с печатным текстом; 2) на содержании брошюры «К русским революционерам», выпущенной в 1873 году группою отколовшихся от Бакунина анархистов (Ралли

некоторые из таких разрозненных проектов попали случайно в руки Утина, который поспешил сообщить их Марксу. Тот, разумеется, обрадовался этой неожиданной манне небесной и в целях компрометации Бакунина выдал их за действительные программы и уставы тайного Альянса, — никогда не существовавшего, по утверждению Гильома, существовавшего, но не имевшего такого значения, какое придал ему Маркс, по словам Неттлау.

Итак, прежде всего: откуда попали в руки Интернационала или, вульгарно говоря à la анархисты, в руки Маркса эти документы?

В настоящее время мы, к сожалению, не можем ответить на этот вопрос с твердою определенностью. Сам Бакунин подозревал в передаче этих документов Марксу Н. Утина, как видно из цитированных выше воспоминаний Ралли. Но соответствующее место воспоминаний Ралли несвободно от неточностей и анахронизмов (сборник «О Минувшем», стр. 313). По его словам выходит, что еще в конце 1867 года или в начале 1868 года (Ралли говорит: «в 1868 году, вернувшись из Италии в Швейцарию», и т. д.) Бакунин, задумав создать русскую ветвь Интернационального братства, доверился Утину и Жуковскому и сообщил им секретную программу своего Союза, а Утин «через 2 месяца, не более, донес об этом обществе Карлу Марксу». Таким образом в этом рассказе речь идет о программе с т а р о г о Альянса и Братства (до Бернского конгресса Лиги мира). Но это невероятно. Мы уже выше указывали, что о существовании старого тайного общества Бакунина не знали ни Маркс, ни Утин, как показывает брошюра об Альянсе. Следовательно, это могло случиться лишь с программою н о в о г о Альянса, о каковом и говорится в документах, напечатанных в этой брошюре. А в таком случае сообщение этих документов Утину должно было состояться

с товарищами), каковое содержание почти совпадает с текстом печатного устава. Правда, Ралли утверждает, что текст этой брошюры вовсе не есть программа Альянса (сборник «О Минувшем», стр. 345), но в письме к Гильому от октября 1873 года другой член группы, А. Эльсниц, говорит, что это программа русского братства, составленная Бакуниным, хотя и с некоторыми сокращениями (Гильом, том III, стр. 142). Возможно, что Неттлау в данном случае прав, и что одно время действовала именно такая редакция устава Интернационального братства. Она сильно отличается (не по существу, а по форме) от той, которая напечатана в брошюре об Альянсе. Но это обстоятельство нисколько не говорит против подлинности последней редакции, которая, быть может, выработана несколько позднее. Думаем так потому, что та редакция этого устава, которую, как мы сейчас увидим, дает Ралли, тоже взявший ее с и т а л ь я н с к о г о текста, относилась к 1872 году и, значит, действовала в это время.

позже, — во всяком случае не ранее начала 1869 г. [1]. Но к этому времени отношения между Бакуниным и Утиным уже испортились: ведь раскол в редакции «Народного Дела» состоялся уже осенью 1868 г. Стал ли бы при таких отношениях Бакунин передавать Утину секретные документы, изобличавшие его конспирацию против Интернационала?

Правда, в письме Энгельса к Марксу от 29 ноября 1873 года имеется фраза о том, что Утин «посвятил нас в тайны». Но эта фраза вряд ли относится к Альянсу. Из всего контекста следует, что Утин посвятил Маркса и Энгельса в тайны «русского дела», и, повидимому, это «дело» касалось даже не Нечаева (ведь письмо относится к концу 1873 года, когда нечаевское дело было уже прошлой и полузабытой историей), а дрязг в швейцарской русской колонии, в значительной мере связанных с именем П. Лаврова. Это видно из содержания всего абзаца, в котором говорится следующее: Лопатин, несвободный от русского патриотизма и считающий «русское дело» (так по-русски и написано у Энгельса) чем-то совершенно особым, не касающимся Запада, недоволен тем, что Утин посвятил Маркса и Энгельса в тайны [2]; к этому присоединяется то, что Лопатин незадолго до того встретился с Лавровым и, вероятно, заразился его примиренческими настроениями. И дальше говорится о сваре среди русских эмигрантов (о них см. в томе IV).

Но даже если допустить, что это место в письме Энгельса относится к разоблачениям Утина насчет происков Альянса [3], если признать,

---

[1] Конечно, документы, относящиеся к новому Альянсу и Братству, не могли сильно отличаться от старых. Вернее всего, Бакунин просто дополнил устав и программу своего старого общества, считаясь с вновь возникшим открытым Альянсом. По существу же осталось все старое. Но все же и это допущение не решает вопроса. Если Утин доставил устав старого общества, откуда же взялись в нем вставки об открытом Альянсе? Значит, в руках Маркса был и старый, и новый устав? Но почему же в брошюре об Альянсе и в комиссии Гаагского конгресса ничего не говорилось о старом Альянсе и Братстве?

[2] Сам Лопатин, как мы сейчас увидим, тоже посвящал Маркса в тайны «русского дела» еще в 1870 году.

[3] Можно было бы думать, что эти слова относятся к письму Любавина, но, как теперь известно, это письмо доставил Марксу не Утин, а сам Любавин (см. «Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю — ону», «Минувшие Годы», 1908 г., № 1, стр. 54, и брошюру Э. Бернштейна, «Карл Маркс и русские революционеры», изд. «Пролетарий», 1923). Впрочем, Утин мог (на-ряду с Лопатиным) указать Марксу на существование такого письма. Лопатин, как увидим ниже, был против использования этого письма для компрометации Бакунина.

что указанные документы целиком или частью доставлены были Генеральному совету Утиным, то все же остается вопрос: а как и когда они попали в руки Утина? Весьма сомнительно, чтобы он мог получить их в 1869 году непосредственно от Бакунина. Вернее всего, он мог достать их от кого-либо из близко стоявших тогда к Бакунину лиц, что при его широких связях, и в русской колонии, и среди швейцарских социалистов, было нетрудно. В частности он мог получить их и от И.-Ф. Беккера, с которым был в хороших отношениях [1].

Впрочем, по другой версии Ралли (цит. ст., стр. 319), Бакунин подозревал в передаче этих документов Марксу не только Утина, но и Беккера. «Один только раз, — говорит Ралли, — он был жестоко наказан за свою слишком поспешную откровенность, с которой сообщал

---

[1] В письме к Мрочковскому от 1 августа 1870 года Бакунин между прочим пишет: «Встречался ли ты когда-нибудь с Марксом, тайным руководителем всех моих явных врагов, известно ли вам, что он через посредство Беккера, изменившего мне и Альянсу, в моем отсутствии зимою вступил в переписку с Утиным, и что Утин и К° собирают для него документы для уничтожения меня?». Отсюда можно сделать то заключение, что если документы и были доставлены Марксу Утиным, то получил их Утин не от Бакунина и не в 1868 году, а от третьих лиц и двумя годами позже. От кого же именно? В «Докладе об Альянсе» («Oeuvres», том VI, стр. 277) имеется следующая фраза Бакунина: «Зная, что он (Утин) на меня клевещет, на меня, который в то время считался еще их союзником и другом, они (Перрон и Робен) взяли его в компанию в редакцию («Эгалите») и в свою пропагандистскую работу, а Робен, покидая Женеву, передал ему все бумаги, относящиеся к последней». Но относится ли это указание к тайным документам Альянса, опубликованным в брошюре Генерального совета? Неттлау в немецком издании сочинений Бакунина (том II, стр. 223—224) не решается высказаться по этому вопросу положительно. Он говорит, что к Робену это предположение Бакунина вряд ли может относиться, ибо Робен сохранял такие документы до глубокой старости и не выпускал их из рук. Уезжая из Женевы, Робен, по его мнению, мог передать такие бумаги Перрону. И Неттлау задает себе вопрос: не мог ли Утин воспользоваться халатностью Перрона, чтобы овладеть этими бумагами? Как видим, все это не выходит из области гипотез, и Неттлау правильно указывает, что до опубликования архива Генерального совета на этот вопрос нельзя ответить с положительностью. В письме к А. Лоренцо от 7 мая 1872 года Бакунин говорит: «Я знаю, что уже в 1870 году он (Маркс) в письме рекомендовал Утину разыскать и собрать всевозможные документы, способные доказать все мое недостойное поведение; я знаю, что Утин, чрезвычайно польщенный и довольный этим поручением, пустился во все тяжкие, привел в движение небо и землю, чтобы раздобыть кое-что». Но не говорится ли здесь о документах, относящихся к нечаевскому делу и к инциденту с переводом «Капитала» («недостойное поведение»)? Это возможно (см. дальше по поводу Лопатина).

все свои тайные и явные программы, — это было до моего знакомства с ним, когда он сообщил их Николаю Утину и Беккеру. Эти последние тотчас же передали все Карлу Марксу, — и сыр-бор загорелся».

Но и здесь имеется та же неточность. Судя по первому рассказу, сообщение документов Утину имело место в 1868 году, и тогда же, месяца через два, он якобы передал их Марксу. Это логически еще допустимо, ибо уже в конце 1868 года у Бакунина с Утиным отношения испортились. Но то, что и Беккер «тотчас же передал все Карлу Марксу», весьма мало вероятно. Мы знаем, что Беккер вначале решительно поддерживал Альянс против Генерального совета, возмущался поведением последнего по отношению к Альянсу и на время даже прекратил переписку с Лондоном, вплоть до своей ссоры с Бакуниным, состоявшейся только в 1870 году.

Но, может быть, Беккер сообщил эти документы Марксу позже? Как мы знаем, Беккер участвовал в организации открытого Альянса и до 1870 года оставался членом его женевской секции, чем вызвал негодование Маркса и германских социал-демократов, настаивавших на его разрыве с Альянсом. До 1870 года у Бакунина сохранились с Беккером хорошие отношения, и только весною 1870 года между ними произошел разрыв. Только тогда Беккер возобновил прерванную в течение известного времени переписку с Генеральным советом и с Марксом. Об этом Маркс сообщает Энгельсу в письме от 24 марта 1870 г.: «Кстати,—говорит он,—старый Беккер написал, наконец, Юнгу (и мне пару строк, на которые я отвечу завтра). Все глупости, которых он наделал, он старается представить как глубокий, продуманный макиавеллизм. Чудак!» [1]. Значит, Беккер уже раскаялся в своей прежней прикосновенности к Альянсу и даже начал злословить насчет Бакунина. Однако здесь его откровенность должна была иметь известные пределы: он не мог полностью выдавать Бакунина, не выдавая вместе с тем и

---

[1] Кстати, включив в свое «Конфиденциальное сообщение» ложный слух о Бакунине, получившем якобы в наследство от Герцена «славянофильский фонд» в 25 000 франков ежегодно, Маркс, как оказывается, стал жертвою Беккера, который первый пустил эту сплетню после ссоры с Бакуниным. В цитированном выше письме от 24 марта Маркс по этому поводу говорит так: «Бакунин, который до сих пор, по словам Беккера, отзывался самым резким образом о Герцене, по смерти последнего впал в хвалебный тон. Этим он достиг своей цели, а именно того, что деньги на пропаганду, около 25 000 франков ежегодно, которые богач Герцен заставлял свою партию в России выплачивать себе, теперь перешли к Бакунину. Такой вид «наследства» Бакунин, несмотря на свою антипатию к праву наследования, повидимому, любит». Все это неверно с начала до конца.

самого себя. Дело в том, что Беккер, если и не участвовал сам в тайном Альянсе, то, несомненно, знал о его существовании. В архиве Беккера найден был впоследствии проект устава Альянса [1]. Судя по содержанию этого манускрипта, он представляет, очевидно, один из первых набросков устава и составлялся одновременно с напечатанным нами во II томе уставом открытого Альянса, т.-е. осенью 1868 года [2]. И вот в этом проекте определенно говорится о том, что на-ряду с открытой организацией и работой Альянса существует и тайная, на-ряду с открытым Центральным бюро—и тайный комитет, при чем вторая часть устава так и озаглавлена: «Réglement secret» [3]. Признаться Марксу в том, что он, Беккер, знал о тайной организации Бакунина, а может быть, и участвовал в ней, вряд ли было для Беккера особенно приятно, — во всяком случае сразу. Может быть, позже, примерно в 1871 или 1872 годах, он сознался и в этом и даже сообщил Марксу относящиеся сюда документы; возможно, что он передал их Утину, совместно с которым впоследствии выступал в Женеве против Бакунина. Во всяком случае Беккер был одним из возможных источников информации для Генерального совета по делу Альянса, хотя прямо доказать это пока трудно.

Следующим возможным источником является Анри Перре. Этот Перре, как мы уже знаем, в 1869 году стоял близко к Бакунину и был даже членом Альянса. Но уже в апреле 1870 года он вместе

---

[1] Он опубликован Д. Рязановым в статье «Bakuniana» («Архив» Грюнберга, том V, стр. 182 и след.). Рукопись написана рукою Бакунина, а заглавие «Организационный проект М. Бакунина» — рукою Беккера.

[2] Это между прочим видно из того, что в пункте d 8-й статьи 2-й части проекта («Тайный устав»), в том месте, где содержится ссылка на один из параграфов открытого устава, номер этого устава не указан, и оставлен пробел. Соответственный параграф в открытом уставе является 6-м. Это значит, что в тот момент открытый устав не был еще окончательно выработан, а опубликован он был в декабре 1868 года. Неттлау (нем. изд. сочинений Бакунина, том II, стр. 224) также признает, что найденные в архиве Беккера документы — не те, которые напечатаны в брошюре об Альянсе.

[3] Документ, опубликованный Рязановым, написан собственной рукой Бакунина и носит заглавие «Réglement secret». Неттлау в своей биографии Бакунина (стр. 267) приводит собственноручный манускрипт Бакунина же с надписью: «Programme secret de l'Alliance» (тайная программа Альянса). И после этого у Гильома хватает смелости писать («L'Internationale», том II, стр. 347): «Заглавие «Тайный устав Альянса», данное документам, опубликованным в брошюре «Альянс Социалистической Демократии» и пр. (стр. 118—132), было сфабриковано авторами этой брошюры»! Оказывается, не совсем-то «сфабриковано»!

с Утиным и другими выступал на романском федеральном с'езде против Бакунина и Альянса. Что он информировал Маркса и Энгельса о деятельности Бакунина и его сторонников, и притом во враждебном Бакунину духе, видно между прочим и из переписки обоих друзей [1]. Но и здесь нас берет сомнение. Если бы Перре имел в руках документы Альянса уже весной 1870 г., то он представил бы их романскому конгрессу (это соображение относится и к Утину и к другим). Или в тот момент им не придавали еще столь серьезного значения, как после с'езда в Сонвилье (см. том IV), когда действия анархистов начали открыто угрожать расколом Интернационалу? Это, разумеется, возможно. И, принимая во внимание последнее соображение, можно было бы предположить, что Генеральный совет заинтересовался тайным уставом Альянса примерно в 1871 году, и потому документы эти могли быть представлены ему не раньше этого времени (на самом деле он получил их лишь в 1872 году; см. ниже).

Далее эти документы мог, если не целиком, то частью, сообщить Марксу Г. Лопатин, во всяком случае мог навести его на мысль об их существовании. Лопатин познакомился с Марксом в начале июля 1870 г. и произвел на него хорошее впечатление. В первый же день знакомства Лопатин разоблачил перед Марксом Нечаева и Бакунина, выставив роль Бакунина в нечаевском деле в самом неблаговидном свете (подробнее об этом мы будем говорить в четвертой части этого тома). Несомненно, Лопатин, враждебно относившийся к Бакунину и считавший роль его в Интернационале пагубной, передавал о нем Марксу и другие сведения, например, по скандальному делу с переводом первого тома «Капитала» («Любавинская история»).

В своей статье «К рассказам о П. Л. Лаврове» [2] Г. Лопатин, полемизируя с Сажиным, упрекавшим П. Лаврова в «сдержанном» отношении к Интернационалу и в уклонении от печатного выступления в защиту Бакунина и его приверженцев, говорит: «Но именно сочувствие Интернационалу не дозволяло ни одному разумному человеку симпатизировать Бакунину, вся деятельность которого в этом случае явно грозила распадением и гибелью Интернационала

---

[1] 19 апреля 1870 года Маркс пишет Энгельсу: «Из прилагаемого письма Перре, бывшего секретаря федерального комитета в Женеве, ты увидишь, как действует московский продукт (Бакунин)» («Briefwechsel», том IV, стр. 270).

[2] «Голос Минувшего» 1916 г., апрель, стр. 200—201; см. также книгу «Г. А. Лопатин» под ред. А. Шилова, Петр., 1922, стр. 172.

(курсив мой. — *Ю. С.*). Да и каким образом моральный человек мог сочувствовать и помогать людям, которые публично гремели против централизации, деспотизма, генеральства и самовластия Генерального совета, а негласно составляли з а г о в о р не против правительства, а против своих же товарищей единомышленников, — учреждали т а й н ы й союз (L'Alliance), имевший целью секретно, неведомо для массы рядовых членов Интернационала управлять его деятельностью? Как мог дорожащий своей моральной репутацией человек добровольно вмешаться в печальную историю шантажирования Любавина Нечаевым ради освобождения Бакунина от обязательства выполнить взятый им на себя и отчасти уже оплаченный литературный труд? Положим, что Бакунин был повинен тут больше попустительством и недостаточно энергическим протестом, но все же никому не могло быть сладко впутаться в эту скандальную историю. Несмотря на мою тесную дружбу с Марксом, я отказался наотрез дать ему находившиеся у меня в руках документы по этому делу [1], сказав ему: «Я не оправдываю вполне Бакунина, но никогда не соглашусь помогать позорить на всю Европу человека, игравшего такую роль в нашем революционном движении». Так же отнесся к этому делу и Лавров, знавший от меня все подробности любавинской истории и не находивший поэтому возможным для себя ни обвинять, ни защищать Бакунина».

Из этой, во многих отношениях характерной цитаты определенно вытекает только одно, а именно, что Лопатин отказался передать Марксу документы по «Любавинской истории». Но в ней ничего не говорится о документах по делу тайного Альянса. Решительное осуждение Лопатиным этой стороны деятельности Бакунина наводит на мысль, что эти документы Лопатин м о г п е р е д а т ь Марксу. Не забудем, что в это время (в 1870 году) Лопатин был даже введен в состав Генерального совета и в качестве члена последнего прямо обязан был сообщить ему все, что знал о происках тайного общества, действовавшего в рядах Интернационала. Весь вопрос только в том, были ли у Лопатина тогда в руках эти документы. Правда, он стоял слишком далеко от дел Альянса, но он мог достать эти документы через третьи руки. Однако те документы, которые напечатаны в брошюре об Альянсе, вряд ли доставлены им, и во всяком случае не тогда, а только в 1872 г.

---

[1] «Это сделал после, перед Гаагским конгрессом, Н. Утин» (п р и м е ч а н и е Г. Л о п а т и н а). На самом деле сделал это сам Любавин, которому о желании Маркса получить письмо Нечаева сообщил, повидимому, Николай—он (Даниельсон).

Одним из источников осведомления Генерального совета о происках Альянса был Поль Лафарг. Лафарг с конца 1871 года принял деятельное участие в делах испанского Интернационала. Здесь ему пришлось вести отчаянную борьбу с засильем анархистов. Существование Альянса, как тайной организации внутри Интернационала, имеющей свой центр в Швейцарии и стремящейся к овладению Международным товариществом рабочих, было впервые разоблачено как раз в Испании весною 1872 года. В связи с этим именно в руки Лафарга и его испанских единомышленников попали некоторые альянсистские документы, в том числе и личное письмо Бакунина к Франциско Мора, напечатанное в виде приложения к брошюре об Альянсе (последнее несомненно). Весьма характерно, что единственный частный документ альянсистского происхождения, опубликованный в этой брошюре, относится к Испании. Ведь с швейцарцами, итальянцами, французами Бакунин вел не менее деятельную переписку, чем с испанцами. Возможно, что из Испании были доставлены и кой-какие другие документы, касающиеся Альянса, но это все-таки были не те, которые опубликованы в брошюре об Альянсе.

О том, что из Испании были получены первые сведения о существовании тайного Альянса, видно по недавно опубликованной переписке Энгельса с Куно, который впоследствии на Гаагском конгрессе был председателем комиссии по делам Альянса [1]. В письме от 22 апреля и от 7—8 мая 1872 года Энгельс сообщает о том, что в Испании раскрыто существование тайного бакунистского общества внутри Интернационала, и что в Мадрид выехал Лафарг, с приездом которого туда дело приняло решительный оборот. А в письме от 10 июня Энгельс уже сообщает, что в руках Генерального совета имеются доказательства существования тайного Альянса в Испании. Повторяя в письме от 5 июля 1872 года, что в руках у них имеются доказательства существования тайного Альянса, «по крайней мере в Испании», Энгельс дальше прибавляет: «А теперь Лафарг поставил ему (Бакунину) даже на вид, что он, Б(акунин) собственноручно написал и послал в Испанию тайные инструкции, согласно которым там надлежит руководить Интернационалом». Но об уставе и программе Альянса здесь не говорится.

Более определенно звучит указание Энгельса на происхождение этих документов, прямо называющее Женеву тем местом, откуда они были доставлены. В письме, датированном 15 ноября 1892 г., поме-

[1] Она опубликована Б. Николаевским в журнале «Die Gesellschaft», ноябрь 1925 г., в статье «Aus der Geschichte der ersten Internationale» (русский перевод в «Печати и Революции», 1926 г., кн. 3).

щенном в «Berliner Volkstribune» от 19 ноября 1892 года [1], Энгельс говорит: «Первые доказательства (существования тайного Альянса) Генеральный совет получил из Испании, а з а т е м (курсив мой; т.-е. позже весны 1872 года.—*Ю. С.*), из Женевы были получены статуты и многочисленные другие документы этого невинного заговора против европейского рабочего движения. Этими-то документами и руководствовался Гаагский конгресс 1872 года, исключая Бакунина и Гильома из Интернационала». Опять-таки Утин здесь не называется, и непосредственный источник документов остается неизвестным, хотя устанавливается с достаточной точностью время их получения.

Но в конце концов вопрос о происхождении документов при всем его относительном значении является второстепенным. Гораздо важнее вопрос о п о д л и н н о с т и этих документов. К разрешению его мы теперь и переходим.

Что все это — документы бакунинского происхождения, что они трактуют об Альянсе и Интернациональном братстве, об этом серьезные исследователи, вроде М. Неттлау, не спорят. Это видно не только по тому, что многие, если не большинство, из них написаны рукою самого Бакунина, но и по их содержанию, представляющему или дословное повторение, или дальнейшее развитие тех программных мыслей и организационных принципов, которые выражены в основных альянсистских документах 1866 года, т.-е. в «Революционном Катехизисе» и «Организации» неаполитанского периода. Но, может быть, все это — простые проекты, продукт фантазии Бакунина, наброски и планы, никогда не применявшиеся на практике и не вступавшие в действие? Именно в этом силятся убедить нас и Неттлау, и Гильом, первый — потому, что знает историю Интернационала только по письменным документам и сам в его работе не участвовал, второй—или по старческой забывчивости или, вернее, по старческой злобе, заставлявшей его, как мы видели, отрицать даже несомненный факт собственной принадлежности к Альянсу [2]. К их несчастью, существуют другие свидетельства, исходящие тоже от последователей Бакунина, но таких, которые не считали

---

[1] Письмо это вызвано было серией статей (всего 13) Луи Эритье «Юрская федерация и Михаил Бакунин», помещенных в этой газете. Эритье, пользовавшийся односторонней анархистской информацией, при всем своем стремлении быть об'ективным, допустил ряд неточностей, которые Энгельс счел нужным исправить.

[2] В этом отношении его четырехтомная история Интернационала представляет попытку колоссальной мистификации читателей, многие из которых (и не только из числа анархистов) наивно верят каждому слову этого нового рыцаря без страха и упрека, каким изображает его, напр., Брупбахер.

нужным и через полвека после совершившихся событий обманывать историю и отрицать бесспорные факты.

Таков, напр., З. Ралли. В своих, не раз цитированных нами воспоминаниях Ралли не только установил существование тайного Альянса и Интернационального братства после формального роспуска открытого Альянса и свое участие в этих организациях (которые у него, впрочем, сливаются в одну), но и удостоверил существование действовавших секретных программ и уставов этих организаций. Он приводит несколько относящихся сюда документов, сохранившихся — на беду Неттлау и Гильома — в его архиве, и сличение этих документов с теми, которые напечатаны в брошюре об Альянсе, разбивает в прах анархическую легенду о том, будто «Маркс» введен был в заблуждение «Утиным» и опубликовал в «своей» брошюре под видом действительных программ и уставов тайных бакунинских организаций «наброски», никогда не применявшиеся и не выходившие из области «проектов».

Приведя программу открытого Альянса, опубликованную в декабре 1868 года и с тех пор публиковавшуюся неоднократно (она приведена у нас во II томе), Ралли продолжает: «Такова была явная программа Союза, созданного М. А.; эта явная программа была, однако, написана много позже, когда понадобилось иметь таковую для публики (курсив мой. — *Ю. С.)*. Для посвященных, для членов Союза (т.-е. Альянса. — *Ю. С.*), для интернациональных братьев Бакунин написал другую, подробную программу, которая не была напечатана и не должна была разглашаться». И дальше [1] Ралли приводит текст этой программы [2], переписанный им с итальянского текста (курсив З. Ралли. — *Ю. С.*) [3] и почти буквально совпадающий с французским текстом, напечатанным на страницах 118—121 брошюры об Альянсе под заголовком «Устав интернациональных братьев» [4].

---

[1] З. Ралли, «Из моих воспоминаний о М. А. Бакунине», сборник «О Минувшем», Петр. 1908 г., стр. 314—317.

[2] Как увидим ниже, не программы Альянса, а программы Интернационального братства.

[3] Это показывает, что интересующие нас документы имелись на разных языках. Относительно французского, русского и итальянского это установлено; существовали ли они и на других языках, например, на испанском, мы пока не знаем, хотя это более чем вероятно.

[4] Мы уже выше указывали, что печатный текст устава якобы Альянса, а на самом деле Интернационального братства, приводимый М. Неттлау в приложении к его книге (о котором он, впрочем, не решается определенно сказать, был ли это проект или действующий устав), отличается от текста,

Первое огорчение для гг. Неттлау и Гильома!

Раньше чем перейти ко второму, обратим внимание на подчеркнутые нами в рассказе Ралли слова. Из них явно вытекает, что тайные устав и программа Альянса и Интернационального братства существовали до составления и опубликования программы открытого Альянса, т.-е. до декабря 1868 года. Это нас удивить не может. Ведь тайный Альянс и Интернациональное братство существовали гораздо раньше выхода Бакунина из Лиги мира и создания открытого Альянса. Слова Ралли только подтверждают несколько раз высказанное нами предположение, что программы и уставы тайного Альянса и Интернационального братства, опубликованные в брошюре Энгельса—Лафарга, представляют лишь частично (и, вероятно, очень мало) измененные и дополненные программы и уставы, действовавшие или долженствовавшие действовать [1] в старом Альянсе и в старом Интернациональном братстве, — примерно с 1866 года. И действительно, как увидит ниже читатель, эти документы в основном и главном представляют варианты и перепевы «Революционного Катехизиса» и «Организации».

Теперь послушаем дальше З. Ралли. К сожалению, за давностью времени он несколько перепутал названия организаций, в которых он участвовал вместе с Бакуниным, и значение относящихся к ним документов. Так, устав (правда, перемешанный отчасти с программными положениями) Интернационального братства он называет программою Альянса. А устав тайного Альянса он называет «программою организации» Альянса. Об этом уставе он выражается так: «Программа организации этого Союза, написанная Бакуниным и переделанная им несколько раз, была окончательно принята Союзом интернациональных братьев [2] только в 1872 году». И дальше

приводимого Ралли. Последний является более достоверным и приводится Ралли не как проект, а как действительный устав, что очень важно.

[1] Мы помним жалобы участников совещания в Шапонэре, членов Интернационального братства, на то, что Бакунин не придерживается устава и действует по-диктаторски, а также их намерение внести некоторые изменения в устав, который, значит, существовал. Да и сам Бакунин в циркуляре о роспуске старого Братства мотивирует его, между прочим, нарушением «статутов Интернационального братства», допущенным некоторыми его членами.

[2] Так Ралли называет Альянс; повидимому, в бакунинском кругу обе организации путались, быть может, потому, что они фактически совпадали. Приведенные слова Ралли, несомненно, относятся к конференции альянсистов, состоявшейся в Цюрихе после Гаагского конгресса (11—13 сентября 1872 года; о ней см. в томе IV). Устав обсуждался и, как показывает календарь-дневник Бакунина, был принят 12 сентября. Гильом, верный своему

Ралли на страницах 317—318 дает этот устав по итальянскому же манускрипту, при чем на этот раз он действительно отличается от документа, опубликованного на стр. 121—124 брошюры об Альянсе; но это об'ясняется просто тем, что к моменту утверждения, вернее — пересмотра устава создались совершенно новые отношения: одни организации закрылись, другие открылись и пр. (см. ниже).

Наконец, Ралли приводит третий документ: программу Альянса. На этот раз он не путает: это—действительно программа Альянса, как ее называет и брошюра об Альянсе (выше мы указывали, что в первом документе Ралли под видом программы Альянса дал в действительности устав Интернационального братства). Об этом третьем документе Ралли говорит: «Для него (Альянса. — *Ю. С.*) Бакунин написал отдельную общую программу потом»[1]. И дальше на стр. 318—319 он дает эту программу, «разглашать которую возбранялось», и которая почти слово в слово совпадает с документом, напечатанным в брошюре об Альянсе на стр. 125—126.

Второе огорчение для анархистских историков и для всех тех, кто, вместо критического анализа источников, верит им на слово!

Но у Ралли имеется существенный пробел, на который внимательный читатель, наверное, уже обратил внимание. Из трех приводимых им тайных документов один представляет программу тайного Альянса (то, что он называет «общей тайной программой»

обыкновению, пытается и здесь исказить истину, утверждая, что речь шла будто о создании новой тайной интернациональной организации (том III, стр. 1). Но после всего вышесказанного наши читатели ему уже не поверят. Ясно, что утверждался устав старого тайного Альянса (как увидим, с некоторыми существенными изменениями, вызванными новыми условиями). Но это не значит, что устав Альянса не существовал и не действовал до тех пор. Имели ли место другие, более или менее полные конференции Альянса или Интернационального братства, мы не знаем. Надо полагать, что нет, если уставу, составленному в конце 1868 или в начале 1869 года, пришлось до 1872 года дожидаться своего утверждения. Бакунин предпочитал совещания с отдельными лицами или группами товарищей общим конференциям, из которых, кроме Цюрихской (1872 года), мы знаем лишь злополучную конференцию в Шапонэре в январе 1869 года.

[1] Как понимать это слово «потом»? Его никак нельзя толковать в том смысле, что общая программа Альянса была выработана после окончательной редакции устава, т.-е. после сентября 1872 года. Это может только означать, что программа была выработана после первоначальной редакции устава, которая, наверно, имела место в конце 1868 или в начале 1869 года. Мы думаем, что даже и это сомнительно. Вероятно, оба документа были составлены одновременно, и оба не раз изменялись, оставаясь по существу теми же.

Союза), другой — его устав (то, что у него фигурирует под названием «программы организации Союза»), третий — устав Интернационального братства (то, что Ралли называет «тайной, подробной программой для посвященных, для членов Союза, для интернациональных братьев»). Сразу бросается в глаза, что у Ралли нехватает еще одного документа, а именно программы Интернационального братства. Где устав, там должна быть и программа. Ралли дает устав братства, но общей программы братства у Ралли нет.

Значит ли это, что ее не существовало? Это невероятно. Простое требование организационной архитектоники было бы в таком случае нарушено Бакуниным, который насчет чего другого, а уж насчет составления программ такого маху бы не дал. Ясно, что программа была. Но она в архиве Ралли почему-то не сохранилась. Неужели же она потеряна для нас навсегда? О, нет! Об этом позаботились авторы брошюры об Альянсе, которые сохранили этот важный документ для истории. Он напечатан на стр. 126—132 брошюры Энгельса — Лафарга под заглавием «Программа и цель революционной организации интернациональных братьев» и счастливо восполняет серию относящихся сюда документов [1].

Итак, Ралли запамятовал или ошибся, когда, приведя вышеуказанные три тайные документа, прибавил: «Таковы все те программы, которые выработал Бакунин до 1872 года, когда мы познакомились с ним». Что это далеко не «все», видно хотя бы из многочисленных документов, собранных М. Неттлау и отчасти изложенных и в нашей работе. Но что и документы о тайном Альянсе сохранились у Ралли неполностью, видно из того, что у него пропущен такой существенный документ, как программа Интернационального братства.

Мы, впрочем, не в претензии на З. Ралли. Он и без того дал достаточно для установления исторической правды. Это — человек, ко-

---

[1] Этот документ перепечатан (в немецком переводе) М. Неттлау в третьем томе «Gesammelte Werke» М. Бакунина (стр. 84—90). Подлинности его, как и других опубликованных в брошюре об Альянсе документов, Неттлау не отрицает, но высказывает предположение, что эта программа представляет продукт личного творчества Бакунина и положена в основу более короткой печатной редакции, которая, по его мнению, является уже результатом коллективного обсуждения. Предположение, быть может, не лишенное некоторого основания. Этот печатный текст программы Интернационального братства частично напечатан в том же томе, на стр. 80—84. Он более похож на ту программу «Русского Братства», которую Ралли и его товарищи опубликовали после разрыва с Бакуниным в сентябре 1873 года под заглавием «К русским революционерам» (см. IV том этой работы).

торый в отличие от Неттлау и Гильома не старается задним числом поправлять историю и затушевывать факты. Он говорит то, что есть и что было. И если бы не он, мы не знаем, как можно было бы разрушить легенду, созданную отчасти Неттлау, а главным образом Гильомом, из которых второй начисто отрицает существование тайного Альянса в период 1868—1872 годов, а первый старается всячески ослабить значение этого факта, голословно отрицать который он не может [1].

Но у авторов и последователей анархической легенды остается последнее утешение. Ввиду показаний Ралли, который знает, о чем пишет, так как в отличие от более молодого Неттлау он сам участвовал в Альянсе, в Интернациональном братстве и в русском национальном комитете Альянса («Русском Братстве»), им придется признать три документа из четырех, напечатанных в брошюре об Альянсе, действовавшими. Но вот четвертого документа Ралли не приводит, и для недобросовестных или ослепленных партийной ненавистью людей (спешим прибавить, что Неттлау мы относим ко второй категории) остается лазейка: отрицать если не подлинность, то вступление в действие четвертого документа, который в архиве Ралли не сохранился.

Жалкое утешение! Ведь признать действительность хотя бы трех документов из четырех значит уже убить на-смерть анархическую легенду, целиком отказаться от нее, признать ее незащитимой. Ибо, если эти три документа не только подлинны, но и действовали (а теперь в этом не может быть сомнения), то и четвертый, представляющий естественное к ним дополнение, заполняющий логический пробел, который без него вопиял бы к небу, приходится признать столь же подлинным и действительным. Если бы его не было, его надо было бы выдумать. Но, к счастью, он есть и сохранен для нас заботами авторов брошюры об Альянсе, за что историческая наука может только выразить им благодарность.

И ровно ничем ни по форме, ни по содержанию, ни по стилю этот четвертый документ от первых трех, подлинность и действительность которых не могут вызывать спора, не отличается. Он входит в общую картину, как необходимая составная часть, вполне выдержан в духе бакунинской идеологии, повторяет положения всех его писаний, начиная от «Революционного Катехизиса» и «Организации» и кончая пись-

---

[1] Дальше мы увидим, что воспоминания Ралли и в других случаях наносят сильные удары анархическим легендам, — быть может, без желания автора, который старается быть строго об'ективным, насколько это доступно политическому деятелю.

мами Бакунина об Альянсе. Этот документ столь же подлинен и действителен, как и все остальные.

Впрочем, Ралли все-таки приводит этот четвертый документ, но в другом виде и при иных обстоятельствах. Дело в том, что он и его друзья в 1872—1873 годах входили в состав «Русского Братства» вместе с Бакуниным, который составил для этого братства программу. Эта программа представляла одну из тех многочисленных вариаций общей программы Интернационального братства, одна из которых, более распространенная, напечатана в брошюре об Альянсе, а другая, более короткая и, повидимому, более поздняя, найдена в печатном виде и опубликована Неттлау в его литотрафированной биографии Бакунина (прим. 3959) и в извлечениях в III томе немецкого издания сочинений Бакунина. В сентябре 1873 г. компания Ралли после разрыва с Бакуниным (см. об этом в IV томе этой работы) выпустила в Женеве брошюру «К русским революционерам», вызвавшую негодование Бакунина, который усмотрел в ней «измену», так как она представляла перепечатку программы тайного «Русского Братства». Сличение этой брошюры с печатным текстом программы Интернационального братства, опубликованным Неттлау, убеждает нас в том, что Бакунин был прав. Брошюра содержит изложение программы Братства (с пропуском всех организационных пунктов) в том сокращенном виде, в каком она дается печатным текстом, сохранившимся в бумагах Поля Робена и попавшим затем в руки Неттлау. Как читатель увидит из дальнейшего, этот печатный текст по существу совпадает во всем основном с текстом, опубликованным в брошюре об Альянсе. Возможно, что Ралли и не имел в руках общей программы Интернационального братства, а пользовался только программою «Русского Братства». Но эти документы ничем не отличались друг от друга, по крайней мере в теоретической части (так, вероятно, обстояло дело и с программой других национальных братств). О том, что существовала программа «Русского братства», составленная Бакуниным, Ралли в своих воспоминаниях определенно говорит. Но он ее там не приводит (может быть, именно потому, что она подтверждает обвинение, выдвинутое Бакуниным и Россом против кружка Ралли). Однако мы все-таки ее имеем в виде брошюры «К русским революционерам». Значит, и этот пробел восполнен.

Если анархисты отрицают подлинность или действительность этих документов, то не потому, чтобы их шокировали выраженные в них идеи, — идеи обычного бакунинского типа, — а потому, что они под-

т в е р ж д а ю т п р а в о т у М а р к с а, п р а в о т у Г а а г с к о г о к о н г р е с с а, исключившего Бакунина из Интернационала, неопровержимо устанавливают, что Бакунин устроил в н у т р и Интернационала тайную организацию, вносившую разлад и ложь в ряды рабочего движения и в конце концов погубившую Международное товарищество рабочих. Но теперь, надеемся, к этой системе голословного запирательства анархистским историкам прибегать уже не удастся[1].

Документы — подлинны и действительны, и сейчас мы с ними познакомимся. Но предварительно постараемся об'яснить причину, по которой устав Альянса в версии Ралли (второй его документ) так сильно отличается от версии, данной в брошюре Энгельса—Лафарга.

Уже беглый взгляд на обе версии убеждает нас в том, что брошюра приводит первоначальный устав, составленный в конце 1868 года или в начале 1869 года. Здесь говорится еще об открытом Альянсе (который был распущен в июне 1869 года), о женевской Центральной секции открытого Альянса (которая была распущена в августе 1871 года), о временном Центральном бюро, избранном ушедшими с Бернского конгресса членами меньшинства, о предстоящем основании открытых и тайных групп Альянса (а об основании групп о т к р ы т о г о Альянса уже нельзя было говорить после его роспуска) и т. д. Все это показывает, что эта редакция устава могла быть составлена только до весны — лета 1869 года. Словом, э т о — у с т а в о т к р ы т о-т а й н о г о А л ь я н с а[2].

---

[1] Кстати, сам Ралли, отлично знающий и о постановлениях Гаагского конгресса, и о содержании брошюры Энгельса — Лафарга, нигде не оспаривает подлинности напечатанных там документов (в том числе и второго, редакция которого у него отличается от редакции в брошюре, и четвертого, которого он сам не приводит), а, напротив, косвенно подтверждает их тем, что ничего не говорит об их точности, а лишь о том, к е м они были переданы Марксу (да т а к ставил, по его рассказу, вопрос и сам Бакунин). Этим одним он уже подтверждает их подлинность, ибо ставить вопрос о виновнике передачи можно лишь по отношению к определенным документам, опубликованным, как думали тогда, «Марксом», т.-е. в брошюре об Альянсе. Вдобавок, как мы видели, Ралли подтверждает их подлинность опубликованием сохранившихся у него трех документов, из коих два вполне совпадают с редакцией их в брошюре, а третий хотя и отличается от версии брошюры, но не по существу, а по конкретному содержанию в связи с моментом, к которому редакция его относится (1872 год).

[2] Как в тексте, напечатанном в брошюре об Альянсе, так и в печатном тексте, опубликованном Неттлау, уставы Альянса и Международного братства слиты в один документ. Это кстати лишний раз показывает, насколько

Версия, приводимая у Ралли, как он сам указывает, представляет окончательную редакцию устава Альянса, на этот раз только тайного, принятую в 1872 году, т.-е. на Цюрихской конференции альянсистов после Гаагского конгресса. В этот момент не было уже открытого Альянса, не было и женевской Центральной секции, вместо которой в уставе фигурирует уже «Центральная делегация» и т. д. Но не было уже и Интернационала как единой организации. Теперь перед нами уже не устав того Альянса, который об'являл себя частью Международного товарищества рабочих и конспирировал в его рядах, а устав того Альянса, который, являясь, конечно, продолжением старого бакунинского общества, ставил себе отныне задачею не овладение единым прежде Интернационалом, а руководство теми федерациями, которые после Гаагского конгресса откололись от Международного товарищества рабочих и вскоре после того образовали свой собственный анархический, «антиавторитарный» Интернационал. Поэтому устав, даваемый

они смешивались и переплетались в тайном бакунинском обществе. В немецком издании сочинений Бакунина Неттлау приводит только первую часть этого документа, организационную же часть выпускает почти целиком. Неужели потому, что и эта версия устава тайного Альянса, менее одиозная, чем та, которая приводится в брошюре об Альянсе, все же достаточно красноречиво говорит о закулисных махинациях «братьев» против Интернационала? Текст, напечатанный в брошюре об Альянсе и представляющий, по мнению Неттлау, просто проект Бакунина, не может Неттлау нравиться потому, что в нем, во-первых, говорится об Альянсе, Братстве, Интернационале и пр. совершенно открыто, и таким образом дезорганизаторский характер бакунинской затеи выступает здесь в слишком уже оголенном виде, а, во-вторых, потому, что в этом тексте содержится сакраментальная фраза о передаче всех полномочий по управлению тайным обществом в руки одного Бакунина, что для правоверных анархистов должно представляться особенно шокирующим (в печатном тексте этого нет). Но если даже допустить, что Неттлау прав, и что в окончательном виде эта фраза из проекта устава была выброшена, то ведь на деле осталось именно так. Никакого центрального комитета выбрано не было, Бакунин остался единственным распорядителем делами общества, что видно хотя бы из слов Ралли о том, что диктатура Бакунина, не зафиксированная в уставе, существовала на деле, и из сообщения того же Неттлау о том, как Бакунин самостоятельно назначал людей на такие посты, как в Центральное бюро, куда он ввел Перрона чуть ли не через пару дней после знакомства с ним.

Зная приемы Бакунина, очень часто менявшего программы и уставы (при чем, по известной французской поговорке, они оставались теми же самыми) и делавшего это без таких стеснительных церемоний, как обсуждение на коллективных собраниях, мы готовы допустить, что в течение известного, вероятно, короткого времени действовали (или, вернее, бездействовали) оба эти устава (равно как и многие другие).

Ралли, выходит за пределы периода, который мы теперь рассматриваем, и который рассматривается в брошюре об Альянсе. Противоречия между обоими документами не существует. Документ Ралли столь же подлинен, как и документ брошюры, но только он относится к совершенно другой эпохе, гораздо более поздней. Маркс же имел в виду тот устав, который действовал до 1872 года и приведен в брошюре Энгельса—Лафарга [1].

Теперь вопрос, как нам кажется, должен считаться в основных чертах выясненным.

---

[1] Поразительно, что Неттлау, столь внимательно следящий за литературой о Бакунине, нигде не упоминает о статье Ралли в сборнике «О Минувшем». Неужели она осталась ему неизвестной? И неужели в румынских книгах Ралли не приведены те документы, которые даются в этой статье? Не забудем, что Неттлау имел с Ралли и устные беседы. И тем не менее он ничего не говорит о документах, сохранившихся у Ралли, т.-е. о программах и уставах тайного Альянса и Братства. Зная писательские приемы Неттлау, мы можем допустить, что он постарался бы перетолковать и замазать эти документы, но ни в каком случае не умолчать о них, хотя бы они и расходились с его конструкцией. Остается предположить, что они ему по каким-то непонятным причинам остались неизвестны. Это отчасти подтверждается следующим местом из его комментариев к III тому немецкого издания сочинений Бакунина. Приведя «Революционный Катехизис» и «Об организации», а также напечатанные в брошюре об Альянсе документы, он замечает (стр. 92): «Таковы важнейшие теоретические, не-организационные (?) части тайных писаний Бакунина 1866 и осени 1868 года. Написанные в сентябре 1872 года документы этого рода в оригинале не сохранились и, очевидно, должны считаться пропавшими. Но отрывки итальянского перевода рассеяны в отчетах о процессах итальянского Интернационала, в частности в книге о флорентинском процессе (1875 года), и возможно, что документы, из которых взяты эти отрывки, находятся еще в судебных делах, если только они сохранились в целости. Далее подобный текст был положен в основу одной появившейся в 1873 году русской брошюры, при чем сделано было это без ведома Бакунина и к его величайшему неудовольствию (имеется в виду брошюра «К русским революционерам», изданная компанией Ралли, Эльсниц, Гольстейн и пр., порвавшей с Бакуниным. — *Ю. С.)*. То, что я мог извлечь из этого отрывочного материала, показало мне, что если организация и была создана в 1872 (?) году, то теоретически формулировка 1868 года, особенно печатный ее текст, легла в основу формулировки и 1872 года, словом, что преемственность была сохранена, хотя это не исключает того, что в деталях сделаны были интересные изменения, которых мы точно еще не знаем... Надо бы попытаться отыскать тексты 1872 года».

Эти тексты, как мы знаем, даны у Ралли. Но это подтверждает не только преемственность формулировки, как хочется Максу Неттлау, но и преемственность организации, чего ему уже не хочется.

3. Программа и устав Альянса и Интернационального братства.

В интересах ясности и логической последовательности мы считаем более удобным напечатать эти документы не совсем в том порядке, в каком они размещены в брошюре Энгельса—Лафарга. В последней они идут в таком порядке: 1) сначала устав Интернационального братства, 2) затем устав Альянса, 3) далее программа Альянса и, наконец, 4) программа Интернационального братства. Логически программа должна предшествовать уставу. Поэтому мы предпочитаем избрать следующий порядок: дать сначала обе программы, которые у Бакунина, видимо, и шли вместе, а затем оба устава, которые у него также, повидимому, были включены в один документ [1].

I.

А. ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА [2].

1. Международный альянс основан с целью служить организации и ускорению всемирной революции на основании принципов, провозглашенных в нашей программе.

---

[1] В брошюре об Альянсе этим документам предпослано следующее предисловие: «Экземпляр статутов, находящийся у нас в руках, частью написан рукою Бакунина. Он разрешал снимать с них копии не только посвященным, но и многим людям, которых он надеялся соблазнить откровением своей блестящей программы. Тщеславие автора брало перевес над таинственной сдержанностью мистификатора». Эти слова не дают никакого точного указания насчет человека, доставившего эти рукописи авторам брошюры. Таких людей могло быть много. Ралли тоже сообщает, что Бакунин действовал довольно неосторожно, широко показывая эти секретные документы. Впрочем, мы уже знаем, что в конспираторы Бакунин не очень-то годился. Вся его широкая натура протестовала против этого.

[2] Брошюра об Альянсе, стр. 125—126; у Ралли — стр. 318—319. Совпадение между обеими версиями почти полное. К сожалению, Ралли в данном случае не указывает, была ли эта программа у него в оригинале на русском языке, или же он перевел ее с какого-либо другого языка. Поэтому мы не знаем, чем об'ясняются второстепенные разночтения в обеих версиях этого документа. Быть может, виноват перевод Ралли; быть может, у него был в руках несколько измененный текст. Но по существу и по размеру здесь расхождений нет. Надо, впрочем, полагать, что и Ралли переводил этот

2. Сообразно этим принципам целью революции может быть только: а) уничтожение всех религиозных, монархических, аристократических и буржуазных сил и властей [1] в Европе, следовательно, разрушение всех существующих государств со всеми их учреждениями: политическими, юридическими, бюрократическими и финансовыми; б) воссоздание [2] нового общества на единой [3] основе свободно ассоциированного труда, принимая за исходный пункт [4] коллективную собственность, равенство и справедливость.

3. Революция, как мы ее понимаем, или, скорее, какой она ныне по необходимости выдвигается силою вещей [5], носит по существу международный или всемирный характер.

документ с французского; мы думаем так потому, что в пункте 4-м он после слова «заговор» ставит в скобках «conjuration» (мы в данном случае не говорим о том, что здесь должно бы быть «conspiration», как и сказано в брошюре об Альянсе, хотя во французском языке есть и слово «conjuration» в таком же смысле). Внимательное сравнение обеих версий заставляет отдать предпочтение той, которая напечатана в брошюре об Альянсе.

Этому документу особенно посчастливилось: он опубликован также Рязановым, который нашел его в бумагах И.-Ф. Беккера, и частично Неттлау (биография Бакунина, стр. 267). Судьба захотела, чтобы в обоих случаях исследователям в руки попался подлинный манускрипт Бакунина и, вдобавок, на одинаковой синей бумаге. Как отмечает Рязанов в комментариях к этому документу («Архив» Грюнберга, том V, стр. 186), приводимый им оригинальный текст Бакунина в части, касающейся п р о г р а м м ы Альянса, вполне совпадает с тем текстом, который дан в брошюре об Альянсе. Неттлау (M. B a k u n i n — «Gesammelte Werke», том III, стр. 90—91), признавая, что имевшийся у него в руках текст в существенном совпадает с обоими вышеуказанными текстами, высказывает предположение, что этот текст представляет более раннюю версию. Но это не важно. Что же касается текста у с т а в а Альянса, напечатанного у Рязанова, то он отличается от того, который дается в брошюре, и представляет, по мнению Рязанова, более раннюю редакцию устава, сравнительно с тем, который приводится в брошюре. У Неттлау этот текст тайного устава ввиду порчи рукописи имеется не в полном виде.

[1] В конце 1-го параграфа вместо слов «провозглашенных в нашей программе» у Ралли сказано: «провозглашенных анархией».

Во 2-м параграфе вместо «буржуазных сил и властей» у Ралли сказано: «всех государств и всех господств» (Бакунин такого слова не употреблял; это наводит на предположение, что у Ралли документ был не на русском языке, а что он сам его перевел, и целый ряд сомнительных выражений, пропусков или вставок принадлежит лично ему).

[2] У Ралли: «создание».

[3] Слово «единой» у Ралли отсутствует.

[4] У Ралли слова «исходный пункт» отсутствуют.

[5] Вся вторая половина фразы от «или» до «вещей» у Ралли отсутствует.

Ввиду угрожающей коалиции всех привилегированных интересов и реакционных сил [1] Европы, располагающих всеми огромными средствами, которые дает им умело поставленная организация, ввиду глубокой розни, царящей теперь повсюду между буржуазией и трудящимися [2], — никакая национальная революция не достигнет успеха, если не распространится тотчас же [3] и на все другие [4] нации, а она не сможет перешагнуть границы данной страны и не примет всеобщего характера, если не будет содержать в самой себе всех элементов этой всеобщности [5], т.-е. если не будет определенно социалистической революцией, разрушающей государство и насаждающей свободу посредством равенства и справедливости; ибо ничто отныне не в состоянии об'единить, наэлектризовать [6], поднять великую и единственную подлинную силу века [7] — трудящихся [8], кроме действительного [9] и полного освобождения труда на развалинах всех учреждений, охраняющих [10] наследственную собственность и капитал [11].

4. Так как ближайшая революция может быть только всемирной, то и Альянс или, откровенно говоря, заговор, долженствующий ее подготовить, организовать и ускорить [12], должен быть также таковым.

5. Альянс преследует двоякую цель: а) он постарается [13] распространять среди народных масс всех стран правильные взгляды на политику, социальную экономию и все философские вопросы. Он будет вести активную пропаганду посредством газет, брошюр и книг, а также посредством основания открытых ассоциаций [14]; б) он постарается привлечь всех интеллигентных, энергичных, выдержанных людей доброй воли, искренне преданных нашим идеям, для того, чтобы организовать

---

[1] У Ралли: «властей».

[2] У Ралли: «рабочими». Слово «travailleurs» можно, впрочем, переводить и так. Это снова подтверждает, что Ралли тоже переводил с французского.

[3] У Ралли слов «тотчас же» нет.

[4] У Ралли: «большие».

[5] У Ралли вся фраза от «если» до «всеобщности» отсутствует.

[6] У Ралли последние два слова отсутствуют.

[7] У Ралли слова от «великую» до «века» отсутствуют.

[8] У Ралли: «рабочих».

[9] В подлиннике «seule» вместо «réelle» (как у Рязанова и Неттлау).

[10] У Ралли это слово отсутствует.

[11] У Ралли: «капитализм» (слово, которое у Бакунина не встречается).

[12] У Ралли все это придаточное предложение от «долженствующий» до «ускорить» отсутствует.

[13] У Ралли: «он будет всеми силами».

[14] Последнее предложение составляет у Ралли особый пункт «б»; а наш пункт «б» превращается у него в третий пункт «в».

во всей Европе и, поскольку возможно, также в Америке незримую сеть преданных революционеров [1], ставших еще сильнее благодаря именно этому об'единению в Альянс [2].

Б. ПРОГРАММА И ЦЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАТЬЕВ [3].

1. Принципы этой организации тождественны принципам программы Международного Альянса Социалистической Демократии. Они еще более подробно изложены по вопросам женскому, семейному, религиозному, юридическому и государственному в программе русской социалистической демократии.

Впрочем, Центральное Бюро предполагает дать им в ближайшем будущем более полное теоретическое и практическое развитие [4].

---

[1] У Ралли: «революционеров мысли».

[2] У Ралли после этого слова прибавлено: «пропагандирующий их идеи среди народов».

[3] Брошюра об Альянсе, стр. 126 — 132. Этот документ отсутствует у Ралли (выше мы об'яснили, почему), но тесная связь его с предыдущим и с последующими, а также его подлинность не могут подлежать сомнению. Неттлау, хотя и приводит его в III томе немецкого издания сочинений Бакунина (стр. 84—90) и не отрицает его подлинности, считает его личным проектом Бакунина, который в дальнейшем подвергся изменению на совместных совещаниях и в исправленном виде вошел в тот печатный текст, который он получил из наследства П. Робена (см. выше). Насчет постоянных изменений программы и уставов Бакуниным мы уже говорили выше.

[4] Это место возбуждает некоторые сомнения. О какой программе русской социалистической демократии говорит здесь Бакунин? Если о той, которая была напечатана в № 1 «Народного Дела» (см. том II этой работы), то она, как мы знаем, была весьма краткой и не развивала подробно перечисленных вопросов. Правда, Жуковский сообщает, что он средактировал ее в сжатом виде по более распространенному оригиналу, составленному Бакуниным (в письме к Марксу от 22 декабря 1868 года, приведенном нами в начале этого тома, Бакунин и короткую программу приписывает себе). Значит, существовала какая-то обширная русская анархическая программа, составленная Бакуниным. Но она до нас не дошла. Программа «Русского Братства», относящаяся к 1872 году (см. в томе IV), поскольку она известна нам из брошюры «К русским революционерам», также не содержит подробного развития этих вопросов. Нельзя ли понять это место так, что Бакунин ссылается на еще не готовую, но имеющую быть составленную в будущем программу? Слова о намерении Центрального Бюро дать в ближайшем будущем подробное развитие затронутым вопросам как будто делают такое предположение основательным. Но все-таки это место остается неясным.

2. Ассоциация интернациональных братьев стремится к всеобщей революции — одновременно социальной, философской, экономической и политической, дабы от современного порядка вещей, основанного на собственности, на эксплоатации, на господстве и на принципе власти религиозной, метафизической и буржуазно-доктринерской или даже якобинско-революционной, не осталось — сначала в Европе, а затем и в остальном мире — камня на камне, под клич: мир трудящимся, свобода для всех угнетенных и смерть угнетателям, эксплоататорам и опекунам всякого рода; мы хотим разрушить все государства и все религии со всеми их учреждениями и их законами, религиозными, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и социальными, дабы все эти миллионы бедных человеческих существ, обманутых, порабощенных, издерганных, эксплоатируемых, вздохнули, наконец, вполне свободно, освободившись от всех своих официальных и официозных руководителей и благодетелей [1].

3. Убежденные в том, что индивидуальное и социальное зло коренится не столько в личностях, сколько в организации порядка вещей и в общественных положениях, мы будем человечными, как из чувства справедливости, так и по расчету целесообразности, и будем безжалостно разрушать положения и вещи, чтобы без всякой опасности для революции щадить людей. Мы отрицаем свободу воли и мнимое право общества карать. Даже справедливость, взятая в самом человеческом, самом широком смысле этого слова, есть лишь идея, так сказать, отрицательная и переходная; она ставит социальную проблему, но не обдумывает ее, ограничиваясь лишь указанием единственно возможного пути человеческого освобождения, т.-е. гуманизации общества посредством свободы в равенстве; положительное решение может быть

Неттлау (нем. изд. сочинений Бакунина, том III, стр. 85) дает этому месту, по нашему мнению, несколько произвольное толкование. Он почему-то готов предположить (хотя не совсем уверенно), что обещание Бакунина относится к его плану дать подробное развитие этим вопросам в «Народном Деле». А так как Бакунин ушел из «Народного Дела» в середине октября 1868 года, то отсюда вытекало бы, что эти строки, а значит, и вся программа относятся к началу октября 1868 года. Но Бакунин вовсе не говорит о том, что он собирается развивать эту тему в «Народном Деле», а потому вывод Неттлау относительно даты этого документа не может быть обоснован цитируемыми строками.

[1] В приводимый Неттлау печатный текст устава-программы Интернационального братства этот абзац вошел почти целиком с некоторыми несущественными изменениями. Между прочим, в печатном тексте речь все время ведется от имени «мы», «нас» и т. д., тогда как в тексте брошюры об Альянсе говорится безлично о Братстве.

дано только путем все большей рационализации общественной организации. Это вожделенное решение, составляющее наш общий идеал,.. заключается в свободе, нравственности, умственном развитии и благосостоянии каждого посредством всеобщей солидарности, — в человеческом братстве.

Всякий человеческий индивидуум является непроизвольным продуктом естественной и социальной среды, в которой он родился, развился и под влиянием которой он продолжает пребывать. Тремя великими причинами всякой человеческой безнравственности являются: политическое, экономическое и социальное неравенство, невежество, представляющее их естественный результат, и их неизбежное следствие — р а б с т в о.

Так как организация общества всегда и повсюду была единственной причиной совершаемых людьми преступлений, то очевидным лицемерием или нелепостью со стороны общества является наказание преступников, ибо всякое наказание предполагает виновность, а преступники никогда не виновны. Теория вины и наказания родилась из богословия, т.-е. из сочетания нелепости с религиозным лицемерием.

Единственное право, которое можно признать за обществом в его современном переходном состоянии, это—естественное право на у б и й с т в о созданных им самим преступников в интересах собственной защиты, а не право судить их и осуждать. Это даже не будет правом в строгом смысле этого слова, а скорее естественным фактом, печальным, но неизбежным, признаком и продуктом беспомощности и бессмысленности современного общества; и чем больше общество сумеет избежать использования им, тем оно будет ближе к своему подлинному освобождению. Все революционеры, угнетенные, страдающие жертвы современной организации общества, сердца коих, естественно, полны мести и ненависти, должны хорошо помнить, что короли, угнетатели, эксплоататоры всякого рода столь же виновны, как и преступники, вышедшие из народных масс: они — злодеи, но не виновные, так как они, подобно обыкновенным преступникам, являются непроизвольным продуктом современной организации общества.

Не нужно будет удивляться, если в первый момент восставший народ многих из них перебьет, — это будет, пожалуй, неизбежным злом, столь же фатальным[1], как и опустошения, причиненные бурей. Но это естественное явление не будет ни нравственным, ни даже полезным. В этом отношении история полна уроков: страшной гильотине

[1] В печатном тексте сказано «futile»; но это явная опечатка вместо «fatal».

1793 года, которую нельзя обвинять в лени или медлительности, не удалось уничтожить аристократический класс Франции. Аристократия была там если не совсем уничтожена, то, по крайней мере, глубоко поколеблена не гильотиной, а конфискацией и продажей ее поместий. Вообще можно сказать, что политическая резня никогда не убивала партий; в особенности она оказывалась бессильной против привилегированных классов, ибо могущество не столько коренится в людях, сколько в положении, которое создает привилегированным людям организация порядка вещей, т.-е. институт государства и его естественное следствие, равно как и основа, — частная собственность.

Чтобы совершить радикальную революцию, нужно поэтому повести нападение на положения и на вещи, разрушить собственность и государство, а тогда не придется уничтожать людей и обрекать себя на неминуемую и неизбежную реакцию, без которой никогда не обходилось и не обойдется во всяком обществе массовое убийство людей.

Но, чтобы иметь право быть человечным к людям без опасности для революции, нужно будет проявить безжалостность к положениям и вещам; нужно будет все разрушить, а в особенности и прежде всего собственность и ее неизбежное следствие — государство. Вот и весь секрет революции.

Не приходится удивляться тому, что якобинцы и бланкисты, которые стали социалистами скорее по необходимости, чем по убеждению, и для которых социализм представляет средство, а не цель революции, так как они хотят диктатуры, т.-е. централизации государства, а государство в силу неизбежной логической необходимости приведет их к восстановлению собственности, — так вот вполне естественно, говорим мы, что, не желая совершать радикальной революции против вещей, они мечтают о кровавой революции против людей. Но такая кровавая революция, основанная на создании сильно централизованного революционного государства, неизбежно привела бы, как мы это полнее докажем потом, к военной диктатуре нового владыки. Следовательно, победа якобинцев или бланкистов означала бы смерть революции [1].

---

[1] Весь третий пункт заменен в печатном тексте кратким абзацем, гласящим: «Отвергая свободу воли, мы признаем за всяким обществом право самозащиты, но отрицаем за ним право карать, а так как мы, вдобавок, убеждены, что индивидуальное и социальное зло коренится не в личностях, а в организации вещей и в общественных положениях, мы будем безжалостно разрушать эту организацию и эти положения, дабы без риска для революции щадить людей».

4. Мы—естественные враги тех революционеров,—будущих диктаторов, регламентаторов и опекунов революции, — которые даже до того, как разрушены современные монархические, аристократические и буржуазные государства, уже мечтают о создании новых революционных государств, столь же централизаторских и более деспотичных, чем существующие ныне государства, — революционеров, имеющих столь сильную привычку к порядку, созданному каким-нибудь авторитетом свыше, и испытывающих столь глубокое отвращение к тому, что представляется им беспорядком, а на деле является не чем иным, кад непосредственным и естественным выражением народной жизни, что даже раньше, чем революцией произведен добрый и благодетельный беспорядок, уже мечтают о конце и укрощении его действиями какой-нибудь власти, у которой революционного будет только название, но которая в действительности будет только новой реакцией, так как на деле она будет только новым обречением народных масс, управляемых декретами, на повиновение, неподвижность и смерть, т.-е. на рабство и на эксплоатацию новой, якобы революционной, аристократией.

5. Мы понимаем революцию в смысле разнуздания того, что ныне называется дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется «общественным порядком».

Мы не боимся, мы призываем анархию, убежденные в том, что из этой анархии, т.-е. из полного проявления освобожденной народной жизни, должны выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядок и самая сила революции против реакции. Эта новая жизнь — народная революция, — без сомнения, не замедлит сорганизоваться, но она создаст свою революционную организацию снизу вверх и от периферии к центру — соответственно принципу свободы, а не сверху вниз, не от центра к периферии — согласно способу всякой власти, ибо для нас неважно, называется ли эта власть церковью, монархией, конституционным государством, буржуазной республикой или даже революционной диктатурой. Мы их все одинаково ненавидим и отвергаем как неизбежный источник эксплоатации и деспотизма [1].

---

[1] Четвертый и пятый пункты заменены в печатном тексте также одним абзацем, который гласит: «В революции мы враги всего того, что является авторитарной системой, притязанием на официальное руководство народом. Революции совершаются народом, коренятся в народе, и всякая революционная власть, образующаяся вне его, фатально ему враждебна. Мы полностью верим в инстинкты народных масс, и наш революционный прием сводится к организованному разнузданию того, что ныне зовется д у р н ы м и с т р а с т я м и, и к разрушению того, что на том же буржуазном языке зовется о б щ е с т в е н н ы м п о р я д к о м. Мы призываем а н а р х и ю, это выра-

6. Революция, как мы ее понимаем, должна будет с первого же дня разрушить радикально и окончательно государство и все государственные установления. Естественными и необходимыми последствиями этого разрушения будут: а) государственное банкротство; б) прекращение уплаты частных долгов посредством государственного вмешательства, с предоставлением каждому должнику права платить свои долги, если ему это угодно; в) прекращение уплаты всякого обложения и взимания всяких налогов, прямых или косвенных; г) роспуск армии, магистратуры, бюрократии, полиции и духовенства; д) уничтожение казенной юстиции, отмена всего того, что на юридическом языке называлось правом, и применения этого права. Следовательно, уничтожение и сожжение всех документов, удостоверяющих собственность, завещаний, купчих крепостей и дарственных, всех процессов, одним словом, всего вороха юридических и гражданских бумаг. Везде и во всем — революционный факт вместо созданного и гарантированного государством права; е) конфискация всех производственных капиталов и орудий труда в пользу ассоциаций трудящихся, которые должны будут коллективно обратить их на производство; ж) конфискация всей церковной и государственной собственности, а также драгоценных металлов, принадлежащих отдельным лицам, в пользу федеративного союза всех рабочих ассоциаций, — союза, который образует Коммуну. Взамен конфискованных богатств Коммуна предоставит всем таким образом экспроприированным лицам строго необходимое, а излишек они смогут зарабатывать собственным трудом, если будут в состоянии и пожелают [1]; з) для организации Коммуны — перманентная федерация бар-

---

жение жизни и стремлений народных, из которой должны проистечь свобода, равенство, справедливость, новый порядок и самая сила революции». Все это почти буквально повторяется в брошюре «К русским революционерам», что доказывает, что она действительно является программой «Русского Братства», составленной Бакуниным по программе Интернационального Братства (почти без изменений). Вообще печатный текст, найденный Неттлау, в своей теоретической части почти целиком совпадает с содержанием этой брошюры, почему и можно допустить, что он представляет устав-программу в исправленном после 1869 года виде.

[1] В печатном тексте первые пять пунктов составляют первый раздел под заглавием «Программа и цель». Начиная с 6-го пункта идет второй раздел под заглавием «Революционная политика», который в свою очередь подразделяется на две части: а) «Отрицательная сторона» и б) «Положительная сторона». Пункт 6-й от *а* до *ж* соответствует «Отрицательной стороне» печатного текста (равно как и текста других аналогичных рукописей Бакунина, одна из которых опубликована у Неттлау на стр. 267—271 и относится еще к периоду старого Братства, распавшегося весною *1868 года*). Сопоставляя

рикад и функционирование Совета Революционной Коммуны, составленного путем делегирования по одному или по два депутата от каждой баррикады, по одному от улицы или квартала, — депутатов, снабженных императивными мандатами, всегда ответственных и всегда подлежащих отозванию. Организованный таким путем Коммунальный Совет сможет выбрать из своей среды исполнительные комитеты, выделенные для каждой отрасли революционного управления Коммуны; и) декларация восставшей и организовавшейся в Коммуну столицы о том, что после разрушения авторитарного и опекунского государства, — что она вправе была сделать, так как сама была порабощена им наравне со всеми другими местностями, — она отказывается от своего права или, скорее, от всякой претензии на управление провинциями и навязывание им своей воли; к) обращение ко всем провинциям, коммунам и ассоциациям с предложением им всем последовать примеру столицы, сначала революционно реорганизоваться, а затем делегировать в условленный пункт своих депутатов, также снабженных императивными мандатами, ответственных и могущих быть отозванными, с целью образовать федерацию ассоциаций, коммун и провинций, восставших во имя тех же принципов, и организовать революционную силу, способную восторжествовать над реакцией. Посылка неофициальных революционных комиссаров с какими-нибудь нагрудными шарфами, а революционных пропагандистов во все провинции и коммуны — в особенности к крестьянам, которые не могут быть революционизированы ни принципами, ни декретами какой-либо диктатуры, а лишь самим революционным фактом, т.-е. последствиями, которые неминуемо вызовет во всех

оба варианта (печатного текста и текста брошюры об Альянсе), мы находим, что печатный текст несколько короче, и что в нем отсутствуют важные пункты. Например, в печатном тексте нет требования роспуска армии и духовенства; нет отмены монополий (то и другое имеется в программе «Русского Братства» *1872 года*); нет указания на то, что конфискованные орудия производства и имущества передаются ассоциациям трудящихся для организации коллективного производства (этого пункта нет и в программе «Русского Братства», по крайней мере в том виде, в каком она нам известна по брошюре «К русским революционерам»). Не говорит ли это о том, что текст, напечатанный в брошюре об Альянсе, представляет, вопреки мнению Неттлау, более позднюю, а не более раннюю редакцию сравнительно с печатным текстом? Мы скорее готовы допустить последнее. Иначе пришлось бы признать, что на коллективном обсуждении были выброшены такие пункты, как роспуск армий, передача конфискованных имуществ рабочим ассоциациям и т. п., — пункты, большинство которых все-таки имеется в более поздних редакциях программы, как, напр., в программе «Русского Братства».

коммунах полнейшее прекращение юридической, официальной жизни государства. Уничтожение национального государства еще в том смысле, что всякая иноземная страна, провинция, коммуна, ассоциация и даже отдельная личность, поднявшиеся во имя тех же принципов, будут приняты в революционную федерацию, не считаясь с существующими границами государств и несмотря на принадлежность их к иным политическим и национальным системам; собственные же провинции, коммуны, ассоциации и индивидуумы, которые примут сторону реакции, будут из нее исключены. Таким образом, благодаря самому факту расширения и организации революции в видах взаимной защиты восставших стран победит всеобщий характер революции, основанной на уничтожении границ и на разрушении государств.

7. Отныне победоносная политическая или национальная революция невозможна, если только политическая революция не превратится в революцию социальную, а национальная [1] революция именно в силу своего радикально-социалистического и разрушительного для государства характера не станет всеобщей революцией.

8. Так как революция должна повсюду совершаться народом, а высшее руководство ею должно всегда принадлежать народу, организованному в свободную федерацию земледельческих и промышленных ассоциаций, то новое революционное государство, организующееся снизу вверх посредством революционных делегаций и обнимающее все восставшие во имя одинаковых принципов страны, не считаясь со старыми границами и национальными различиями, будет иметь задачей заведывание публичными службами, а не управление народами. Оно образует новое отечество, Союз мировой революции против Союза всех видов реакции.

9. Эта организация исключает всякую мысль о диктатуре и опекунски управляющей власти. Но для самого установления этого революционного Союза и для торжества революции над реакцией необходимо, чтобы посреди народной анархии, которая составит самую жизнь и всю энергию революции, единство революционной мысли и революционного действия нашло свой орган. Этим органом должно быть тайное всемирное Общество интернациональных братьев.

10. Это общество исходит из убеждения, что революции никогда не делаются личностями или даже подпольными организациями. Они происходят как бы сами собой, вызванные силой вещей, ходом событий

[1] В печатном тексте «rationelle» (рациональная); но это, видимо, опечатка вместо «nationale».

и фактов. Одни задолго подготовляются в глубине инстинктивного сознания народных масс, затем вспыхивают, зачастую вызванные по внешности незначительными причинами. Все, что может сделать хорошо организованное тайное общество, это, во-первых, помочь рождению революции, распространяя в массах идеи, соответствующие их инстинктам, и организовать—не революционную армию, ибо армией должен всегда быть народ, а нечто вроде революционного главного штаба, составленного из лиц преданных, энергичных, разумных и в особенности искренних, а не честолюбивых и тщеславных, друзей народа, способных служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами [1].

11. Число этих лиц не должно быть очень большим. Для международной организации во всей Европе достаточно ста крепко и серьезно связанных революционеров. Двух-трех сотен революционеров достаточно для организации самой большой страны [2].

II.

ОРГАНИЗАЦИЯ АЛЬЯНСА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАТЬЕВ [3].

Три степени:

1) Интернациональные братья.

2) Национальные братья.

3) Полутайная, полуоткрытая организация Международного Альянса Социалистической Демократии [4].

---

[1] Все пункты от *з* 6-й ст. по 10-ю ст. включительно соответствуют разделу «Положительная сторона» печатного текста. Содержание в общем совпадает, хотя в печатном тексте дается конкретное перечисление комиссий, на которые разбивается делегатский корпус, например: продовольствия, пропаганды, труда, народного просвещения, путей сообщения и проч. (то же и в программе «Русского Братства»), чего нет в тексте брошюры об Альянсе. Отличаются оба варианта общей конструкцией. В тексте брошюры подробно излагаются принципы социальной революции, и только в конце (ст.ст. 9-я и 10-я) говорится о задачах и роли Братства. В печатном тексте первый абзац говорит о принципах революции в общей форме, остальные пять абзацев все посвящены задачам Братства, которому здесь отводится более влиятельная роль, чем в тексте брошюры об Альянсе. Программа «Русского Братства» занимает в этом отношении промежуточное место, приближаясь больше к программе, напечатанной в брошюре об Альянсе.

[2] Этой (11-й статьи) нет в печатном тексте, равно как в программе «Русского Братства».

[3] Брошюра об Альянсе, стр. 118—124; у Ралли стр. 314—317 (устав Братства) и 317—318 (устав реформированного Альянса).

[4] У Ралли весь этот абзац, несомненно в оригинале 1869 года имевшийся, отсутствует, ибо он пользовался несколько исправленным текстом

I. Устав (Réglements) интернациональных братьев [1].

1. Интернациональные братья не имеют иного отечества, кроме всемирной революции, иной чужбины и иного врага, кроме реакции [2].

1872 года, когда открытого Альянса уже не существовало. По той же причине этот пункт в печатном тексте изложен так: «I. Эта организация разделяется на две категории: 1 [Интернациональная семья или Братство], 2 [Национальные братья]» (дополнения в скобках сделаны по смыслу Максом Неттлау). Здесь об Альянсе ничего не говорится (если только Неттлау верно заполняет пробелы). Мы делаем отсюда тот вывод, что печатный текст предшествовал образованию открытого Альянса, т.-е. относится ко времени до сентября 1868 года, и представляет более раннюю редакцию, а не более позднюю, как думает Неттлау (см. выше). И действительно, это — программа-устав только Интернационального Братства, которое до сентября 1868 г. и после 1872 года сливалось с тайным Альянсом.

[1] Ралли называет его «программой» интернациональных братьев. Эта ошибка, быть может, помешала ему заметить, что программы-то Интернационального Братства, которая у него отсутствует, он и не дал.

[2] У Ралли вместо пункта 1 идет введение следующего содержания:

«Интернациональные братья не имеют иного отечества, кроме всемирной социальной революции; у них нет иного врага, кроме господства во всех его формах: религиозной, доктринерской, политической, экономической и социальной.

«Интернациональные братья стремятся к созданию свободного человеческого мира, основанного на труде, равенстве, солидарности всех человеческих существ.

«Мы хотим:

«1) разрушения всех религиозных, политических, юридических, экономических и социальных учреждений, составляющих настоящий буржуазный порядок вещей;

«2) создания самостоятельной и совершенно свободной организации освобожденных масс на место разрушенного государственного строя».

Дальше идут те же пункты, что в брошюре об Альянсе, но пункт 2-й брошюры, естественно, превращается у Ралли в 3-й, пункт 4-й брошюры у Ралли — в 5-й и т. д., так что у него 18 пунктов соответствуют 17 пунктам брошюры. Зато в брошюре есть 18-й пункт, которого у Ралли нет.

Сопоставление обеих версий наводит на допущение, что в более позднее время, т.-е. в 1872 году, приведенная нами выше подробная программа Братства (у Ралли не приведенная) была сведена к тем немногим положениям, которые содержатся во введении и первых двух пунктах версии, приводимой Ралли. Но, с другой стороны, вся структура версии Ралли (сначала «мы хотим», затем 2 пункта этих хотений, которые с 3-го пункта уже исчезают и заменяются рядом пунктов, в которых слова «интернациональные братья» являются подлежащим, как во всех пунктах версии брошюры об Альянсе)

2. Они отвергают всякую политику соглашательства и уступок и считают реакционным всякое политическое движение, которое не имеет ближайшей и прямой целью победу их принципов [1].

3. Они — братья, никогда они не нападают друг на друга и не сводят своих счетов публично или в трибуналах [2]. Третейский суд, избранный обеими сторонами из среды братьев, — вот их единственный суд.

наводит на мысль, что у Ралли механически сшиты два разных документа, а подлинным текстом является версия брошюры. Не следует также забывать, что Ралли приводит итальянский текст устава, тогда как брошюра дает французский. Возможно, что тексты на разных языках действительно расходились в деталях. Решить этот вопрос можно будет только тогда, когда у нас в руках будут тексты на разных языках, точно установленные и относящиеся к одному времени. Пока этого нет.

[1] Печатный текст в III разделе, озаглавленном «Тайная организация», несколько подробнее. Статью 1-ю, гласящую о разделении на две категории, мы уже привели. Ст. 2-я гласит: «Согласно всем программам и изложению революционной политики [Интернационального Братства] [интернациональные братья] не признают другого отечества, кроме революции, и другого революционного дела, кроме дела рабочих в их борьбе против частной наследственной собственности на землю и на капитал и против самого существования государства, не имеющего иной миссии, кроме насильственной охраны и юридического обеспечения этой собственности. Они будут подчинять все так называемые национальные и патриотические интересы высшему интересу мировой революции». Ст. 3-я: «Никто не может вступить в [Интернациональное Братство], если он не обязался формально и бесповоротно порвать со всеми заблуждениями буржуазно-республиканской или даже буржуазно-социалистической политики и если, отвергнув всякие уступки тому, что на языке мудрецов этой политики зовется практической необходимостью дня, он не принял твердого решения согласовать впредь свои действия с единственным руководством, определяемым нашею революционною политикою. Всякая другая политика является с точки зрения [Интернационального Братства] политикой реакционной. Оно с одинаковой энергией отвергает обманную медлительность буржуазного социализма и диктаторские поползновения авторитарных революционеров, которые под предлогом спасения народа хотят навязать ему временно и в качестве необходимой переходной меры новую узду и свою власть, столь же угнетательскую и растлевающую, как и та, которую они собираются разрушить. [Интернациональное Братство] отвергает так называемое революционное государство и изгоняет из своей среды всех людей, которые хотя и заявляют о своем платоническом сочувствии нашей программе, но откладывают ее осуществление до лучших времен, а пока что, ссылаясь на свою практичность, предают наши принципы и нашу революционную политику в интересах буржуазного республиканизма и социализма или революционной диктатуры».

Дальше идут уже пункты уставного характера.

[2] Фразы насчет трибуналов у Ралли нет.

4. Каждый должен быть священным для остальных, более священным, чем брат по рождению [1]. Каждый брат должен получать помощь и защиту до пределов возможного.

5. Интернациональным братом может стать только тот, кто определенно воспринял всю программу [2] со всеми вытекающими из нее теоретическими и практическими последствиями и кто с умом, энергией, честностью и выдержкой соединяет еще революционную страсть, имеет чорта в теле. Мы не налагаем ни обязанностей, ни жертв. Но в ком жива эта страсть, тот сделает много, даже не подозревая, что приносит жертвы [3].

6. Для брата не должно быть более серьезных и более священных дел, интересов и обязанностей, чем служение революции и нашему тайному обществу, которое должно ей служить.

7. Брат всегда имеет право отказаться от задания, которое возлагает на него Центральный комитет или его национальный комитет, но ряд повторных отказов заставит смотреть на него как на человека злонамеренного или нерадивого. В таком случае он может быть временно лишен своего звания своим национальным комитетом и по предложению последнего отставлен Центральным комитетом впредь до окончательного решения Учредительного собрания [4].

8. Ни один брат не может занять общественного поста без согласия комитета, к которому принадлежит. Ни один из них не имеет права совершать акты или публичные выступления, идущие вразрез или даже чуждые линии поведения, установленной его комитетом [5], не запросив последний. Всякий раз, когда собираются два или три брата, они должны советоваться между собой по всем важным общественным делам [6].

9. Все интернациональные братья знают друг друга. Никогда [7] между ними не должно существовать политических секретов. Ни один из них не может вступить в какое-нибудь тайное общество без определенного согласия своего комитета, а в слу-

---

[1] Сравнения с братом по рождению у Ралли нет.

[2] Таким образом мы имеем здесь определенную ссылку на программу (конечно, Интернационального Братства), которую Ралли не приводит, но существование которой здесь ясно указывается.

[3] Последних двух фраз (после «чорта в теле») у Ралли нет.

[4] Слов «впредь до... решения У. С.» у Ралли нет.

[5] Слова от «идущие» до «комитетом» у Ралли отсутствуют.

[6] Последнего предложения у Ралли нет.

[7] Перед этим у Ралли прибавлено: «Между ними обязательна полная прозрачность» (т.-е. откровенность).

чае надобности, когда последний этого потребует, то и Центрального комитета [1]. И он сможет участвовать в таком тайном обществе лишь при условии раскрытия перед ними всех интересующих их прямо или косвенно тайн [2].

10. Организация интернациональных братьев подразделяется следующим образом: А) Генеральный комитет или Учредительное собрание [3].

Б) Центральный комитет.

В) Национальные комитеты.

А. Генеральный комитет. Он состоит из всех или, по крайней мере, $^2/_3$ интернациональных братьев, которые собираются регулярно в определенные сроки либо созываются на чрезвычайное совещание по постановлению большинства Центрального комитета [4]. Он является высшей учредительной и исполнительной властью всей нашей организации, программу [5], правила и органические статуты которой он может изменять [6].

---

[1] У Ралли требуется согласие только Центрального комитета.

[2] В печатном тексте соответственные пункты (4—8) изложены несколько иначе: здесь особенно напирается на необходимость строгой конспирации от посторонних. Вероятно, Бакунин имел в виду Малона, к которому, несомненно, относится и то место статьи 3-й, которое говорит о практических людях, на словах приемлющих программу Интернационального Братства, а на деле предающих ее в интересах «буржуазного социализма». Это дает основание относить печатный текст к январю — марту 1869 года, когда произошел разрыв Бакунина с Малоном и исключение последнего из Интернационального Братства. Впрочем, мы высказываем это только в виде гипотезы.

[3] У Ралли: «Общее собрание всех».

[4] У Ралли сроки и способ созыва не указываются.

[5] Снова отмечаем указание на программу Интернационального Братства, которую Ралли не приводит.

[6] Чрезвычайно интересны статьи 9—13 печатного текста, которые благодаря пропускам там, где говорится об организациях, могут быть расшифрованы лишь приблизительно. Весь отдел озаглавлен: «Le...». Что скрывается под этим le? Содержание статей дает право ответить: le congrès (конгресс). В самом деле вот ст. 9: «Все [интернациональные братья], собравшись на [конгресс], образуют Учредительное собрание и высшую законодательную и исполнительную власть [Интернационального Братства]. Только [конгресс] вправе изменять программу, устав и политику [Интернационального Братства], но не иначе, как большинством двух третей голосов». Ст. 10: «Регулярные [конгрессы] [Интернационального Братства] будут собираться раз в год, в то же время и в том же месте, что и конгрессы [Интернационала]. Все [интернациональные братья] с помощью своих национальных организаций или своих [комитетов?] должны, следовательно, озаботиться своим избранием в делегаты». Сопоставляя эти статьи с статьей первой тайного

Б. Центральный комитет Он состоит из: а) Центрального Бюро и б) Центрального наблюдательного комитета. Членами последнего являются все интернациональные братья, которые, не будучи членами Бюро, окажутся на таком расстоянии от него, что могут быть собраны в двухдневный срок, и, разумеется, все проезжающие братья. (О всех их взаимоотношениях см. ст. 2—4 регламента Альянса Социалистической Демократии) [1].

В. Национальные комитеты. Все национальные комитеты составляются из всех интернациональных братьев (независимо от их национальности), находящихся налицо или по соседству от центра национальной организации. Каждый национальный комитет также подразделяется на: а) национальное исполнительное бюро и б) национальный наблюдательный комитет. В последний входят все наличные интернациональные братья, которые не входят в бюро. Взаимоотношения—те же, что и в Альянсе Социалистической Демократии [2].

11. Для принятия нового брата требуется единогласное постановление всех наличных членов (по крайней мере трех) национального комитета и утверждение большинством $^2/_3$ Центрального комитета. Центральный комитет может принять нового (национального) брата по единогласному постановлению всех его членов [3].

устава Альянса (см. ниже), мы убеждаемся почти в полном их тождестве. Отсюда вытекает: 1) совпадение конгрессов Интернационального Братства с конгрессами Альянса или даже совпадение самих этих организаций и 2) ошибка Неттлау, который толкует десятую статью так, будто в ней рекомендуется интернациональным братьям стараться попасть делегатами на с'езды... Альянса. Можно было бы еще, сопоставляя эту статью с статьей 3-й устава Альянса, толковать ее так, что на учредительное собрание Альянса должны стараться попасть члены Постоянного Центрального комитета; но и это собрание предполагалось одновременно с конгрессом Интернационала.

[1] У Ралли этот пункт гласит: «Состоит из Центрального Бюро и Центрального наблюдательного комитета, члены которого суть те из братьев, которые находятся по делам Союза среди братьев национальных комитетов».

[2] У Ралли этот пункт гласит: «Все национальные комитеты состоят из интернациональных братьев, которые составляют местный комитет национальных организаций, и те[х], которые при Центральном комитете состоят делегатами этих комитетов».

[3] У Ралли последняя фраза превращается в особый пункт (13-й), при чем сформулирован он явно неправильно: «Центральный комитет принимает нового члена в свою среду единогласно». Выходит, что у Ралли речь идет о пополнении Центрального комитета. Между тем весь раздел говорит о национальных комитетах и национальных братьях. Ясно, что Ралли перевел этот пункт неверно, и что правилен наш перевод с версии брошюры об Альянсе.

12. Каждый национальный комитет должен собираться, по крайней мере, раз в неделю, чтобы контролировать и усиливать организационную, пропагандистскую и административную работу своего бюро [1]. Он является естественным судьей поведения каждого из его членов во всем том, что касается их революционного достоинства и их отношений к Обществу. Его решения должны быть представляемы на утверждение Центрального комитета. Он направляет действия и все публичные выступления всех членов [2]. Он должен через посредство своего бюро или через намеченного им брата [3] поддерживать регулярную переписку с Центральным Бюро, куда он должен писать, по крайней мере, раз в две недели [4].

13. Национальный комитет организует тайное общество национальных братьев своей страны.

II. Национальные братья.

14. Национальные братья должны быть организованы в каждой стране так, чтобы они никогда не могли выйти из-под руководства общей организации интернациональных братьев и особенно Генерального комитета и Центрального комитета. Их программы и их регламенты могут вступить окончательно в силу лишь после санкции Центрального комитета [5].

15. Каждый национальный комитет, если находит полезным, может установить в своей среде два разряда: а) разряд национальных братьев, которые знают друг друга во всей стране, и б) разряд братьев, которые знают друг друга только в пределах небольших групп. Ни в коем случае национальные братья не должны даже и подозревать о существовании интернациональной организации [6].

16. Провинциальные центры, составленные целиком или частью из интернациональных братьев либо из национальных братьев первой категории, учреждаются во всех главных пунктах страны с заданием содействовать возможно более глубокому и широкому развитию тайной организации и пропаганде принципов, не довольствуясь

---

[1] Этого предложения у Ралли нет.
[2] У Ралли: «всех национальных братьев».
[3] У Ралли об отдельном брате не говорится.
[4] У Ралли срок не указан.
[5] Последнего предложения у Ралли нет.
[6] У Ралли прибавлено: «и местонахождение и состав Центрального интернационального комитета».

работой в городах, а пытаясь также распространять их в деревнях и среди крестьянства [1].

17. Национальные комитеты должны стараться создать возможно скорее денежные средства, необходимые не только для успеха их собственной организации, но и для общих нужд всей Ассоциации. Поэтому они должны посылать часть — половину? [2] — Центральному Бюро [3].

18. Национальные бюро должны быть очень активными, памятуя, что принципы, программы и уставы имеют цену лишь постольку, поскольку лица, которые должны их проводить в жизнь, имеют чорта в теле [4].

ТАЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ [5].

1. Постоянный Центральный Комитет Альянса составляется из всех членов постоянных национальных комитетов и членов женевской Центральной секции.

Пленарное собрание этих членов образует тайное Генеральное собрание Альянса, которое является учредительной и высшей властью Альянса и собирается, по меньшей мере, один раз в год во время конгрессов рабочих [6], в составе делегатов от разных нацио-

[1] Пункта 16-го у Ралли нет.

[2] В уставе открытого Альянса, выработанном в декабре 1868 года, в пункте 6-м определенно устанавливается половина. Если этот вопросительный знак не есть результат опечатки, а действительно стоит в оригинале документа, которым пользовались авторы брошюры, то естественно навязывается предположение, что этот устав был выработан еще до декабря 1868 г., т.-е. с первых же шагов деятельности открытого Альянса, другими словами, что он представляет старый устав Братства, слегка видоизмененный и дополненный сообразно новым потребностям, возникшим в связи с созданием открытого Альянса. Это лишний раз подтверждает наше предположение о преемственности тайного общества, его программы и устава. В печатном издании определенно говорится о половине.

[3] Вместо последнего предложения, устанавливающего долю отчисления, у Ралли стоит характерная фраза: «Изыскание денежных средств ни в каком случае не может быть таково, чтобы его могли назвать нечистым».

[4] Этого пункта у Ралли нет.

[5] Брошюра об Альянсе, стр. 121—124. Другой текст этого тайного устава (повидимому, проект), найденный в бумагах Беккера, напечатан Д. Рязановым в «Архиве» Грюнберга, том V, стр. 196—199. Он отличается от первого текста в распланировке и в деталях, но по существу оба документа совпадают и рисуют приблизительно одинаковую организацию Альянса. Он составлен, повидимому, осенью 1868 года и представляет более раннюю редакцию устава.

[6] Т.-е. во время ежегодных конгрессов Интернационала.

нальных групп Альянса; оно может также быть созвано в любой момент Центральным Бюро или женевской Центральной секцией.

2. Центральная женевская секция есть постоянная делегация Постоянного Центрального Комитета. Она составляется из всех членов Центрального Бюро и из тех членов наблюдательного комитета, которые по необходимости всегда будут числиться членами Постоянного Центрального Комитета. Центральная секция будет Верховным исполнительным советом Альянса, [действующим] в рамках конституции и тактической линии, устанавливаемых и изменяемых только Генеральным собранием. Она принимает решения по всем вопросам исполнительного характера (но не конституционным и общеполитическим) простым большинством голосов, и принятые ею таким образом решения обязательны для Центрального Бюро, с той оговоркой, что Бюро по постановлению большинства своих членов вправе апеллировать к Генеральному собранию, которое Бюро в таком случае обязано созвать в трехнедельный срок. Чтобы быть правомочным, Генеральное собрание должно в этих случаях состоять из $^2/_3$ своих членов.

3. Центральное Бюро — исполнительная власть — состоит из 3 до 5 и даже 7 членов, которые всегда одновременно являются членами Постоянного Центрального Комитета. Как одна из двух частей, составляющих тайную Центральную секцию, Центральное Бюро является тайной организацией. В качестве таковой оно получает указания от Центральной секции и передает свои сообщения, чтобы не сказать свои тайные приказы, всем национальным комитетам, от которых получает тайные отчеты, по крайней мере, раз в месяц. В качестве исполнительной директории открытого Альянса оно является открытой организацией. В качестве таковой, оно, смотря по странам и обстоятельствам, ведет более или менее интимные или открытые сношения со всеми национальными бюро, от которых также получает ежемесячные отчеты. Его гласное правление это — правление президентства в федеративной республике. Центральное Бюро в качестве тайной и открытой исполнительной власти Альянса способствует тайной и открытой пропаганде общества и содействует его развитию во всех странах всеми возможными средствами. Оно ведает финансовыми средствами, которые, согласно пункту *б* открытого устава, поступают для общих нужд из всех стран. Оно издает газету и брошюры и рассылает раз'ездных агентов для основания групп Альянса в тех странах, где их

не существует. Во всех мерах, предпринимаемых для пользы Альянса, оно, впрочем, должно подчиняться большинству тайной Центральной секции, все члены которой к тому же входят в его состав. Как организация одновременно открытая и тайная, да еще целиком состоящая из членов Постоянного Центрального Комитета, Центральное Бюро всегда должно быть непосредственной эманацией этого Комитета. Временное центральное бюро в настоящее время будет представлено инициативной женевской группе как временно избранное всеми членами-основателями Альянса, большинство которых, бывшее до того членами Бернского конгресса [1], вернулось с него в свои страны, передав свои полномочия гражданину Б. [2]. Это Бюро будет функционировать до первого открытого Генерального собрания, которое, согласно п. 7-му открытого устава, должно собраться в качестве ветви Интернационального Товарищества Рабочих во время ближайшего рабочего конгресса [3]. Разумеется, члены нового Центрального Бюро должны быть назначены этим собранием. Но так как настоятельно необходимо, чтобы Центральное Бюро всегда состояло из одних только членов Постоянного Центрального Комитета, то последний должен через посредство своих национальных комитетов озаботиться организацией и руководством всех местных групп в том смысле, чтобы они послали делегатами на это Собрание только членов Постоянного Центрального Комитета, а при отсутствии таковых — людей, абсолютно преданных правлению своих собственных национальных комитетов, дабы Постоянный Комитет всегда держал в своих руках всю организацию Альянса.

4. Наблюдательный комитет осуществляет контроль над всеми действиями Центрального бюро. Он должен быть составлен из всех членов Постоянного Центрального комитета, находящихся либо на месте, либо по соседству с местопребыванием Центрального Бюро, равно как из всех членов, находящихся там временно или проездом, за исключением членов, входящих в Бюро. По требованию двух членов Наблюдательного комитета все члены последнего должны собраться в трехдневный срок вместе с членами Центрального Бюро для образования собрания Центральной секции Верхов-

---

[1] Лиги Мира и Свободы.

[2] Т.-е. Бакунину. Этого пункта в проекте, найденном в бумагах Беккера, нет.

[3] Состоялась ли во время Базельского конгресса 1869 года эта конференция Альянса, неизвестно.

ного исполнительного совета, права которого определены в пункте 2.

5. Национальные комитеты образуются из всех членов Постоянного Центрального Комитета, принадлежащих к одной нации. Как только наберется три члена Постоянного Центрального Комитета одной нации, Бюро или в случае необходимости Центральная секция предложат им образовать национальный комитет их страны. Каждый национальный комитет может избрать новых членов в центральный комитет своей страны, но не иначе, как по единогласному постановлению всех своих членов. Немедленно по избрании нового члена национальный комитет сообщает об этом в Центральное Бюро, которое регистрирует его и тем самым наделяет его всеми правами члена Постоянного Центрального Комитета. Женевская Центральная секция также облечена правом принимать новых членов по единогласному постановлению всех своих членов.

Каждый национальный комитет имеет специальное задание основать и организовать в своей стране национальную открытую и тайную группу Альянса. Он является высшим руководящим и административным органом этой группы через посредство своего Национального Бюро, которое ему надлежит основать, составив это бюро целиком из членов Постоянного Центрального Комитета. Национальные комитеты по отношению к своим соответственным бюро имеют те же отношения, права и власть, что и Центральная секция по отношению к Центральному Бюро. Национальные комитеты, образованные путем об'единения своих бюро и наблюдательных комитетов, признают руководство одного лишь Центрального Бюро и служат единственными посредниками между последним и всеми местными группами данной страны как в отношении пропаганды и управления, так и в отношении взимания и уплаты взносов. Национальные комитеты через посредство своих бюро должны озаботиться организациею Альянса в своей стране так, чтобы члены Постоянного Центрального Комитета всегда доминировали в нем и представляли его на конгрессах.

По мере того, как национальные бюро организуют свои местные группы, они должны представлять их уставы и программы на утверждение Центрального Бюро, без чего местные группы не смогут принадлежать к Международному Альянсу Социалистической Демократии[1].

---

[1] В редакции устава, найденного в бумагах Беккера, последние две статьи (14 и 15) гласят: «Национальные комитеты, состоящие из всех членов

Ввиду того, что тайный устав Альянса, приводимый Ралли и представляющий, по его словам, окончательную редакцию, принятую Союзом интернациональных братьев в 1872 году (т.-е., по нашему предположению, цюрихской конференцией Альянса в сентябре 1872 года), сильно отличается от того устава, который приводится в брошюре Энгельса — Лафарга и который явно представляет первоначальный тайный устав Альянса, мы приводим полностью текст, сообщаемый в воспоминаниях Ралли (цит. ст., стр. 317—318). Оба документа, как увидит читатель, на этот раз сильно отличаются друг от друга, в отличие от первых двух документов, общих брошюре и Ралли, которые совпадают во всем существенном и отличаются только в деталях. Это означает не то, что устав Альянса, напечатанный в брошюре, не является подлинным, а лишь то, что это первый или один из первых уставов, который в 1872 году, после Гаагского конгресса, естественно должен был уступить место другому в результате глубоких перемен, наступивших в лагере альянсистов.

1. Центральный перманентный комитет Союза состоит из всех членов перманентных национальных комитетов и членов Центральной делегации. Эти члены, собранные вместе, составляют общее собрание тайного Общества или Союза, которое и есть учредительная и верховная власть всего Союза. Собрание имеет место непременно раз в год, но может быть созвано Центральной делегацией во всякое время.

2. Центральная делегация есть постоянная представительница Центрального перманентного комитета Союза. Она есть верховный исполнительный совет Союза в границах устава и круга действий, которые могут быть изменены только общим собранием тайного Союза.

Все вопросы, подлежащие исполнению, решаются делегацией простым большинством голосов, и принятые решения обязательны для национальных комитетов.

3. Центральная делегация выделяет из своей среды 3—5 и даже 7 членов для образования Центрального Бюро. Оно есть вполне тайное

Постоянного Центрального Комитета в каждой стране, будут приглашены образовать в кратчайший срок свои национальные комитеты, коих они, естественно, будут членами-основателями и в которые они будут принимать в качестве новых членов самых развитых, самых влиятельных и самых надежных людей из местных рабочих обществ, дабы овладеть этими обществами в интересах Альянса». «С помощью этих вождей обществ они постараются привлечь эти последние, сообразно способу, установленному рабочими конгрессами в Женеве, Лозанне и Брюсселе, к великому Международному Товариществу Рабочих, дабы вся наша работа была лишь политическим и революционным развитием этого Товарищества».

и неизвестно никому, кроме Центральной делегации. Центральное Бюро состоит из членов, выбранных тайно, но пожизненно; член Центрального Бюро, покидая свой пост, удаляется навсегда и из организации Союза. Он уходит в отставку без того, чтобы кто-либо и когда-либо знал, что он составлял часть этой тайной организации. Уход его может быть только добровольный.

4. Центральное Бюро в качестве тайной исполнительной власти через посредство явной исполнительной власти Центральной делегации Центрального перманентного комитета оживляет тайную и явную пропаганду Союза во всех странах, где существует его национальная организация. Оно управляет частью финансов Союза, издает циркуляры, посылает агентов в раз'езды для образования национальных организаций там, где их нет, влияет на все издания Союза, указывает на все те организации общественные, где признает полезным иметь своих агентов.

5. Национальные комитеты образуются из всех членов Центрального перманентного комитета, принадлежащих к одной нации. Как только будут в перманентном Центральном комитете три члена одной нации, они будут приглашены составить национальный комитет той страны, к которой принадлежат. Каждый национальный комитет имеет специальную задачу основать национальную организацию Союза, как явную, так и тайную. Он будет его главой и администратором при помощи национальной делегации, из среды которой выберется тайно национальное бюро. Комитеты национальные будут относиться к своим бюро, как Центральный Комитет к своему Центральному Бюро.

Глава третья.

ЗНАЧЕНИЕ И ЦЕЛИ ТАЙНОГО АЛЬЯНСА.

1. Альянс в оценке противников.

По поводу опубликования этих документов брошюра об Альянсе говорит: «Пожалуй, спросят, дозволительно ли революционерам обнародовать статуты тайного общества, разоблачать конспирацию. Прежде всего эти тайные статуты были определенно включены в число тех документов, опубликования которых на Гаагском конгрессе потребовала комиссия по делам Альянса, и ни один из делегатов, в том числе и тот, который представлял в комиссии меньшинство, не голосовал против этого. Таким образом предание этих документов гласности было формально постановлено конгрессом, указания которого мы обязаны выполнить. По существу же нужно сказать следующее:

«Вот общество, которое под маскою крайнего анархизма направляет свои удары не против существующих правительств, а против революционеров, не приемлющих его ортодоксии и его главенства [1]. Основанное меньшинством буржуазного конгресса, оно пробирается в ряды международной организации рабочего класса, сначала пытается управлять ею, а когда этот план не удается, старается ее дезорганизовать. Оно развязно подменяет своею сектантскою программою и

---

[1] Бакунин, натурально, обращал тот же упрек против Генерального совета. «Поистине очень печально, — писал он 5 апреля 1872 года Франциску Мора, — что во время нынешнего страшного кризиса, когда на многие десятилетия решаются судьбы пролетариата всей Европы, и когда всем друзьям пролетариата, человечества и справедливости следовало бы братски об'единиться, чтобы стать сплоченным фронтом против общего врага,— организованного в государство мира привилегированных, — очень печально, говорю я, что люди, к тому же оказавшие в прошлом большие услуги Интернационалу, движимые теперь дурной страстью властолюбия, опускаются до лжи и сеют раздор вместо того, чтобы повсюду насаждать свободное об'единение, единственно способное составить нашу силу».

своими узкими идеями широкую программу и великие стремления нашего Товарищества; оно организует в открытых секциях Интернационала свои маленькие тайные секции, которые, повинуясь общему паролю, во многих случаях успевают забрать их в свои руки путем заранее согласованной работы; в своих газетах оно открыто обрушивается на все те элементы, которые отказываются подчиняться его воле; оно провоцирует открытую войну — это его собственные слова — в наших рядах. Чтобы добиться своей цели, оно не отступает ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; обман, клевета, запугивание, нападение из-за угла одинаково им допускаются. Наконец, в России оно полностью становится на место Интернационала [1] и от его имени совершает уголовные преступления, мошенничества, убийство, ответственность за каковые правительственная и буржуазная пресса возлагала на наше Товарищество. И обо всем этом Интернационал должен молчать потому, что виновное в этом общество является тайным! В руках Интернационала имеются статуты этого общества, его смертельного врага, — статуты, в которых оно открыто провозглашает себя иезуитским орденом нашего времени [2] и провозглашает своим правом и своею обязанностью применение всех иезуитских приемов, — статуты, сразу бросающие свет на ряд враждебных действий, которым подвергся с этой стороны Интернационал; но он не должен использовать этих статутов, ибо это значило бы выдавать тайное общество!

«Против всех этих интриг имеется одно только средство, но действие его должно быть сокрушительным: это полнейшая гласность. Разоблачить эти происки в их совокупности значит лишить их всякой силы. Прикрывать их своим молчанием было бы не только наивностью, над которой заправилы Альянса первые стали бы смеяться, но и трусостью. Более того, это было бы актом измены по отношению к тем испанским интернационалистам, которые, будучи членами тайного Альянса, не поколебались разоблачить его существование и образ действий, как только он открыто выступил против Интернационала. Вдобавок то, что содержится в тайных статутах, уже опубликовано — и притом в еще более острой форме — в документах, напечатанных по-русски самими Бакуниным и Нечаевым. Статуты только подтверждают это.

---

[1] Имеется в виду дело Нечаева (см. четвертую часть этого тома).

[2] Как увидим ниже, это не просто полемический прием. Сам Бакунин неоднократно сравнивал свое тайное общество с иезуитским орденом (в письмах к А. Ришару, в печатном воззвании к офицерам русской армии), подчеркивая только, что цели у них различные.

«Пусть же вожаки Альянса кричат о доносе [1]. Мы предаем их презрению рабочих и благожелательности правительств, которым они сослужили такую службу дезорганизацией пролетарского движения. Цюрихская «Tagwacht» в ответе Бакунину имела право заявить: «Если вы и не платный агент, то наверняка можно сказать, что никакой агент на жалованье не мог бы причинить больше вреда, чем вы».

Специально по поводу содержания опубликованных в брошюре тайных документов Альянса, авторы ее говорят следующее.

Интернациональные братья, число которых ограничено сотней, образуют «священную коллегию». Статья, отвергающая участие братьев во всяком движении, которое не ставит себе непосредственной целью социальную революцию, отлагает до греческих календ политическую деятельность «сотни», а так как эти непримиримые не намерены отказаться от выгод, связанных с общественной службой, то статья 8-я разрешает им занимать посты с разрешения Комитета. «Мы увидим, — прибавляет брошюра, — когда будем говорить об Испании и Италии, как заправилы Альянса поспешили применить на практике эту статью». По поводу статьи о необходимости истинно братских отношений между членами тайного общества авторы брошюры ехидно замечают: «Дело Нечаева покажет нам, что́ означают эти таинственные пределы возможного». А по поводу статьи, допускающей участие «братьев» в тайных обществах, секреты которых они обязуются открывать своему Центральному комитету, брошюра говорит: «Господа Пьетри и Штиберы [2] употребляют в качестве шпионов лишь низких и потерянных людей; отправляя своих ложных братьев в тайные общества для выдачи их секретов, Альянс навязывает шпионскую роль тем самым людям, которые по его плану должны взять на себя руководство всемирной революцией» [3].

---

[1] В письме в редакцию газеты «Journal de Genève», напечатанном в номере от 25 сентября 1873 года, Бакунин так, действительно, и охарактеризовал брошюру об Альянсе, которой он, впрочем, в момент составления письма даже не видал: «Эта новая брошюра, — пишет он, — как мне говорят, представляет форменный жандармский донос на общество, известное под названием Альянса. Увлеченный своей бешеной ненавистью, г. Маркс не побоялся заушить самого себя и выступить публично в роли полицейского доносчика и клеветника». Заметим кстати, что Бакунин здесь *не отрицает существования тайного Альянса*, а только протестует против его разоблачения.

[2] Пьетри — начальник французской охранки, Штибер — прусской.

[3] Это сказано очень решительно. Но вот в письме к Куно от 7—8 мая 1872 года Энгельс сообщает, что «лучшие» из испанских интернационалистов,

Издеваясь над двойственной ролью Центрального Бюро, которое должно было быть и открытой и тайной организацией, авторы брошюры говорят, что оно нашло способ быть одновременно рыбой и мясом, и продолжают: «Итак, мы видим, что Бакунин уже организовал всю тайную и открытую дирекцию своего «дорогого Альянса» ранее его возникновения [1], и что члены, принимавшие участие в каких-либо выборах, являлись просто марионетками в поставленном им фарсе. Впрочем, как мы сейчас увидим, он и не стесняется об этом заявлять. Женевская Центральная секция, задачей которой было инспирировать Центральное Бюро, сама была лишь фиктивной секцией, так как ее решения, даже принятые большинством, являются обязательными для Бюро только в том случае, если большинство его членов не пожелает апеллировать против них к общему собранию, которое должно быть созвано в трехнедельный срок и для своей правомочности состоять из двух третей всех своих членов. Как видно, Центральное Бюро окружило себя всеми конституционными гарантиями, чтобы обеспечить свою независимость.

«Наивный человек мог бы подумать, что это автономное Центральное Бюро, по крайней мере, свободно избрано женевской Центральной секцией. Ничего подобного: временное Центральное Бюро было «представлено инициативной женевской группе как временно избранное всеми членами-основателями Альянса, большинство которых, бывшие до того членами Бернского конгресса, вернулись с него в свои страны (кроме Бакунина), передав свои полномочия гражданину Б.». Таким образом члены-основатели Альянса—не что иное, как несколько буржуазных сецессионистов, отколовшихся от Лиги мира. Итак, Постоянный Центральный Комитет, присвоивший себе учредительную и законодательную власть над всем Альянсом, сам себя назначил. Постоянная исполнительная делегация этого Постоянного Центрального Комитета, женевская Центральная секция, назначила сама себя, а не была назначена этим Комитетом. Центральное исполнительное бюро этой женевской Центральной секции было не избрано ею, а навязано ей группою лиц, которые все «передали свои полномочия

входивших одновременно в тайную бакунинскую организацию, поняв опасность Альянса для Интернационала, «немедленно переменили свою позицию и остались в тайном обществе только для того, чтобы следить за ним и парализовать его». Надо полагать, также для того, чтобы сообщать о его действиях Генеральному совету (B. Nikolajewski, «Aus der Geschichte der ersten Internationale», в «Die Gesellschaft», 1925, ноябрь, стр. 466).

[1] А между тем они в тот момент не подозревали, что Альянс и Братство существовали задолго до 1868 года.

гражданину Б.». Таким образом «гражданин Б.» является стержнем Альянса. Для сохранения за ним этой функции стержня тайные статуты Альянса черным по белому заявляют, что «его главное правление это — правление президентства в федеративной республике», — президентства, для которого предсуществовал уже президент, постоянный «гражданин Б.».

Указывая на статью 5-ю, рекомендующую национальным комитетам «организовать в своей стране Альянс так, чтобы члены Постоянного Центрального Комитета всегда доминировали в нем и представляли его на конгрессах» [1], брошюра замечает: «Вот что на языке альянсистов называется организацией снизу вверх... Привив эту деспотическую и иерархическую тайную организацию к Интернационалу, оставалось только дополнить ее дезорганизацией последнего. Для этого достаточно было анархизировать и автономизировать его секции и превратить его центральные органы в простые почтовые ящики, «корреспондентско-статистические бюро», как позже действительно попытались сделать [2].

«Статейный список революционных заслуг постоянного «гражданина Б.» не был настолько славен, чтобы он мог рассчитывать на увековечение присвоенной им себе перманентной диктатуры в тайном, а еще менее того — в открытом Альянсе. Поэтому нужно было прикрыть ее демократической словесностью. И вот тайные статуты предписывают, чтобы временное Центральное Бюро (читай: постоянный гражданин) функционировало до первого публичного общего собрания Альянса, которое и назначит членов нового Постоянного Центрального Бюро. Но так как настоятельно необходимо, чтобы Центральное Бюро всегда состояло из одних только членов Постоянного Центрального Комитета, то последний должен через посредство своих национальных комитетов озаботиться организацией и руководством всех местных групп в том смысле, чтобы они послали делегатами на это собрание только членов Постоянного Центрального Комитета, а при отсутствии таковых — людей, абсолютно преданных правлению своих соответственных национальных комитетов, дабы Постоянный Центральный Комитет всегда держал в своих руках всю организацию Альянса». Эти инструкции даются не бонапартовским министром или префектом накануне выборов, а па-

---

[1] Приблизительно так и устроено было в Италии и особенно в Испании, где Альянс пустил корни.

[2] Как увидим ниже, этот лозунг был выдвинут бакунистами в их борьбе с Генеральным советом.

тентованным антиавторитарием, завзятым анархистом, апостолом организации снизу вверх, певцом автономии секций и вольной федерации автономных групп, св. Михаилом Бакуниным, в целях сохранения своей перманентности».

Далее брошюра переходит к критике программы Альянса и Интернационального братства. Процитировав целиком статью 2-ю программы организации интернациональных братьев, авторы брошюры продолжают: «Вот это так революционный революционаризм! Для достижения этой умопомрачительной цели первое условие состоит в том, чтобы не бороться с существующими государствами и правительствами обычными средствами вульгарных революционеров, а, напротив, в том, чтобы обрушиваться с звонкими и педантскими фразами на «институт государства и его естественное следствие, равно как и основу,— частную собственность». Таким образом дело заключается в низвержении не бонапартовского, прусского или русского государства, а государства отвлеченного, государства как такового, государства, нигде не существующего. Но если интернациональные братья в своей ожесточенной борьбе с этим, витающим в облаках, государством умудряются избегать кастетов, тюрем и пуль, которыми реальные государства наделяют вульгарных революционеров, они, как мы видели, сохранили за собою право, требующее только папского разрешения, пользоваться всеми преимуществами, предоставляемыми этими реальными государствами. Фанелли, итальянский депутат, Сориано, чиновник правительства Амедея Савойского, и, пожалуй, Альбер Ришар и Гаспар Блан, бонапартистские полицейские агенты, показывают, до какой степени пала в этом отношении сговорчив [1]... Вот почему полиция ничуть не встревожена «Альянсом или, откровенно говоря, заговором» гражданина Б. против абстрактной идеи государства.

«Итак, первым актом революции должен быть декрет об отмене государства, как Бакунин и сделал 28 сентября (1870 года) в Лионе, хотя эта отмена государства является по необходимости авторитарным актом. Под государством он понимает всякую политическую власть, революционную или реакционную. И он заявляет, что все революционеры, которые на следующий день после революции хотят «строить революционное государство», гораздо опаснее всех существующих правительств, и что «мы, интернациональные братья, являемся естественными врагами этих революционеров», ибо дезорганизация революции есть первый долг интернациональных братьев.

[1] Что касается А. Ришара и Г. Блана, то Бакунин резко протестовал против их измены, в частности письмом в цюрихскую «Tagwacht».

«Ответ на эти фанфаронады о безотлагательной отмене государства и установлении анархии дан уже в частном циркуляре последнего Генерального совета «Les prétendues scissions dans l'Internationale», март 1872 г., стр. 37: «Анархия — вот конек их учителя Бакунина, который из социалистических систем заимствовал лишь этикетки. Все социалисты понимают под анархией следующее: раз достигнута цель пролетарского движения — уничтожение классов, то государственная власть, служащая к удержанию подавляющего производительного большинства под игом малочисленного эксплоататорского меньшинства, исчезает, а правительственные функции превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вещи вверх ногами. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как вернейшее средство разбить мощное сосредоточение социально-политических сил в руках эксплоататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы тот в момент, когда старый мир стремится его уничтожить, заменил свою организацию анархией» [1].

«Последуем, однако, за анархическим евангелием до его логических выводов; предположим, что государство отменено декретом. Согласно статье 6-й, последствиями этого акта явятся: государственное банкротство, прекращение государственного взыскания частных долгов, прекращение уплаты всяких налогов и податей, роспуск армии, магистратуры, чиновничества, полиции и духовенства (?); отмена официальной юстиции, сопровождаемая сожжением всех собственнических грамот и всех юридических и гражданских бумаг, конфискация всех производственных капиталов и орудий труда в пользу рабочих ассоциаций и об'единение этих ассоциаций, которое «образует Коммуну». Эта Коммуна предоставит экспроприированным лицам предметы строгой необходимости, оставляя за ними право добывать излишек собственным трудом.

«Лионские события [2] показали, что простого декрета об отмене государства далеко не достаточно для выполнения всех этих прекрасных обещаний. Напротив, двух рот буржуазной национальной гвардии оказалось достаточно для того, чтобы разбить эту блестящую мечту и заставить Бакунина поспешно возвратиться в Женеву с чудотворным декретом в кармане. Вот почему он не мог предположить в своих

---

[1] Для понимания этого места нужно знать события, происшедшие в Интернационале, в частности в Юрской федерации, в 1871 году (об этом мы говорим в IV томе этой работы).

[2] См. в первой части IV тома этой работы главу, посвященную лионскому выступлению 28 сентября 1870 года.

последователях такой глупости, чтобы не видеть необходимости дать им какой-либо организационный план в целях практического осуществления своего декрета. Вот этот план».

Дальше авторы брошюры излагают план, содержащийся во второй части 6-й статьи программы Интернационального Братства. Пошутив над «оригинальными баррикадами Альянса, где сочиняют мандаты вместо того, чтобы сражаться», авторы брошюры замечают: «Таким образом в этой анархической организации баррикад-трибун мы имеем сначала коммунальный совет, затем исполнительные комитеты, которые для того, чтобы исполнять что бы то ни было, должны же обладать какою-либо властью и опираться на вооруженную силу; далее мы имеем целый федеральный парламент, главною задачею которого будет организация этой вооруженной силы (force publique). Этот парламент, равно как и коммунальный совет должны будут облечь исполнительной властью один или несколько комитетов, в силу этого самого факта приобретающие авторитарный характер, который потребностями борьбы будет все больше заостряться. Таким образом мы просто-напросто восстановили все элементы «авторитарного государства»; а назовем ли мы эту машину «революционной коммуной, организованной снизу вверх», это не имеет никакого значения. Название ничего не изменяет в предмете; организация снизу вверх существует во всякой буржуазной республике, а императивные мандаты существуют со времен средневековья. Впрочем, Бакунин и сам это признает, когда (в статье 8-й) дает своей организации название «нового революционного государства».

«Что касается практической ценности этого революционного плана, где рассуждают вместо того, чтобы драться, мы об этом не скажем ни слова.

«Теперь мы подходим к секрету альянсистских ящиков с двойным и тройным дном. Для того, чтобы ортодоксальная программа была соблюдена, а анархия вела себя как следует, «необходимо, чтобы посреди народной анархии, которая составит самую жизнь и всю энергию революции, единство революционной мысли и действия нашло свой орган. Этим органом должно быть тайное всемирное общество интернациональных братьев. (Далее приводятся статьи 10-я и 11-я программы, которые мы опускаем во избежание повторений.)

«Итак, полная перемена декораций. Анархии, «разнуздания народной жизни», «дурных страстей» и прочего уже недостаточно. Для обеспечения успеха революции необходимо единство мысли и

действия. Интернационалисты стараются создать это единство посредством пропаганды, обсуждения и открытой организации пролетариата, — Бакунину же требуется только тайная организация сотни людей, привилегированных представителей революционной идеи, ждущий приказа генеральный штаб революции, назначенный им самим и состоящий под командой перманентного «гражданина Б.». Единство мысли и действия означает не что иное, как ортодоксию и слепое повиновение. Perinde ac cadaver [1]. Перед нами настоящий иезуитский орден.

«Сказать, что сотня интернациональных братьев должна «служить посредницей между революционной идеей и народными инстинктами», значит вырыть непроходимую пропасть между альянсистской революционной идеей и пролетарскими массами, значит признать невозможность навербовать эту отборную сотню иначе, как из среды привилегированных классов» [2].

Таков этот резкий, можно сказать — беспощадный, отзыв о бакунинском Альянсе, его стремлениях, составе и образе действий [3].

---

[1] Иезуитское правило: «(повинуйся) как мертвое тело».

[2] «L'Alliance» и т. д., стр. 2—15.

[3] «Буржуазные революционеры старой школы, вступившие в Интернационал и проникнутые понятиями о централизованных пирамидальных тайных обществах прежних времен, ввели те же понятия в Международный Союз Рабочих». Так говорит П. Кропоткин в своих «Записках революционера», изд. «Недра», 1925 г., стр. 210. Не правда ли, хорошо сказано? Да, но дело в том, что сказано это не о бакунинском тайном Альянсе и Братстве, а об... избиравшемся на открытых рабочих конгрессах Генеральном Совете!! «Скоро выяснилось, — пишет Кропоткин, — что самый факт существования подобного центрального совета влечет за собою весьма большие неудобства. Генеральный Совет не удовольствовался ролью центрального бюро для сношений. Он стремился захватить все движение в свои руки... Когда началось восстание Коммуны,.. Генеральный Совет непременно хотел руководить ходом дел, сидя в Лондоне. Он требовал ежедневных рапортов (?), отдавал приказы (?), одобрял (!), делал внушения и таким образом наглядно доказывал, как невыгодно иметь правительственное ядро». А после того, как Генеральный Совет созвал в 1871 году «тайный с'езд» (так Кропоткин называет Лондонскую конференцию), который решил якобы «повернуть все силы Интернационала на выборную политическую агитацию», то «многие увидали тогда всю нежелательность правительства, как бы демократично ни было его происхождение. Так начинался современный анархизм». Этим изумительным пассажем, в котором непонимание соединяется с прямыми выдумками (вроде попыток Генерального Совета из Лондона руководить Парижской Коммуной, требования ежедневных рапортов и т. п.), Кропоткин только показал, что «современный анархизм» начался не только с недомыслия, но и с неправды. Лопатин в приведенной выше цитате уве-

Теперь, на расстоянии полувека, когда вопрос, вокруг которого ломали копья альянсисты и сторонники Генерального Совета, в этой форме отошел в область предания (хотя борьба между коммунизмом и анархизмом в мировом движении пролетариата в измененной форме продолжается), мы можем более спокойно отнестись к нему. Но нам слишком хорошо понятна и в значительной мере даже близка та страсть, которую обе борющиеся стороны внесли в этот конфликт. Политическая борьба, особенно столь важная, как борьба за основное направление международного движения рабочего класса, не может, разумеется, обойтись без горячего увлечения, при котором возможны и ошибки, и несправедливые оценки. Несвободна от них в некоторых пунктах и брошюра об Альянсе. Но по существу изложенные в ней мысли остаются верными и до сих пор; критика бакунинской программы и устава, их основных противоречий, их несоответствия духу современного рабочего движения сохраняет всю свою силу до наших дней. И если в этом могло еще быть некоторое сомнение, пока спор оставался в рамках чисто теоретического обсуждения вопроса, то теперь, после практического опыта первой удачной пролетарской революции и первого рабочего государства, уже не может быть никакого сомнения, что в борьбе между коммунистами и анархистами, расколовшей Международное Товарищество Рабочих, об'ективная правота (мы уже не говорим здесь о суб'ективной) оказалась на стороне Маркса.

2. Альянс в оценке самого Бакунина.

Но суб'ективно Бакунин считал себя правым. Ему действительно казалось, что для успеха социального преобразования нужна была, во-первых, анархическая программа, единственно, по его мнению, обеспечивавшая активное участие народных масс в революции и гарантировавшая от восстановления режима эксплоатации, а во-вторых, тайная спевшаяся организация революционеров, обеспечивавшая правильный ход революции, ее единство и торжество над возвратными приступами буржуазной реакции. Он настолько был в этом уверен, что подозревал и своих противников в таких же действиях, т.-е. в организации внутри Интернационала и за его спиной тайного общества верных, но только стоявшего не на анархической, а на коммунистической платформе.

рял, что ни один разумный и моральный человек не мог в споре между Генеральным Советом и Альянсом стать на сторону Бакунина. Оспаривать за Кропоткиным звание морального человека он не стал бы. Интересно, что бы он сказал насчет его «разума».

Интересно поэтому узнать, как Бакунин смотрел на задачи и характер своей тайной организации, как он выражал эти взгляды в интимной переписке с своими единомышленниками, как он оценивал всю свою работу в Интернационале. Несколько примеров, взятых из его переписки с друзьями, покажут нам это.

7 февраля 1870 года Бакунин, сообщая А. Ришару о возвращении Нечаева, писал по поводу работы его и его товарищей:

«О, мой друг, как эти ребята [1] там работают, какая у них дисциплинированная и серьезная организация, какая мощь в коллективной деятельности, где все личности стерлись, отказываются даже от своего я, от всякой репутации, от всякого тщеславия и от всякой славы, беря на себя только риск, опасности, жесточайшие лишения, но вместе с тем сознавая, что они представляют силу и действуют!

«Ты не забыл моего «юного дикаря» [2]. Так вот, он вернулся. Он наделал таких дел, что у вас этому просто бы не поверили. Он страдал ужасно: был арестован, избит до полусмерти, затем освобожден [3], и начал все с самого начала. И все они таковы. Личность исчезла, а вместо личностей появился легион, незримый, неведомый и вездесущий, всюду работающий, умирающий и ежедневно возрождающийся: их арестовывают десятками, а взамен появляются новые сотни. Отдельные личности гибнут, но легион бессмертен и с каждым днем становится все сильнее, ибо пустил глубокие корни в чернорабочем мире и извлекает из этого мира массу новых приверженцев.

«Вот организация, о которой я мечтал, о которой я продолжаю мечтать и которую хотел бы видеть у вас. К сожалению, вы еще не вышли из стадии индивидуального героизма, потребности личного красования, драматических эффектов и исторической мишуры. Вот почему сила от вас ускользает, а от работы остаются только шум и фраза.

«Разве ты не пишешь мне, что я могу при желании стать каким-то Гарибальди социализма? Я очень мало интересуюсь тем, чтобы стать Гарибальди и играть какую-то роль. Мой друг, я умру, и черви меня с'едят, но я хочу, чтобы наша идея восторжествовала. Я хочу, чтобы черный люд действительно освободился от всех властей и от всех героев, настоящих и будущих. Для торжества нашей идеи я хочу не более или менее драматического выставления на вид моей собственной особы, не к а к о й-н и б у д ь силы, а н а ш е й силы, силы нашего коллектива, нашей общей организации, в интересах которой я первый вполне готов

---

[1] Речь идет о русских революционерах.

[2] Речь идет о Нечаеве.

[3] Как известно, все это ложь, придуманная Нечаевым.

отказаться и отречься от своего имени и от своей личности[1]. Друг мой, время исторических и блестящих личностей прошло, и тем лучше. В этом-то и заключается настоящий залог торжества демократии. Посмотри, как быстро личности поглощаются, растворяются и пожираются этим миллионноголовым гигантом, который называется народом. И повторяю: тем лучше.

«Изучи внимательно характер нашей эпохи. Наблюдается характерная оппозиция масс против всякой власти и против всякой личности, желающей навязать свою власть. Масса права, она стоит на почве нашей программы. Никакая личность не будет больше иметь силы, не будет больше ни общественного порядка, ни государственной власти. Что же должно занять ее место для того, чтобы революционная анархия не привела к реакции? Нужна коллективная деятельность незримой организации, охватывающей всю страну. Если мы не создадим этой организации, то никогда не выйдем из состояния бессилия.

«Неужели ты, любитель размышления, никогда не подумал об основной причине силы и жизненности иезуитского ордена? Хочешь, чтобы я указал тебе на эту причину? Так вот, дорогой мой, она заключается в полном стирании личности перед коллективной волею, организациею и деятельностью.

«И вот я себя спрашиваю: для людей действительно сильных, страстных и серьезных представляет ли это уже столь большую жертву? Это — пожертвование видимостью для действительности, пустым тщеславием для реальной силы, словом, для дела. Этой-то жертвы я и требую от всех наших друзей и всегда готов подать этому первый пример. Я не хочу быть *Я*, я хочу быть *мы*. Это я буду повторять тысячу раз, и только на этом условии мы победим, а наша идея восторжествует. И вот это торжество составляет мою единственную страсть».

А в письме к тому же А. Ришару от 1 апреля 1870 года Бакунин излагает план анархической революции и об'ясняет значение незримой диктатуры Альянса:

«Ты, — пишет он, — все говоришь мне: «мы согласны по основным пунктам». Увы, мой друг, я сильно боюсь, чтобы мы не оказались вполне несогласными по этим пунктам. По твоим последним письмам и последним известиям, полученным от тебя, я должен думать, что ты больше, чем когда-либо, остаешься партизаном централизации, революционного государства. Тогда как я больше, чем когда-либо, являюсь их

---

[1] Он так и сделал, выдав Нечаеву известную расписку за подписью «Матрена» (см. ниже, в четвертой части этого тома).

противником и не вижу спасения ни в чем ином, как в революционной анархии, повсюду направляемой невидимою коллективною силою, единственною диктатурою, которую я допускаю, потому что она одна совместима с прямотой и напряженной энергией революционного движения.

«Твой революционный план сводится к следующему: как только революция вспыхивает в Париже, Париж временно организует революционную коммуну. Лион, Марсель, Руан и другие крупные города восстают одновременно и немедленно посылают в Париж своих революционных делегатов, которые совместно образуют нечто вроде Национального конвента или Комитета общественного спасения для всей Франции. Этот комитет декретирует революцию, декретирует уничтожение старого государства, социальную ликвидацию, коллективную собственность, организует революционное государство, обладающее силою, достаточною для подавления внутренней и внешней реакции.

«Не правда ли, в этом заключается твоя идея?

«Наша идея, наш план—прямо противоположны этому.

«Прежде всего совершенно не доказано, чтобы революционное движение должно было начаться непременно в Париже. Вовсе не исключена возможность, что оно начнется в провинции. Но допустим, что, согласно традиции, начнет Париж. По нашему убеждению, Париж должен взять на себя чисто отрицательную, т.-е. открыто революционную инициативу— разрушения и ликвидации, а отнюдь не организации. Если Париж восстанет и победит, он будет вправе и обязан провозгласить полную ликвидацию политического, юридического, финансового и административного государства, государственное и частное банкротство, роспуск всех властей, всех служб, всех функций и всех сил государства, предание огню или праздничным кострам всех общественных или частных бумаг и актов. Париж, естественно, поспешит так или иначе осуществить свою собственную революционную организацию. После того как рабочие, об'единенные в ассоциации, захватят в свои руки все орудия труда, капиталы всякого рода и строения, они, оставаясь вооруженными и организованными по улицам и кварталам, образуют революционную федерацию всех кварталов — федеративную коммуну. А эта коммуна вправе будет заявить, что она не присваивает себе права управлять Францией и организовывать ее, но что она призывает народ и все коммуны как Франции, так и того, что до сих пор называлось заграницей, последовать ее примеру, — произвести каждой у себя революцию, столь же радикальную и столь же разрушительную для государства, для юридического права и для привилегированной собственности, а по совершении этой революции пожаловать

для федерирования с нею в Париж или в любой другой пункт, куда все французские и иностранные революционные коммуны пошлют своих делегатов для создания общей организации необходимых служб и связей производства и обмена, для установления хартии равенства, основы всякой свободы, — хартии абсолютно отрицательной по своему характеру, точно указывающей в гораздо большей мере то, что должно быть навсегда уничтожено, чем положительные формы местной жизни, которые могут быть созданы только живою практикою каждой местности, и для организации общей обороны против врагов революции, равно как и деятельной пропаганды революции и практической революционной солидарности с друзьями всех стран против врагов всех стран.

«Провинция, по крайней мере главные центры, вроде Лиона, Марселя, Сент-Этьена, Руана и других, не должны ждать парижских декретов для того, чтобы восстать и дать себе революционную организацию. Они должны подняться одновременно с Парижем и делать то, что должен делать Париж: отрицательную революцию и первоначальную организацию путем стихийного движения, так чтобы федеральному революционному собранию делегатов от провинций и коммун не приходилось организовывать Францию, а чтобы оно явилось выражением организации, самочинно созданной на местах, — я имею в виду революционизированные центры, а не те пункты, которые еще будут пребывать в состоянии реакции. Словом, революция должна быть и остаться повсюду независимой от центрального пункта, который должен быть ее выражением, продуктом, а не источником, руководителем и причиной.

«Анархия, вспышка всех местных страстей, пробуждение самочинной жизни во всех пунктах должны достигнуть максимальных размеров для того, чтобы революция была и осталась живою, реальною, могучею. Политические революционеры, партизаны открытой диктатуры после первой же победы революции рекомендуют умиротворение страстей, порядок, доверие и подчинение установленным революционным властям. Таким путем они восстанавливают государство. Мы же, напротив, должны будоражить, пробуждать, разнуздывать все страсти, мы должны создавать анархию, и в качестве незримых лоцманов посреди народной бури мы должны будем ею руководить не посредством какой-либо открытой власти, а посредством коллективной диктатуры всех а л ь я н с и с т о в, — диктатуры без шарфов, без титулов, без официального права, но тем более могучей, что она не будет иметь никаких внешних отличий власти. Вот единственная диктатура, которую я допускаю. Но для того, чтобы она могла действовать, необходимо, чтобы она существовала, а потому ее нужно заранее подготовить и организовать; ибо

сама по себе она не сделается ни речами, ни изложением и обсуждением принципов, ни народными собраниями.

«Альянсистов не должно быть много, но они должны быть хорошие, энергичные, выдержанные, верные, а в особенности — свободные от личного тщеславия и честолюбия люди, сильные, достаточно серьезные, люди с сердцем и умом, достаточно возвышенными для того, чтобы предпочесть реальность силы ее внешней мишуре. Если вы создадите такую коллективную и незримую диктатуру, вы победите, а революция, хорошо руководимая, восторжествует. Если нет, то нет! Если вы будете забавляться игрою в комитеты общественного спасения и в казенную открытую диктатуру, вы будете пожраны реакциею, которую вы же сами и создадите.

«Дорогой друг, я преклоняюсь перед благородными инстинктами и живым умом французских рабочих. Но я сильно боюсь их склонности к эффектам, к пышным драматическим, героическим и шумным сценам. Многие из наших друзей, к числу которых я отношу и тебя, готовятся играть громкую роль в предстоящей революции, — роль революционных государственных мужей. Они мечтают сделаться Дантонами, Робеспьерами, Сен-Жюстами революционного социализма и уже загодя подготовляют красивые речи и парадные выступления, долженствующие поразить мир. Они, естественно, превратят народные массы в подножие, в пьедестал для своего демократического честолюбия, для своей славы! Для общего спасения они будут творить элементы диктатуры, правительства, государства. Смешное и печальное заблуждение. Они проявят лишь тщеславие и послужат лишь реакции. Они сами будут реакцией.

«Друг мой и брат мой, запомни хорошенько следующее: современное социалистическое движение, в этом отношении прямо противоложное политическому движению, стремящемуся лишь к господству и к возвышению отдельных личностей, — народное освободительное движение несовместимо с торжеством и диктатурою отдельных лиц. Если восторжествуют личности, то это будет уже не социализм, это будет политика, это будет дело буржуа, а социалистическое движение погибнет. Если же оно не погибнет, то произойдет страшное фиаско тщеславных, честолюбивых и славолюбивых личностей, этих диктаторов в зародыше.

«Отныне существует одна только власть, одна только диктатура, организация которой может быть благодетельна и осуществима. Это — коллективная и незримая диктатура альянсистов во имя нашего принципа, а эта диктатура будет тем более благодетельной и сильной, чем меньше она будет облечена официальною властью или бросаться в глаза.

«Но для ее образования требуются люди действительно сильные, стоящие по уму и сердцу выше вульгарного честолюбия и обладающие честолюбием настолько серьезным, чтобы стремиться к торжеству своей идеи, а не своих особ, и чтобы предпочесть реальную силу видимостям силы, наконец, чтобы понять, что наш век это — век коллективной силы, а не индивидуальных сил, и что коллектив сокрушит всех индивидуумов, желающих себя навязать ему».

В интересном со многих точек зрения письме к «Братьям по Альянсу в Испании» [1], относящемся к весне 1872 года и в отрывках опубликованном М. Неттлау, Бакунин следующим образом характеризует роль Альянса и его отношение к Интернационалу:

«Предать А[льянс] это значит предать революцию. Ибо Альянс не имеет другой цели, кроме служения революции. Мы не образуем теоретического или исключительно экономического учреждения. Альянс не есть академия и не мастерская: это по существу боевой союз, имеющий целью организовать мощь народных масс для разрушения всех государств и всех существующих в настоящее время установлений — религиозных, политических, судебных, экономических и социальных, в интересах полного освобождения порабощенных и эксплоатируемых рабочих всего мира .

«Цель нашей организации — толкнуть массу на полное уничтожение существующего строя, дабы земледельческое и промышленное население могло реорганизоваться и федерироваться согласно принципам

---

[1] Кстати, это письмо (в числе других документов) окончательно разбивает сказку Гильома о том, что никакого тайного Альянса после 1868 года не существовало, что Маркс по незнанию смешал испанский Интернационал, носивший, видите ли, название «Альянса», с давно распущенным бакунинским Альянсом и т. п. Ну, Маркс, допустим, «смешал», а Бакунин, что же, тоже «смешал», когда обращался к «братьям по Альянсу», когда прямо упрекал некоторых из них в первых строках этого письма в «разглашении тайны Альянса», когда об'яснял им задачи этого тайного Альянса, который «существовал с 1864 года, но начал внедряться в Интернационал только с 1868 года», и когда черным по белому говорил им, что Альянс «это — тайное общество, образованное внутри самого Интернационала в целях» и т. д. (см. ниже)? Просто диву даешься, глядя на детские ухищрения бакунинских последышей. А ведь Гильом не только знаком со всеми этими (и многими другими, оставшимися для профанов неизвестными) документами и делами, но и сам участвовал в этих делах! Впрочем, и Неттлау, опубликовавший это письмо, за последнее время тоже спохватился и начал доказывать, что никакой тайной организации Альянса до с е н т я б р я 1872 года не существовало (т.-е. что ее не было в н у т р и Интернационала). Вот и поймите эту психологическую загадку!

справедливости равенства, свободы и солидарности снизу вверх, самочинно, свободно, помимо всякой официальной опеки, реакционной или даже якобы революционной.

«Тем, кто спросит нас, какой смысл имеет существование Альянса, раз существует Интернационал, мы ответим: Интернационал, несомненно, превосходное учреждение, он, бесспорно, представляет лучшее, самое полезное, самое благодетельное создание нынешнего века. Он положил основу солидарности рабочих всего мира. Он дал им начатки организации поверх всех государственных границ и в стороне от мира эксплоататоров и привилегированных. Он сделал больше: он содержит уже теперь первые зародыши организации грядущего единства и вместе с тем он внушил пролетариату всего мира сознание своей собственной силы. Конечно, в этом его громадная заслуга перед великим делом всеобщей социальной революции. Но Интернационал не является учреждением, достаточным для организации и руководства этой революцией[1].

«Все серьезные революционеры, принимавшие активное участие в работах Интернационала в той или другой стране с 1864 года, года его основания, должны были убедиться в этом. Интернационал подготовляет элементы революционной организации, но не доводит их до завершения. Он подготовляет их, организуя открытую и легальную борьбу об'единенных рабочих во всех странах против эксплоататоров труда, капиталистов, землевладельцев и промышленных предпринимателей, но он никогда не идет дальше этого. Единственное, что он делает сверх этого, уже самого по себе полезного дела, это теоретическая пропаганда социалистических идей в рабочих массах, вещь также очень полезная и необходимая для подготовки массовой революции, но это еще далеко от революционной организации масс.

«Одним словом, Интернационал представляет широкую среду, благоприятную и необходимую для этой организации, но он не есть еще эта организация. Интернационал допускает в свою среду всех честных рабочих, совершенно не считаясь с их политическими и религиозными верованиями, на том лишь условии, что они принимают все последствия солидарной борьбы рабочих против буржуазного капитала, эксплоатирующего труд. Этого положительного условия достаточно для того, чтобы отделить мир рабочих от мира привилегированных, но его недостаточно для того, чтобы дать первому из них революционное направление. Программа Интернационала столь широка, что монархисты и

---

[1] Разрядка моя.

даже католики могут вступать в него. Эта широта программы абсолютно необходима для того, чтобы Интернационал мог охватить сотни тысяч рабочих; и только насчитывая сотни тысяч членов, он становится настоящей силой. Если бы Интернационал дал себе более точную и определенную программу по политическим, религиозным и социальным вопросам, если бы он принял какую-нибудь обязательную и, так сказать, официальную доктрину, если бы он, напр., сделал признание принципов Альянса в религии или коммунализма в политике условием для вступления в свои ряды, то он с трудом насчитывал бы несколько тысяч членов и исключил бы миллионы фабричных и сельскохозяйственных рабочих, которые по всему своему положению, а также по своим инстинктам являются революционерами, атеистами, социалистами, но до сих пор еще не отделались от скверной привычки к реакционному образу мыслей. Интернационал составил бы в таком случае только довольно незначительную партию и во всей Европе с трудом насчитывал бы несколько тысяч членов».

Указав на то, что буржуазия, несмотря на свое моральное банкротство, еще очень сильна и организована, Бакунин продолжает:

«Перед лицом этой колоссальной организации пролетариат, даже об'единенный, сгруппированный и солидаризированный в Интернационале и Интернационалом, остается дезорганизованным. Какая польза от его многочисленности? Пусть народ считается миллионами и многими миллионами, его будут держать под угрозой несколько десятков тысяч солдат, содержимых и дисциплинируемых на его счет, против него, на буржуазные деньги, добытые его собственным трудом.

«Возьмите самую многочисленную секцию Интернационала, самую передовую и наилучше организованную. Разве она организована для боя? Вы знаете хорошо, что нет. На тысячу рабочих вы в день боя наберете самое большее о д н у или две сотни бойцов. Дело в том, что для того, чтобы организовать силу, недостаточно об'единить интересы, чувства и мысли. Необходимо об'единить воли и характеры. Наши враги организуют свои силы с помощью денег и государственного авторитета. Мы можем организовать наши силы только на основе убеждения и страсти.

«Мы не можем и не хотим собирать другой армии, кроме народа, массы. Но для того, чтобы эта масса поднялась вся сразу — а только при этом условии она может победить, — что нам нужно сделать? В особенности, что сделать для того, чтобы массы, даже наэлектризованные и поднявшиеся, не оказались разделенными и не парализовали друг друга противоположными движениями?

«Есть только одно средство, а именно: обеспечить себе содействие всех народных вождей. Я называю народными вождями людей, по большей части вышедших из народа, живущих вместе с ним, его жизнью и оказывающих на него большое влияние благодаря своему умственному и нравственному превосходству. Среди них есть много таких, которые злоупотребляют этим (влиянием) и используют его в своих личных интересах. Это очень опасные люди, их надо избегать как чумы, с ними надо бороться, их надо уничтожать, когда представляется возможность. Необходимо искать вождей хороших, таких, которые сливают свои собственные интересы с общими. Но как найти и узнать их, где тот достаточно умный, проницательный и сильный, чтобы не ошибиться сначала в их выборе, а затем, чтобы убедить и организовать их своими личными усилиями?

«Ясно, что это не может быть задачей одного человека, что только об'единение многих людей может предпринять и довести до благополучного конца столь трудное дело. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы они спелись между собой и подали друг другу руку для общего дела. А так как это дело преследует практическую революционную цель, то такой взаимный сговор, составляющий необходимое его условие, не может протекать открыто; если он станет проявлять себя открыто, это навлечет на инициаторов преследования со стороны официального и официозного мира, и они будут раздавлены раньше, чем успеют что-либо сделать.

«Итак, этот сговор и долженствующее выйти из него общество могут организовываться только тайно. Другими словами, необходимо составить заговор, необходимо основать тайное общество по всем правилам.

«Таковы также мысль и цель Альянса. Это — т а й н о е о б щ е с т в о, о б р а з о в а н н о е в н у т р и с а м о г о И н т е р н а ц и о н а л а[1] в целях дать последнему революционную организацию, преобразовать Интернационал и все народные массы, стоящие вне его, в силу, достаточно организованную для того, чтобы уничтожить политико-клерикально-буржуазную реакцию и разрушить все экономические, юридические, религиозные и политические государственные установления».

В письме от 21 мая 1872 года к испанскому альянсисту Т. Г. Мораго, носившему конспиративную кличку Паоло, Бакунин следующим образом характеризует задачи Альянса:

---

[1] Разрядка моя.

«Наша цель это — создать революционный коллектив, могучий, но всегда невидимый, — коллектив, который должен подготовить революцию и руководить ею, но который никогда, даже в разгар революции, не займет ни в полном составе, ни в лице отдельных его членов какого бы то ни было официального, публичного или правительственного поста, ибо он в действительности не преследует другой цели, как разрушить все правительства и навсегда и повсюду сделать их невозможными, предоставляя революционному движению масс возможность полного развития, а их социальной организации снизу вверх посредством самочинной федерации — самую полную свободу, но всегда следя за тем, чтобы это движение и эта организация не могли никогда восстановить властей, правительств, государств, и борясь против всех честолюбивых стремлений как коллективных (шаек, вроде шайки Маркса), так и индивидуальных, путем естественного и никогда не официального влияния всех членов нашего Альянса, рассеянных по всем странам и сильных единственно своими солидарными действиями и единством программы и цели, которые должны всегда существовать в их среде.

«Теперь вы поймете, что для того, чтобы быть достойным членом Альянса, нужно обладать сильным характером и серьезной революционной страстью, прежде всего нужно иметь чорта в теле, а затем нужно полностью и навсегда отказаться от всех личных интересов, всякого тщеславия, всякого честолюбия, всякой карьеры и всякой славы...

«Что касается честолюбцев и тщеславных людей, то среди них имеются такие, которые могут нам оказать крупные услуги, и нужно уметь их использовать. Но знаете как? Воздействуя на них в желательном направлении через того или иного из наших братьев, на которого будет возложена специальная задача заниматься ими, а в случае нужды даже составлять с их помощью какую-нибудь организацию, открытую или тайную, — организацию, которую они (т.-е. братья. — *Ю. С.)* будут направлять и которою в действительности будут руководить, фактически подчиняя ее Альянсу, но в которой по видимости они будут казаться играющими подчиненную роль под руководством тщеславцев и честолюбцев, — дело в высшей степени трудное, на которое способны немногие люди, и которое, следовательно, можно осуществлять в самых редких и самых экстренных случаях, когда игра будет действительно стоить свеч, и когда у нас будут люди, действительно способные играть эту двойственную роль, не развращаясь при этом сами.

«Чтобы с пользою воздействовать на честолюбцев и тщеславцев, влиятельных, блестящих и сильных то ли своим положением, то ли своими талантами, существует одно только верное средство: всегда уступать им видимость инициативы, честь открытия, блестящую и славную роль, довольствуясь на свой пай — не для себя, а для Альянса в целом — реальностью работы и силы. Убеждать людей, которым вы внушили хорошую мысль, что напали на нее они, вы же получили ее от них, это в общем — хороший метод и в то же время превосходная практика в добродетели личного отречения. Но, повторяю, все это в высшей степени трудно и может быть осуществляемо без опасности только группою, настолько хорошо и тесно сплоченной и сильной своей внутренней моралью, что ей нисколько не приходится опасаться ни за свою собственную мораль, ни за мораль любого из своих членов. А первым условием этой моральности каждого в отдельности и всех вместе является полное знакомство всех с личностью каждого, — знакомство, распространяющееся столь же на частную, как и на общественную жизнь всех. Необходимо, чтобы все товарищи по Альянсу на любой ступени организации, по крайней мере те, которые друг друга знают и которые должны жить, мыслить и действовать сообща и всегда согласно, — необходимо, чтобы они были и стали действительно братьями, верящими и доверяющими каждому, а каждый — всем вместе. Это может быть достигнуто только реальной и постоянной практикой коллективной деятельности. Сначала легко дать такое обещание и даже иметь самое серьезное намерение его выполнить. Но добиться этого можно только повседневным выполнением коллективной работы, благодаря которой, с одной стороны, приучаешься друг друга узнавать, взаимно любить, друг другу доверять и друг на друга взаимно опираться, а с другой стороны — выступать и действовать только сообща, при чем каждый отдает коллективу свои лучшие мысли так, что мысль, раз высказанная отдельным лицом и принятая коллективом, становится сейчас же не его собственною, а общей мыслью. Непоколебимые во всем, что имеет отношение к нашему принципу, к нашему закону, к нашей морали, к взаимному знакомству и солидарности во всех предприятиях и выступлениях, непоколебимые во всем, что затрагивает общий интерес Альянса, мы должны быть крайне снисходительны друг к другу, ибо все мы, как отдельные личности, преисполнены слабостей, глупости, неустойчивости, недостатков, и именно потому мы и признаем необходимым жить и действовать сообща. Наш дух, наша сила заключаются не в каждом из нас, взятом в отдельности, а во всем нашем братстве, во всей нашей совокупности. Поэтому мы должны

многое прощать друг другу, лишь бы Альянс от этого никогда не пострадал»

В другом отрывке, представляющем продолжение цитируемой рукописи, Бакунин говорит:

«Но для того, чтобы мы могли начать осуществлять братство в нашей среде, прежде всего необходимо, чтобы мы произвели удачный отбор и не допускали в свой состав людей, которые по той или иной причине неспособны к этому. Пора нам перестать обманываться; и чтобы сделать ошибки в подборе людей весьма трудными и весьма редкими, если не устранить их раз навсегда, необходимо, чтобы все мы согласились с правилом относительно единогласного избрания. Очевидно, что этот метод весьма затрудняет вербовку и сильно затрудняет расширение Y [Альянса], но он обеспечивает его крепость, безопасность, серьезный характер, т.-е. три условия, без которых Y [т.-е. Альянс] был бы лишь весьма скверной и опасной шуткой. Вдобавок, так как мы хотим только народной революции, — революции не только для народа, но и исключительно с помощью народа, то нашей армией является народ, и мы нуждаемся лишь в устройстве главного штаба, способного помочь народу организоваться (курсив мой. — *Ю. С.*). Поэтому мы гонимся не за численностью, а за качеством братьев и за прочностью и искренностью их братского союза.

«Помогая вам заложить первые основы как A [Международного Товарищества Рабочих], так и Y [Альянса] в 7 896 [Испания], Кристоф [Фанелли] совершил организационный промах, результаты которого вы в настоящее время чувствуете. Он смешал Интернационал с Альянсом и потому побудил друзей 3 521 [испанских или мадридских?] основать Интернационал с программою Альянса. В первый момент это могло казаться большим успехом; в действительности же это стало причиной путаницы и дезорганизации как для одного, так и для другого.

«Интернационал и Альянс вовсе не являются врагами, как это старается внушить всему миру лондонская чисто-марксистская синагога. Напротив, Альянс представляет необходимое дополнение Интернационала, — дополнение, без которого весь Интернационал, сам превратившись в своего рода международное чудовищное государство с авторитарным правительством, с диктатурой Маркса, превратится, как к тому в настоящее время очевидно стремится марксистская шайка, в подходящее орудие для осуществления честолюбивых замыслов, следовательно, резко противоречащих освобождению народных масс. Но Интернационал и Альянс, хотя и стремятся к той же конечной цели,

вместе с тем преследуют различные задачи. Один имеет своей задачей об'единение рабочих масс, миллионов трудящихся различных национальностей и стран, поверх границ всех государств, в одно мощное и слитное тело. Другой — Альянс — имеет задачей дать этим массам действительное революционное направление. Программы того и другого, отнюдь не противореча друг другу, отличаются одна от другой степенью своего развития. Программа Интернационала, если брать ее всерьез, содержит в зародыше, но только в зародыше, всю программу Альянса. Программа Альянса представляет крайнее выражение программы Интернационала» (курсив мой. — *Ю. С.*).

Бакунин настолько уверен был в необходимости такого интимного тайного союза для торжества социальной революции, что и самое выступление Маркса против Альянса об'яснял простой конкуренцией другого тайного общества, руководимого Марксом и увидевшего в Альянсе опасного соперника по влиянию на Интернационал. Это тайное общество марксистов Бакунин открыл в лице старого «Союза Коммунистов», как известно, прекратившего свое существование в 1851 году!

В цитированном выше письме к испанским альянсистам Бакунин говорит об этом с глубокой уверенностью.

«Последняя конференция в Лондоне (1871 года), — пишет он, — изрекла анафему всякому тайному обществу, организуемому в лоне Интернационала. Этот удар, очевидно, направлен против нас. Но что шайка Маркса, руководившая этой конференцией, как она в настоящий момент руководить Генеральным Советом, остереглась сказать большинству членов этой конференции и сказала лишь верным и присным, так это то, что она провела это осуждение нас только в целях расчистки почвы для своей собственной конспирации, для тайного общества, которое существует под руководством Маркса с 1848 г., было основано Марксом, Энгельсом, покойным Вольфом и является не чем иным, как почти исключительно немецким Союзом авторитарных коммунистов [1].

---

[1] К этому месту Неттлау в *1924* году делает следующее примечание: «Бакунин был столь же мало осведомлен относительно ближайших дел Маркса, как тот относительно его дел, и судя по всему, что мы знаем, вышеприведенное указание формально неверно, но суб'ективно об'яснимо. Маркс летом 1848 года рассказал Бакунину о Союзе Коммунистов (согласно сообщению Бакунина), а систематические враждебные нападки на Бакунина со стороны лиц, которых он считал товарищами или орудиями Маркса, укрепляли его в мысли, что интимная группа или тайное общество Маркса продолжает существовать. Отсюда и приведенное выше выражение, которое также об'ясняет, почему Бакунин так долго держался в стороне от Интернационала, так как он хотел противопоставить авторитарной

«То, что я говорю здесь, вовсе не предположение, а факт, известный многим лицам и многократно, в различных политических процессах, публично всплывавший на поверхность в Германии. Итак, оставляя в стороне отвратительные личные выходки, доведенные нашими мстительными и крайне настойчивыми противниками до самой омерзительной нечистоплотности, надо признать, что внутренняя борьба, вспыхнувшая теперь в рядах Интернационала, есть не что иное, как борьба двух тайных обществ, противоположных как по своим принципам, так и по своей организации: одно из них, Союз авторитарных коммунистов, существует, как я сейчас сказал, с 1848 года, а другое, Альянс революционных социалистов, существует, правда, с 1864 года, но начало внедряться в Интернационал только с 1868 года». (Кстати, вот и еще одно признание того, что Бакунин ввел внутрь Интернационала свое старое тайное общество.)

В письме в брюссельскую газету «La Liberté», относящемся к октябрю того же 1872 года, Бакунин повторяет то же обвинение. «В марте 1870 года, — пишет Бакунин, — опять-таки от имени Генерального Совета и за подписью всех его членов, г. Маркс выпустил против меня клеветнический циркуляр, составленный на французском и немецком

группе, действовавшей, по его предположению, вокруг Маркса в Интернационале, сильную антиавторитарную группу, начавшую складываться с 1864 года... (Из членов старого Союза Коммунистов) остались, кроме Энгельса и Вольфа, также умершего, еще Эккариус, Пфендер, Лесснер, Лохнер, бывшие в 60-х годах в Генеральном Совете безусловно сторонниками Маркса, в Париже — Шили, в Германии — Либкнехт. Они и в Нью-Йорке Ф. А. Зорге, германский поклонник Маркса д-р Кугельман, в более значительном отдалении Боркгейм, И.-Ф. Беккер, а также вженившийся в марксизм Лафарг — составляют тот круг лиц, который имел ввиду Бакунин, и к которому он неправильно относил также М. Гесса, отнюдь не преданного действительно Марксу. Предположение, что между ними существовала формальная связь, ничем не доказано и даже не установлено с какой-либо долей вероятности» (нем. изд. сочинений Бакунина, том III, стр. 114). Какую цену имеют глубокомысленные соображения Неттлау о причинах невхождения Бакунина в Интернационал, мы уже показали во II томе. Отметим только, что если прежде он об'яснял это тем, что Интернационал до 1868 года не успел якобы проявить себя, то теперь он выдвигает новый аргумент, а именно — систематические нападки марксистов на Бакунина. Но и здесь г-ну Неттлау не везет: эти нападки начались не до вступления Бакунина в Интернационал, а после этого вступления, после открытого выступления Альянса, с 1869 года. Все эти изворачивания и виляния Неттлау только доказывают, что никакого разумного об'яснения он этому воздержанию Бакунина от присоединения к Интернационалу дать не может. Это равносильно признанию своего поражения.

языках и адресованный областным федерациям. Я узнал об этом циркуляре лишь месяцев шесть-семь тому назад по случаю последнего процесса гг. Либкнехта и Бебеля, на котором он фигурировал и оглашался в качестве уличающего их документа. В этой записке, направленной, кажется, исключительно против меня и до сих пор незнакомой мне в подробностях, г. Маркс между прочим рекомендует своим интимным друзьям подпольную работу в Интернационале, а затем обращается против меня и в числе других любезностей выдвигает против меня обвинение в том, что я основал внутри Интернационала, и притом с явной целью его разрушения, пагубное тайное общество под названием Альянс» [1].

---

[1] Bacounine — «Oeuvres», том IV, стр. 367—368. Речь идет о знаменитом конфиденциальном, т.-е. предназначенном только для секций Интернационала, циркуляре Генерального Совета от 1 января 1870 г., который Маркс в качестве секретаря для Германии переслал Центральному Комитету с.-д. партии, но вследствие болезни сделал это только в марте, при чем снабдил его в начале и в конце некоторыми неблагожелательными комментариями насчет Бакунина (это и есть знаменитое «Конфиденциальное сообщение», так использованное с тех пор анархистами). Ни о какой «подпольной» деятельности там не говорилось. На заседании лейпцигского суда от 16 марта 1872 года прокурор пытался использовать эти слова против подсудимых. Либкнехт тогда же высказал предположение, что это просто ошибка французского переводчика. Так оно и оказалось. Переводил циркуляр с английского языка на французский Э. Дюпон: он и поставил там слова «travail souterrain», тогда как в оригинале говорилось о «серьезной незаметной работе», которая противопоставлялась крикливому шарлатанству (см. Рязанов — «Очерки по истории марксизма», стр. 275). А, во-вторых, как впоследствии должен был признать и Гильом» («L'Internationale», том I, стр. 265, и в комментариях к 4-му тому франц. издания сочинений Бакунина, стр. 367—368), это место не имеет никакого отношения ни к тайной марксистской организации, ни к Альянсу, ни к анархистам, как в свое время думали и писали Бакунин и сам Гильом, наговоривший по этому поводу много жалких слов в составленной им пресловутой «Записке Юрской федерации» 1873 г., стр. 82 и 241 и след., где он повторил все то, что Бакунин писал своим друзьям в частных письмах, доказывая на основании этих слов о «подпольной работе» существование внутри Интернационала тайной марксистской организации, подобной его тайному Альянсу. «В то время, — признается Гильом, — я не знал контекста, а это вырванное из него выражение о «подпольной работе», как мне казалось, должно было относиться к тайной диктаторской организации, с помощью которой марксистская котерия пыталась направлять Интернационал: именно в этом смысле я и комментировал его в «Записке Юрской федерации» на стр. 82 и 241. Как усматривается теперь из общего содержания всего абзаца, речь шла вовсе не о том, а о вмешательстве Генерального Совета в английские дела». Что и требовалось доказать!

Можно было бы подумать, что здесь мы имеем дело с чисто полемическим приемом, пущенным в ход для скомпрометирования противника. Но вот перед нами слова Бакунина, сказанные не партийным товарищам и не в разгар фракционной борьбы с противниками, а в частной беседе с случайным знакомым, и притом в такой момент, когда Бакунин уже совершенно отошел от всякой политической деятельности и мог взирать на борьбу в Интернационале спокойно, без злобы и без пристрастия. Мы имеем ввиду его разговор с Алексеем Тверитиновым, переводчиком и издателем сочинений Чернышевского на французском языке. Тверитинов встретился с Бакуниным в Лугано в 1875 году, когда Бакунин, разочаровавшийся в революции и удручаемый болезнью, доживал на покое свои дни и добродушно вспоминал о минувших схватках. И вот как Тверитинов передает свой разговор с ним по поводу тайного Альянса [1]:

«По поводу марксовых разоблачений в брошюре «Alliance de la Démocratie Socialiste» [2] Бакунин... говорил мне, что Маркс то же самое делает, а он, т.-е. Бакунин, об этом не печатает, что, наконец, без этого, без «оккультной» [3] диктатуры и нельзя, т.-е. невозможно оставить рабочих без руководительства, а явного руководительства они не потерпят [4].

---

[1] Правда, книжка Тверитинова полна неточностей и ошибок. Но в данном случае, когда он передает содержание несложной беседы, ему можно верить, тем более, что сообщаемые им слова Бакунина совпадают с тем, что тот говорил в других случаях по тому же вопросу.

[2] Бакунин до конца дней своих думал, что автором этой брошюры является Маркс. Но весьма характерно, что он, в отличие от своих не по разуму усердных последователей, не оспаривает подлинности помещенных в брошюре документов тайного Альянса. Все содержание разговора скорее служит косвенным подтверждением их бесспорности. Бакунин не говорит, что «этого» не было, а говорит, что и другие так делали, но скрывали.

[3] Скрытой.

[4] Тверитинова Бакунин убедил, судя по тому, что тот в своей книжке (Алексей Тверитинов — «Об об'явлении приговора Н. Г. Чернышевскому... и о многом другом», Спб., 1906, стр. 79—81) после слов Бакунина прибавляет: «Что Маркс делал то же самое, это теперь доказано марксистом Фридрихом Лесснером, который в журнале «Deutsche Worte» за май напечатал марксовы к нему письма, писанные им Лесснеру в Брюссель во время конгресса 1868 г.». А в примечании сказано: «Вот несколько выдержек из этих писем: «Вы не позволите (?), чтобы конгресс заседал после текущей недели... Если бельгийцы и французы еще раз поставят на очередь массу новых историй, вы им растолкуете, что это не годится по следующим причинам» (их приводится полдюжины). Дальше указывается примерное содержание резолюции о войне, а Эккариусу рекомендуется про-

Чем сильнее Бакунин настаивал на полном единстве мысли и действия в тайном обществе, этом «главном штабе» революции, призванном руководить непросвещенной чернью, погрязшей в предрассудках, из коих зловреднейшими являются предрассудки «государственнические», тем энергичнее он оспаривал необходимость этого единства в Интернационале. Попытку установить идейное единообразие в Интернационале Бакунин называет абсурдной, смешивая ее с «навязыванием» определенных идей, с «подчинением» пролетариата отвергаемым им идеям и т. п. (незаконченная рукопись «Италия и Генеральный Совет», относящаяся к концу 1871 года). Но Бакунин высказывается не только против идейного единства, но и против дисциплины в Интернационале. «Одни,— пишет он в незаконченной рукописи, представляющей начало письма в редакцию какой-то, повидимому, итальянской газеты и датированной 7 января 1872 года, — одни, не допуская, чтобы единство могло существовать без авторитета, или чтобы действительная организация социальных сил могла иметь место без руководящего правительства, хотели бы обратить Интернационал в своего рода чудовищно колоссальное государство, повинующееся одной официальной мысли, представляемой сильною центральною властью. Другие, т.-е. анархисты, к которым мы принадлежим, полагают, напротив, что введение подобной дисциплины в ряды Интернационала не только не увеличит его мощи, но даже неизбежно принизит, опошлит и убьет его; что оно задушит в зародыше свободную и стихийную мысль пролетариата и сделает невозможным всякое дальнейшее развитие этой великой Ассоциации, призванной освободить человеческий мир. Мы полагаем, что единство, действительная сила и мысль Интернационала заложены не вверху, а внизу, не в Генеральном Совете, превращенном в правительство, а в автономии всех секций и в их вольной федерации».

Еще решительнее возражал Бакунин против идеи революционной диктатуры. «Диктатура, — говорит он в письме к итальянскому интернационалисту Рубиконе (Л. Набруцци) от 3 января 1872 года, — хороша и необходима в политических переворотах, низвергающих одни государства для того, чтобы создать другие, и разрушающих одно господство для того, чтобы немедленно установить новое. Она невозможна

тестовать против прудонистских бредней. Итак, совет члена Генерального Совета другим членам Генерального Совета раз'яснить делегатам причины, по которым не следует затягивать с'езд и т. п., приравнивается к скрытой диктатуре тайного общества! Таким аргументом даже Макса Неттлау не убедишь.

в социальной революции, которая хочет раз навсегда покончить со всеми видами господства и со всеми государствами... Дело социальной революции вообще и дело Интернационала в частности отнюдь не являются личным делом, это — дело по существу коллективное. Личности, все личности у нас тонут в коллективе, и мы с отвращением относимся к претенциозным, тщеславным, честолюбивым и властолюбивым индивидуальностям. Мы — заклятые враги всякого господства, будь то коллективное или личное». Разумеется, исключение делалось для «незримой диктатуры» интернациональных братьев.

3. К вопросу о личных мотивах.

Руководился ли Бакунин в своих организационных построениях мотивами личного честолюбия? Не только его противники, но и многие друзья обвиняли его в стремлении к личной диктатуре, в желании вести все дело самостоятельно, не считаясь с товарищами. Мы слышали такие обвинения от участников старого Братства, собравшихся на конференцию в Шапонэре (см. том II). Мы услышим впоследствии такое же обвинение от Нечаева, в устах которого оно, правда, звучит несколько комично. Ралли в своих, уже цитированных воспоминаниях, отрицая, что диктатура Бакунина в Альянсе зафискирована была юридически [1], признает, что фактически она существовала, но об'ясняет ее личными качествами и активностью Бакунина (см. выше, § I этой главы). Стремился ли Бакунин лично к такой диктатуре? Бесспорно. Но мы думаем, что делал он это не по мотивам обычного низменного честолюбия.

Можно по-разному оценивать деятельность Бакунина, в частности его работу в Интернационале. Можно даже оспаривать за нею всякое положительное значение, — точка зрения, с которою мы лично несогласны. Но никто не станет отрицать того, что Бакунин был глубоко предан интересам трудящихся, что он горячо желал освобождения угнетенного человечества, что он страстно стремился к социальной революции и готов был для дела свободы сложить свою голову. Вместе с тем он с юных лет полон был веры в свою историческую миссию. Об этом свидетельствует его юношеская переписка, об этом говорит его деятельность в 1848—1849 годах, это доказывается всею его жизнью. Мы помним его рассказ в «Исповеди», из которого явно вытекает, что

---

[1] Ралли, появившийся за границей только в 1872 году, просто не знал первой редакции устава Альянса, относившейся к 1869 году и напечатанной в брошюре об Альянсе (ему известна лишь редакция устава, принятая в 1872 году; см. выше).

в 1848—1849 гг. Бакунин считал себя человеком, лучше других понимающим требования революции и способным направить ее по едино-спасительному руслу [1]. В еще большей степени это настроение развилось в нем в конце 60-х годов. Уверовав в спасительный путь анархической революции, способной увлечь массы, убежденный в близости всеобщего восстания, на которое массы толкает их экономическое положение, не считая нужным откладывать это восстание до конца подготовительного периода, Бакунин верил, что небольшой инициативной группы, спаянной единством мысли и строгой дисциплиной, будет достаточно для правильного направления и руководства этой революцией, себя же он считал провиденциально призванным возглавлять это всеобщее потрясение. Отсюда его стремление к личной диктатуре, не явной, а скрытой, — стремление, свободное от всяких мелочных соображений.

В цитированном выше письме к А. Ришару от 1 апреля 1870 года Бакунин, как мы видели, решительно отрекается от всяких личных честолюбивых замашек, от стремления к личной славе, говорит о готовности целиком раствориться в коллективе и т. п.

В таком же духе он высказывался и в письмах к испанскому альянсисту Ансельмо Лоренцо. В наброске письма от 7 мая 1872 года он писал Лоренцо по поводу выдвинутых против него обвинений в стремлении к диктатуре: «Вы знаете, гражданин, что при всяком удобном случае они изображают меня в виде главы школы в Интернационале, которую они называют анархической. Это честь и бесчестие, которых я отнюдь не заслужил. Я не философ и не изобретатель систем, вроде Маркса. Я также не то, что называют ученым, и никогда у меня не было смешной претензии сравнивать свои недостаточные, неполные и из вторых рук позаимствованные знания с его образованием, которое действительно колоссально. Никогда я не выступал в виде главы партии или школы, и с тех пор, как я стал членом Интернационала, т.-е. с 1868 года, я всегда считал своей честью быть рядовым интернационалистом. Моя единственная заслуга заключается в том, что я страстно предан принципам, которые я считаю правильными, и что я отстаиваю и пропагандирую мои убеждения со всей энергией, на какую я способен. Ничто и никто не могли до сих пор меня отвратить от них, и я надеюсь, что до моего последнего издыхания ничто и никто меня от них не отвратит.

---

[1] Замечательно, что, едва решившись стать на революционный путь, Бакунин уже произносит горделивые слова: «Здесь я яснее всех вижу, чувствую и знаю, что нужно» (письмо к брату Павлу и Тургеневу от середины ноября 1842 года).

«Заклятый враг государства и всяких государственных учреждений, как экономических, политических, так и юридических, равно как и религиозных, — враг вообще всех патриотических форм, благодетельной опеки, осуществляемой сверху вниз образованным меньшинством над народными массами, убежденный, что действительное экономическое освобождение масс, великая народная свобода и организация справедливости и равенства, одним словом, полное и всестороннее очеловечение человеческого общества несовместимы с существованием государства, я с 1868 года начал пропагандировать принцип уничтожения государств в недрах самого Интернационала.

«Но я занимался этим не один. Целый ряд очень дорогих и очень интимных друзей, как швейцарцев, так и итальянцев, испанцев и французов, столь же убежденных, как и я, проповедывали те же самые принципы, с тем же самым пылом, а часто и с бо́льшим красноречием и успехом, чем я. Я никогда не выступал в качестве вождя, и никто никогда не думал меня признавать таковым, кроме наших противников, которые, выставляя меня в таком виде, хотели нанести оскорбление моим друзьям и вместе с тем мне.

«Это было оскорблением по отношению ко мне, раз принцип, убежденным защитником которого я являюсь, прямо стремится сделать эту ненавистную роль вождя невозможной, разрушая в корне все то, что порождает господство и эксплоатацию человека каким бы то ни было существом — божественным или человеческим. С моей стороны выступать в роли вождя или стремиться стать таковым было бы ужасающим лицемерием. Это оскорбление для тех, другом которых я считаю за честь быть, так как отводит им роль низших и подчиненных. И, прошу вас этому верить, это оскорбление совершенно напрасно, ибо дружба и уважение моих друзей ко мне немедленно превратились бы в презрение и ненависть, как только они заметили бы во мне хотя бы тень какого-либо поползновения к господству».

Еще энергичнее и обстоятельнее Бакунин выражается на этот счет в наброске письма к тому же А. Лоренцо от 10 мая 1872 года.

«Между партией Маркса и нашей целая пропасть, — говорит он. — И когда я говорю вам о нашей партии, прошу вас верить, что речь вовсе не идет о моей партии. Попытки всячески представить меня как главу партии также составляют один из возмутительных приемов наших противников. Они хотели бы придать вопросу личную постановку, чтобы тем легче его затушевать. Они изображают нас, изображают меня в виде какого-то склочника, который, желая создать себе

положение в Интернационале, не останавливается перед внесением раскола в его ряды, а моих друзей, принципы и убеждения которых я считаю за честь разделять, представляют в виде бессознательных орудий моего честолюбия.

«Этот прием, основанный на двойной клевете, лживость которой они сами очень хорошо сознают, не лишен известной ловкости, но он гнусен. А самое замечательное и, я бы сказал также, самое бесстыдное во всем этом деле заключается в том, что как раз люди, которые уже по своей теории склонны к культу власти и вождей и которые не упускают ни одного случая, чтобы не провозгласить себя последователями Маркса, «своего учителя», своего законодателя и своего руководителя, — именно они смеют бросать такое обвинение людям, которые неустанно проповедуют устранение вождей и низвержение всех авторитетов как официальных и правительственных, так и мнимо-революционных.

«Но если уже речь зашла обо мне, то я хочу раз навсегда об'ясниться на мой собственный счет. Во время полемики в итальянских газетах, дружественной или враждебной, но всегда приличной, — полемики, в которой я сознательно избегал до сих пор лично принимать участие, равно как во время нечистоплотной и злобной полемики в немецких газетах, я достаточно изображался в виде крайне честолюбивого человека, одушевленного горделивою и тщеславною претензиею выступить в Интернационале в качестве соперника Маркса. Это совершенная неправда. Никогда мне и в голову не приходило выступать в качестве антагониста Маркса. Верно, что в вопросах, связанных не с самыми принципами справедливости и равенства, а с их осуществлением, равно как с организацией народных сил посредством Интернационала, я провожу систему идей, диаметрально противоположную идеям Маркса. Но никогда, решительно никогда я не выступал в качестве его антагониста, а еще менее в качестве его соперника.

«Я Маркса знаю давно, и хотя я глубоко сожалею о некоторых, действительно отвратительных недостатках его характера, вроде его крайней недоверчивости, ревности, обидчивости и склонности к самообожанию и неумолимой ненависти, выражающейся в самых возмутительных клеветах и жестокой травле всех тех, кто, в общем разделяя те же тенденции, что и он, имеет несчастье не соглашаться с его специфической системой и особенно с его личным, верховным руководством, считать которое единственно разумным и единственно спасительным приучили его обожание и, так сказать, идолопоклонническое и слишком слепое повиновение его друзей и учеников, — констатируя

все эти недостатки, часто портящие то добро, которое он способен делать и которое он делает, я всегда все-таки ценил, — и целый ряд товарищей могут в случае нужды это засвидетельствовать, — я всегда отдавал полную справедливость действительно замечательному уму и образованию Маркса и его непоколебимой, активной, предприимчивой и энергичной преданности великому делу освобождения пролетариата. Я признавал и признаю его колоссальные заслуги перед Интернационалом, одним из главных основателей которого он был, что на мой взгляд дает ему величайшее право на славу. Наконец, я и до сих пор думаю, что было бы серьезной потерей для Интернационала, если бы Маркс, потерпев неудачу в своих честолюбивых проектах и в осуществлении своих практических идей, в достоинствах которых он, без сомнения, убежден, но которые нам кажутся чрезвычайно плохими, захотел лишить нашу великую Ассоциацию помощи своего ума и своей деятельности, столь благодетельной для ее дальнейшего развития. Но все это ни в каком случае не говорит в пользу превращения Интернационала в слепое орудие Маркса, и я, не колеблясь, заявляю, что если бы пришлось выбирать между его доктриной и его отставкой, я предпочел бы его отставку.

«Я был бы просто смешон, если бы возымел когда-либо мысль сравнивать мои заслуги с его заслугами. Я всегда был простым рядовым членом Интернационала, весьма преданным, весьма верным, но абсолютно не имеющим никакого другого права на его признательность, тогда как Маркс был одним из самых умных его инициаторов и отцов. Я признаю это вполне искренно. Но да будет мне в то же время позволено выразить желание, чтобы великий ум Маркса помог ему, наконец, понять то, что отцы обыкновенно плохо понимают, а именно, что с того момента, как ребенок подрос, его нужно освободить от всякой опеки, как открытой, так и замаскированной.

«С моей стороны было бы столь же смешно равнять мои знания, весьма недостаточные и во всяком случае почерпнутые из вторых рук, с действительно обширнейшей и глубокой эрудицией Маркса. Перед этой эрудицией я охотно склоняюсь, однако не принимая ее слепо. Я очень уважаю науку, подлинную науку, положительную науку, и я буду ее еще больше уважать, когда она сделается всеобщей наукой, наукой народа. Но всеми силами души я протестую против господства ученых...

«Возвращаясь к моей собственной особе, которую припутали к вопросу против моей воли, я раз навсегда заявляю, что так как я никогда не изобретал никакой системы, ни даже того, что называют новой идеей, я не имею ни малейшего права на звание вожака или

главы в теоретическом смысле этого слова. А что касается его практического смысла, то оно ко мне еще менее приложимо, ибо для того, чтобы быть вождем, нужно иметь возможность командовать по крайней мере несколькими солдатами. А за мною нет ни одного. Поэтому я никогда не был вождем, кроме как в воображении или, скорее, в злой интуиции моих клеветников. Никогда я не выступал в роли вождя среди своих друзей, и никогда они не признали бы меня таковым, — ни меня, ни кого-либо другого. Ибо снова повторяю вам: если есть среди нас общее и господствующее настроение, так это глубокое отвращение ко всему тому, что называется господством и господином, опекой и опекунами; и я могу вас уверить, что доверие товарищей, их личная дружба и уважение, которые я считаю моими драгоценнейшими сокровищами, быстро превратились бы в презрение и ненависть, если бы они заметили во мне хотя бы тень честолюбия, кроме стремления работать вместе с ними и на равных с ними правах для общего дела».

Мы очень хорошо понимаем, что в этих похвалах Марксу, сопровождаемых тут же самою отрицательною характеристикою [1], и в этом самоуничижении, плохо скрывающем высокое мнение о своем призвании и своей роли в Интернационале, содержится немало дипломатической хитрости и лукавства, чтобы не сказать лицемерия. И все же мы полагаем, что подобные заявления Бакунина продиктованы искренним чувством. Политические вожди, даже занимая положение диктаторов в партии, сами этого не замечают и, разумеется, меньше всего мотивируют перед собственной совестью свое стремление к такому положению какими-либо личными мотивами. Они, поскольку вообще задумываются над этим вопросом, решают его в том смысле, что лучше других сознают потребности движения, и что всякий иной на их месте действовал бы хуже и менее целесообразно. Так было и с Бакуниным. Но вместе с тем нужно прибавить, что для роли диктатора Бакунин по всему своему характеру не был рожден, и что его диктатура в Альянсе подчас принимала довольно курьезные формы.

Разумеется, Бакунин стоял головою выше своих сторонников. Среди окружающих его не видно никого, кто бы мог претендовать на место вождя, кроме него. В этом отношении Ралли прав, когда гово-

---

[1] Анархистские историки любят подчеркивать это «об'ективное» отношение Бакунина к Марксу, скромное признание его превосходства и т. п., но они забывают прибавить, что к похвалам Бакунина по адресу Маркса всегда примешана такая большая ложка инсинуаторского дегтя, которая сводит на-нет весь этот хваленый об'ективизм. Морализировать по этому поводу, конечно, смешно.

рит, что диктатура Бакунина в Альянсе установилась естественно, в силу факта его личного преобладания и наибольшей активности. Но в утвердившееся мнение о диктатуре Бакунина надлежит внести некоторые весьма существенные поправки.

Что ему свойственны были диктаторские замашки и тенденции, это бесспорно. Такие черты он проявлял еще в молодости. Властность и исключительность его натуры, с одной стороны, его революционная стремительность и напористость, с другой, могли только питать и развивать в нем стремление к диктатуре. Но с расширением тайного общества, с вступлением в него людей жестокой складки (вроде Гильома), имевших серьезный революционный стаж (вроде Фанелли) или свои особые взгляды (вроде Малона или Реклю), наконец, опиравшихся на местное рабочее движение, от которого сам Бакунин в силу своей центральной позиции стоял далеко, его диктатура должна была натолкнуться на серьезное противодействие. Мы уже знаем, что в ряде случаев Бакунин даже среди своих немногочисленных ближайших друзей оставался в меньшинстве (вспомним хотя бы конференцию в Шапонэре в январе 1869 года или совещание меньшинства Бернского конгресса в сентябре 1868 года, когда, вопреки мнению Бакунина, решено было основать открытый Интернационал). Но имели место и такие случаи, когда важные решения принимались не только против совета Бакунина, но и без его ведома. Так случилось в августе 1871 года, когда члены женевской секции Альянса постановили распустить ее, не сочтя при этом нужным предуведомить Бакунина о своем решении и запросить его мнения. Более того, о состоявшемся распущении секции, им же основанной, он узнал не официальным путем, а из частного письма. И это несмотря на то, что Гильом, которого они уведомили о своем решении, упорно настаивал на необходимости посоветоваться с Бакуниным. По этому поводу Жуковский заговорил было о «диктатуре» и т. п., но Гильом разумно ему ответил, что речь идет здесь не об авторитете человека, диктатуре и проч., а об уважении к другу. Хорош диктатор, которому приходилось post factum бессильно протестовать против распущения организации, которой он во всяком случае был одним из инициаторов! А как неуважительно относились некоторые товарищи «диктатора» к его работам, видно из того, что присланное им для ознакомления начало записки Бакунина об Альянсе («Протест Альянса») они просто-напросто затеряли: так оно и пропало бесследно и потому в сочинения Бакунина не попало.

Сам Бакунин, протестуя против обвинений своего бывшего сотоварища Перрона, говорил в своем «Докладе об Альянсе»: «Между нами

не могло быть речи о диктатуре уже по тому одному, что нашим законом было коллективное действие. А теперь, когда горные (т.-е. юрские) друзья немного меня узнали, я обращаюсь к их суду. Заметили ли они во мне хотя бы тень диктаторских стремлений? Человек глубоко убежденный, я, находясь среди друзей, излагаю и, когда нужно, живо отстаиваю свои убеждения. Но разве я когда-нибудь пытался их навязать, и когда большинство решало иначе, разве я не подчинялся его постановлению?» («Oeuvres», том VI, стр. 251). Это, пожалуй, именно и соответствует действительности. Конечно, седовласый старец, имевший такое громкое имя и такой опыт, естественно, импонировал окружавшим его, по большей части молодым, людям. С другой стороны, он умел уловить дух толпы и удачно его сформулировать. Все это вело к естественному влиянию на окружающих, а при боевом темпераменте Бакунина вело за собою обвинение в диктаторских тенденциях. Но если такие тенденции и были, то диктатуры фактически, по крайней мере, в целом ряде случаев не было.

4. Плюсы и минусы бакунинской схемы.

Это, впрочем, ни в малейшей степени не может влиять на оценку бакунинского плана по существу. И нужно сказать, что теперь, на историческом отдалении, после всего богатого опыта социалистического движения за истекшие полвека, организационная схема Бакунина вызывает к себе двойственное отношение. Ибо сама она была двойственной по своему характеру, являясь, с одной стороны, запоздалым отголоском старых карбонарских конспираций, принципы которых он хотел применить к массовому международному движению пролетариата [1], а с другой — пророческим предвидением будущих форм организационного строительства, постепенно вырабатываемых пролетариатом в своей борьбе с капиталистическим режимом для решительного нападения на твердыни буржуазного строя и для обороны социальной революции от реставрационных попыток, словом, как бы предвидением тех организа-

[1] См. II том, часть третью, главу первую, § 6, где мы об этом говорим подробно. В I томе этой работы мы изложили организационный план тайного общества, задуманного Бакуниным в начале 1849 года для совершения народной революции в Богемии. Общество было построено на началах иерархии и строгой дисциплины с незримой диктатурой центра, который предполагалось составить из наиболее передовых и преданных деятелей. Там же мы указали пункты сходства и отличия между этой организацией и будущим Альянсом. Кстати, уже тогда Бакунин прибегал к тем же приемам конспирации в конспирации, которые он затем применял в Альянсе.

ционных форм, которые впервые были выработаны русскими коммунистами, а затем постепенно начали усваиваться и другими партиями, входящими в Коммунистический Интернационал.

Взятый сам по себе, т.-е. независимо от анархической программы и от своего неудачного практического применения, организационный план Бакунина был безусловно огромным шагом вперед по сравнению с тем зародышевым состоянием партийного строительства, которое было характерно для эпохи Первого Интернационала. В то время, если не считать Германии, где уже начала складываться пролетарская партия, рабочий класс политически вовсе не был организован. Да и те зародыши рабочих партий, которые в отдельных странах уже существовали, не были связаны в интернациональном масштабе. В Первом Интернационале действительно не было ни единства (даже идейного), ни централизации, ни твердого направления, ни систематического руководства, ни дисциплины. Это было свободное об'единение разнохарактерных групп и союзов, политических и профессиональных, стоявших на различных ступенях развития, медленно и с трудом вырабатывавших программное единство и лишь мечтавших (да и то в лице наиболее передовых личностей) об единстве тактическом. Ничего похожего не только на современные коммунистические партии и их тесную органическую связь, но и на партии эпохи Второго Интернационала с их платоническою связью в то время не существовало. Маркс и его синомышленники, которых, вдобавок, было тогда очень и очень мало, в неопределенной форме стремились превратить Интернационал в могучую международную партию пролетариата, но это стремление выражалось слишком неясно и не имело под собою реальной базы, как вследствие тогдашнего состояния рабочего движения вообще, так и ввиду отсутствия национальных рабочих партий. Первый Интернационал до конца так и остался lose Organisation, без идейного и практического единства.

Мысль, что для подготовки и торжества социальной революции необходима дисциплинированная организация, проникнутая единством в теории и в практической работе, — мысль, лежащая в основе бакунинского организационного плана, несомненно, имеет крупные положительные стороны и является серьезным шагом вперед сравнительно с царившим тогда идейным разбродом и организационным хаосом. Для своего времени этот план был слишком преждевременным. И именно потому, что при реальном состоянии тогдашнего м а с с о в о г о движения для него еще не созрели необходимые условия, он принял уродливую форму тайной организации «главного штаба», отделяющего себя от масс и собирающегося руководить ими без их ведома, путем «незримой

диктатуры». Но основная идея была верна и начинает осуществляться лишь в эпоху Третьего Интернационала — при совершенно иных об'ективных и суб'ективных предпосылках, в совершенно иной форме и при обстановке, позволяющей не отделять руководящий штаб от руководимой массы, а сливать их в одно органическое целое.

К последнему и стремилась группа Маркса. Но Бакунин, веривший в близость революции, не мог удовлетвориться медленным накоплением сил и продолжительным периодом подготовки. Потому-то он и пустился в организацию тайного общества, которое, при таких условиях, неизбежно должно было отличаться целым рядом недостатков и оказаться бессильным выполнить возложенную на него задачу.

Нельзя правильно понять тактики Бакунина, если упустить из виду основной момент, лежавший в ее основе, а именно — веру в близость революции или, если угодно, стремление вызвать ее в ближайшем времени, с чем тесно связано было применение революционных методов действия, революционных не только по содержанию, но и по форме. В значительной мере это об'яснялось характером тех стран, в которых преимущественно протекала деятельность Бакунина и которые больше всего его интересовали. Это были: во-первых, Россия (и Польша), во-вторых, Италия, Испания и отчасти Франция. В тот момент все эти страны находились в более или менее революционном, неустойчивом состоянии. Многие из них еще не проделали даже буржуазной революции, как, напр., Россия, другие — не довели ее до конца. В таких странах, как Россия, налицо не было элементарных политических свобод; в значительной мере это относилось к тогдашней Италии, Испании и Франции. В Италии (не говоря уже о Польше) не закончилась эра революционно-националистической борьбы; Испания стояла накануне длительных революционных потрясений; Франция готовилась к низвержению ненавистного бонапартовского режима. Вдобавок (за исключением, пожалуй, Франции) это были по преимуществу аграрные страны со слабой буржуазией и с массою пролетаризуемого крестьянства, т.-е. страны, в которых, казалось, социальная революция, восстание эксплоатируемых масс не могли натолкнуться на особенно серьезное и длительное сопротивление. Вот почему (особенно в свете нынешних событий) расчеты Бакунина не были такими беспочвенными и смешными, какими они представлялись Марксу и Энгельсу, внимание которых было поглощено странами с развитым капитализмом, в построениях которых крестьянство в то время не занимало такого места, как у Бакунина, и которые основывали свои надежды не на перерыве

капиталистической эволюции, а на развитии ее до логического конца [1]. Выше мы видели насмешку Маркса над бакунинским делением тогдашней Европы на страны с медленным и с революционным движением. А между тем в этом делении была своя доля истины, которую показали отчасти события того же времени, отчасти русская революция 1905 — 1917 годов, отчасти, быть может, покажут еще дальнейшие события.

Не надо, кроме того, забывать, что окружение Бакунина в Альянсе составляли в значительной мере люди, недавно еще державшие ружье в руках и готовые схватиться за него при первом удобном случае, как итальянцы, игравшие такую выдающуюся роль в его Братстве, и отчасти французы, готовившиеся к выступлениям 1870 — 1871 годов, не говоря уже о русских, в распоряжении которых других методов действия, кроме непосредственно революционных и насильственных, в то время почти не было. Вот почему критика бакунинских планов и предприятий, которую мы встречаем в брошюре Энгельса — Лафарга, зачастую бьет мимо цели и, невольно для авторов, иногда переходит в критику революционно-насильственных методов вообще (особенно в применении к делу Нечаева). Если таковым и не было их намерение, то на тогдашних революционеров, особенно русских, она производила такое впечатление, что авторы брошюры вместе с водою выплескивают из ванны и ребенка, что они начисто отвергают революционные методы борьбы, и что таким образом они просто-напросто отрицают всякое революционное движение в таких странах, где капитализм не успел развиться, где пролетариат составляет незначительное меньшинство и т. п. Одно дело — применявшиеся Нечаевым приемы, и совершенно другое дело — сущность связанного с его именем движения, представлявшего заговор для возбуждения народного восстания и руководства им. В брошюре же об Альянсе резкого различия между тем и другим не проводилось, и могло казаться (да и теперь кажется), что в ней осуждалась всякая тайная, нелегальная, связанная с насильственными методами, революционная работа вообще.

Из положений Первого Интернационала вытекали две тактики. Одна — впоследствии получившая законченное выражение в деятельности германской социал-демократии и вообще правого крыла Второго Интернационала, зря прикрывавшаяся марксизмом, тактика по существу буржуазно-демократическая, подчас консервативная и даже ре-

---

[1] Для Англии и Соединенных Штатов Северной Америки Маркс даже допускал тогда возможность мирного социального преобразования.

акционная, — тактика приспособленчества, коалиции с буржуазией, гнилого парламентаризма, отказа от всякой революционной борьбы и революционных методов, словом, тактика оппортунизма в худшем смысле этого слова. Бакунин пророчески предвидел эту тактику и беспощадно бичевал ее, в ряде случаев предвосхищая нынешнюю критику ее, исходящую из коммунистической среды. Ошибка Бакунина была в том, что он весь марксизм подводил под эту мерку и не видел другого практического применения марксистских воззрений на политические задачи рабочего движения и на методы политической борьбы пролетариата, кроме парламентской социал-демократии, в сущности с марксизмом имеющей очень мало общего и в большинстве случаев определенно ему враждебной.

Другая тактика, вытекавшая из программных положений Первого Интернационала, это была революционно-пролетарская тактика, опирающаяся на реальную борьбу рабочих масс, суммирующая исторический опыт пролетариата, использующая все возможности и все формы действия, концентрирующая усилия пролетариата, группирующая вокруг него движения всех общественных элементов, эксплоатируемых и угнетаемых современным капиталистическим режимом, применяющая все методы борьбы, легальные и нелегальные, подготовляющая решительное наступление на буржуазный строй, захват власти пролетариатом и использование ее в интересах социальной революции, — словом, тактика Третьего Интернационала, тактика подлинного, а не извращенного и кастрированного марксизма. Этой тактики Бакунин не предвидел и не понимал. Отсюда— трагизм его личности, бесплодность его работы, неизбежность его разочарования. Что у него были зародыши правильного понимания революционной тактики, это бесспорно. Именно потому, что он хотел действительной, активной, непосредственной борьбы за социализм, он так много говорил о союзе пролетариата с крестьянством, рекомендовал тактику непосредственно революционного оказательства, пропаганды фактами, способной увлечь крестьянские массы за пролетарской инициативой, — той пропаганды фактами, которая у него носила правильный массовый характер и лишь у эпигонов анархизма выродилась в пресловутый «парлефетизм», в метод индивидуальных покушений. В писаниях Бакунина мы находим много такого, что применялось в нашей Октябрьской революции 1917 года, а ныне составляет достояние пролетарского авангарда всех стран. Но эти проявления правильной тактики были перемешаны у него с бездной ложных положений, а главное — сводились на-нет его злосчастной анархической программой, не отвечающей стремле-

ниям и потребностям пролетарской борьбы. И вот почему то, что было правильного и здорового в воззрениях Бакунина, бесследно тонуло в море ошибок и промахов, органически связанных с его анархизмом.

Теория и тактика Бакунина не выросли непосредственно из фактической борьбы пролетариата и из его активного участия в рабочем движении. Альянс не возник органически из реального движения рабочего класса, а сложился в стороне от него в совершенно иной среде и лишь впоследствии пытался примкнуть к начавшемуся международному сплочению трудящихся. Не забудем, что Альянс был создан Бакуниным задолго до его действительного присоединения к Интернационалу. Будучи, по крайней мере в уме Бакунина, продолжением его тайного общества 1865 года, основанный первоначально в качестве местного итальянского общества на основе недовольства итальянской революционной молодежи нерешительностью прежних вождей национального движения, Альянс имел буржуазно-демократическое происхождение и только впоследствии был «привит» к международному движению рабочих. Хотя с этого времени в состав его вошли отчасти и передовые пролетарии, во всяком случае деятели рабочего движения, тем не менее он по составу оставался в большинстве непролетарским, вербуя своих членов главным образом из среды буржуазной интеллигенции, более или менее определенно ставшей на социалистический путь [1]. Вот почему Альянс так легко стал противополагать себя массам и свои немощные конспирации противопоставлять их действительным движениям и выступлениям. Это противоположение, заметное уже у Бакунина при всем его словесном расшаркивании перед трудящимися («чернорабочим людом»), приняло особенно уродливые формы в анархическом Интернационале во второй половине 70-х годов XIX в. [2]. По существу отношение Бакунина к рабочей массе было самое отрицательное. Только полным неверием в творческие силы пролетариата, в его способность к умственному и политическому развитию была продиктована та программа Альянса, с которою мы выше познакомились. Бакунин мог на словах сколько угодно распинаться

---

[1] К так называемой рабочей интеллигенции Бакунин, как мы уже видели, относился в большинстве случаев отрицательно, считая ее чуть ли не сплошь зараженной буржуазным духом. Конфликты в Женеве между рабочими «фабрики» (часового производства) и строительными рабочими могли только усилить его антипатию к этой категории пролетариата, которую он охотно смешивал с рабочей аристократией.

[2] См. мою книгу «Первый Интернационал», издание 4-е, часть вторую: «Анархический Интернационал».

за самочинные и автономные действия масс, заявлять, что в низших слоях пролетариата, в частности в лумпен-пролетариате, дескать, игнорируемом и презираемом школою Маркса и Энгельса, заключаются вся сила и весь ум грядущей революции. В глубине души он больше полагался на спаянную кучку заговорщиков, выходцев из буржуазной среды, «профессиональных революционеров», которые, витая где-то высоко в облаках, незримо для непосвященной толпы, устраивают ее счастье, дают массам правильное направление и руководят социальной революцией с первого ее момента и до окончательного ее утверждения во всем мире.

Но если бы даже организационная схема Бакунина была свободна от указанного органического порока, превращавшего его Альянс в настоящую секту, оторванную от масс и их реальной жизни, то все равно она была заранее обеспложена и обессилена навязанной тайному обществу анархической программой. Конечно, с такой программой и с таким планом революции, которые сочинил Бакунин, самое замечательное общество должно было в скором времени провалиться и погубить самую хорошую революцию. Правда, как уже отметили авторы брошюры об Альянсе, Бакунин, чувствуя слабые стороны своего плана, делает частичные отступления от анархического принципа и намечает нечто вроде зародыша правительственной организации, для того, чтобы обеспечить оборону революции и начало социалистического строительства. Но отвергая по существу революционное государство и диктатуру пролетариата даже в качестве переходной стадии, отказываясь от захвата власти и от действительной концентрации революционных усилий, Бакунин невольно обрекает революцию на неминуемое поражение, а тех рабочих, которые доверились бы его разглагольствованиям о плодотворности анархической самочинности, на истребление.

А между тем сами по себе взгляды Бакунина на историческое значение самочинных народных выступлений отличаются большой глубиной и оригинальностью. В этом отношении Бакунина можно назвать певцом стихийных народных революций, но, к сожалению, по преимуществу стихийных. Прямо поразительно, как этот выходец из барской среды сумел так глубоко проникнуть в народную душу и так замечательно оценить огромную роль чисто народных движений и вспышек, как это сделал Бакунин. Несомненно, тут сказались уроки русской жизни, давшей так много примеров чисто-народных стихийных движений (начиная с «смутного времени» и вплоть до крестьянской реформы 1861 года), как, пожалуй, ни одна страна в мире, а отчасти впечатления итальян-

ской жизни с ее борьбою за национальное освобождение, еще продолжавшейся в тот период, когда взгляды Бакунина начали изменяться в сторону анархических воззрений.

Самочинные, явочные выступления народных масс на местах Бакунин считает основной движущей пружиной, главной силой и опорой революции. Базою революционной федерации он признает те революционные центры, которые будут созданы на местах самою массою, вовлеченною в движение; центральный орган революции должен, на его взгляд, быть лишь выражением той организации, которую восставшие массы образуют на местах. Положительные формы новой жизни могут быть, по его мнению, созданы только живою практикою мест, начавших самостоятельно строить ее со всех сторон. Это повсеместное пробуждение самочинной народной жизни и деятельности должно полностью развернуться для того, чтобы революция была и осталась живою и сильною, победоносного и широко распространенною. Никакие приказы сверху, никакие распоряжения центра не в состоянии заменить живого, самобытного творчества широких народных масс, которое одно способно упрочить и гарантировать успех социальной революции.

Эта точка зрения подтверждается ходом всех революций, в том числе и французской конца XVIII века, но особенно нашей революции 1917 и следующих годов. Распространение и победа Октябрьской революции были обусловлены именно повсеместным самочинным действием масс, по-своему боровшихся с помещиками, буржуазией и белогвардейцами всех оттенков, выдвигавших из своей среды все новые силы, отбиравших землю и фабрики, организовавших свои партизанские отряды, строивших ячейки нового политического и социального уклада. Что без этих самочинных действий и выступлений революция не победила бы и не могла бы приступить к тому широкому социальному строительству, которое сейчас развертывается у нас на глазах, это совершенно очевидно. Столь же очевидно, что эти самочинные действия не совершались по чьей-либо указке сверху, а были проявлением назревших в народной психике сил и тенденций.

Но минусом во взглядах Бакунина на роль этих самочинных выступлений является его неверие в указания революционного центра и в значение его руководства стихийными движениями масс. Если, с одной стороны, верно, что основною силою революции были эти массовые выступления, то, с другой, не менее верно и то, что они все же остались бы безрезультатными и не увенчались бы успехом, если бы оставались распыленными и изолированными; если бы не об'единялись и не направлялись из е д и н о г о, т в е р д о г о, с о з н а т е л ь н о г о и о р г а-

низованного центра, каким явилась коммунистическая партия, ведущая за собою пролетариат; если бы движение деревень не было об'единено и сплочено в непобедимую силу движением городов, — движением организованного рабочего класса; если бы последний не держал в руках государственной власти и не установил пролетарской диктатуры. Только при этом условии самочинное движение масс не распылилось и не осталось безрезультатным, как это бывало с прежними аналогичными выступлениями, не выходившими из стадии вспышек и не превращавшимися в социальную революцию. Чувствуя этот пробел в своей анархической системе, Бакунин и придумал фантастическую «незримую диктатуру» своего Альянса, которая должна была заменить реальную и живую диктатуру сознательного организованного пролетариата и его политической партии. Эта тайная организация интернациональных братьев и должна была заменить органически выросшую из рядов пролетариата рабочую партию и придать стихийному движению масс то единство и ту сознательность, без которых, как Бакунин это прекрасно понимал, восстание было обречено на поражение. И тут-то сказалась шуйца Бакунина, который, с одной стороны, понимал все значение самочинных массовых движений, а с другой — считал массы способными только на стихийные, инстинктивные порывы. Здесь, быть может, тоже сказалось его барское происхождение, равно как преимущественное направление его внимания на судьбы земледельческих стран. Разум стал безумием; признание важности самочинных действий масс превратилось в преклонение перед стихийностью их; увлечение нетронутой живой силой крестьянства — в непонимание тех революционных сил, которые в лице пролетариата вырабатываются процессом капиталистического развития.

Но основным грехом бакунинского Альянса был все-таки его параллелизм с Интернационалом, раскол которого при сохранении и развитии тайной организации в его рядах становился неминуемым, как события это скоро и доказали. Но этот параллелизм был неизбежен, ибо в Интернационале пришли в столкновение две совершенно различные партии, которые не могли долго ужиться под одной крышей. Бакунин был, разумеется, глубоко неправ, когда утверждал, что марксисты тоже организовали в Международном Товариществе Рабочих свой тайный союз, желая придать социальной революции специфический характер, отвечающий их собственной коммунистической программе. Но он был прав в том смысле, что в Интернационале шла борьба между различными тен-

денциями, одною из которых была коммунистическая или марксистская фракция (увы, в тот момент тоже далекая от полного внутреннего единства). Сначала эта борьба происходила между марксистами и умеренными прудонистами, а после разгрома последних в 1868—1869 годах началась борьба между марксистами и левыми прудонистами, каковыми в значительной степени и были элементы, группировавшиеся вокруг Бакунина. Конечно, каждая из борющихся групп не отличалась полной чистотой и единством: и вокруг марксистов, и вокруг анархистов собрались элементы, не во всем согласные друг с другом; но центральными ядрами этих двух враждебных группировок, на которые распался Интернационал, были марксисты, с одной стороны, анархисты — с другой.

Что те и другие пытались наложить на работу Интернационала, как в подготовительный период, так и в момент предстоявшей революции, свою печать, что те и другие стремились добиться руководства в мировом рабочем движении и в частности в Интернационале, это совершенно естественно. Но между методами, применявшимся для этого той и другой стороной, лежала целая пропасть.

Да, были *две группы профессиональных революционеров*, которые хотели руководить международным рабочим движением и доставить в нем победу той программе и той тактике, какие каждая из этих групп считала правильными и гарантирующими успех освободительной борьбы пролетариата. Но как действовала для этого марксистская группа? Путем пропаганды и убеждения, путем участия во *всех* проявлениях действительного рабочего движения, путем создания и расширения *всех* форм пролетарской организации, путем выяснения пролетариату всех уроков истории, путем развития в массах *классового сознания*, путем приобщения этих масс к практической борьбе, путем воспитания будущих вождей пролетариата из самой рабочей среды, путем борьбы со всеми пережитками утопизма и сектантства и очищения пролетарского сознания от их следов. Марксисты вели борьбу с открытым забралом, работая в Генеральном Совете и в национальных рабочих организациях, проводя свои взгляды на конгрессах, в печати, в работе секций, подготовляя свою победу единственно допустимым в рабочей демократии методом *открытой идейной борьбы и убеждения*. Они были за централизацию усилий, но за такую, которая добровольно принималась бы рабочими в силу логической необходимости и целесообразности; они были за революционную дисциплину, но за такую, которую сознательно установили бы передовые пролетарии, об'единенные в Интернационале.

Секретничать и конспирировать они считали допустимым от правительств и господствующих классов, но они не составляли заговоров против самого рабочего класса, против его организации, против его партий, против его международного об'единения. И они были твердо уверены, что рабочие массы, организуемые и обучаемые самим ходом реальной борьбы, постепенно дойдут до правильных воззрений, выработают верные методы действия, разовьют свою активность и осуществят основной лозунг коммунизма: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

Не так действовали анархисты с Бакуниным во главе. Конечно, и бакунисты не брезговали методом пропаганды и убеждения, но применяли его не совсем так, как марксисты. Бакунин предпочитал личную переписку и беседы с глазу на глаз, при которых он мог давать полную волю своему воображению. И к кому он преимущественно обращался, кого старался в первую голову завербовать, кому предназначал роль руководителей социальной революции? Деклассированным элементам, выходцам из привилегированной среды, из «образованного» общества, буржуазным интеллигентам, которых считал солью земли, людьми, призванными возглавить освободительное движение пролетариата и повести социальную революцию к целям, хотя бы и не сознаваемым и не выставляемым самими массами. Конечно, Бакунин рад был завербовать и всякого рабочего, а к рабочим он умел подходить и сближаться с ними; в отдельных случаях он это и делал. Но пролетариата, как класса, он не понимал; его классовые задачи и историческая миссия оставались для него непонятными[1]. В эпоху пролетарского движения

[1] В этом отношении чрезвычайно характерна относящаяся к концу 1871 года рукопись Бакунина «Италия и Генеральный Совет». Разбирая 9-ю резолюцию Лондонской конференции 1871 года, где между прочим сказано, что пролетариат может действовать как класс, только образуя отдельную политическую партию, Бакунин замечает: «Мы предпочли бы сказать: «как обездоленная и деклассированная масса», ввиду того, что эпитет «класс» в применении к пролетариату может повести к двусмысленности и противоречит самому духу мотивировочной части наших генеральных статутов, ставящих главною целью международной агитации и организации рабочих масс всех стран «уничтожение классов», чего пролетариат не мог бы совершить, если бы сознавал сам себя особым классом... Эпитет «класс» в применении к пролетариату употребляется почти исключительно и с какой-то странной любовью социал-демократами, авторитарными коммунистами и пангерманистами (!) Германии. Вы найдете в каждом номере их газет «Volksstaat» и «Volkswille» следующую фразу: «Необходимо пробудить в пролетариате классовое сознание». Это, конечно, по мнению Бакунина, не только величайшая глупость, но и продукт «пангерманской» интриги, по-

он сам был как бы выходцем из другого века, искренно желающим понять новую жизнь и приспособиться к ней, но не умеющим это сделать и каждый раз невольно возвращающимся к старым чувствам и приемам.

В пролетариате Бакунин видел не особый к л а с с, последний продукт антагонистического исторического развития, который именно своими классовыми выступлениями призван был положить конец классовому делению общества и эксплоатации человека человеком, а обездоленную, страдающую м а с с у, проникнутую глухим и н с т и н к т о м п р о т е с т а и ненависти к высшим классам. Этого элементарного инстинкта для Бакунина было достаточно, чтобы признать угнетенные массы прирожденными социалистами, готовыми на социальную революцию. Эти массы полны предрассудков, живут во тьме, но они готовы к бунту, а тайная организация революционных интеллигентов, незначительная по численности, но спаянная единством мысли и воли, уже позаботится о том, чтобы народная революция приняла правильное направление и была доведена до благополучного конца. Это тайное

казывающий, что люди, проповедующие развитие классового сознания в пролетариате, «не сознавая этого и, несомненно, не желая этого (и за то спасибо! — *Ю. С.*), играют в руку господину Бисмарку». Почему же? Да потому, что за разговорами о пролетариате как классе и о необходимости пробуждать в нем классовое сознание скрывается стремление, во-первых, к созданию «великого пангерманистского (?) и так называемого народного государства», а, во-вторых, к увлечению рабочих на путь политической борьбы, что делает их орудием буржуазии. Разоблачив таким образом коварные замыслы «государственников», стремящихся к пробуждению классового сознания в пролетариате, Бакунин продолжает: «что касается нас, то по тем же самым соображениям, так как мы не хотим ни государства, ни господства, ни эксплоатации, мы решительно отвергаем эпитет «класс», который немецкие социал-демократы нашли в политическом словаре буржуазии и который ни в каком случае не должен и не может применяться к пролетариату. Пролетариат с точки зрения государства (!) составляет в настоящее время низшую массу, дезорганизованную, деклассированную и обездоленную, — огромное баранье стадо, которое государственные классы под покровительством государства и по правилам или законам, установленным государством, стригут и бреют каждый в меру своих привилегий или, лучше сказать, своей действительной силы в государстве».

Это напоминает несколько Н. Михайловского, который 30 лет спустя был тоже шокирован термином «производители» в применении к рабочим!

Характерно, что в первом русском переводе «Коммунистического Манифеста», который приписывается Бакунину (издан Нечаевым в 1870 году), слова «класс» и «классовый» переводятся словами «сословие» и «сословный». Правда, этот термин употреблял иногда и Лассаль (но и он был эклектиком в философской и политической области).

общество, работающее тайком не только от масс, но и от их организаций, в том числе и от Интернационала, должно было выполнить такую грандиозную историческую задачу без ведома масс и даже вопреки их желанию путем незримой коллективной диктатуры.

То, что было положительного в организационной схеме Бакунина, тонет в тех отрицательных сторонах ее, которые способны были только принести рабочему движению величайший вред и внести глубокое разложение в его ряды.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ БАКУНИНА.

Глава первая.

ЧТО СДЕЛАЛ БАКУНИН ДЛЯ ТЕОРИИ АНАРХИЗМА?

Предыдущая глава вплотную подводит нас к вопросу о мировоззрении Бакунина, о взглядах его на исторический процесс и социальное развитие. Ибо только этим мировоззрением и этими взглядами можно об'яснить как выработанную им программу, так и ту тактику, которую он собирался проводить в Интернационале.

До сих пор нам приходилось отмечать лишь отдельные стороны бакунинского мировоззрения, по мере того как они всплывали перед нами в течении рассказа о его жизни. Представить это мировоззрение в более или менее цельном и систематическом виде мы прежде не могли, ибо взгляды Бакунина слагались постепенно, меняясь в зависимости от обстоятельств и исторической среды, в которых ему приходилось действовать, и только к концу 60-х годов, после разрыва с Лигою Мира, сложились в более или менее законченную систему, в которой впоследствии развивались и менялись лишь отдельные детали. К тому моменту, до которого доведен теперь наш рассказ, мировоззрение Бакунина сформировалось почти полностью и, можно сказать, отлилось даже в неподвижные, окоченелые формы, так что в дальнейшем не оно подвергалось пересмотру и изменению, а под него подгонялись многообразные события исторической жизни. Вот почему в настоящее время мы можем, наконец, попытаться изложить в связной и систематической форме взгляды Бакунина, как они окончательно сложились в конце 60-х и в начале 70-х годов и связаны с его именем.

Бакунин в это время выступает перед нами в качестве последовательного революционного анархиста. Был ли Бакунин оригинальным мыслителем? Мы думаем, что был. Правда, в его мировоззрении встре-

чаются обрывки различных философских и социальных систем, и с этой точки зрения в нем нетрудно открыть черты эклектизма. Но в той ограниченной области, которая тесно связана с именем Бакунина, в деле выработки и обоснования анархического учения, точнее — той его разновидности, которая впоследствии получила несколько противоречивое название «анархического коммунизма», Бакунин, несомненно, проявил большую оригинальность, явился пролагателем путей, дал совершенно новые формулировки, сыграл роль основоположника, после которого последователям его приходилось лишь развивать и популяризировать высказанные им мысли и вносить в них те или иные частичные, второстепенные изменения и дополнения.

Анархизм, если брать это слово в самом общем, отвлеченном смысле, в смысле стремления к общественному устройству, основанному на безначалии, отсутствии элементов авторитета и власти в социальных отношениях, представляет, разумеется, явление чрезвычайно старое, которое при желании можно проследить не только до греческих стоиков, как делает это, напр., М. Неттлау в своей книге о раннем анархизме [1], но и до первобытных форм человеческого общежития, так называемого доисторического периода. При желании можно так же далеко проследить и начатки коммунизма, социализма, либерализма и т. п. [2]. Но даже, если взять понятие «анархизм» в более узком смысле, в смысле учения о безначальном общежитии, возникшего на почве критики противоречий капиталистического строя, то и в таком случае у Бакунина окажется немало предшественников, у которых отдельные стороны анархического учения были намечены задолго до него. Отбрасывая сомнительных предтеч анархизма, вроде Вольтера, Дидро и других «просветителей», у которых можно, конечно, выудить пару заявлений в анархическом духе, но которые были в гораздо большей мере предтечами буржуазного либерализма и демократизма, и даже вроде участника заговора «Равных» Сильвена Марешаля, мы встретим первое более или менее связное изложение тех идей, которые впоследствии получили название анархических, у английского писателя Вильяма Годвина, выпустившего в 1793 году двухтомный трактат «An Enquiry concerning political justice and its intluence upon general virtue and happiness» («Исследование о политической справедливости и ее влиянии на общую добродетель и общее благосостояние»). Отдельные моменты анархической доктрины можно встретить у Фурье и его последователей, у Ро-

[1] M. Nettlau, «Der Vorfrühling der Anarchie», Berlin, 1925.

[2] Впрочем, строго говоря, анархизм является доведением до крайних логических последствий именно буржуазного либерализма.

берта Оуэна, у которого, впрочем, можно найти гораздо больше элементов коммунизма. Но впервые более широкую популярность получают анархические воззрения благодаря литературной деятельности, с одной стороны, француза П.-Ж. Прудона, который уже в первой своей крупной работе «Что такое собственность?» (1840 г.) провозгласил принцип «ан-архии», а с другой — немца Каспара Шмидта, известного под псевдонимом Макса Штирнера, выпустившего в 1844 году нашумевшую, но оставшуюся без особенного влияния книгу «Единственный и его собственность».

Когда Бакунин попал в Париж (в 1844 г.), там среди социалистов господствовали «авторитарные» направления. Он сам отмечает это обстоятельство в разных местах, выделяя из среды тогдашних французских социалистов одного Прудона [1]. Несмотря на любовь к страшным словам, Прудон был по существу весьма умеренным, мирно настроенным мелким буржуа. Впрочем, и весь тогдашний анархизм носил вполне мирный характер. Революционным был с самого начала только коммунизм. Это, кстати, показывает, что только коммунизм был действительно пролетарским учением, отражал настроение и выражал интересы класса, по самому своему положению являющегося непримиримым врагом буржуазного общества, тогда как анархизм, являясь заострением буржуазного либерализма и индивидуализма, мог в течение известного времени не выступать столь непримиримо, как коммунизм. Только после того, как анархизм начал выступать в качестве одного из представителей рабочего движения, он стал приобретать революционный характер. Но это случилось лишь после революции 1848 года.

В лице же Прудона он был не только мирным, но во многих отношениях и консервативным, даже реакционным учением. Бакунин, подготовленный к приятию прудонизма своей ненавистью к коммунизму, который представлялся ему царством рабства (вспомним его статью о «Коммунизме» 1843 года, изложенную нами в первом томе этой работы), увлекся отрицательной, по его представлению — разрушительной, стороной прудоновской системы, закрывая глаза на ее «доктринерские», консервативные стороны. В первом томе мы уже подробно

---

[1] Что и помимо Прудона существовали тогда отдельные представители анархических стремлений, видно из деятельности группы, издавшей в 1841 г. два номера «L'Humanitaire, organe de la science sociale». Но сомнительно, чтобы Бакунин знал об этой, скоро сошедшей со сцены, группе. В 1841—1842 годах существовала и другая подобная группа «Les Amis du Peuple», но она была еще менее известна.

выясняли, почему Бакунин, выходец из отсталой страны, мог легко увлечься прудоновской анархией, которую он, вдобавок, толковал в самом революционном, бунтовском смысле. Отбрасывая то, что придавало прудоновской системе ее специфический мелкобуржуазный и консервативный характер, он удержал из нее то, что ему казалось в ней главным и привлекательным, — отвержение всякой политики, осуждение государства во всех его видах, отрицание политической власти. И когда 20 лет спустя Бакунин приступил к выработке своей анархической программы, он взял из прудоновской системы только эти отрицательные положения, приспособив их к новой массовой борьбе пролетариата. Революционизировав учение Прудона, привив его к новым формам освободительной борьбы рабочего класса, Бакунин спас прудонизм от заслуженного забвения, но вместо него создал свое собственное учение, весьма мало походившее на скромный оригинал. Кости «безансонского мужика» перевернулись бы в гробу, если бы он мог узнать, во что неугомонный бунтарь Бакунин превратил его мирную мещанскую утопию о разрешении «социального вопроса» (у Прудона в сущности не рабочего, а мелкобуржуазного вопроса) в стороне от государства, путем чисто экономических легальных мероприятий, вроде дарового кредита, «народных» банков, непосредственного обмена товаров и услуг и тому подобных невинных благоглупостей.

Бакунин, заимствовав ряд положений марксизма, революционного коммунизма, придал мещанской утопии Прудона бунтарски-революционный характер, выбросив из нее все ее специфические черты, все меры, долженствовавшие обеспечить мирное житие мелкой буржуазии, и связав свою анархию с международным движением рабочего класса [1]. Но не было ли у Бакунина предшественников на этом пути? Бесспорно были, но мы не знаем, насколько они (кроме одного, Пизакане) были ему известны [2].

События 1848 года, в особенности разгром пролетариата республиканскою буржуазиею в июньские дни, дали толчок развитию как коммунистических, так и анархических идей. Что эти события легко поддавались истолкованию и в анархическом смысле, это нетрудно понять. Неудивительно также, что это течение проявилось особенно сильно среди французской эмиграции. Если Прудон в результате неудачи пря-

---

[1] Энгельс в письме к Куно от 24 января 1872 года тоже указывает на это. «У Бакунина, — говорит он, — особая теория, смесь прудонизма и коммунизма».

[2] Относительно того, что Бакунин не мог не знать о взглядах Пизакане, мы говорили во II томе этой работы (стр. 281—283).

мого штурма рабочего класса на буржуазное общество в июньские дни окончательно впал в свои кредитные утопии, как бы символизируя этим отказ французского пролетариата от широкой политической борьбы, то нашлись участники 1848 года, которые сделали из июньской бойни анархические выводы совершенно иного характера, — выводы революционные, проникнутые злобой и отчаянием и доходившие в этом отношении до небывалых крайностей.

Среди них особенно выделились рабочий Жозеф Дежак и врач Эрнест Кэрдеруа [1].

Дежак (1821—186?), эмигрировавший после разгрома 1848 года из Франции, вынес из опыта революции неутолимую ненависть к буржуазному социализму и радикализму, не уступавшую по остроте такой же ненависти к ним коммуниста-бланкиста Бартелеми. В частности оба они одинаково ненавидели Ледрю-Ролена, эту буржуазную знаменитость, подготовившую своей политикой разгром пролетариата. В 1852—1853 годах Дежак написал брошюру «La Question Révolutionnaire», в которой проповедывал борьбу с буржуазией всеми средствами, в том числе и индивидуальным насилием над личностью и имуществом [2]. Здесь рекомендовалось создание боевых троек или четверок для грабежей, поджогов и убийств. Таким образом «яд, нож, петля» бакунинско-нечаевской прокламации «Постановка революционного вопроса» тоже имели своих предшественников.

В этой брошюре Дежак выставил программу, весьма сильно напоминающую программу Бакунина, выработанную им к концу 60-х годов, а именно: отмену всех религий, культов и клиров и замену их «человеком, творением и вместе с тем творцом, у которого богом является природа, священником — наука, а алтарем — человечество»; отмену правительства во всех его формах, монархической или республиканской, власти одного или большинства, и замену их анархией, суверенитетом личности, полной, неограниченной и абсолютной свободой делать все,

---

[1] Если о первом в России ничего не знают, то второй известен русской читающей публике уже давно по блестящим писаниям Герцена, а именно по гл. III шестой части «Былого и Дум» (Сочинения, том XIV, стр. 213 и сл.; письмо Герцена к нему см. соч., том. VIII, стр. 89 и след.).

[2] Мысль, встречающаяся, впрочем, не только у анархистов, но и у такого, напр., коммуниста, как В. Вейтлинг. Брошюра Дежака была напечатана в 1854 году в Нью-Йорке, куда он переехал из Европы. В 1913 году я сделал в Париже многочисленные выписки из какой-то брошюры Дежака (возможно, что именно из этой), но, к сожалению, все эти выписки у меня пропали, и я теперь даже не помню, была ли это брошюра «La Question Révolutionnaire».

что присуще природе человека; отмену частной собственности и замену ее коллективной; отмену семьи, основанной на браке, родительской или супружеской власти и на наследовании, и замену ее великой семьей человечества; отмену авторитета, привилегии и антагонизмов и замену их свободой, равенством и братством [1].

Подобно Бакунину об'единяя в общей ненависти церковь и государство (l'église et l'état), Дежак в своей «Humanisphère» (стр. 71) восклицает: «Когда же люди поймут, что власть — зло; что собственность, тоже связанная с властью, — зло; что семья, опять-таки связанная с властью, — зло; что религия, в свою очередь связанная с властью, — зло; что законность, коституционность, регламентация, договорность, все связанные с властью, — зло, снова зло и опять-таки зло! Гений анархии, дух веков грядущих, избави нас от зла!!!».

С особенной энергией Дежак отвергает идею революционной диктатуры как переходной меры к торжеству социализма.

«Люди, считающие себя революционерами и клянущиеся лишь свободой, — восклицает этот предтеча Бакунина, — тем не менее провозглашают необходимость диктатуры, как будто диктатура не исключает свободы и наоборот... Диктатура, будь она автократической или демагогической, ничего не может дать свободе; она способна лишь увековечить рабство в духовной и физической жизни... Кто называет себя революционером и говорит о диктатуре, тот является обманутым или мошенником, глупцом или предателем: глупцом и обманутым, если он смотрит на нее как на вспомогательное средство социальной революции, как на переход от прошлого к будущему, ибо это значит прививать власть к настоящему; мошенником и предателем, если он смотрит на нее как на средство устроить свою карьеру и разыгрывать роль вечного представителя».

Дежак издевается над мыслью о «доставлении рабочими власти» и напоминает неудачное представительство рабочих во Временном Правительстве (Альбер) и в Учредительном и Законодательном собраниях 1848 — 1850 годов. Всякий диктаторский комитет, составленный из рабочих, пропитан чванством и самонадеянностью и в конечном счете

---

[1] После того Дежак издал в Америке 27 номеров анархической газеты «Libertaire» и утопию «L'Humanisphère». В 60-х годах он вернулся в Европу и умер, кажется, в 1864 г. или 1867 г. в душевном расстройстве. С 1861 года до своей смерти он жил в Париже. Встречался ли с ним когда-либо Бакунин, неизвестно; более того, не установлено, чтобы он вообще знал о его существовании. Идеи Дежака не пользовались тогда распространением; но о них все-таки в эмиграции знали.

является контр-революционным. «Всякое диктаторское правительство, в единственном или множественном числе, всякая демагогическая власть способна только задержать социальное преобразование тем, что свою инициативу, хотя бы весьма удачную, свой всемогущий ум, свою принудительную волю ставит на место безвластной, анархической инициативы, обдуманной воли, автономии отдельного лица. Социальная революция может развиваться только посредством индивидуальных усилий; иначе это не социальная революция» [1].

Прудона такой человек, естественно, не мог любить: он называл Прудона «анархистом золотой середины, либералом, а не либертэром», что следует признать совершенно правильным. Как и подобает анархисту, он много внимания уделял религиозному вопросу. Между прочим в статье «Бога нет», напечатанной в номере «Libertaire» от 5 апреля 1860 года, встречается следующая фраза: «Если бы Бога не существовало, — заметил некий Тартюф, — то его следовало бы выдумать. А я, социалист, философ новой идеи, говорю: если бы Бог существовал, то его нужно было бы уничтожить». Замечательно, что эти слова почти буквально повторяются у Бакунина в «Кнуто-Германской Империи» (во втором выпуске, относящемся к 1871 году). Там сказано так: «если бы Бог действительно существовал, его нужно было бы уничтожить» («Oeuvres», том. III, стр. 48) [2].

Доказывает ли это, что Бакунин знал Дежака или был знаком с его сочинениями? Конечно, нет, но это во всяком случае показывает, что после 1848 года такие идеи были в ходу среди некоторых революционеров.

Точно так же неизвестно, знал ли Бакунин Эрнеста Кердеруа, хотя это более вероятно. Герцен, который получил от Кердеруа его сочинения и состоял с ним в переписке (хотя бы короткое время), не мог не рассказать Бакунину про этого оригинального европейца, которого озлобление довело до мечты о казацком нашествии на прогнившую Европу.

Интересно, что Кердеруа (1825—1862), подобно Ж. Дежаку, не имел социально-революционного стажа до 1848 года: именно такие

---

[1] Брошюра «Die Diktatur», Гамбург (1921), представляющая перепечатку статьи Дежака из «Libertaire» от 7 апреля 1859 года, стр. 1, 2, 4, 6, 7, 9. У Бакунина мы дальше встретим те же мысли и опять-таки часто в тех же выражениях.

[2] Другое любопытное совпадение. В утопии «L'Humanisphère» (сокращенное издание, Брюссель 1899 г., стр. 12) у Дежака встречается такая фраза: «Ось власти это — кнут-архия; ось свободы — анархия». Не подсказали ли эти слова Бакунину заглавие его книги «Кнуто-Германская Империя?».

люди, как тогда, так и после того, легче других поддавались анархическим увлечениям [1]. В 1852 г. он вместе с фурьеристом Октавом Вотье выпустил в Брюсселе брошюру «La barrière du combat», которая была направлена против всей демократической и социалистической эмиграции, и в которой доказывалось, что «истинная революция есть только анархическая революция», и призывался хаос, разрушение цивилизации огнем и мечом. «Беспорядок есть спасение, есть порядок». Не надо бояться разнуздать все инстинкты, поднять все народы, возжечь всеобщую войну. Жизнь — только во всеразрушении. А так как западно-европейский пролетариат бессилен, то на помощь придет обездоленный, беспощадный, воинственный народ солдат и казаков — русский народ. «Только у одних казаков имеется достаточно живой силы и коренных интересов для совершения революции... Казацкие пролетарии бессчисленны, как песок морской, а в руках у них факел».

Далее последовала брошюра «Три письма в газету L'Homme» 1854 г., письмо к Герцену от 27 мая 1854 года и книга «Ура! или революция с помощью казаков», 1854 г., в которых подробно развивались те же мысли, подсказанные неверием в силы рабочего класса и надеждами на возрождение гниющего буржуазного мира новым нашествием варваров. Вся эта конструкция проникнута насквозь индивидуалистическим духом, не имеет ничего общего с психологией современного пролетариата и представляет отчаянный вопль растерявшегося и лишенного всякой социальной опоры одиночки [2].

---

[1] Об этом свидетельствует и история бакунинского Альянса, поскольку она нам известна. Мы уже неоднократно отмечали, что к Альянсу пристава ли легче всего люди, не имевшие долгого стажа в международном рабочем движении.

[2] «В 1854 г., — рассказывает Герцен, — доктор Coeurderoy, посылая мне из Испании свою брошюру, написал ко мне письмо. Такого озлобленного крика против современной Франции и ее последних революционеров мне редко [еще не?] удавалось слышать. Это был ответ Франции на легко перенесенный coup d'état; он сомневался в уме, в силе, в «крови» своей расы; он звал казаков для «поправления выродившегося народонаселения». Он писал ко мне потому, что нашел в моих статьях «то же воззрение». Я отвечал ему, что до исправительной трансфузии крови не иду, и послал ему «Du développement des idées révolutionnaires en Russie». Coeurderoy не остался в долгу; он ответил мне, что возлагает всю надежду на войско Николая, долженствующее разрушить дотла, без пощады и сожаления, цивилизацию, обветшавшую, испорченную и которая не имеет сил ни обновиться, ни умереть своею смертью» (Сочинения, том XIV, стр. 212—213). Между прочим Герцен в своем ответе Кердеруа от 7 июня 1854 года отчасти становился

Дежак в «Libertaire» правильно заметил по поводу надежд Кердеруа на казаков, что варварами, которые разрушат буржуазную цивилизацию, будут рабочие и крестьяне капиталистических стран. Впоследствии ту же мысль и опять-таки почти теми же словами выразил Бакунин (например, в письме к А. Эскиросу от октября 1870 г. и в других местах). Сходство идей и оборотов у Дежака и Бакунина подчас прямо поражает, хотя мы допускаем, что это случайное совпадение [1].

Кроме Герцена, Бакунин мог узнать о Кердеруа от А. Таландье, с которым сошелся после побега из Сибири в Лондоне и которого впоследствии привлек в свое тайное Интернациональное братство. Таландье в свое время (в 1854 году) даже полемизировал со взглядами Кердеруа, специально с его надеждами на казацкое нашествие. От Таландье же Бакунин мог узнать и о Дежаке, равно как и о других менее известных представителях нового, революционного анархизма. Конечно, в тогдашней эмиграции их было немного, но они все-таки были. Так, в «Интернациональной Ассоциации», основанной в 1856 году в Лондоне, участвовали и некоторые анархисты, а в числе подписавших ее программу находился и Дежак [2]. В марте 1859 года в Ассоциации произошел раскол, сопровождавшийся уходом противников анархизма, после чего она скоро распалась. Но любопытно, что в ее

на его позицию, говоря: «возможно, что «Европа сама устроится», но в противном случае — вторжение» (Сочинения, том VIII, стр. 90).

[1] «Не только с берегов Невы и Дуная, — говорит Дежак («L'Humanisphère», стр. 187—188), — придут орды варваров, призванных разрушить цивилизацию, но и с берегов Сены и Роны, Темзы и Тахо, Тибра и Рейна. С борозды полей, из глубины мастерской, на телегах, толпами мужчин и женщин, с вилами и факелами, с молотом и ружьем, в мужицкой дерюге и рабочей блузе, с голодным брюхом и пылающим сердцем, но под водительством идеи, этого Аттилы современного нашествия; под родовым именем пролетариата, катя свои жадные массы к ярко блистающим центрам города-мечты; из Парижа, Лондона, Вены, Берлина, Мадрида, Лиссабона, Рима, Неаполя ринется опустошительный поток, вздымающий могучие волны и гонимый революционным половодьем. Под грохот этой социальной бури, в водовороте этого очистительного наводнения пойдет ко дну упадочная цивилизация. Под дуновением обновляющего духа вырвется из своей бездны народный океан. Гроза новых идей... пройдется своим огненно-железным нивелиром по руинам... На сей раз варвары принесут миру не мрак, а свет».

[2] См. Nettlau — «Der Vorfrühling», стр. 220. О «Международной Ассоциации» мы находим в книге Ф. Ротштейна «Очерки по истории рабочего движения в Англии», Гиз, 1925, лишь несколько слов (стр. 182—184). Но интересно, что эта Ассоциация уже в начале 1859 года собиралась выступить против Мацциии, каковой план с таким успехом выполнил Бакунин через 12 лет.

последней принципиальной декларации, равно как и в первоначальной, явно звучала анархическая нотка. Там провозглашалось «абсолютное отрицание всех привилегий, абсолютное отрицание всякой власти (авторитета), освобождение пролетариата» и говорилось, что «общественное управление может и должно быть только избираемой народом администрацией, подлежащей народному контролю и сменяемой во всякое время по усмотрению народа».

Одиночки и отдельные группы, державшиеся более или менее ясно выраженных анархических воззрений, существовали и в начале 60-х годов, в том числе даже среди кругов, вскоре вошедших в соприкосновение с Интернационалом. Лондон был одним из центров этой пропаганды.

В 1861 году в Лондоне вышла брошюра «Treizième Anniversaire», посвященная 13-летней годовщине революции 1848 года (Неттлау предполагает, что она была издана в Женеве П. Везинье, состоявшим кстати в переписке с Дежаком). В этой брошюре доктор Ломбар-Мартэн, в 1848 году работавший в парижских клубах, а в 1867 году принимавший участие в Лозаннском конгрессе Интернационала, проповедывал идеи хотя и не вполне анархические, но окрашенные антиавторитарным и антигосударственным цветом. Могло ли все это остаться тайною для Бакунина, когда он прибыл в конце 1861 года в Лондон и начал лихорадочно знакомиться со всем, что случилось за время его вынужденного отсутствия?

Несколько позже возникла еще одна анархическая группа «Дровосеки пустыни», выпустившая тайно три листовки (1863—1867). Неттлау приводит заглавие первой («Первое письмо ко всем народам от Дровосеков пустыни. Революция — Децентрализация»), вышедшей, вероятно, в 1863 году, и третьей («Свобода или Смерть»), напечатанной в декабре 1867 года в лашодефонской газете «La Voix de l'Avenir», которая, как известно, с сентября 1867 года сделалась, под редакцией Куллери, органом швейцарских секций Интернационала.

Мы не станем больше приводить детальных указаний; интересующийся этим вопросом читатель может найти их в упомянутой книге М. Неттлау. Важно лишь указать, что в период 50-х и 60-х годов анархические декларации уже не были особенной редкостью и хотя не встречали массового сочувствия, но были известны в определенных кругах Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии. Что касается Италии, то о роли Пизакане мы уже говорили во II томе этой работы и там указали, что его идеи не могли оставаться неизвестными Бакунину (через Фанелли). Таким образом с разных сторон к Бакунину тянулись нити, и когда он со второй половины 60-х годов приступил к революционной перера-

ботке политических теорий Прудона, а с конца 60-х годов сделал попытку применить это преобразованное им учение Прудона к массовому движению пролетариата, проявившемуся к тому времени, он нашел для этого более или менее подготовленную почву.

Но то, что у отдельных анархистов того периода было рассеяно в виде отрывочных мыслей и разбросано в виде отдельных замечаний, Бакунин об'единил в целую систему, более или менее тщательно проработанную в деталях (поскольку его образ жизни и связанный с ним его литературный жанр допускали такую систематическую обработку). Взяв за основу Прудона, Бакунин, используя критику прудонизма Марксом, постарался очистить его учение от типично мелкобуржуазных и консервативных элементов и придать ему пролетарский и революционный характер в духе анархических пропагандистов, выступивших после 1848 года. Прудон был идеологом мелкой буржуазии, он набросал план мероприятий, которые должны были увековечить мелкую собственность и мелкое производство (кредит, банки, обмен); все это Бакунин выбросил, ибо он сочинял свою систему для рабочих. Прудон был противником ассоциаций, стачек, особенно чувствительных для мелкого буржуа, противником коллективной собственности, насильственных революций, ибо он писал в интересах мелкой буржуазии и для нее. Бакунин, который имел в виду пролетарскую аудиторию, поставил везде плюс там, где Прудон ставил минус: он высказывался за ассоциации, за стачки, за коллективную собственность, за революционные методы борьбы. Словом, все, что было в системе Прудона положительного, «доктринерского», по выражению Бакунина, последний выбросил, сохранив и развив до крайних последствий отрицательные моменты прудоновского учения, — антигосударственность, аполитицизм, анархию, но придав всему этому революционный, разрушительный характер.

Получилась довольно радикальная ревизия прудонизма, которая ввиду его смешения с элементами коммунизма, сделала его приемлемым для некоторых групп пролетариата экономически отсталых стран на известном уровне их развития. С этого и только с этого момента анархизм складывается в более или менее стройную и цельную теорию, претендующую на руководство рабочим движением. После Бакунина его последователям оставалось только вносить в нее те или иные частичные изменения. И потому отцом современного анархизма, создателем его следует признать именно М. А. Бакунина, сумевшего по-своему сочетать учения Маркса и Прудона.

К рассмотрению взглядов его мы теперь и переходим.

Глава вторая.

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БАКУНИНА.

1. Материалистическое мировоззрение.

В произведениях Бакунина философским вопросам отводится сравнительно много места, но трактует он эти вопросы не в отвлеченной форме, а главным образом применительно к своим агитационным выводам. Если он так много занимался вопросами метафизики и теологии, то происходило это потому, что, по его глубокому убеждению, они теснейшим образом связаны с вопросами социализма и политики [1].

Как мы знаем, после короткого периода увлечения философиею Фихте Бакунин сделался ярым гегельянцем, а впоследствии примкнул к лево-гегельянской школе. Если первоначально он склонен был истолковывать философию Гегеля в консервативном смысле, как об этом свидетельствует его введение к «Гимназическим речам» Гегеля, то впоследствии он, не отказываясь от некоторых основных положений гегельянства, но отбросив его идеалистическую основу, стал толковать ее в революционном духе. Даже сделавшись анархистом, Бакунин не отказался от того знаменитого положения Гегеля, которое некогда привело его и Белинского к примирению с действительностью, даже тогдашней российской действительностью. В своем «Федерализме, социализме и антитеологизме» он говорил: «Мы можем выдвинуть следующую, столь простую и вместе с тем столь решающую аксиому: все действительное разумно, и все разумное осуществлено или должно осуществиться в действительном мире — в природе в собственном смысле и в ее дальнейшем развитии: в естественной истории человеческого общества. Вопрос только в том, что же разумно в природе, равно как в истории?» [2]. А в неопубликованном приложении к «Кнуто-Германской Империи» под названием «Философ-

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 88, «Fedéralisme, socialisme et antithéologisme».

[2] Ibid., стр. 80.

ские размышления о фантоме божества, о действительном мире и о человеке» (1871) он, повторяя эту «простую и решающую аксиому», прибавляет в об'яснение: «Отсюда отнюдь не следует, чтобы все разумное или естественное было непременно полезно, хорошо и справедливо с человеческой точки зрения» [1]. Эта человеческая точка зрения, прикладная форма «антропологического принципа» Фейербаха, и побудила Бакунина, в числе многих других бывших гегельянцев, подвергнуть критическому пересмотру свои прежние философские симпатии, и в результате этой критической ревизии он, подобно другим левым гегельянцам, стал на материалистическую точку зрения [2].

Окончательному переходу Бакунина на материалистическую почву, несомненно, способствовало его знакомство с Марксом, как он, впрочем, это сам признает. В последующее время Бакунин познакомился и с учением Огюста Конта, которое также оказало на него известное влияние, указав ему на значение индуктивного метода в социологии и окончательно оформив его отвращение к метафизике. Но следует иметь в виду, что с произведениями Конта Бакунин познакомился только в конце 60-х годов, когда взгляды его в сущности уже вполне сложились [3].

Задача рациональной философии заключается, по мнению Бакунина, в выработке монистической системы, об'единяющей в высшем синтезе реальный мир и науку. «Об'единение всех положительных наук в единое человеческое знание образует Позитивную философию или всеобщую науку. Преемница и в то же время абсолютное отрицание религии и метафизики, эта философия, предугаданная и задолго подготовленная всеми благородными умами, была впервые возведена в законченную систему великим французским мыслителем Огюстом Контом, который набросал ее первый план ученой и смелой рукой». Начиная с простейших данных математики, положительная философия постепенно восходит к самым сложным явлениям общественной жизни,

---

[1] «Oeuvres», том III, стр. 230—231, примечание.

[2] Ср. влияние фейербаховской философии и в частности «антропологического принципа» на Чернышевского.

[3] Сообщая Герцену о своем знакомстве с Вырубовым, Бакунин пишет: «Напоминает мне своею контовскою доктриною мою юность, когда я горячку порол во имя Гегеля так же, как он порет ее теперь во имя позитивизма. Но Конт перед Гегелем впереди, — напрасно только молодой друг наш возводит его на степень абсолюта» («Переписка», стр. 166. Письмо от 28 июня 1866 года из Неаполя). Бакунин ставил Конта выше Гегеля, конечно, потому, что первый казался ему ближе к реалистическо-материалистическому мировоззрению.

подчеркивая таким образом единство мира. И Бакунин прибавляет: «Замечательно, что порядок наук, установленный Огюстом Контом, почти совпадает с тем, что мы находим в Энциклопедии Гегеля, величайшего метафизика настоящего и прошлого времени, которому принадлежит честь и слава доведения развития спекулятивной философии до ее высшего пункта, благодаря чему последняя, толкаемая отныне собственной диалектикой, должна была сама себя уничтожить. Но между Огюстом Контом и Гегелем существует громадное различие. В то время как последний в качестве истинного метафизика спиритуализировал материю и природу, выводя их из логики, т.-е. из духа, Огюст Конт, напротив, материализировал дух, основав его исключительно на материи. В этом и состоит его колоссальная слава» [1].

В основе материалистической системы Бакунина лежит следующее положение: «Три элемента или три основных принципа составляют в истории главное условие всякого человеческого развития, как коллективного, так и индивидуального: 1) животная природа человека; 2) мысль и 3) дух возмущения. Сферой первого элемента являются социальные и частные экономические отношения, сферой второго — наука, третьего — свобода» [2].

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 70—72. Кстати, это возвеличение Конта не свидетельствует об особенной глубине бакунинского философского материализма.

[2] «Бог и Государство», стр. 3 (изд. «Равенства», 1906 г.). — Кстати. Такого сочинения Бакунин никогда не писал. Дело обстоит следующим образом. Из написанных Бакуниным в 1870—1871 годах 285 листков в свое время (т.-е. в 1871 году) опубликованы были лишь 138 листков, составивших первый выпуск «Кнуто-Германской Империи». Остальные листки Бакунин взял для новой переработки; они должны были составить второй выпуск задуманной им книги. Но ему не удалось довести дело до конца. После его смерти, а именно в 1882 году, изданы были листки 149—247 бакунинской рукописи, найденные Кафиеро и Э. Реклю, которые сами и придумали для этой брошюры заглавие «Бог и Государство», допустив при этом ряд произвольных изменений (листки 211—213 сюда не вошли как утерянные). Эта-то брошюра и была издана по-русски «Равенством» в 1906 году (было, кажется, еще одно русское издание). Кроме того, Бакунин, неизвестно когда, написал еще листки 286—340, составляющие примечание (sic!) к одной фразе листка 285. Эти листки 286—340 были опубликованы М. Неттлау в первом томе сочинений Бакунина в 1895 году, тоже под придуманным заглавием «Dieu et l'Etat» (русский перевод в балашовском издании сочинений Бакунина, том I). Таким образом существуют два якобы произведения Бакунина под названием «Бог и Государство», тогда как в действительности не было ни одного; все это разрозненные листки из незаконченной им книги «Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция». Полностью листки 139—285 во второй бакунинской редакции опубликованы Гильомом в III томе бакунинских сочи-

В этом основном положении сразу бросаются в глаза сильные и слабые стороны Бакунина как философа. Выделяя в три самостоятельные фактора животную природу человека, мысль и дух возмущения, Бакунин насильственно разрывает три стороны одного и того же явления, ибо и мысль, и дух возмущения входят составною частью в понятие животной природы человека, как Бакунин в других местах сам показывал. Точно так же вряд ли можно сказать, что экономические отношения составляют сферу только животной природы человека, складываясь как бы независимо от мысли и духа возмущения, не говоря уже о том, что совсем пахнет идеализмом, столь ненавистным Бакунину, его утверждение, что сферой мысли является наука, а духа возмущения — свобода. Наконец, совсем странным является противопоставление свободы, как самостоятельного понятия, науке и экономическим отношениям. Но что характерно для Бакунина и для его бунтарской природы, так это то, что он в своей философской системе отводит духу возмущения почетное место одного из трех главных исторических факторов на-ряду с физической природой человека и с мыслью. Это одно налагает своеобразный отпечаток на его философское мировоззрение, которое в общем представляет философию действия, борьбы и, даже точнее, бунта. В этом отношении он напоминает Гераклита, который учил, что основою всего является Πόλεμος,— война, борьба.

Главное место в своих произведениях Бакунин отводит полемике с идеализмом и отстаиванию материализма. «Материя, о которой гово-

---

нений («Oeuvres», издание Stock в Париже). Листки 286—340 сюда не вошли, так как они были уже напечатаны в томе I. Когда мы цитируем «Бог и Государство», то пользуемся русским переводом брошюры, изданной Кафиеро и Реклю; когда цитируем «Dieu et l'Etat» издания Неттлау, то просто ссылаемся на I том «Oeuvres», с указанием страницы (эта часть рукописи Бакунина занимает страницы 263—326 этого тома).

Далее. В июне—июле 1871 года Бакунин написал 14 листков, которые должны были составить предисловие ко 2-му выпуску «Кнуто-Германской Империи». Начало этого вступления было опубликовано Э. Реклю в женевской газете «Le Travailleur» в 1878 году под заглавием «Парижская Коммуна и понятие о государственности» (русский перевод издан в Женеве «Новой Русской Типографией» в 1892 году; мы цитируем по этому изданию). Позже эти 14 листков были опубликованы целиком Бернаром Лазаром в 1892 году в парижских «Entretiens politiques et littéraires». Этот «Préambule pour la seconde livraison de l'Empire Knouto-germanique» перепечатан Гильомом в IV томе бакунинских сочинений с бернар-лазаровского текста ввиду того, что оригинал бакунинского манускрипта затерялся.

Эти указания не мешает иметь в виду.

рят материалисты, — пишет он, — материя, самопроизвольная и вечно движущаяся, активная, превращающая химическую энергию в динамическую, — материя, проявляющая себя в миллионах комбинаций механических, физических, животных и разумных сил, — эта материя не имеет ничего общего с грубой материей идеалистов. Последняя, продукт их ложных теорий, действительно глупая, бездушная, инертная вещь, неспособная дать рождение малейшему творению, caput mortuum, уродливая фантазия, придуманная только для контраста с другой прекрасной фантазией, которую они называют Богом. Как противоположность этому высшему существу, материя, — их материя, — лишенная ими всего, что составляет ее истинную природу, неизбежно должна представлять величайшее ничтожество. Они отняли у материи разумность, жизненность, все ее существенные качества, активные соотношения сил, самое движение, без которого материя не имела бы даже веса. Не оставив ей ничего, кроме непроницаемости и абсолютной неподвижности в пространстве, все эти природные силы, свойства и проявления они приписали воображаемому существу, созданному их отвлеченной фантазией; затем, переменив роли, они назвали этот продукт своего воображения, этот фантом, этого Бога (который есть ничто) «высшим существом» и, как необходимое следствие отсюда, об'явили, что действительная реальность, материя, мир есть ничто. После этой глубокомысленной манипуляции они серьезно говорят нам, что эта материя неспособна произвести ничего, неспособна даже прийти сама собою в движение и, следовательно, должна была быть сотворена Богом» [1].

Еще определеннее он выражается в своем «Ответе интернационалиста Маццини»: «Ваша материя это — фиктивное существо, подобно вашему Богу, вашему Сатане и вашей бессмертной душе. Ваша материя это — низменная грубость, инертная животность, невозможное существо, которое столь же невозможно, как чистый, бестелесный, абсолютный дух, и которое, подобно последнему, никогда не существовало, кроме как в спекулятивной фантазии богословов и метафизиков, этих единственных творцов того и другого... Мы под словами материальный и материя понимаем всю совокупность, всю лестницу известных и неизвестных реальных существ, начиная от простейших органических тел и вплоть до образования и функционирования мозга величайшего гения, самые возвышенные чувства, самые великие мысли, героические деяния, подвиги самоотвержения, обязанности и права,

[1] «Бог и Государство», изд. «Равенства», 1906 г., стр. 3—4.

самопожертвование и эгоизм, все вплоть до трансцендентальных и мистических заблуждений Маццини; равно как проявления органической жизни, химические свойства и химические процессы, электричество, свет, теплота, естественное притяжение тел составляют в наших глазах хотя и совершенно различные, но вместе с тем тесно связанные эволюции той совокупности реальных существ, которую мы называем материей... Мы называем материальным все, что существует и происходит в действительном мире, в человеке, равно как и вне человека, и прилагаем название идеальный исключительно к продуктам умственной деятельности человека; но так как наш мозг представляет чисто материальную организацию, а, следовательно, функционирование его столь же материально, как и действие всех остальных предметов вместе, то отсюда вытекает, что то, что мы называем материей или материальным миром, отнюдь не исключает, а, напротив, непременно заключает в себе идеал» [1].

Метафизикам и в том числе так называемым свободным мыслителям «все кажется, что жизнь вытекает из мысли, есть как бы осуществление предпосланной мысли, вследствие чего (они) и утверждают, что мысль, и, разумеется, их бедная мысль, должна заправлять их жизнью; и не понимают они того, что мысль, напротив, вытекает из жизни, и для того, чтобы изменить мысль, надо прежде всего изменить жизнь» [2]. Идеализм есть «отрицание всего человеческого опыта и того всеобщего здравого смысла, который является первоисточником всякого человеческого познания» [3]. А между тем, как настойчиво подчеркивает Бакунин, «универсальный опыт есть единственное начало и источник всего нашего знания» [4], и сама наука есть не что иное, как «представленный в рельефной форме, подвергнутый сравнительной обработке, систематизированный и надлежащим образом об'ясненный универсальный опыт» [5]. Одним словом знание, науку творит, по мнению Бакунина, коллективный человек.

Величайшим завоеванием современной науки является, по мнению Бакунина, об'единение психологии с биологией и доказательство той истины, что вся так называемая духовная жизнь человека коренится в его физической природе и для своего об'яснения не нуждается во вме-

---

[1] «Oeuvres», том VI, стр. 116—118.

[2] Государственность и Анархия», стр. 252; «Кнуто-Германская Империя», стр. 74.

[3] «Бог и Государство», стр. 7.

[4] Ibid., стр. 62.

[5] Ibid., стр. 60; «Oeuvres», том VI, стр. 60, — «Protestation de l'Aliiance».

шательстве каких-нибудь внематериальных сил [1]. Только путем мысли человек доходит до сознания своей свободы в той естественной среде, продуктом которой он является; но только посредством труда он ее осуществляет [2]. При этом мысль и труд человека следует понимать не в индивидуальном, а в коллективном смысле: если, с одной стороны, человек является самым индивидуалистическим существом на земле, то с другой — он является и наиболее общественным, социальным существом. И величайшей ошибкой Руссо было непонимание этой истины, — участь, которую с ним, впрочем, разделяет большинство современных юристов и публицистов школы Канта или всякой другой индивидуалистической школы. Общество это — нормальная форма существования человеческой коллективности; и оно имеет свои естественные законы, «присущие социальным организмам, подобно тому как физические законы присущи материальным телам». Поэтому искать основ морали следует не в изолированном человеке, как это делали все идеалисты, а в людском коллективе, в обществе [3].

Бакунина прежде всего интересует прикладная философия; поэтому, не вдаваясь в гносеологические изыскания, он спешит перейти, если так можно выразиться, к философской практике, к житейскому действию материалистической и идеалистической философии. Метафизическая или буржуазная мораль, говорит он, приводит к войне всех против всех, к отчаянной войне, в которой большинство гибнет в интересах благополучия меньшинства [4]. Напротив, «материализм и социализм, — причем последний представляет не что иное, как настоящее и полное развитие первого, — именно потому, что они берут своим исходным пунктом материальную природу и естественное первоначальное рабство людей и этим самым обязуются искать освобождения людей не вне общества, а именно в его рамках, не против него, а с помощью его, должны с такою же необходимостью привести к самой широкой свободе личностей и к установлению человеческой нравственности» [5].

Теоретический идеализм непременно и неизбежно превращается в практический материализм [6]. «Дело милосердного Бога и всех боже-

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 81.

[2] Ibid., том I, стр. 110.

[3] «Oeuvres», том I, стр. 139 и сл.; стр. 299. Эта мысль всегда занимала Бакунина; даже на смертном одре он мечтал, по выздоровлении, написать этику, основанную на принципах коллективизма.

[4] «Dieu et l'Etat», — «Oeuvres», том I, стр. 315.

[5] Ibid., стр. 326.

[6] «Oeuvres», том VI, стр. 119—120 («Ответ Мацини»); «Бог и Государство», стр. 40—44.

ственных идеалов на земле кончалось всегда и везде преобладанием цветущего материализма немногих над фантастическим идеализмом умирающих от голода масс». Вспоминая свою гегельянскую старину, Бакунин указывает, что каждое развитие есть отрицание своей исходной точки, и отсюда делает следующий вывод: «Так как основание или точка отправления по учению материалистической школы материальна, то отрицание ее должно быть непременно идеально. Удаляясь от сущности реального мира или от того, что отвлеченно называется материей, материализм логически приходит к действительной идеализации, т.-е., по отношению к человечеству, к полной и окончательной эмансипации общества. Наоборот, так как основание и точка отправления идеалистической школы есть идеал, то в силу той же самой причины это учение неизбежно приводит к социальному материализму, к установлению грубого деспотизма и подлой, несправедливой эксплоатации под видом церкви и государства. ...Одним словом, всегда в жизни вы найдете идеалистов за практическим осуществлением самых пошлых материалистических целей, тогда как материалистов вы увидите преследующими и осуществляющими самые великие идеальные стремления и мысли» [1].

---

[1] «Бог и Государство», стр. 43—44. Ср. «Историческое развитие Интернационала», стр. 109—110, где Бакунин говорит о практической роли католического клира: «Нет людей более материальных, как эти проповедники христианского идеализма». А в письме к Огареву от 23 ноября 1869 г., говоря о книге А. Станкевича о Грановском, он пишет: «А. Станкевич — узенький, мизерненький, грязненький идеалист, — чем более живу на свете, тем более убеждаюсь, что на свете нет ничего грязнее идеалистов. И Грановский также был идеалист, — не грязный, это правда: он был слишком благороден и слишком друг Николая Станкевича, чтобы грязь могла когда-либо до него коснуться. Но в нем не было ни одной капли дидеротовской и дантоновской, реально-человеколюбивой крови. Он жил и умер в доктрине и в сантиментально-гуманистической фикции. Он любил гуманность, но не живых людей. Как все доктринеры-идеалисты, он, сам того не сознавая, презирал, во имя нации и во имя изящной гуманности, глупую, ненаучную и неизящную толпу, черный люд. Поэтому он должен был быть от'явленным врагом социализма и верующим в жизнь другую, в которой, вероятно, он думал, толпа будет иметь случай поумнеть и умыться... Какая огромная разница, какая пропасть между ним и нашим русским Дидеротом, нашим неумытым реалистом по темпераменту и по натуре, — Виссарионом Белинским! Этот весь отдавался предмету, — Грановский принимал предмет в себя, делал его своим украшением, своею изящною позою, а если предмет в нем не укладывался, урезывал его или совсем отбрасывал от себя... Станкевич (Николай) был идеалист, но сам проклинавший свой идеализм, сам собою недовольный, в то время как Грановский был сам собою доволен, — это явствует из каждой строки его к кузинам и сестрам, в письмах к которым он так

Присматриваясь к тому, какие классы и общественные группы исповедуют в теории идеализм или материализм, и как те и другие ведут себя на практике в действительной жизни, Бакунин заключает: «Одним словом, везде религиозный и философский идеализм (при чем последний представляет более или менее вольный перевод первого) служит в наше время знаменем материальной эксплоатации; тогда как, наоборот, знамя теоретического материализма, красный флаг экономического равенства и социальной справедливости воздвигается практическим идеализмом угнетенных и умирающих с голода масс, стремящихся осуществить величайшую свободу и человеческое право каждого в братстве всех людей на земле. Кто же настоящие идеалисты, идеалисты не в отвлеченности, а в жизни, не на небе, а на земле? И кто материалисты?» [1].

2. Исторический материализм и поправки к нему.

Бакунин старался применять материалистический метод не только к философии вообще, но и к философии истории. Он был или, по крайней мере, считал себя сторонником исторического материализма Карла Маркса и, как мы знаем, признавал одною из главных заслуг основателя Интернационала установленное им материалистическое истолкование истории. «Г-н Карл Маркс задолго до Бокля высказал ту великую, справедливую и плодотворную идею, что все умственное и политическое развитие общества представляет не что иное, как идеальное выражение его материального или экономического развития» [2]. Этот историко-материалистический тезис Бакунин формилирует

женоподобно рисуется. У Станкевича ум был широкий,—у Грановского ограниченный. У Станкевича был верный смысл реальностей, и если он умер полуидеалистом, так только потому, что у него была чахотка,—самая идеальная болезнь в мире. Перед гигантом Станкевичем Грановский был изящный маленький человек,—не более. Я всегда чувствовал его тесноту и никогда не чувствовал к нему симпатии. Письма его насчет Герцена столько же глупы, сколько отвратительны. Похороните его, друзья; он вас не стоит. Будет одною пустою тенью в памяти менее» («Переписка», стр. 244—245).

[1] «Бог и Государство», стр. 42—43. — Доктринерский идеализм это — последнее убежище всех привилегированных угнетателей и эксплоататоров человечества («Oeuvres», том VI, стр. 126—127). Идеализм — деспот мысли, как политика — деспот воли (Ibid., стр. 345). Если идеализм приводит на практике к консерватизму, то материализм, напротив, приводит к социализму: «Нельзя быть материалистом и атеистом, не будучи в то же время убежденным социалистом» (Ibid., стр. 350).

[2] «Oeuvres», том III, стр. 397. — При этом он выражает только сожаление, что Маркс не написал в таком духе исторических исследований.

следующим образом: «Подобно тому как в мире, называемом материальным в собственном смысле, неорганическая материя (механическая, физическая, химическая) служит определяющей основой органической материи (растительной, животной, умственной или мозговой), точно так же в социальном мире, который, впрочем, должен быть признан последней известной степенью материального мира, развитие экономических вопросов всегда было и продолжает быть и теперь определяющей основой всего религиозного, философского, политического и социального развития» [1].

Исходя из этого положения, Бакунин анализировал историю человечества, стараясь применять к ней материалистический метод. Употребление орудий, — говорит он, — было первым проявлением человеческой мысли и началом цивилизации. «С того момента, как человек впервые пустил в ход самое грубое орудие, простую палку или камень, он совершил акт мышления и выступил, сам, несомненно, не подозревая этого, в качестве мыслящего животного, в качестве человека; ибо так как даже самое примитивное орудие необходимо должно соответствовать цели, поставленной себе человеком, оно предполагает известный умственный расчет, по существу отличающий животное-человека от всех остальных животных на земле. Благодаря этой способности размышлять, думать и изобретать человек, правда, весьма медленно, на протяжении многих столетий усовершенствовал свое оружие, и этим самым превратился в охотника или в вооруженное хищное животное» [2].

Подобно Энгельсу, Бакунин об'ясняет происхождение рабства возросшей производительностью человеческого труда, благодаря чему стало выгодно не убивать врага, а превращать его в дарового работника. «В этот исторический период (с переходом к земледелию) и возникло, собственно говоря, рабство. Люди, самые что ни на есть дикие звери, сначала с'едали убитых или взятых в плен врагов. Но когда они заметили, что им выгоднее будет не убивать животных на месте, а обра-

---

Здесь Бакунин впал в ту же ошибку, как впоследствии Михайловский, не заметив, что и «Коммунистический Манифест», и «Капитал», и статьи о «Революции и контр-революции в Германии» (хотя и написанные в значительной части Энгельсом, но опубликованные Марксом под своим именем), о «Борьбе классов во Франции», о «18 Брюмера Луи Бонапарта» представляют как раз исторические исследования, написанные с точки зрения «экономического материализма». Впрочем, последние работы Маркса, появившиеся в журналах (некоторые даже в американских) в то время, как Бакунин сидел в тюрьме, могли быть ему неизвестны.

[1] «Oeuvres», том VI, стр. 125—126.

[2] «Oeuvres», том I, стр. 257.

щать их в услужение или эксплоатировать их, они вскоре должны были понять и ту выгоду, какую они смогут извлечь из услуг человека, самого разумного из существующих животных. Побежденный враг перестал с'едаться, а сделался рабом, принужденным трудиться для существования своего господина» [1].

Впоследствии, когда Бакунин заметил, что противники его пользуются марксистским методом в полемике с его анархическими теориями, он начал оспаривать всеобщую применимость исторического материализма и вносить в него поправки. Так, он указывал на взаимодействие исторических факторов, которое будто бы отрицают марксисты: политика, которая, как Бакунин этого не отрицал, является производною экономических отношений, в свою очередь действует, мол, на экономику. Выдвигая такое возражение, он не замечал, что бьет марксистам челом их же добром: именно исходя из этого положения, марксисты и отстаивали против него и его последователей необходимость политической борьбы и доказывали всю ошибочность и односторонность «революционного» воздержания от политики. Этим аргументом относительно взаимодействия социальных факторов Бакунин между прочим пытался воспользоваться на Базельском конгрессе Интернационала во время обсуждения вопроса об отмене права наследования: юридические нормы, будучи продуктом известных экономических отношений, в данном случае частной собственности на землю, в дальнейшем сами начинают играть роль определяющего фактора и влияют на укрепление и развитие этих экономических отношений; поэтому настаивать на отмене права наследования, на взгляд Бакунина, вовсе не значит начинать дело с конца, как это утверждал доклад Генерального совета.

Другим аргументом, который Бакунин выдвигал против исторического материализма, было его указание на расовые особенности, в частности на неодинаковую интенсивность бунтарского инстинкта у различных наций [2]. Наконец, Бакунин выдвигал против последователей исторического материализма упрек в фатализме и в преклонении перед об'ективным ходом исторического процесса. Он решительно полемизировал со взглядом Лассаля на крестьянские войны в Германии (действительно ошибочным) и со взглядом Энгельса на роль Бисмарка и Виктора-Эммануила, которые, способствовав основанию централизованных государств, этим самым создали почву для

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 259—260.

[2] «Lettre au journal La Liberté de Bruxelles», — «Oeuvres», том IV, стр. 378 и сл.

успешной социальной революции [1]. «Будучи такими же материалистами и детерминистами, как сам г. Маркс, мы также признаем роковое сцепление экономических и политических фактов в истории. Мы охотно признаем необходимость, неизбежный характер всех происходящих событий, но мы не преклоняемся индиферентно перед ними, а в особенности остерегаемся восхвалять их и восторгаться ими, когда они по самой своей природе решительно противоречат конечной цели истории, глубоко человечному идеалу, который в более или менее явной форме встречается в народных инстинктах и стремлениях и в религиозных символах всех эпох, так как он присущ человеческой породе, самой общественной из всех пород на земле». Что этот идеал — анархия, само собою разумеется. «Все, что в истории соответствует этой цели с человеческой точки зрения, — а другой для нас не может быть, — хорошо; все, что ей противоречит, — дурно» [2].

Этими поправками и этою «формулою прогресса» Бакунин незаметно для себя становится на столь ненавистную ему идеалистическую позицию и оказывается одним из творцов «суб'ективного метода в социологии». Уже в 1849 году Энгельс в своих статьях в «Новой Рейнской Газете» отметил слабый пункт Бакунина в его рассуждениях о славянстве, где идеалистические благопожелания занимали место об'ективного анализа фактических условий и отношений.

Ссылками на расовые особенности, определяющие характер исторического процесса, пестрят сочинения Бакунина. Италия и Испания никогда не сделаются сильными государствами «не потому, что у них не было материальных средств, а потому, что народный дух как той, так и другой, влечет их неотвратимо совершенно к другой цели». Правда, подобно тому как и Гегель, поговорив о том, что историческая эволюция есть проявление Всемирного Духа, стремящегося к своему самосознанию [3], в конце концов дает этой эволюции материалистиче-

---

[1] Одного такого указания на об'ективные результаты бисмарковской политики достаточно было для Бакунина, чтобы об'явить Маркса и К° чуть не слугами Бисмарка. Это же обвинение повторяет за ним и Гильом в своей истории Интернационала и в книжке «Karl Marx — pangermaniste», Париж 1915 г.

[2] «Oeuvres», том IV, стр. 456—457.

[3] Между прочим у самого Бакунина мы находим рассуждение об «исторических народах», сильно напоминающее по манере философию истории Гегеля. «Исторические народы» это те, которые «находят в себе призвание, чтобы предаться исключительно... общечеловеческому интересу», существующему «во всех эпохах истории» («Государственность и Анархия», стр. 55 и след.).

ское об'яснение, так и Бакунин перемешивает свои идеалистические рассуждения с чисто материалистическими соображениями и доводами. Сначала заявив о том, что в Италии никогда не примется идея государственности, так как она противна настоящему духу и инстинктивным стремлениям народа, он затем вспоминает о материальных требованиях деревенского и городского пролетариата, которые противоречат якобы развитию в Италии сильного государства [1]. Правда, история показала, что Бакунин принял переходный критический период итальянской государственности за окончательный результат, и в Италии с течением времени сложилось такое же централизованное буржуазное государство, как и в других странах; но в данном случае нас интересует не эта ошибка Бакунина, а то, что он на-ряду с апелляцией к народному духу и народным инстинктам принужден был сплошь и рядом черпать свои доводы из арсенала социологического материализма. Но каждый раз он снова впадал в идеалистический рецидив, наглядно свидетельствуя этим, что в области исторической философии ему так и не удалось свести концы с концами.

Немецкая натура более склонна к повиновению, чем к возмущению, повторяет он тысячу раз; революция 1848—1849 годов в Германии не удалась из-за «специального исторического характера немцев, располагающего их гораздо более к верноподданическому послушанию, чем к бунту»; но неудача ее об'ясняется также «и тем абстрактным методом, которым она шла к революции. Сообразно опять-таки своей природе она шла не от жизни к мысли, но от мысли к жизни». Мы видим таким образом, что даже столь реалистическое положение, как «жизнь доминирует над мыслью и детерминирует волю», превращается в руках Бакунина в свою полную противоположность, — в устарелый идеалистический шаблон, заставляющий его, вместо анализа наличных социальных сил и их действительных отношений, апеллировать к «природе», к «натуре» и т. п.

Если немцы по самой натуре своей являются народом государственническим и законопослушным, то славяне, наоборот, «по всей природе и по всему существу своему... решительно племя не политическое, т.-е. не государственное». Славяне совершат прямо социальную революцию. Откуда такая привилегия для славян? Напрасно читатель станет искать у Бакунина серьезных исторических аргументов в пользу его смелых утверждений; в данном случае он предпочитает отделаться совершенно абстрактными соображениями и сентиментальными заклинаниями. «Не-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 31, 35 и passim.

ужели славянам суждено повторить человеконенавистный, народонена-вистный, уже теперь осужденный историею ответ? И для чего? Чести нет никакой; напротив — преступление, бесславие, проклятие совре-менников и потомков. Или славянам стало завидно, что немцы заслу-жили ненависть всех остальных народов Европы? И им нравится роль Всемирного Бога? Чорт побери всех славян со всею их военною будущ-ностью, если после многолетнего рабства, мучения, молчания они должны принести человечеству новые цепи! А польза для славян какая? Какая может быть польза для славянских народных масс [1] от образо-вания великого славянского государства? В таких государствах есть выгода несомненная, но только не для многомиллионного пролетариата, а для привилегированного меньшинства» и т. д. [2].

Условиями социальной революции, по мнению Бакунина, служат нищета, отчаяние народа и общенародный идеал, вырабатывающийся из глубины народного инстинкта. Народ вырабатывает этот идеал «сам из себя» [3]. Высказываясь против участия рабочих в политической борьбе, Бакунин утверждает, что лучшие и благороднейшие рабочие, избранные народными представителями, обязательно изменят своему классу и ста-нут смотреть на рабочий мир с высоты государственной. Какие же доказательства он приводит в защиту своего мнения, какими аргу-ментами он его мотивирует? «Кто может усомниться в этом, тот совсем незнаком с природою человека» [4]. Согласитесь, что этого немного, тем более, что Бакунин неоднократно и упорно доказывает, что при-рода человека сама по себе есть понятие абстрактное, и что зависит она от окружающей общественной обстановки и исторических усло-вий. И, зная склонность Бакунина к идеалистическому грехопадению, читатель уже не удивится, если услышит от него, что в окончательной победе пролетариата нельзя сомневаться, так как «справедливость, логика истории говорят за нее» [5].

Итак, мы видим, что, несмотря на заверения Бакунина в противном, его далеко нельзя без оговорок и очень серьезных оговорок признать

---

[1] Здесь «славяне» вообще уже незаметно подменены «славянскими на-родными массами», что далеко не одно и то же. Ведь у «славян» есть еще и землевладельцы, и буржуазия, т.-е. то «привилегированное меньшинство», о котором упоминается через пару строк, и для него национализм может быть (и является) очень выгодным.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 45, 49 и сл.

[3] Ibid., стр. 248.

[4] Ibid., стр. 217.

[5] «Кнуто-Германская Империя», стр. 99.

сторонником исторического материализма. Как мы видели, его историко-философские взгляды представляли довольно причудливое и капризное смешение материалистического и идеалистического элементов. Эта позиция навязывалась ему всем его бунтарским миросозерцанием. Чувствуя инстинктивно, что для любезной ему тактики вспышек и внезапных революционных выступлений, равно как для поставленной им себе ближайшей цели — непосредственной социальной революции, недостает в наличности об'ективных исторических условий, он поневоле должен был вносить поправки в концепцию социологического детерминизма, протестовать против мнимого фатализма марксистской школы и апеллировать к народным инстинктам, моральному чувству, справедливости и т. п. Но бакунинский суб'ективный метод имел свои отрицательные стороны. Если в эпохи общественного брожения и под'ема он позволял ему увлекаться несбыточными надеждами и подвигал его на рискованные предприятия, то в периоды политической депрессии он так же быстро вел к упадку духа и к отчаянию. Так, после неудач 1870—1871 годов Бакунин быстро поддался унынию, когда пришел к выводу, что народы утратили революционный инстинкт, и что победа Пруссии знаменует торжество государственной идеи в течение ближайшего исторического периода. Это чисто-идеалистическое рассуждение избавляло его от необходимости подвергнуть внимательному рассмотрению новую социально-политическую ситуацию, вытекшую для Западной Европы из франко-прусской войны, и толкнуло его в безысходный пессимизм, отравивший последние годы его существования. Маркс, действительно оперировавший материалистическим методом, совершенно иначе истолковал результаты этой войны. Он понял, что она знаменует перенесение политического центра тяжести из Франции в Германию и обещает в ближайшую историческую эпоху широкий расцвет социализма. История подтвердила верность этой оценки, которая не давала места ни для каких увлекательных надежд на немедленную анархическую революцию, но также и ни для какого неосновательного пессимизма. Бакунину же настолько органически чужда была эта об'ективная точка зрения, что указания Маркса и Энгельса на роль Бисмарка, как невольного пособника социализму, он истолковал в смысле восхваления «железного канцлера» и преклонения перед победами прусских штыков.

3. Наука и революция.

Говоря о философских взглядах Бакунина, мы в заключение хотим коснуться одного частного вопроса, связанного с его отношением к идеализму, а именно — его отношения к науке. Бакунин бравировал мнением буржуазных слоев и «демократических» социалистов; он часто провоцировал их, издевался над ними, словом, вел себя по отношению к ним, по его собственному выражению «беспардонно»; не дорожа их уважением и сам не уважая их, он часто выражался парадоксально, — и это может нас иногда ввести в заблуждение. Сюда относятся неоднократные выпады Бакунина против науки, которые дали повод его противникам смотреть на него как на вандала, готового чуть ли не уничтожить все завоевания человеческой культуры. Это мнение подкреплялось легендой, созданной буржуазными писателями вокруг имени Бакунина как первосвященника анархии, апостола всемирного разрушения и т. д. На самом деле, как мы увидим, в этом пункте его слова, употребляя французское выражение, «превзошли его мысль».

В своей анархической программе Бакунин рекомендует, наряду с уничтожением юридических, политических и финансовых учреждений современного государства, разрушить также его университетские и научные учреждения. Вот один повод для недоразумения. Но был и другой: в своей агитационной горячке Бакунин, особенно в своих обращениях к русской молодежи, советовал ей забросить науку и не заботиться о народном образовании, которое при н а с т о я щ и х условиях является-де несбыточной химерой [1]. Все это привело к тому, что на Бакунина склонны были смотреть как на дикого бунтаря, совершенно не ценящего великих завоеваний человеческой мысли и готового бесцеремонно с ними разделаться в интересах всеобщего анархического уравнения. На самом деле отношение Бакунина к науке было далеко не так просто.

Бакунин неоднократно и сильно протестовал против деспотизма ученых, старающихся навязать свои предвзятые системы. Говоря так, он имел в виду главным образом, конечно, последователей Огюста Конта, к которым в пылу полемического увлечения иногда присоединял и марксистов. Он презрительно называл метафизиками не только последователей Гегеля, которых в его время осталось уже немного, но

---

[1] «Народное Дело. — Романов, Пугачев или Пестель» 1862 г.; «Постановка революционного вопроса», 1869 г.; «Наука и насущное революционное дело», 1870 г.

также и позитивистов и вообще всех «проповедников богини-науки», которые, создав себе тот или иной идеал социальной организации, непременно хотят уложить в него жизнь будущих поколений. «Метафизики или позитивисты, все эти рыцари науки и мысли, во имя которых они считают себя призванными предписывать законы жизни, — все они сознательно или бессознательно реакционеры». Серьезных ученых, основательно знакомых со всеми результатами науки и особенно науки наук — социологии, во всей России и даже во всей Европе наберется не более 20—30 человек. «И эти 20 или 30 ученых должны управлять целым миром! Можно ли представить себе деспотизм нелепее и отвратительнее этого?» [1].

Из всех деспотизмов самый худший — деспотизм доктринеров или вдохновенных фанатиков, говорит он в другом месте. «Правление науки, т.-е. ученых, даже если они позитивисты, ученики Огюста Конта, или же последователи доктринерской школы германских социал-демократов, непременно будет бессильно, смешно, негуманно, жестоко, будет угнетать, допускать эксплоатацию, вредить. О людях науки, как таковых, можно сказать то же, что я сказал о теологах и метафизиках: у них нет ни ума, ни сердца для индивидуальных и живых существ. Мы не можем даже порицать их за это, потому что это — естественное следствие их профессии. Поскольку они — люди науки, они не могут интересоваться ничем кроме обобщений, абсолютных законов, и питать уважение к чему-либо другому». Та умственная аристократия, о которой мечтают ученики Огюста Конта, по мнению Бакунина, будет самой ненавистной, самой наглой и самой вредной из всех аристократий; это будет ученая каста, которая, сорганизовавшись в духовную власть, пожелает, в согласии с банкирами, представителями и управителями светской власти, управлять массами.

Но, спешит подчеркнуть Бакунин, протест против науковластия отнюдь не есть протест против науки: «Я делаю это вовсе не для того, чтобы уничтожить науку, — это было бы низкой изменой человечеству, — а лишь для того, чтобы водворить науку на ее место с тем, чтобы она больше никогда не покидала его». Единственная миссия науки — освещать путь человечеству. «Только жизнь, освобожденная от всех правительственных и доктринерских перегородок и пользующаяся полной свободой действий, может творить... Жизнь, а не наука, творит жизнь». Наука и в будущем останется одною из многочислен-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 162—163; «Бог и Государство», стр. 51—52; «Oeuvres», том VI, стр. 300—301.

ных общественных специальностей, с тою только разницею, что в настоящее время эта специальность доступна лишь для привилегированной кучки, тогда как в социалистическом обществе она станет доступна для всех. Но до сих пор гении всегда служили эксплоатирующему меньшинству [1].

Следует самым энергичным образом бороться с претензией ученой аристократии на власть. «Ученый уже по своему существу склонен ко всякому умственному и нравственному разврату, и главный порок его это — превозвышение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он сделается самым несносным тираном, потому что ученая гордость отвратительна, оскорбительна и притеснительнее всякой другой. Быть рабами педантов — что за судьба для человечества! Дайте им полную власть, они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие, ради пользы науки, делают теперь над кроликами, кошками и собаками. Будем уважать ученых по их заслугам, но для спасения их ума и их нравственности не должно давать им никаких общественных привилегий и не признавать за ними другого права, кроме общего права свободно проповедывать свои убеждения, мысли и знания. Власти им, как никому, давать не следует, потому что кто облечен властью, тот по неизменному социологическому закону непременно сделается притеснителем и эксплоататором общества».

Наука, призванная отныне представлять коллективное народное сознание, должна на самом деле сделаться достоянием каждого. Вот почему необходимо растворить специальную организацию ученых во всеобщем, равном для всех образовании, чтобы массы перестали быть стадом, которое пасут и стригут привилегированные жрецы, и взяли управление своей судьбы в свои собственные руки. Превращение науки в общее достояние отнюдь не помешает ее развитию, оно не помешает талантливым людям посвящать свои силы исключительно научной работе и оказывать человечеству великие услуги. «Только их честолюбие не будет жаждать никакой другой власти и влияния, кроме естественного влияния, которое оказывает на окружающую среду высший интеллект, и никакой другой награды, кроме удовлетворения благородного энтузиазма».

Но до тех пор, пока массы достигнут образования, следует ли оставлять их под управлением людей науки? Конечно, нет, — отвечает Баку-

---

[1] «Бог и Государство», стр. 55—60; «Государственность и Анархия», стр. 164—165, 249.

нин, смело беря быка за рога и впадая в присущую ему парадоксальность: «Для них лучше обходиться вовсе без науки, чем позволить ученым управлять собою» [1]. Как будто наука составляет исключительный удел буржуазии, и как будто она не может быть сделана орудием освобождения масс! Между наукой, претендующей на господство над трудящимися, и полным отказом от науки вообще Бакунин не усматривает никакого среднего решения, никакого перехода. И этим он противоречит сам себе, он как бы отрицает всю свою собственную деятельность, которая, равно как и деятельность других пропагандистов социализма, как раз и заключалась в приобщении пролетариата к науке, в вооружении его научным знанием или хотя бы основными элементами этого знания. Бакунин утешается тем, что «сохранившийся в народной памяти эмпирический перечень его мучительных опытов составляет род традиционной науки, которая в некоторых отношениях не менее ценна, чем теоретическая наука» [2]. С одной стороны, это, конечно, справедливо, более того, это глубоко и метко; но ведь есть теоретическая наука, которая и представляет обобщенное, логически выраженное, а потому научное выражение этого эмпирического опыта рабочего класса, которая в его руках оказывается могучим оружием умственной и социальной эмансипации. Вольно же было Бакунину, говоря о науке и ее притязаниях, иметь все время в виду буржуазную науку и ее претензии. В оправдание ему следует сказать, что в то время пролетарская наука или, точнее, использование пролетариатом завоеваний науки в интересах своей освободительной борьбы только начинались. Но, с другой стороны, не следует упускать из виду, что в критике, направленной Бакуниным против науки и ее жрецов, несомненно, сказалось его отрицательное отношение к рабочей интеллигенции, к рабочей «аристократии», которая, по его словам, нахватавшись научных вершков, становится неспособной к решительным действиям, склонной к резонерству, выделяется из чернорабочей массы и начинает посматривать на нее презрительно, сверху вниз.

По отношению к России постановка вопроса была несколько иной. Здесь речь шла о задачах революционной интеллигентной молодежи, которую Бакунин рассматривал как фермент, необходимый для организации народных масс и для об'единения разрозненных народных протестов в один «всесокрушительный» бунт. Советуя этой молодежи оставить академии, университеты и школы и итти в народ для его револю-

---

[1] «Бог и Государство», стр. 60.
[2] Ibidem.

ционной организации, Бакунин опасался, что «во всех этих заведениях, основанных и содержимых правительством для образования слуг государства, т.-е. притеснителей и эксплоататоров народа, под влиянием доктринерских учений и подтасованной науки» эта молодежь, пожалуй, могла бы испортиться. «Ведь доктринерный, ученый разврат, пожалуй, опаснее всякого другого. Он проникает медленным ядом все помышления и чувства, волю, сердце и ум человека, создавая и узаконяя во имя столь же лживого, сколько и громкого слова «цивилизация» теорию самой гнусной народной эксплоатации». Под влиянием этой науки и связанных с нею общественных выгод большинство этой молодежи «дообразовалось бы до чиновного скотства»; меньшинство обратилось бы в умеренных постепеновцев, доктринерских социалистов, кабинетных революционеров-государственников. Да притом настоящему революционеру эта официальная наука и не нужна. Для чего она ему? Для того, чтобы учить народ? «Это было бы глупо. Народ сам и лучше нас знает, что ему надо. Напротив, мы должны у него научиться и понять тайны его жизни и силы, тайны немудреные, правда, но недостижимые для всех, живущих в так называемом образованном обществе. Мы должны народ не учить, а бунтовать» [1].

Такая постановка вопроса была совершенно естественна для бунтаря Бакунина, уверенного, что народ ждет лишь «коллективного Стеньки Разина» для того, чтобы восстать во имя анархической социальной ликвидации. На этой почве у него произошло столкновение с П. Лавровым, который отстаивал необходимость серьезной научной подготовки для народного пропагандиста, но впадал при этом в противоположную крайность, требуя от кандидата в социалистические проповедники чуть ли не прохождения всех факультетов [2]. Между лаври-

---

[1] «Постановка революционного вопроса»; «Наука и насущное революционное дело»; «Государственность и Анархия», Прибавление А.

[2] Специально полемике с Лавровым посвящена незаконченная рукопись Бакунина «Куда идти и что делать?», написанная, повидимому, в 1873 году и напечатанная в №№ 5 и 6 журнала «Рабочий Путь» за 1923 год. Здесь Бакунин, повторяя свою мысль о том, что наука в своем нынешнем виде по большей части ненужна народу, все же советует молодежи учиться, но так, чтобы приобретенные ею познания могли быть непосредственно обращены на дело народного освобождения. «Будьте людьми образованными, — говорит он, — много и хорошо знающими, только не учеными. Ученые учатся для науки. Вы же должны учиться для революции и иметь постоянною целью извлечь наибольшую пользу для революционного дела из всякого вновь приобретенного познания». Дальше Бакунин набрасывает план изучения народной жизни, впоследствии осуществленный земскими статистиками. Признавая необходимой такую работу, которая охватила бы всю народную жизнь и

стами и бакунистами происходили по этому поводу бесконечные споры, которые скоро приняли форму препирательств на тему о том, что является основным двигателем исторического процесса — ум или чувство? Нужно сказать, что бакунисты, отвечавшие на вопрос во втором смысле, стояли гораздо ближе к материалистическому пониманию истории, чем лавристы с их склонностью к социологическому рационализму.

Бакунин в «Народном Деле», в «Постановке революционного вопроса», в брошюре «Наука и насущное революционное дело» и в других местах доказывал, что в настоящее время отношение науки к народу и обратно может быть только отрицательным. «Как ни огромно значение науки в послереволюционном будущем для народа, в настоящее время, т.-е. до той революции, которая должна поставить его на ноги и дать ему возможность учиться, она решительно для него не имеет ни малейшего смысла, просто для него недоступна; правительство, слишком хорошо понимающее государственные интересы, живой и освобождающей науки до него не допустит; мертвая же или подтасованная наука, имеющая единственною целью провести в народ целую систему ложных представлений и пониманий, была бы для него положительно пагубна, заразила бы его нашим официально общественным ядом и во всяком случае отвлекла бы его хоть на малое время от единственно ныне полезного и спасительного дела — от бунта».

Из всего этого Бакунин заключал, что «люди, толкующие в настоящей среде и при настоящих условиях об образовании народном, или пустые мечтатели и фразеры, или, что еще хуже, всенародные надуватели, эксплоататоры, просто враги».

В настоящее время полемизировать с этими мыслями было бы равносильно борьбе с ветряными мельницами. Важно лишь заметить, что Бакунин в том же «Народном Деле» и во всех других своих сочинениях признавал невежество народа одною из основных причин его порабощения и всею своею деятельностью показывал, что с этим злом

обрисовала бы истинное положение народных масс, Бакунин считает такой труд в ближайшее время мало осуществимым и предлагает временно «заменить (это) огромное сочинение множеством небольших монографий, из которых каждая рассказала (бы) и выяснила (бы) до последней подробности действительную жизнь небольшого угла нашего пространного отечества, губернии, уезда, волости, села, наконец, хоть одной избы, имея, разумеется, всегда в виду главным образом жизнь, страдания, лишения, работу, страхи, надежды и заветную мысль или фантазию чернорабочего сельского и городского населения. Это создало бы драгоценный материал для революционной статистики русской жизни и было бы действительным началом совершенно новой, живой и истинно народной науки».

можно и должно бороться даже при настоящих условиях, даже не дожидаясь слушного часа социальной революции и не откладывая приобщения народа к науке на послереволюционный период, потому что такое откладывание означало бы лишь увековечение народного рабства. Если же Бакунин готов был, повидимому, с легким сердцем склониться к такому решению вопроса об отношении науки к народу, то это об'яснялось двумя причинами: во-первых, его непоколебимой верой в близость социальной революции, которая принесет народу всеобщее и равное для всех образование; а, во-вторых, опасением, чтобы увлечение официальной наукой не побудило революционную молодежь отказаться от хождения в народ и не лишило его драгоценного революционного пособника. Но это не мешало ему говорить: «Мы преисполнены уважения к науке и считаем ее одним из драгоценнейших сокровищ, чистейшею гордостью человечества. Благодаря ей человек отличается от животного, ныне своего младшего брата, а некогда своего предка, и становится способным к свободе». В настоящее время наука неспособна разрешить все вопросы. «Но следует ли из-за этого усумниться в науке? Следует ли отбросить ее, потому что она дает нам только то, что может нам дать? Это было бы безумием, гораздо более гибельным, чем первое. С утратою науки, за отсутствием света, вы вернетесь к состоянию наших предков горилл, и вам придется в продолжение еще нескольких тысячелетий проделать весь тот путь, который человечество должно было пройти сквозь фантасмагорическое мерцание религии и метафизики, для того, чтобы снова прийти к несовершенному, правда, но все-таки весьма достоверному свету, которым мы обладаем уже теперь» [1]. А в выработанной им в 1872 году программе «Славянской секции», он, как бы желая рассеять недоразумения, порожденные его писаниями нечаевского периода, говорит о «полнейшем уважении» секции к положительным наукам и, отвергая «правительство ученых, как самое надменное и вредное», требует для пролетариата равного для всех, без различия пола, научного образования [2].

4. Религия.

В философских построениях Бакунина критика религии занимала много, пожалуй непропорционально много, места. Об'ясняется это, во-первых, тем, что Бакунин в сильнейшей степени сохранил воспоминания

[1] «Oeuvres», том I, стр. 76—81. — Правда, это писалось для европейцев.

[2] «Переписка», стр. 500.

сороковых годов, той эпохи «критической критики», когда борьба с отсталыми политическими и социальными отношениями велась под флагом религиозной критики, когда молодые гегельянцы дерзновенно срывали корону с царя небесного, перед тем как занести дерзкую руку на венцы земных королей. С другой стороны, здесь, несомненно, сказались впечатления итальянской кампании против мацциистов, лозунгу которых «Dio e popolo» («Бог и народ») Бакунин противопоставил свой лозунг атеизма и анархии. Принужденный принять сражение на религиозной почве, старый гегельянец с восторгом устремился на это поле, где ему нетрудно было одержать легкую победу и подорвать в умах революционно-настроенной итальянской молодежи недавнее обаяние Мацини. И, наконец, первые публичные выступления Бакунина в конце 60-х годов имели место в буржуазно-демократической Лиге мира и свободы, где идеи религиозного свободомыслия были как нельзя более на своем месте. Вместе с тем не подлежит также сомнению, что, пытаясь воздействовать главным образом на отсталые народы, как славяне, итальянцы, испанцы, народы православные и католические, в гораздо большей степени подверженные суевериям, чем народы протестантские, Бакунин, быть может, бессознательно для самого себя, должен был гораздо сильнее интересоваться вопросами религии, чем, напр., Маркс, который, покончив с этой полосой в сороковых годах, с тех пор больше к ней почти не возвращался.

Церковь и государство, это — мои два bêtes noires (предмет особой ненависти), говаривал он [1], и действительно, читая его сочинения, просто поражаешься, как много времени посвящает он религиозным вопросам и как много сил тратит на опровержение религиозных предрассудков. Впрочем, мы легко поймем причину этого явления, если узнаем, что в уме Бакунина религия и государство связаны неразрывными узами, и что одно понятие не мыслится им без другого. «Нет и не может быть государства без религии, — говорит он. — ...Божественное Провидение это — высшая санкция всех государств» [2]. Власть небесных богов связана с властью земных. «Как известно, один из главных атрибутов бессмертных богов это — то, что они являются законодателями человеческого общества, основателями государств». Государство нельзя признать

---

[1] «Бог и Государство», стр. 28. — Ср. филиппики Прудона, особенно в главе VIII первого тома «Экономических противоречий» (фр. издание 1872 г.).

[2] «Бог и Государство», стр. 77. — Третья Республика во Франции показывает, что он и в этом отношении ошибался. Это — государство безбожное или, точнее, арелигиозное по существу.

явлением естественным, как общество: «оно создается в среде естественного общества религиозным сознанием». Одним словом, божественная власть превращается в человеческую власть, а «церковь создает государство» [1]. После этого станет понятна иконоборческая страсть, одушевлявшая Бакунина и побуждавшая его к неустанным нападкам на религию, на церковь и на все их духовные и практические проявления,— станет понятным, почему он с такой ненавистью относится не только к существующим государствам и религиям, но даже и к доктринерскому деизму, в котором он видел стремление примирить революцию с реакцией, принцип свободы с принципом власти, — «конечно, к выгоде последнего» [2]. И недаром программа его Альянса начинается с атеистической декларации, которая может показаться иным совершенно неуместной и даже несколько смешной (такою она показалась и Гильому), но которая тесно связана со всем миросозерцанием Бакунина, с средой и с условиями его революционной деятельности.

Религия есть опиум для народа, говорил Маркс. Бакунин выражается еще сильнее. «Церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же, как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде, один раз — в безумной вере, а другой раз — в вине. Одно опьянение стоит другого» [3]. Бакунин не закрывает глаз на историческую необходимость религии и вовсе не утверждает, что она была в истории абсолютным злом; напротив, он смотрит на религию как на первое пробуждение человеческого разума и на первый проблеск человеческой морали, которые только приняли специфическую религиозную форму. «Посредством религии человек-животное, выходя из животного состояния, делает первый шаг по направлению к человечности; но до тех пор, пока он останется религиозным, он никогда не достигнет своей цели, так как всякая религия обрекает его на нелепость и, сбивая его с толку, заставляет искать божеского вместо человеческого. Благодаря религии народы, едва освободившись от естественного рабства, в котором продолжают коснеть все другие животные виды, сейчас попадают в рабство к сильным людям и кастам, привилегированным в силу божественного избрания» [4].

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 134, 142, 319; «Бог и Государство», стр. 43.
[2] «Бог и Государство», стр. 78.
[3] «Государственность и Анархия», стр. 251.
[4] «Oeuvres», том I, стр. 133—134.

«Религия, — говорит Бакунин, — есть коллективное сумасшествие, тем более могущественное, что оно традиционно и проникло во все поры частной и общественной жизни народов» [1]. В противовес Вольтеру, сказавшему: «Если бы не было Бога, его следовало бы выдумать», Бакунин в качестве «ревностного поклонника свободы» более склонен вывернуть этот афоризм наизнанку и сказать, что если бы бог существовал, его необходимо было бы уничтожить [2]. Почему же так? Да потому, что, по мнению Бакунина, религиозные доктрины ведут к полнейшему отрицанию человеческой свободы и человеческого достоинства. «Провозгласить божественным все, что в человечестве велико, справедливо, реально и прекрасно, значит безмолвно согласиться, что человечество само по себе было бы неспособно создать все это, т.-е. что предоставленная самой себе человеческая природа бедна, несправедлива, низка и безобразна» [3]. Этого «унижения человека во славу божества» Бакунин, реабилитировавший человеческую природу и прославлявший все человеческие страсти, находивший вместе с Оуэном, что человек от природы хорош и портится только общественными условиями, конечно, не хочет. Идеалисты, «говоря нам о Боге,... желают возвысить, освободить, облагородить нас и вместо этого, наоборот, давят и унижают нас. Они воображают, что с помощью имени Бога возможно установить братство среди людей; на самом же деле создают гордость одних и уничтожение других, сеют раздор, ненависть и войну, устанавливают рабство» [4]. В порыве иконоборчества Бакунин утверждает, что «идеалистическая абстракция Бога есть губительный яд, разрушающий, фальсифицирующий и убивающий жизнь». И, как итог своей аргументации, он выдвигает положение, что фикция бога безнравственна, ибо если бог существует, то человек — раб; если же человек свободен, то бога нет; и если бог — все, то реальный мир и человек — ничто» [5].

Так как царство бога на небесах выражается в открытом или замаскированном господстве кнута и в систематической эксплоатации труда порабощенных масс на земле, то революция должна быть, по мнению Бакунина, атеистической, ибо исторический опыт и логика согласно показывают, что довольно одного владыки на небе, чтобы

---

[1] «Бог и Государство», стр. 65.

[2] Ibid., стр. 21 (ср. приведенную в первой главе этой части фразу Дежака).

[3] Ibid., стр. 31.

[4] Ibid., стр. 49, 61.

[5] «Oeuvres», том I, стр. XXV, 63.

создать тысячи господ на земле [1]. И «если прогресс нашего века не ложен, он должен покончить с церковью» [2]. Достаточно посмотреть, кто стоит теперь под знаменем церкви, и кто — в противном лагере, чтобы определить свое отношение к религии [3].

Социализм по самому существу своей цели, заключающейся в установлении земного благополучия без обещания загробной награды, является, как говорит Бакунин, «выполнением, а следовательно, и отрицанием всякой религии, которая с того момента, как стремления ее оказываются осуществленными, не имеет впредь никакого смысла» [4]. Социализм, рассматриваемый с моральной точки зрения, это — замена божественного культа уважением к человеку [5]. Поэтому он нравственен по существу, тогда как религия, как говорит Бакунин в третьей речи на Бернском конгрессе Лиги мира, несовместима с человеческой нравственностью [6].

Но при всем своем враждебном отношении к религии Бакунин, как это ни странно может показаться на первый взгляд, высказывался против отвлеченной пропаганды атеизма. «Религиозность в народе, — говорит Бакунин, — можно будет убить только социальной революцией, отнюдь же не отвлеченною и доктринерною пропагандою так называемых свободных мыслителей». Более того, абстрактную войну с религией, которую ведут буржуазные радикалы, Бакунин признает простой диверсией, направленной к одурачению трудящихся масс. «Надо, — говорит он, — буржуазный мир удивить и не надо его сердить, надо увлечь революционную молодежь и вместе с тем избегнуть революционной пропасти. Для этого средство одно: устремить всю мнимо-революционную ярость свою против Господа Бога. Так они уверены в несуществовании его, что гнева его не боятся. Дело другое — начальство, всякое начальство от царя до последнего полицейского! Дело другое — люди богатые и могучие по своему общественному положению, от банкира и жида-откупщика до последнего купца-кулака и помещика! Их гнев может выразиться слишком чувствительно. В силу такого рассуждения они об'являют беспощадную войну Господу Богу, отвергают наирадикальнейшим образом религию во всех ее проявлениях и видах, громят богословие и метафизические бредни, все суеверия народные во имя науки,

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 88—89.
[2] «Парижская Коммуна и понятие о государственности», стр. 20.
[3] «Oeuvres», том VI, стр. 110—111.
[4] «Oeuvres», том I, стр. 89.
[5] «Oeuvres», том VI, стр. 125.
[6] «Историческое развитие Интернационала», стр. 333.

но в то же самое время обращаются с чрезвычайной нежностью ко всем политическим и общественным силам мира сего, и если, вынужденные логикой и общественным мнением, позволяют себе даже их отрицать, то делают это так учтиво, так кротко, что надо иметь нрав чрезвычайно крутой, чтобы на них рассердиться: они непременно оставляют выходы и выражают надежду на их исправление» [1].

Революционеры не должны впадать в подобное заблуждение. Правда, «народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует», на все вопросы, относящиеся к религии, должно отвечать честно и не скрывать своего отношения к суевериям. «Но мы не должны сами искать случаев к подобным разговорам. Мы не должны ставить религиозный вопрос на первом плане нашей пропаганды в народе. Делать это, по нашему глубокому убеждению, однозначительно с изменой народному делу... Наша прямая обязанность поставить перед ним главный вопрос, от разрешения которого более, чем от всех других, зависит его освобождение. Но этот вопрос указан самим положением его, всей его жизнью: это вопрос экономическо-политический — экономический в смысле социальной революции и политический в смысле разрушения государства. Занимать его религиозным вопросом значит отвлекать его от настоящего дела, значит изменять его делу» [2] (впрочем, такую осторожность Бакунин проявлял, собственно говоря, только по отношению к русскому народу, на отсталость которого он не закрывал глаз; в Западной Европе он не держался этой тактики умолчания и не избегал выпячивать свой атеизм).

В другом месте, обращаясь к русской молодежи и стараясь выяснить ей мудрость тактики Интернационала, Бакунин писал: «Была бы большая ошибка со стороны людей, искренно желающих освобождения народного, если б они открыли прямую войну против народных предрассудков путем книжной или словесной свободо-мыслительной пропаганды. Такая пропаганда не может иметь ни малейшего действия на народ, может разве только его раздразнить. Народ мыслит фактами, а не словами, — он большею частию презирает слова. Поэтому надо убеждать его фактами, а не абстрактно-логическими заключениями. Глупость народа не столько в его голове, сколько в его положении; поэтому надо действовать на его положение. Основатели Интернационального общества поняли это превосходно. Если б они выставили с первого раза антирелигиозное и антимонархическое знамя, огром-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 252—253; «Бог и Государство», стр. 10; «Circulaire à mes amis d'Italie», — «Oeuvres», том VI, стр. 398.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 254—255.

ное большинство работников не пошло бы за ними. Им удалось бы, может быть, образовать секту, тогда как для достижения цели необходимо было сплотить всю чернорабочую массу в Европе [1]. Вот почему, оставив на первое время совершенно в стороне все религиозные и политические вопросы, основатели общества выставили знамя, на котором были написаны только эти слова: «Борьба на жизнь и на смерть и до всецелого торжества работы против капитала» [2].

А раз масса будет об'единена на почве экономической пропаганды и агитации и добьется своего социального освобождения, религиозный вопрос разрешится сам собою. И свою выше цитированную речь на конгрессе Лиги мира Бакунин кончает следующими словами: «Религия есть не только заблуждение ума; она, кроме того и главным образом, есть страстный и постоянный протест полноты человеческого существа, бесконечного богатства человеческого сердца против узости и бедственности в действительной жизни [3]. Не находя в этом мире ничего, кроме глупости, несправедливости и бедствия, человек силою

---

[1] Ср. с этим глубоко верным замечанием, духу которого Бакунин сам изменил, следующие слова Маркса, содержащиеся в письме его к Зорге от 23 ноября 1871 года: «При основании Интернационала было целью сделать центром борьбы действительную организацию рабочего класса, долженствовавшую лишить этой роли социалистические и полусоциалистические секты. Его первоначальные статуты и его первый Учредительный адрес (Inauguraladresse) доказывают это в достаточной степени. С другой стороны, Интернационал не удержал бы своей позиции, если бы с ходом истории сектантство само себя не пережило. Развитие социалистического сектантства и истинного рабочего движения стоят друг к другу в обратном отношении. Секты имеют свое (историческое) право на существование лишь до тех пор, пока рабочий класс не созрел для самостоятельного исторического движения; с наступлением же этого момента сектантство в сущности становится реакционным» («Переписка Зорге», изд. Дауге, стр. 44—45).

[2] «Всесветный революционный союз социальной демократии», стр. 33--34.

[3] Вряд ли надобно указывать, что это чисто-рационалистическое об'яснение происхождения религий слишком неполно и недостаточно. Бакунин знал, что боги всегда были «не чем иным, как фантастическим, идеальным и поэтическим отражением человечества», но он мало останавливался на развитии и конкретизации этой мысли, увлекаемый в сторону своими полемическими задачами: он не столько стремился об'яснять религию, как уничтожить ее. Приведем еще одно его интересное замечание о Гегеле, попытка которого снова возвести на трансцендентальный трон религиозные идеи привела к прямо обратному результату: «Он отнял у этих идей их божественный характер, показав каждому, кто захочет читать его, что они были не чем иным, как созданием человеческого ума, пробегающего по истории в поисках самого себя» («Бог и Государство», изд. «Равенства», 1906 г., стр. 64, 68).

своего воображения создает себе воображаемый мир, в который он переносит все свои стремления, свои надежды и свой идеал; все это он с земли перенес на небо. Таким образом была создана религия, и она будет всемогуща до тех пор, пока на земле будут существовать безрассудство и несправедливость. Так водворим же справедливость, возвратим земле то, что принадлежит земле, — благосостояние и братство! Разрушим торжество зла во всех его видах, со всеми несправедливыми учреждениями! Водворим братство, т.-е. равенство прав каждого при всеобщей солидарности, свободу на основаниях равенства, — и религия сама собою потеряет всякое значение... Итак, для того, чтобы разрушить религию, чтобы рассеять и заставить исчезнуть все эти божественные призраки, делающие нас рабами, грубыми и несчастными, недостаточно одной интеллектуальной пропаганды. Необходима социальная революция» [1].

---

[1] «Историческое развитие Интернационала», стр. 338—339.

Глава третья.

СОЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ БАКУНИНА.

В основном взгляды Бакунина сложились в критическую эпоху 40-х годов XIX века, в период неустойчивости социально-политических отношений, в период глубокого общественного и идейного брожения. История тогда как бы вышла из своих пазов: вся Европа с юга и до севера, с запада и до востока (не переходя, впрочем, границы России) взволновалась: по выражению Герцена, она взяла одр свой и пошла. Это был как бы вешний ледоход, когда с треском ломались и переворачивались самые, казалось бы, устойчивые и освященные традицией учреждения и представления. Во Франции выступила на сцену радикальная демократия, и поднял голову социализм; в Германии система Меттерниха трещала по всем швам; Австрия была накануне распада, и даже верноподданническая Пруссия, казалось, отвернулась от своего короля.

Буржуазное общество выходило из недр истории. После первых родовых потуг, после первого потрясения во время английской революции XVII века и особенно французской революции XVIII века, после инкубационного периода 30-х и 40-х годов XIX века разразился европейский кризис 1848 года, породивший самые широкие надежды и побудивший не одни только горячие головы принять «второй месяц беременности за девятый». Первый грозный натиск буржуазного общества был отбит оправившимися силами реакции, но брожение не улеглось, и капиталистический крот продолжал свою подземную работу. После сравнительно непродолжительного периода реакции, продолжавшегося около десяти лет, Европа снова вступила в критический период своей истории. В 50-х и 60-х годах во Франции подготовлялась республика; в Пруссии происходил конституционный конфликт, и вызывавшееся потребностями растущего буржуазного общества непобедимое стремление к об'единению Германии придавало всей немецкой жизни революционный характер; в Австрии шло глухое брожение, которое после двух поражений абсолютизма в 1859 и 1867 годах привело к капитуляции феодально-по-

лицейского режима; Испания потеряла политическое равновесие и с конца 60-х годов вошла, казалось, в нескончаемый период смут, угрожавший окончательным распадением государства; в Италии не прекращались попытки добиться национального об'единения и стремление к образованию централизованного буржуазного государства в ущерб народным интересам. На этот раз даже Россия присоединилась к общему движению века: здесь поставлен был вопрос об освобождении крестьян, и ближайшее будущее казалось совершенно неопределенным, давая место для самых радужных упований на возможность могучего народного движения, угрожающего самим основам старого строя. Все это, в связи с воспоминаниями 1848 года, создавало атмосферу какой-то неустойчивости, каких-то блестящих возможностей и могло настраивать на анархический лад.

Бакунин, которому не пришлось вблизи наблюдать и непосредственно переживать период реакции, вынес из тюрьмы и Сибири свои прежние неопределенно бунтарские настроения, как нельзя более соответствовавшие этому повсеместному брожению и этой общей неустойчивости. Если когда-либо и могла возникнуть надежда на непосредственный переход от феодально-полицейской реакции к трудовому режиму, к полному социально-политическому освобождению трудящихся масс, так это именно в момент перелома, когда рвущееся из старых докапиталистических оков буржуазное общество, расшатывая основы старого порядка, само находилось еще также в периоде возникновения, не успело прочно стать на ноги и организовать свои силы для борьбы на два фронта: с социальными элементами старины и с готовящимся выступить на историческое поприще рабочим классом. Колоссальная историческая фигура Бакунина об'ективно и была стихийным выражением этого критического перехода от добуржуазного режима к буржуазному, той социальной, политической и идейной неустойчивости, которая вызывалась этим кризисом, поражением старого господствующего класса и слабостью (как оказалось, только видимой) нового командующего класса, теми смутными, но грандиозными надеждами, которые порождались хаотическим брожением этого переходного периода, стоявшего на рубеже двух исторических эпох. Было отчего закружиться голове, а особенно голове такой горячей, как бакунинская. И тот исторический перелом, который свидетельствовал лишь о выходе буржуазного общества из пеленок, Бакунин принял за кризис гибели этого буржуазного общества; конец начала, т.-е. конец первого периода в развитии капиталистического общества, он

принял за начало конца, — за непосредственный пролог социальной революции. Эта ошибка облегчалась для него тем, что он в гораздо меньшей степени был идеологическим выразителем крупнопромышленного пролетариата, складывающегося и развивающегося вместе с эволюцией буржуазии, чем представителем экономически отсталых стран, как Россия, Италия, где капитализм делал свои первые шаги, и где (особенно в России) он вступал в период так называемого «первоначального накопления» и собирался основательно приняться за экспроприацию главной трудящейся массы, — полунатурального крестьянства. И как мы увидим, в миросозерцании Бакунина стремления, инстинкты и стихийный протест этого крестьянства, разоряемого нашествием капитала, занимают видное, если не решающее место. Именно они повлияли на его отрицательное отношение к коммунизму, на его антигосударственные взгляды, на его анархические стремления и в значительной мере предопределили содержание и форму его бунтарского миросозерцания.

1. Постановка социального вопроса.

Мы очертим сравнительно бегло те взгляды Бакунина, которые в общем и целом, за исключением отдельных мест и оттенков, совпадают с общепринятыми воззрениями международного социализма, и в дальнейшем остановимся подробнее только на тех его воззрениях, которые отличают его от господствующей социалистической школы и составляют его специфическую принадлежность как анархиста. В полном согласии с немецким коммунизмом Бакунин стремился к замене современного общества, основанного на частной собственности, трудовым обществом, основанным на коллективном владении орудиями производства. Повторяя сен-симонистскую мысль, Бакунин также проводил параллель между положением рабов в античном обществе и пролетариев в капиталистическом и утверждал, что, подобно тому как древние государства погибли от рабства, новые погибнут от пролетариата [1]. По его мнению, корень современного зла заключается в отделении мускульной силы от нервной, при чем представители первой порабощены политически и экономически представителями второй [2]. Нормальная организация общества должна сводиться к уничтожению эксплоатации человека человеком, и принцип ее формулируется Бакуниным в виде следующей проблемы: «Организовать общество таким

[1] «Oeuvres», том I, стр. 22—23, «Fédéralisme», etc. — Эту мысль мы уже встречали в «Революционном Катехизисе» 1866 года.

[2] Ibid., стр. 32.

образом, чтобы всякий человек мужского или женского пола, рождаясь на свет, находил приблизительно одинаковые средства для развития своих различных способностей и для использования их в своем труде; организовать такое общество, которое, делая для всякой личности, кто бы она ни была, невозможною эксплоатацию чужого труда, позволяло бы каждому участвовать в пользовании общественным богатством, в действительности создаваемым только трудом, лишь постольку, поскольку она прямо способствовала производству его своим собственным трудом» [1].

Характерно, что в момент, когда Бакунин писал эти строки (в конце 1867 года), он полагал еще, что это сделается нескоро, и что для полного осуществления поставленной проблемы «понадобятся, без сомнения, века» [2]. Тогда он был еще членом Лиги мира. Но скоро он запил снова свой революционный запой, на этот раз анархический, и перестал думать, что реализация этого нормального общества растянется на такой долгий период.

Бакунин требует установления полного и безусловного равенства между всеми людьми, — равенства с момента рождения: на этом именно основании он требовал отмены наследственного права.

«Каждый должен быть только сыном своих дел, — в этом заключается проблема справедливости» [3]. Но наряду с равенством Бакунин требовал также полной и неограниченной свободы личности: в его миросозерцании одно от другой неотделимо. «Свобода без социализма это — привилегия, несправедливость; а социализм без свободы это — рабство и скотство» [4]. Как мы знаем, он с этой точки зрения высказывался против коммунизма еще в 40-х годах. Впоследствии, определяя основную черту своей социально-политической физиономии, Бакунин писал про себя:

«Я — страстный искатель истины и заклятый враг зловредных фикций, тех фикций, которыми партия порядка, — эта официальная, эта привилегированная и лично заинтересованная представительница всех мерзостей, религиозных, метафизических, политических, экономических и социальных, прошедшего и настоящего, — пользуется еще и ныне для того, чтобы держать человечество в рабстве и невежестве.

«Я — страстный поклонник свободы, потому что только лишь при посредстве свободы считаю возможным полное развитие мысли, чело-

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 55.
[2] Ibid., стр. 56.
[3] Ibid., стр. 57.
[4] Ibid., стр. 59; «Oeuvres», том V, стр. 322.

веческого достоинства и счастья среди людей; но та свобода, которой я поклоняюсь, отнюдь не похожа на нашу свободу — ограниченную, формальную, строго отмеренную, регламентированную государством; последняя свобода есть не что иное, как вечная наглая ложь, и в действительности представляет собою только привилегию меньшинства, основанную на всеобщем рабстве. Моя свобода не похожа на эту индивидуалистичную, эгоистичную свободу, всегда фиктивную, всегда двуличную, которую проповедуют школа Жан-Жака Руссо и другие ей подобные школы буржуазного либерализма... Но одна лишь та свобода может по праву носить это великое имя, которая обеспечивает полное развитие всех физических, умственных и нравственных сил, находящихся в скрытом состоянии в организме каждого индивидуума, — та свобода, для которой нет иных границ, кроме положенных ей законами самого нашего организма, — иными словами, свобода, отнюдь не имеющая границ, так как естественные границы, не навязанные нам законодателем, имеющим свой престол там где-то верху или рядом с нами на земле, а, напротив, присущие нам, составляют часть нас самих, служат базисом нашего существования как физического, так и умственного и нравственного; таким образом, вместо того, чтобы служить нам границами, они являются для нас как бы естественными условиями, как бы действительной логикой нашей свободы.

«Под свободой каждого я понимаю такую свободу, которая отнюдь не имеет пределом своим свободу другого, а, напротив, в последней находит лишь свое подтверждение, свое продолжение до бесконечности; свобода каждого не ограничена свободою всех; это — свобода через всеобщую солидарность, свобода при всеобщем равенстве, свобода, торжествующая над грубой силой, над принципом власти (последняя никогда не была иным чем, как идеальным олицетворением грубой силы); — под свободой я понимаю лишь такую свободу, которая, опрокинув все небесные и земные идолы, установит, наконец, и организует новое общество — солидаризованного человечества, и организует его на развалинах всевозможных церквей и всевозможных государств» [1].

Таким образом Бакунин понимает свободу отнюдь не в индивидуалистическом, а в социальном смысле. Обращаясь к юрским рабочим, он говорил им: «Что касается нас, которые не хотят ни фантомов, ни пустоты, а живой человеческой реальности, то мы признаем, что человек может чувствовать и сознавать себя свободным, — а следовательно, может осуществить свою свободу, — только в среде людей.

---

[1] «Парижская Коммуна и понятие о государственности», стр. 2 и след.

Чтобы быть свободным, я должен быть окружен и признан таковым свободными же людьми. Я свободен лишь в том случае, если моя личность, отражаясь, как в зеркале, в столь же свободном сознании всех окружающих меня людей, возвращается ко мне, усиленная всеобщим признанием. Свобода всех, отнюдь не будучи ограничением моей свободы, как утверждают индивидуалисты, напротив, служит для нее подтверждением, реализацией и бесконечным расширением. Желать свободы и человеческого достоинства всех людей, видеть и чувствовать свою свободу подтвержденной, санкционированной и бесконечно расширенной согласием всех, — вот в чем заключается счастье и земной рай для человека. Но эта свобода возможна лишь в равенстве. Если имеется человеческое существо более свободное, чем я, то я непременно делаюсь его рабом; если я свободнее его, то он сделается моим. Таким образом равенство представляет абсолютно необходимое условие свободы» [1].

Но это равенство неосуществимо до тех пор, пока орудия труда составляют частную собственность одной общественной группы. «Сколько бы ни прибегали ко всяким уловкам, сколько бы ни старались запутать вопрос, подделать социальную науку на пользу буржуазной эксплоатации, все рассудительные люди, которым нет выгоды обманывать себя, понимают теперь, что пока для известного количества экономически привилегированных людей будут существовать средства и образ жизни, отличные от рабочего класса, — пока, с одной стороны, более или менее значительное количество отдельных лиц будут наследовать в различных пропорциях земли и капиталы, не созданные их собственным трудом, а, с другой стороны, громадное большинство трудящихся не наследует ровно ничего, — пока процент и рента позволяют этим привилегированным личностям существовать, не работая, до тех пор равенство немыслимо» [2]. И Бакунин призывает членов Лиги мира: «Исправьте природу влиянием общества, создайте, насколько возможно, равные для всех условия развития и труда, и вы тем самым уничтожите много глупостей и зол» [3]. Ибо Бакунин утверждал, что естественное неравенство индивидуумов, «с которым нам приходится

---

[1] «Trois conférences faites aux ouvriers du Val de Saint-Imier», — «Oeuvres», том V, стр. 321—322.

[2] «Les Endormeurs», статьи в женевской «Egalité», 1869 г. См. «Усыпители» в «Историческом развитии Интернационала», стр. 22 (также в «Избранных сочинениях» Бакунина, том IV, стр. 27).

[3] Вторая речь на Бернском конгрессе Лиги («Историческое развитие Интернационала», стр. 332).

примириться», далеко не так велико, как это утверждают. «Даже с естественной точки зрения люди почти равны, а достоинства и недостатки в каждом из них приблизительно компенсируются. Есть только два исключения из этого закона естественного равенства: это гениальные люди и идиоты. Но исключение не составляет правила, и в общем можно сказать, что все человеческие индивидуумы равны, и что если в современном обществе между отдельными личностями существуют колоссальные различия, то они вытекают не из природы, а из чудовищного неравенства воспитания и образования» [1].

Итак, Бакунин был социалистом, но не ко всем социалистическим течениям он относился одинаково. Подобно Марксу, давшему в «Коммунистическом Манифесте» изложение и критику различных тогдашних социалистических школ, Бакунин в «Государственности и Анархии», а особенно в брошюре «Всесветный революционный союз социальной демократии» дал свою классификацию социалистических течений, их характеристику и критику [2]. Он делит социалистов на три существенно различные «партии». Прежде всего он устанавливает две основные категории: партию социалистов мирных или буржуазных и партию социалистов-революционеров, при чем эта последняя подразделяется в свою очередь на социально-революционных государственников (коммунистов) и социально-революционных анархистов, врагов всякого государства и государственности.

Партию мирных или буржуазных социалистов Бакунин всецело относит к партии реакции и называет ее партиею политически-социальных иезуитов. По его словам она состоит из людей, принадлежащих к разным политическим категориям и кокетничающих с социализмом только в видах усиления своей собственной политической партии. Имеются социалисты-консерваторы, социалисты-клерикалы, равно как либеральные и радикальные социалисты. Все они признали в социализме восходящую силу и пытаются с его помощью обновиться и восстановить свои слабеющие силы. «В толпе этих злостных эксплоататоров социализма попадаются иногда и люди искренние, благодушные, действительно желающие улучшения пролетариата, но не имеющие достаточно энергии в уме, а также и в воле, чтобы поставить перед собою социальный вопрос во всей его грозной истине, чтобы признать абсолютную несовместность прошедшего с будущим или даже сегодняшнего дня с завтрашним днем, и тратящие всю свою жизнь на тщетные пустые

---

[1] «Trois conférences», etc., «Oeuvres», том V, стр. 327.

[2] «Всесветный революционный союз», стр. 13 и след.

усилия для того, чтобы примирить непримиримое. Они, как все половинчатые добродушные люди, желали бы устроить общество так, чтоб и волки были сыты, да и овечки по возможности целы. Они искренни, правда, но самая искренность их приносит огромный вред, прикрывая неискренность злостных эксплоататоров социализма».

Существенное отличие этой социалистической школы состоит в том, что она хочет сохранить все главные и существенные основы настоящего экономического порядка и утверждает, что даже при условиях этого порядка, необходимых для успехов цивилизации, рабочий класс может освободиться и серьезно улучшить свое материальное положение «единою чудодейственною силою свободной ассоциации». Они указывают рабочим на образование обществ взаимопомощи, рабочих банков и кооперативных артелей, потребительных и производительных, как на «единственное средство спасения» [1]. Вместе с тем они предостерегают рабочий класс против революционных утопий, сулящих ему невозможное равенство и сознательно или бессознательно ведущих его к гибели. Об этих проповедниках артельных начинаний Бакунин с нескрываемой ненавистью говорит в Прибавлении А к «Государственности и Анархии»:

«Самая многочисленная это — категория доктринёров, шарлатанов большею частью и себя-надувателей, которые, не отказываясь ни от каких удовольствий и выгод, доставляемых существующим обществом привилегированному и богатому меньшинству, вместе с тем хотят приобрести или сохранить репутацию людей, преданных в действительности делу народного освобождения, а пожалуй, даже революционеров, когда это не бывает сопряжено с слишком большими неудобствами. Таких господ в России появилось слишком много. Они учреждают народные банки, артели, потребительные и производительные общества, занимаются, конечно, женским вопросом и именуют себя громко поборниками науки, позитивистами, а теперь марксистами [2].

---

[1] Этими словами Бакунин незаметно для себя выносит приговор Прудону, который таким образом попадает в лагерь буржуазных социалистов (куда, впрочем, и совершенно правильно отнес его Маркс). Впрочем, Бакунин не во всем разделял взгляды Прудона: восхваляя его за проповедь анархии, он признавал наличность буржуазных элементов в его миросозерцании и во многом соглашался с направленной против него критикой Маркса.

[2] «Марксисты» относились Бакуниным то к школе революционного социализма, то к буржуазному социализму, смотря по настроению. Нечего и пояснять, что таких «марксистов», о которых он говорит в этой цитате, тогда в России не было. Видимо, он имеет в виду «лавристов», да и их тогда было немного, и народных банков и т. п. они не учреждали.

Общая черта, отличающая их, это — ничем не жертвовать, беречь и холить свои дорогие личности пуще всего и вместе с тем желать слыть передовыми людьми во всех отношениях. С этою категориею, как бы многочисленна она ни была, разговоры напрасны. До революции ее можно только разоблачать и срамить; а в революцию... ну, тогда будем надеяться, что они сами пропадут» [1].

На почве вражды к мирному социализму Бакунин между прочим и разошелся с Герценом и Огаревым, особенно с первым, так как Огарев впоследствии по многим вопросам примкнул к Бакунину. Поселившись в Неаполе осенью 1865 года, Бакунин начал было писать статью в «Колокол» в опровержение герценовского «мирного, нереволюционного социализма». Но при этом ему казалось, что он расходится с своими старыми товарищами и опять-таки главным образом с Герценом «только в путях, а не в целях», в средствах, а не в конечных стремлениях, не в идеале [2]. Впрочем, очень скоро обнаружилось, как это ясно из замечательного письма Бакунина от 19 июля 1866 года, что он расходится с Герценом во всем, не только в путях, но и в цели, так как теперь Бакунин начал развивать определенно-анархическую программу разрушения государства. Следует, однако, заметить, что если этот пункт в критике, направленной Бакуниным против Герцена, неубедителен, то его указания на оппортунистическую, окрашенную умеренным либерализмом тактику Герцена в «Колоколе» остаются в полной силе.

Отдавая решительно предпочтение революционному социализму, окончательно установленному, по его словам, Кабэ и Луи-Бланом, Бакунин в то же время не закрывал глаз на заслуги той школы доктринерного социализма, которая связана с именами Сен-Симона и Фурье. В этом отношении он повторяет мысль «Коммунистического Манифеста». Заслуга этих двух социалистических систем состоит главным образом «в глубокой научной и строгой критике современной организации общества, чудовищные противоречия которой они смело вскрыли, а затем — в том важном обстоятельстве, что они резко напали и расшатали христианство во имя реабилитации материи и человеческих страстей, оклеветанных и вместе с тем столь удачно практикуемых христианским духовенством». Недостатки сен-симонизма заключались в его стремлении заменить христианство новой религией, основанной на мистическом культе плоти, с новой жреческой иерархией, т.-е.

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 242—243.

[2] «Переписка», стр. 160, 164, 169, 172 и след., 209.

новыми эксплоататорами массы в силу привилегий гения, искусства и таланта. Недостатки фурьеризма, гораздо более демократического, чем сен-симонизм, состояли в непонимании классовой борьбы, в преувеличенных надеждах на мирную пропаганду и на силу убеждения, а также в подробной утопической разработке плана будущего общежития, которым фурьеристы хотели осчастливить неразумное человечество [1].

Впрочем, стремление к регламентации свойственно было не только этим двум системам, но и другим социалистическим школам до 1848 года, как, напр., Кабэ, Луи-Блану и пр. Все они имели более или менее ясно выраженный авторитарный характер. «Но вот появился Прудон: сын крестьянина, фактически и по инстинкту в сто раз более революционный, чем все эти доктринерные и буржуазные социалисты [2], он для разрушения всех их систем пустил в ход столь же глубокую и проницательную, как безжалостную критику. Противополагая свободу авторитету, он, вопреки этим государственным социалистам, смело об'явил себя анархистом и демонстративно, перед лицом их деизма или пантеизма, имел мужество заявить себя просто атеистом или, скорее с Огюстом Контом, позитивистом. Его социализм, основанный на свободе, как личной, так и коллективной, и на самостоятельной деятельности вольных ассоциаций, не признающий других законов, кроме общих законов социальной экономии, открытых или долженствующих быть открытыми наукой, вне всякой правительственной регламентации и всякого государственного покровительства, подчиняющий при этом политику экономическим, интеллектуальным и моральным интересам общества, должен был позже и в силу необходимой последовательности привести к федерализму» [3].

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 38.

[2] Та же мысль выражена у Герцена, который столь же высоко ценил Прудона. По его мнению, «безансонский мужик» был «гением», «одним из величайших мыслителей нашего века», «великим иконоборцем», «гладиатором», «единственным человеком во Франции, которому было еще что сказать» (после революции 1848 года), и т. д. И хвалит он его как раз за равнодушие к политическим вопросам, за политический индифферентизм (ан-архия!), который и был одною из слабых сторон Прудона. Эта сторона привлекала к Прудону и Бакунина, который, впрочем, истолковал прудоновскую «анархию» в революционном смысле, какого она не имеет у самого «безансонского мужика». Следует, однако, прибавить, что Герцен ценил в Прудоне не столько «результаты», положительные стороны его системы, сколько «приемы», «средства». «Прудон, — говорит он, — по преимуществу диалектик, контроверсист социальных систем» («Сочинения», том XIII, стр. 447 и след.).

[3] «Oeuvres», том I, стр. 39—40.

Это именно течение социализма и признал своим Бакунин. Социализм государственный, социализм авторитарный погиб, по мнению Бакунина, в июне 1848 года, будущее же принадлежит анархизму, который хочет федерализма во внутреннем строе и международной конфедерации вовне. Сторонник этого течения «сумеет жить по справедливости, как Прудон, и в случае нужды умереть, как Бабеф» [1].

Прежде всего Бакунин отвергает всякие паллиативы. Мы уже видели, как резко Бакунин отзывался о «буржуазных социалистах», рекомендующих рабочему классу в интересах его освобождения устройство ассоциаций, банков и других обществ взаимопомощи. Бакунин, на основании опыта передовых капиталистических стран, утверждал, что «кооперативная система, заключающая в себе, несомненно, зародыш будущего экономического устройства, в настоящее время и при настоящих условиях не может освободить, ни даже улучшить существенным образом положение рабочего люда» [2]. В этом отношении Бакунин повторял резолюцию Женевского конгресса Интернационала 1866 года, признававшую крупной заслугой кооперативного движения то, что оно доказывает практически возможность устранения капитализма и грядущее торжество системы ассоциации свободных и равных производителей, но при этом подчеркивавшую, что кооперативное движение, ограниченное своими размерами, не в состоянии собственными силами осуществить социалистический переворот; последний предполагает общее изменение всего социального строя и всех существующих отношений, что не может быть осуществлено иначе, как посредством организованной силы общества, т.-е. путем перехода государственной власти из рук капиталистов и землевладельцев в руки самих рабочих. С последним положением Бакунин в качестве анархиста, понятно, не мог согласиться, но критику кооператизма при современных условиях он, конечно, целиком принимал. Он всецело разделял также резолюцию Лозаннского конгресса Интернационала 1867 г., которая говорила, что распространение кооперативных товариществ в том виде, как они тогда существовали, стремится к созданию четвертого сословия, имеющего ниже себя еще более несчастное пятое сословие, т.-е. что распространение кооперативной системы сулит лишь создание нового слоя мелких буржуа, без всякой выгоды для пролетарских масс. Кооперацию в рамках современного общества, предназначенную к мирному разрешению социального вопроса, Бакунин называл буржуазной и противопоставлял

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 42—47.
[2] «Всесветный союз», стр. 15.

ей кооперацию социалистическую, — кооперацию будущего. Для доказательства невозможности добиться освобождения труда с помощью кооперации при современных экономических условиях Бакунин ссылается даже на Лассаля, которому в общем далеко не симпатизировал, как ярому государственнику. «Наука, опираясь на факты, — говорит он, — а именно на целый ряд опытов, сделанных в продолжение последних двадцати лет в разных странах, решительно говорит нам: невозможно. Лассаль, которого мы, впрочем, далеко не последователи, доказал эту невозможность самым блестящим и популярнейшим образом в своих брошюрах, и в этом сходятся с ним все новейшие экономисты, хотя и буржуазные, но серьезные, как бы нехотя раскрывают немощь кооперативной системы, на которую довольно справедливо смотрят как на спасательный громоотвод против социально-революционной грозы» [1].

Бакунин признает кооперацию во всех ее видах рациональной и справедливой формой будущего производства. Но для того, чтобы она могла достигнуть своей цели, т.-е. освобождения трудящихся масс, необходимо, чтобы земля и капитал во всех его видах сделались коллективной собственностью. До тех же пор, пока этого не будет, кооперация в большинстве случаев будет раздавлена непосильною конкуренциею крупного капитала, а в редких случаях удачи приведет лишь к образованию нового привилегированного слоя в массе нищенствующего пролетариата. В России же для кооперативного движения имеется еще меньше почвы, чем на Западе. И Бакунин по этому поводу делает несколько метких замечаний, которые способны сильно удивить читателя, воображающего, что Бакунин, подобно Герцену, был горячим поклонником русской общины и артели.

«Что истинно на Западе, не может быть ложно на Востоке, и мы не думаем, чтобы кооперативное движение могло принять сколько-нибудь серьезные размеры в России. В настоящее время (писано в 1873 году) в России кооперация еще невозможнее, чем на Западе. Одним из главных условий ее успеха там, где она действительно удалась, была личная инициатива, выдержанность и доблесть, но личность гораздо более развита на Западе, чем у нас в России, где до сих пор преобладает гуртовое движение. Кроме того, самые внешние условия как политические, так и общественные, а также и уровень образования на Западе несравненно благоприятнее для образования и развития кооперативных обществ, чем в России, но, несмотря на все это, на Западе кооперативное движение зачахло. Каким же образом может оно ужиться в России?

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 244—245.

«Скажут, что самая стадообразность русских народных движений может благоприятствовать ему. Элементы прогресса, это беспрестанное усовершенствование организации работы, производства и продукта его, без которых борьба против конкурирующего капитала, и без того уже столь неравная, сделается совершенно невозможною, несовместимы с гуртовою деятельностью, неизменно клонящеюся к рутине. Кооперация поэтому может процветать в России только в самых незначительных, чтобы не сказать крошечных, размерах и до тех пор только, пока она останется незаметною и нечувствительною для всеподавляющего капитала и для еще более подавляющего правительства» [1].

Тем не менее Бакунин, при всем своем отрицательном отношении к кооперативной системе, как орудию социального переустройства, не закрывал глаз на известные ее положительные стороны. В своей любопытной статье, в которой он несколько неожиданно проявил очень много практического смысла, и о которой нам еще придется говорить в другой связи, а именно в статье «Двойная женевская стачка», он между прочим обращается к рабочим со следующим призывом: «Будем об'единяться в общие предприятия, чтобы сделать свое существование несколько более сносным и менее тяжелым; будем повсюду образовывать по мере возможности потребительные, кредитные и производительные товарищества, которые, хотя и не в состоянии в достаточной и серьезной мере освободить нас при современных экономических условиях, приучают рабочих к деловой практике и подготовляют драгоценные зародыши для будущей организации» [2]. А в статье «О кооперации», написанной, быть может, Перроном, но по свидетельству Гильома всецело выражающей мысли Бакунина, мы читаем: «Мы не только не являемся противниками кооперативных предприятий в настоящем, но даже считаем их необходимыми во многих отношениях. Прежде всего — и в данный момент, на наш взгляд, в этом заключается их главное достоинство — они приучают рабочих организовать, устраивать и самостоятельно управлять своими делами без всякого вмешательства буржуазного капитала и буржуазного руководства. Желательно, чтобы в момент социальной ликвидации во всех странах и во всех местностях нашлось много кооперативных товариществ, которые, если они будут хорошо организованы и особенно основаны на принципах солидарности и коллективности, а не на буржуазной исключительности, помогут переходу общества из его нынешнего состояния в обстановку равенства

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 246.

[2] «La double grève de Genève», «Oeuvres», том V, стр. 47.

и справедливости без слишком глубоких потрясений. Но для того, чтобы они могли выполнить эту миссию, Международная Ассоциация должна оказывать покровительство только таким кооперативным товариществам, которые положат в основу своей деятельности эти принципы» [1].

Мы знаем, какое значение Бакунин придавал вопросу о воспитании. По его мнению, рациональной постановкой вопроса о воспитании можно добиться действительного равенства людей и таким образом, путем общественного вмешательства, исправить те недостатки природы, которые обусловливают хотя и не особенно резкое, но все же существующее неравенство между отдельными личностями. Но и этот кардинальный вопрос о рациональном воспитании Бакунин ставил в такую же плоскость, как и вопрос о кооперации, и доказывал, что оно совершенно немыслимо в рамках существующего строя. «Одинаковое воспитание, не фиктивное, а реальное, сможет существовать только в обществе, построенном на действительно эгалитарных началах» [2]. Точно так же в современном обществе, по мнению Бакунина, немыслимо страхование от безработицы, старости и болезни. Конечно, в последнем случае Бакунин, судивший на основании условий слабо развитого еще рабочего движения, ошибался; но эту ошибку отнюдь нельзя ставить ему в строку, так как в ту эпоху, когда рабочий класс еще не в силах был добиться от буржуазного общества более или менее серьезных, хотя и частичных реформ, не один Бакунин и не одни анархисты, а большинство социалистов смотрело на дело приблизительно таким же образом. Нас в данном случае интересует лишь его абсолютно отрицательное отношение ко всяким паллиативам.

2. Антигосударственность, аполитика.

В своем окончательном виде социальная концепция Бакунина была по существу антиполитическая. Но в 1868 году Бакунин еще признавал пролетарскую политику: он иногда не только не высказывался против политической деятельности рабочего класса, но даже возлагал на нее преувеличенные ожидания. Указывая на то, что в большинстве европейских стран рабочее движение «сохраняет еще чисто-экономический и, так сказать, частный характер» и, по крайней мере по внешности, стоит в стороне от политики, он спешит прибавить, что в этом отношении намечается поворот в другую сторону. «В Англии оно уже опре-

---

[1] «De la Coopération», — «Oeuvres», том V, стр. 217.

[2] «Circulaire à mes amis d'Italie», — «Oeuvres», том VI, стр. 355.

деленно вступило на жгучий путь политики и, организовавшись в могучую лигу, — «Лигу реформы», оно уже одержало крупную победу над политически организованной привилегией аристократии и высшей буржуазии (имеется в виду избирательная реформа 1867 года). С чисто английским терпением и практической выдержкой Лига реформы начертала себе план кампании; она не приходит в смущение ни от чего и не дает себя ни запугать, ни остановить каким бы то ни было препятствием. «Самое позднее через десять лет, — говорят они, предполагая величайшие помехи, — мы добьемся всеобщего избирательного права и тогда...» — тогда они сделают социальную революцию!» Более того, с своей тогдашней точки зрения он усматривает в социализме еще то преимущество, что только с помощью его можно будет увлечь рабочих на политический путь и именно на путь «хорошей политики» [1].

Но это настроение держалось у Бакунина недолго. Мало того, уже в том самом мемуаре «Федерализм, социализм и антитеологизм», из которого мы взяли вышеприведенные строки, встречаются заявления совершенно противоположного характера, что свидетельствует о спутанности тогдашних политических воззрений Бакунина и о происходившем в его уме переломе: не следует забывать, что в момент составления этого мемуара Бакунин уже собирался порвать с буржуазно-демократической Лигой мира и выступить открыто с программою анархического Альянса, которая решительно отвергала всякую политическую деятельность, не ведущую непосредственно к социальной революции. С этой точки зрения названный мемуар чрезвычайно интересен и представляет как бы водораздел между старыми и новыми воззрениями Бакунина, с которого мысль его окончательно устремляется в анархическое русло.

Бакунин подвергает решительной критике буржуазное понимание политической свободы. Но он опасается при этом, как бы его критика буржуазной демократии не была истолкована в смысле вольной или невольной защиты реакции. «Да не подумают, — оговаривается он, — что мы намерены критиковать демократическое правительство в пользу монархии. Мы глубоко убеждены, что самая плохая республика в тысячу раз лучше самой просвещенной монархии, так как в республике имеются, по крайней мере, моменты, когда народ, хотя и постоянно эксплоатируемый, не является жертвою угнетения, тогда как в монархиях он всегда угнетается. Кроме того, демократический режим постепенно воспитывает массы к политической жизни, чего монархия не

---

[1] «Fédéralisme», etc., — «Oeuvres», том I, стр. 49—51. — Писано в конце 1867 и начале 1868 года.

делает никогда. Но при всем нашем предпочтении к республике мы тем не менее принуждены признать и заявить, что при всякой форме правительства, до тех пор пока человеческое общество останется разделенным на различные классы благодаря наследственному неравенству занятий, состояний, образования и прав, всегда будут существовать безраздельное управление и неизбежная эксплоатация большинства меньшинством»[1].

Демократия без свободы не может быть нашим знаменем, говорит Бакунин, обращаясь к членам Лиги мира, которых он тогда еще надеялся убедить и перевести на свою точку зрения. Но, продолжает он, демократия, основанная на свободе, и есть не что иное, как республика; «поэтому наша Лига должна быть одновременно демократической и республиканской» и признать, что «монархические учреждения несовместимы с господством мира, справедливости и свободы». Но тут же он спешит оговориться, чтобы смягчить свое восхваление республики перед монархией и «в качестве русских социалистов и славян» заявить от своего лица и от лица своих товарищей, что для них понятие республика имеет чисто отрицательное значение в смысле устранения монархии, но что оно «не только неспособно привести их в восторг, но, напротив, всякий раз, когда нам представляют республику как положительное и серьезное разрешение всех злободневных вопросов, как конечную цель, к которой должны стремиться все наши усилия, — мы чувствуем потребность протестовать». Он относится крайне враждебно к принципу единоначалия и находит, что отмена его составляет необходимое условие освобождения человечества; в этом смысле он признает себя определенным республиканцем. Но он решительно оспаривает ту мысль, что уничтожения монархии достаточно для освобождения народа и для водворения справедливости и мира. «Мы, напротив, глубоко убеждены, что большая военная, бюрократическая и политически-централизованная республика может сделаться и непременно сделается державою завоевательною вовне и притеснительною внутри, и что

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 173—174.—Прудон тоже готов был признать, что конституционная монархия предпочтительнее абсолютной точно так же, как представительная демократия или режим всеобщего избирательного права предпочтительнее конституционализма, а прямое народное правление предпочтительнее представительства. Но он готов был отдать им предпочтение не с той точки зрения, что свобода и благосостояние народа при этом что-нибудь выигрывают, а с той, что в этой смене политических форм он усматривал постепенное отступление правительственного принципа перед революционным отрицанием власти («Idée générale», стр. 139—140).

она не в состоянии будет обеспечить благосостояние и свободу своим подданным, хотя бы они назывались гражданами»[1]. И он ссылается на историю Франции.

Основное зло, которое обращает даже демократическую республику в свою полную противоположность, Бакунин усматривает в политической централизации: централизация и всемогущество государства это, по его словам, — полнейшее отрицание свободы. Этому принципу Бакунин противопоставляет «великий, спасительный принцип федерализма», которым увлекается до того, что признает режим Северо-Американских Соединенных Штатов «политикою свободы» и рекомендует принять ее, отвергнув «государственную политику» Европы[2].

К вопросу о той двусмысленности, которую вызывает анархическая критика политической свободы и политической деятельности социалистов, Бакунин возвращался не раз. Он протестует против утверждения, будто анархисты безразлично относятся к политическим вольностям. «Из-за того, что мы энергически отвергали всякие сделки и соглашения с буржуазной политикой, даже с самой радикальной, кое-кто по глупости или с клеветническими целями утверждал, что, имея в виду только экономическую или материальную сторону социального вопроса, мы индиферентно относимся к великому вопросу свободы, и что этим самым мы становимся в ряды реакции. Мы любим свободу больше, чем они; мы любим ее так сильно, что хотим ее вполне и целиком; мы хотим ее в реальности, а не в фикции; и именно поэтому мы решительно отвергаем все союзы с буржуазией, так как мы убеждены, что всякая свобода, завоеванная с помощью буржуазной политики, средствами и оружием буржуазии или надувательской сделкой с нею, может быть весьма реальна и весьма выгодна для господ буржуа, но для народа никогда не будет ничем иным, как фикцией». Нельзя говорить, что анархисты не принимают в расчет политики: «Неправда, что мы не принимаем ее в расчет, так как мы как раз и хотим ее убить»[3]. Ска-

---

[1] Bakounine — «Oeuvres», том I, стр. 9—10.

[2] Ibid., стр. 11—12. — Ср. филиппики Прудона против «свободоубийственной, всепоглощающей» централизации, перед которой преклоняется парламентская демократия («Idée générale», стр. 70).

[3] «Protestation de l'Alliance», «Oeuvres», том VI, стр. 37—39. — Эта незаконченная рукопись была написана Бакуниным в июле 1871 года в качестве материала для доклада на конгрессе Интернационала, созыв которого предполагался в сентябре 1871 г., и на котором должен был обсуждаться раскол в романской федерации. Часть этого манускрипта была опубликована в «Народном Альманахе на 1872 год» под заглавием «Организация Интернацио-

зать, что эти доводы ничуть не опровергают упрека в политическом индиферентизме, делаемого анархистам, вряд ли значит быть очень придирчивым к Бакунину.

Если еще в 1868 году Бакунин не вполне определенно стал на анархическую точку зрения и даже с симпатией отзывался о политической борьбе английских рабочих, то в начале 60-х годов, да еще по отношению к русским делам, он проявлял еще больше политической умеренности, чтобы не сказать политического оппортунизма. Мы уже знаем, что в своей брошюре «Народное Дело» он высказал целый ряд крайне двусмысленных в этом отношении положений. И даже в разгар своего революционного запоя, готовясь активно примкнуть к польской революции, он выражает еще крайне умеренные политические мысли. Так, в письме от 7/19 ноября 1862 года он, сообщая о происходящей в России политической агитации в пользу созыва Земского собора, прибавляет, что этот «Всенародный земский собор единоспособен решать мирно, бескровно вопросы неотлагательные, но для правительства нашего неразрешимые» [1]. А в своей речи на банкете в Стокгольме он говорил о себе и о своих единомышленниках: «Мы — истинные консерваторы... Мы даже не республиканцы во что бы то ни стало», и обещал, что они будут «самыми верными, самыми горячими и самыми преданными слугами» царя, если он станет на путь реформ. Тут же он заявляет себя сторонником программы общества «Земля и Воля», которую излагает в следующем виде: передача земли крестьянам с вознаграждением помещиков за счет нации; выборность чиновников и замена централизации федерациею автономных и свободных провинций; замена постоянной армии системой народного вооружения и, наконец, созыв Земского собора, избранного всеми провинциями и городами без различия классов, имуществ и положения [2]. Каждый согласится, что это — довольно умеренная демократическая программа, в которой между прочим ничего не говорится об основных политических свободах, — упущение, которое, судя по всему контексту речи Бакунина, отнюдь нельзя об'яснить его анархическими склонностями. И если уж непременно подыскивать

нала», а другая часть вошла в знаменитый «Mémoire de la Fédération Jurassienne» (1873). Первые 62 листка были затеряны женевскими бакунистами, а сохранившаяся часть рукописи (листки 63—141) опубликованы в VI томе «Oeuvres», по-русски в V томе «Избранных сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда».

[1] «Переписка», стр. 95.

[2] Ibid., стр. 141—143. — Подробно об этом периоде деятельности Бакунина мы говорили во II томе этой работы.

об'яснение этой странной забывчивости, то ее скорее всего можно об'яснить чисто-российской беззаботностью насчет разных «свобод», которая в известной мере свойственна была тогда даже таким западникам, как Герцен.

Впоследствии, как мы знаем, Бакунин об'яснял свои оппортунистические шатания 1862 — 1863 годов тактическими соображениями, навеянными отчасти влиянием Герцена, и признавал их большой ошибкой [1]. Но так как политических деятелей нужно судить не по тому, что они думают про себя, а по тому, что они заявляют открыто во всеуслышание, то мы должны признать, что в рассматриваемую эпоху Бакунин в политическом отношении был настроен далеко не крайне. Во всяком случае уже одно то, что он мог поддаться увещаниям Герцена (и даже Мартьянова!) и стать на путь тактических уступок, свидетельствует не об особенной глубине и прочности его политического радикализма, каковой, по его позднейшим утверждениям, был присущ ему всегда, даже и в эти годы [2]. С другой стороны, весьма вероятно, что проявленный им в начале 60-х годов известного рода политический индиферентизм впоследствии должен был облегчить ему переход на анархическую позицию. Психологически это вполне понятно, и в истории случаи такого перехода, как говорят, «из одной крайности в другую» довольно часты [3]. Быть может, все дело в том, что здесь вовсе нет перехода из одной крайности в противоположную крайность, а что в данном случае мы имеем просто дело с двумя сторонами одной и той же медали.

Но через пару лет в своих тайных итальянских братствах, а еще через несколько лет в своей более или менее открытой деятельности в рядах Альянса Интернационала Бакунин уже выступает в качестве более или менее последовательного анархиста, отрицающего и государство, и принцип власти вообще, и политику, и всякую

---

[1] «Переписка», стр. 174—175.

[2] Ibid., стр. 200.

[3] Такие переходы особенно часто случались как раз в анархическом лагере — и между прочим с последователями Бакунина. Так, Андреа Коста, один из самых крайних итальянских бакунистов, участвовавший вместе с Бакуниным в Болонском восстании, впоследствии, сделавшись социал-демократом, занял место на крайнем правом фланге социалистической партии и продолжал свою борьбу с марксистами, но на этот раз с совершенно другой стороны. Такую же эволюцию проделал Поль Брусс, самый ярый из членов анархического Интернационала, а впоследствии основатель партии «поссибилистов», т.-е. самой умеренной французской социалистической фракции.

политическую деятельность рабочего класса [1]. Отныне критика государства, принципа авторитета, политической борьбы, а также и социал-демократической и даже революционно-коммунистической тактики занимает в его речах и писаниях главное место, повторяясь и варьируясь на разные лады, но в сущности оставаясь одною и тою же.

«Государство, с одной стороны, социальная революция, — с другой, вот два полюса, антагонизм которых составляет самую суть настоящей общественной жизни в целой Европе», — заявляет Бакунин в своей книге «Государственность и Анархия», разумея под социальной революцией анархическую «социальную ликвидацию» и этим самым страшно преувеличивая значение анархизма, который ни тогда, ни до того, ни после того такой роли вовсе не играл [2]. Атака Бакунина шла не только на государство, но и на самый принцип власти, лежащий в его основе. «Власть! Вот еще слово и понятие, которое мы ненавидим от всего нашего сердца» [3]. Восставая против принципа власти, Бакунин оговаривается, что он не имеет ввиду той непреложной силы законов природы, которая проявляется в причинной связи и последовательности явлений физического и социального мира. Возмущение против этих законов противоречило бы здравому смыслу. В зависимости от законов природы нет унижения, потому что «рабство в истинном значении этого слова предполагает господина, законодателя, стоящего вне того, кем он управляет, тогда как эти законы не вне нас, а нераздельны с нами; они составляют все наше существо — физическое, интеллектуальное и моральное; мы живем, дышим, действуем, желаем только по этим законам. Без них мы ничто, мы вовсе не существуем. Откуда же может явиться сила и желание возмущаться против них?». По отношению к законам природы для человека возможна одна только свобода: это — свобода познания и применения их в целях индивидуального или коллективного прогресса [4].

Приблизительно то же самое, как это ни странно на первый взгляд, Бакунин говорит о человеческом обществе, которое, по его мнению, также имеет свои непреложные законы, не допускающие протеста и

---

[1] Но, как мы видели во II томе (стр. 336 и след.), «Революционный Катехизис» 1866 года представляет еще документ переходной эпохи, далеко не свободный от элементов государственности. Только к концу 1868 года этот элемент почти полностью исчезает из построений Бакунина.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 23.

[3] «Бог и Государство», стр. 22.

[4] Ibid., стр. 22—24.

бунта против них. «Бунт против этого естественного влияния общества гораздо труднее для индивидуума, чем бунт против официально организованного общества, против государства, хотя часто он так же неизбежен, как и последний... Человек... рождается в обществе, как муравей рождается в муравейнике, а пчела — в улье; он не выбирает его, а, напротив, сам является его продуктом и так же фатально подчинен естественным законам, управляющим его необходимой эволюцией, как повинуется всем остальным естественным законам. Общество, подобно самой природе, предшествует каждой человеческой личности и в то же время переживает ее; оно вечно, как и природа, или, точнее, раз возникнув на земле, оно будет существовать до тех пор, пока просуществует наша земля. Поэтому решительный бунт против общества был бы столь же невозможным для человека, как и бунт против природы, да притом человеческое общество и есть не что иное, как последнее крупное проявление или создание природы на земле». Гораздо легче бунт против государства, ибо «в самой природе государства есть нечто, что вызывает на бунт». Государство это — учреждение историческое, переходное, это — временная форма общества, подобно церкви, младшим братом которой оно является, тогда как общество есть нечто естественное. В отличие от государства общество не навязывает свою власть формально, официально, авторитарно, а проявляет ее «естественно», и именно потому его действие на личность гораздо сильнее, чем действие государства [1].

Здесь Бакунин проводит совершенно искусственное различие между обществом и государством, и в сущности почти все, что он говорит об одном, можно сказать и о другом [2]. Дело в том, что государство не есть нечто оторванное от общества и могущее быть ему противопоставленным; в действительности государство есть не что иное, как одна из исторических форм общества, да Бакунин, как мы видели, и сам

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 142, 283—288.

[2] Подобное противопоставление общества государству в анархической литературе представляет довольно обычное явление. Уже Вильям Годвин в своем «Исследовании о политической справедливости» (1793 год) настаивал на необходимости проводить тщательное различие между обществом и государством; люди вначале об'единились, мол, для взаимной поддержки и создали общество; но затем вследствие глупости большинства и подлости меньшинства в общество проник элемент насилия, и появились элементы государства. Общество возникло в результате человеческих потребностей, государство — благодаря человеческим недостаткам; общество — всегда благо, государство — всегда зло. Ср. Эльцбахер — «Анархизм», Москва, 1917 г., стр. 29.

признавал это [1]. А если это так, если государство есть одно из проявлений общества, хотя бы и историческое, хотя бы и преходящее, то его нельзя, по крайней мере для данного исторического периода, противопоставлять обществу, как учреждению естественному [2]. Одно из двух: или нельзя говорить о законах общества как о законах естественных вообще, ибо тогда нужно признать, что для того исторического периода, когда это общество выступает в виде государства, законы его уже по тому одному перестают быть естественными; или же, раз законы общества вообще действительно естественны, то столь же

---

[1] Временами признавал это и Прудон. «Правительство есть орган общества, — говорит он. — Правительство, установленное для руководительства обществом, есть отражение этого общества («Idée générale», стр. 58). Но он, как и Бакунин, постоянно об этом забывает и противопоставляет одно другому как два самостоятельные и противоположные явления. «Общество и правительство уже не могут ужиться вместе, так как первое стремится к порабощению второго» (Ibid., стр. 72). Как может «орган» и «отражение» порабощать свой источник, это — секрет Прудона (ср. ibid., стр. 257). Противоречия Прудона в этом пункте вытекают из того, что он не дает себе труда вспомнить о классовом делении общества, забывает о классовом характере государства (что в других местах сугубо, хотя и неопределенно, подчеркивает) и превращает общество и государство в какие-то метафизические сущности. При этом он в разных местах вкладывает в понятие «общество» различное социологическое содержание. Так, говоря о системе налогов, Прудон замечает: «Существует соглашение между Капиталом и Властью, в силу которого налоговое бремя возлагается исключительно на трудящихся... В этом отношении правительство действует в полном согласии с обществом» («Idée générale», стр. 63). Итак, общество — это привилегированные классы? Но Прудон не дает себе труда вникнуть в употребляемые им термины.

[2] Перед таким искушением не устоял, конечно, и Прудон. «Во всяком обществе, — говорит он, — я различаю двоякого рода учреждения: одно, которое я называю социальной конституцией, и другое, которое представляет политическую конституцию, при чем первая присуща человечеству, либеральна и прогрессивна, а прогресс ее в большинстве случаев сводится к освобождению от второй, по существу произвольной, притеснительной и ретроградной» («Confessions», стр. 183). Неудивительно, что последняя имеет стихийно-бессознательный характер, тогда как другая... да и с другой, видимо, дело обстоит не совсем благополучно, судя по тому, что она нуждается для нормального развития в стороннем содействии каких-то элементов, вероятно не принадлежащих ни к государству, ни к обществу. «В то время как слепая сила увлекает власть в одну сторону, не сумеем ли мы двинуть ее в другую?» («Confessions», стр. 128). Кто эти мифические «мы», действующие (как, впрочем, у всех правоверных утопистов, имеющих свой рецепт для спасения заблуждающегося человечества) независимо от общества и государства и вне них, остается тайной Прудона.

естественны и законы государства, которое ведь есть не что иное, как одна из исторических форм общества.

Замечательно, что и в этом отношении, в деле противопоставления общества и государства, на Бакунина, несомненно, оказала влияние именно русская жизнь. Нигде так не противополагались эти два понятия, как в царской России, где этим противопоставлением слишком злоупотребляли, часто вплоть до искажения исторической истины. А между тем в старой России, как и вообще в политически отсталых странах, живущих под режимом абсолютизма, такое противоположение имело свое видимое основание, так как там под «обществом» разумелась вся масса управляемых в отличие от малочисленной управляющей группы. Неудобство этого деления заключалось в том, что сплошь и рядом в понятие «общество» на-ряду с элементами буржуазными включались и элементы помещичьи, поскольку они непосредственно не принимали участия в государственном управлении. Отсюда и вытекали все недоразумения и злоупотребления с этой терминологией, так как логически и социологически эта классификация имела смысл именно в том случае, если из понятия «общество» выделялся господствующий класс в своей главной массе, — тот класс, который если не непосредственно, то через своих представителей и управлял государством. Так как в абсолютистских странах господствующая в государстве роль принадлежала сравнительно незначительному слою крупных землевладельцев, то ему, естественно, противопоставлялась неопределенная группировка всех остальных опекаемых и угнетаемых социальных элементов, и в первую голову тот из них, который прежде всего приходит с ним в столкновение на политической почве, т.-е. тот социальный элемент, который получил название буржуазии, и который, как предполагалось, призван был занять его место в государственном управлении. Отсюда и это противопоставление общества и государства, специфически свойственное русской жизни и оказавшее на построения Бакунина несомненное влияние, бессознательно для него самого. Это могло случиться тем легче и тем естественнее, что Бакунин понимал государство слишком рационалистически, чтобы не сказать метафизически, признавал его чуть ли не продуктом сознательного творчества привилегированных элементов и доходил в этом отношении, как мы увидим ниже, до настоящего антигосударственного фетишизма, приписывая государству чуть ли не решающую роль в творчестве социальных форм и отношений.

Мы видели выше, что Бакунин исповедуется в своей ненависти к принципу власти и авторитета. Но он отвергает не всякий авторитет.

Такая мысль далека от него. «Относительно сапог я признаю авторитет сапожника, относительно домов, каналов или железных дорог я, если бы мне понадобилось, обратился бы к авторитету архитектора или инженера. За тем или другим специальным знанием я обращаюсь к такому-то или к такому-то ученому. Но я не позволю ни сапожнику, ни архитектору, ни ученому навязать мне их авторитет... Я преклоняюсь перед авторитетом специалистов, потому что это внушает мне мой собственный разум». Одним словом, Бакунин не отвергает «добровольно признаваемого авторитета и подчинения». Все другие власти и авторитеты он об'являет «ложными, самозванными и пагубными». Он отвергает «всякое законодательство, всякую власть и всякое привилегированное, дипломированное и легализированное превосходство, хотя бы возникшее путем даже всеобщего голосования, так как мы убеждены, что оно может обратиться только в выгоде преобладающего меньшинства эксплоататоров против интересов огромного большинства подчиненных им людей». Единственная, всемогущая, естественная и то же время рациональная власть, которую он согласен признать, это — власть духа коллективной общественности, основанная на взаимном уважении всех членов общества [1].

Принцип власти теснейшим образом связан с государством. Всякое государство основано на религиозной (?) идее власти, авторитета. «Всякая последовательная и искренняя теория государства по существу основывается на принципе авторитета, т.-е. на той чисто-теологической, метафизической, политической идее, что массы всегда будут неспособны к самоуправлению и должны будут во все времена подчиняться благодетельному игу мудрости и справедливости, которые в той или иной форме будут навязываться им сверху». Этот авторитет может иметь три источника: силу, религию или умственное превосходство, а это всегда приводит к господству меньшинства над большинством [2]. Как мы знаем, Бакунин открыл беспощадный поход против религии ввиду той связи, которую он усматривал между церковью и государством; противопо-

---

[1] «Бог и Государство», стр. 26—38.

[2] «Oeuvres», том I, стр. 171. — Ср. «Бог и Государство», стр. 49. — Ср. Прудона, который замечает: «Капитал, которому в политической области соответствует правительство, имеет в религиозной области свой синоним в лице вселенской церкви (catholicisme). Экономическое понятие капитала, политическое понятие правительства или власти и теологическое понятие церкви представляют три тождественные и взаимно превратимые идеи: нападать на одну значит нападать на другую, как это теперь прекрасно известно всем философам... Эта троица абсолютизма фатальна как на практике, так и в философии» (Proudhon — «Confessions», стр. 253)».

лагая общество, как естественную организацию, государству, как искусственной, он утверждал даже, что его творит в среде естественного общества религиозное сознание [1], и об'единяя в общей ненависти «эти две исторические абстракции, вечно грозящие и все пожирающие», он говорил, что «уничтожение церкви и государства должно быть первым и непременным условием действительного освобождения общества, после чего только оно может и должно принять новое устройство» [2].

Переходя к бакунинской критике государства по существу, мы прежде всего остановимся на тех его аргументах, которые он направляет против государства с точки зрения общечеловеческой со-

---

«Нам достаточно было указать на эту троякую форму социального рабства,— этот заговор алтаря, трона и несгораемой кассы, чтобы он сразу был всеми понят» (Ibidem).

[1] Bakounine—«Oeuvres», том I, стр. 142.—Относительно связи церкви и государства Прудон выражает приблизительно ту же мысль: «Гувернементализм, заметьте хорошенько, не вытек из какой-либо философской доктрины, а родился из теории Провидения. В новое время, как и в древности, жречество было отцом правительства. Нужно проследить этот процесс вплоть до Григория VII, а затем от последнего до Моисея и египтян, чтобы отыскать последовательное развитие правительственных идей и происхождение пагубного учения о компетенции государства в области совершенствования и прогресса» («Confessions», стр. 86). И далее он прибавляет: «Священник дает посвящение королю; у всех народов, даже у восставших против жречества, власть имеет божественное происхождение» (Ibid., стр. 185). И, наконец, у него же мы читаем: «Церковь и государство, переплетенные друг с другом, иногда вступающие во взаимную борьбу, образуют своего рода наступательный и оборонительный союз против свободы и инициативы нации. Их совместное правление, вместо того, чтобы служить стране, тяготеет над страной» (Proudhon — «Confessions», стр. 199). Ср. «Conradictions économiques», том I, стр. 320. «Я признаю, что идея Бога составляет тип и основу принципа власти и произвола, который мы призваны подорвать или, по крайней мере, подчинить повсюду, где он проявляется — в науке, труде, гражданском быту» (l. c., стр. 366).

[2] «Парижская Коммуна», стр. 12—13. — «Правительство, т.-е. неразрывно об'единенные Церковь и Государство, — говорит Прудон, — исповедует следующие догматы: 1) изначальную испорченность человеческой природы; 2) основное неравенство положений; 3) вечность антагонизма и войны; 4) фатальность нищеты» («Idée générale», стр. 254). И далее: «Вот где враг. Бог и король, церковь и государство — такова, во плоти и в духе, вечная контрреволюция» (Ibid., стр. 261). И он торжественно восклицает: «Ко мне, Люцифер, сатана, кто бы то ни был, демон, которого вера моих предков противопоставляла богу и церкви! Я понесу в мир твое слово, и я ничего не прошу у тебя» (Ibid., 265). Такими пустыми «революционными» фразами он приводил в восторг Бакунина, который вычитывал у Прудона свои собственные мысли и восхищался болтливым «поклонением сатане».

лидарности, с точки зрения международного мира и интернационализма. Так как всякое политическое государство по необходимости должно быть государством, ограниченным национальными или территориальными рамками, то отсюда следует, что оно по самому существу своему противоречит стремлениям социалистов, так как социальный вопрос может быть разрешен лишь в интернациональном или всемирном масштабе [1]. И только тот, кто действительно стремится к полному уничтожению государства и политики, которая является необходимым проявлением этого государства,—только тот действительно может быть назван интернационалистом и социалистом; «тот же, кто хочет в отличие от нас заниматься политикой, кто не стремится вместе с нами к уничтожению политики, непременно должен будет вершить патриотическую и буржуазную государственную политику, т.-е. фактически отрицать во имя своего великого и малого национального государства человеческую солидарность народов во-вне, равно как экономическую и социальную эмансипацию масс внутри» [2].

Истолковывая по своему тот пункт программы Интернационала, который гласит, что освобождение рабочих не есть проблема местная или национальная, а интернациональная, Бакунин заключает, что политика Международного товарищества рабочих может быть только «политикой интернационалистической, решительно исключающей все патриотические и всегда корыстные вожделения буржуа, всякую чисто-национальную политику [3]. В связи с этим Бакунин совершенно не допускает возможности политической деятельности пролетариата, совершающейся хотя и в национальных рамках, но имеющей, тем не менее, вполне интернационалистический характер.

В этом рассуждении, несомненно, подмечена опасная сторона политической деятельности пролетариата в условиях капиталистического строя и национального разделения, — опасность, увеличиваемая тем влиянием, которое господствующий буржуазный класс оказывает в известные периоды то на весь пролетариат в целом, то на отдельные

---

[1] Bacounine — «Oeuvres», том V, стр. 74; том VI, стр. 38—40; «Государственность и Анархия», стр. 14 и сл. — Это, впрочем, не мешало ему иногда говорить о «всемирном рабочем государстве», которое, однако, по существу отличалось бы от государства, построенного на борьбе классов и на классовой эксплоатации. Но против рабочего государства марксистов он тем не менее считал долгом решительно возражать.

[2] Характерно, что на этой стороне вопроса Прудон, несвободный от националистических предрассудков французского мещанства, в своей критике государства и политики не останавливается.

[3]) «La Montagne et M. Coullery» («Oeuvres», том V, стр. 104—105).

(иногда руководящие) его группы. В первые периоды рабочего движения, когда пролетариат является еще классом-парией и целиком устранен от власти, эта опасность не так еще велика, ибо для его грехопадения нет еще основания. В это время пролетариат обычно следует политике буржуазии в качестве слепого орудия, бессознательно. Настоящая опасность, предсказанная Бакуниным (да и не им одним), начинается с того момента, когда часть пролетариата, уже организованная в самостоятельную партию, ставит себе задачею влиять на государство и на направление государственной политики. Это — эпоха социал-демократии, против которой и направлено все острие бакунинской критики. И действительно здесь, поскольку пролетариат, не высвободившись еще из-под идейно-политического влияния буржуазии, невольно увлекается чисто-национальным моментом в ущерб интернациональному, он, по крайней мере в лице своего руководящего слоя, организованного в партию, может при известных условиях продолжать государственно-патриотическую политику буржуазии частью сознательно, частью бессознательно. Пример: деятельность почти всех социал-демократических партий Второго Интернационала накануне, во время и после мировой войны 1914—1918 годов; в частности деятельность английской «Рабочей партии», ставшей у власти в 1924 году и во всех отношениях продолжавшей как внутреннюю, так и внешнюю политику либерально-консервативных правительств британской буржуазии; деятельность германской социал-демократии, ставшей у власти в 1918 году; деятельность той же германской, австрийской, французской, бельгийской, шведской, датской и т. д. социал-демократических партий, заключавших коалиции с буржуазией и фактически являвшихся и являющихся ее агентурой, одною из буржуазных партий, защищающею своими приемами и своими методами тот же капиталистический режим, буржуазное государство и его политику.

С этой точки зрения критика Бакунина оказывается безусловно правильною, можно сказать — даже пророческою. Но возможность такого извращения предвидели до Бакунина и коммунисты, в частности тот же Маркс, потративший немало усилий для борьбы с либеральными уклонами в рабочем движении (стоит только вспомнить деятельность Маркса в Генеральном Совете Интернационала, его борьбу с либеральными вождями английского рабочего движения, с лассальянством и т. д.) Отличие Бакунина заключалось только в том, что он всякую политику рабочего класса в национальных рамках готов был считать националистической и не усматривал никакой возможности вести интернационалистическую политику в национальных рамках, на почве борьбы со

своею национальною буржуазией. Верно подметив, что пока будет существовать капиталистический режим, отдельные группы пролетариата, в частности рабочая аристократия, будут каждый раз возвращаться в лоно буржуазной политики и систематически впадать в рецидивы буржуазного патриотизма, он вместе с тем совершенно не предвидел создания истинно-пролетарских партий, ведущих революционную политику, решительно расходящуюся со всеми видами буржуазной политики, и проводящих как в области внутренних, так и в области внешних вопросов действительную политику пролетариата.

Жизнь оказалась гораздо сложнее его схематических рассуждений, и действительность показала, что именно политическая деятельность рабочего класса, которая, вопреки мнению Бакунина, может одновременно быть национальной (но не националистической!) и интернационалистической, с каждым днем все больше подготовляет почву для создания не словесной только, а действительно реальной интернациональной рабочей политики. Не ограничиваясь абстрактным протестом против государства, а используя и разоблачая каждый его промах, коммунистические партии, вполне солидарные, несмотря на разделяющие их национальные границы, и не утрачивающие этой солидарности благодаря своей деятельности в национальных государственных рамках, а, напротив, еще более укрепляющие ее именно благодаря этой деятельности, создали новый Интернационал, который уже теперь играет роль могучего фактора международной солидарности всех трудящихся. Даже в эпоху Второго Интернационала, в течение которой развились все отрицательные черты социал-демократической политики, предсказанные Бакуниным, намечались элементы новой классовой пролетарской политики, более определенно проявившейся в эпоху Третьего Интернационала. Правда, Бакунин не дожил не только до Третьего, но и до Второго Интернационала, но уже история Первого Интернационала могла показать ему, что политическая деятельность пролетариата (тогда находившаяся, впрочем, в зародышевом состоянии) ничуть не мешает проявлению интернациональной солидарности. И выступления хотя бы той же, столь ненавистной ему, немецкой социал-демократии во время франко-прусской войны, эти слабые выступления, едва лишь предвещавшие грядущий мощный протест Коммунистического Интернационала против милитаризма и войны, должны были бы предостеречь его от слишком упрощенной постановки вопроса.

Критика государства с точки зрения интернациональной солидарности естественно связывается у Бакунина с критикой идеи патриотизма. Всякое государство по существу есть необходимо

военное государство, а военное государство неизбежно становится государством завоевательным: если оно не завоевывает других, то само будет завоевано [1]. Под страхом смерти оно должно стремиться к усилению своего могущества и к расширению своих пределов. «Оно должно пожирать, чтобы самому не быть пожранным, завоевывать, чтобы не быть завоеванным, порабощать, чтобы не быть порабощенным, ибо две сходные и в то же время чуждые друг другу державы не могут существовать рядом, не уничтожая друг друга. Таким образом государство является самым вопиющим, самым циническим и самым полным отрицанием человечества. Оно разрывает всемирную солидарность людей на земле и приобщает к себе одну часть их лишь для того, чтобы уничтожить, завоевать и поработить всех остальных. Оно берет под свою охрану только собственных граждан и признает человеческое право, гуманность и цивилизацию лишь внутри собственных пределов; не признавая никаких прав вне своих границ, оно логически присваивает себе право на самую свирепую бесчеловечность по отношению ко всякому иностранному населению, которое оно может грабить, истреблять или порабощать по своему усмотрению... Если же оно обращается по-человечески с завоеванным народом, если оно грабит и истребляет его лишь наполовину и не низводит его до последней ступени рабства, то оно поступает так по политическому расчету или, пожалуй, по соображениям благоразумия или даже по чистому великодушию, но никогда не по обязанности, так как ему принадлежит неограниченное право распоряжаться им по своему усмотрению» [2].

Вот почему Бакунин усматривает в истории государств, начиная от глубокой древности, лишь сплошной ряд насилий и преступлений, оправдываемых соображениями государственной пользы [3]. «Это вопиющее отрицание человечества, — продолжает он, — составляющее самую сущность государства, является с государственной точки зрения высшим долгом и высочайшей добродетелью; оно называется патриотизмом и составляет всю высокую мораль государства... Исключая подавляющее большинство человечества из своей среды, ставя его вне взаимных обя-

---

[1] «Государство и Анархия», стр. 14 и след.

[2] «Oeuvres», том I, стр. 150—151.

[3] «Что за эластичное, удобное и вместе с тем страшное слово: государственный интерес (raison d'Etat)!.. Как только оно произнесено, все умолкает и исчезает — честность, честь, справедливость, право, даже жалость и вместе с нею логика и здравый смысл: черное становится белым, а белое черным, жестокое — человечным, а самое низкое предательство, самое ужасное преступление превращается в похвальное деяние» (Ibid., 153).

зательств и долга нравственности, справедливости и права, оно отрицает гуманность и вместе с громким словом патриотизм делает для всех своих подданных несправедливость и жестокость высшим долгом. Оно сужи-вает, ограничивает, убивает в них человечность для того, чтобы они, перестав быть людьми, сделались только гражданами, или, что будет вернее со стороны исторической последовательности фактов, чтобы они никогда не поднялись с уровня гражданина на высоту человека» [1].

Теперь для нас понятно, почему в программе первого бакунинского тайного Братства, основанного им в 1865 году в Италии, заключалось «отрицание гражданственности, заменяющей в государстве свободную человечность». Под гражданственностью Бакунин понимал те черты и свойства, которые человек получает и проявляет в качестве члена поли-тической организации, государства, т.-е. исключительность, патриотизм, отрицание прав людей как таковых, если только они принадлежат к другому государственному организму. Термин «гражданин», citoyen, происходящий от слова cité, соответствующего греческому πόλις (от-сюда «политика»), т.-е. государству-городу, в данном случае пони-мается Бакуниным не в смысле носителя определенных гражданских и политических прав по отношению к обществу или государству, а в смысле носителя отрицательных, специально присущих члену государства как особой, исключительной, насильственной и завоевательной организации, отрицающей права человека вообще, независимо от принадлежности его к той или иной политической организации. Впрочем, для Бакунина, при его интегральном отрицании государства с точки зрения как внешней, так и внутренней политики, эти понятия совершенно сливались, и гра-жданин, как носитель известных прав и вольностей, для него ничем не отличался в хорошую сторону от гражданина в смысле носителя и жертвы государственного принципа. С этой точки зрения становится понятным его отрицание гражданственности и противопоставление ее человечности.

«Настоящий патриотизм, — говорит он, — чувство, разумеется, весьма почтенное, но вместе узкое, исключительное, противочелове-ческое, нередко просто зверское. Последовательный патриот только тот, кто, любя страстно свое отечество и все свое, так же страстно ненави-дит все иностранное, ни дать ни взять как наши славянофилы» [2]. По-этому критика государства сливается у него с кри-тикой патриотизма. Последней посвящены его замечательные

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 151—157.
[2] «Государственность и Анархия», стр. 17.

письма к «Интернациональным братьям, рабочим Локля и Лашодефона» [1]. Разобрав четыре элемента, соединение которых составляет то, что называют патриотизмом, а именно — элемент естественный или физиологический, экономический, политический и религиозный или фанатический, Бакунин приходит к тому заключению, что патриотизм в том сложном смысле, какой обыкновенно придается этому слову, никогда не был народной страстью или народной добродетелью. Он ставит себе вопрос: «Неужели этот роковой закон растительного и животного царства (т.-е. борьба за существование, выживание сильных и гибель слабых) неотвратимо должен существовать и в человеческом обществе? Неужели социальному миру нельзя избегнуть его?». И отвечает (не в этих письмах, которые не были закончены, а в других своих произведениях) указанием на Интернационал, который противопоставил прежним национальным предубеждениям и патриотической узости сознание международной солидарности всех трудящихся независимо от пола, расы и религии, а также на заявления французских и немецких рабочих накануне и во время франко-прусской войны.

Но само собой разумеется, что главные удары Бакунин направляет против государства с точки зрения внутренней его политики. «Кто говорит политическое государство, будь это государство абсолютною монархиею, конституционною монархиею или даже республикою, говорит господство и эксплоатация. Это — господство или династии, или нации, или одного класса над всеми другими, т.-е. явное отрицание социализма» [2]. Эти слова: «qui dit Etat dit domination et qui dit domination dit exploitation» (кто говорит государство, говорит господство, а кто говорит господство, говорит эксплоатация), составляют основной лейтмотив всей бакунинской критики государства и повторяются им беспрестанно, вероятно, в силу правила его друга Прудона, который как-то заметил, что повторение есть сильнейшая риторическая фигура [3].

---

[1] Эти письма печатались в локльской газете «Progrés», редактируемой Гильомом, в 1869 году (№№ 6, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 17 и 19), и остались незаконченными. Перепечатаны в I томе сочинений Бакунина (Paris 1895 г.). Русский перевод 8 первых писем напечатан в «Историческом развитии Интернационала», стр. 98—135, а затем в I томе «Избранных сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда», М. 1920 г.

[2] «Ouevres», том V, стр. 74—75; ср. том II, стр. 38 («Les Ours de Berne et l'Ours de St.-Pétersbourg»).

[3] Это, впрочем, обычные анархические мысли. Всякое правительство есть зло, говорил Годвин; всякое государство есть деспотия, утверждал Штирнер; все политические партии — различные формы абсолютизма, уверял Прудон, и т. д.

«Политическое государство имеет только одну миссию — протежировать эксплоатацию народного труда экономически привелигированными классами, и власть государства может быть совместимой только с исключительной свободой этих классов, интересы которых оно представляет, и по той же причине эта власть должна быть противной свободе народа. Кто говорит государство или власть, говорит господство, но всякое господство предполагает существование масс, подверженных этому господству. Государство, следовательно, не может иметь доьерия к самочинному действию и свободному движению масс, наиболее дорогие интересы которых противны его существованию. Оно является их естественным врагом, необходимым угнетателем и, постоянно боясь в этом признаться, должно всегда действовать как таковое» [1]. Государство есть не что иное, как гарантия всех форм эксплоатации в пользу незначительного числа привилегированных счастливцев и в ущерб народным массам. Оно пользуется коллективной силой всех для обеспечения счастья, благополучия и привилегий некоторых в ущерб человеческому праву всех. Это — учреждение, где меньшинство играет роль молота, а большинство — роль наковальни.

Имущие и управляющие классы решительно не могут удовлетворить народных стремлений и требований. «Поэтому остается одно средство — государственное насилие, одним словом, государство, потому что государство именно и значит насилие, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае бесцеремонного и откровенного» [2]. Государство немыслимо без рабства. «Рабство может менять форму и название, но сущность его остается неизменной. Эту сущность можно выразить в следующих словах: быть рабом значит работать на другого, а быть господином значит жить чужим трудом. В древности, как теперь в Азии, в Африке и отчасти в Америке, рабы просто-напросто так и называются рабами. В средние века они получили название крепостных, а теперь их называют наемными рабочими. Последние находятся в гораздо более достойном и менее тяжелом положении, чем рабы, но тем не менее голод, а также политические и социальные учреждения заставляют их содержать своим крайне тяжелым трудом других, предающихся полной или относительной праздности. Следовательно, они рабы. И в общем ни одно государство, античное или новейшее, никогда не могло и никогда не

---

[1] «Кнуто-Германская Империя», СПБ. 1907 г., стр. 44. — Ср. Прудона: «Управление человека человеком это рабство» («Confessions d'un révolutionnaire», Paris 1850 г., стр. 24).

[2] «Государственность и Анархия», стр. 27.

сможет обходиться без принудительного труда наемных или рабских масс, как без главного и абсолютно необходимого основания досуга, свободы и цивилизации политического класса: граждан. В этом отношении Соединенные Штаты Северной Америки также не составляют исключения» [1].

Государство есть не что иное, как урегулированное и систематизированное господство и эксплоатация [2]. Эксплоатировать и управлять, это — одно и то же, одно дополняет другое и в конечном счете служит ему средством и целью; эксплоатация и управление составляют две неразделные стороны того, что называют политикой: «эксплоатация это — видимое тело, а правительство это — душа буржуазного режима» [3]. Ни одно историческое государство не имело своим основанием договора, как учат некоторые теоретики; все они были основаны путем насилия, путем завоевания [4]. С возникновением государства общество делится на две категории («чтобы не сказать на два класса», прибавляет Бакунин): на управляющее меньшинство и управляемое большинство [5]. Неправда также, будто государство обеспечивает свободу, как уверяют его апологеты. Напротив, свобода и власть взаимно исключают друг друга, и всякая политическая власть, каковы бы ни были ее источник и ее форма, необходимо стремится к деспотизму [6]. Государство ограничивает свободу отдельных лиц, союзов, общин, провинций и областей, связывая их в насильственное единство: «государство это — принудительный брак, и мы поднимаем против него стяг свободного сожительства». Даже политический республиканизм необходимо приводит к деспотизму [7].

Может ли помочь горю конституция или демократия? спрашивает Бакунин и отвечает: ни в каком случае; конституция бессильна против факта эксплоатации, а демократическое государство — совершенно противоречивое понятие. «Тут ничего не сделает даже самая широкая демократическая конституция, потому что факт экономический всегда сильнее политических прав, которые имеют смысл и действительность, только поскольку они на нем опираются. Да, наконец, самые слова: равенство политических прав или демократическое государство заклю-

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 157.
[2] Ibid., стр. 174.
[3] Ibid., стр. 324—325.
[4] Ibid., стр. 266.
[5] Ibid., стр. 175.
[6] «Oeuvres», том II, стр. 34—35.
[7] «Oeuvres», том IV, стр. 384—385.

чают в себе вопиющее противоречие. Государство, государственное или политическое право означают силу, власть, преобладание, предполагают фактическое неравенство. Где управляют все, там нет более управляемых, нет государства; где все пользуются одинаково человеческим правом, там все политические права упраздняются сами собою. Политическое право означает привилегию, но где все равно привилегированы, там привилегия исчезает, а с нею и политическое право обращается в ничто. Поэтому слова: демократическое государство и равенство политических прав, означают ни более ни менее, как уничтожение государства и упразднение всех политических прав»[1].

На-ряду с глубокими мыслями здесь содержатся самые неправильные утверждения. Беда Бакунина заключается в том, что он всегда рассуждает метафизически, по методу: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого». Диалектика исторического процесса ускользает от его внимания, несмотря на то, что он когда-то был гегельянцем. Отсюда вытекает и его огульно отрицательное отношение к политической свободе и к конституции [2], даже самой демократической; из того, что она бессильна сама по себе, самым фактом своего существования устранить экономическое неравенство, он готов вообще отвергнуть всякую конституцию и оспаривает всякое ее значение, забывая то, что он сам говорил о значении политической свободы (см. выше). «Нужно быть ослом, невеждою, сумасшедшим,— энергически говорит он относительно России, — чтобы вообразить себе, что какая-нибудь конституция, даже самая либеральная и самая демократическая, могла бы изменить к лучшему это отношение государства к народу; ухудшить, сделать его еще более обременительным, разорительным, пожалуй, хотя и трудно, потому что зло доведено до конца, но освободить народ, улучшить его состоя-

---

[1] «Всесветный союз», стр. 8. — Вернее всего, он здесь просто плохо выразил свою мысль: демократическое государство и политическое равенство отнюдь не равносильны уничтожению государства, ибо они вовсе не уничтожают экономического неравенства и существования борющихся классов. Только уничтожение экономического неравенства и классового деления общества поведет к уничтожению государства в современном смысле этого слова. Впрочем, Бакунин и сам неоднократно развивал эту мысль.

[2] Любопытно, что в 1848 году Прудон «вотировал против конституции потому, что это — конституция», а в республике «конституция — вещь совершенно ненужная» (Письмо его в «Moniteur» от 4 ноября 1848 года, перепечатано в «Confessions», стр. 180 — 181). Но это совершенно из другой оперы.

ние — это просто нелепость. Пока существует империя, она будет заедать наш народ» [1].

Несмотря на решительность стиля, это рассуждение Бакунина не выдерживает даже самой снисходительной критики по той простой причине, что в самой постановке вопроса он незаметно для себя совершает две колоссальные ошибки. Никто из социалистов никогда и не думал утверждать, что конституция, хотя бы самая радикальная, сама по себе могла бы устранить классовое деление и эксплоатацию человека человеком. Вопрос может итти только о том, облегчает ли в известных условиях политическая свобода организацию трудящихся масс и борьбу как за конечный идеал экономического равенства, так и за устранение наиболее вопиющих форм эксплоатации, угнетения и т. д. Вот против этих-то пунктов Бакунин и должен был бы направить острие своей критики, а не ограничиваться бесконечными вариациями на ту тему, что даже при демократической республике сохраняются экономическая эксплоатация и известные формы политического гнета: ведь это составляет азбуку социализма. Во-вторых, в борьбе за политическую свободу речь идет не об изменении отношения государства к народу, а, наоборот, народа к государству. Должен ли народ, употребляя этот слишком общий и неточный термин Бакунина, оставаться безоружным по отношению к государству или, точнее, к господствующему в данный исторический момент классу, или же он, лучше сказать угнетенный и эксплоатируемый класс, должен добиваться таких политических условий, при которых он не был бы абсолютно беспомощен перед лицом всемогущего Левиафана? Вот в чем вопрос, которого Бакунин почти не касается, и который он почти постоянно обходит. Чернышевский, который не хуже Бакунина сознавал недостаточность и ограниченность конституционных свобод, не делал из этого вывода в пользу политического индиферентизма или презрительного отрицания политической борьбы. «Конечно, — говорил он, — форма вещь ненадежная. Можно при всяких формах выстроить крепкий острог для трудолюбивого земледельца. С другой стороны, быть может, и хорошо, что формы ненадежны. При них всегда возможна борьба партий и победа одной партии другою, — и на практике победа всегда прогрессивная. Страшнее всего — бесформенное чудовище, всепоглощающий Левиафан». Чернышевский еще прежде говорил, что не так бы пошла история нашей родины, если бы при воцарении

[1] «Государственность и Анархия», стр. 74—75. Ср. ibidC., стр. 13, доказательство той мысли, что капитализм прекрасно уживается с представительной демократией.

Анны партия верховников восторжествовала. Ни одна партия не может не делиться властью ради своего же собственного спасения... При власти партий все же более вероятности сделать что-нибудь в пользу народа, чем при отсутствии всяких политических форм, а следовательно, и всякой возможности предпринять что либо в указанном направлении [1].

Совершенно забыв, что он прежде говорил об относительных преимуществах демократии, Бакунин в своей четвертой речи на Бернском конгрессе Лиги мира утверждал, что «нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы». Абсолютистское государство только делает цинически то, что другие совершают под покровом лицемерия, и оно «составляет по своему открытому деспотическому и презрительному отношению к человечеству тайный идеал, к которому стремятся и которым восторгаются все государственные люди Европы» [2]. Более того, в некоторых отношениях республика даже хуже. «Гамбеттовское государство будет столь же притеснительно и разорительно для народа, как и все его более откровенные, но не более насильственные предшественники; и именно потому, что оно будет облечено в широкие демократические формы, оно сильнее и гораздо вернее будет гарантировать хищному и богатому меньшинству спокойную и широкую эксплоатацию народного труда. Как государственный человек новейшей школы, г. Гамбетта нисколько не боится ни самых широко-демократических форм, ни права поголовного избирательства. Он лучше всякого знает, как мало в них ручательств для народа и как много, напротив, для эксплоатирующих его лиц и классов; он знает, что никогда правительственный деспотизм не бывает так страшен и так силен, как тогда, когда он опирается на мнимое представительство мнимой народной воли» [3]. Ибо «деспотизм заключается не столько в форме государства или власти, сколько в самом принципе государства и политической власти, и, следовательно, республиканское государство должно быть по своей сущности столь же деспотичным, как государство, управляемое императором или королем». Между этими го-

---

[1] Шаганов — «Чернышевский на каторге и в ссылке», стр. 28—29. Ср. нашу книгу «Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность», Спб. 1909, стр. 381—382.

[2] «Историческое развитие Интернационала», стр. 364—365. Ср. ibid., стр. 113: «Российская империя есть самое высшее выражение государства, государство без фраз, без риторики, словом — самое совершенное государство Европы». Впоследствии, после франко-прусской войны, Бакунин прибавил сюда примечание: «В настоящее время всегерманское государство перещеголяло всероссийское».

[3] «Государственность и Анархия», стр. 28 (заграничного издания).

сударствами имеется одно только реальное различие. Монархия, которая в наше время всюду фатально идет по пути превращения в военную диктатуру, не предоставляет свободы ни одному классу, даже тому, интересам которого она служит; республика же допускает буржуазию к действительному управлению делами страны: «отсюда и вытекает, что республиканское государство так же притеснительно, как и государство монархическое, только вовсе не по отношению к владельческим классам, а всецело по отношению к народу» [1].

Так называемое «народное государство» (Volksstaat), о котором тогда говорили немецкие социал-демократы, такой же обман, как и всякое другое. «Государство, называйся оно десять раз народным и будь оно разукрашено наидемократичнейшими формами, для пролетариата будет непременно тюрьмой» (для славян же оно, по мнению Бакунина, означало бы еще добровольное подчинение немецкому игу, «а это противно всякому славянскому сердцу») [2]. «Никакой политический парламент, даже самый республиканский, хотя бы он весь состоял из работников, не в силах дать народу свободу действительную» [3].

Во всех государствах в действительности управляет меньшинство [4]. Суверенитет народа («слово, — прибавляет Бакунин, — которое мы, впрочем, ненавидим, потому что, на наш взгляд, всякий суверенитет отвратителен»), самоуправление масс, все это — фикция, даже в самых демократических государствах, даже в швейцарской республике [5]. «Народ суверенен по праву, но не на деле, так как, неизбежно поглощенный своим повседневным трудом, не оставляющим ему совершенно свободного времени, и если не совершенно невежественный, то во всяком случае стоящий по образованию гораздо ниже буржуазного класса, он принужден вручать этому последнему свой мнимый суверенитет. Един-

---

[1] «Кнуто-Германская Империя», стр. 44—46.

[2]) «Государственность и Анархия», стр. 60. — Ср. «Бог и Государство», стр. 32.

[3] «Всесветный союз», стр. 59. — По мнению Бакунина, созыв Учредительного собрания был вернейшим средством парализовать революционные стремления французского народа («Кнуто-Германская Империя», стр. 90). По отношению к Франции 1871 года это было справедливо, по крайней мере, поскольку речь шла о суб'ективных намерениях правящих элементов; но оно не помешало провозглашению Коммуны. Точно так же это было справедливо по отношению к России 1917 и последующих годов; но пролетариат сумел противопоставить идее Учредительного собрания не анархию, которая погубила бы революцию, а советскую власть, диктатуру пролетариата, рабочее государство, которое и обеспечило победу социальной революции.

[4] «Oeuvres», том I, стр. 172.

[5] Ibid., стр. 173.

ственная выгода, которую он извлекает из этого суверенитета в Швейцарии или в Соединенных Штатах Северной Америки, сводится к тому, что честолюбивое меньшинство, политические классы не могут здесь иначе достигнуть власти, как заигрывая с народом, льстя его мимолетным, иногда весьма дурным страстям и чаще всего обманывая его».

Политическое равенство, если только оно не имеет своим базисом экономическое и социальное равенство, такая же фикция [1]. В демократическом государстве все совершеннолетние граждане, не осужденные за уголовное преступление, на словах обладают всеми политическими правами и могут выполнять все общественные функции, к которым их призовет доверие сограждан. В действительности ничего подобного не бывает: для подавляющего большинства все эти мнимые политические права представляют простой обман — прежде всего ввиду невежества масс. Для выполнения государственных функций, а особенно высших, требуется известная степень образования. Народ же совершенно лишен этого образования, правда, не по своей вине, а в силу неблагоприятного социального положения. А отсюда вытекает, что образованное меньшинство всегда будет управлять невежественными массами. На это возражают, что народ сумеет разобраться и облечь своим доверием лучших и достойнейших. Но это неправда: народ совершенно неспособен разбираться, во-первых, потому, что он лишен образования, нужного для различения добра и зла, а, во-вторых, потому, что он не располагает необходимым досугом для ознакомления с кандидатами, ищущими его голосов. Вдобавок эти кандидаты принадлежат к совершенно чуждому для него кругу; они кокетничают с суверенным народом лишь в момент выборов, а затем, добившись избрания, поворачиваются к нему спиной. Да, наконец, как бы они ни были лично порядочны, они по всему своему миросозерцанию и интересам принадлежат к привилегированному эксплоатирующему классу и, естественно, будут защищать его привилегии и стремиться к удержанию народа в вечном рабстве [2]. Таким образом политическое равенство такая же ложь, как и равенство юридическое,— равенство перед законом. Законы сочиняются буржуазией для буржуазии и направлены против народных масс.

Такой же ложью является мнимый контроль народа над деятельностью его избранников. В действительности нигде в Европе реального

---

[1] «Oeuvres», том V, стр. 323 и сл.; ср. «Историческое развитие Интернационала», стр. 60 и сл.; «Oeuvres», том II, стр. 40—41; том V, стр. 324—330.

[2] См. Прудона: «Почему это почтенные буржуа, составляющие средний класс, лучше меня самого способны понять мои истинные интересы?» («Idée générale», стр. 144).

контроля со стороны народа над представительными учреждениями не существует [1]. Вся ложь представительной системы основывается на той фикции, что власть и законодательная палата, вышедшие из народного избрания, непременно должны или даже могут представлять подлинную народную волю. В действительности же они представляют только волю и интересы господствующего меньшинства, которое обладает богатством, досугом и образованием. Масса же абсолютно лишена возможности контролировать политическую деятельность своих избранников. Референдум, якобы долженствующий выяснить действительную народную волю, является таким же паллиативом, такою же иллюзией, такою же ложью, так как народ решительно не в состоянии сознательно отнестись к вопросам, предлагаемым ему в форме референдума. Вопросы общегосударственного значения от него ускользают; вот почему коммунальные выборы всегда бывают более удачными и точнее соответствуют чувствам, интересам и желаниям народа. Единственною формою народного контроля, единственным ограничением произвола господствующих классов служат революции, постоянная возможность народных восстаний и спасительный страх, который они внушают правителям (речь идет о Швейцарии).

А всеобщее избирательное право? Ложь, иллюзия, фикция, обман, фокус-покус, как и все остальное. «Признаюсь вам откровенно,— пишет Бакунин, — я вовсе не разделяю педантичного преклонения ваших радикальных буржуа и ваших буржуазных республиканцев перед всеобщим избирательным правом. В другом письме я изложу вам основания, позволяющие мне не восторгаться им. Пока будет достаточно высказать здесь в качестве принципа истину, которая представляется мне неоспоримой, и которую мне нетрудно будет ниже доказать как теоретически, так и с помощью многочисленных фактов, взятых из политической жизни всех стран, имеющих теперь демократические и республиканские учреждения. Истина эта заключается в следующем: всеобщее избирательное право, доколе оно будет существовать в обществе, в котором народ, рабочие массы будут в экономическом отношении подвластны владельческому меньшинству землевладельцев и капиталистов, как бы, впрочем, независимы или свободны ни были или, вернее, ни казались эти массы в политическом отношении,— такое право сможет дать только призрачные анти-демокра-

[1] «Les Ours de Berne», — «Oeuvres», том II, стр. 36 и след.

тические и совершенно противоположные нуждам, наклонностям и реальному желанию населения выборы»[1].

Бакунин ссылается на все выборы и плебисциты во время Второй Империи. Он признает, что в эту эпоху народное голосование не было свободно; но ведь выборы 1848 года в Конституанту, президентские выборы и, наконец, майские выборы 1849 года в Законодательное Собрание были произведены без всякого административного давления или официального вмешательства, и, однако, они доставили торжество реакции. Бакунин ссылается на Прудона, который говорит: «Одним из первых актов Временного Правительства, которым оно особенно гордилось, было введение всеобщего избирательного права. В тот самый день, когда декрет был обнародован, мы писали следующие слова, которые могли тогда сойти за парадокс: Всеобщее избирательное право есть контр-революция. Можно судить по событиям, ошибались ли мы. Выборы 1848 года были произведены в громадном большинстве попами, легитимистами, приверженцами династии, — всем, что только есть во Франции реакционного, наиболее ретроградного. Это и не могло быть иначе»[2]. Не могло, прибавляет Бакунин, и не может быть иначе до тех пор, пока общество будет построено на началах экономического неравенства, пока оно будет оставаться разделенным на два класса, «из которых один класс, эксплоатирующий, привилегированный, будет пользоваться всеми преимуществами богатства, просвещения и досуга, а другой, заключающий всю массу пролетариата, будет иметь в удел убийственную и принудительную ручную работу, невежество, нужду и их неизменного спутника — рабство, не правовое, а фактическое».

Сельский и городской пролетариат не может противостоять интригам клерикальной, дворянской и буржуазной политики. Для своей защиты он имеет только одно оружие, а именно — свой инстинкт, почти всегда влекущий его в сторону справедливости и правды. Но инстинкт, справедливо прибавляет Бакунин, оружие недостаточное для предохра-

---

[1] «Кнуто-Германская Империя», стр. 33 и сл. — Ср. «Oeuvres», том VI, стр. 85: «Ce tour de passe-passe qu'on appelle le suffrage universel» («этот фокус-покус, называемый всеобщим голосованием»).

[2] Эта тирада, приводившая в восторг Бакунина, была напечатана в № 28 прудоновской газеты «Le Répresentant du Peuple» от 29 апреля 1848 года (перепечатано в прудоновских «Mélanges», том I, стр. 15). Слова: «всеобщее избирательное право есть контр-революция» встречаются у Прудона в «Solution du problème social».

нения пролетариата от реакционных махинаций привилегированных классов. «Инстинкт, предоставленный самому себе, и поскольку он не трансформировался еще в продуманное сознание, ясно определившуюся мысль, легко дает себя сбить с пути, совратить и обмануть. Но он не может возвыситься до этого сознания самостоятельно, без помощи просвещения, науки; а науки, знания дел и людей, политической опытности — всего этого совершенно нет у пролетариата [1]. Следствие вывести легко: пролетариат хочет одного; ловкие люди, пользующиеся его невежеством, заставляют его делать другое, и он не подозревает даже, что делает как раз обратное тому, чего хочет; а когда он, наконец, осматривается, уже обыкновенно слишком поздно для исправления сделанного зла, первой и главной жертвой которого естественно, необходимо и всегда является он» [2].

Бакунин чувствует, что его огульная критика всеобщего избирательного права способна возбудить такие же недоразумения, как и критика государственного принципа. И вот он пытается рассеять эти возможные недоразумения. «Значит ли это, — говорит он, — что мы, социалисты-революционеры, не хотим всеобщего избирательного права и предпочитаем ему или ограниченное избирательное право, или деспотизм одного лица? Ничуть не бывало. Мы утверждаем лишь, что всеобщее избирательное право, рассматриваемое само по себе и функционирующее в обществе, основанном на социально-экономическом неравенстве, никогда не будет для народа иным чем, как ловушкой; что со стороны буржуазных демократов оно никогда не будет иным чем, как возмутительной ложью, вернейшим орудием для того, чтобы под вывеской либерализма и справедливости упрочить вечное господство эксплоатирующих и владельческих классов в ущерб народным интересам и народной свободе.

«Мы, следовательно, отрицаем, чтобы всеобщее избирательное право было орудием, которым народ мог бы воспользоваться для завоевания экономической и социальной справедливости или равенства; ибо, как я доказал, всеобщее избирательное право, осуществляемое народом не в условиях равенства и справедливости, а в условиях неравенства и несправедливости, царящих в современном обществе, в обстановке на-

---

[1] Вспомним, что Бакунин говорил о недоступности науки для народа при современных социально-политических условиях (см. выше).

[2] «Кнуто-Германская Империя», стр. 35—36. — На выборах решают дело глупцы или мошенники, говорил Годвин, имея в виду английскую избирательную систему (при господстве гнилых местечек); он мог бы сказать это и позже — после всех избирательных реформ.

родной зависимости и невежества, составляющих его естественный и фатальный результат, необходимо и всегда приведет к голосованию, противному интересам народа и благоприятному только для интересов и для господства буржуа.

«Исходя из этого, мы утверждаем, что так называемые социал-демократы, которые в тех странах, где еще нет всеобщего избирательного права, стараются убедить народ, что он должен завоевать его прежде всего, как это делают теперь вожди социал-демократической партии в Германии, говоря ему, что политическая свобода есть предварительное условие его экономического освобождения, — или сами являются жертвами плачевного заблуждения, или же обманывают народ. Разве они действительно не знают или притворяются незнающими, что эта предварительная политическая свобода, т.-е. необходимо существующая вне социально-экономического равенства, так как она должна будет ему предшествовать, будет по существу свободой буржуазной, т.-е. основанной на экономическом рабстве народа, а следовательно, неспособной произвести свою противоположность и создать то социально-экономическое равенство, которое предполагает уничтожение исключительной свободы буржуа?» [1].

Но почему, спрашивает Бакунин, предвидя возможное возражение, почему народ не может посылать в законодательные собрания и в состав правительства своих людей, людей из народа? На это он отвечает двумя аргументами. Во-первых, говорит он, люди из народа, принужденные жить трудом своих рук, не имеют времени на то, чтобы предаться исключительно политике; а так как они, вдобавок, в большинстве случаев незнакомы с теми политическими и экономическими вопросами, которые разрешаются в этих высоких сферах, то они почти всегда будут одурачены буржуазными политиканами и адвокатами. А во-вторых, — и это еще более серьезный довод, — достаточно будет этим людям народа попасть в ряды правителей, чтобы немедленно проникнуться всеми предрассудками и недостатками господствующих классов, превратиться, в свою очередь в буржуа, иногда даже более гнусных и с бо́льшим презрением относящихся к простонародной массе, из которой они вышли, чем даже буржуа по рождению. Этот аргумент Бакунин повторяет так же часто и упорно, как довод от народного невежества. В своей полемике с социал-демократической программой, которую он всегда отождествляет с коммунистической, он, воображая, что марксисты мечтают об управлении большинства народных масс каким-то приви-

---

[1] «Manuscript redigé a Marseille», — «Oeuvres», том IV, стр. 195—197.

легированным меньшинством, и что в оправдание своего притязания они ссылаются якобы на то, что это меньшинство будет состоять из рабочих, возражает: «Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усумниться в этом, тот совсем незнаком с природою человека» [1].

И здесь, по мнению Бакунина, дело не просто в измене, как полагает ходячее об'яснение. Это — ошибка; главной причиной таких превращений является изменение перспективы и положения: очутившись в роли народных представителей и правителей, вчерашние рабочие, даже оставаясь совершенно искренними, начинают иначе смотреть на вещи, иначе оценивать события и отношения. «Уверенный в этой истине, я не боюсь высказать то убеждение, что если завтра были бы учреждены правительство и законодательный совет, парламент, составленные исключительно из рабочих, то эти рабочие, которые сегодня являются ярыми социал-демократами, послезавтра превратились бы в определенных аристократов, в смелых или робких поклонников принципа власти, в угнетателей и эксплоататоров» [2]. Ибо государственная, внечеловеческая, а потому и противочеловеческая мораль не является продуктом одной только испорченности людей, выполняющих политические функции. Можно сказать, наоборот, что испорченность этих людей представляет естественное, необходимое последствие самого государственного института [3]. Вот почему народ, по мнению Бакунина, инстинктивно ненавидит всякую власть и всякого господина. «Природа человека такова, что, если ему дают возможность делать зло, т.-е. питать свое тщеславие, свое честолюбие, свою жадность на чужой счет, он это будет делать. Мы, конечно, искренние социалисты и революционеры: ну, и вот, если бы мы были облечены властью и сохранили ее в течение каких-нибудь месяцев, мы перестали бы быть тем, что мы есть теперь. В качестве социалистов мы убеждены, что социальная среда, положение, условия су-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 217.

[2] «Oeuvres», том II, стр. 39.

[3] Ibid., стр. 62. — Ср. Прудона: «Раз добравшись до власти, все люди одинаковы. Они всегда проявляют то же властное рвение, то же недоверие к народу, тот же фанатизм порядка». И далее он ссылается на пример Луи Блана в 1848 году («Les confessions d'un révolutionnaire», стр. 71). «Страх перед народом, это — беда всех, принадлежащих к власти; для власти народ — враг» (ibid., стр. 126).

ществования более могущественны, чем разум и воля самого сильного и самого решительного человека, и именно потому мы требуем не естественного, а общественного равенства личностей, как условия справедливости и основы нравственности; и именно потому же мы ненавидим власть, всякую власть, как ее ненавидит и народ» [1].

Нет ничего опаснее для частной морали человека, говорит Бакунин, чем привычка повелевать. «Самый хороший, самый умный, самый бескорыстный, самый благородный, самый чистый человек неминуемо и всегда будет портиться этим ремеслом. Эта деморализация обязательно проводится двумя чувствами, присущими власти: презрением к народным массам и преувеличением своих собственных достоинств» [2]. Вина в этом падает не на всю природу, а на социальную среду [3].

Во всех этих рассуждениях Бакунина истина теснейшим образом переплетена с заблуждениями. И ошибки Бакунина вытекают из двух источников: во-первых, из того, что над его воображением властвуют воспоминания о революционных событиях 1848 года, притом неправильно понятых, а, во-вторых, из того, что он почти постоянно оперирует с совершенно неопределенным и социологически не выдерживающим критики термином «народ». Этим понятием оперировали, с одной стороны, социалисты старых школ до Маркса, а с другой — буржуазные демократы, которые сознательно или бессознательно избегали расчленения этого сложного понятия. Выступая якобы от имени всех непривилегированных классов общества, при чем многие из них искренно думали, что их демократическая программа способна дать удовлетворение стремлениям всех этих классов, буржуазные демократы не могли да и не хотели вдуматься в содержание этого понятия. Что касается социалистов-утопистов, выступивших в такую историческую эпоху, когда пролетариат не успел еще достаточно определенно выделиться из общей массы трудящихся и эксплоатируемых, они, естественно, не понимали его исторического призвания и его специфического положения в буржуазном обществе. Бакунин, который и в этом отношении не отделался от традиции сороковых годов, также не давал себе труда углубляться в понятие народ и, как мы увидим ниже, употреблял этот термин то в смысле пролетариат, то в смысле крестьянство, а то и в обоих смыслах

---

[1] «Oeuvres», том VI, стр. 343—344. — Ср. Прудона, который замечает: «Notre ennemi c'est notre maître!» (Наш враг — это наш господин), сказал человек из народа par excellence, старый Лафонтен» («Confessions», стр. 70).

[2] «Oeuvres», том I, стр. 176.

[3] «Можно было бы сказать, что власть превращает умных людей в дураков», — замечает Прудон («Confessions», стр. 77).

вместе. Отсюда проистекал целый ряд его ошибок, в частности и критика политической борьбы и всеобщего избирательного права.

Да, действительно всеобщее избирательное право, особенно в первые моменты своего применения, принесло ряд сюрпризов, но для кого? Для тех, кто не мог или не хотел стать на классовую точку зрения, и кто возлагал на этот институт такие надежды, каких он не мог оправдать, да еще сразу. Вот как Маркс оценивает результаты выборов в Конституанту 1848 года, которые так поразили буржуазных демократов и дали возможность Прудону щеголять своей мнимой проницательностью:

«4 мая открылось Национальное Собрание, избранное прямой и всеобщей подачей голосов. Всеобщее избирательное право не проявило той магической силы, которую ему приписывали старомодные республиканцы. Во всей Франции — или, по крайней мере, в большинстве французов—они видели граждан (citoyens) с одинаковыми интересами, взглядами и т. д. Таков был у них культ народа. Но вместо их воображаемого народа выборы в ярком освещении показали настоящий народ, т.-е. представителей различных классов, на которые он распадается. Мы видели, почему крестьяне и мелкие буржуа должны были выбирать под руководством воинственно настроенной буржуазии и жаждущих реставрации крупных землевладельцев. Но если всеобщее избирательное право не оказалось тем волшебным жезлом, каким его считали прекраснодушные республиканцы, то его заслуга была несравненно выше: оно сбрасывало все путы с классовой борьбы, заставляло различные промежуточные слои буржуазного общества быстро пережить и изжить свои иллюзии и разочарования, одним взмахом бросало все фракции эксплоатирующего класса на вершину государственной власти и таким образом срывало с них обманчивую маску, тогда как монархия со своим цензом вела к тому, что компрометировались только определенные, отдельные фракции буржуазии, а остальные скрывались за кулисами, окруженные ореолом общей оппозиции» [1].

Таков социологический анализ, показывающий и выясняющий, почему всеобщее избирательное право проявляет определенное действие в ту или иную историческую эпоху, под влиянием тех или иных социально-политических факторов. Не довольствуясь упрощенными рационалистическими об'яснениями, вроде народной глупости или народного невежества, он показывает, почему тот или другой класс голосует так или иначе под влиянием своих, в той или иной степени сознанных

---

[1] Маркс — «Собрание исторических работ», изд. Скирмунта, стр. 27—28.

интересов. Такая точка зрения не оставляет места для неосновательных иллюзий, не позволяет ожидать внезапных чудес и вообще не позволяет превращать всеобщее голосование в какой-то фетиш и предмет поклонения, но зато она в то же время предохраняет от столь же неосновательного пессимизма и разочарования в учреждении, которое, будучи сегодня орудием порабощения, завтра, под влиянием новых исторических условий, может и должно превратиться в орудие освобождения, — во всяком случае в орудие организации пролетариата, в орудие очищения его сознания от предрассудков, прививаемых ему капиталистическим режимом. Правда, и Бакунин иногда как бы делает попытку классового анализа, когда, после общего и голословного отрицания всеобщего избирательного права, вдруг вспоминает о «грубом невежестве французского крестьянина» [1], которым пользуется реакция, но классовый анализ остается у него в зачаточном состоянии, и он сейчас же возвращается к своему излюбленному понятию «народ» и начинает доказывать, что этот народ никогда не может вотировать иначе, чем вотировал в 1848 году, и что он совершенно неспособен и никогда не будет способен к политической деятельности, к защите своих интересов на политической почве, а всегда останется игрушкой в руках политиканов из господствующих классов.

Говоря о выборах во франкфуртский парламент, Бакунин замечает: «И вдруг к общему изумлению с самых первых дней оказалось, что, по крайней мере, три четверти депутатов, вышедших прямо из всеобщего народного избирательства, реакционеры!» [2]. Уж будто к общему? Кажется, Маркс не очень-то этому изумлялся. Да и вольно же предаваться «изумлению» вместо того, чтобы продумать и понять такой якобы неожиданный результат, в действительности же вполне естественный, вполне соответствующий условиям данной исторической эпохи, политическим и социальным отношениям тогдашней Германии, материальному и умственному состоянию отдельных классов германского народа и т. д. Все это нужно социологически анализировать и понять, а не отвергать огульно всеобщее избирательное право из-за того, что оно с первого применения дало неожиданные или изумительные результаты.

То же самое можно сказать и о других тезисах Бакунина, приводящих его к столь решительному и безоговорочному отрицанию политики. Положение, гласящее, что избранники народа выражают действи-

---

[1] «Кнуто-Германская Империя», стр. 36.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 182—183.

тельную народную волю, Бакунин об'являет фикцией. Но фикция ли это? И да, и нет! Конечно, парламентские представители сплошь и рядом, и особенно в первое время функционирования представительной системы, не выражают интересов и стремлений народа, если под ним разуметь сознательные элементы трудящихся масс; конечно, крупные буржуа и помещики, выбираемые мелкими крестьянами и иногда даже рабочими, не могут считаться выразителями их интересов. Но это не значит, что они не выражают их воли. Пусть это будет воля глупая, несознательная, идущая вразрез с действительными интересами этих масс, но ведь все-таки эти массы выбирали данных представителей, а значит, и выразили свою волю в определенном направлении. Сегодня эта воля действует нелепо, во вред собственным интересам масс, но ведь история не стоит на одном месте, массы постепенно приходят к сознанию своих интересов и начинают проявлять свою волю в совершенно иной форме. Те самые французские массы, которые во время революции 1848 года и Второй империи голосовали за представителей реакции (кстати, по совершенно определенным причинам, которые Маркс прекрасно выясняет), позже вотировали за радикалов и радикал-социалистов, т.-е. представителей мелкобуржуазной демократии, затем выбирали социалистов, а теперь начинают уже прислушиваться и к голосу коммунистов. То же самое имеет место в Германии, где выборы 1848 года так «изумили» прекраснодушных демократов, ожидавших от первого голосования немецкого народа чуть ли не немедленного водворения демократической германской республики. И здесь народ, который, по мнению Прудона и Бакунина, якобы не может вотировать иначе, как за своих врагов и эксплоататоров, в обстановке современного общества, на самом деле с каждым годом стал обнаруживать, что его воля начинает все более соответствовать его интересам.

Но есть и другая сторона вопроса, на которую Бакунин также не обратил внимания. Из того, что члены буржуазных парламентов не выражали народную волю так, как *он* ее понимал, Бакунин делал вывод, что они вовсе не представляют действительную народную волю. Но ведь это совершенно неверно. Либеральные члены парламента представляют подлинную волю буржуазного «народа», радикальные — настоящую волю мелко-буржуазного «народа», реакционные—самую что ни на есть действительную волю помещиков, духовенства, крупного крестьянства и т. п. Бакунину (да и нам) это не нравится, но ведь остается фактом, что, кроме того народа, о котором он думает, т.-е. сознательных элементов пролетариата и небольших кучек революционной интеллигенции, имеется еще другой народ, который и выражает в своем голосовании

свою данную, исторически обусловленную волю. С изменением исторических условий эта воля может меняться, и тогда меняется характер парламентского представительства, ее выражающего. Личности обманываются, классы никогда, т.-е., с точки зрения исторического процесса, могут обманываться и классы, могут неправильно понимать свои интересы; но так или иначе эти стремления и интересы они выражают. И заслуга представительной системы как раз и заключается в том, что она дает возможность проявиться действительным стремлениям, действительному сознанию (совершенному или несовершенному, — это другой вопрос) этого «народа», т.-е. этих определенных реальных классов общества, и в этом смысле служит могучим импульсом к их самоопределению и самосознанию. Конечно, при современных условиях развитие сознания трудящихся масс задерживается, а воля их искажается в зависимости от экономического и политического давления, от различных ухищрений избирательных систем и т. д. Это — азбука социализма. Но и здесь всеобщее избирательное право и практика его могут при известных условиях послужить могучим орудием к развитию этого сознания и к растущей точности проявления их воли.

Несмотря на то, что он был старый гегельянец, диалектика общественного развития осталась для Бакунина совершенно чужда, и в своей критике государства и политики он рассуждает как настоящий метафизик. Политическое равенство — фикция; политические права — обман; контроль народа над своими представителями — ложь; всеобщее избирательное право — иллюзия и т. д. С одной стороны, это верно, и как раз социалистическая критика, особенно в лице коммунистов и в частности Маркса, вскрыла недостаточность и ограниченность всех этих институтов в рамках общества, построенного на базе экономического неравенства. В этом отношении Бакунин просто примыкает к общей социалистической традиции и ничего нового не говорит. Но что оригинально в его построениях, так это окоченелость, неподвижность, догматичность, метафизический характер его утверждений. Исторической эволюции, общественного развития, вечной игры живых социальных сил, растущих и изменяющихся в процессе творчества социальной жизни, для него не существует. Каждое явление имеет для него только одну сторону, в данном случае отрицательную. Все явления политической жизни — фикция и обман, всегда, во всякое время, при всякой исторической обстановке. На самом же деле это, конечно, не так. Политическое равенство, хотя в буржуазном обществе и является фикцией, вместе с тем может при определенных исторических условиях послужить и орудием социального

освобождения и просвещения. То же и всеобщее избирательное право и т. д.[1].

В своей критике всеобщего избирательного права Бакунин выступает, собственно говоря, не против коммунистов и даже не столько против социал-демократов тогдашней поры («эйзенахцев»), сколько против буржуазных демократов и отчасти против умеренных социалистов-государственников 40-х годов, вроде Луи Блана, которые действительно готовы были усматривать во всеобщем избирательстве чуть ли не социальную панацею и единственный путь освобождения пролетариата. В те времена, когда Бакунин писал свою критику против несбыточных надежд на всеобщее избирательное право, в увлечении последним можно было упрекнуть из социалистов только лассальянцев, у которых программа постепенного завоевания власти рабочим классом построена была почти единственно на систематическом использовании всеобщего избирательного права. Буржуазные же демократы вплоть до самых крайних, например, таких французских республиканцев, как Делеклюз, которые впоследствии примкнули к Парижской Коммуне, действительно готовы были по-старому чуть ли не преклоняться перед всеобщим избирательным правом, в котором они по демократической традиции видели вернейшее средство освобождения человечества.

Бакунин, вслед за Прудоном и другими анархистами, критиковал всеобщее избирательное право на основе печального опыта 1848 года и Второй империи. Этот опыт породил глубокое разочарование во всеобщем избирательном праве не только среди социалистов, но и среди многих демократов. Но не все социалисты на этом основании полностью забраковали всеобщее избирательное право, как и политическую свободу вообще, как это сделали анархисты в 50-х годах, а за ними Бакунин в 60-х годах. В частности коммунисты школы Маркса никогда особенно не увлекались этим институтом и не возлагали на него преувеличенных надежд. Именно потому им не пришлось впоследствии удариться в противоположную крайность и предать его безоговорочному проклятию. Они строили свой план революции не на постепенном приближении к власти путем использования всеобщего избирательного права (хотя при случае не зарекались от использования, в числе прочих, и этого института в интересах расширения и углубления пролетарской борьбы),

---

[1] В программе «Французской Рабочей Партии», выработанной при участии Маркса и Гэда, раскаявшегося бакуниста, некогда жестоко нападавшего на всеобщее избирательное право, о последнем говорится, что оно может и должно из орудия дурачения масс превратиться в орудие их эмансипации.

а на захвате власти путем восстания рабочих и путем установления пролетарской диктатуры, долженствующей отбить покушения контрреволюции и заложить основы социалистического строя (программа «Коммунистического Манифеста», в более смягченном виде содержащаяся и в «Учредительном Адресе» Интернационала). Так, например, Маркс и Энгельс полагали в начале 60-х годов, что пример наполеоновской Франции подрывает веру в революционное значение всеобщего голосования. Ссылаясь на пример Франции, Энгельс в 1865 году указывал, что правительство, располагающее вымуштрованной бюрократией и вышколенной прессою и опирающееся на отсутствие свободы печати и собраний, может в стране с преобладающим сельским населением организовать реакционные выборы. И они даже относились подозрительно к шумливо-рекламной агитации Лассаля в пользу всеобщего избирательного права. С другой стороны, и их антипод Бисмарк тоже надеялся, что всеобщее голосование обеспечит правительству консервативное большинство. Но эти вполне законные опасения, особенно естественные в ту эпоху при сравнительной малочисленности и неорганизованности рабочего класса, все же не приводили их к огульному отрицанию политики и всеобщего избирательного права. Они могли находить, что в ближайшем будущем всеобщее избирательное право даст скорее отрицательные, чем положительные результаты, но им чужда была уверенность Бакунина, что оно всегда останется орудием дурачения и порабощения трудящихся масс, и что последние никогда не сумеют воспользоваться им в своих интересах. Они могли протестовать против преувеличенных надежд Лассаля, который утверждал, что всеобщее избирательное право в самом непродолжительном времени приведет пролетариат к победе, но на этом основании они не исключали его из своего арсенала и не отсоветовали пролетариату бороться за политическое равенство. Тем более чуждо было им отрицание политической деятельности рабочего класса вообще. Такое более правильное отношение к вопросу облегчалось для них тем, что всеобщее избирательное право, вопреки утверждениям Бакунина, вовсе не занимало центрального места в их построениях, и что не на него они расчитывали в своих ожиданиях социальной революции.

Но Бакунин, выражавший настроение отсталых стран с преобладающим темным сельским населением и слабым, неразвитым пролетариатом, смотрел на эти вопросы иначе. Замечательно, что все его аргументы против участия пролетариата в политической борьбе заимствованы им из детского периода рабочего движения, который властно тяготел над его воображением. Такой характер имеют, напри-

мер, все его возражения против «рабочих кандидатур». Рабочие, говорит он, принужденные жить трудом рук своих, не имеют времени для исключительного занятия политикой. Но, во-первых, он забывает, что именно потому все рабочие партии и даже простые демократы требуют и во многих случаях добились уплаты жалованья членам парламента, освобождающей их от обязанности заниматься физическим трудом и дающей им возможность всецело посвятить свои силы защите народных интересов на политической почве. А, во-вторых, рабочий класс, который, в отличие от анархических теоретиков, далеко не так презрительно, как они, относится к своим политическим правам и желает иметь в парламенте своих собственных представителей, стал содержать их на свои средства там, где государство не выполняло своего элементарного долга: так действовали английские тред-юнионы и немецкая рабочая партия, выдавая жалование рабочим депутатам, когда в этих странах не существовало парламентской диэты. Конечно, это предполагает наличность сильных и богатых рабочих организаций, и первый аргумент Бакунина, связанный с зачаточным положением рабочего движения, отпадает и уничтожается с его дальнейшим развитием.

Такой же характер имеет второй его довод, что рабочие в большинстве случаев незнакомы с теми политическими и экономическими вопросами, которые разрешаются в парламентах, а потому они всегда будут тащиться в хвосте буржуазных политиканов. И этот аргумент явным образом подсказан Бакунину детством рабочего движения. В большинстве капиталистических стран, и в значительной мере как раз благодаря ненавистному для Бакунина участию пролетариата в политической борьбе, постепенно вырабатывается все более многочисленная и все более развитая рабочая интеллигенция, ни в чем не уступающая интеллигенции буржуазной, а в некоторых отношениях, в смысле практичности, деловитости, знания рабочей среды, ее психологии и ее нужд и особенно в смысле органической связи с выдвинувшей их рабочей массой, даже ее превосходящая.

Скажут: но именно эта-то рабочая интеллигенция, именно эта партийная бюрократия и оказалась рассадником, из которого вышли все ренегаты рабочего движения, предающие интересы пролетариата и увлекающие обманутые ими рабочие массы на служение интересам господствующих классов. Верно. И в этом отношении критика Бакунина сохраняет свою силу, поскольку она направлена против предвиденного им вырождения социал-демократических партий. Но она теряет всякую силу против партий коммунистических, не преклоняющихся перед бур-

жуазной цивилизацией, буржуазной государственностью и ее институтами, а умеющих использовать их в интересах социальной революции.

Очень многое из того, что Бакунин говорил по поводу демократического фетишизма, властвующего над умами многочисленных категорий пролетариата, по поводу буржуазного перерождения рабочей аристократии и рабочих представителей, по поводу влияния буржуазной государственности на рабочий класс, по поводу отрицательных сторон буржуазного парламентаризма и коалиции рабочих с буржуазией, — остается не только верным до сих пор, но и обнаруживает величайшую проницательность Бакунина, сумевшего уже в то время, в период отсутствия у пролетариата политических прав, предусмотреть те печальные явления, которые действительно сказались по мере завоевания рабочими политических прав и приобщения их к функционированию государственного аппарата буржуазного класса. Но ведь все эти отрицательные явления очень хорошо усматриваются и коммунистами, вовсе не делающими из них тех абстрактных и расслабляющих выводов, к которым вслед за Бакуниным приходят анархисты.

Нечего и говорить о том, что, увлекшись своей абстрактной и огульной критикой, Бакунин совершенно упустил из виду агитационное и организационное значение политической борьбы для пролетариата. А ведь в значительной мере только благодаря ей и могли создаться рабочие партии, без которых движение пролетариата обречено на стихийные вспышки и без которых социальная революция никогда не вышла бы из области благочестивых пожеланий. Правда, в его время это значение политической борьбы пролетариата было еще далеко не ясно за отсутствием опыта, а вдобавок Бакунин с самого начала отверг политическую организацию рабочих в партию, считая это уступкой буржуазной политике. Таким образом для него эта сторона вопроса вовсе не существовала.

Практика и здесь шла впереди теории, жизнь и здесь творила идею. Действительное развитие рабочего движения пошло большею частью не по тому пути, который предуказывался ему Бакуниным. Правда, многие из тех опасений, которые Бакунин высказывал по поводу участия рабочих партий в политической борьбе и особенно в парламентской деятельности, оправдались, но оправдались лишь в той мере, в какой капитализм вплоть до своего уничтожения и даже долгое время после того оказывает разлагающее действие на определенные категории рабочего класса, а подчас и на весь пролетариат в целом, в какой

развитие буржуазного общества, возбуждая, с одной стороны, дух революционного возмущения, с другой — воспитывает оппортунизм, приспособленчество и соглашательство в рядах пролетариата. Но, чего не предвидел Бакунин, *такое действие капитализм производит не только в области политической организации пролетариата, но и в области его профессиональной организации*, которую Бакунин считал гораздо более застрахованной от буржуазного перерождения.

Не подлежит сомнению, что политическая и в частности парламентская деятельность рабочих, оторванная от общей пролетарской борьбы, способна действовать растлевающим образом, воспитывать соглашательские настроения и моментами превращаться в самоцель, служащую для удовлетворения корыстных интересов партийной верхушки. Но ведь то же самое, и, пожалуй, в еще большей мере, можно сказать об экономической борьбе рабочих и об их профессиональной организации. Бакунин противопоставлял профессиональную борьбу пролетариата его экономической борьбе, как положительную форму отрицательной, и даже сводил всю социалистическую деятельность к работе в профессиональных союзах. Но ведь известно, что и участие в профессиональном движении при известных условиях и в определенной обстановке развивает среди рабочих оппортунистические склонности. Более того, можно сказать, что в этой области они развиваются раньше и сильнее, чем в области политической борьбы. Уже во времена Бакунина это было довольно ясно. Это стало еще яснее после Бакунина, с расширением всех форм пролетарской борьбы. В той самой Германии, социал-демократия которой во многом так ярко оправдала пророчества Бакунина, профессиональные союзы уже с конца XIX века были настроены гораздо более оппортунистически, чем политическая партия пролетариата. То же было во Франции в 70-х годах, когда рабочей партии пришлось пробивать себе дорогу в самой резкой борьбе с консервативно настроенными профессионалистами. И даже позже, когда профессиональное движение Франции пошло одно время под знаменем «революционного синдикализма» и казалось гораздо более радикальным, чем социалистическая партия, оно недолго удержалось на этой кажущейся высоте и в момент об'явления мировой войны быстро скатилось в оппортунистическое болото, вызвав этим откол революционного меньшинства, примкнувшего к коммунистической партии. *Профессиональная бюрократия оказалась ничуть не лучше, а в иных случаях даже хуже партийной бюрократии.* И, однако, никому, за исключением немногочислен-

ной кучки оголтелых анархистов [1], не приходило в голову на этом основании высказываться против экономической борьбы и профессиональной организации рабочего класса. А ведь при желании можно было бы почти все аргументы Бакунина против рабочей политики обратить и против профессионального движения. Но это означало бы полное непонимание диалектики общественного развития.

Все дело в том, что нельзя огулом противопоставить экономическую борьбу пролетариата его политической борьбе, а его профессиональную организацию — его политической организации. Как та, так и другая не однообразны, а весьма сложны. В каждой из них одинаково содержатся все элементы пролетарского движения, соответствующие сложному составу рабочего класса и изменению взаимоотношений отдельных его частей в ходе исторического процесса. И там, и здесь мы одинаково найдем периоды начала, полного развития и иногда разложения; и там, и здесь мы встретим элементы консервативные, соглашательские и революционные, зачастую в самом пестром сочетании. Суметь выделить эти элементы, понять их положительные и отрицательные стороны, их прошлое, настоящее и будущее значение в общей экономии пролетарского движения, найти опорные пункты для действительной борьбы за интересы рабочего класса и надлежащие приемы и пути для достижения конечной цели этой борьбы, — такова задача истинного вождя пролетариата, и не методами огульного восхваления или отрицания можно оказаться на высоте этой задачи.

Это и оправдалось на примере Бакунина. Но напрасно было бы думать, что главное разногласие его с коммунизмом Маркса заключалось в различной оценке государства, буржуазного строя, отдельных форм борьбы пролетариата и т. п. Разумеется, они расходились и в частных вопросах. Но центр тяжести борьбы вовсе не лежал в различном понимании отдельных фаз политической борьбы или ее методов, в частности борьбы парламентской, которой в то время вообще не придавалось особенного значения. Центральный спор шел об основном вопросе пролетарского движения — о завоевании политической власти рабочим классом, об установлении диктатуры пролетариата, о создании революционного государства для подготовления основ социалистического строя. Ком-

[1] Вроде Э. Малатесты, который высказался против профессиональной организации пролетариата на Бернском конгрессе анархического Интернационала в 1876 году.

мунисты стояли за захват власти пролетариатом в интересах социальной революции. Бакунин отвергал его во имя анархии не только в будущем, но и в момент социальной революции [1].

3. Анархизм.

Как мы видели, Бакунин отрицал и самый принцип государства, и возможность и допустимость для рабочего класса политической борьбы, как компромисса с государственным принципом. По его словам, государство должно раствориться в обществе, свободно организованном на началах справедливости. Единственно, что может сделать государство, это упразднiться и исчезнуть [2]. Государство должно отказаться

---

[1] Как мы знаем, для членов своего Альянса Бакунин делал исключение. Критикуя буржуазный парламентаризм, да и всякий другой, указывая на неизбежное вырождение даже рабочих депутатов и т. д., Бакунин, однако, не усматривал никакой беды в том, что ближайшие его сотоварищи по Интернациональному братству, Фанелли и Фриша, были депутатами итальянского парламента в течение многих лет. Более того, как мы узнаем в IV томе этой работы (часть вторая, глава первая, § 2), после неудачи его революционных попыток в 1870 году Бакунин вдруг нашел положительные стороны в парламентаризме и готов был уговаривать своих друзей добиваться своего избрания в депутаты. В частности так он поступил по отношению к Гамбуцци в ноябре 1870 года. При этом он указывал, с одной стороны, на то, что свободе угрожает величайшая опасность от реакции, а с другой, — что люди, прошедшие школу Альянса, застрахованы, дескать, от увлечения политикой. Такие «поправочки» в сущности сводили всю теорию Бакунина на-нет. По этому поводу брошюра об Альянсе ехидно замечает: «Фанелли давно состоит депутатом итальянского парламента. Запрошенный по этому поводу Гамбуцци заявил, что быть депутатом это — превосходная вещь, что это делает вас неуязвимым для полиции и позволяет бесплатно раз'езжать по всем итальянским железным дорогам. Альянс запрещает рабочим всякое политическое действие, ибо требовать от какого-либо государства регламентации рабочего времени женщин и детей равносильно признанию государства и преклонению перед принципом зла; но его буржуазным вождям даются папские разрешения, позволяющие им заседать в парламентах и пользоваться привилегиями, которые предоставляются буржуазными государствами. Атеистически-анархическая работа Фанелли в итальянском парламенте до сих пор ограничилась велеречивым восхвалением авторитария Маццини, человека «Dio e popolo» («бог и народ»)» (стр. 41—42, примечание).

[2] «Государственность и Анархия», стр. 243. — Впрочем, он допускал еще и другое: «Единственно, — говорил он, — что, по нашему мнению, государство может и должно сделать, это, прежде всего, — постепенно изменить право наследования для того, чтобы как можно скорее притти к его полной отмене» («Féderalisme, socialisme et antithéologisme», — «Oeuvres», том I, стр. 56). Таким образом на государство возлагается довольно почетная роль, так как Бакунин

от своей роли провидения, опекуна, воспитателя и регулятора общества, отказаться от всякой репрессивной власти и отраничиться тою подчиненною ролью, которую ему отводил Прудон, т.-е. сделаться простой канцелярией, чем-то вроде главной конторы на службе общества [1]. Политическая централизация должна уступить место экономической централизации: в то время как последняя составляет основное условие цивилизации и создает свободу, политическая централизация убивает ее, уничтожая собственную жизнь и самопроизвольное действие населения в интересах правительств и правящих классов [2]. Здесь Бакунин повторяет мысли Прудона, иногда даже его словами.

Социальная революция должна привести к уничтожению всякого принципа власти, и тогда правительство превратится в простое управление общими делами [3]. С уничтожением политической централизации, с распущением политического государства получит применение принцип добровольной организации снизу вверх, единственный принцип, обеспечивающий, по мнению Бакунина, полную свободу личностей и групп. «Вот почему социализм федералистичен, и вот почему весь Интернационал с восторгом приветствовал программу Парижской Коммуны... Она хотела единства нации, народа, французского общества, но не государственного единства». И далее: «Истинно народная организация начинается снизу, с ассоциации и с коммуны. Организуя таким образом снизу вверх, федерализм становится тогда политическим учреждением социализма, свободной и самопроизвольной организацией народной жизни» [4].

Экономическое освобождение рабочих невозможно при современных политических и социальных учреждениях. Поэтому, «чтобы добиться и осуществить его вполне, необходимо будет разрушить все существующие учреждения: государство, церковь, юридический форум, банк, университет, администрацию, армию и полицию, которые в действительности представляют не что иное, как ряд крепостей, воздвиг-

---

признавал отмену права наследования первым шагом к социальной ликвидации. Там же он идет на компромисс, соглашаясь вместо непосредственного разрушения государства, на его радикальное и полное преобразование, правда, в таком духе, что от государства, по крайней мере централизованного, мало что остается (ibid., стр. 155—156). Впрочем, не забудем, что Бакунин обращался к буржуазной Лиге мира.

[1] «Oeuvres», том I, стр. 170.

[2] «Oeuvres», том II, стр. 34.

[3] «Oeuvres», том VI, стр. 345.

[4] «Oeuvres», том VI, стр. 386—389, — «Circulaire à mes amis d'Italie».

нутых привилегиею против пролетариата; и их недостаточно ниспровергнуть в одной стране, их нужно ниспровергнуть во всех странах, потому что со времени образования новейших государств в XVII и XVIII веках между всеми этими учреждениями существует растущая солидарность и весьма прочный международный союз, не взирая на разделяющие отдельные страны границы» [1]. А затем, после разрушения всех этих учреждений, Бакунин выставляет следующую программу, которая, по его словам, является простейшим выражением глубочайших и заветнейших инстинктов народа: «Мир, свобода и счастье всем угнетенным. Война всем притеснителям и грабителям. Полное возвращение трудящимся: капиталов, фабрик, орудий труда и сырья — ассоциациям; земли — тем, кто обрабатывает ее своими руками. Свобода, справедливость, братство по отношению ко всем человеческим существам, рождающимся на земле. Равенство для всех. Для всех безразлично все средства развития, воспитания и образования и одинаковая возможность жить своим трудом. Организация общества путем вольной федерации снизу вверх рабочих ассоциаций как промышленных, так и земледельческих, как научных, так и художественных или литературных, — сначала в коммуне; федерация коммун в области, областей в нации, а наций в братский Интернационал» [2].

Стремясь к социальной ликвидации, к анархической революции, к уничтожению государства и всех связанных с ним учреждений, Бакунин предполагает одновременность политической и социальной революции. «Социальная революция, — говорит он, возражая социал-демократам, — отнюдь не исключает политической революции. Напротив, она необходимо ее включает, но вместе с тем придает ей совершенно новый характер, а именно характер действительного освобождения народа от государственного ига. Так как все политические учреждения и власти в конечном счете созданы были лишь для покровительства и охраны экономических привилегий владеющих и эксплоатирующих классов против возмущений пролетариата, то ясно, что социальная революция должна будет разрушить эти учреждения и эти власти не до и не после, а одновременно с тем, как она занесет свою смелую руку на экономические основы народного порабощения. Таким образом социальная революция и политическая революция будут действительно нераздельны, какими они и должны быть по правде, так как первая без второй была бы

---

[1] «Protestation de l'Alliance», — «Oeuvres», том VI, стр. 79—80.
[2] Ibid., стр. 395—396, — «Circulaire à mes amis d'Italie».

невозможностью и бессмыслицей, а вторая без первой — надувательством.

«Политическая революция, происходящая одновременно с социальною революцией и действительно неотделимая от нее, являющаяся, так сказать, ее отрицательным выражением или проявлением, будет уже не преобразованием, а грандиозной ликвидацией государства и радикальным уничтожением всех политических и юридических институтов, которые имеют своей целью порабощение народного труда эксплоатации привилегированных классов. Одновременно с ниспровержением экономического могущества землевладельцев, капиталистов и хозяев она разрушит политическое господство всех так называемых представителей государства, коронованных или некоронованных, начиная от императоров и королей и кончая последним жандармом и сельским стражником, всех высших или низших государственных учреждений, всех классов и всех личностей, которые — во имя власти, основанной для одних на божественном праве, а для других на народном избрании и всеобщем голосовании, слепо или холопски осуществляемом массами, злонамеренно эксплоатируемом и извращаемом эксплоататорами этих масс, — выступают по отношению к ним в качестве владык и господ. Социальная революция сметет все эти учреждения и всех этих представителей вечной тирании, открытой или замаскированной, не для того, чтобы заменить их другими, а для того, чтобы раз навсегда уничтожить самый принцип суверенитета, господства и власти; и всеобщее избирательное право, действуя в обстановке этой революции и имея своим исходным пунктом завоеванное ею социальное и экономическое равенство, не будет иметь своею целью, как воображают и надеются многие так называемые социалисты, создание нового государства и нового политического правительства, которые дали бы этой «низкой черни» новых господ, а будет стремиться широко организовать, действуя снизу вверх посредством вольной федерации, свободу и труд всех, — народов, провинций, коммун, ассоциаций и личностей, — на единственной основе человеческого братства и равенства.

«Такова истинная программа революционного социализма» [1].

Раз политическая и социальная революция нераздельны, то никакой политики у социалистов не может быть, и Интернационал должен отвергнуть всякую политику, кроме той, которая имеет непосредственной целью социальный переворот. «Ясно, что всякое политическое движение, не поставившее себе немедленною прямою

---

[1] «Manuscrit rédigé à Marseille», — «Oeuvres», том IV, стр. 197—199.

целью полную и окончательную экономическую эмансипацию рабочих, которое не написало определенно и ясно на своем знамени принцип экономического равенства, другими словами, принцип общественной ликвидации, должно быть исключено из программы Интернационала. Следовательно, должна быть исключена без сожаления и политика демократов или социалистов-буржуа, об'являющая политическую свободу предварительным условием экономического освобождения, ибо под этими словами должно понимать следующее: политические реформы или политическая революция должны предшествовать экономическим реформам или экономической революции; работники должны, следовательно, соединиться с более или менее радикальной буржуазией, помочь ей прежде всего совершить политическую революцию, с тем, чтобы впоследствии, при социальной революции, бороться против них» [1].

На первый взгляд может показаться, что у Бакунина в этом отношении замечается колебание. Так, если он, с одной стороны, говорит, что Международная ассоциация рабочих совершенно игнорирует все текущие политические интриги [2], то с другой — он утверждает, что Интернационал вовсе не отвергает политики вообще, и что он «принужден будет вмешиваться в нее, поскольку вынужден будет бороться с буржуазным классом. Он отвергает только буржуазную политику» [3]. Но обыкновенно, заговаривая о политике Интернационала, Бакунин приходит к анархическим выводам: воздержанию от политики и отрицанию политических действий социалистов в современном обществе. Так, знаменитый третий пункт программы Интернационала он толкует в анархическом смысле. Слова о том, что экономическое порабощение рабочих есть источник их политического и морального порабощения, и что поэтому экономическое освобождение рабочих есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство, он толкует так: «Это — отвержение всей буржуазной политики, это — пункт, в котором социальная демократия абсолютно и определенно отгораживается от чисто-политической демократии буржуа... С того момента, как Международная Ассоциация признала, что великая цель, которой должно быть подчинено всякое политическое движение, есть экономическая эмансипация рабочих, она отвергает всякую поли-

---

[1] «Политика Интернационала», — Статьи из «Равенства». См. «Историческое развитие Интернационала», стр. 60—61.

[2] «Oeuvres», том V, стр. 46, — статья «Двойная женевская стачка; писана весной 1869 г.

[3] «Oeuvres», том VI, стр. 336, — «Циркулярное послание итальянским друзьям»; писано в октябре 1871 г.

тику, которая не стремится прямо к этой цели, следовательно, всякую буржуазную, монархическую, либеральную или даже радикально-демократическую политику, потому что всякая буржуазная политика, как известно, не имеет и не может иметь другой цели, кроме упрочения и расширения буржуазного могущества, а это могущество исключительно основано на зависимости рабочего и на эксплоатации его труда» [1].

Но почему не может быть социалистической политики, Бакунин не считает нужным об'яснить. На его взгляд всякая политика непременно будет буржуазной. Он даже прямо говорит, что, кроме буржуазной демократической политики, мыслима лишь анархия, и больше ничего. «Вне маццинистской системы, т.-е. системы республики-государства, имеется лишь одна политика, а именно: политика республики-коммуны, республики-федерации, социалистической и чисто-народной республики, т.-е. анархия. Это и есть политика социальной революции, которая стремится к уничтожению государства и к экономической и совершенно свободной организации народа, — организации снизу вверх посредством федерации» [2].

Но как бы чувствуя неубедительность своей аргументации, своего абсолютного отрицания политики, противоречащего несомненным стремлениям рабочих масс, Бакунин заявляет, что у анархистов есть своя политика, которую он называет политикой отрицательной и формулирует следующим образом:

«Рабочие вступают в Интернационал и организуются в нем прежде всего с чисто-практическою целью, а именно — с целью солидарного отстаивания полноты своих экономических прав против притеснительной эксплоатации буржуазии всех стран. Заметьте, что одним этим фактом, — сначала, если угодно, бессознательным, — пролетариат уже в двояком отношении становится на почву весьма определенно, но вместе с тем весьма отрицательно политическую. С одной стороны, он разрушает политические границы и всю международную политику государств, поскольку она основана на симпатиях, добровольном сотрудничестве и патриотическом фанатизме порабощенных масс; а с другой стороны, он углубляет пропасть между буржуазией и пролетариатом и ставит этот последний вне политической деятельности и игры всех государственных партий; но, ставя его вне всякой буржуазной политики, он неизбежно обращает его против нее.

---

[1] «La Montagne et M. Coullery», — «Oeuvres», том V, стр. 99—100; писано летом 1869 года.

[2] «Oeuvres», том VI, стр. 351, — «Циркулярное послание итальянским друзьям».

«Итак, вот совершенно определенное политическое положение, в котором оказывается пролетариат, — сначала, как я сказал, бессознательно, одним фактом своего присоединения к Интернационалу. Правда, это политическое положение имеет совершенно отрицательный характер, и крупная ошибка, чтобы не сказать измена и преступление социал-демократов, увлекающих немецкий пролетариат на путь марксистской программы, заключается в том, что они пожелали превратить это отрицательное поведение в положительное сотрудничество с буржуазной политикой.

«Интернационал, ставя таким образом пролетариат в стороне от политики государств и буржуазного мира, создает новый мир, — мир солидарного пролетариата всех стран» [1].

Совершенно ясно, что отрицательная политика Бакунина, с таким торжеством противопоставляемая положительной политике социал-демократов и долженствующая заполнить чувствуемую самим автором пустоту, в сущности представляет в конечном счете все-таки полное отсутствие политики. Горделивое устранение от политических конфликтов, т.-е. национальных, классовых конфликтов современного общества, анархический уход на Авентинскую гору политического воздержания, бесплодная критика политической деятельности социалистов не в силах создать ничего положительного и способны лишь задержать развитие классового самосознания пролетариата, не давая ему возможности на практике знакомиться с хитрой механикой капиталистического режима в национальном и интернациональном масштабе. Анархическое толкование, которое Бакунин давал программе Интернационала, мыслимо было только в первый момент развития Международной Ассоциации, когда основатели ее по тактическим соображениям избегали до поры до времени определенно формулировать политические задачи рабочего класса в его борьбе за экономическое освобождение (хотя уже в «Учредительном Адресе» 1864 года говорилось о завоевании политической власти рабочим классом). Когда же эта формулировка была сделана (а началось это на Лозаннском конгрессе 1867 года), бакунинское отрицание политики уже перестало соответствовать определенно выраженной программе Интернационала. И когда он заявлял, ссылаясь на деятельность Интернационала, что «работники Европы решились взять политику в свои руки, создать свою собственную политику, т.-е. политику освобождения труда от тяжкого и ненавист-

---

[1] «Fragment formant une suite de l'Empire Knouto-germanique», — «Oeuvres», том IV, стр. 436—437; писано в конце 1872 года.

ного ига капитала; всякая иная политика отныне для них чужда, и, что еще важнее, они считают с полным правом враждебною и противоположною их интересам всякую политику, которая поставила бы себе другую цель, помимо радикального и полного экономического освобождения работников» [1], — одним словом, когда он приписывал рабочим, вошедшим в состав Интернационала, свою анархическую точку зрения, отрицающую политическую деятельность пролетариата и обязательно сливающую политическую революцию с социальною, то это было приемом страуса, прячущего голову в песок от грозящей ему неприятности.

«Международное общество рабочих, — уверяет за него Бакунин, — останется верным своему принципу и никогда не будет содействовать политической агитации, которая не имеет прямой и непосредственной целью полного экономического освобождения рабочих, т.-е. уничтожения буржуазии как класса, экономически отдельного от народа; никогда не поддержит (!) революции, которая с самого начала, с первого момента не напишет на своем знамени Социальная Ликвидация» [2]. Что же должен делать Интернационал в продолжение того «более или менее долгого периода, который нас отделяет от этой ужасной Социальной Революции?», — спрашивает Бакунин и отвечает: «Отрекаясь, согласно с своими статутами, от всякой национальной и местной политики, Международное Общество придает рабочей агитации всех стран чисто-экономический характер; целью его будут уменьшение числа рабочих часов и увеличение заработной платы, а средством — ассоциация рабочих масс и образование касс сопротивления» [3]. Таким образом грозная анархическая критика неожиданно разрешается в ограниченную формулу довольно умеренного «экономизма». Это, впрочем, не может нас удивить, так как мы знаем, что по существу анархизм представляет ограниченный экономизм, сдабриваемый более или менее изрядной дозой революционной фразеологии.

Пока Бакунин описывает фактический ход пропаганды Интернационала, с ним, быть может, за некоторыми оговорками, нельзя не согласиться. «Прежде всего они (интернационалисты) должны были обратиться к массам во имя их материальных интересов в первую голову, чтобы впоследствии перейти к их моральным интересам, так как

---

[1] Первая речь на Бернском конгрессе Лиги мира («Историческое развитие Интернационала», стр. 324).

[2] «Политика Интернационала» (ibid., стр. 65).

[3] Ibid., стр. 65—66.

вторые, поскольку они являются коллективными интересами, представляют всегда лишь выражение и логическое последствие первых. Они не могли ждать, пока массы явятся к ним, а должны были отправиться за ними туда, где они находятся, в их повседневной реальности, а эта реальность есть повседневный труд, специализированный и разделенный на ремесленные корпорации. Таким образом они должны были обратиться к различным ремесленным корпорациям, более или менее уже организованным благодаря потребностям коллективного труда в каждой отдельной индустрии, для того, чтобы привлечь их к экономической цели, к общей деятельности великой Ассоциации рабочих всех стран, одним словом, привлечь их к (общей организации) Интернационала, не отнимая у них при этом их автономии и их отдельной организации» [1].

Но из того факта, что Интернационал начал с чисто-экономической агитации [2], Бакунин делает общий вывод, что к рабочим вообще надо обращаться не с политической, а с чисто-экономической программой. Интернационал ставит перед пролетариатом, говорит он, чисто-экономическую задачу: освобождение труда от эксплоатации, но, прибавляет он, это вместе с тем и в такой же степени задача социальная, философская и моральная; это даже, если угодно, задача по существу политическая. С этим нельзя не согласиться, но когда Бакунин поясняет, что эту политическую задачу следует понимать «только в смысле разрушения всякой политики посредством уничтожения государств» [3], то, поскольку речь идет здесь о конечной цели и о результатах экономического преобразования, это, пожалуй, верно, но поскольку Бакунин понимает уничтожение политики в смысле запрещения рабочим вообще участвовать в политической деятельности в рамках буржуазного общества, а тем более — захватывать в свои руки поли-

[1] «Protestation de l'Alliance», — «Oeuvres», том VI, стр. 77—78.

[2] Повторяю, это положение, верное в общем, тоже следует принимать с известными и немаловажными оговорками. С самого начала Интернационал вовсе не ограничивался одной экономической агитацией. Стоит вспомнить его вмешательство в борьбу за избирательную реформу в Англии, его протест против жестокого отношения английского правительства к ирландским фениям и т. п. Наконец, не забудем, что внешним толчком к самому образованию Интернационала послужил чисто-политический вопрос, а именно: отношение правительств к польскому восстанию; и первая же публичная декларация Интернационала, так называемый «Учредительный адрес», содержит определенные политические заявления, говорит о завоевании пролетариатом политической власти и рекомендует пролетариату выработать свою собственную внешнюю политику, основанную на международной солидарности трудящихся.

[3] «Oeuvres», том VI, стр. 79.

тическую власть в целях социального преобразования, его утверждение совершенно неверно и представляет крайне произвольное толкование, чтобы не сказать извращение программы и целей Интернационала.

Мы видели, что ближайшими требованиями Интернационала Бакунин признает сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы, а средствами деятельности — образование профессиональных союзов и пропаганду идеи экономического освобождения рабочего класса. С помощью этих средств Международное товарищество рабочих, «наконец, распространится и организуется во всех странах с тем, чтобы в момент революции, вызванной силою вещей (?), существовала действительная, сознательная сила, способная овладеть движением и дать ему направление, спасительное для народа; этою силою будет серьезная интернациональная организация рабочих ассоциаций, способная заместить политический мир государства и буржуазии» [1].

Нельзя не признать, что в этих словах содержится в зародыше вся программа так называемого «революционного синдикализма», существенными чертами которой являются: чисто-экономическая агитация, профессиональная организация пролетариата вне и в стороне от государства и всех политических партий, невмешательство рабочего класса в политическую борьбу и в политические конфликты буржуазного общества, замена политической централизации централизацией экономической, а политического мира — федерацией профессиональных союзов [2]. Но, как мы теперь знаем, эта программа ничуть не помешала буржуазному перерождению этих союзов и в конечном счете привела не к анархической революции, а к самому вульгарному соглашательству с худшими проявлениями капиталистического строя — с политикою империализма.

---

[1] «Политика Интернационала» («Историческое развитие Интернационала», стр. 66). — Как мы уже знаем из предыдущего, Бакунин здесь не договаривает. В действительности он возлагал задачу руководства бесформенным движением масс во время революции на тайный Союз интернациональных братьев. Но это говорилось в тайных уставах и частной переписке с «братьями»; в документах же, предназначенных к опубликованию, на первый план выдвигаются аполитичные рабочие союзы. Так что признавать эти мысли первым выражением «революционного синдикализма» приходится, пожалуй, только с натяжкой.

[2] На мысли, что современный французский революционный синдикализм является продолжением бакунистского Интернационала, особенно настаивает Гильом. См. предисловие к IV тому его истории Интернационала («L'Internationale. Documents et souvenirs»), а также нашу книгу «Первый Интернационал», ГИЗ, изд. 4-е, часть 2-я.

4. Критика социал-демократической партии [1].

Стараясь выяснить, в чем именно заключается основное различие между «революционными социалистами» (или «коллективистами») и авторитарными коммунистами, «приверженцами абсолютной инициативы (?) государства», Бакунин формулирует его следующим образом: «Цель как у тех, так и у других одна и та же; как те, так и другие одинаково желают создания нового общественного порядка, основанного лишь на коллективном владении орудиями труда и на коллективной организации работы, необходимом условии существования для каждого и для всех при полном экономическом равенстве. Но авторитарные коммунисты предполагают достигнуть такого порядка вещей через посредство организации и развития политического могущества рабочих классов и главным образом пролетариата городов, при помощи (?) со стороны буржуазного радикализма, а социалисты-революционеры — враги всякого двусмысленного союза и предполагают, напротив, что достигнуть желанной цели возможно лишь при развитии и организации социального, антиполитического могущества рабочих масс, городских и деревенских, включая в эту массу рабочего человечества и тех честных людей, принадлежащих к высшим классам нынешнего общества, которые пожелают принять целиком программу социальной революции.

«Отсюда вытекают два метода, совершенно различные друг от друга. Коммунисты стремятся организовать силы рабочих с целью захвата в государстве политического могущества прежде всего (?). Социалисты-революционеры, напротив, организуют эти силы, имея в виду разрушение или, выражаясь вежливо, ликвидацию государственного строя. Коммунисты — приверженцы, как в теории, так и на деле, принципа власти; социалисты-революционеры полагают свою веру лишь на одну свободу. Как те, так и другие одинаково ратуют за «знание», которое одно способно убить суеверие и заменить собою «религию»;

---

[1] Во избежание недоразумений спешим пояснить, что Бакунин все время проводит знак равенства между марксизмом, коммунизмом и социал-демократией, как между явлениями одного и того же порядка. Между тем коммунизм (марксизм) уже и тогда далеко не совпадал не только с тою разновидностью социал-демократизма, которая получила название лассальянства, но и с тою, которая шла под знаменем созданной в Эйзенахе с.-д. партии. Впрочем, Бакунин не знал о том критическом отношении Маркса и к этой партии, которое стало известно только в более позднюю эпоху. Под партиею же революционного социализма Бакунин разумеет анархистов.

но первые в данном случае полагают достигнуть этого насильственно (?), а последние стараются добиться того же путем пропаганды, желая, чтобы группы людей организовались и добровольно федерировались снизу вверх по собственной инициативе, руководствуясь своими непосредственными интересами и отделавшись от лжи на самом деле, самостоятельно, а отнюдь не по плану, заранее обдуманному и предписанному сверху невежественной черни несколькими высшими умами... С одной стороны, стоит научный коммунизм, разработанный немецкой школой и отчасти принятый социалистами Америки и Англии; с другой стороны — анархия Прудона, широко развитая и разработанная до своих конечных последствий.

«Социалисты-революционеры полагают, что в инстинктивных стремлениях и реальных нуждах рабочих масс гораздо больше здравого смысла, чем во всей глубокой учености патентованных попечителей человечества, которые, после стольких неудачнейших предприятий осчастливить людей, желают попытаться в свою очередь создать это желанное счастье. Социалисты-революционеры полагают, что человечество и так уже слишком долго позволяло управлять собою, и что источник всех бедствий человечества лежит вовсе не в той или другой форме правительства, но в самом принципе, в самом факте управительства, в какой бы форме оно ни проявляло себя» [1].

Исходя из этих положений, Бакунин самым решительным образом восстал против «народного государства», о котором тогда говорили немецкие социал-демократы. Бакунин вполне искренно представлял себе это народное государство в виде насилия организованного меньшинства над всей остальной массой, которой первое якобы намеревается насильственно навязать свои теории путем властных мероприятий. Понимая в таком смысле революционную диктатуру пролетариата, он, конечно, с такой же решительностью высказывался и против нее. «Народу, — говорил он, — отнюдь не будет легче, если палка, которою

---

[1] «Парижская Коммуна», стр. 4—5. — Ср. следующее место из Прудона: «Вопреки предрассудку, опыт свидетельствует, а философия доказывает, что всякая революция, для того чтобы быть продуктивной, должна быть самопроизвольной, выходить не из головы правительства, а из недр народных; что правительство имеет скорее реакционный, чем прогрессивный характер; что оно не в состоянии понять духа революции, так как общество, которое одно владеет этой тайной, раскрывает свою сущность не в законодательных декретах, а в самочинности своих проявлений; что, наконец, единственно возможное отношение между правительством и трудом заключается в том, что первое должно быть не хозяином, а слугою второго» (Proudhon — «Confessions», стр. 66).

его будут бить, будет называться палкою народной» [1]. Повторяя свой тезис, что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, противно народным интересам, он прибавляет, что «даже мнимо-народное государство, задуманное г. Марксом(?), в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ» [2].

Говоря об основанной в 1866 году в Англии Лиге парламентской реформы, Бакунин сообщает, что английский пролетариат увлекается идеей рабочего парламента и рабочего государства, и прибавляет: «Теперь эта мысль, эта цель овладела английскими работниками, и никакая сила не в состоянии вырвать ее из их голов, пока они не осуществят ее. И они непременно ее осуществят, — только, когда они одержат полную победу, и когда на развалинах побежденного и разрушенного буржуазно-аристократического государства они попробуют основать государство рабочее, — только тогда рядом новых опытов они придут к убеждению, что *настоящее рабочее или народное государство есть уничтожение всякого государства*» [3]. И в другом месте Бакунин снова повторяет ту же мысль: «Всемирное государство или то народное государство, о котором говорят немецкие коммунисты, может означать только одно: *уничтожение государства*» [4].

Бакунин всерьез воображал, что этими словами он делает великое и оригинальное открытие. На самом же деле ничего подобного нет. Сначала он истолковал стремления марксистов в авторитарном духе и утверждал, что за их программой и в частности за революционной диктатурой пролетариата скрывается стремление создать новое государство, основанное на том же принципе насилия, власти, господства меньшинства над большинством, и энергично боролся с этим фантомом своего собственного воображения. Следует сказать, что термин «народное государство» действительно был выбран несовсем удачно и давал повод к недоразумениям; но только полемическое увлечение могло подсказать Бакунину его толкование этого термина, в котором, кстати сказать, Маркс был совершенно неповинен. И Маркс, и Энгельс точно так же полагали, что с преобразованием общества на

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 26.
[2] Ibid, стр. 27.
[3] «Всесветный Союз», стр. 52.
[4] «Protestation de L'Alliance», — «Oeuvres», том VI, стр. 89.

социалистических началах государство в современном смысле слова исчезнет. Как мы видели выше, Маркс в брошюре «Мнимый раскол в Интернационале» [1] определенно говорил, что раз будет достигнута цель пролетарского движения — уничтожение классов, то государственная власть, способствующая удержанию производительного большинства под игом ничтожного меньшинства эксплоататоров, исчезнет, а правительственные функции превратятся в простые административные функции. Он только протестовал там против того, что Альянс выворачивает все это наизнанку и провозглашает анархию в пролетарских рядах в качестве вернейшего средства к тому, чтобы разрушить могучую концентрацию социальных и политических сил в руках эксплоататоров.

Таким образом Маркс ни на минуту не воображал, что государство в качестве принудительной организации сохранится после завершения социальной трансформации; напротив, он прямо утверждал, что будущий строй будет безгосударственным. Анархистов он упрекал не в том, что они мечтают об уничтожении государства в будущем, — это была и его мысль, — а в том, что они пытаются применить принципы анархии сейчас, в современном строе, в борьбе с концентрированными и организованными силами буржуазного общества, и перестроить на анархической основе организацию пролетариата, т.-е. обессилить ее. А это совсем не одно и то же.

Ту же мысль о том, что государство исчезнет в социалистическом строе, высказал и Энгельс: «Первый акт, — говорит он, — в котором государство выступило бы действительным представителем всего общества, — овладение от имени общества средствами производства, — вместе с тем и последний самостоятельный акт государства. Вмешательство государства в общественные дела делается излишним в одной области за другою и таким образом само собою прекращается. На место управления лицами вступает заведывание вещами и руководство процессами производства. Государство не упраздняется; оно отмирает» [2].

Единственно, над чем Маркс и Энгельс законно издевались, так это над декретированием уничтожения государства на словах без обес-

---

[1] Циркуляр Генерального совета «Les prétendues Scissions dans l'Internationale», 1872 г.

[2] «Развитие социализма от утопии к науке». — По сообщению Жеффруа даже такой «авторитарий», как Огюст Бланки, прекрасно понимал это: в 1852 году он писал в тюрьме, что «будущность человечества это — упорядоченная анархия» (Г. Жеффруа — «Заключенный»).

печения силы, способной на деле ликвидировать буржуазное государство, над попытками выворотить вопрос наизнанку и провозгласить немедленно уничтожение государства — до экономического преобразования общества. На их взгляд уничтожение государства может быть только результатом, а отнюдь не началом социального преобразования [1]. Кроме того, само собой разумеется, что они решительно отвергали те непосредственные практические выводы, которые Бакунин делал из своих анархических посылок, вроде ограничения рабочего движения чисто-экономическими задачами, невмещательства пролетариата в политическую борьбу и проведения дезорганизаторского принципа анархии в практическую социалистическую работу.

На том основании, что программа германской социал-демократической партии предполагала действие в национальных рамках и не провозглашала своей непосредственной целью уничтожение государства, Бакунин об'явил ее «узкой патриотической программой» [2]. Народное государство немецких социал-демократов, по мнению Бакунина, может быть только патриотическим и пангерманским, осуществляющим идеал князя Бисмарка [3]. «Политически-патриотическая» программа этой партии решительно противоречит Интернационалу по двум причинам: во-первых, потому, что всякий, кто не стремится к уничтожению политики, непременно должен будет вести политику государственную, патриотическую, т.-е. на деле отрицать международную солидарность во имя интересов своего большого и малого национального государства, а, во-вторых, потому, что, ставя себе политические цели, он этим самым отрицает экономическое освобождение рабочих. А распространяя социал-демократические идеи среди рабочих других стран, социал-демократия служит только целям Бисмарка. «Не думайте, чтобы Бисмарк был таким ярым врагом этой партии, каким он прикидывается.

---

[1] Эта мысль была тогда довольно широко распространена в рабочих кругах. Интересно, что в брошюре без заглавия, вышедшей в 1873 году после раскола в Интернационале за подписями бывших бакунистов, а затем умеренных — Дюваля, А. Перре и других рядовых рабочих того же направления (говорили, что в составлении ее участвовал и пресловутый генерал Клюзере), одинаково порицались обе борющиеся фракции, но по поводу слов Прудона о том, что «анархия есть лучшая форма правления», говорилось следующее: «Анархия после (революции)! Да. — Анархия до (нее)! Нет. — Анархия как цель! Да. — Анархия как средство! Нет. — Анархия как результат социальной гармонии! Да. — Анархия во время битвы! Нет. Лишь дисциплина может спасти нас во время битвы».

[2] «Государственность и Анархия», стр. 18.

[3] Ibid, стр. 59; «Кнуто-Германская Империя», стр. 97.

Он слишком умен, чтобы не видеть, что она служит ему как пионер, распространяя германскую государственную мысль в Австрии, Швеции, Дании, Бельгии, Голландии и Швейцарии. В распространении этой германской идеи состоит ныне главное стремление г. Маркса». Организаторы социал-демократической партии ведут немецких рабочих не к свободе и не к интернациональному братству, а прямо под ярмо пангерманского государства [1].

После этого неудивительно, что «доктринерные революционеры под предводительством г. Маркса везде (?) держат сторону государственности и государственников против народной революции» [2]. И это совершенно неизбежно, так как их политическая программа втягивает их в «беспрестанные сделки с правительством и разными буржуазными партиями, т.-е. толкает их прямо в реакцию» [3]. Здесь Бакунин ссылается на сношения Лассаля с Бисмарком. Бакунин прекрасно знает, что как раз одною из причин ожесточенной вражды марксистов к лассальянцам и было подозрительное, как им казалось, отношение последних к правительству Бисмарка. Но и политические промахи Лассаля он ставит в счет социал-демократической партии, — которая, к слову сказать, тогда вовсе не существовала, так как возникла через пять лет после смерти Лассаля, — и считает их логическим выводом из политической программы социал-демократов, более того — вообще из позиции марксизма. Бакунин идет даже дальше и берет Лассаля под свою защиту от Маркса, приверженцы которого якобы обвиняли Лассаля в личной продажности. Бакунину, конечно, выгоднее доказывать, что промахи Лассаля вытекали не из его личных недостатков — из его расхождения с марксизмом, а как раз из внесения политических задач в рабочее движение — из практического применения принципов «Коммунистического Манифеста» [4].

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 60, 197, 236—237; «Oeuvres», том VI, стр. 34—40. — Мы уже не говорим о том, что ставить знак равенства между Марксом и социал-демократией (даже в то время) совершенно невозможно; но это вопрос особый.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 168; «Историческое развитие Интернационала», стр. 15.

[3] «Государственность и Анархия», стр. 219 и след.; «Кнуто-Германская Империя», стр. 98.

[4] Относительно того, что взгляды и политика Лассаля находились в вопиющем противоречии со взглядами и политикой Маркса, см. П. Виноградская — «Фердинанд Лассаль», ГИЗ 1926. А между тем Бакунин всегда ставит знак равенства между Лассалем и Марксом, а под видом критики марксизма сплошь и рядом преподносит критику лассальянства.

По словам Бакунина, Маркс всегда толкал рабочих на сделки с буржуазными радикалами [1], да это и естественно, так как программа немецкой социал-демократии более буржуазно-политическая, чем народно-социальная программа. «Вместо того, чтобы стараться образовать силу, открыто революционную, негативную, разрушающую государство,.. они (немецкие рабочие) желают или, вернее, дают своим вождям увлечь себя мечтами о создании позитивной силы, об учреждении нового государства, рабочего, народного (Volksstaat), необходимо национального, патриотического и пангерманского; а это ставит их в явное противоречие с основными принципами Международной Ассоциации и в высшей степени двусмысленное положение по отношению к дворянской и буржуазной прусско-германской империи. Они, без сомнения, надеются, что путем сначала легальной агитации, за которой позже последует более энергичное и более решительное революционное движение, они достигнут того, что́ завладеют этой империей и обратят ее в чисто-народное государство. Политика эта, которую я считаю призрачной и гибельной, прежде всего сообщает их движению реформистский, а не революционный характер, что, впрочем, тоже несколько соответствует особенной природе немецкого народа, более расположенного к постепенным и медленным реформам, чем к революции. Политика эта представляет еще и другое большое неудобство, которое, впрочем, является следствием первого: оно заключается в том, что ставит социалистическое движение немецких рабочих на буксир к партии буржуазных демократов» [2].

Говоря о программе немецкой социал-демократической партии, основанной на Эйзенахском конгрессе 1869 года, Бакунин говорит, что эта программа своим заявлением насчет завоевания политических прав как предварительного условия освобождения пролетариата стала в вопиющее противоречие с основным принципом Международной Ассоциации и сделала буржуазную политику основой социализма, ибо «всякая предварительная политика, т.-е. такая, которая предшествует социализму и, следовательно, ведется вне его, а значит, и против него, может быть только чисто-буржуазной» [3]; вполне естественно, что

---

[1] Между прочим Бакунин об'ясняет это честолюбием Маркса, его желанием приобрести почитателей и приверженцев среди буржуазии, а также его мнимыми надеждами на то, что радикальная буржуазия, захватив власть, употребит ее в интересах пролетариата. На таких ребяческих об'яснениях не стоит и останавливаться («Государственность и Анархия», стр. 222 и сл.).

[2] «Кнуто-Германская Империя», стр. 98.

[3] «Protestation de l'Alliance» («Oeuvres», том VI, стр. 34).

такая программа могла только привести к подчинению социалистического движения пролетариата буржуазному радикализму.

Эту мысль Бакунин повторяет неоднократно. «Завоевать прежде всего политическую свободу значит завоевать только ее одну и сохранить, по крайней мере на первое время, прежние экономические и социальные отношения, т.-е. предоставить собственникам и капиталистам их несметные богатства, а рабочим — их прежнюю нищету» [1]. Все или ничего, а что сверх того, то от лукавого. К сожалению, на практике проведение такого принципа дает именно ничего.

«Программа Маркса, — говорит Бакунин, — сделалась программою социально-демократической партии. Вначале в ней повторяются некоторые из главных параграфов интернациональной программы, утвержденной первым Женевским конгрессом; но потом вдруг совершается крутой переход «к завоеванию политической власти», рекомендуемому немецким работникам как ближайшая и непосредственная цель новой партии, с прибавлением следующей знаменательной фразы: «Завоевание политических прав (всенародное право избирательства, свобода печати, свобода ассоциаций и публичных собраний и т. д.) как необходимое предварительное условие экономического освобождения работников».

«Эта фраза имеет вот какое значение: прежде чем приступить к социальной революции, рабочие должны совершить политическую революцию или, что более сообразно с природою немцев, завоевать или, еще проще, приобрести политическое право посредством мирной агитации. А так как всякое политическое движение не может быть другим, как движением буржуазным, то и выходит, что эта программа рекомендует немецким работникам усвоить себе прежде всего буржуазные интересы и цели и совершить политическое движение в пользу радикальной буржуазии, которая потом в благодарность не освободит народ, а подчинит его новой власти, новой эксплоатации» [2].

Пролетариат вовсе не должен бороться за политическую свободу, за всеобщее избирательное право и т. п. Если же рабочие это делают, то лишь потому, что «сбиты с толку своими политическими, литературствующими и еврействующими (!) коноводами», которые «не хуже любого буржуа ненавидят революцию и боятся ее, хотя и говорят о ней беспрестанно. Вследствие этой ненависти и боязни они направили все

---

[1] «Историческое развитие Интернационала», стр. 61.
[2] «Государственность и Анархия», стр. 226.

рабочее народонаселение на путь так называемой законной и мирной агитации, результатом которой обыкновенно бывает выбор одного или двух работников или даже литературствующих буржуа из партии социальных демократов в общегерманский парламент. Но это не только не опасно, напротив, чрезвычайно полезно для немецкого государства как громовой отвод, как отдушина» [1].

В действительности социал-демократы со своей политической программой стремятся к установлению нового деспотизма. «Все тот же немецкий темперамент и все та же логика прямо, фатально ведут их к тому, что мы называем буржуазным социализмом, и к заключению нового политического союза между радикальной или принужденной выдавать себя за таковую буржуазией и интеллигентным, почтенным, т.-е. в достаточной мере обуржуазившимся, меньшинством городского пролетариата, с исключением и в ущерб массе пролетариата, не только сельского, но и городского. Таков истинный смысл рабочих кандидатур в парламенты существующих государств, и таков смысл завоевания политической власти рабочим классом» [2].

С особенной энергией Бакунин восстает против захвата политической власти пролетариатом и против революционной диктатуры. Эти идеи Бакунин представлял себе совершенно превратно: ему казалось, что это не что иное, как воскрешение под социалистическим флагом старых традиций якобинства и бабувизма; он усматривал в них лишь новую попытку облагодетельствовать глупое человечество путем декретов сверху и всесторонней опеки всемогущего государства над несмысленной чернью. И вот почему он, говоря о будущем строе по «Коммунистическому Манифесту», мог дойти до чудовищного утверждения, встречающегося только в реакционно-буржуазной печати, что этот идеальный строй будет для массы казармой и рабством, а для евреев, «привлеченных колоссальными размерами интернациональных спекуляций национальных банков, — широким полем прибыльного плутовства»; а во-вне это будет вечная война, если только «низшие» расы, ла-

[1] Ibid., стр. 235—236.

[2] «Oeuvres», том IV, стр. 375—377. — При этом Бакунин выражает надежду, что скоро германские рабочие опомнятся и поймут, куда их увлекают социал-демократы. Увы! этим надеждам не суждено было осуществиться. Все попытки насадить среди немецких рабочих анархические идеи закончились плачевным фиаско. Об этих попытках см. у Гильома в его истории Интернационала (т.т. III и IV) и у Меринга в его «Истории германской социал-демократии» (том IV). Правда, восторжествовавшие там идеи социал-демократического оппортунизма были не лучше.

тинские и славянские, не пожелают добровольно подчиниться германской гегемонии [1].

И теория государственности, и теория революционной диктатуры одинаково основаны на фикции мнимого народного представительства и на действительном факте управления народных масс кучкою привилегированных лиц. Между революционной диктатурой и государственностью вся разница — только во внешней обстановке. «В сущности же они представляют обе одно и то же управление большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего. Поэтому они одинаково реакционерны, имея, как та, так и другая, результатом, непосредственным и непременным, упрочение политических и экономических привилегий управляющего меньшинства и политического и экономического рабства народных масс». Отсюда ясно, почему доктринерные революционеры, т.-е. марксисты, выступают якобы в качестве горячих поборников государства: дело в том, что если они стремятся к низвержению существующих властей и порядка, то лишь для того, чтобы на их развалинах водворить свою собственную диктатуру. «Они только враги настоящих властей, потому что желают занять их место,— враги настоящих политических учреждений, потому что они исключают возможность их диктатуры, но вместе с тем самые горячие друзья государственной власти, без удержания которой революция, освободив не на шутку народные массы, отняла бы у этого мнимо-революционного меньшинства всякую надежду заложить их в новую упряжь и облагодетельствовать их своими правительственными мерами» [2].

Лассаль рекомендовал пролетариату овладеть государством и обратить государственную силу против буржуазии в пользу рабочей массы, точно так же как теперь она обращена против пролетариата в пользу эксплоатирующего класса. Но как же овладеть государством? — спрашивает Бакунин и отвечает: для этого есть только два средства: или политическая революция, или легальная агитация в пользу мирной реформы. «Лассаль, как немец, как еврей, как ученый и как человек богатый, советовал второй путь». С этой целью он основал политическую рабочую партию, организованную иерархически и подчиненную

---

[1] «Lettre au journal La Liberté de Bruxelles», — «Oeuvres», том IV, стр. 383. — Нужно, впрочем, сказать, что Бакунин писал эти строки в состоянии сильного раздражения, вызванного его исключением из Интернационала: письмо и предназначалось для протеста против этого исключения. Бакунин хотел поместить его в брюссельской прудонистской газете «La Liberté», но по обыкновению не кончил его, и письмо осталось неотосланным.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 167—168.

строгой дисциплине, «словом, сделал то, что г. Маркс в последние три года (писано в 1873 году) хотел сделать в Интернационале». Ближайшей целью своей партии Лассаль об'явил агитацию в пользу всеобщего избирательного права; завоевав это право легальным путем, народ должен будет послать своих представителей в народный парламент, который рядом декретов и законов обратит буржуазное государство в народное и первым долгом откроет безграничный кредит рабочим ассоциациям, которые таким образом и побьют крупный капитал.

«Такова, — прибавляет Бакунин, — программа Лассаля, такова же и программа социально-демократической партии. Собственно она принадлежит не Лассалю, а Марксу, который ее (?) вполне высказал в известном «Манифесте Коммунистической Партии», обнародованном им и Энгельсом в 1848 году. Ясный намек находится на нее(?) также в первом «Манифесте Международного Общества» [1], написанном Марксом в 1864 году в словах: «первый долг рабочего класса заключается в завоевании себе политического могущества», или, как говорится в «Манифесте Коммунист.», «первый шаг к революции рабочих должен состоять в возвышении пролетариата на степень господствующего сословия. Пролетариат должен сосредоточить все орудия производства в руках государства, т.-е. пролетариата, возведенного на степень господствующего сословия».

Но, спрашивает Бакунин, «если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов, и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии». Сделав такой неожиданный вывод из революционной диктатуры пролетариата, Бакунин поясняет, что в сущности ни о какой диктатуре пролетариата, как класса, и речи быть не может, а что под этой громкой формулой скрывается диктатура кучки вождей. «Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? Немцев считают около сорока миллионов. Неужели же все

[1] «Речь идет о так наз. «Учредительном Адресе» (Inauguraladresse), написанном Марксом.

сорок миллионов будут членами правительства? Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут рабы. Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом так называемых народных представителей и правителей государства — вот последнее слово марксистов, так же как и демократической школы, — ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли».

А то, что это меньшинство будет состоять из рабочих, совершенно не утешает Бакунина, ибо мы уже знаем его взгляд на неизбежную порчу рабочих, избранных в качестве народных представителей. Столь же мало утешает его то, что эти рабочие будут убежденными и к тому учеными [1] социалистами. Он с такой подозрительностью относится к марксистам, что даже слова «научный социализм» он понимает в таком смысле, будто они «доказывают, что мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!».

Бакунин знает про указание марксистов, что диктатура пролетариата будет временной и непродолжительной, и что после экономического преобразования общества «всякое управление сделается скоро ненужным, и государство, утратив весь политический, т.-е. господствующий характер, обратится само собою в совершенно свободную организацию экономических интересов и общин». Но он находит, что здесь явное противоречие, и что анархические заявления марксистов вынуждены. «Своею полемикою против них, — говорит он, — мы довели их до сознания, что свобода или анархия, т.-е. вольная организация рабочих масс снизу вверх, есть окончательная цель общественного развития, и что всякое государство, не исключая и их народного, есть ярмо, значит, с одной стороны порождает деспотизм, а с другой — рабство» [2].

---

[1] Маленькая передержка. «Ученый» поставлен здесь вместо «научный», для того чтобы обеспечить дальнейшую демагогическую выходку.

[2] А между тем это «сознание» имеется уже в «Коммунистическом Манифесте» 1848 года, когда Бакунин был еще простым демократом с расплывчатыми бунтарскими устремлениями!

И Бакунин резюмирует свою полемику против идеи народного государства следующими словами: «Основной пункт этой (марксистской) программы: освобождение (мнимое) пролетариата посредством только одного государства (!?). Но для этого надо, чтобы государство согласилось быть освободителем пролетариата из-под ига буржуазного капитала. Как же внушить государству такую волю? Для этого могут быть только два средства. Пролетариат должен совершить революцию для овладения государством — средство героическое. По нашему мнению, раз овладев им, он должен немедленно его разрушить как вечную тюрьму народных масс; по теории же г. Маркса, народ не только не должен его(?) разрушать, напротив, должен укрепить (?) и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей, опекунов и учителей — начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массы народа разделят на две армии: промышленную и землепашескую под непосредственною командою государственных инженеров, которые составят новое привилегированное науко-политическое сословие. Видите, — победоносно заключает Бакунин,— какая блистательная цель поставлена народу школою немецких коммунистов!» [1].

Указание, что диктатура пролетариата будет временной, также отводится Бакуниным. «Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство; свобода может быть создана только свободою, т.-е. всенародным бунтом и вольною организациею рабочих масс снизу вверх» [2].

По уничтожении политических и юридических государственных учреждений коллективизм у освобожденного народа разовьется самостоятельно силою вещей. Навязывать же его насильственно сверху вниз противоречит самому принципу революции. «По какому праву рабочие станут навязывать крестьянам какую-либо форму правления или экономической организации? Скажут, по праву революции. Но революция перестает быть революцией, когда она действует деспотически и когда,

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 213—221.

[2] Ibid., стр. 218.

вместо того, чтобы вызвать в массах свободу, вызывает в их среде реакцию. Средством и условием, если не главной целью, революции является уничтожение принципа власти во всех его возможных проявлениях, полное уничтожение политического и юридического государства, потому что государство, — младший брат церкви, как прекрасно показал Прудон, — служит историческим освящением всякого деспотизма, всех привилегий, политическим основанием всякого экономического и социального порабощения, сущностью и центром всяческой реакции»[1].

Бакунин был, повидимому, твердо убежден в том, что коммунисты-государственники полагают, будто «социальная революция может быть выполнена декретом, может быть организована диктатором или каким-либо собранием выборных, вышедших из недр политической революции», и торжественно противопоставлял им пример социалистов Парижской Коммуны, полагавших, напротив, что «социальная революция не может быть сделана, не может достигнуть полного развития своего иначе, как при посредстве продолжительной и стихийной деятельности рабочих масс, групп и организованных обществ самого народа» [2]. Что это — азбука марксизма, кладущего в основу своего мировоззрения, своей программы и тактики, одним словом, всей своей работы самодеятельность сознательных и организованных рабочих масс, об этом Бакунин как будто и не догадывается. Смотря на себя как на защитника интересов крестьянства, якобы игнорируемых марксистами, он очень опасался, как бы захвативший власть пролетариат не вздумал применить методы революционной диктатуры к крестьянской массе [3]. С другой стороны, он всерьез или в по-

---

[1] «Письма к французу»; повторено в «Кнуто-Германской Империи», стр. 56—57.

[2] «Парижская Коммуна», стр. 11, 13.

[3] Прудон, истинный идеолог крестьянства (и даже не революционного, а консервативного), также брал на себя защиту интересов крестьянства от коммунистов, якобы посягающих на его землю и угрожающих ему насильственной экспроприацией. Высказываясь против «правительственной и коммунистической системы» (т.-е. того, что Бакунин называл «авторитарным» или «государственным» социализмом), Прудон уверяет, что он фатально обречен на поражение, и продолжает: «Если бы идея сельскохозяйственной ассоциации или государственного земледелия когда-либо серьезно была осуществлена во время революции, — предполагая, что правительство сохранилось бы во время революции, направленной главным образом против него, — то крестьянство было бы поставлено перед вопросом об инсуррекции. Ему угрожала бы тирания со стороны тех самых людей, которые называли бы

лемических целях высказывал опасение, что революционная диктатура немецкого пролетариата может быть направлена п р о т и в с л а в я н с к и х н а р о д о в, и в качестве старого борца за «славянское дело» спешил защитить славян от возможных посягательств со стороны социалистического пролетариата. «Для меня, — говорит он, — и то, и другое притязание равно ненавистно, и я заявляю, что как в международных отношениях, так и в отношениях одного класса к другому я буду всегда на стороне тех, которых захотят цивилизовать таким (т.-е. насильственным) способом. Я восстану вместе с ними против всех этих высокомерных цивилизаторов, и, восстав против них, я буду служить революции против реакции»[1].

Еще бы! Но вся беда в том, что все эти страхи представляли продукт разгоряченной фантазии или полемических увлечений Бакунина. В программе Маркса революционная диктатура направлена п р о т и в г о с п о д с т в у ю щ и х к л а с с о в и имеет в виду ускорить возвращение обществу орудий производства, а также обезопасить его от возможных возвратных покушений реакции. Вместе с тем в программе ближайших мер, рекомендуемых «Коммунистическим Манифестом» в момент революции, говорится о конфискации одного лишь крупного землевладения, и никогда Марксу в голову не приходило насильственным путем экспроприировать мелкое крестьянство. А впоследствии Энгельс и Каутский (когда он был еще революционным марксистом) определенно высказали ту мысль, что введения коллективизма в деревне марксисты ожидают от самостоятельной деятельности крестьянских масс, употребляя выражение Бакунина, снизу вверх. Зато метод Бакунина, советую-

---

себя «социалистами» («Idée générale», стр. 218). Это сильно напоминает заботы Бакунина, но с одним весьма существенным различием: Прудон, как идеолог мелкой буржуазии, был ярым противником принципа ассоциации, особенно в земледелии; он высказывался против всякого ограничения «свободы сделок и наследования» (Бакунин, как мы знаем, стоял даже за отмену наследования); он был даже против сдачи государством земли крестьянам в аренду и хотел сделать крестьян неограниченными собственниками своих участков. Повторяя известное «поэтическое» выражение Мишле, Прудон говорил, что крестьянину «нужна не аренда, не наложничество, а брак» с землею, и утверждал, что после «социальной ликвидации» (хороша «ликвидация»!) «придется серьезно подумать о передаче земли пахарю на началах неограниченного распоряжения (en toute souveraineté)» («Idée générale», стр. 219—221). Это, конечно, имеет мало общего с идеалом Бакунина, который стоял за коллективизм и в земледелии, но только опасался, чтобы попытки городского пролетариата насильственно навязать крестьянству коммунизм не вызвали реакции со стороны деревень.

[1] «Кнуто-Германская Империя», стр. 58.

щий пролетариату отказаться от использования централизованного государственного механизма в интересах своего социально-экономического освобождения и рекомендующий начать социальную революцию с разрушения государства, сожжения всяких бумаг и документов и т. п., не только не гарантирует успеха народного дела, но, напротив, ставит его под большой вопрос.

Опыт русской революции подтвердил правоту коммунистической программы и тактики. Единственная удачная революция трудящихся обязана своею победою как раз тому, что Бакунин отвергал как уклонение или измену пролетарскому делу: централизованной и дисциплинированной рабочей партии, ведущей политическую борьбу в подготовительный период, руководящей всеми проявлениями рабочего движения, в том числе и профессиональной борьбой, захватившей политическую власть, установившей диктатуру пролетариата, действующей путем декретов и вместе с тем вызывающей во все более широком масштабе самодеятельность трудящихся масс. Уже сейчас ясно, что рабочее государство, созданное коммунистами или трудящимися массами под их руководством, представляет по существу нечто отличное от государства старых правящих классов, являясь во многих отношениях переходной стадией к будущему общежитию, которое, по доведении до конца социального преобразования, сведет на-нет или до минимума элемент принуждения, столь возмущавший Бакунина в буржуазно-помещичьем государстве. Верно, что этот элемент принуждения и насилия временно сохранился и в рабочем государстве, а подчас принял в нем даже более резкие формы, но, во-первых, он направлен теперь не к защите эксплоатации человека человеком, а к ее устранению, а во-вторых, это — единственный способ, предоставленный человечеству историей для окончательного уничтожения эксплоатации и угнетения и для создания условий, в которых будет действительно обеспечена столь дорогая Бакунину — да и другим, надо полагать, — свобода личности и трудовых коллективов. Стоит сравнить эту советскую революцию с Парижской Коммуной 1871 года, которую Бакунин готов был (и напрасно!) об'явить применением анархических принципов, которая действовала без руководства политической партии, а потому пускала в ход диктатуру и декреты бессистемно и беспорядочно, чтобы убедиться в том, насколько неправильна была тактика, рекомендованная Бакуниным в целях «социальной ликвидации», и насколько, наоборот, правильна была тактика, намеченная коммунистами и едино способная обеспечить освобождение трудящихся.

5. Бунтарство как метод борьбы.

Если идеалом Бакунина была анархия, то методом его осуществления было бунтарство. Он настолько был проникнут бунтарским духом, что, как мы помним, об'явил дух возмущения одним из трех основных исторических факторов на-ряду с животною природою человека и мыслью [1]. Если одним из элементов свободы он признает полное развитие человеческих способностей в о б щ е с т в е, то другим ее элементом он признает бунт человека против всякого авторитета, божественного и человеческого, коллективного и индивидуального [2]. Провозгласив на заре своей политической карьеры знаменитый принцип: «страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть», этот вечный бунтарь в последнем своем крупном литературном произведении заявлял, что без страсти к разрушению революционное дело немыслимо и невозможно, «потому что не может быть революции без широкого и страстного разрушения, — разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и только посредством него зарождаются и возникают новые миры» [3].

«Как в природе, так и в обществе порядок без борьбы — это смерть» [4]. Борьба есть основной фактор жизни: «борьба, это — активная мысль, это — жизнь, а активная и жизненная мысль, это — сила» [5]. И это совершенно естественно: ибо «борьба — это жизнь, а жизнь — это сила». И Бакунин напоминает, что никогда Франция не была так сильна, как в те эпохи, когда она потрясалась внутренними конфликтами, как, напр., в 1792—1793 годах.

«Возмущение это — инстинкт жизни; даже червь и тот возмущается против давящей его ноги, и можно сказать вообще, что жизненная энергия и сравнительное достоинство всякого животного измеряются

---

[1] «Бог и Государство», стр. 3. — Ср. там же стр. 5: «Да, наши первые прародители, наши Адамы и Евы были если не гориллы, то очень близкие родственники горилл, всеядные, разумные и свирепые животные, одаренные в большей степени, чем животные других пород, двумя драгоценными способностями — способностью мыслить и склонностью к протесту, к бунту, к революции. Многообразные комбинации этих двух способностей и составляют движущую силу исторического процесса, ведущего к полному торжеству человеческого начала над животным».

[2] «Dieu et l'Etat», — «Oeuvres», том I, стр. 282—283.

[3] «Государственность и Анархия», стр. 32.

[4] «Парижская Коммуна», стр. 15.

[5] «Lettres à un francais», — «Oeuvres», том II, стр. 115; ср. «Кнуто-Германская Империя», стр. 61.

интенсивностью присущего ему бунтарского инстинкта. В животном, равно как и в человеческом мире нет более унизительного, бессмысленного и подлого свойства или привычки, как привычка к повиновению и смирению. И я утверждаю, что никогда на земле не было такого низко павшего народа, который, по крайней мере, в начале своей истории, не восставал против ига своих завоевателей, своих поработителей, своих эксплоататоров, против ига государственного». Государство победило; все до сих пор происходившие революции были лишь междоусобной свалкой привилегированных классов. «А массы? Увы! Следует признаться, они допустили себя глубоко деморализовать, расслабить, чтобы не сказать оскопить, разлагающим действием государственной цивилизации. Подавленные и униженные, они усвоили роковую привычку к бараньему послушанию и смирению и таким образом превратились в большие стада, искусственно разделяемые и загоняемые к вящему удобству их эксплоататоров всякого рода» [1].

Бакунин поставил задачей своей жизни бороться с этим настроением трудящихся масс и вызывать в них склонность к активному протесту. В этом смысле он провозгласил культ Сатаны, которого он считал как бы воплощением и олицетворением бунтовского духа. Бакунин восхваляет Сатану, этого «вечного мятежника, первого свободного мыслителя и эмансипатора миров. Он заставляет человека устыдиться своего животного невежества и своей покорности; он эмансипирует человека, побуждая его ослушаться и вкусить плода познания» [2]. Возражая маццинистам, которые надеялись отпугнуть итальянских рабочих от Интернационала, об'являя его делом дьявола, Бакунин восклицает: «Бедняжки! они, значит, не знают, что во все времена дьявол сильнее всего занимал человеческий род. А! Интернационал, это — воплощение Сатаны, значит с ним надо поскорее свести знакомство» [3].

Современный Сатана, неукротимый бунтовщик, это — революционный пролетариат, который после каждого поражения восстает вновь

---

[1] «Fragment... de l'Empire Knouto-Germanique», — «Oeuvres», том IV, стр. 453 — 455. — «Только в инстинкте свободы, в ненависти к угнетателям и в силе возмущения против всего, что носит характер эксплоатации и владычества в мире, против всякого рода эксплоатации и деспотизма проявлялось человеческое достоинство наций и народов» («Кнуто-Германская Империя», стр. 135). «Бороться с врагом до крайности, не давая ему ни отдыха, ни срока, — это доказательство энергии, жизненности и моральности». «Циркулярное послание к итальянским друзьям», «Oeuvres», том VI, стр. 319.

[2] «Бог и государство», стр. 5.

[3] «La théologie politique de Mazzini et l'Internationale», 1871, стр. 24.

с непобедимой силой. «По мацциниевскому, равно как по христианскому учению, зло, это — сатанинский бунт человека против божественной власти, — бунт, в котором мы, наоборот, усматриваем плодовитое зерно всяческого человеческого освобождения. Подобно богемским фратичелли XIV века социалисты-революционеры в настоящее время узнают друг друга по следующим словам: во имя того, кого несправедливо обидели, привет! Но только современный Сатана, побежденный, но не усмиренный бунтовщик, называется Парижской Коммуной» [1]. И, как мы знаем, Прудона Бакунин хвалил за то, что тот в минуты революционного просветления «провозглашал анархию и поклонялся Сатане».

У Бакунина часто встречается выражение «чорт в теле». Оно применяется им к людям, проникнутым «сатанинским» духом возмущения, «революционной страстью». Членов Конвента и в особенности Дантона он восхваляет за то, что они обладали этой страстью и благодаря этому могли творить настоящие чудеса. «Они имели дьявола в теле, и им удалось всадить этого дьявола в тело всей нации» [2]. Предвидя крестовый поход против социалистов в Германии, а за нею и повсюду, Бакунин заявляет, что он не боится этой войны, а, напротив, «рассчитывает на нее, чтобы всадить чорта в тело рабочих масс. Она положит конец всем этим рассуждениям без разрешения вопроса и без конца (ins Blaue hinein), которые усыпляют, которые изнуряют, не приводя ни к какому результату, и она зажжет в груди пролетариата Европы ту страсть, без которой никогда не бывает победы» [3].

Это выражение «le diable au corps» попадается у Бакунина повсюду: и в его сочинениях, и в письмах, и в уставах организованных им тайных братств, и т. д. Как мы помним, «интернациональным братом», по тайному уставу его Альянса, мог быть только тот, кто «искренно принял всю программу со всеми ее теоретическими и практическими последствиями, и кто к уму, энергии, честности и скромности присоединяет еще революционную страсть — носит чорта в теле». Относительно национальных бюро, составленных из «национальных братьев», в том же уставе говорится, что они должны быть очень деятельны и «помнить, что принципы, программы и правила только тогда и стоят чего-нибудь,

---

[1] «La théologie politique de Mazzini», стр. 56. — Подчеркнутое приветствие итальянские бакунисты впоследствии применили к самому Бакунину и включили его в поднесенный ему адрес (см. том IV).

[2] «Кнуто-Германская Империя», стр. 41; ср. «Lettres à un français», — «Oeuvres», том II, стр. 88, 127 и след., 215, 233 и след.

[3] «Кнуто-Германская Империя», стр. 99.

когда личности, которые должны приводить их в исполнение, носят в себе чорта в теле».

В этих словах содержится идеализация основного свойства профессионального революционера в том виде, как его рисовал себе Бакунин, который сам был законченным образчиком этой, позже почти исчезнувшей в Европе, породы. Готовность во всякий момент отказаться не только от условий мирного существования, но и рискнуть своей буйной головушкой в интересах «дела», активное неприятие существующего строя, решимость и энергия, склонность к самым отчаянным выступлениям — таковы были те черты, которых Бакунин требовал от профессионального революционера, и которыми он сам обладал в полной мере. Эти-то черты он и об'единяет в символическом выражении «чорт в теле».

Все эти свойства должны служить «делу разрушения». Но, как мы знаем, Бакунин не понимал разрушительной работы в исключительно отрицательном смысле. Напротив, для него разрушение и созидание связаны неразрывно. «Эти две стороны одного и того же вопроса, — одна отрицательная, а другая положительная, — неотделимы одна от другой. Никто не может стремиться к разрушению, не представляя себе хотя бы в отдаленной форме, справедливой или ложной, тот порядок вещей, который должен, по его мнению, заменить существующий в настоящее время, и чем живее он представляет себе этот идеал, тем могучее становится его разрушительная сила; и чем больше этот желанный строй приближается к истине, т.-е. чем более он соответствует необходимому развитию современного социального мира, тем спасительнее и полезнее становятся результаты его разрушительной деятельности. Ибо разрушительная деятельность не только по своему существу и по степени своей интенсивности, но и по своей форме, по своим путям и средствам всегда обусловливается тем положительным идеалом, который составляет ее основной импульс, ее душу»[1].

Разрушение симпатично Бакунину не само по себе, а именно в интересах созидания. «Перед тем, как творить, или, лучше сказать, перед тем, как помогать народу творить новые организации (т.-е. анархическую организацию после «разрушения государства». — *Ю. С.*), необходимо добиться победы. Что бы там ни говорили, господствующая в настоящее время система сильна не своею идеею и внутреннею моральною крепостью, которые в действительности ничтожны, а всею механическою, бюрократическою, военною и полицейскою организациею госу-

---

[1] «Protestation de l'Alliance» (loc. cit., стр. 66—67).

дарства, знанием и богатством классов, заинтересованных в ее поддержке» [1]. Все это необходимо разрушить именно для того, чтобы на развалинах государства построить новое идеальное общество.

Совершенно естественно, что Бакунин отвергает путь мирной деятельности в интересах народного освобождения. «Другой путь — боевой, бунтовской. В него мы верим, и только от него мы ждем спасения» [2]. Относительно России Бакунин говорил, что народ наш находится «в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню» [3]. Но и относительно Запада он, вплоть до своего разочарования в революционности европейских народных масс, придерживался такого же революционного оптимизма. «Мы в разгаре революции» [4], — готов он был сказать не только во время франко-прусской войны, но и во всякую минуту. И это неудивительно, если припомнить, что для Бакунина бедственное экономическое положение народных масс равнозначительно было их бунтовскому настроению и революционному состоянию страны. Народ всегда-де готов к революции, к принесению всевозможных жертв потому, что, «имея лишь очень мало или не имея вовсе собственности, народные массы не развращены ею». Для революции требуется нищета масс, их отчаяние и общенародный идеал, вера народа в свое право, а этот идеал и эта вера, как мы увидим ниже, всегда существуют в народном сознании, по убеждению Бакунина [5].

Итак, бунт всегда возможен, но всегда ли он полезен? Бакунин, не колеблясь, утвердительно отвечает на этот вопрос. «Всякий бунт, — говорит он, — как бы неудачен он ни был, всегда полезен» [6]. И полезен он в двояком отношении: во-первых, он приучает народ верить в свои силы и развивает в нем энергию (что сплошь и рядом дело обстоит как раз наоборот, что неудачные, преждевременные, разрозненные восстания уничтожают зародыши организации там, где они существуют, и повергают массу в уныние, — над этим Бакунин вплоть до Парижской Коммуны, да иногда и после нее, не очень-то задумывался); а, во-вторых, потому, что при повсеместном революционном настроении народа всякий частичный бунт при известных благоприятных условиях легко

---

[1] «Циркулярное послание», loc. cit., стр. 352—353.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 260.

[3] Ibidem.

[4] «Lettres à un français», «Oeuvres», том II, стр. 227.

[5] «Государственность и Анархия», стр. 32, 36—37, 247 и след.

[6] «Государственность и Анархия», стр. 260. — Исключения, вроде замечаний в статье о «Двойной женевской стачке» (1869 год), у Бакунина весьма редки.

может перейти во всеобщее народное восстание, в революцию. Он страшно преувеличивал всякое стихийное движение масс и готов был признать его за первую ласточку «социальной ликвидации». Вспоминая о движении против налога на помол, имевшем место в Палермо в 1866 году, он даже такому чисто местному и ограниченному брожению, вдобавок лишенному всякой сознательной революционной мысли, приписывает самое серьезное значение и прямо говорит, что если бы это движение было поддержано революционной интеллигенцией, и если бы оно было хорошо организовано (вот именно «если бы»!), то оно привело бы к глубокой революции [1]. Поражения, понесенные массою во время отдельных стихийных бунтов, ничуть не обескураживали Бакунина. И еще в 1873 году, уже после лионского, марсельского и парижского опытов, он говорил Дебагорио-Мокриевичу: «Пусть нас разобьют раз, десять раз, двадцать раз, но если в двадцать первый раз народ нас поддержит, то жертвы окупятся» [2]. Что после двадцати неудачных вспышек народ может на двадцать первую не пойти, это Бакунину, видимо, не приходило в голову. Напротив, для него гораздо характернее постоянная ставка ва-банк. «Пан или пропал», — говорит он, отправляясь в Лион, чуть ли не с декретом об уничтожении государства в кармане [3]. И только после ряда горьких опытов он убеждается (да и то с последующими рецидивами революционной лихорадки), что с помощью такого метода в паны попасть трудновато.

Впрочем, Бакунина интересовала главным образом самодеятельность народных масс, непосредственное решение ими своей собственной судьбы. Замечательно, что Бакунин, предвосхитивший во многих пунктах теорию «революционного синдикализма», употребил также (правда, по другому поводу) то выражение action directe, — непосредственное (прямое) действие, — которому впоследствии суждена была такая громкая слава в качестве синдикалистского лозунга. В «Письмах к французу о современном кризисе» он, говоря о грозящей Франции катастрофе, замечает, что предотвратить ее может только «всемогущее прямое действие самого народа» [4]. Завещанный французскому обществу якобинцами культ государства, по словам Бакунина, губит страну, «парализуя единственный остающийся у нее источник и единственное средство освобождения — свободное развитие народных

---

[1] «Oeuvres», том VI, стр. 348—349.

[2] «Воспоминания Вл. Дебагория-Мокриевича», Спб. 1906 г., стр. 97.

[3] «Переписка», стр. 305. — Подробно о лионской попытке см. в первой части IV тома.

[4] «Oeuvres»», том II, стр. 119.

гил» [1]. Это свободное развитие народных сил, эта самостоятельная деятельность народных масс в глазах Бакунина имела столь колоссальное историческое значение, что он готов был примириться со всеми ее временными и случайными промахами и заблуждениями. Главное — это активность, а не созерцание, не резонерство. Говоря о разрыве между французской буржуазией и пролетариатом, он приветствует его, но лишь под тем условием, «чтобы этот разрыв был не пассивным, а активным» [2]), и мысль об индиферентном отношении французских рабочих к нашествию пруссаков кажется ему нестерпимой. Вместе с гетевским Фаустом он готов сказать: «Вначале было дело». Если за словами не следует дело, они ничего не стоят. «Будем мало говорить о революции, а будем много ее делать, — замечает он. — Оставим теперь другим заботу теоретически развивать принципы социальной революции и удовольствуемся широким их применением, воплощением их в факты» [3].

Факт противоставляется слову не только в том смысле, что первый есть нечто конкретное и реальное, тогда как второе сплошь и рядом представляет пустую абстракцию, но еще — и даже главным образом — в том отношении, что народная масса, по мнению Бакунина, способна воспринимать идеи только в конкретной, фактической оболочке. «Народ мыслит фактами, а не словами, — говорит Бакунин, — он большей частью презирает слова. Поэтому надо убеждать его фактами, а не абстрактно-логическими заключениями» [4]. Бакунин говорит это по поводу того, что было бы нелепо бороться с религиозными предрассудками народа путем книжной или словесной пропаганды свободомыслия. Но то же самое он говорит относительно пропаганды социально-революционных идей вообще. «Только отдельные лица, да и то не в большом числе, действуют под влиянием отвлеченной и чистой «идеи». Миллионы, массы не только среди пролетариата, но и среди образованных и привилегированных классов обыкновенно поддаются только силе и логике «фактов», так как в большинстве случаев они понимают и имеют в виду лишь свои непосредственные интересы или минутные страсти, всегда в большей или меньшей степени слепые» [5]. Отсюда Бакунин между прочим делает тот вывод, что вести агитацию среди рабочих необходимо на почве их ближайших насущных потребностей, — идея, которую впослед-

---

[1] «Кнуто-Германская Империя», стр. 23.
[2] «Oeuvres», том II, стр. 254.
[3] Ibid., стр. 226—227.
[4] «Всесветный союз», стр. 33.
[5] «Protestation de l'Alliance», — «Oeuvres», том VI, стр. 70.

ствии усвоили русские бакунисты, «бунтари» или «народники», применив этот метод сначала к крестьянству, а затем и к рабочим; этою же идеею впоследствии вдохновлялась русская социал-демократия, хотя и не сопровождала ее теми комментариями, которые ей придавал сам Бакунин и его последователи — бунтари.

Подорвать во французском крестьянстве его реакционные устремления правительственными мерами или абстрактной пропагандой революционеров решительно невозможно, говорит Бакунин. «Системе революционных декретов я противопоставляю систему революционных фактов, единственно действительную, последовательную и верную, помимо вмешательства какого бы то ни было официального или авторитарного насилия» [1]. Никакими декретами, приказами или увещаниями здесь ничего не сделаешь; необходимо вызвать самодеятельность самих масс, способствовать их вольной организации снизу вверх, а главное — показать им наглядный пример. Бонапартистские предрассудки французского крестьянства необходимо разрушить в фактах, разбивая административную машину и подрывая влияние людей, поддерживающих империалистический фанатизм (при этом Бакунин проявляет такую осторожность, что не советует ничего говорить против императора лично).

«На крестьянина, натуру реалистичную и недоверчивую, можно сильно действовать только позитивными средствами. Достаточно сказать, что декреты и прокламации, будь они даже подписаны всеми членами, впрочем, совершенно неизвестными ему, правительства Национальной обороны, равно как и газетные статьи, не имеют на него никакого влияния. Крестьянин не читает. Ни его воображение, ни его сердце не открыты идеям, поскольку они появляются в литературной или абстрактной форме. Чтобы повлиять на него, эти идеи должны быть даны ему с помощью живого слова живых людей и силою фактов. Тогда он слушает, понимает и под конец дает себя убедить» [2].

При этом Бакунин поясняет, что «индивидуальная пропаганда, если даже она ведется самыми великими революционерами на свете, не может иметь особенно большого влияния на крестьян. Риторика не производит на них никакого впечатления, и слова, если они не являются манифестацией силы и не сопровождаются непосредственно фактами, остаются для них только словами» [3]. Раз в наличности имеется хотя бы небольшая организованная группа революционеров, она должна оку-

---

[1] «Oeuvres», том II, стр. 95.
[2] «Кнуто-Германская Империя», стр. 39.
[3] Ibid., стр. 49.

нуться в народный океан и пропагандировать свои принципы «уже не словами, а фактами, так как это — самая популярная, самая могучая и самая непреодолимая форма пропаганды [1].

Революционеры должны являться в деревню не по одиночке, а целыми дружинами; лучше всего, если последние будут состоять из рабочих, так как рабочие из всех классов общества ближе всего стоят к крестьянству. Эти дружины не должны ограничиваться словесной пропагандой, а показать крестьянам наглядный пример «социальной ликвидации»: они должны захватить правительственные здания, сместить административных лиц, конфисковать правительственные капиталы, сжечь все официальные бумаги и всякого рода документы, в которых концентрирована эксплоатация народа высшими классами, и призвать крестьян к свободной, автономной организации [2]. Такова бакунинская тактика, которая лишь отчасти была усвоена русскими бунтарями и почти в полном виде применена была итальянскими анархистами во время известной беневентской попытки [3].

Так сложилась анархическая теория «пропаганды фактами», рассчитанная главным образом на крестьянскую массу, расшевелить которую иными средствами бунтари не считали возможным (да оно и понятно ввиду тех целей, которые они себе ставили). Задачею этой «пропаганды фактами» было: уронить авторитет государства в глазах народа, призвать последний к самостоятельному «антигосударственному» действию, а главное — установить, говоря словами Бакунина, «живую бунтовскую связь между раз'единенными общинами».

Совершенно естественно, что различные социальные элементы Бакунин оценивал сплошь и рядом преимущественно с точки зрения их готовности и склонности к бунтовским выступлениям, с точки зрения интенсивности их бунтовского чувства. Он готов был и пролетариат ценить с этой специфической точки зрения, и вполне понятно, что в этом отношении он должен был отдавать преимущество не рабочей интеллигенции, по его мнению зараженной «буржуазным» духом, а лумпен-пролетариату, как элементу более подходящему для всякого рода бунтарских экспериментов. С этой же точки зрения он ценил и революционное крестьянство, которому он также отдавал предпочтение перед рабочей интеллигенцией. Что он восхваляет «уличного маль-

---

[1] «Oeuvres», том II, стр. 227.
[2] «Письма к французу» и «Кнуто-Германская Империя», passim.
[3] См. нашу книгу «Первый Интернационал», часть II, глава VII.

чишку-гамена, революционера и героя»[1], этого деятельного участника всех революционных потрясений и застрельщика всех мятежей, это еще куда ни шло: для преклонения перед этим сыном парижской мостовой не нужно быть анархистом. Ведь и Гюго (в «Несчастных») увенчал его лаврами. Но Бакунин в своей апологии бунтарства пошел дальше и дошел до идеализации разбоя. Возмущаясь смирением крестьянской общины, покорно гнущей шею перед своими угнетателями, и отыскивая в русской действительности такой социальный элемент, который, как ему казалось, был российским воплощением идеи бунта, он открыл его в разбойниках. «Кроме царя, его чиновников и дворян, стоящих, собственно, вне мира или, вернее, над ним, — говорит он в «Государственности и Анархии», — есть в самом русском народе лицо, смеющее итти против мира: это — разбойник. Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России, — первые бунтовщики, первые революционеры в России, Пугачев и Стенька Разин, были разбойники»[2]. В известном письме к Герцену и Огареву от 19 июля 1866 года он полемизирует с их преклонением перед великорусской крестьянской общиной и в противовес ее рабской покорности снова не находит в русской жизни другого антипода этой покорности, кроме разбойного мира, если не считать мира раскольничьего, который он в то время также идеализировал вместе с Герценом и Огаревым. «Есть, правда, другая сторона, — говорит он там, — бунтовская, стенькиразиновская, пугачевская, раскольничья, — единственная сторона, от которой должно, по моему мнению, ждать морализации и спасения для русского народа. Ну, да это сторона уж не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто-революционная, — революционная даже и тогда, когда она пробуждается с призывом царского имени»[3].

Особенно подробно Бакунин развивал свою идеализацию разбоя в «Постановке революционного вопроса». Здесь он признал разбой одною

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 178.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 256. — Ср. «Постановку революционного вопроса» и другие бакунинские писания нечаевского периода (см. четвертую часть этого тома). Если бы это было даже верно (а еще весьма сомнительно, можно ли зачислить Пугачева и Стеньку Разина в разряд разбойников tout court), то смешивать с разбоем массовые народные движения, хотя и сопровождающиеся эксцессами, вряд ли дозволено. Мы не говорим уже о том, что разбойники проникнуты самой вульгарной мещанской и собственнической психологией (см., например, «Записки из Мертвого Дома» Достоевского).

[3] «Переписка», стр. 177.

из почетнейших форм русской народной жизни и рекомендовал революционной молодежи итти в этот разбойничий мир на-ряду с крестьянством для сплочения сил того и другого в народную революцию.

Эти наставления можно было бы принять за шутку или даже за злостную карикатуру. Но, увы! Бакунин писал все это всерьез. Перед лицом европейской публики он не позволял себе выступать с подобной проповедью [1], хотя и в Европе, а особенно в излюбленной им Италии, разбойников всякого рода имелось тогда немало. Но все дело в том, что в Европе, кроме разбойников, были еще гамены, босяки, а также более серьезные элементы, как пролетариат и революционное крестьянство. В России же [2] Бакунин, кроме разбойников, других элементов с «чортом в теле» не усмотрел и на этой почве революционного запоя договорился до таких нелепостей, как отождествление разбойников с революционерами, и до приглашения учащейся молодежи итти в разбойничий мир, в интересах народного освобождения [3].

Характерно, что аналогичную идею слияния революционного движения с разбойным миром проповедывал в 40-х годах немецкий коммунист Вейтлинг, когда он оторвался от массового рабочего движения и уединился в гордом озлоблении. Бакунин, как мы знаем, познакомился с Вейтлингом в Швейцарии. Кто из них на кого повлиял в этом вопросе, неизвестно; но очень может быть, что наш «скиф» и «варвар» внушил несчастному Вейтлингу эту гениальную идею. Впрочем, даже Вейтлинг

---

[1] Но, как увидим ниже, в частных беседах с особенно близкими лицами, как, например, с А. Ришаром, он излагал приблизительно такие же взгляды на разбой, хотя, разумеется, не выставлял разбойников в качестве единственных и надежнейших революционеров.

[2] В странах отсталых и преимущественно крестьянских энергичные личности, не желающие мириться с насилием помещиков и агентов дворянской власти, часто уходили в банды и по-своему протестовали против диких общественных условий. В таких странах среди порабощенной массы, смиренно переносившей иго помещичьего государства, действительно складывалась идеализация разбойников, лихих ребят, гайдуков (как на Балканах, в Болгарии, Румынии, Сербии, так и в России, отчасти в старой Австрии и т. п.). Отголоском таких настроений подавленных сельских масс этих отсталых стран и является идеализация разбоя у Бакунина.

[3] По этому поводу удачно выразился Жорес, говоря о «Разбойниках» Шиллера: «Если дело справедливости принимает формы разбойничества, если защиту бедного крестьянина и честного торговца против притеснений дворян и юристов берут на себя разбойники с большой дороги, это — лишь доказательство того, что возможность нового политического и социального порядка еще и не чувствуется» («История великой французской революции», ГИЗ, Москва, том III, выпуск II, стр. 70).

не доходил до признания уголовных преступников «настоящими и единственными революционерами» [1].

Но, будучи сторонником инсуррекционных вспышек и активных выступлений инициативного меньшинства, Бакунин в то же время высказывался не за индивидуальные, а лишь за групповые акты. Его бунтарство имело коллективный, а не индивидуальный характер. Относительно некоторых личных покушений террористического характера он высказывался прямо отрицательно, находя их вредными для народного дела. Мы помним его отзывы в таком смысле о покушении Ярошинского на вел. кн. Константина в Польше (1862 год) и о покушении Каракозова на Александра II [2]. И даже в произведениях нечаевского периода («Народная Расправа» № 1, «Начала революции» и т. д.), где он высказывается в пользу террора [3], он связывает его с предстоящим народным восстанием и придает ему не индивидуальный, а коллективный характер, направленный против целого класса (см. ниже). Таким образом Бакунина нельзя считать родоначальником тех анархистов, которые впоследствии взрывали частные дома, бросали бомбы в театры и кафе и совершали покушения на разных административных лиц. В пользу такой тактики озлобленных одиночек Бакунин никогда не высказывался [4].

Бакунин был глубоко убежден в спасительности и полезности бунтарского метода действий. Но при этом он признавал колоссальное значение организации. «Рабочих много — говорил он, — но численность не значит ничего, если она не организована» [5]. Неудачу народных движений в Лионе, Марселе и других городах Франции

---

[1] Восхваление разбойничьих методов борьбы с буржуазией мы встречаем у Дежака (см. выше), а также в последующем анархизме (французском, австрийском, особенно русском).

[2] «Переписка», стр. 183.

[3] О принадлежности этих писаний Бакунину см. в четвертой части этого тома.

[4] В своих «Воспоминаниях» Дебогорий-Мокриевич выражается по этому поводу следующим образом: «На этой почве последователями Бакунина была потом построена доктрина так называемого «парлефетизма» (propagande par le fait) в противовес пропаганде словом, приведшая, в конце концов, к анархическим бомбам, столь волнующим в настоящее время цивилизованный мир. Однако разница между современным анархизмом и бакунинским уже прежде всего та, что Бакунин всегда стремился к созданию организованного бунта, а ничуть не единичных убийств, совершаемых к тому же по личному усмотрению, как это мы видим теперь во Франции, — и считать Бакунина ответственным за последние события было бы несправедливо» (стр. 94—97).

[5] «Письмо к французу», — «Oeuvres», том II, стр. 256.

1870—1871 годов он об'яснял именно отсутствием организации. Массы,— говорил он, — это сила, по крайней мере существенный элемент всякой силы; но им недостает двух вещей: организации и знания, которые как раз и составляют силу всех правительств. «Итак, прежде всего организация, которая, впрочем, немыслима без помощи науки. Благодаря военной организации один батальон, состоящий из тысячи вооруженных людей, может сопротивляться и действительно сопротивляется целому миллиону народа, тоже вооруженному, но не организованному. С помощью бюрократической организации государство, располагая несколькими сотнями тысяч служащих, держит в цепях колоссальные страны. Поэтому для того, чтобы создать народные силы, способные раздавить военную и гражданскую силу государства, необходимо организовать пролетариат» [1]. И за эту организацию пролетариата он восхваляет Международную ассоциацию рабочих.

То же самое он говорит, обращаясь к своим итальянским последователям: «Справедливость вашего дела не подлежит сомнению, но чего вам недостает, так это организации ваших сил: организуйте их, а затем ниспровергните все, что противится осуществлению вашей справедливости» [2].Наконец, как мы знаем, временный успех Коммуны и самый факт ее провозглашения он приписывает главным образом организованности парижских рабочих [3]. И свои лекции, читанные юрским рабочим, он заключает горячим призывом к организации [4].

Правда, пропаганда постоянных бунтов, как якобы самого полезного и спасительного дела, и призыв к организации, как единственному залогу успеха, решительно противоречат друг другу. Но Бакунин над этим не задумывался. Вернее, он ставил вопрос как раз наоборот и полагал, что именно в процессе систематических активных выступлений подбе-рутся решительные характеры, создадутся и упрочатся зачатки организации. Действительность показала, что в этом отношении он жестоко заблуждался, а практика его итальянских последователей, особенно усердно применявших рекомендованную им тактику, привела к тому, что зародыши интернационалистических организаций в Италии были совершенно разгромлены, а это, естественно, не могло не вызвать решительной реакции против бакунистских методов борьбы.

Нужно, впрочем, сказать, что иногда голос благоразумия брал у Бакунина верх над революционной чесоткой. Тогда он высказывал до-

---

[1] «Protestation de l'Alliance», — «Oeuvres», том VI, стр. 83.
[2] «Циркулярное послание», — «Oeuvres», том VI, стр. 362.
[3] «Переписка», стр. 316—317.
[4] «Trois conférences» и т. д., — «Oeuvres», том V, стр. 359.

вольно осторожные мысли, о которых, впрочем, очень скоро забывал, так что их отнюдь нельзя признать для него характерными. При этом он иногда впадал даже в преувеличения, перегибая палку в другую сторону. Так, говоря о движении британского пролетариата, он между прочим замечает, что «самая медленность развития движений английских работников есть верный залог непобедимой крепости и неотвратимо разрушительной силы этих движений» [1]. Особенно интересна в этом отношении его статья «Двойная женевская стачка», помещенная в газете «Равенство» в апреле 1869 года [2]. Здесь Бакунин решительно высказывается против преждевременных вспышек и предупреждает женевских рабочих не поддаваться на провокацию буржуазии, которая явно стремится вызвать рабочих на бой раньше, чем они успели надлежащим образом организовать свои силы. Революционен ли Интернационал в смысле баррикад и насильственного низвержения существующего политического строя? — спрашивает Бакунин. Ничуть, — спешит он ответить; более того, проявляя больше роялизма, чем сам король, он спешит уверить читателей, что справедливость осуществится без всякого насилия. Указывая на попытки женевской буржуазии вызвать со стороны рабочих какие-нибудь эксцессы, чтобы раздавить их вооруженной силой, он продолжает: «Рабочие, пойдем ли мы на эту грубую удочку? Нет! Мы доставим этим слишком много удовольствия буржуа и надолго погубим наше дело».

Итак, не всякий бунт полезен? Повидимому, так. По крайней мере, Бакунин ужасно гордился этой статьей и обращал на нее внимание своих юрских друзей в письме, в котором он между прочим иронически писал: «Я выступаю здесь в роли реакционера. Наборщики, очень плохо рассчитавшие и поведшие свои дела, видя, что они зашли в тупик, хотели бы увлечь Интернационал на уличные манифестации, которые если бы они не привели сначала к угрозам, а затем к насилию, ничем бы не кончились, а если бы имели драматический исход, то закончились бы разгромом Интернационала».

В одном номере со статьею «Двойная женевская стачка» помещена была небольшая заметка о рабочей организации [3], написанная в таком же духе. Здесь швейцарским, а также бельгийским рабочим реко-

---

[1] «Всесветный союз», стр. 52.

[2] «Oeuvres», том V, стр. 37 и след.

[3] Эта заметка, по мнению Гильома, принадлежит скорее Перрону, но Гильом поместил ее в полном собрании сочинений Бакунина, так как, по его словам, она вполне выражает те мысли, которые Бакунин проповедывал тогда среди швейцарских интернационалистов.

мендуется потерпеть, пока сигнал к социальному преобразованию не дан будет какой-нибудь великой страной, вроде Англии, Франции или Германии, а в ожидании этого им дается совет сплачиваться и учиться. Заметка кончается следующими словами: «Потерпите, потерпите, придет когда-нибудь день справедливости; а пока сплачивайте ваши ряды и укрепляйте вашу организацию» [1].

Но, повторяем, такого рода заявления были у Бакунина совершенно исключительными и весьма мало соответствовали его обычной бунтарской тактике. Даже когда он разочаровался в близости социальной революции, он сохранил склонность к вспышкопускательству и в своих писаниях, обращенных к русским и к итальянцам, проповедывал прежнее бунтарство. На самые стачки, на рабочие союзы и т. п. он также смотрел главным образом с точки зрения порождения и укрепления ими бунтовского духа и подготовления рабочих к активным выступлениям. По общему складу его мысли другие методы борьбы были ему непонятны или несимпатичны, и если он все-таки признавал их, то лишь в качестве орудия, способного подготовить решительное выступление и воспитать массу в бунтарском духе. Но именно на почве этого бунтарского настроения в нем легко развилось разочарование. Когда он убедился, что Европа из критического периода перешла в органический, и что в ближайшем будущем нельзя ожидать активных выступлений, он с такой же быстротой, с какою раньше готов был признать народ во всякий момент готовым к революции, поспешил поставить на нем крест и признать его обуржуазившимся. По существу это разочарование было так же бесплодно, как бесплодна была и бунтарская тактика, вопреки мнению Бакунина не создавшая никаких революционных сил, не приводившая к новой их организации, а, наоборот, непроизводительно расточавшая ничтожный накопленный революционный капитал и безжалостно разрывавшая слабые нити едва начинавших складываться организаций.

---

[1] «Oeuvres», том V, стр. 48 и след.

Глава четвертая.

НАРОД И ОТДЕЛЬНЫЕ ЕГО РАЗРЯДЫ.

Нам уже приходилось указывать на то, что Бакунин в своих речах и сочинениях слишком часто употребляет неопределенный и социологически неясный термин н а р о д, и что в этом отношении он напоминает демократов 30-х и 40-х годов XIX века. Какое же социологическое содержание влагал Бакунин в этот термин?

«Мы под словом народ, — говорит он, — разумеем всегда главным образом пролетариат» [1]. И в другом месте того же сочинения он повторяет: «народ, т.-е. многомиллионный чернорабочий пролетариат» [2]. Итак, можно было бы думать, что под словом н а р о д Бакунин понимает р а б о ч и й к л а с с в его исторически-определенном значении, т.-е. с присущими ему определенными социально-экономическими чертами. Но на самом деле это не так: Бакунин не выдерживает определенного значения этого слова и сплошь и рядом дает ему совершенно иное толкование. Иногда под народом он разумеет городской и сельский пролетариат; иногда он включает в него и пролетариев, и крестьян, безразлично [3]; иногда же, когда он говорит о России, ему приходится отождествлять народ с одним крестьянством — «мужиками» [4].

Употребление этого неопределенного термина и подстановка в него каждый раз различного содержания отнюдь не свидетельствовали об особенной ясности социологических взглядов Бакунина. Это словоупотребление приводило его к самым неосновательным утверждениям и способно было лишь поселить путаницу в его собственном уме и в со-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 68; писано в 1873 году.

[2] Ibid., стр. 250.

[3] «Oeuvres», том VI, стр. 390: «Le prolétariat des villes et les paysans sont le vrai peuple».

[4] В России,—говорит он,—жив только народ. «Итак, да здравствует крестьянская Россия!» («Русским, польским и всем славянским друзьям», стр. 15; 17).

знании его читателей. Но в то же время оно весьма характерно для выяснения вопроса о происхождении его взглядов и об их социологической основе. Оно лишний раз показывает, что Бакунина никак нельзя признать теоретиком новейшего пролетариата [1], и что его система в значительной своей части представляет идеологическое выражение стремлений и настроений аморфных социальных масс, удобно об'единяемых в таком широком и расплывчатом понятии, как «народ».

Он убеждает своих итальянских последователей, что, идя в народ с анархической пропагандой, они несут ему идеи, являющиеся не чем иным, как «выражением его собственных инстинктов, его собственных стремлений, его собственных нужд [2]. Он утверждает, что «народные массы носят в своих, более или менее развитых историею инстинктах, своих насущных потребностях и своих стремлениях, сознательных и бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации» [3].

Бакунин берет на себя задачу выразить эти народные инстинкты и открыть свой идеал в иделах народа [4]. А так как в это понятие он, как мы знаем, включал самые разнообразные социальные элементы, начиная от крепостного крестьянина и кончая рабочим современной крупной промышленности, то совершенно очевидно, что система, которая хотела выражать инстинкты, стремления и идеалы всего этого пестрого общественного конгломерата, и не могла быть иной, чем та, которую выработал Бакунин. Она должна была взять у всех этих элементов то, что было им обще, т.-е. смутный протест против экономической эксплоатации и политического угнетения, а также стремление сбросить с себя этот гнет. Это, естественно, приводило его к построению анархической программы и бунтарской тактики. Беря за скобку инстинктивные стремления всех этих масс, он и получил свою социальную ликвидацию. «Народ, — говорит он, — в Швейцарии, как и повсюду, инстинктивно и непременно хочет двух вещей: возможно высшего материального благополучия, а также возможно более широкой свободы существования, движения и действия для себя самого, т.-е. наилучшей организации своих экономических интересов и полного отсутствия всякой власти, всякой политической

---

[1] Это вынужден признать и его последователь Фриц Брупбахер в цитированном сочинении «Marx und Bakunin», Мюнхен 1913, 2-е изд., 1922 г.

[2] «Oeuvres», том VI, стр. 421.

[3] «Государственность и Анархия», стр. 165.

[4] Ibid., стр. 165—166.

организации, так как всякая политическая организация фатально приводит к отрицанию его свободы. Такова основа всех народных инстинктов» [1].

Итак, по мнению Бакунина, идеалом народа является анархия. Этот идеал развивается в народных массах самостоятельно, путем горького исторического опыта. «Этот прогресс совершается, конечно, не путем книжного образования, а путем естественного нарастания опыта и мыслей, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию, усовершенствующегося и облекающегося в свои формы, разумеется, чрезвычайно медленно, путем бесконечного ряда тяжких и горьких исторических испытаний, доведших, наконец, в наше время народные массы, можно сказать, всех стран, по крайней мере всех европейских стран, до сознания, что им от привилегированных классов и от нынешних государств, вообще от политических переворотов, ждать нечего, и что они могут освободиться только собственным усилием своим, посредством социальной революции. Это самое определяет всеобщий идеал, ныне в них живущий и действующий» [2].

В письме к Герцену от 23 мая 1867 года Бакунин полемизирует с своим другом, высказавшим то мнение, что, так как массы еще не подготовлены к осуществлению социалистических идей, то проповедывать их теперь непрактично [3]. Бакунин с этим, конечно, не согласен и утверждает, что «мысли эти потому и имеют за собой будущее, что они стихийным образом живут и всегда жили в потребностях масс» [4].

Итак, социализм существует в инстинктах народа. Но одного инстинкта мало, справедливо замечает Бакунин [5]. Приходится считаться и с невежеством масс, которое во все времена было одной из значительнейших причин убийственной медленности прогресса [6]. Но он утешает себя, что народ «готов», ибо много страдает, и что ему недостает лишь знания и организации [7]. Вспоминая изречение Вольтера: «есть некто,

---

[1] «Les Ours de Berne», — «Oeuvres», том II, стр. 38.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 250 (цитаты по заграничному, т.-е. полному изданию).

[3] Герцен возражал собственно против анархических увлечений Бакунина, но при этом приводил такие аргументы, которые при желании можно обратить и против социалистической пропаганды вообще. См., например, его «Письма к старому товарищу».

[4] «Переписка», стр. 204.

[5] «Кнуто-Германская Империя», стр. 35.

[6] «Oeuvres», том I, стр. 296.

[7] «Oeuvres», том VI, стр 82—83.

у кого больше ума, чем у самых великих гениев: это — коллектив (tout le monde)», Бакунин утверждает, что массу достаточно организовать, и тогда все устроится, так как ее инстинкты приведут ее на правильный путь [1]. Правда, в народной истории встречается немало «глупостей», но это не беда: эти глупости неизбежны и даже полезны, так как народные массы учатся на них и рядом фактических неудач и совершаемых ими промахов дорабатываются до истины [2].

Таким образом мы видим, что смутный культ народа, характерный для демократов старой школы, сохранился у Бакунина почти в нетронутом виде и лишь облекся у него в социалистическую форму. Правда, в разгар своих революционных увлечений, когда он надеялся на близость социальной революции, Бакунин, чтобы ускорить ее, готов был прибегнуть к некоторому маккиавелизму, к обману народа, по правилу: «цель оправдывает средства». Так, он советовал своим французским сторонникам начать дело с свержения коммунальной администрации, с изгнания и ареста чиновников, реакционных землевладельцев и священников, «выставляя причиной только их секретное соглашение с пруссаками» [3]. Но вообще по отношению к народу Бакунин рекомендовал искренность и правдивость, а после горького опыта с Нечаевым он, даже с особенной настойчивостью, подчеркивал, что народа никогда и ни под каким предлогом обманывать не следует, и что ему нужно говорить все, всю правду [4]. При этом следует заметить, что поклонение народу не переходило у него в угодливость и прислуживание перед ним. В интересах истины он готов был даже восстать против народа. Упрекая Герцена за его уступки дворянскому общественному мнению в польском вопросе, он говорит, что такая уступка «была бы ошибкою даже и тогда, если весь великорусский народ участвовал бы в этом мнении. Разве правда и право перестают быть правом и правдою потому только, что целый народ становится против них? Бывают моменты в истории, когда люди и партии, сильные тем принципом, тою истиною, которая живет в них, должны для блага общего и для сохранения своей собственной чести иметь мужество остаться одни в уверенности, что истина притянет к ним рано или поздно не старых и лысых ренегатов, возвращение кото-

---

[1] «Историческое развитие Интернационала», стр. 81.

[2] «Всесветный союз», стр. 57.

[3] «Кнуто-Германская Империя», стр. 50.

[4] «Государственность и Анархия», стр. 254; «Oeuvres», том VI, стр. 301. — Исключение он делал, впрочем, для своего Альянса, существование которого должно было оставаться тайною для народа, — разумеется, в интересах революции.

рых совершается всегда в ущерб делу, а новые свежие массы. Ведь истина — не абстракция и не продукт личного произвола, а только наиболее логичное выражение тех начал, которые живут и действуют в массах. Массы иногда по близорукости и невежеству увлекаются в сторону от столбовой дороги, ведущей прямо к их цели, и нередко становятся в руках правительства и привилегированных классов орудием для достижения целей, решительно противных их существенным интересам. Что ж, неужели люди, знающие, в чем дело, знающие, куда надо и куда не надо итти, должны ради популярности увлекаться и врать вместе с ними? В этом ли состоит ваша пресловутая практичность?» [1].

Итак, Бакунин отнюдь не склонен был во имя интересов минуты подлаживаться к народным предрассудкам. Но этого культ народа сам по себе и не требует. И при всей его идейной честности утверждение, что ему присущ был культ народа в старо-демократическом смысле, остается в полной силе, с тем различием, что старые демократы надеялись, что народ своей волей установит справедливость и порядок вообще, а Бакунин прибавил сюда надежду, что народ оснует анархическую вольную организацию с уничтожением частной собственности.

а) Крестьянство.

Нам уже неоднократно приходилось указывать на то, что социальная концепция Бакунина в значительной мере являлась идеологическим выражением смутных порывов крестьянства, угнетаемого полицейским государством и разоряемого капитализмом, особенно капитализмом, находящимся на стадии так называемого «первоначального накопления». Таким образом взгляды Бакунина, выражавшие бунтовские инстинкты крестьянства отсталых стран, были как бы специально приноровлены к таким государствам, как Россия или Италия, где они действительно нашли, по крайней мере на известное время, много сторонников. Поскольку Бакунина увлекал самый факт бунта или протеста, поскольку он, следуя своему принципу, что социализм коренится в глубочайших инстинктах народных масс, готов был всякое революционное движение этих масс принять за социалистическое, он, естественно, должен был считать крестьянство докапиталистического периода и в частности крепостное крестьянство элементом по преимуществу социально-революционным.

Вот что он, например, говорит о немецком крестьянстве первой половины XIX века: «В Германии был еще элемент, которого ныне уж

[1] «Переписка», стр. 182.

нет, это — революционное крестьянство или, по крайней мере, способное сделаться революционным. В то время в большей половине Германии существовал еще остаток старого крепостного права, как оно существует еще поныне (писано в 1873 году) в двух герцогствах Мекленбургских. В Австрии крепостное право преобладало вполне. Было несомненно, что немецкое крестьянство способно и готово к восстанию. Как в 1830 году в Баварском Пфальце, так и в 1848 году почти в целой Германии, едва только стало известным провозглашение французской республики, все крестьянство зашевелилось и приняло сначала самое горячее, живое, деятельное участие в первых выборах депутатов в многочисленные революционные парламенты. Тогда немецкие мужики еще верили, что парламенты смогут и захотят что-нибудь для них сделать, и посылали в них своими представителями людей самых отчаянных, самых красных, — насколько, разумеется, немецкий политический человек может быть отчаянным и красным. Вскоре, увидав, что от парламента им не дождаться никакой пользы, мужики охладели; но вначале они были готовы на все, даже на поголовный бунт»[1].

Итак, условием революционности крестьянства является в данном случае крепостное право. Это, несомненно, верно, но в чем Бакунин ошибался, так это в том, что приписывал этому революционному настроению социалистический характер. В действительности протест крепостного крестьянства направлен против феодального режима и исторически приводит обыкновенно лишь к замене его буржуазным строем. Таким образом революционное движение крепостных крестьян дает в результате как раз упрочение буржуазных, капиталистических отношений, а отнюдь не ведет к анархической «социальной ликвидации». Верно то, что это движение крестьян бывает часто окрашено анархическим цветом и проявляется в эксцессах, направленных против собственности и ненавистных лиц, принадлежащх к администрации или к эксплоатирующим сословиям. Но, несмотря на свою совершенно анархическую внешность, эти эксцессы имеют по существу буржуазный характер — не в том смысле, чтобы крестьяне сознательно ставили себе целью развитие капиталистических отношений, а в том, что, во-первых, они стремятся прежде всего к овладению землей, т.-е. к созданию класса мелких собственников, лежащего в основе большинства капиталистических государств, а, во-вторых, низвергая господство крупных землевладельцев феодального типа, они бессознательно для себя расчищают

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 179—180.

почву для господства капиталистической буржуазии [1]. На эту сторону вопроса Бакунин не обращал надлежащего внимания, а несимпатичные для него результаты крестьянских движений готов был чисто идеалистически об'яснять народной «глупостью», случайностью или «обманом» народа господствующими классами [2]. Самая наличность эксцессов, истребления собственности и всякого рода документов прельщали его настолько, что приводили его к совершенно ложному истолкованию этих явлений и внушали ему мысль, что эти движения направлены не против феодальной собственности, а против собственности вообще. Он настолько преувеличивал значение крестьянского протеста, что готов был истолковывать в революционном и даже в социалистическом духе такие крестьянские движения, которые в сущности имели вполне черносотенный характер. Так, реакционное движение калабрийских крестьян, вспыхнувшее по подстрекательству кардинала Руффо в конце XVIII века и направленное против неаполитанских либералов и республиканцев, он признает «по существу социалистическим» лишь потому, что оно сопровождалось погромами. «Калабрийские крестьяне начали с разграбления замков, а, ворвавшись в города, они разграбили дома буржуа, но не тронули народа» [3]. Напомнив далее о движении галицийских крестьян в 1846 году, возбужденном агентами Меттерниха, о гайдамачине, вспыхнувшей на Украине по подстрекательству Екатерины II, и, наконец, об избиении украинскими и отчасти литовскими крестьянами польских патриотов в 1863 году, Бакунин заключает: «Вы видите, что правительства, эти официальные и признанные охранители общественного порядка и личной и имущественной безопасности, никогда не останавливаются перед обращением к подобным мерам, если эти последние необходимы

---

[1] Прудон также считал крестьянство революционным классом, но в том лишь смысле, что оно стремится к захвату земли; от успеха этого стремления он предвидел, однако, не наступление коммунизма, а воцарение мелкой собственности, каковому исходу он лично вполне сочувствовал (в отличие от Бакунина). «Крестьянин ждет только знака: он хочет земли, он пожирает ее взорами, и она не уйдет от его вожделения... Крестьянин прежде всего настроен революционно; это диктуется ему его мыслями и его интересами» («Idée générale», стр. 314—315).

[2] Только в том случае, если пролетариат умеет завоевать доверие крестьянства своей энергичной борьбой с господствующими классами и становится руководителем крестьян в момент революции, возможно избежать этих отрицательных явлений и направить стихийную энергию и мощь крестьянства в действительно революционное русло. Это показал опять-таки опыт русской революции. Но это невозможно без организации сплоченной рабочей партии и завоевания ею политической власти, чего не понимал Бакунин.

[3] «Письма к французу», — «Oeuvres», том II, стр. 220.

для их самосохранения. В случае нужды они выступают в роли революционеров и эксплоатируют в свою пользу дурные страсти, социалистические (!) страсти, а мы, социалисты-революционеры, не сумеем овладеть этими страстями, чтобы направить их к их настоящей цели, — к цели, согласно с глубокими инстинктами, которые их возбуждают! Повторяю, эти инстинкты по существу социалистичны, так как это — инстинкты, присущие каждому труженику, против всех эксплоататоров труда, а в этом и заключается весь элементарный, естественный и реальный социализм. Все остальное, различные системы экономической и социальной организации, представляет не что иное, как экспериментальное, более или менее научное, а, к несчастью, зачастую и слишком доктринерское развитие этого первоначального основного народного инстинкта»[1].

Точно такое же об'яснение он дает и бонапартистским симпатиям французского крестьянства. «Мнимые бонапартистские симпатии французских крестьян, составляющие второй повод к неудовольствию рабочих против них, меня ничуть не смущают. Это — поверхностный симптом социалистического инстинкта, извращенного невежеством и эксплоатируемого зложелательством, накожная болезнь, которая не устоит против героических средств революционного социализма; это — отрицательное выражение их ненависти к барам и к городским буржуа»[2]. Наконец, безразличное отношение итальянских народных масс

---

[1] Ibid., стр. 221.

[2] Следует заметить, что приблизительно такую же мысль высказал и Маркс в своей «Классовой борьбе во Франции», говоря об избрании в президенты республики Луи Наполеона: «10-е декабря 1848 года было днем в о с с т а н и я к р е с т ь я н. Только с этого дня начинается февраль для французских крестьян... Записывая его (Луи Бонапарта) имя на главном фасаде республики, крестьянский класс об'являл внешнюю войну, а внутри страны заявлял о своих классовых интересах. Наполеон — это было для крестьян не лицо, а программа. Со знаменами, музыкой и барабанным боем отправились они к месту выборов, восклицая: «долой налоги, долой богатых, долой республику, да здравствует император!». За императором скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, это была р е с п у б л и к а б о г а т ы х» («Собрание исторических работ», стр. 47—48). Впрочем, Маркс приписывает здесь «восстанию крестьян» не социалистический, а демократический характер. В следующем сочинении «18 брюмера Луи Бонапарта», написанном двумя годами позже (в начале 1852 года), Маркс уже называет выборы 10 декабря 1848 года р е а к ц и е й к р е с т ь я н, р е а к ц и е й д е р е в н и п р о т и в г о р о д а (ibid., стр. 165) и подчеркивает, что «династия Бонапартов представляет не революционного, а консервативного крестьянина» (ibid., стр. 257).

к судьбам отечества в борьбе за освобождение и об'единение Италии. Бакунин опять-таки толкует в пользу крестьян. По его мнению, этот индифферентизм не только не позорен, но, напротив, доказывает их «инстинктивное понимание» вещей, внушающее им ту мысль, что «об'единенное централизованное государство по самому существу своему не только чуждо им, но и враждебно, и что оно выгодно исключительно для привилегированных классов, которым оно гарантирует господство и богатство в ущерб массам» [1].

Все эти натянутые об'яснения и приведенное выше (в цитате относительно черносотенных крестьянских движений) более чем странное определение социализма становятся понятны, если не забывать, что социальная концепция Бакунина в значительной своей части представляет лишь обобщенное выражение инстинктов отсталых крестьянских масс.

Раз социализм представляет лишь простейшее выражение заветнейших народных инстинктов, раз всякое озлобление трудящихся против эксплоататоров по существу социалистично, и раз эксцессы, обычно сопровождающие стихийные народные движения, особенно крестьянские, выражают инстинктивное стремление масс к безгосударственности и к анархии, то Бакунин поступает по-своему совершенно логично, когда идеализирует и истолковывает в социально-революционном духе все крестьянские бунты. Для понимания позиции Бакунина следует еще иметь в виду, что в отличие от массовых движений современного пролетариата, ставящих себе обыкновенно определенные политические цели, крестьянские движения, по крайней мере на первый взгляд, имеют скорее антигосударственный, анархический характер, особенно в те исторические периоды, когда складывается полицейское государство. Правда, крестьянин при этом не ставит себе определенных анархических целей и не стремится сознательно к их осуществлению, — для этого он еще слишком неразвит; но инстинктивно он протестует против государственного гнета, который главным образом ложится на него, — не против государства вообще, как это казалось Бакунину, а против данного государства, которое сейчас, в данную минуту его жмет. Крестьянину, особенно отсталому, мало понятны общегосударственные интересы, которые очень близки господствующим классам: ему не хочется платить налогов, нести всякого рода натуральные денежные повинности, ставить рекрутов; он ненавидит государство с его полицейскими формами, с его

---

[1] «Oeuvres», том VI, стр. 382.

бюрократией, с его бумажным царством, паспортной системой и всякого рода ограничениями и стеснениями. Эти стремления крестьянства и выражала и идеализировала теория Бакунина, и в этом смысле его можно признать настоящим идеологом крестьянского бунтарства.

Замечательно, что даже будущая социальная революция рисовалась Бакунину преимущественно в формах стихийных крестьянских движений, с разгромом зданий, сожжением всякого рода официальных бумаг, которым Бакунин придавал крайне важное, чисто фетишистское значение. Мысль его не выходила из тех рамок, которые даны были ему двумя крупными русскими народными движениями, связанными с именами Стеньки Разина и Пугачева. Эти типичные протесты отсталых масс, закрепощаемых полицейским государством, — протесты, в которых деятельное участие приняли даже неоседлые, кочевые элементы, стоявшие на самой низкой ступени экономического и политического развития, Бакунин страшно идеализировал, рассматривал как образцы чуть ли не сознательного анархического движения и ставил в пример русской революционной молодежи. Это лишний раз только показывает, под влиянием каких исторических событий и социальных отношений в сильнейшей степени складывались взгляды Бакунина, к какой стадии общественного развития приспособлена была его теория. Крепостное крестьянство, протестующее против феодального режима, отсталые массы, вымещающие в диких вспышках испытываемый ими гнет и лишения, наконец порожденные полицейским государством разбойничьи элементы, становящиеся во главе бунта полуоседлых, полукочевых масс, — вот социальные элементы, наложившие неизгладимый отпечаток на построения и чаяния Бакунина. В этом отношении он был истинным сыном своей отсталой крестьянской страны, с ее полицейским государством, с ее обыкновенно пассивной и смиренной крестьянской общиной, по временам прорывавшейся в русском бунте, «бессмысленном и беспощадном», с ее нигде не виданным крепостным правом, граничившим с рабством, с ее почти полным отсутствием основных элементов «благоустроенного» буржуазного государства и в частности с отсутствием способного к планомерной организации и систематической социально-политической борьбе рабочего класса. Не забудем, что взгляды Бакунина в основном сложились в то время, когда в России царили еще в полной силе крепостное право и полицейское государство. А этим сказано все.

Вл. Дебагорий-Мокриевич, посетивший Бакунина в Локарно осенью 1873 г., передает в своих «Воспоминаниях» разговор, происходивший между ним, В. Зайцевым, Бакуниным и др. Речь шла о Барселонском восстании, имевшем место незадолго до того и, как известно, кончившемся неудачно [1].

«Среди других взглядов, — пишет Дебагорий-Мокриевич, — высказанных присутствовавшими по поводу этого восстания, Бакунин выразил между прочим ту мысль, что сами революционеры были сильно виноваты в неудаче, постигшей их в Барселоне.

« — В чем же были их ошибки? — спросил я.

« — Надо было сжечь правительственные здания! Это первый шаг в момент восстания, а они этого не сделали! — с жаром проговорил он.

«Только из дальнейших бесед мне выяснилось, насколько важное значение Бакунин придавал этому «первому шагу». По его мнению, уничтожением правительственных зданий, где сохранялись всевозможные акты и документы, вносился серьезный беспорядок и хаос в существующие общественные отношения. «Многие привилегии и права собственности покоятся на тех либо других документах, — говорил он, — с уничтожением которых полный поворот к старому порядку становится затруднительным». Развивая свою мысль, Бакунин указывал на тот, по его мнению, многознаменательный факт, что сам народ в момент восстания раньше всего набрасывается на правительственные учреждения, — канцелярии, суды, архивы,—и при этом вспомнил наш Пугачевский бунт, когда восставшая толпа с ожесточением рвала и жгла правительственные бумаги. Народ таким образом, по мнению Бакунина, инстинктивно понимал зло «бумажного царства» и стремился его уничтожить. Слушая Бакунина, я вспомнил и недоверие, с каким действительно относится наш мужик к бумагам, и тот страх, который вселяют они ему. Я вспомнил всю эту массу бумаг с тысячами исходящих номеров, выпускаемых ежегодно нашими канцеляриями, всевозможных отношений, заявлений, рапортов, где главным об'ектом для чиновничьих манипуляций, имеющих целью вытащить рубль из кармана, является все тот же неизменный мужик; вспомнил — венец всего — наш всероссийский паспорт, эту изумительную бумагу, обладающую таким качеством, что человек без нее не человек, а какое-то преступное существо, долженствующее сидеть в тюрьме; вспомнил я все это и оценил мысль Бакунина. Ненависть, с какою он относился к «бумажному царству», сказывавшаяся реши-

---

[1] «Воспоминания», стр. 94 и след.

тельно к каждом слове и даже выражении его глаз, становившихся совершенно круглыми в ту минуту, когда он говорил об этом вопросе, делали его как бы естественным представителем русского народа (разрядка моя. *Ю. С.),* хотя в это время Бакунин далеко уже не увлекался русскими революционными делами»...

Итак, мысль, что всякое народное и в частности крестьянское движение по существу социалистично и даже анархично, представляет основную идею бакунизма, которая лежит в основе данной им критики государства и политической борьбы рабочего класса. В применении идей, почерпнутых из идеализации крестьянских бунтов, к движению и задачам современного промышленного пролетариата и заключается оригинальная черта Бакунина, которая должна была доставить ему временный успех среди революционеров в странах с преобладающим сельским населением и с зачаточным развитием капитализма. Отрицание этого культа крестьянства, в который у Бакунина превратился старый культ народа вообще, составляло в его глазах величайший недостаток марксистов.

Рассказав о том, что немецкие либералы и радикалы в 1830 и 1848 годах больше всего боялись крестьянского поголовного бунта, Бакунин зло прибавляет, будто «его не любят даже социалисты школы Маркса» [1]. Дело не в том, любят или не любят, а в том, что они не возлагали на крестьянское движение, направленное против феодального режима, тех неосуществимых надежд, которые с ним связывал Бакунин, и не ждали от него социальных чудес, хотя и считали его весьма важным фактором революции не только политической, но и социальной (правда, при условии пролетарского руководства). Маркс в частности полагал, что пролетарское движение, поддержанное новым изданием крестьянской войны, добьется в Германии победы [2]. Но Бакунин не понимал марксистского взгляда на роль крестьянства в революциях прошлого и будущего времени. Реалистическое отношение марксистов к демократическим, но вместе с тем по существу буржуазным крестьянским движениям докапиталистической эпохи он об'ясняет их «враждою» к крестьянству и «любовью» к государству. «Для коммунистов или социальных демократов Германии, — пишет он, — крестьянство, всякое крестьянство, есть реакция, а государство, всякое государство, даже бисмарковское — революция... Впрочем, марксисты и

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 180.

[2] Письмо к Энгельсу от 16 апреля 1856 года, — «Briefwechsel», том II, стр. 108.

думать иначе не могут: государственники во что бы то ни стало, они должны проклинать всякую народную революцию, особенно же крестьянскую, по природе анархическую и идущую прямо к уничтожению государства. Как всепоглощающие пангерманисты, они должны отвергать крестьянскую революцию уже по одному тому, что эта революция специально славянская» [1].

В последних словах мы видим отрыжку старого революционного славянофильства. В своем «Федерализме, социализме и антитеологизме» Бакунин утверждал, что на Западе инициатива социальной революции будет принадлежать городским и фабричным рабочим, а в России, Польше и в большинстве славянских стран — крестьянам [2]. Но впоследствии, особенно после того, как он теснее связался с итальянцами, он приобщил и другие крестьянские народы к анархической благодати. Польский народ, как и все другие народные массы, социалистичен по инстинкту [3]. Ирландский народ такой же «социалист по природе, как наш русский народ» [4]. Итальянское крестьянство составляет здоровую, нетронутую массу, которая целиком примкнет к социальной революции и увлечет за собою даже часть сельского духовенства. В отличие от французского крестьянства оно не владеет землей, а это — большой плюс. «Итак, — заключает он, — масса итальянских крестьян уже сейчас составляет огромную и всемогущую армию для вашей социальной

---

[1] Под видом марксистского взгляда на крестьянство (как в других случаях под видом марксистских взглядов на политику и на государство) Бакунин в сущности критиковал взгляды Лассаля. Последний, как известно, высказал то мнение, что крестьянские войны начала XVI века были явлением реакционным. Бакунин поспешил приписать этот взгляд и Марксу под тем предлогом, что Лассаль, дескать, был его учеником, хотя отлично знал, что Маркс печатно отрекся от солидарности с Лассалем по всей политической линии. Приведя цитированные нами выше слова Бакунина о мнимой ненависти марксистов, как государственников, к крестьянской революции, Рязанов замечает: «Когда Бакунин писал эти строки, существовало уже второе издание работы Энгельса о крестьянской войне с новым предисловием (1870 г.), в котором подвергнута была критике непоследовательность Либкнехта и других тогдашних немецких социал-демократов в аграрном вопросе, а в 1875 году вышло третье издание с новым послесловием, еще более подчеркивающим резкое отличие взглядов Маркса и Энгельса от взглядов Лассаля» (Предисловие к «Крестьянской войне в Германии» Фр. Энгельса, ГИЗ 1926, стр. 7). Послесловия 1875 года Бакунин, когда писал «Государственность и Анархию» (1873), конечно, не мог знать, но расхождение между взглядами Маркса и Лассаля не могло быть для него тайной.

[2] «Oeuvres», том I, стр. 53; писано в 1867—1868 году.

[3] «Oeuvres», том II, стр. 172; писано в 1870 году.

[4] «Всесветный союз», стр. 53; писано в 1870 году.

революции» [1]. Даже немецкое крестьянство, как надеется Бакунин, со временем проснется и излечится от своих мистических симпатий к прусско-германской империи. «Это будет тогда, когда он (крестьянин) увидит, что его мелкая собственность, обремененная долгами и ипотеками, податями и добавочными налогами всех сортов, тает и исчезает между пальцами, идя на округление постоянно увеличивающихся патримоний крупных собственников, — это будет, когда он поймет, что по фатальному экономическому закону он в свою очередь обращается в пролетария» [2].

Бакунин всячески предостерегает городских рабочих от презрительного отношения к крестьянам, так как это пренебрежение вызывает со стороны крестьян ответное недоверие, а на недоразумениях между трудящимися города и деревни держится вся сила господствующих классов. Одного движения городского пролетариата недостаточно для успеха социальной революции; для последнего необходимо участие крестьянских масс. Как бы ни был велик героизм городов, но без поддержки деревень они будут оазисами в пустыне и неизбежно падут. Правда, крестьянин невежественен, но без него ничего нельзя сделать [3].

Крестьянство составляет трудовой элемент, утверждает Бакунин, и как таковой оно родственно пролетариату. Говоря про французское крестьянство, он замечает: «Крестьяне, по меньшей мере огромное большинство крестьян, не будем этого никогда забывать, хотя они и стали во Франции собственниками, все же попрежнему живут трудом своих рук. Вот что глубоко отделяет их от буржуазного класса, громадное большинство которого живет доходной эксплоатацией труда народных масс; вот что об'единяет их, с другой стороны, с городскими рабочими, несмотря на разницу в их положении, при чем положение последних гораздо хуже, на различие в понятиях, на несогласованность в принципах» [4]. И в другом месте, убеждая городских рабочих не относиться презрительно и враждебно к крестьянам, он говорит: «Крестьяне—не лентяи, это такие же суровые работники, как они сами, только работают они в различных

---

[1] «Oeuvres», том VI, стр. 396—399; писано в октябре 1871 года.— Отчасти Бакунин оказался прав, так как в Италии крестьянское социалистическое движение началось сравнительно рано, но вовсе не в той форме, как он думал (о бунтах 70-х годов мы, конечно, не говорим).

[2] «Кнуто-Германская Империя», стр. 96.

[3] «Oeuvres», том VI, стр. 402—403; «Кнуто-Германская Империя», стр. 36—37; «Письма к французу», — «Oeuvres», том II, passim.

[4] «Кнуто-Германская Империя», стр. 55.

условиях. Вот и все. Пред буржуа-эксплоататором рабочий должен сознавать себя братом крестьянина»[1].

Воодушевить крестьян и привлечь их на свою сторону хотя и трудно, но возможно. Сделать это нужно умело, и сделать это могут только рабочие[2]. Но ни в каком случае пролетариат не должен стремиться навязать крестьянам свою социально-политическую программу насильственными мерами; особенно же не должно возбуждать в крестьянах подозрение, что рабочие намереваются отнять у них землю. Даже индивидуалистические стремления крестьян можно использовать в интересах социализма. «Говорят, что французский крестьянин жаден; пусть так, надо, чтобы эта самая жадность была заинтересована в революции. Надо предложить ему и дать немедленно большие материальные выгоды». Крестьянин мечтает о земле: надо отдать крестьянам всю землю, принадлежащую дворянству и буржуазии. Но ни в коем случае нельзя навязывать им коммунизм, так как это вызовет всеобщее крестьянское восстание против революционеров. «Рабочие, подавляющее большинство которых ничем не владеет, гораздо более склонны к коммунизму, чем крестьяне; это совершенно естественно: коммунизм одних столь же натурален, как индивидуализм других, — здесь нечем хвалиться и не за что презирать других, так как те и другие со всеми своими идеями и страстями являются продуктом различной среды, их создавшей. Да и все ли еще рабочие коммунисты? Поэтому не приходится сердиться на крестьян или уничижать их, а нужно выработать такую революционную тактику, которая обходит затруднения, и которая не только помешает индивидуализму крестьян толкнуть их в лагерь реакции, но, напротив, использует его в интересах торжества революции»[3]. Для этого, как мы уже знаем, по мнению Бакунина, необходимо разрушить государство и дать возможность крестьянам свободно организоваться снизу вверх по своим желаниям. Бакунин не утверждает, что это сразу приведет к анархическому строю, но он полагает, что таким образом сложится устройство, приближающееся к рациональному, а главное — способное к бесконечному развитию. «Заметьте хорошенько, — говорит он, — я не утверждаю, что деревни, которые реорганизуются таким образом снизу вверх, сразу создадут идеальную организацию, во всех отношениях совпадающую с тою,

---

[1] «Письма к французу», — «Oeuvres», том II, стр. 106; повторено в «Кнуто-Германской Империи», стр. 56.

[2] «Кнуто-Германская Империя», стр. 41—49.

[3] «Письма к французу», loc. cit., стр. 100 и след.; «Кнуто-Германская Империя», стр. 51 и след.

к какой мы стремимся. Но я убежден, что это будет живая организация, которая будет стоять гораздо выше существующей ныне, и которая при этом, будучи открыта, с одной стороны, активной пропаганде городов, а с другой — не будучи в состоянии затвердеть и, так сказать, окаменеть благодаря покровительству государства и закона, будет свободно прогрессировать и сможет до бесконечности развиваться и совершенствоваться, но это всегда будет организация живая и вольная, ни в каком случае не провозглашаемая декретами и не скованная законами, пока она, наконец, не дойдет до такой рациональной высоты, какая только мыслима в наше время» [1].

Это, правда, звучит несколько иначе, чем вера в непререкаемые социалистические инстинкты крестьянства, и в значительной степени приближается к той постановке аграрного вопроса, какая дается современным коммунизмом. Последний, будучи весьма далек от идеализации мелких земельных собственников и приписывания им неот'емлемых социалистических стремлений, все-таки полагает, что развитие капитализма будет все более приближать массу мелких крестьян к положению пролетариата и заставит их в значительной части стать на точку зрения последнего. Восторжествовавший рабочий класс, конечно, не посягнет на собственность мелких крестьян, но, освободив их от политического гнета и экономической эксплоатации, даст им возможность свободно устраиваться, в расчете на заразительный пример преимуществ коллективного хозяйства, которое будет организовано самим пролетариатом или отдельными крестьянскими группами под его влиянием. В этом смысле создастся нечто вроде той вольной организации снизу вверх, прогрессирующей под влиянием активной пропаганды городов, о которой мечтал Бакунин.

Во всяком случае для Бакунина, как для идеолога революционного крестьянства, весьма характерно, что он всегда думал и говорил о крестьянах. Он с похвалою подчеркивает, что Интернационал с самого начала постановил привлекать в свои ряды «рабочие ассоциации всякого рода, не исключая, разумеется, хлебопашцев» [2]. Он полагает, что Международная Ассоциация Рабочих приобретет колоссальную силу, когда привлечет к себе значительное число секций, «а особенно—много земледельческих секций» [3]. В тот момент, когда в Интернационале будут представлены все отрасли промышленности, в том числе и сельско-хозяйственной, организация народных масс, по сло-

---

[1] «Письма к французу», — «Oeuvres», том II, стр. 113.
[2] «Всесветный союз», стр. 27.
[3] «Oeuvres», том VI, стр. 84, 91, — «Protestation de l'Allian...

вам Бакунина, будет закончена. И он усматривает «истинно-народный характер» итальянского Интернационала в том, что тот «не ограничивается городами, а немедленно охватил сельское население» [1].

В этом смысле нужно сказать, что Бакунин — действительно один из первых в более или менее конкретной форме поставил вопрос о привлечении крестьян к социалистическому движению. Как он его решал и мотивировал в деталях, это другое дело, но самый вопрос этот он постоянно выдвигал и подчеркивал, настаивая на солидарности интересов трудового крестьянства и пролетариата. Недаром он был сыном крестьянской страны. И все то, что Бакунин говорил о необходимости солидарного выступления рабочих и крестьян против эксплоататоров и о мерах, способных привлечь крестьян на сторону социальной революции (в первую голову экспроприация крупных землевладельцев и передача земли крестьянам), роднит его с современным коммунизмом и в частности с Советской Республикой, которая в этом пункте применила политику, весьма близкую к намеченной Бакуниным.

б) Рабочий класс.

Несмотря на культ крестьянства, Бакунин тем не менее хорошо понимал, что пролетариат, созданный и об'единенный современной крупной промышленностью, является основным и вместе с тем наиболее активным социально-революционным элементом. Во всяком случае он признавал за ним такое значение на Западе. Если в России он готов был приписывать главную роль крестьянству и революционной интеллигенции, — впрочем, многочисленного и сознательного пролетариата, способного к историческим выступлениям, в то время в России еще и не было, — то на Западе единственный мир, в который он, по его словам, с 1868 года верил, был мир рабочих. В этом отношении на него не остался без влияния опыт 1848 года, а еще более деятельность Интернационала.

Бакунин понимал и видел, что с развитием буржуазного общества рабочий класс не только все более организуется и приходит к классовому самосознанию, но что вместе с тем ряды его беспрестанно умножаются благодаря непрерывному притоку других социальных элементов, — вчерашних мелких собственников. В этом отношении он вполне разделял точку зрения «Коммунистического Манифеста». Он определенно указывает, что масса мелкой буржуазии, в силу непреодо-

[1] «Государственность и Анархия», стр. 7.

лимых законов капиталистического развития, безостановочно переходит в ряды пролетариата. «Крупная торговля, крупная промышленность и в особенности крупная бесчестная спекуляция уничтожают ее, пожирают и толкают в пропасть. Таким образом положение мелкой буржуазии становится все более революционным, а ее идеи, так долго остававшиеся реакционными, в настоящее время проясняются благодаря ужасным урокам и необходимо должны будут получить обратное направление. Наиболее умные ее представители начинают понимать, что для честной буржуазии не остается иного спасения, кроме союза с народом, и что социальный вопрос интересует ее в такой же степени и в таком же виде, как и народ. Эта постепенная перемена в настроении европейской мелкой буржуазии представляет столь же утешительный, как и несомненный факт» [1]. Он спешит, однако, прибавить, что инициатива социального преобразования будет исходить не от мелкой буржуазии, а от пролетариата на Западе и от крестьянства в славянских странах [2]. «Не она начнет социальную революцию, но она бросится в нее, очертя голову» [3].

Что Бакунин был сторонником «теории катастроф», т.-е. что он признавал, что замена капиталистического строя социалистическим совершится путем насильственного и внезапного переворота, — это само собою разумеется. Но он был также сторонником так называемой

---

[1] «Федерализм» и пр. («Oeuvres», том I, стр. 52.) — Это, несомненно, кивок в сторону Лиги мира, под фирмою которой Бакунин собирался выпустить свой мемуар.

[2] Ibid., стр. 53.

[3] «Циркулярное послание к итальянским друзьям» («Oeuvres», том VI, стр. 390). — «Мелкая буржуазия, которая в сущности причисляется к среднему классу только благодаря смешному тщеславию с той и с другой стороны и благодаря своей зависимости от крупных капиталистов, находится в большинстве случаев в еще более бедственном и унизительном положении, чем пролетариат. Говоря о привилегированных классах, мы никогда не разумеем в числе их эту жалкую мелкую буржуазию. Будь у нее больше ума и смелости, она не преминула бы присоединиться к нам, чтобы вместе бороться против крупной и средней буржуазии, которая давит ее и пролетариат одинаково. Если экономическое развитие общества продолжится в нынешнем направлении еще лет десять, то бóльшая часть средней буржуазии сначала очутится в положении мелкой, а потом мало-по-малу поглотится в пролетариат, благодаря роковому стремлению капитала к сосредоточению, и, в конце концов, неизбежным результатом этого будет окончательное разделение социального мира на ничтожное по числу, но непомерно богатое, ученое и сильное меньшинство и на огромное большинство несчастных, невежественных и порабощенных пролетариев» («Всестороннее образование»; см. «Историческое развитие Интернационала», стр. 71).

«теории обнищания» и утверждал, что с развитием капитализма положение рабочего класса систематически ухудшается, а нищета его увеличивается [1]. Он признавал также «железный и естественный закон» заработной платы, хотя и формулировал его не в таких, чуть ли не биологических терминах, как Лассаль: он скорее склонялся к рикардо-марксовской формулировке закона заработной платы. Размер последней определяется количеством средств, необходимых для существования работника. «Работники для того, чтобы избегнуть голодной смерти, должны непременно все более и более делать конкуренцию друг другу, — конкуренцию до-нельзя, т.-е. до самой низшей степени стоимости человеческого содержания и пропитания». Исходя из этого положения, он приводил против рабочих ассоциаций чисто лассалевский аргумент: «Поэтому все рабочие общества для потребления, уменьшая цену главных предметов, необходимых для жизни, должны иметь непременным последствием понижение рабочей платы, т.-е. ухудшение положения работников». И далее Бакунин говорит: «Экономисты пришли к такому заключению, что народные массы, миллионы чернорабочего люда обречены законом естественным и неотвратимым на вечное нищенство, невежество, рабство, и что только самому малому количеству работников, может быть, одному из десяти тысяч, позволено надеяться—силою гения, чрезвычайно энергического характера и с помощью счастливых обстоятельств — вынырнуть из многомиллионной массы эксплоатируемых рабов и занять место в малочисленном обществе эксплоатирующих господ» [2].

Прогресс, говорит Бакунин, существует не для рабочих. «До сих пор всякий прогресс без исключения в науке служит всегда средством обогащения привилегированных классов и усиления государств, — средством для грабежа и угнетения народных масс». На указание, что и рабочие также пользуются благом и прогрессом, и что последний поднял их на высшую ступень цивилизации сравнительно с прошлым,

---

[1] «Положение рабочих в Германии ни на волос не улучшилось (несмотря на основание всякого рода ассоциаций. — *Ю. С.*); напротив, сообразно известному экономическому закону, по которому нищета рабочего мира увеличивается в той же мере, в какой буржуазный капитал умножается и сосредоточивается в меньшем количестве рук, положение рабочих в Германии, да и во всех других европейских странах, значительным образом ухудшилось» («Всесветный революционный союз социальной демократии», стр. 16). Как видим, Бакунин хорошо усвоил многие основные положения «Коммунистического Манифеста»; недаром, как говорят, он первый перевел его на русский язык (в 1870 году).

[2] «Всесветный союз», стр. 21—22.

Бакунин отвечает словами Лассаля: «Для оценки политического и социального прогресса рабочих масс надо сравнивать их современное положение не с положением их в прошлые века, а сравнивать их прогресс в данный период с прогрессом привилегированных классов в тот же период... Буржуазия по пути цивилизации двигалась быстрее пролетариата, но не потому, чтобы ее естественные способности были сильнее, чем способности народа, а потому, что экономическая, политическая и социальная организация дает только буржуазии возможность получать образование, потому что наука существует исключительно для нее, между тем как пролетариат осужден на невежество, так что, если его умственный уровень повышается, — что не подлежит сомнению, — то повышается не благодаря социальным условиям, а наперекор им. Итак,... при настоящей организации общества прогресс науки служит причиною относительного невежества пролетариата, подобно тому, как прогресс промышленности и торговли служит причиною его относительной нужды. Следовательно, как умственный, так и материальный прогресс одинаково способствовал отягощению его рабства»[1].

Неудивительно, что в силу своего положения в современном обществе рабочий класс склонен к коммунизму[2]. Если многие рабочие придерживаются каких-нибудь других программ, Бакунин не сомневается, что это — явление случайное и временное. Говоря про итальянский пролетариат, шедший за буржуазными республиканцами, он замечает: «Рабочие-маццинисты и гарибальдийцы могут сколько угодно принимать программы Маццини и Гарибальди; в их нутре, в бескровной худобе их детей и их подруг по нищете и страданиям, в их повсечасном подлинном рабстве всегда будет нечто такое, что будет призывать социальную революцию. Все они социалисты поневоле, за исключением отдельных лиц — может быть, одного на тысячу, — которые, благодаря ловкости, счастливой случайности и плутовству, сумели или надеются пробраться в ряды буржуазии. Все же остальные, т.-е. масса рабочих маццинистов и гарибальдийцев, придерживаются своих нынешних убеждений лишь в своем воображении или же по привычке, но в действительности они не могут быть ничем иным, как революционными социалистами»[3]. Даже политические революции совершаются, главным образом, пролетариатом. «Не буржуазия, а народ, рабочие провозгла-

---

[1] «Всестороннее образование» (см. «Историческое развитие Интернационала», стр. 73—74).

[2] «Oeuvres», том II, стр. 100.

[3] «Oeuvres», том VI, стр. 393—394.

сили республику» во Франции — против желания буржуазных республиканцев [1].

Рабочих много, и по инстинкту они социалистичны, но численность и инстинкт без организации не значат ничего. Убедившись в этой великой истине, рабочий класс создал Интернационал, поняв, что единственным средством освобождения для рабочего класса является международная солидарность. Но для действительного торжества рабочего дела необходима еще глубокая вера в возможность близкого освобождения [2].

Мы уже знаем, что Бакунин, отвергая политические задачи пролетарского движения, советовал придать рабочей организации и пропаганде Интернационала чисто экономический характер. В этом отношении он в значительной степени предвосхитил, как мы уже указывали, идеи «революционного синдикализма». Практика международной экономической солидарности пролетариата включает в себе разрешение всех вопросов, выдвигаемых современным рабочим движением. «У рабочего, который, желая участвовать в выгодах этой солидарности, вступает в секцию, не спрашивают, каковы его политические и религиозные убеждения. Его только спрашивают об одном: хочет ли он вместе с выгодами ассоциации взять на себя также и все ее последствия, иногда тяжелые, и все связанные с нею обязанности? Хочет ли он остаться неизменно верным секции во всех перипетиях этой борьбы — сначала исключительно экономической, и впредь сообразовать все свои поступки с решениями большинства, поскольку эти решения будут иметь прямую или косвенную связь с этой самой борьбой против хозяев? Одним словом, единственная солидарность, которую ему предлагают в качестве выгоды и которую для него вместе с тем делают обязательной в качестве долга, это — э к о н о м и ч е с к а я с о л и д а р н о с т ь в самом широком смысле этого слова. Но раз эта солидарность серьезно принята и широко проведена, она влечет за собою все остальное, так как все самые возвышенные и самые разрушительные принципы Интернационала, сильнее всего подрывающие религию, юридическое право и государство, божественную и человеческую власть, — одним словом, самые революционные с социалистической точки зрения, представляют лишь естественные и необходимые выводы из этой экономической солидарности. И огромное практическое преимущество ремесленных секций над центральными секциями [3] состоит имен-

---

[1] «Кнуто-Германская Империя», стр. 28.

[2] «Oeuvres», том VI, стр. 62—63.

[3] Совершенно естественно, что Бакунин с своей анархической точки зрения отдает ремесленным секциям, т.-е. чисто экономическим группам, со-

но в том, что эти выводы, эти принципы выясняются рабочим не с помощью теоретических рассуждений, а благодаря живому и трагическому опыту борьбы, с каждым днем все более расширяющейся, углубляющейся и обостряющейся; так что самый малообразованный, неподготовленный и мягкий рабочий, увлекаемый все далее вперед естественными последствиями этой борьбы, в конце концов оказывается революционером, анархистом и атеистом, зачастую не зная даже сам, как это с ним случилось» [1].

Интернационал создает новый мир. Этот новый общественный, умственный и нравственный мир разовьется на почве международной экономической солидарности. Но для этого главным, если не исключительным, исходным пунктом должны оставаться экономические требования, составляющие сущность и цель Интернационала. «Возможно ли это? Да! Да так и происходит на деле. Кто следил за развитием Интернационала в течение нескольких лет, тот мог заметить, как этот процесс медленно и незаметно совершается то скачками, то в последовательности и всегда тремя различными, но неразрывно связанными путями: во-первых, посредством организации и федерации касс сопротивления и международной солидарности стачек; во-вторых, посредством организации и международной федерации ремесленных союзов и, наконец, посредством самопроизвольного и прямого развития философских и социологических идей в Интернационале, — развития, являющегося неизбежным спутником и, так сказать, принудительным последствием первых двух движений... Кассы сопротивления имеют единственной целью накопление необходимых фондов, дающих возможность организовать и проводить связанные с такими большими расходами стачки. А стачка, это — начало социальной войны пролетариата с буржуазией, пока еще в легальных рамках. Забастовки представляют ценный метод борьбы в двух отношениях: во-первых, они наэлектризовывают массы, закаляют их моральную энергию и пробуждают в их душе сознание глубокого антагонизма их интересов с интересами буржуазии, с каждым днем все нагляднее обнаруживая перед ними пропасть, отныне неизбежно отделяющую их от этого класса; а, во-вторых, они в сильнейшей степени спо-

---

стоявшим из одних рабочих, преимущество перед центральными секциями, имевшими более политический и пропагандистский характер и допускавшими в свою среду также интеллигентов. Первые скорее соответствовали нынешним профессиональным союзам (отчасти производственным ячейкам), а вторые — комитетам социалистических партий.

[1] «Protestation de l'Alliance» («Oeuvres», том VI, стр. 74—75).

собствуют пробуждению и констатированию сознания и самого факта солидарности между рабочими всех ремесл, всех местностей и всех стран, — таково это двойное действие, с одной стороны — отрицательное, а с другой — положительное, которое стремится непосредственно создать новый пролетарский мир, противопоставляя его почти абсолютным образом миру буржуазному» [1].

Итак, социальная концепция Бакунина, как мы видим, сводится к революционному экономизму [2]. Неудивительно, что экономическую борьбу он признает единственным серьезным средством борьбы пролетариата с буржуазией и готов всячески восхвалять английские трэд-юнионы, которые иными, не в меру пылкими его последователями в дальнейшее время об'явлены были чисто буржуазным и даже реакционным учреждением. «Кассы сопротивления, трэд-юнионы составляют единственное действительное средство борьбы, которым рабочие в настоящее время могут располагать против буржуазии» [3]. А рассказывая о полемике английских делегатов (как известно, выражавших взгляды Маркса) на Женевском конгрессе 1866 года с прудонистами, Бакунин всецело становится на точку зрения трэд-юнионистов, выдвигавших необходимость профессиональной организации рабочих для экономической борьбы с предпринимателями. «Англичане были кругом правы. В 1866 году, когда почти все другие члены конгресса (т.-е. прудонисты. —*Ю. С.*) пороли буржуазно-социалистическую горячку, они предложили единственный способ, который может действительным образом на самой практике сплотить рабочих всех стран в одну могучую организацию, — способ, который на последнем рабочем конгрессе в Базеле в сентябре 1869 года был признан единодушно за главное основание и точку отправления всей настоящей организации Интернациональной ассоциации работников» [4].

Бакунин придает колоссальное значение профессиональной организации и экономической борьбе, во-первых, с точки зрения улучшения положения рабочих или, вернее, недопущения его дальнейшего ухудшения. В полемике с Маццини он, выясняя своему оппоненту значение забастовочного движения, говорит: «Стачки нас разоряют, и, однако,

---

[1] «Fragment» и пр. («Oeuvres», том IV, стр. 438—439).

[2] С этим связан был взгляд Бакунина на пролетариат не как на особый класс, а как на массу. См. выше (стр. 128—130) отклонение Бакуниным термина «класс» в применении к пролетариату.

[3] «Oeuvres», том V, стр. 215. — Эта статья о «кооперации» также принадлежит, быть может, Перрону, но вполне отвечает воззрениям Бакунина и потому помещена Гильомом в Собрании сочинений Бакунина.

[4] «Всесветный союз», стр. 54—55.

мы не можем ни предупредить их, ни воспрепятствовать им. Они никогда или почти никогда не являются результатом заговора, необдуманного решения или каприза, а составляют необходимое последствие всего современного экономического положения. Ежедневно все более угрожаемые в последних гарантиях своей независимости и даже своего существования, рабочие прекрасно знают, что провозглашение забастовки означает для них добровольное обречение самих себя на невероятные страдания. Но в большинстве случаев у них нет другого средства для защиты своего жалкого куска хлеба и той тени свободы, которую им предоставляет экономическая организация общества. Еще один шаг по этому пути, прогрессивному и выгодному для счастливых владельцев капитала, но ретроградному и гибельному для рабочих, — и они окажутся в положении рабов или негров. Белые негры! Вот какое имя дают себе теперь рабочие американских Соединенных Штатов, этой демократической республики par excellence. С другой стороны, очевидно для всех, способных понимать и наблюдать, что при современном общественном строе роковой закон, которому ни один капиталист не может не подчиниться под страхом неминуемого разорения, заставляет всех капиталистов косвенно, а всех предпринимателей прямо строить все свои расчеты на прогрессивном уменьшении свободы и заработка занимаемых ими рабочих. Посреди ужасающей конкуренции, в этой борьбе на жизнь и на смерть, где мелким и средним капиталам предстоит постепенно перейти в карманы крупных банковских заправил, всякая прибыль достигается исключительно насчет заработной платы пролетариата; и если бы пролетариат не защищался с энергиею отчаяния, то он очутился бы в рабстве худшем, чем в средние века» [1].

Но в отличие от Маркса, который придавал колоссальное значение всем, даже частичным завоеваниям, достигнутым путем самодеятельности рабочих масс, Бакунин не останавливается на этой положительной стороне профессиональной и экономической борьбы. Последняя интересует его больше с точки зрения обострения отношений между буржуазией и пролетариатом, развития в последнем революционного настроения и накопления им революционных сил. «Кто не знает, — говорит он, — каких жертв и каких страданий каждая стачка стоит работникам? Но стачки необходимы; так необходимы, что без них не было бы возможности ни поднять народные массы на социальную борьбу, ни организовать их. Стачка — война, а народные массы органи-

---

[1] «La Théologie politique de Mazzini», стр. 21.

зуются только во время войны и посредством войны, вырывающей каждого работника из обыкновенного, бессмысленного, безотрадного и безнадежного уединения; война соединяет его вдруг со всеми другими работниками во имя одной страсти и одной цели и убеждает всех самым наглядным и ощутительным способом в необходимости строгой организации для одержания победы. Возбужденные народные массы — все равно, что расплавленный металл, который спаивается, сливается в одну сплошную массу и формируется гораздо легче, чем металл, находящийся в состоянии холодном, лишь бы только нашлись добрые мастера для формирования его сообразно свойствам и внутренним законам, присущим данному металлу, сообразно народным потребностям и инстинктам.

«Стачки пробуждают в народных массах все социально-революционные инстинкты, которые таятся в глубине сердца каждого работника, составляют, можно сказать, его историческое общественно-физиологическое существо, но в обыкновенное время, под гнетом рабской привычки и всеобщего смирения, сознаются только весьма немногими. Зато, когда эти инстинкты, вызванные экономической борьбою, просыпаются в воспрянувших рабочих толпах, тогда пропаганда социально-революционной мысли между ними становится чрезвычайно легка. Ведь эта мысль не что иное, как самое чистое и верное выражение народных инстинктов...

«Каждая стачка еще тем драгоценна, что она расширяет и углубляет все более и более пропасть, разделяющую уже ныне везде класс буржуазный от массы народной; что она самым ощутительным образом доказывает работникам абсолютную несовместимость их интересов с интересами капиталистов и собственников... Да, нет лучшего средства, чтобы вырвать работников из-под политического влияния буржуазии, как стачка» [1].

В последних словах Бакунин отмечает еще новое достоинство стачки с своей анархической точки зрения. Он усматривает его в том, что стачки, сталкивая пролетариат со всеми политическими партиями буржуазии безразлично, ведут рабочих к разочарованию в политике и заставляют их ограничиться исключительно экономической борьбой, направленной против всех буржуазных категорий, безразлично — реакционных или радикальных. Стачки, говоря его словами, уничтожают в сознании эксплоатируемых масс возможность всяких компромиссов и сделок, убивают в корне все, что он называет «буржуазным

---

[1] «Всесветный союз», стр. 55—57.

социализмом», и «ставят дело народного освобождения вне всех политических и экономических комбинаций имущих сословий». Такую роль Бакунин, напр., приписывает забастовкам конца 60-х годов во Франции, толкнувшим пролетариат к разрыву с буржуазными республиканцами, за которых он еще недавно вотировал. «Неизвестно, — замечает он, — как бы долго они (французские рабочие) стали блуждать в этой безвыходной политической трущобе, если бы рабочие стачки, вызванные экономической необходимостью и поднявшиеся вдруг и почти одновременно во всех концах Франции, не возвратили их к их настоящему социальному вопросу» [1].

Таково преимущество стачечной борьбы с его анархической точки зрения. И в борьбе с женевскими интернационалистами, примыкавшими к Генеральному Совету, Бакунин рекомендует организацию экономической борьбы в качестве вернейшего средства предохранить Интернационал от двоякой угрожающей ему опасности: во-первых, от разлагающего яда политики и, во-вторых, от усыпляющего яда буржуазной кооперации. Организация этой экономической борьбы против предпринимателей и капиталистов, по его словам, поставит Интернационал на его надлежащую почву [2]. И вполне в духе последующих «революционных синдикалистов» он рекомендует заменить центральный комитет, имеющий политический характер, стачечным комитетом, который будет иметь характер чисто пролетарский. В основу Интернационала должны лечь профессиональные союзы, как промышленные, так и земледельческие. Эти союзы, беря своим исходным пунктом социальную жизнь масс и их действительные стремления, должны создать свободную организацию снизу вверх, приспособленную к разнообразию положений и местным условиям [3]. С течением времени таким образом создастся международная организация профессиональных союзов, способная в момент социалистической революции заместить политический мир буржуазного государства [4].

И, резюмируя свой анализ заслуг экономической борьбы, Бакунин говорит: «Да, стачки — великое дело; они создают, размножают, организуют и образовывают рабочее войско, — но войско, которое должно побороть и сломить буржуазно-государственную силу и приготовить широкую и свободную почву для мира нового» [5].

---

[1] «Всесветный союз», стр. 59.
[2] «Oeuvres», том VI, стр. 48.
[3] Ibid., стр. 84.
[4] «Историческое развитие Интернационала», стр. 66.
[5] «Всесветный союз», стр. 61.

Принимая во внимание вышеуказанный им закон капиталистического строя, Бакунин предвидит, что стачки будут с каждым днем принимать все более широкий и универсальный характер[1]. Бакунистские элементы Интернационала именно потому, что они отвергали идею политической революции и захвата власти пролетариатом, должны были выдвинуть другое средство социального преобразования. И естественно, что, исходя из своей оценки чисто экономической борьбы, они пришли к идее всеобщей стачки[2]. Правда, еще Лозаннский конгресс Интернационала 1867 года выдвинул идею всеобщей забастовки, но он не рассматривал ее как единственное средство и метод социальной революции, а лишь видел в ней героический прием для воспрепятствования европейской войне. Анархисты же признали всеобщую стачку вернейшим и единственным средством социальной ликвидации. Эта идея, хотя нигде подробно у Бакунина не разработанная (да и состояние тогдашнего рабочего движения придавало ей чисто теоретический, чтобы не сказать проблематический характер), была выражена в заметке «Всеобщая стачка», помещенной в женевской газете «Равенство» во время редактирования ее Бакуниным. В этой заметке между прочим говорится: «Когда стачки распространяются и охватывают один район за другим, это значит, что они скоро перейдут во всеобщую забастовку, а всеобщая забастовка при тех освободительных идеях, которые в настоящее время царят среди пролетариата, может привести к колоссальному катаклизму, который придаст обществу совершенно новый вид. Мы еще без сомнения до этого не дошли, но все ведет нас к такому концу»[3]. И вполне естественно, что первый же конгресс антиавторитарного Интернационала, образовавшегося после Гаагского конгресса и состоявшего по большей части из бакунистов, принял в 1873 году резолюцию, рекомендующую готовиться ко всеобщей стачке и признающую ее вернейшим средством социального переворота. В этом отношении бакунизм предвосхитил идею «революционного синдикализма».

---

[1] «La théologie politique de Mazzini», стр. 21.

[2] Впервые эта идея была, как известно, высказана уже в эпоху чартизма.

[3] «Oeuvres», том V, стр. 51. — Выше уже говорили, что эта статья принадлежит перу Перрона, но выражает мысли Бакунина, к которому Перрон стоял тогда очень близко, а потому и включена Гильомом в собрание его сочинений. Гильом, вероятно, руководствовался при этом тем соображением, что у Бакунина нигде прямо не указывается на всеобщую стачку и ее значение. А между тем это весьма характерно. Идеолог крестьянства, он больше думал о бунтах, чем о всеобщей стачке, как средстве социальной революции.

В заключение остановимся на вопросе об отношении Бакунина к рабочей интеллигенции и лумпен-пролетариату. После всего того, что мы сказали о связи его идеологии с идеологией крестьянской, об его культе народных инстинктов, об его бунтарских симпатиях, это отношение нас не удивит. Можно заранее предвидеть, что к рабочей интеллигенции Бакунин должен был относиться скептически, если не прямо отрицательно, и что главные свои симпатии он должен был отдавать лумпен-пролетариату, — этому продукту разложения докапиталистических форм производства. Следует также сказать, что на это отношение Бакунина к различным категориям пролетариата не мог остаться без влияния тот факт, что лумпен-пролетариат, пополняющийся главным образом путем деревенского отхода, стоит гораздо ближе к крестьянству и по своей психологии, и по низкому уровню потребностей, чем рабочая интеллигенция. С другой стороны, здесь, вероятно, действовал пример России, где в то время пролетариат был в значительной мере представлен именно лумпен-пролетариатом, составившимся из массы бывших дворовых людей и сбежавшихся в города крестьян.

В I томе мы видели, с каким презрением Бакунин уже в 1847 году отзывался о деятельности Маркса и его сподвижников, якобы превращавшей рабочих в самодовольных резонеров и заражавшей их буржуазными предрассудками. Борьба в Интернационале с женевскими квалифицированными рабочими еще более должна была обострить это отношение. В брошюре «Всесветный революционный союз социальной демократии» мы находим следующую любопытную классификацию различных категорий рабочих по их положению в производстве, образу жизни и революционности:

«Во всех странах между многомиллионной массой чернорабочих людей есть слой работников, более развитых, более грамотных и составляющих по этому самому в среде рабочего люда род аристократии. Эта рабочая аристократия разделяется на две категории, из которых одна чрезвычайно полезна, другая — чрезвычайно вредна.

«Начнем с вредной. Она состоит преимущественно и почти исключительно не из фабричных работников, а из ремесленников. Известно, что положение ремесленника в Европе, хотя и весьма незавидное, все-таки несравненно лучше положения фабричных работников... Между ремесленниками поэтому — множество полубуржуа по всем привычкам, убеждениям своим, надеющихся и стремящихся сознательно или бессознательно сделаться буржуа совершенными.

«Но самые ремесла разделяются на две или даже на три категории. Самая многочисленная и наименее аристократическая, т.-е. наименее счастливая из них, — разумеется, в буржуазном смысле этого слова, — обнимает все черные или грубые ремесла, кузнечество например, требующие применения значительной физической силы. Работники, принадлежащие к этой категории, по целому характеру своего направления и своих убеждений стоят ближе всех других к фабричным работникам. В среде их хранятся и развиваются драгоценные революционные инстинкты, и нередко встречаются люди, способные обнять во всей их широте и последовательности все мировые условия освобождения работников [1]. Есть средняя категория, заключающая в себе столяров, типографщиков, портных, сапожников и много других подобных ремесл, требующих уже некоторую долю образованности и специального знания или, по крайней мере, меньшей траты физической силы и оставляющих поэтому больше времени на размышление. В этой среде довольства сравнительно больше, а потому и больше буржуазного самодовольства. Революционные инстинкты в ней уже гораздо слабее, чем в первой, совершенно чернорабочей категории. Но зато встречается в ней уже гораздо большее количество людей, размышляющих и рассуждающих, иногда вкривь и вкось, больше людей, сознательно убежденных, но вместе с тем и больше резонеров, становящихся от праздного многоглаголания неспособными к горячему делу, а иногда даже, под влиянием тщеславия и личных расчетов, и противными ему.

«Наконец, есть третья категория ремесл, производящих предметы роскоши и потому связанных самим интересом своим с существованием и сохранением богатого буржуазного мира. Большинство работников, принадлежащих к этой среде, уже не на половину, а на три четверти и, пожалуй, более, чем на три четверти, проникнуты буржуазными страстями, буржуазным чванством и буржуазными предрассудками. К счастью, они составляют в массе рабочих только весьма незначительное меньшинство. Но там, где они преобладают, интернациональная пропаганда подвигается очень медленно и нередко принимает явно антисоциальное, чисто буржуазное направление. В этой среде особенно преобладает стремление к исключительно личному счастью, стремление к личному, т.-е. совершенно буржуазному возвышению, а не к коллективно-рабочему освобождению и счастью.

---

[1] Среди этой категории (кузнецов) Бакунин вербовал в Швейцарии членов своего Альянса (например, Броссэ).

«В этой среде заработная плата несравненно выше, а вместе с тем работа умнее, легче, благороднее, чем в первых двух категориях, поэтому у работников более довольства, более грошевой образованности, самоуверенности и тщеславия. Они становятся социалистами только во времена торгового кризиса, когда падение заработной платы напоминает им, что они не буржуа, а поденщики [1].

«Понятно, что в течение последних пяти лет, когда мирная кооперативная система находилась еще в полном цвету своих грез и несбывшихся ожиданий, буржуазный социализм нашел свою главную почву не в фабричном, а в ремесленном мире и преимущественно в двух последних категориях этого мира, наиболее привилегированных и наиболее близких к буржуазному миру. Повсеместная неудача кооперативной системы была благодетельным уроком для вредной рабочей аристократии» [2].

В этом рассуждении на-ряду с правильными замечаниями бросаются в глаза совершенно неосновательные и голословные утверждения, весьма, впрочем, характерные для бакунинского мышления. В действительности социалистическое движение повсюду охватывает прежде всего наиболее благоприятно поставленные категории рабочих, а вовсе не те, которые находятся в наиболее угнетенном положении. Да и первые кадры Интернационала в значительной степени составились как раз из рабочих, занятых в тех отраслях промышленности, где рабочий день был короче и заработная плата выше. Столь же неосновательно утверждение, что рабочие, производящие предметы роскоши, настроены антисоциалистически и буржуазно. Бакунин мог бы вспомнить хотя бы знаменитое движение лионских ткачей шелка в 1831 году, которое было первым крупным проявлением современной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, — мог бы вспомнить тем легче, что на первый конгресс Интернационала, в котором ему пришлось участвовать, а именно — на Базельский, он явился с мандатом от лионских размотчиц шелка. Да и вообще, говоря о «вредной» рабочей аристократии, он сознательно, а может быть, и бессознательно смешивает в этом понятии две совершенно различные категории: сторонников буржуазной кооперации, в частности тех прудонистов, с которыми ему и Марксу приходилось воевать в Интернационале, а с другой стороны, представителей действительной рабочей интеллигенции, вся вина кото-

---

[1] Несомненно, давая эту характеристику «вредной рабочей аристократии», Бакунин имел в виду женевских рабочих часового производства (женевской «фабрики»), с которыми ему пришлось воевать в 1868—1869 годах.

[2] Всесветный союз», стр. 43 и след.

рой заключается только в том, что она не принимает анархического символа веры и не хочет отказываться от орудия политической борьбы.

Впрочем, Бакунин утешается тем, что на этой вредной рабочей аристократии свет не клином сошелся, и что, кроме нее, в среде пролетариата существует другой вид аристократии. «Но в многомиллионной массе рабочих существует аристократия другая, в высшей степени полезная и благодетельная, — аристократия не положения, а убеждения, революционного сознания и разумной энергической страсти и воли. Работники, принадлежащие к этому разряду, от'явленные враги всякой аристократии и всякой привилегии, дворянской, буржуазной и даже рабочей, могут быть названы аристократами только в самом буквальном или первоначальном смысле этого слова, — в смысле лучших людей. И в самом деле, они — лучшие люди не только в классе рабочем, но в целом обществе. Они соединяют в себе, в своем понимании социального вопроса все преимущества свободной и самостоятельной мысли и сознания научного со всей искренностью самого народного инстинкта. Им бы не стоило ничего возвыситься над своим собственным классом, сделаться членами касты буржуазной, из парий темной массы эксплоатируемого и порабощенного народа перейти в ряды счастливых господ-эксплоататоров, — они не хотят: они проникнуты солидарною страстью и не понимают свободы и счастья иначе, как вместе со всеми миллионами порабощенной человеческой братии. Такие люди, естественным образом и сами того не ища, пользуются огромным обаятельным влиянием на массы работников. Присоедините к этому разряду работников разряд деятелей из буржуазного класса, вполне оторвавшихся от него и всецело отдавшихся великому делу освобождения пролетариата, и вы получите то, что мы называем полезною и благодетельною аристократиею в интернациональном рабочем движении» [1].

В нападках Бакунина на рабочую аристократию содержится много верного, много отдельных метких наблюдений и иногда даже прозорливых предвидений, как они, впрочем, содержатся и в его критике буржуазного парламентаризма, «демократических» иллюзий, всеобщего избирательного права и социал-демократии. Но несчастье Бакунина, которое с ним разделяли его последователи, заключалось в том, что у него совершенно отсутствовала историческая точка зрения, и что он смешивал воедино самые разнообразные явления, если только они были ему антипатичны.

---

[1] «Всесветный союз», стр. 46—47.

Говоря о рабочей аристократии, как о той категории пролетариата, через посредство которой проявляется буржуазное влияние на рабочий класс, Бакунин имел в виду не только избранную верхушку представителей квалифицированного труда, организованную в английских трэд-юнионах, вернее профессиональную бюрократию, руководившую этими трэд-юнионами, не только аналогичные им категории пролетариата в других странах, где они, впрочем, были тогда представлены не так сильно, но и всех передовых рабочих, не разделявших анархической тактики. Нужды нет, что это были самые передовые элементы пролетариата, в лице которых рабочий класс впервые приходил к своему классовому самосознанию, что именно они создали первые начатки самостоятельной рабочей организации, что их деятельность вела к пробуждению широких трудящихся масс. Достаточно было им признать необходимость политической борьбы, захвата власти пролетариатом, планомерной подготовки революции и т. п., достаточно было им усумниться в его анархической панацее и в возможности осуществить социальный переворот бунтарскими методами, чтобы Бакунин поспешил поставить над ними крест и об'явить их людьми, зараженными буржуазными предрассудками, «презирающими» низшие слои пролетариата, стремящимися к установлению своей власти над обездоленной массой, и т. п.

Этого мало. К рабочей аристократии Бакунин готов был относить чуть ли не большинство рабочего класса — за вычетом его низших слоев, которые он называл то «простонародием», то «чернорабочей чернью» и т. п. От рабочей аристократии он сразу переходит к «нищенскому пролетариату», — к лумпен-пролетариату «Коммунистического Манифеста», к босяцкому пролетариату, который он возносит на пьедестал, усматривая в нем, вопреки очевидной действительности, вопреки всей истории рабочего движения, основную движущую силу социальной революции и общественного переустройства. На самом деле вся та пролетарская масса, которая получается за вычетом обеих крайностей, указываемых Бакуниным и им исключительно замечаемых, т.-е. за вычетом рабочей аристократии и босяцкого пролетариата, — она-то и составляет если не весь рабочий класс, то его большинство, его основное ядро, единственно способное к самостоятельному историческому действию и заставляющее оба указанные крайние полюсы пролетариата приобщаться к общему движению рабочего класса и итти с ним в ногу. Если рабочая аристократия склонна к соглашению с буржуазией, к политическому оппортунизму, а подчас даже к простой измене общим классовым интересам пролетариата; если, с другой сто-

роны, нищенский пролетариат, поскольку он вообще способен к действию, в лучшем случае склонен к бесцельному и бесплодному бунтарству, а в худшем — часто становится слепым орудием в руках самой черной реакции, черпающей из его среды человеческий материал для погромных деяний, а в общем совершенно лишен способности к организации, к выдержке, к планомерной работе, то именно основное ядро рабочего класса, остающееся вне поля зрения Бакунина, является той главной силой, которая подготовляет, организует и проводит борьбу за освобождение труда из-под власти капитала.

Недостатки рабочей аристократии были известны Марксу не хуже, чем Бакунину. Но, во-первых, Маркс понимал то, чего Бакунин не замечал, а именно, что на известной ступени развития рабочая аристократия играет в рабочем движении прогрессивную роль, что сплошь и рядом она является инициатором движения и пробуждает более отсталые массы, подавая им пример борьбы и увлекая их за собою. В иных случаях она отставала от движения и оказывалась позади ею же разбуженных масс, а в других — она даже делалась тормозом движения, но иногда она оставалась верна общим интересам класса и продолжала занимать в движении одно из первых мест, на которое ей давали право ее опыт, выдержка и знания. До сих пор в рабочих партиях и профсоюзах руководящее место занимают как раз представители квалифицированного труда (например, металлисты), которые, несмотря на свое сравнительно привилегированное положение, идут во главе своего класса в его освободительной борьбе. История показывает нам и примеры обратного, но измены рабочей аристократии общему движению класса Маркс клеймил не менее решительно, чем Бакунин, как мы видим это из его отношения к вождям английского трэд-юнионизма.

Во-вторых, Маркс прекрасно понимал, что заставить рабочую аристократию не отрываться от общего движения класса, принудить ее служить общим интересам пролетариата можно только одним путем, а именно, создавая массовую прочную организацию большинства рабочего класса, втягивая в движение большинство пролетариата, рабочих середняков, — истинный позвоночный хребет трудящейся массы, сплачивая и просвещая его, освобождая его от влияния буржуазной идеологии и всяких сектантских увлечений, словом, создавая из него такую притягательную силу, которая подчиняла бы отдельные слои пролетариата общей его исторической задаче и не позволяла бы им отрываться от этого центрального ядра. Отталкивать всю рабочую аристократию в целом, если понимать под нею все наилучше поставленные категории

рабочих, а не только соглашательских и предательских вождей, это значило бы изолировать рабочую массу, лишить ее содействия рабочей интеллигенции, т.-е. прирожденных руководителей своего класса, обрекать этим рабочий класс на неизбежное поражение и толкать его к самоубийству. Это было бы ошибкой, в тысячу раз более вредной, чем ошибка прудонистов, пытавшихся на первых шагах деятельности Интернационала захлопнуть его двери перед носом социалистической интеллигенции, вышедшей из буржуазных рядов. Без рабочей интеллигенции пролетариат не был бы в состоянии выполнить свою историческую миссию и освободиться от буржуазного господства.

Скажут, правда, что Бакунин выделяет рабочую интеллигенцию в особую рубрику «полезной» рабочей аристократии в отличие от «вредной». Но, спрашивается, много ли останется для этой симпатичной ему группы, если исключить из нее все те элементы, которые он зачисляет в состав аристократии вредной?

Но еще большей ошибкой Бакунина было возвеличение им лумпен-пролетариата и признание его исключительным носителем «всего ума и всей силы будущей социальной революции», как говорится в цитируемом нами ниже месте.

Замечательно, что Бакунин не так часто употребляет выражения «пролетариат» и «рабочий класс», как слова «чернорабочая среда», «чернорабочий люд» и «чернорабочий народ». Последние выражения больше ему нравились и более соответствовали всей его социальной концепции, во-первых, потому, что термины «люд» и «народ» гораздо более подходили, как мы уже видели, к его общему миросозерцанию, а, во-вторых, и главным образом, потому, что определением «чернорабочий» конкретнее подчеркивались его симпатии и чаяния. И до известной степени он был прав, по крайней мере теоретически: для е г о бунтарских планов, для вспышкопускательских предприятий как нельзя более подходили именно деклассированные элементы, а ведь лумпен-пролетариат и представляет деклассированную часть пролетариата и особенно крестьянства. Неудивительно, что он хвалит итальянских интернационалистов за то, что они «обращаются прямо и исключительно к чернорабочей среде, которая в Италии, равно как и во всех других странах Европы, сосредоточивает в себе всю жизнь, силу и будущность современного общества»[1].

Процесс капиталистического развития на первых своих стадиях, разоряя массами мелких ремесленников и крестьян, создает много-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 5.

численные кадры лумпен-пролетариата, способного к диким стихийным вспышкам, но неспособного к планомерной организации и всесторонней защите своих классовых интересов. Наоборот, дальнейшее развитие капитализма, а именно — развитие высшей его формы, т.-е. новейшей крупной промышленности, порождает современный индустриальный пролетариат с его организацией, сознательностью и систематическою борьбою за полное освобождение всех трудящихся. Бакунин, верный своей идеализации первобытных стихийных народных возмущений, выворачивает вопрос наизнанку и усматривает главный фактор социального освобождения не в развитых рабочих крупной индустрии, а как раз в обездоленном лумпен-пролетариате. Таким образом он открывает новое преимущество экономически отсталых стран, находящихся в переходной фазе капиталистического развития, к которой он и приспособил свои социальные теории. «В Италии, — говорит он, — существует огромный, от природы чрезвычайно умный, но большею частью безграмотный и поголовно нищенский пролетариат, состоящий из двух-трех миллионов городских и фабричных рабочих и мелких ремесленников и около двадцати миллионов крестьян-несобственников... Может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии... В Италии не существует, как во многих других странах Европы, оседлого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением. Особенно в Германии и в Швейцарии таких работников много; в Италии же, напротив, таких работников мало, так мало, что они теряются в массе без малейшего следа и влияния. В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором гг. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов в Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции» [1].

Что Германия и Швейцария выделены Бакуниным в качестве стран, где имеется особенно много буржуазно настроенных рабочих, это совершенно понятно. Именно здесь Бакунин натолкнулся на самое решительное сопротивление его анархической пропаганде. Если он позабыл отнести сюда же и Англию, пролетариат которой он, пожалуй, с боль-

[1] «Государственность и Анархия», стр. 5—7.

шим основанием мог бы упрекнуть в буржуазности, то случилось это, несомненно, потому, что он, как мы знаем, с величайшей симпатией относился к чисто экономической деятельности английских трэд-юнионов, ошибочно сближая ее с своим анархическим отрицанием политики. Германия же и отчасти Швейцария были отечеством политической организации рабочего класса. Но и с другой стороны Бакунин ошибся: лумпен-пролетариат не оправдал его надежд. Он не пополнил рядов Интернационала и не произвел никакой социальной революции. И во время Бакунина, и после него главная роль принадлежала все-таки тем категориям рабочих, которые он презрительно относил к «вредной» рабочей «аристократии» и считал склонными чуть ли не к измене своему классу и к переходу в буржуазный лагерь. И тем не менее Бакунин готов был признать этот лумпен-пролетариат носителем «всего ума и всей силы будущей социальной революции». Если бы такое рискованное утверждение было только реакцией против задерживающей роли верхушек рабочей аристократии, которая начала довольно ясно обнаруживаться уже с конца шестидесятых годов XIX века, это преувеличение можно было бы отчасти понять. Если бы, с другой стороны, Бакунин под «нищенским пролетариатом» разумел всю массу рабочего класса за вычетом наилучше поставленных его слоев, то в его тезисе заключалась бы некоторая часть исторической истины, хотя даже и в таком случае мы имели бы дело с резким преувеличением, ибо из исторического движения пролетариата нельзя так легко вычеркнуть рабочую аристократию в широком смысле этого слова. Но в том-то и дело, что, говоря о «нищенском пролетариате», Бакунин действительно имел в виду только босяцкий пролетариат, — лумпен-пролетариат: это видно из его ссылки на тогдашнюю Италию и из намека на известное место «Коммунистического Манифеста»[1].

---

[1] «Босяцкий пролетариат, этот пассивный продукт гниения низших слоев старого общества, местами втягивается в движение пролетарской революцией, однако в силу всего своего жизненного уклада он проявляет больше готовности продаваться на службу реакции» («Манифест Коммунистической Партии», Петр. 1917 г., стр. 48). О «глубочайшем презрении», как видим, здесь нет и речи, а есть просто констатирование исторического факта. Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» выражается на этот счет более решительно. «Лумпен-пролетариат, — говорит он, — отбросы всех классов, главной квартирой которых являются большие города, — должен быть признан самым худшим из всевозможных союзников. Это отребье абсолютно продажно и абсолютно навязчиво. Если французские рабочие при каждой революции писали на стенах домов «Mort aux voleurs!» (смерть ворам!) и некоторых из них расстреливали, то это происходило не из особой любви к собственности, а из того вполне основательного соображения, что прежде

А это как раз такая социальная категория, которая, во-первых, не носит чисто пролетарского характера, вербуясь из среды как рабочей, так и мелкобуржуазной (разорившиеся ремесленники, крестьяне, чиновники и пр.), а, во-вторых, из всех категорий пролетариата обнаруживает наименьше способности к организации, выдержке и вообще самостоятельному историческому действию. Об ее способности быть использованной в качестве орудия реакции говорит вся история этой социальной группы и во Франции, и в Испании, и в той же Италии, о которой специально упоминает Бакунин[1]. В разгар пролетарской революции, совершаемой во всяком случае не босяцким пролетариатом, последний может иногда примыкать к общей борьбе рабочей армии, но и сюда он часто вносит свои бунтарские, анархические, дезорганизаторские стремления, вынуждая этим принятие репрессивных мер против создаваемой им дезорганизации. Но в устах Бакунина, который представлял себе социальную революцию именно в виде стихийного бунта, который мечтал не о завоевании власти организованным в политическую партию пролетариатом, а об анархической ликвидации существующего строя, как раз все недостатки нищенского пролетариата превращались в величайшие добродетели, его ограниченность — в ум, его бессилие — в силу грядущего социального переворота.

в) Интеллигенция.

Мы видели, что Бакунин зачисляет в разряд полезной и благодетельной аристократии на-ряду с передовыми рабочими (передовыми, конечно, с его точки зрения) также выходцев из буржуазного класса,

---

всего необходимо отбросить от себя эту банду. Всякий вождь рабочих, пользующийся ею как гвардией или ищущий в ней опору, уж тем самым становится предателем движения» (Фр. Энгельс — «Крестьянская война в Германии», ГИЗ, Петр. 1921 г., стр. 15). Эти строки, написанные в 1870 году, наверно, были известны Бакунину. При желании он мог даже принять последние слова на свой счет.

[1] Об этом свидетельствует вся история Италии с конца XVIII века: и в Неаполе, и в Папской области и т. д. абсолютистско-церковная реакция использовала босяцкий пролетариат в своей борьбе с революцией для учинения погромов и пр. То же в Испании (факты из истории Испании и Италии и имели, очевидно, в виду авторы «Коммунистического Манифеста», написанного в начале 1848 года). То же во Франции, как во время революции 1848 г., когда пролетариат в июньские дни был разбит буржуазией при помощи «мобильной гвардии», навербованной из босяцкого пролетариата, так и во время Второй империи, когда полиция из этих же элементов вербовала свои банды «белых блуз».

всецело отдавшихся делу освобождения пролетариата. Как мы помним, одним из преимуществ Италии он считал существование в ней многочисленного нищенского пролетариата, не склонного к обуржуазиванию, в отличие от немецких социал-демократических рабочих. Другим преимуществом Италии он признавал наличность деклассированной революционной интеллигенции. В известном письме к Франциско Мора (1872 год) он между прочим говорил: «Италия с Испанией является, быть может, самой революционной страной. В Италии есть то, чего недостает другим странам: пылкая, энергическая молодежь, совершенно выбитая из колеи, без видов на карьеру, без выхода, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена морально и интеллектуально, подобно буржуазной молодежи других стран. Теперь она, очертя голову, бросается в революционный социализм со всею нашею программою, с программою Альянса» [1]. Это почетное преимущество на-ряду с Италией разделяла у Бакунина и Россия. В письме к Герцену от 28 октября 1869 года он, заявив своему корреспонденту, что на Западе он верит единственно в мир рабочих (каких рабочих, мы уже знаем), прибавляет, что в России он верит только в «мир мужицкий и грамотный мир беспардонных юношей, не находящих себе ни места, ни возможности занятия в России, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или бессознательно, т.-е. по положению, принадлежащих революции» [2].

Итак, среди пролетариата Бакунин возлагает главные надежды на деклассированный лумпен-пролетариат, а среди буржуазного мира — на деклассированную интеллигенцию. Отсюда вытекает его о т щ е п е н с к а я п с и х о л о г и я, как раз и соответствующая положению революционной интеллигенции, по рождению принадлежащей к господствующим классам общества, а по своей деятельности враждебно им противостоящей. Совершенно естественно, что такие социальные элементы, выступающие на защиту угнетенного класса, которому они по происхождению чужды, должны предварительно порвать со своим собственным классом, со своими прежними интересами и стремлениями. И вот Бакунин, обращаясь к этой социальной группе, не перестает проповедовать ей полный разрыв со своим классом и вообще со старым миром.

«Большинство так или иначе привилегированных лиц, — говорит он, — составляют, можно сказать, поневоле партию реакции... Про-

---

[1] См. приложение к брошюре «L'Alliance de la démocratie socialiste», стр. 135—137.

[2] «Переписка», стр. 235. — Об этой разночинной массе он, как мы знаем, говорил уже в своей речи на польском банкете 1847 года.

тивоположное им весьма ничтожное меньшинство состоит из людей действительно и вполне искренних, которым удалось вырваться совершенно из-под всех влияний своего прежнего мира и отдаться вполне делу народного освобождения. Но, несмотря на всю несомненную искренность их новых стремлений, этим людям нужен строгий присмотр за собою для того, чтобы не впасть бессознательно, более или менее, в старые заблуждения и в прежние эгоистические, тщеславные и честолюбивые стремления... И потому, кто хочет соблюсти свою личную, нравственно общественную чистоту и искренность, тот должен прежде всего разбить в своем положении все, что может дать ему жизнь отдельную, чужую, а потому и противную великому интересу всенародного освобождения, — должен разорвать до конца последние узы, материальные или экономические, семейные, общественные и политические, которые незаметным для него самого образом могут связать его и непременно связывают его еще с миром сословно-государственным. Люди, имеющие достаточно силы, чтобы совершить такой подвиг, становятся драгоценными» [1].

Впрочем, драгоценными они становятся только в том случае, если принимают анархическую программу. В противном случае, когда они примыкают, напр., к «партии социально-революционной диктатуры или социально-революционного государства», т.-е. марксистов, то они превращаются в простых демагогов и обманщиков, людей «самых несчастных и вместе с тем самых вредных» [2].

Для сближения с рабочим классом революционеры из буржуазной среды должны бесповоротно отречься от своего прежнего образа жизни и отказаться от всякого общения со станом торжествующих. «Так как по самым условиям обоюдного существования между миром буржуазным и миром рабочим лежит пропасть, так как один является миром эксплоатирующим, а другой—миром эксплоатируемым и жертвой, то я и вывожу отсюда, что, если человек, рожденный в буржуазной среде, искренно и без фраз хочет стать другом и братом рабочих, он должен отказаться от всех условий своего прошлого существования, от всех буржуазных привычек, порвать все свои отношения чувства, честолюбия и мысли с буржуазным миром и, повернувшись спиной к этому миру, став его врагом и об'явив ему непримиримую войну, броситься целиком, без ограничений и оговорок, в рабочий мир» [3].

---

[1] «Всесветный союз», стр. 29—31. — В послании к лионским рабочим от 12 марта 1870 года он советует им принимать таких людей как братьев.

[2] Ibid., стр. 31—32.

[3] «Кнуто-Германская Империя», стр. 74—75.

И в циркулярном послании к своим итальянским друзьям Бакунин, указывая им на восходящее пролетарское солнце, обращается к итальянской молодежи с следующим горячим призывом: «Теперь, друзья мои, для вашего разума, для вашей совести, для вашего достоинства, для вашего мужества и для пользы вашего существования нет другого спасения, как решительно повернуться спиною к тому буржуазному классу, к которому вы принадлежите по рождению, но который вашим разумом и вашей совестью приговорен к смерти, и броситься, очертя голову, в народ, в народную социальную революцию, в которой вы обретете недостающие вам теперь жизнь, силу, почву и цель. Тогда вы будете людьми... Отныне сила, жизнь, ум, человечность, — все будущее заключается в пролетариате. Дайте ему всю вашу мысль, а он даст вам всю вашу жизнь, всю вашу силу, и вместе вы совершите революцию, которая спасет Италию и весь мир» [1]. И далее: «Откажитесь окончательно от буржуазного мира, отрекитесь от его предрассудков, его чувств, его суеты и встаньте во главе пролетариата. Признайте его дело своим, отдайтесь этому делу, дайте ему свою мысль, а он даст вам силу и жизнь» [2].

Сама по себе революционная молодежь слаба и беспомощна, говорит Бакунин, но она может сыграть колоссальную роль в народном движении, придав ему сознательность и организованность. «Нескольких сот молодых людей с добрыми намерениями, конечно, недостаточно для образования революционной силы вне народа... Но этих нескольких сотен будет достаточно для организации революционной силы народа» [3]. Говоря о русской и итальянской молодежи, Бакунин следующим образом определяет ее значение: «Народ дает им жизнь, элементарную силу и почву, но взамен они приносят ему положительные знания, привычку отвлечения и разобщения [4] и умение организовываться и создавать союзы, которые в свою очередь создают ту сознательную боевую силу, без которой немыслима победа» [5].

Совершенно очевидно, что, указывая революционной интеллигенции такое назначение, Бакунин имел в виду только отсталые страны, где не существует самостоятельного рабочего движения, где пролетариат вообще не играет серьезной роли в расчетах революционеров, и где последним приходится главным образом возлагать свои надежды

---

[1] «Oeuvres», том VI, стр. 368.
[2] Ibid., стр. 402.
[3] Ibid., стр. 419.
[4] В смысле «обобщения».
[5] «Государственность и Анархия», стр. 5.

на крестьянскую массу. Последнюю, действительно неорганизованную, разрозненную, не понимающую значения организованности и даже не чувствующую в ней (особенно в первое время) нужды, приходится учить организации. Совершенно иначе обстоит дело с промышленным пролетариатом, который сплачивается и организуется в самом процессе производства и сам создает организации, сначала тайные, а затем и открытые, уже на первых стадиях своего исторического существования. Можно еще сказать, что интеллигенция приносит ему знания; но говорить, что она научит его организовываться, было бы большим преувеличением.

Итак, революционная молодежь, — «умственный пролетариат», — как выражается в одном месте Бакунин, — должна понести народу знание. Но какое знание? Мы уже знаем, как смотрел Бакунин на науку, которую он, во-первых, смешивал обычно с буржуазной наукой, и которую, сверх того, признавал при настоящих условиях недоступною для народа. Ясно поэтому, что друзья народа не могут преподавать ему теперь «рациональную науку». Их задача сводится только к одному: «возбудить его к самостоятельному движению и действию и прежде всего указать ему пути и средства к его освобождению» [1]. Какие именно пути, мы уже знаем: это — пути «бунтовские, боевые». А так как раз'единение делает народ бессильным и обрекает его местные и бессвязные бунты на неизбежное поражение, то «одной из главных обязанностей революционной молодежи должно быть установление всеми возможными средствами и во что бы то ни стало живой бунтовской связи между раз'единенными общинами... Надо во что бы то ни стало разбить эту замкнутость и провести между этими отдельными мирами живой ток революционной мысли, воли и дела. Надо связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира, между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством» [2]. Молодежь должна убедить народ в безысходности его положения, внушить ему сознание его силы и необходимости всенародного выступления. Молодежь должна выяснить рабочим их собственные неосознанные социалистические стремления. Для этого достаточно развить перед ними программу Интернационала — натурально,

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 243 и сл.

[2] Ibid., стр. 257—262.—«Соединить все его (народа) частные бунты в один бунт поголовный и всесокрушительный, т.-е. в народную революцию» («Постановка революционного вопроса»).

в анархическом духе. Рабочая масса легко и скоро воспримет эту программу, которая является «простейшим выражением ее глубочайших и заветнейших инстинктов» [1].

Как бы чувствуя, что умственный пролетариат представляет социальную категорию, насквозь проникнутую индивидуалистическим духом, Бакунин старается убедить ее в необходимости организации и соборности. «В настоящее время, — говорит он своим итальянским последователям, — в революционном деле, как и в труде, коллективность должна заменить личности». Необходимо мыслить, жить, действовать коллективно, что, спешит он прибавить, отнюдь не помешает полному развитию умственных и нравственных способностей каждого. Напротив, в силу закона коллективного действия мощь каждого члена коллектива возрастает во много раз [2]. Эта же мысль выражена в словах Бакунина, обращенных к русской интеллигентной молодежи, когда он говорил ей, что у нее за плечами «Стенька Разин, на этот раз не одинокий, а коллективный и тем самым непобедимый» [3].

Если на Западе проводником социалистических идей в крестьянство мог служить пролетариат, то в России того времени рабочий класс был еще слишком слаб, во всяком случае настолько слаб, что в построениях крайних демократов ему не отводилось значительного места. И если Бакунин приписывал такое определяющее значение итальянской молодежи, то революционной интеллигенции в России он предназначал еще более грандиозную задачу. Здесь она должна была сыграть роль революционного бродила и чуть ли не основного творческого фактора в деле народного освобождения. И не только должна, но Бакунин уверяет, что она в состоянии будет выполнить эту задачу. «Кто сумеет организовать и направить эту революцию?» — спрашивает он и, не обинуясь, отвечает: «Молодежь». Эта молодежь, организовавшись, сделается «безустанным и деятельным посредником между нуждами, инстинктами неодолимой, но еще не сознанной силой народа и революционной идеей» [4].

И неудивительно, что, когда Герцен напал на русское молодое поколение, Бакунин решительно выступил в его защиту [5].

---

[1] «Oeuvres», том VI, стр. 394.

[2] Ibid., стр. 420.

[3] «Несколько слов к молодым братьям в России», 1869 г.

[4] Четвертая речь на Бернском конгрессе Лиги Мира («Историческое развитие Интернационала», стр. 353—355).

[5] См. четвертую главу первой части II тома этой работы (стр. 115 и сл.).

* * *

В чем коренилась эта симпатия Бакунина к деклассированным элементам, которым в его построениях отводилась такая значительная роль? Во-первых, он сам был законченным образчиком этой породы. Выходец из богатой барской семьи, он постепенно совлекал с себя ветхого Адама и, погрузившись с головою во все перипетии европейских революционных движений, постепенно превратился в профессионального революционера, не знавшего никакой другой страсти, кроме революционных конспираций. Он был одним из самых ярких представителей этой социальной группы, и, порвав с буржуазным миром и со всеми условиями буржуазного существования, он в силу естественного психологического закона должен был сильно преувеличить историческое значение той социальной категории, в ряды которой вошел. И недаром он в России, кроме крестьянской массы, признавал серьезной прогрессивной силой только деклассированную интеллигенцию, про которую он выражался так: она «состоит из бесчисленного множества лиц всех сословий,.. оторвавшихся от сословий и от всех признанных положений в России, ненавидящих настоящее, готовых отдать жизнь свою за будущее, живущих завтрашним днем и, так сказать, на воздухе, — бездомная, странствующая церковь свободы, разбросанная и за границею, и по целой России, но живущая в тысячу раз действительнее, чем все так называемые полезные люди» [1].

Во-вторых, его анархическая программа и бунтарские планы требовали именно таких деклассированных элементов. Последние благодаря своему образованию, сплошь и рядом, правда, весьма одностороннему и рудиментарному, способны играть руководящую роль в революционном движении масс, особенно в тот период, когда эти массы не обладают еще достаточным политическим опытом и как нельзя более подходят для пополнения заговорщических штабов, которыми обыкновенно окружают себя такие делатели революции, как Бакунин. С другой стороны, в людях, принадлежащих к деклассированной интеллигенции, не имеющих, как говорил Бакунин, ни надежды на карьеру, ни выхода, революционная страсть, протест против общества, выбросившего их из своей среды и обделившего их, достигают небывалого напряжения, вселяют им «чорта в тело», развивают в них революционную нетерпеливость и наклонность к самым головоломным, отчаянным предприятиям. Правда, многие представители этого умственного пролетариата, для которых

[1] «Русским и т. д. друзьям», 1862 г., стр. 15—16.

пролетарское состояние является чисто временным, преходящей принадлежностью бурной юности, впоследствии примиряются с буржуазным обществом и в качестве «бывших», раскаявшихся революционеров занимают в нем даже выдающееся положение. Так и случилось со многими бывшими участниками бакунинских конспираций. Но это ничуть не мешает им в свое время — в пору розовой и мечтательной юности — проявлять интенсивное бунтовское чувство, не только не мешает, а, может быть, даже обусловливает его как естественную дань пылкой молодости, от грехов которой они затем с тем бо́льшим азартом отрекаются. Наконец, не забудем, что в состав этой деклассированной интеллигенции входят такие безусловно благородные, честные и преданные люди, как, напр., Карло Кафиеро, столь похожий на нашего Дмитрия Лизогуба, у которых в жизни бывает только одна любовь, одно увлечение, и которые знают одну лишь пламенную страсть, одной лишь мысли вдохновенье. Эти люди оказываются, именно в силу своей искренности и глубины своего сочувствия ко всем угнетенным и оскорбленным, самым подходящим элементом для всякого рода заговорщических планов, рассчитанных на немедленное, безотлагательное уничтожение зла и освобождение всех страждущих.

Кроме того на бакунинскую оценку социального значения деклассированной интеллигенции не остался без влияния пример России, Италии и вообще экономически отсталых стран[1]. В этих странах отсутствует или недостаточно проявил себя промышленный пролетариат, — эта главная основа и деятель социалистического движения. В таких странах не только кажется, но и действительно бывает так, что деклассированные элементы являются главными, если не единственными, представителями социально-революционных стремлений. И даже если рабочий класс в таких странах принимает участие в социалистическом движении, то он, в силу своей малочисленности, неорганизованности, политической неопытности и неспособности к самостоятельному действию, выступает под руководством и под опекой вождей из революционной интеллигенции. Таким образом взгляд Бакунина на значение и задачи умственного пролетариата и вытекающая отсюда его переоценка деклассированных элементов опять-таки вполне соответствуют тому детскому периоду рабочего движения, к которому, как мы видели выше, приспособлено все его мировоззрение.

---

[1] Не забудем, что в экономически отсталых странах особенно живо чувствуется перепроизводство интеллигенции, не находящей себе применения и занятий в слабо развитой промышленности и торговле, что неизбежно влияет на ее революционизирование в массе.

Глава пятая.

СУДЬБЫ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Мы уже неоднократно говорили, что система Бакунина представляла попытку применить к европейским общественным отношениям взгляды, выведенные из наблюдения над русской жизнью 40-х — 60-х годов XIX века. В частности его надежда на непосредственную социальную революцию, связанная с отрицанием политики, подсказана была ему положением дел в России, где капиталистическое развитие в то время было зачаточным, и в связи с этим не замечалось широкого общественного движения в пользу политической свободы; где элементы, сочувствовавшие ей, были слишком слабы и нерешительны, тогда как массы, разумеется — крестьянские, стремились лишь к освобождению от крепостного права. Это стремление, отнюдь не окрашенное политическим цветом, скорее можно было истолковать в социально-революционном духе, т.-е. допустить, что оно при благоприятных условиях приведет к расторжению социальных уз, к полному уничтожению политического и экономического угнетения, а отнюдь не к буржуазной конституции, для которой недоставало, как казалось, главного элемента, т.-е. многочисленной и влиятельной буржуазии. Возможность такого исхода допускали тогда все крайние русские демократы, начиная от Герцена и кончая Чернышевским, но только Бакунин облек эту гипотезу в анархическую форму, признав, что крестьянское движение прямо идет к уничтожению государства и к вольной организации снизу вверх [1].

---

[1] Таким образом по отношению к России эти первые русские революционеры оказались по существу правы; действительно, вследствие слабости русской буржуазии социальная революция восторжествовала здесь раньше, чем в старых капиталистических странах, но для этого понадобилось предварительное достижение русским капитализмом сравнительно высокой степени развития и создание хотя не особенно многочисленного, но решительного и здорового пролетариата, связанного с крестьянством.

В России, говорил он, не имеется собственно «промежуточного политического класса, буржуазной политической корпорации». Здесь в действительности существует, «с одной стороны, официальный мир, военная, полицейская и бюрократическая организация, для выполнения царских капризов, а с другой стороны — народ, десятки миллионов человеческих существ, пожираемых царем и его чиновниками. В России революция выйдет прямо из народа» [1]. В этой цитате Бакунин приписывает русскому политическому строю слишком уже личный характер. Но это не значит, чтобы он не понимал его классового характера. По крайней мере, во многих местах он высказывал ту мысль, что в России господствует дворянство, класс крупных землевладельцев, и что российский абсолютизм представляет не что иное, как политическую форму этого классового господства. Правда, он повторяет легенду, что Петр Великий сломил это дворянство, превратив его окончательно в служебную касту и лишив политического влияния; однако он хорошо понимает, что российский бюрократический режим представляет по существу дворянский режим. «Две трети русского чиновничества, — говорит он, — состоят исключительно из дворян, столбовых или нестолбовых — это все равно: у них права одинаковые. К дворянству принадлежит вся чиновная знать, все люди с влиянием и силою» [2]. Замечавшееся в начале 60-х годов «фрондерское либеральничанье дворянского класса», соблазнившее Герцена (да отчасти и его самого), Бакунин признает простым недоразумением, так как по своему положению дворянство должно быть «неизменным союзником царской власти, пагубной для народа и едино спасительной для дворянства» [3]. Дворяне же революционеры, это — редкое исключение: они никогда не выражали взглядов своего сословия, а «напротив, они шли, жили и действовали наперекор привычкам и интересам той касты, к которой принадлежали по рождению» [4]. С другой стороны, обожание царя народною массою, по мнению Бакунина, есть не что иное, как «результат громадного недоразумения», «проявление ненависти к дворянству, к официальной церкви, ко всем государственным чиновникам, т.-е. ко всему, что составляет самую суть императорского могущества, самую существенную сторону империи». Обожаемое лицо царя для народа «только отвлеченность, во имя которой он протестует против жестокой и подлой действительности». Аналогичная черта,—подчерки-

---

[1] «Trois conférences», — «Oeuvres», том V, стр. 340; писано в мае 1871 г.
[2] «Русским и т. д. друзьям», стр. 10.
[3] «Переписка», стр. 185.
[4] «Русским и т. д. друзьям», стр. 12.

вает Бакунин, — отмечена была Артуром Юнгом у французского крестьянства за несколько лет до великой революции, которой она, однако, не помешала [1].

В действительности, по мнению Бакунина, «народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись. Недавно еще (писано в 1873 году), ненависть его была разделена между дворянами и чиновниками, и иногда даже казалось, что он ненавидит первых еще более, чем последних, хотя в сущности он их ненавидит равно. Но с тех пор как вследствие упразднения крепостного права дворянство стало видимо разоряться, пропадать и обращаться к своему первоначальному виду исключительно служебного сословия, народ обнял его в своей общей ненависти ко всему чиновному сословию» [2]. Народный протест против российской официальной государственности выразился в расколе, который сначала имел чисто религиозный характер, а впоследствии получил «значение политическое и общественное» [3].

О временном увлечении Бакунина расколом и о попытках связаться с ним в интересах революции мы подробно говорили во II томе этой работы. Там же мы рассказали, как неудачно закончились эти попытки. Но если раскольники не оправдали возлагавшихся на них надежд, — не беда: ведь весь русский народ — «социалист по инстинкту и революционер по природе» [4]. А так как крестьянская реформа проведена во вред народным интересам, то поголовное крестьянское восстание в России неминуемо, и притом в самом близком будущем.

Этого крестьянского восстания Бакунин ожидал повсечасно, сначала в 1861 году, потом в 1863 году, затем в 1869 и т. д. «Пройдет еще некоторое время, — писал он в газете «Egalité» («Равенство») от 17 апреля 1869 года, — два года, год, может быть несколько месяцев, и оба эти движения (народное и интеллигентское) сольются воедино, и тогда — тогда мы увидим революцию, которая, без сомнения, превзойдет все до сих пор виданные революции» [5]. Почему же она превзойдет их? Да потому, что «русская революция — в полном смысле этого слова социальная революция. Другой не может быть

---

[1] Четвертая речь на Бернском конгрессе Лиги Мира («Историческое развитие Интернационала», стр. 348).

[2] «Государственность и Анархия», стр. 257—258.

[3] «Русским и т. д. друзьям», стр. 6.

[4] «Историческое развитие Интернационала», стр. 355.

[5] «Oeuvres», том V, стр. 59. — Это уже отголосок встречи с Нечаевым (см. дальше).

в России»[1]. Не может быть потому, что, как мы знаем, буржуазии в России нет, и мир крестьянский и мир официальной государственности непосредственно противостоят друг другу. Правда, этого мало для социальной революции, но дело в том, что все элементы, потребные для таковой, в России существуют. Какие же это элементы? Как мы уже знаем, это — нищета и отчаяние народных масс, а также присущий народу революционный идеал и вера в свое право.

«В русском народе, — говорит Бакунин, — существуют в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать как на необходимые условия социальной революции. Он может похвастаться чрезмерной нищетой, а также и рабством примерным. Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически двумя страшными взрывами, — бунтом Стеньки Разина и Пугачевским бунтом, и не перестающим поныне проявляться в беспрерывном ряде частных крестьянских бунтов».

Но существует ли в русском народе тот общенародный идеал, который «способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель, и без которого, как мы выше сказали, невозможно одновременное и всеобщее восстание целого народа, а, следовательно, невозможен и самый успех революции»? «Нет сомнения, что существует, — отвечает Бакунин, — и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты. Первая и главная черта это — всенародное убеждение, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом[2]. Вторая, столь же крупная черта, — что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности с двумя предыдущими, это — квази-абсолютная автономия, общинное

---

[1] «Всесветный союз», стр. 11.

[2] В своей четвертой речи на Бернском конгрессе Лиги Мира Бакунин, описав кочевой характер русской жизни в удельный период, когда земля действительно не принадлежала никому, прибавляет: «Вот где кроется начало идеи, вкоренившейся в умах всех русских племен империи, идеи, пережившей все политические революции и оставшейся более могущественной, чем когда-либо в народном сознании, — идеи, носящей в себе все социальные революции, прошедшие и будущие, и состоящей в убеждении, что з е м л я, в с я з е м л я п р и н а д л е ж и т т о л ь к о о д н о м у н а р о д у, т.-е. всей действительно трудящейся массе, обрабатывающей ее своими руками» («Историческое развитие Интернационала», стр. 342).

самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству. Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему они вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские» [1].

Что латинские страны стояли в то время несравненно ближе к социальной революции, чем германские, это, конечно, сущие пустяки. Но бессознательно Бакунин был прав в том отношении, что народные, сиречь крестьянские, стремления таких, напр., стран, как Италия, о которой он, несомненно, думал, когда писал вышеприведенные строки, стояли ближе к стремлениям русского крестьянства, чем, напр., стремления немецкого пролетариата. Вместе с тем Бакунин, однако, глубоко заблуждался, даже когда думал, что русский народный идеал в том виде, как он его изображает, по существу совпадал с идеалом латинского пролетариата, т.-е. с анархическим идеалом. Выше мы достаточно уже об этом говорили и не станем снова возвращаться к этому вопросу. Подчеркнем лишь еще раз, что бакунинская система, как это ясно видно и из данной цитаты, вытекала из идеализации своеобразно истолкованных стремлений русского крестьянства и применения их к движению пролетариата экономически отсталых стран.

Обрисовав русский народный идеал, Бакунин спешит, впрочем, оговориться, что этот идеал искажается тремя другими чертами, которые чрезвычайно замедляют его осуществление, и против которых революционерам поэтому следует всеми силами бороться. Указанные три затемняющие черты — это: 1) патриархальность, 2) поглощение лица миром и 3) вера в царя. Что касается религиозных суеверий, то он, как мы знаем, не придает им решающего значения и не советует пропагандистам затрагивать религиозные предрассудки народа.

Две последние отрицательные черты: поглощение лица миром и вера в царя, — поясняет Бакунин, — представляют, собственно говоря, естественные результаты первой черты, т.-е. патриархальности. «Поэтому патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами. Оно исказило всю русскую жизнь, наложив на нее тот характер тупоумой неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчного лицемерия и, наконец, того холопского рабства, которые делают ее нестерпимой... Община — его

[1] «Государственность и Анархия», стр. 247—251.

(русского человека) мир. Она не что иное, как естественное расширение его семьи, его рода. Поэтому в ней преобладает то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и то же подлое послушание, а потому и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, как и в самой семье. Решения мира, каковы бы они ни были, — закон. «Кто смеет итти против мира! — восклицает с удивлением русский мужик (далее идет известная уже нам апология разбойника, смеющего итти против мира)... Над общиною, над всеми общинами стоит царь, всеобщий патриарх и родоначальник, отец всей России. Поэтому власть его безгранична. Каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего — и это составляет одно из главных несчастий в России — ни одна община не имеет, да и не чувствует надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Соединяются же они между собою только посредством царя-батюшки, только его верховной отеческой властью» [1]. Исходя из этого, Бакунин, как мы знаем, и возлагал на революционную интеллигенцию задачу связать раз'единенные общины живой бунтовской связью.

Таким образом Бакунин отнюдь не был поклонником патриархального начала [2]. И это совершенно понятно: для него, как для анархиста, сторонника полной и неограниченной свободы личности, не могло быть ничего более ненавистного, чем власть коллектива над лицом, да еще такого грубого, дикого и беспощадного коллектива, как патриархальный мир. Говоря об оценке Бакуниным кооперативного движения, нам уже приходилось указывать на его отрицательное отношение к преобладающему в русской истории «гуртовому движению», убивающему личную инициативу, «стадообразности русских народных движений,.. неизменно клонящейся к рутине» [3]. И замечательно, что даже этот типичный представитель «неумытой» и «беспардонной» российской богемы высказывался против нашей национальной черты — российской распущенности — в честь западной культуры» [4].

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 255 и сл.

[2] Изображая первобытный быт славян, как племени якобы мирного и чуждого государственным стремлениям, в отличие от германцев жившего самостоятельными общинами, не знавшего дворянства и касты жрецов, он спешит, однако, прибавить, что они осуществляли идею равенства и человеческого братства «еще только в патриархальном и, следовательно, в самом несовершенном виде» («Государственность и Анархия», стр. 46).

[3] «Государственность и Анархия», стр. 246.

[4] Об'ясняя Герцену и Огареву, почему он не хочет поселиться в Женеве, Бакунин писал: «В Женеве, думаю, дорого, а по причине многочислен-

Многие, знающие Бакунина только по наслышке, воображают, что он идеализировал русскую общину, подобно Герцену, и усматривал в ней единственное средство спасения для русского народа. На самом деле, как мы видели, ничего подобного не было. Бакунин увлекался не русской общиной, особенно в том виде, как она исторически сложилась, а, скорее, приписываемою народу идеею, что вся земля должна принадлежать трудящимся. Что же касается общины, как таковой, то он, скорее, относился к ней отрицательно и очень хорошо понимал, что старый политический режим был естественной надстройкой над великороссийской общиной [1]. Правда, все недостатки общины, возмущавшие его как революционера и в особенности как анархиста, он приписывал влиянию государства. «Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и без того развращенную своим патриархальным началом. Под его гнетом само общинное избирательство стало обманом, а лица, временно избираемые самим народом, — головы, старосты, десятские, старшины — превратились, с одной стороны, в орудия власти, а с другой — в подкупленных слуг богатых мужиков-кулаков. При таких условиях последние остатки справедливости, правды, простого человеколюбия должны были исчезнуть из общин, к тому же разоренных государственными податями и повинностями и до конца придавленных начальственным произволом» [2].

Как мы видим, Бакунин относился к общине с таким же трезвым реализмом, как и Чернышевский. Но в то время как последний пришел к тому выводу, что революционная партия должна стремиться к захвату власти и к водворению революционной диктатуры для проведения социально-политических реформ в интересах народных масс, Бакунин из своей оценки пагубного влияния государства на общину выводил необходимость полного уничтожения государства и провозглашения анархии. Но тот и другой, хотя и с разных точек зрения, полемизировали с герценовской идеализацией общинного землевладения.

В письме к Герцену и Огареву от 8 октября 1865 года Бакунин пишет: «Наших друзей губят, а черная русская изба, заключающая, по вашим словам, разрешение социальных вопросов, спит, как спала,

---

ного русского эмансипированного, праздно и тщеславно болтливого соседства также и несносно. Русский навязчивый коммунизм мне стал противен, — я же привык здесь к западной самостоятельности» («Переписка», стр. 164).

[1] «Государственность и Анархия», стр. 256.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 258.

мертвая и бесплодная в продолжение веков, потому что давит ее государство, — и будет спать она тем же глупым сном, и не сделает ни шагу вперед русский социальный вопрос, пока будет существовать это государство. А если будут шаги, так в сторону или даже назад — отнюдь не вперед»[1]. А в неоднократно цитированном нами большом принципиальном письме от 19 июля 1866 года Бакунин, упрекая своих друзей в политическом оппортунизме и в компромиссах с правящими сферами, говорит своим старым товарищам: «Вы все готовы простить государству, пожалуй, готовы поддерживать его, если не прямо — было бы слишком стыдно, — так косвенно, лишь бы оно оставило неприкосновенным ваше мистическое святая святых: великорусскую общину, от которой м и с т и ч е с к и, — не рассердитесь за обидное, но верное слово, — да, с мистическою верою и теоретическою страстью вы ждете спасенья не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира. А кстати, скажите, отчего вы, уединенные гордецы н и к е м не понятой и не принятой теории о таинственном свете и мощи, скрывающихся в глубине русской общины, не соблаговолили отвечать серьезно и ясно на серьезный упрек, сделанный вам вашим приятелем? «Вы выбиваетесь из сил, пишет вам этот друг,.. вы воображаете, что развитие пойдет мирным путем, а о н о м и р н ы м п у т е м н е п о й д е т; пожалуй, вы еще надеетесь в этот несчастный одиннадцатый час на правительство, а оно может сделать только вред: в ы з а п н у л и с ь о р у с с к у ю и з б у, к о т о р а я с а м а з а п н у л а с ь, д а и с т о и т в е к а в к и т а й с к о й н е п о д в и ж н о с т и с с в о и м п р а в о м н а з е м л ю». Почему не разовьете вы в своем «Колоколе» этого важного, решительного для вашей теории вопроса: почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжении 10 веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого печального и гнусного рабства? Безобразное принижение женщины, абсолютное отрицание и непонимание женского права и женской чести и апатичная, равнодушная готовность отдать ее, службы целого мира ради, под первого чиновника, под первого офицера; гнусная гнилость и совершенное бесправие патриархального деспотизма и патриархальных обычаев, бесправие лица перед миром и всеподавляющая тягость этого мира, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы; отсутствие права не только юридического, но просто справедливости в решениях того же мира, и жестокая, злостная бесцеремонность его отношений к каждому бессильному или небогатому члену; его

[1] «Переписка», стр. 161.

систематическая, злорадостная, жестокая притеснительность в отношении к тем лицам, в которых появляются притязания на малейшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки — вот, во всецелости ее настоящего характера, великорусская крестьянская община. Прибавьте к этому мгновенное обращение всякого выборного крестьянина в притеснителя, чиновника-взяточника, — и картина будет полная, полная для всякой общины, мирно и покорно живущей под сенью всероссийского государства» [1].

Упомянув бегло о другой стороне, — бунтовской, разиновской, пугачевской, раскольничьей, — от которой одной он ждет спасенья, Бакунин поясняет, что эта сторона — уже не мирная, не государственная, а чисто революционная. А затем он продолжает свою критику.

«О бок со страшными недостатками, мною исчисленными, вы находите в великорусской общине две добродетели, два преимущества: одно чисто отрицательное — отсутствие римского и всякого юридического права, замененного в великорусском народе неопределенным и в отношении собственно к лицам крайне бесцеремонным и даже совершенно отрицающим правом; другое, пожалуй, положительное, хотя и весьма

---

[1] Такую же приблизительно оценку русской общины Бакунин дает в незаконченной рукописи «Интриги г. Утина», недавно опубликованной в «Голосе Труженика», 1925 г., январь—февраль. «Россия, — пишет он там (февраль, стр. 12), — по характеру своему страна полуазиатская, давно страдавшая безличностью или, что все равно, патриархальностью отношения лица к семье, к общине, к государственной власти. Общественная инициатива, до сих пор еще весьма слабая, принадлежит в ней не лицу, а общине, а в последней — опять-таки не лицу, а семье, т.-е. главе семейства. Лицо в ней сознательно подчиненно, робко, бесправно: «Я миру не укащик!». Но без личной самостоятельности, без личной инициативы и мысли, без личного бунта нет прогресса. Вот чего не должны бы были позабывать наши славянофилы и вообще все слепые поклонники р у с с к о й о б щ и н ы. Правда, что о б щ и н а н а ш а в экономическом отношении представляет ту огромную выгоду, что, чуждая личному праву, она основана на общинной поземельной собственности. То, к чему стремятся западные народы, у нас уже есть отчасти действительность: коллективная собственность земли и, на основании этой собственности, зародыш политической организации: о б щ и н н ы й м и р. Но этот мир, или, вернее, механическое сочетание этого бесчисленного множества отдельных миров, лишенных всякой органической связи между собою и соединенных только внешним образом официальной властью чуждого, враждебного им и поедающего их государства, существует вот уже тысячу лет и до сих пор не произвело из себя ничего путного, кроме этого поганого государства, бича внутри, противочеловеческого пугала внаружу. Почему же русские общины не умели до сих пор соединиться, почему они не создали...» (на этом рукопись обрывается).

темное инстинктивное понятие народа о праве каждого крестьянина на землю, — понятие, которое, если разобрать его строго, отнюдь не утверждает права всего народа на всю землю и чуть ли не заключает в себе другого весьма печального понятия, присваивающего всю землю государству и государю, — мне ли об'яснять вам, какая огромная разница между этими двумя положениями:

Земля принадлежит народу,
Земля принадлежит государю?

«Вследствие последнего государь дарит пустые, а прежде дарил и населенные земли своим генералам, гонит целые общины с одной земли на другую, не возбуждая ропота в народе, лишь дали бы ему какую-нибудь землю. «Земля наша, а мы государевы», — с этим понятием, друзья мои, русский народ уйдет недалеко. Да и в самом деле, все преимущества, находимые вами в великорусской общине, существовали издавна, а до сих пор ничего не выработали из себя, кроме рабства да гнили да еще отрицания всего (?) государственного устройства, московско-петровского мира в расколе, в казачестве да в крестьянском бунте. Община наша не имела даже и внутреннего развития, она теперь та же, что и тому назад пятьсот лет, а если в ней благодаря напору государственности стало заметно подобие внутреннего процесса, так это процессы разложения: всякий мужик побогаче да посильнее других стремится теперь всеми силами выбраться из общины, которая его теснит и душит. Откуда же эта неподвижность и непроизводительность русской общины? Оттого ли, что в ней самой нет начала развития и движения? Да, пожалуй, и так. В ней нет свободы, а без свободы, вестимо, никакое общественное движение немыслимо. Что ж мешает пробуждению свободы? Государство».

В устах Бакунина последнее утверждение, т.-е. приписывание государству всех отрицательных черт общины, вполне естественно. Подобные образчики анти-государственного фетишизма мы уж встречали у него неоднократно. Но это обстоятельство ничуть не ослабляет всей силы его критики, направленной против славянофильских увлечений Герцена. С такой же антигосударственной точки зрения оценивает он и крестьянскую реформу 1861 года. «Мне ли вам говорить и доказывать, — пишет он, — что освобождение было мнимое? Это было, в виду грозивших смут и опасностей, не что иное, как перемена метода и системы в деле народного притеснения: помещичьи крестьяне превращены в государственных. Место чиновника-помещика заняла теперь чиновник-община, а над общиной — все казенное чиновничество; на

место помещика община сделалась теперь в руках государства слепым послушным орудием для управления крестьянами. Воли у крестьян так же мало, как и прежде: ни один пошевелиться без паспорта не может, а паспорты выдает отвечающая за них перед лицом правительства община. Круговая порука хороша и действует благодатно там, где есть воля; она пагубна при нашем государственном устройстве. Итак, нет и, пока продлится существование государства, крестьянской воли не будет. Нет и признания крестьянского права на землю. Если земля крестьянская, так зачем же выкуп — и какой еще выкуп?»

Отсюда Бакунин решительно делает анархический вывод. «Любезные друзья, — говорит он, обращаясь к Герцену и Огареву, — я не менее вас решительный социалист, но именно потому, что я — социалист, я решительно не допускаю совместимости социального преуспения России и развития тех зародышей, которые вот уже скоро тысячу лет действительно таятся в недрах русского крестьянского общества, с дальнейшим существованием всероссийского государства и думаю, что первая обязанность нас, русских изгнанцев, принужденных жить и действовать за границей, это — провозглашать громко необходимость разрушения этой гнусной империи. Это должно быть первым словом нашей программы». Против такой программы, как он предвидел, решительно восстанут все умеренные либералы, составлявшие публику Герцена, но зато ее с восторгом примет революционная молодежь, ученики Чернышевского и Добролюбова, к которым Бакунин, как мы знаем, и советовал обратиться своим старым друзьям [1].

С помощью Нечаева Бакунин вскоре и попытался осуществить в России эту программу.

---

[1] «Переписка», стр. 169—186.

Глава шестая.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

1. Право наций на самоопределение.

С первых шагов своей политической деятельности Бакунину пришлось столкнуться с национальным вопросом. Это было начало 40-х годов XIX века, когда еще действовали принципы Священного Союза, основанные на бесправии масс во внутренней политике и на угнетении национальностей во внешней. Италия боролась за свое освобождение из-под австрийского ига и за об'единение разрозненных итальянских областей в одно национальное государство; Польша, не примирившаяся с недавним поражением, не переставала готовиться к новым патриотическим выступлениям; балканские славяне стремились к освобождению от турецкого ига; среди австрийских славян развивалось национальное самосознание и происходило брожение; в самой Германии, где не прекращалась агитация в пользу германского единства, сливавшаяся с движением в пользу политической свободы, национальный вопрос занимал выдающееся место. Одним словом, это была эпоха национальных стремлений и национальных порывов, и всякому политическому деятелю приходилось определить свое отношение к национальному вопросу. У Бакунина это еще осложнялось тем обстоятельством, что он принадлежал к славянству, которое только начинало пробуждаться к политической жизни и в силу самого своего положения среди других народов должно было с особой болезненностью реагировать на национальный вопрос. Этим об'ясняется в значительной степени тот факт, что Бакунин так рано начал интересоваться национальным вопросом и сохранил этот интерес почти до конца, хотя, конечно, в последнее время, после своего присоединения к Интернационалу, он решал его не совсем так, как в начале своей политической карьеры.

В своем проекте мотивированного предложения Центральному комитету Лиги мира и свободы («Федерализм, социализм и анти-

теологизм») Бакунин определенно высказывается за право каждой нации на самоопределение, развивая этот принцип до крайних логических последствий [1]. Он утверждает, что каждая нация имеет право свободно об'единяться с любою нациею и также свободно отделяться от нее, при чем он признает это право нации свободно располагать своей судьбой важнейшим из всех политических прав. Исходя из этого положения, он предлагает Лиге громко выразить свои симпатии всякому национальному восстанию против всякого национального угнетения, внутреннего или внешнего, если только это восстание происходит в политических и экономических интересах народных масс, а не (?) в честолюбивых целях основания сильного государства. Вместе с тем он с такой же энергией высказывается против патриотизма, государственного величия, славы и т. п., а также против «принципа национальностей» в той его постановке, которую ему придали в то время правительства Франции, России и Пруссии, равно как и многие немецкие, польские, итальянские и венгерские патриоты. Национальность, говорит он, это — факт, а не принцип: как факт она имеет право на свободное существование и развитие; как принцип она служит лишь диверсией против духа революции. Право национальности есть лишь естественное последствие верховного принципа свободы, но как только оно выступает против свободы, оно перестает быть правом [2].

Стремление к государственному единству во что бы то ни стало, к образованию великой нации — бесчеловечно и убийственно для свободы, говорит Бакунин [3]. Тенденция века это — разрушение всех великих и малых политических централизаций, которые должны уступить место экономической организации, основанной на коллективном труде и всемирной солидарности [4]. Этому ничуть не противоречит другое его утверждение, что человечество стремится к единству. Это единство будет неизбежным результатом всего современного экономического развития, но оно ни в коем случае не может быть достигнуто путем насилия одной нации над другой. «Патриотизм, стремящийся к единству вне свободы, это — плохой патриотизм, всегда пагубный для народных интересов и для действительных интересов той страны,

---

[1] В таком же духе, как мы знаем, он высказывался с первых же своих публичных выступлений: в речи на польском банкете 1847 года, в «Воззвании к славянам» 1849 года, в брошюрах «Русским и пр. друзьям» и «Народное дело» 1862 года, в стокгольмской речи 1863 года и т. д.

[2] «Oeuvres», том I, стр. 18 и след.

[3] «Oeuvres», том II, стр. 116.

[4] «Историческое развитие Интернационала», стр. 361.

которую он намеревается воодушевлять и обслуживать; он, часто сам того не желая, благоприятствует реакции и враждебен революции, т.-е. освобождению наций и людей» [1]. Поэтому Лига мира и свободы может признать только такое единство, которое свободно установится путем федерации совершенно автономных составных частей. Одним словом, принципу принудительного единства Бакунин противопоставляет принцип ф е д е р а л и з м а, — добровольного об'единения свободных наций [2].

На этом основании Бакунин высказывался за свободу Польши — и даже, как мы знаем, не ограничился заявлением своего платонического сочувствия, а принял деятельное участие в польском восстании 1863 года, — но вместе с тем он осудил притязания поляков на так называемую «историческую Польшу» т.-е. их притязания на Литву, Белоруссию, Украину и т. п. [3]. Он находил только, что не время спорить с польскими патриотами в тот момент, когда им приходилось выдерживать такую неравную борьбу; но, отвергая «историческое право» в пользу права каждой нации на самоопределение, он находил, что «Украйна польская вместе с русинами галицийскими, вместе с нашею Малороссиею, — страна в 15 миллионов, говорящих одним языком, исповедующих одну веру, будет не Польшею и не Россиею, а сама собою». На этом основании он требовал автономии также для Украины («Малороссии»), для Белоруссии, для Литвы и для Курляндии с Лифляндией («чухонско-латышских, отнюдь же не немецких») и выражал надежду, что все эти области вместе с Польшею и Россиею, а также вместе со всеми другими славянскими племенами, населяющими Австрию и Турцию, войдут в качестве автономных членов в общеславянскую федерацию. «Я требую только одного: чтобы всякому народу, чтобы всякому малому и великому племени были вполне предоставлены возможность и право поступать по воле, — хочет он слиться с Россиею или Польшею, пусть сливается. Хочет быть самостоятельным членом польской или русской или общеславянской федерации, пусть будет им. Наконец, хочет ли он вполне от всех отделиться и жить на основаниях совсем отдельного государства, бог с ним, пусть отделяется... Где народам будет жить привольнее, туда они и пойдут» [4].

---

[1] «Oeuvres», том I, стр. 20—21.

[2] Здесь тоже наблюдается влияние Прудона, который, впрочем, и в этом вопросе не свел концов с концами и выступал против борьбы поляков за свою национальную свободу.

[3] «Друзьям», стр. 22 и след.

[4] «Русским и пр. друзьям», стр. 24—26.

В другом месте он, говоря о балтийских провинциях, предназначает им другую участь, но все-таки основанную на праве национального самоопределения. «Они, — замечает он, — латышские или финские, и немецкое население, состоящее из дворян и буржуа, составляет самое незначительное меньшинство. Провинции эти принадлежали сначала Польше, позже Швеции, а еще позже они были завоеваны Россиею. Самым счастливым для них исходом с точки зрения народной, — а другой я не признаю, — было бы, по-моему, возвращение вместе с Финляндией не под владычество Швеции, а в тесный федеративный союз с нею в качестве члена скандинавской федерации, обнимающей Швецию, Норвегию, Данию и всю датскую часть Шлезвига, несмотря на неудовольствие господ немцев... Громадное большинство населения, равно ненавидящее и немцев, и русских, хочет остаться тем, чем оно есть, т.-е. финнами и латышами, и только в скандинавской конфедерации смогут они найти охрану своей автономии и своего права быть самими собой» [1].

Можно сказать, что в социалистической литературе до Ленина никто не ставил так широко и свободно национального вопроса, как Бакунин. В этом пункте он полностью примыкал бы к нынешней коммунистической постановке вопроса, если бы не его уклонение в сторону революционного панславизма, который он все же мыслил как результат добровольного соглашения заинтересованных народных масс.

2. Революционный панславизм.

Национальный вопрос почти всегда интересовал Бакунина главным образом как вопрос о судьбах славянских народов. Нам уже приходилось указывать на то, что славянская нотка рано послышалась в публичных выступлениях Бакунина. Говоря о его парижской речи 1847 года, вызвавшей его высылку из Франции, а затем о его деятельности в 1848—1849 годах, мы указывали на то, что славянофильство было одним из первых проявлений пробуждения политических интересов в русском обществе после поражения декабристов. Оно не осталось без влияния даже на ярых врагов славянофильства, — на западников, по крайней мере таких, как Герцен и Бакунин. «Нет никакого сомне-

---

[1] «Кнуто-Германская Империя», стр. 92. — Скандинавский союз Бакунин, как мы видим, рассматривал отчасти как противовес не только российскому, но и германскому империализму. С этой точки зрения интерес, который он проявлял к этому вопросу в 1863 — 1864 годах (см. том II), приобретает особый смысл.

ния, — писал Герцен в своем дневнике 1844 года по поводу лекций Мицкевича в Collège de France в сороковых годах, — в славянизме есть истинная и прекрасная сторона; эта прекрасная сторона — верования в будущее — всего прекраснее у поляка, — у поляков, бежавших от ужасов и казней и носящих с собою свою родину. Но с этим прекрасным характером надежды у славян всегда является какое-то самодовольство, — jactance, — которое тем страннее, чем очевиднее ужас современного положения. Славяне — всегда рабы, везде холопы, — смирные, пассивные холопы. Демократический элемент, на который они опираются, утрачен: крепостное состояние — достаточное доказательство. И когда цвело это общинное устройство? В период величайшей неразвитости. Бедуины — демократы, и патриархализм имеет всегда своего рода семейно-общинное начало»[1]. Но эти трезвые замечания, сильно напоминающие те возражения, которые Бакунин через двадцать лет делал самому Герцену, не помешали последнему, после неудачи революции 1848 года, развить целую систему славянофильского социализма, преисполненную такого же духа «самодовольства», которое, говоря его собственными словами, было тем страннее, чем очевиднее был ужас тогдашнего положения.

Бакунин никогда не доходил до таких славянофильских преувеличений, как Герцен. Но и он был несвободен от многих типичных черт славянофильства. Одною из них было приписывание небывалых достоинств славянским народам, идеализация их первобытных отношений, восхваление их вольнолюбивых, антигосударственных стремлений и т. п.; а другою, тесно связанною с первою и составлявшею как бы оборотную ее сторону, — это была органическая нелюбовь к немцам, которым приписывались все отрицательные черты славянской истории и в частности российской официальной государственности. Как известно, Герцен постоянно повторял, что деспотизм петербургского периода был политикою не русскою, а немецкою; Бакунин в этом отношении не отставал от него. Он также утверждал, что русское государство по духу своему «вовсе не русское, а татарско-немецкое», что русское правительство «еще более немецкое, чем татарское», а знаменитые три кита русской официальной государственности не что иное, как «выродки чудовищного сочетания татарского варварства с немецкою политическою наукою» и т. д., и т. п.[2].

---

[1] «Сочинения», том II, стр. 308—309.

[2] «Oeuvres», том V, стр. 249—251; «Друзьям», стр. 9; «Кнуто-Германская Империя», стр. 105; «Переписка», стр. 104, 122, 125: Петербург — «сам переодетый немец».

Понятно, что немцев эта черта в русских революционерах страшно раздражала. Мы уже знаем, как резко Энгельс отнесся к славянским увлечениям Бакунина. Такие буржуазные демократы, пропитанные националистическим душком, как А. Руге, должны были относиться к этому еще более враждебно, так как их, помимо всего прочего, глубоко раздражали коммунистические тенденции россиян. В письме к Герцену от 1854 года Руге между прочим говорил ему: «Вы знаете, как меня всегда интересовали сообщаемые вами сведения о России... Но то обстоятельство, что даже самые свободомыслящие русские, как вы и Бакунин, все еще остаетесь русскими националистами, все еще гордитесь этим ужасным отечеством, все еще высокомерно относитесь к нам, вашим тиранам, что вы апеллируете к варварству и коммунизму, что вы думаете, будто эта простая несамостоятельная толпа может быть сравниваема с теми гордыми свободными людьми, которые разрушили мир, с древними германцами, — это действительно для меня печальное открытие». А в начале 1862 года, отвечая одному своему приятелю на запрос о прибытии Бакунина в Лондон, Руге писал: «приехал ли Бакунин, я не знаю, — я, конечно, увижусь с ним. Но он сделался еще более русским, чем Герцен. Русская революция делает русских, как Герцен и Бакунин, еще бесстыднее, и я заранее жду высокомерных речей о «молодости России» и «об изжившей себя гнилой Германии» [1].

В интересах справедливости мы должны сказать, что Бакунин, кроме «Исповеди», писанной из-под палки, никогда не унижался до разглагольствований о «гнилом» Западе, никогда не видел в западной жизни голого торжества мещанства и этим в выгодную сторону отличался от Герцена, который не понимал рабочего движения и не участвовал в нем, тогда как Бакунин, напротив, в последние годы был его деятельным участником и ждал от него спасения человечества [2]. Но не подлежит сомнению, что славянская жилка билась в Бакунине очень сильно, особенно до вступления его в Интернационал, и любопытно, что даже и в последующее время мы встречаем у него заявления, показывающие, что социальная революция интересовала его в значительной мере с точки зрения славянского освобождения. «Организировать народные силы для совершения такой революции, — писал он в 1873 году, — вот единственная задача людей, искренно желающих освобождения славянского племени из-под многолетнего ига. Эти

---

[1] Ruge — «Briefwechsel», том II, стр. 147 и 217. — Ср. Драгоманов, loc. cit., XXVIII—XXIX.

[2] Ср., напр., его письмо к А. Эскиросу (том II, стр. 272—273).

передовые люди должны понять, что то самое, что в прошедшие времена составляло слабость славянских народов, а именно их неспособность организовать государство, в настоящее время составляет их силу, их право на будущность, дает смысл всем их настоящим народным движения»[1]. Правда, здесь Бакунин обращается к юной славянской аудитории, у которой предполагает еще сильные славянские симпатии и которой старается доказать, что именно эти симпатии должны побудить ее к массовому вступлению в Интернационал; но характерна уже сама постановка вопроса.

Это дает нам возможность лишний раз проследить славянский источник бакунинского анархизма. В программе славянской секции, основанной в 1872 году в Цюрихе, принятие анархических принципов мотивируется между прочим тем соображением, что «для славянских народов в особенности это уничтожение (государства) есть вопрос жизни или смерти и в то же время единственный способ примирения с народами чуждых рас, например, турецкой, мадьярской или немецкой»[2]. Бакунин чувствовал, что славяне не в состоянии создать сильных государств наряду с существующими государствами (то же самое, как мы помним, доказывал ему Энгельс в 1849 году), и вот он зовет славянскую молодежь к уничтожению государств вообще. «Передовые славянские люди, — говорит он, — должны, наконец, понять, что время невинной игры в славянскую филологию прошло, и что нет ничего нелепее и вместе вреднее, народоубийственнее, как ставить идеалом всех народных стремлений мнимый принцип национальности. Национальность не есть общечеловеческое начало, а есть исторический местный факт, имеющий несомненное право, как все действительные и безвредные факты, на общее признание... Всякий народ точно так же, как и всякое лицо, есть поневоле то, что он есть, и имеет несомненное право быть самим собою. В этом заключается все так называемое национальное право». И дальше Бакунин убеждает славянскую молодежь не стремиться к основанию славянских государств, а вместе с трудящимися всех наций добиваться международной социальной революции[3].

Но это было в 1873 году. Раньше Бакунин говорил несколько иным языком. Мы помним его деятельность в 1848—1849 годах, а также первые выступления его после бегства из Сибири, когда он об'являл

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 54—58.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 264—265. — О славянской секции см. том IV этой работы.

[3] Ibid., стр. 54—67.

главной целью своей жизни борьбу за независимость славян и за разрушение Австрийской империи. Тогда он об'яснял, свой исключительный интерес к славянскому делу следующим образом: «Всякому человеку естественное поле для действия — родина. Плохо быть деятелем на чужой стороне. Я это слишком хорошо испытал в революционных годах: ни во Франции, ни в Германии я не мог пустить корня. Итак, сохраняя всю горячую симпатию прежних лет к прогрессивному движению целого мира, для того чтобы не растратить по-пустому остаток моей жизни, я должен ограничить отныне свою прямую деятельность Россиею, Польшею, славянами» [1]. Но вся последующая деятельность Бакунина показала неосновательность этой мотивировки. Ведь впоследствии он работал не на панславистской, а на пан-европейской почве [2]; более того, постепенно он даже отошел не только от славянских, но и от русских дел и всецело погрузился в дела испанские, французские, итальянские и швейцарские. Правда, в этом повороте сыграли значительную роль неудача польского восстания и несбывшееся ожидание революции в России. Но при всем том остается верным, что Бакунину, особенно до его вступления в Интернационал, присущ был известного рода смутный, неопределенный революционный панславизм, не оставшийся без влияния на сформулированную им впоследствии анархическую программу. Именно эти смутные анархические порывы и привлекали его внимание к славянскому миру, ибо, как мы знаем, он верил в антиполитические и антигосударственные инстинкты славянских народов [3]. Эта-то черта его между прочим и давала повод его противникам называть его панславистом.

Обвинять Бакунина в обычном панславизме было неправильно, так как панславизм tout court это — слишком определенное понятие, в которое взгляды Бакунина на славянство никак не укладывались, и которому они даже прямо противоречили. В письме, написанном в 1869 году против Морица Гесса, указавшего в газете «Réveil» на его панславистские склонности, Бакунин между прочим говорит о целом ряде своих политических выступлений, которые дали повод недобросовестным противникам обвинять его в панславизме и в служении видам русского правительства. Говоря о своем воззвании к славянам 1849 г., он утверждает, что «если могло быть что-нибудь определенно антипанславистское и антирусское в официальном смысле этого слова, так это

---

[1] «Друзьям», стр. 2—3.

[2] См. интересную заметку «Бакунин и Герцен» в переписке Бакунина, изд. Драгомановым, стр. 211—212.

[3] «Парижская Коммуна», стр. 5.

была эта брошюра», в которой он, по его словам, проповедовал разрушение Всероссийской империи в качестве основного условия славянской эмансипации. Далее он ссылался на свою речь на Бернском с'езде Лиги мира, а также на целый ряд статей, напечатанных им в итальянской газете «Libertà e Giustizia» в 1867 году против панславизма. Упомянув о целом ряде своих брошюр, статей и прокламаций, в том числе «Несколько слов к молодым братьям в России», Бакунин восклицает: «После всего этого, скажите, может ли честный и здравомыслящий человек обвинять меня в панславизме и, не скажу в служении, но просто в симпатиях к петербургскому правительству и к Всероссийской империи? С того момента, как я начал заниматься политикою, я по отношению к России имел одну только главную мысль, одну цель: разрушение этой империи народной революцией как абсолютно необходимое условие народного освобождения, и я предлагаю всем своим противникам и клеветникам, взятым вместе, указать в моей жизни один факт, одно слово, один поступок, которым я встал бы в противоречие с этой главной целью моей жизни». А еще выше, характеризуя своих противников Гесса и Боркгейма, обвинявших его в панславизме и в служении интересам русского правительства, он с горечью восклицает: «Вот люди, против которых я должен защищаться, и это, могу сказать, после того, как я отдал всю свою жизнь борьбе за освобождение народных масс!» [1].

Выше (в I томе этой работы) мы уже об'ясняли, почему одна принадлежность Бакунина к русской нации уже возбуждала против него подозрение среди европейских демократов. Бакунин чувствовал это. Вот почему за указаниями на его панславизм ему всегда чудилось обвинение в том, что он чуть ли не состоит агентом русского правительства. «Партизан русского народа, — говорит он в «Кнуто-Германской империи», — но не патриот государства или империи всех России, я больше кого бы то ни было ненавижу эту империю» [2]. А в коротеньком письме в редакцию газеты «Réveil» он между прочим пишет: «Я не могу быть ни сторонником панславизма, ни другом русского правительства, ни какого из теперешних правительств» [3].

Как же в действительности обстояло дело с бакунинским панславизмом? Мы уже видели, что Бакунину присущ был некоторый революционный панславизм, но смешивать его с панславизмом в обычном смысле этого слова, конечно, нельзя. И сам Бакунин неоднократно самым

---

[1] См. ниже (в третьей части) об этой полемике.

[2] «Кнуто-Германская Империя», стр. 191.

[3] «Переписка», стр. 233.

недвусмысленным образом высказывался против традиционного панславизма [1]. Вот что он, напр., пишет относительно панславизма в своей «Государственности и Анархии»: «Угрожаемые или, вернее, уже теперь отовсюду гонимые, несовсем раздавленные этим ненавистным для них пангерманизмом, австрийские славяне, за исключением поляков, противопоставили ему другую отвратительнейшую нелепость, другой не менее свободо-противный и народно-убийственный идеал: панславизм [2].

«Мы не утверждаем, чтобы все австрийские славяне, даже помимо поляков, поклонялись этому столь же уродливому, сколько и опасному идеалу, к которому, заметим мимоходом, между турецкими славянами, несмотря на все происки русских агентов, беспрестанно шляющихся между ними, проявляется чрезвычайно мало симпатии. Но тем не менее верно, что чаяние избавления и избавителя от Петербурга довольно сильно распространено между австрийскими славянами. Страшная и, прибавим, совершенно законная ненависть довела их до такой степени безумия, что, позабыв или не зная всех бедствий, претерпеваемых Литвою, Польшею, Малороссиею, да и самим великорусским народом под деспотизмом московским и петербургским, они стали ждать спасения от нашего всероссийски-царского кнута» [3].

С такими действительными панславистами и слугами реакции, как Палацкий, Ригер и т. п., Бакунин постоянно воевал как на пражском славянском с'езде 1848 года, так и в своей «Государственности и Анар-

---

[1] В письме к Н. Жуковскому от 17 июля 1870 года по поводу письма Маркса к русской секции Интернационала (см. ниже) Бакунин замечает: «Прав вполне Карл Маркс относительно панславизма, который всегда был и будет скрытым деспотизмом. Русские цари всегда обещали славянским народам освобождение из-под чужеземного ига, чтобы подчинить их русскому деспотизму, и надо сознаться, что наши братья-славяне своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде, как этому же способствуют пруссаки в Силезии, а наши поляки — в малорусской Галиции» (Р а л л и — «Михаил Александрович Бакунин», «Минувшие Годы» 1908 г., октябрь, стр. 156).

[2] К этому месту Бакунин делает следующее примечание: «Мы столько же от'явленные враги п а н с л а в и з м а, сколько и п а н г е р м а н и з м а, и намереваемся в одной из будущих книжек посвятить этому вопросу, по-нашему чрезвычайно важному, особую статью; теперь же скажем только, что считаем священною и неотлагаемою обязанностью для русской революционной молодежи противодействовать всеми силами и возможными средствами панславистической пропаганде, производимой в России и главным образом в славянских землях правительственными официальными и вольно-славянофильствующими или официальными русскими агентами».

[3] «Государственность и Анархия», стр. 43.

хии», написанной в 1873 году. В их поведении он усматривал «постыдное поклонение дикой и беспощадной власти, преступную измену и славянскому братству, и истине, и свободе» и не переставал разоблачать их политику [1]. Теперь после школы, пройденной им в Интернационале, он если и призывал славянскую молодежь «на общее дело», то предостерегал ее от старых национальных государственных мечтаний и обращался к ней не в силу ее славянского происхождения, а предлагал ей принять интернационалистическую программу [2].

Составленная Бакуниным в 1872 году программа славянской секции в Цюрихе прямо направлена против панславизма. Второй пункт ее гласит: «Она будет бороться с одинаковой энергией против стремлений и проявлений как панславизма, т.-е. освобождения славянских народов при помощи русской империи, так и пантерманизма, т.-е- при помощи буржуазной цивилизации немцев, стремящихся теперь организоваться в огромное мнимо-народное государство». А десятый пункт программы оговаривается, что «славянская секция, стремясь к освобождению славянских народов, вовсе не предполагает организовывать особый славянский мир, враждебный, из чувства национального, народам других рас. Напротив, она будет стремиться, чтобы славянские народы также вошли в общую семью человечества, которую Международное общество рабочих призвано осуществить на началах свободы, равенства и всеобщего братства» [3]. С другой стороны, известно, что проект программы, составленной Бакуниным для предполагавшейся русской секции Интернационала [4], также высказывался определенно против панславизма. Наконец, в статье, предназначавшейся для польской газеты «Gmina» («Община») в Цюрихе в 1872 году, и в приложении к этой статье-программе Бакунин опять-таки повторяет ту же мысль. В пункте шестом программы говорится: «Мы (т.-е. польские социалисты. — *Ю. С.*) подаем братскую руку всем братьям великого славянского племени, порабощенным так же, как и мы сами, под чужеземным игом: московским, немецким, мадьярским или турецким. Убежденные

---

[1] Ibid., стр. 71.

[2] Впрочем, и здесь он не в силах удержаться от выходок в старом духе и говорит о необходимости союза славянских народов с латинскими для борьбы с немецким завоеванием («Государственность и Анархия», стр. 92).

[3] «Государственность и Анархия», стр. 264—266 (в русском изд. «Голоса Труда» это пропущено); ср. также ст. Ралли в сборнике «О Минувшем», стр. 300—301.

[4] Впоследствии Бакунин утверждал, что эту программу присвоил себе Н. Утин, изменив в ней пару слов; она стала программою русской секции, вызвавшею одобрение Маркса (см. дальше).

в их несомненном праве на независимое существование и народное развитие, мы готовы вступить с ними в тесный союз против наших и их притеснителей, к какой бы народности эти притеснители ни принадлежали». Но во избежание всяких недоразумений пункт седьмой спешит прибавить: «Но мы такие же враги московского панславизма, как и берлинского и венского пангерманизма. Наша последняя цель — не тесный славянский союз, а всемирный союз всех людей, всех народов, освобожденных раз навсегда от всяких панов, панования и панства» [1].

Все эти заявления не могли помешать противникам Бакунина обвинять его в панславизме. И об'яснялось это вовсе не одною их злою волею и желанием скомпрометировать опасного конкурента. Дело в том, что в аналогичных заявлениях Бакунина (особенно периода до 1868 г., но иногда и позже), на-ряду с революционными и интернационалистическими декларациями, все время чувствовался какой-то неприятный националистический славянофильский или, если угодно, панславистический душок. Можно ли представить себе теперь какого-нибудь русского социалиста, который проповедовал бы об'единение специально славянских народов, хотя бы на революционной и социалистической почве, борьбу с немецким засильем или стал бы уверять, что «народное государство» немецких марксистов проникнуто духом пангерманизма и имеет своей целью насильственное порабощение славян и т. п.? А у Бакунина все это было и, естественно, возбуждало подозрения среди социалистов, особенно немецких. Таким образом обвинение Бакунина в панславизме было несовсем безосновательно. Конечно, Бакунин не был панславистом в смысле Палацкого или агентов русского правительства. Но как бы революционны ни были его собственные стремления и как бы чисты ни были его личные побуждения, его панславистская и антинемецкая проповедь способна была лишь поселять смуту и вызывать совершенно нежелательную для него самого реакцию в политически невоспитанной аудитории.

В сущности это своеобразное смешение панславистических и революционных взглядов проявилось в первых же политических выступлениях Бакунина, как его речь на польском банкете 1847 года, его дея-

---

[1] Замечательно, что редакция польской социалистической газеты не сочла возможным напечатать статью Бакунина, по всей вероятности потому, что в п. 5 программы отрицались исторические права поляков на непольские земли старого польского государства, т.-е. на Литву, Белоруссию и Украину (см. «Переписка», стр. 337 и след.). — О попытке создать польскую секцию Альянса см. том IV этой работы.

тельность среди славян в 1848—1849 годах, и в первых его политических брошюрах после бегства из Сибири, как «Русским, польским и всем славянским друзьям» и «Народное Дело. — Романов, Пугачев или Пестель» (1862 г.). Эта путаница особенно хорошо выражена в его письме к чеху Фричу, датированном 12 мая 1862 года [1]. Здесь Бакунин доказывает, что «в народе, как бы он мало образован ни был, если он только живой народ, таится источник жизни, истинная будущность; и юношество, как бы оно образовано ни было, до тех пор живуче и деятельно, пока находится в единении с народом; иначе оно засыхает как цветок, оторванный от своего корня». Бакунин советует славянской молодежи отречься от немецкой науки и слиться со своим народом, — «особенно с сельским сословием как источником славянской жизни [2], и не как надменные учителя, а как смиренные ученики». Дальше он доказывает, что подвинуть народ «можно не узким взглядом, не мелкими интригами конституции, но материальными выгодами и великими идеалами». (Эти же самые взгляды, хотя и в других выражениях, он развивал уже на склоне своих дней в «Государственности и Анархии».)

«Идеал, — говорит Бакунин, — это — восстановление древнеславянской свободы, не по мысли русского царя, не в смысле древнерусской гегемонии, но в смысле полнейшей свободы,... это — восстановление славянских владений в полной независимости и свободе». Славянские народы,—продолжает он,—«могут быть сильными только посредством крепкого союза. Союз этот называется панславизмом. Прежде слово это пугало немцев, теперь оно страшит славян, потому что им внушили, что панславизм это — порабощение всех славянских племен русскому царству. Если бы в самом деле было так, то я первый поспешил бы об'явить себя явным врагом панславизма». Впоследствии Бакунин так и сделал, но в этот момент, т.-е. в 1862 году, он еще считал возможным оперировать этим двусмысленным и опасным понятием, противопоставляя традиционному, официальному панславизму свой, новый революционный панславизм. Он доказывает, что панславизм русского правительства — лицемерная игра, потому что оно не хочет и не может освободить славян, будучи разделом Польши привязано к Пруссии и Австрии железными цепями. «Пока будет существовать на неволе основанное и неволей поддерживаемое безобразное русское государ-

[1] Напечатано с ошибками в «Былом», 1906 г., август, как письмо к «неизвестному».

[2] Разрядка моя. Я подчеркиваю эти слова, так как они снова свидетельствуют о славянско-крестьянских источниках бакунинской системы.

ство, оно будет неизбежным врагом славян, развращая, ослабляя их пропагандою и обещаниями, пока не будет вынуждено продать их немцам. То, что поддерживается кнутом, не может дать свободы». Это государство, по словам Бакунина, которые мы уже у него встречали, «есть не что иное, как безобразная, враждебная славянам немецко-татарская централизация, навязанная нам деспотизмом Петра Великого и подавившая немилосердно 60 миллионов славян самым ужасным образом... Внутри у нас проклятое немецкое чиновничество и всепожирающий немецкий канцелярский порядок. Извне мы в полном смысле крепостные Австрии и Пруссии: без их позволения мы не смеем пошевелиться».

Верный своей идеализации славянских инстинктов, якобы антиполитических и антигосударственных, Бакунин уверяет, что «всякая централизация противна русскому духу. Великая Россия сама по себе будет федерацией, управляющей своими провинциями, иначе (вот так доказательство! — *Ю. С.)* не может быть настоящей свободы».

Как же формулирует он свой революционный панславизм? «Панславизм есть вера, что соединение всех славянских племен, состоящих из 85 миллионов, внесет новую цивилизацию, новую живую истинную свободу в мир». Мы видим, что это все та же старая неперебродившая славянофильская брага, о которой так умно говорил Тургенев в своих письмах к Герцену, направленных против его славянофильского мессианизма. Бакунин только пытался придать этой славянофильской отрыжке бунтарский и свободолюбивый вид, но по существу он также находился в плену у славянофильских предрассудков.

Далее Бакунин продолжает: «Германия — наш естественный враг, а Австрийская империя есть отвратительное исчадие немецкой жизни... Италия — почти единственная натуральная союзница славян. ...Италия — только непримиримый враг Австрии; Италия, как ни стара, — гораздо моложе остальных западных народов; она имеет в себе залоги живой будущности, которые невольно тянут ее к славянским народам. Италия, как я знаю из верных источников [1], начинает оказывать особенное, исключительное внимание славянам и имеет серьезное намерение соединиться с нами; Италия — наш единственный друг в Европе. Мы должны подать ей руку». Бакунин надеется также на возможную поддержку со стороны мадьяр, но не доверяет их аристократизму. И кончает он свое письмо следующими словами: «Если ты

[1] Повидимому, намек на беседы в Лондоне с Маццини и его друзьями; в таком смысле Бакунин около того же времени писал и генералу Гарибальди (см. II том этой работы, стр. 8—9).

думаешь, что я могу принести пользу в этом истинно святом деле, то я готов сделать все, чтобы послужить делу, которому я посвятил всю свою жизнь».

Впоследствии Бакунин уже не считал «славянского дела» главной задачей своей жизни и вообще перестал выделять это славянское дело в какую-то особую, самодовлеющую цель. Первый удар его славянским мечтаниям нанесли поляки, которые, как он мог в этом лично убедиться, с отвращением относились ко всем видам панславизма. А позже, отдавшись международной анархической пропаганде, он стал смотреть на славян лишь как на один из элементов всесветной анархии, особенно ценный благодаря своим якобы антигосударственным инстинктам. Он даже, как мы видели, понял неудобство термина «панславизм» и начал решительно против него высказываться. Но недаром говорят: каков в колыбельке, таков и в мотилку. Бакунину так и не удалось совлечь с себя ветхого панславистского Адама. Он до конца сохранил многие черты из прежнего своего миросозерцания, как-то: идеализацию славянства, антипатию к немцам, заподозривание всех немецких социалистов, включая Карла Маркса, в пангерманизме. Во всяком случае его прежние заявления, хотя бы из эпохи начала 60-х годов, давали его противникам достаточно оснований заподозрить его в панславизме, тем более, что немцы не могли особенно разбираться в тонкостях различения между панславизмом реакционным и революционным.

Но Бакунин, конечно, смотрел на дело не так. Он усматривал в этих обвинениях, с одной стороны, интригу Маркса, а с другой — проявление пангерманских стремлений.

3. Антигерманизм.

В сочинениях Бакунина крайне неприятно поражают систематические выходки против немцев, не только против господствующих классов Германии, но и против немецкого народа вообще и даже против немецких социалистов. Это была какая-то слепая, органическая ненависть, на которую немцы отвечали тою же монетою. Непреодолимая антипатия Бакунина к немцам, к немецкому духу, к немецкой культуре имела два источника: один — общественный, а другой — личный. В первом в свою очередь замечаются две струи.

Первоначальная причина нелюбви Бакунина к немцам была чисто биологического, если так можно выразиться, характера: это была ненависть славянина к историческим завоевателям и угнетателям, — черта чисто расовая и теснейшим образом связанная с его панславиз-

мом. В этом отношении Бакунин явился жертвою предрассудков того класса, к которому он принадлежал по рождению, и воспринял он эту черту от славянофилов вместе с идеализацией первобытных славянских отношений. Впоследствии, когда он сделался анархистом, он возненавидел немцев за их «государственные» инстинкты и за то сопротивление, которое они оказали его анархической пропаганде.

Личный источник ненависти Бакунина к немцам коренился в тех систематических нападках, которыми была встречена с немецкой стороны его политическая деятельность, и в тех обвинениях, которые он воспринимал как личную клевету, направленную против него, как против русского. Не следует также забывать, что антипатия к немцам у некоторых представителей тогдашней русской оппозиции, как Бакунин и Герцен, питалась тою выдающейся ролью, которую немцы сыграли в развитии русского полицейского государства и продолжали играть, особенно в лице остзейских выходцев, в рядах правящей бюрократии. Как мы знаем, Герцен и Бакунин считали политику петровской империи не русской, а немецкой. Благодаря этому первые проявления политической оппозиции выразились в форме антипатии к немцам. Конечно, это не свидетельствовало об особенной политической зрелости.

Немецкая натура в общем более склонна к повиновению, чем к сопротивлению, к благочестивому смирению, чем к возмущению, утверждает Бакунин. Благодаря специфической черте немецкого народного характера последний более склонен к постепенным и медленным реформам, чем к революции. Сервилизм вошел в плоть и кровь немцев. «У всех этих почтенных классов, представляющих немецкую цивилизацию (дворянства, духовенства и буржуазии), сервилизм составляет не просто естественное явление, обусловленное естественными причинами, он сделался системой, наукой, чем-то вроде религиозного культа и потому является неизлечимой болезнью» («Oeuvres», том II, стр. 400—419).

Как истинные рабы, немцы радуются успехам своих владык и гордятся силою своих господ. Протестантизм, который в других странах, как в Швейцарии, Англии, Голландии, Швеции, впоследствии в Америке и даже во Франции, пока он не был там побежден, если не вызвал, то, по крайней мере, стимулировал и сопровождал освободительное движение народов, в одной лишь Германии привел к совершенно противоположным результатам. «Здесь он сделался религией деспотизма» («Oeuvres», том IV, стр. 484). Да и вообще-то немецкий народ принял протестантство только потому, что его приняли германские государи,— новое доказательство рабства, присущего этой нации (том II, стр. 452).

И в результате протестантская церковь, сделавшаяся новой официальной церковью, более абсолютной, чем католическая, и столь же раболепной перед светской властью, как византийская, обратилась в руках протестантских государей в орудие ужасающего деспотизма.

Бюрократия, — уверяет Бакунин, забывший, что он в других случаях сам говорит об исторической отсталости Германии сравнительно с другими европейскими государствами, — бюрократия тоже родилась и развилась главным образом в Германии, где она сделалась «одновременно наукой, искусством и культом» (том IV, стр. 493). То же самое можно сказать о военном искусстве. «Именно в Германии родилась мания и страсть игры в солдатики». Развитию этой страсти способствовали «хамские» склонности немецкого народа, который не только верой и правдой служил своим деспотам, но и позволял им буквально продавать себя в рабство иноземным государям: это была форменная продажа людей и солдат. «Один этот факт сам по себе характеризует власть немецких государей, ангельское терпение их подданных и в частности дух немецкой солдатчины в те времена» (том IV, стр. 497—499).

Критическая секира Бакунина не останавливается и перед немецкой наукой. Правда, он вообще не чувствовал особенного пиетета к науке, которую считал при современных условиях в большинстве случаев служительницей силы и неправды, но по отношению к германской науке он испытывал особенно злобное чувство. Хваленая немецкая наука, по его мнению, есть не что иное, «как сплошное отравление масс, систематическая проповедь доктрины рабства». Германская профессура, начиная с средних веков, всегда была раболепной служительницей власти, перед которой пресмыкалась не за страх, а за совесть. Педантичная, низкая как лакей, грубая и наглая как раб, она создала политическую науку, — культ силы и власти, проповедуя ее с кафедры всех немецких университетов. «Эту науку можно назвать современной теологией, богословием культа государства. В этой религии земного абсолютизма государь занимает место бога, чиновники являются священнослужителями, а народ, естественно, — жертвой, постоянно закалываемой на алтаре государства» (том II, стр. 442, 452—454; том IV, стр. 491—492.).

Немцы—государственники и бюрократы по природе,—на все лады повторяет Бакунин [1]. «Германия, гордая деспотически-конституционным

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 8—9, 40, 53, 112; ср. все части и отрывки «Кнуто-Германской Империи», помещенные в т. т. II, III, IV его

могуществом своего единодержавца и властителя, представляет и совмещает в себе всецело один из двух полюсов современного социально-политического движения, а именно — полюс государственности, государства, реакции (другой полюс, конечно, анархия. — *Ю. С.*). Германия — государство по преимуществу, как им была Франция при Людовике XIV и при Наполеоне I, как им не переставала быть Пруссия по настоящее время... Доколе Германия останется государством, несмотря ни на какие мнимо-либеральные, конституционные, демократические и даже социально-демократические формы, она будет по необходимости первостепенною и главною представительницею и постоянным источником всевозможных деспотизмов в Европе. Со времени образования новой государственности в истории, с самой половины XVI века, Германия, причисляя к ней Австрийскую империю, поскольку она немецкая, никогда не переставала быть в сущности главным центром всех реакционных движений в Европе». В противность Марксу, утверждавшему, что позвоночным хребтом реакции в Европе, начиная с конца XVIII века, была Россия, Бакунин утверждает, что «вовсе не Россия, а Германия, начиная с XVI века и вплоть до наших дней, была постоянным источником и школою государственного деспотизма в Европе. Из того, что в других европейских странах было простым фактом, Германия сделала систему, доктрину, религию, культ» [1].

сочинений (во французском издании), не говоря уже о частной переписке, где он давал волю своему языку.

[1] «Oeuvres», том IV, стр. 499. — В первом выпуске «Кнуто-Германской Империи» Бакунин ехидно замечает: «Было бы поистине актом гораздо более достойным отличного немецкого патриота и искреннего социал-демократа, каким, несомненно, является Карл Маркс, и в особенности гораздо более полезным для народной Германии, если бы, вместо стараний успокоить национальное самолюбие, ложно приписывая ошибки, преступления и позор Германии иностранному влиянию, он захотел употребить свою огромную эрудицию для доказательства, согласно с справедливостью и исторической правдой, того, что Германия породила, выносила и исторически развила в себе самой все элементы своего современного рабства» («Кнуто-Германская Империя», Спб., 1907 г., стр. 110). Подробному доказательству той мысли, что центром реакции в Европе являлась тогда (в начале 70-х годов XIX века) не Россия, а Германия, посвящена большая часть известного письма к юрским интернационалистам (до сих пор, к сожалению, не опубликованного). В мысли Бакунина о реакционной роли Германии, особенно с 1871 года, несомненно было много верного. А в последнее время, в конце XIX и в начале XX века, Германская империя, несомненно, была центром мировой реакции и в частности поддерживала русский деспотизм.

В отличие от славян, которым присущи антигосударственные стремления, «в немецкой крови, в немецком инстинкте, в немецкой традиции есть страсть государственного порядка и государственной дисциплины... Немцы — народ в высшей степени государственный; эта государственность преобладает в них над всеми другими страстями и решительно подавляет в них инстинкт свободы». Вся история Германии, а особенно новейшая, говорит о классическом послушании немцев всех чинов и разрядов властям. «В немецком сердце выработалось веками истинное богопочитание государственной власти, — богопочитание, которое создало постепенно бюрократическую теорию и практику и благодаря стараниям немецких ученых легло потом в основание всей политической науки, проповедуемой поныне в университетах Германии» [1].

Единственно светлая точка в истории Германии, по мнению Бакунина, это — крестьянская революция XVI века, — единственное крестьянское восстание в Германии. Но оно было подавлено соединенными силами дворянства, духовенства и буржуазии, и с этого момента Германия впала в рабство. У других народов хоть в прошлом были славные страницы борьбы за свободу, в Германии же этого не было никогда. «По крайней мере в прошлом, либерализм итальянской, швейцарской, голландской, бельгийской, английской и французской буржуазии действительно существовал, тогда как среди немецкой буржуазии его никогда не было. Вы не найдете его следов ни до, ни после реформации» (том. II, стр. 422).

История либерального движения в Германии в первой половине XIX века, по мнению Бакунина, ясно доказывает что немцы стремились к национальному могуществу и к государственному единству, а отнюдь не к свободе. «Немцы никогда не нуждались в свободе. Жизнь для них просто немыслима без правительства, т.-е. без верховной воли, верховной мысли и железной руки, ими помыкающей... Поэтому весьма естественно, что они никогда не хотели народной революции» [2]. Весь немецкий либерализм, за немногими исключениями, был только особенным проявлением «немецкого лакейства» [3]. Бакунин с удовольствием цитирует фразу Берне: «Другие народы бывают часто рабами, но мы, немцы, всегда лакеи». Сравнивая немецких студентов с русскими, Бакунин решительно отдает предпочтение последним. «Кажется, не может

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 127; «Кнуто-Германская Империя», стр. 109, 135.

[2] «Государственность и Анархия», стр. 149.

[3] Ibid., стр. 151.

быть рабства хуже русских; но никогда между русскими студентами не существовало такого лакейского отношения к профессорам и начальству, какое существует и поныне во всем немецком студенчестве». Против этого рассуждения, с которым до известной степени нельзя не согласиться, можно, впрочем, возразить, что Бакунин устанавливает расовое отличие там, где мы имеем дело с различием классовых признаков, и что, вместо огульного обвинения всей немецкой нации в «лакействе», ему следовало бы, пожалуй, проанализировать социальный состав немецкого и русского студенчества (притом в соответствующие исторические периоды). Но это еще куда ни шло. Гораздо интереснее, что и русскому офицерству он отдает предпочтение перед немецким. «С точки зрения просто человеческой, — говорит он, — мы отдадим преимущество нашему офицерскому типу, не потому, что он наш, а на основании строгой справедливости... Это мир чрезвычайно пустой и дикий, даже когда говорит по-французски, но в этом мире среди грубой и нелепой безалаберщины, его наполняющей, можно найти человеческое сердце, способность инстинктивно полюбить и понять все человеческое и, при счастливой обстановке, при добром влиянии, способность сделаться совершенно сознательным другом народа. В немецком офицерском мире нет ничего, кроме формы, военного регламента и отвратительной, специально офицерской фанаберии, состоящей из двух элементов: из лакейского повиновения в отношении ко всему, что иерархически выше, и из дерзко-презрительного отношения ко всему, что, по их мнению, стоит ниже, — к народу прежде всего, а потом и ко всему, что не носит военного мундира, за исключением самых высших гражданских чиновников и дворян» [1].

Совершенно естественно, что самые свободомыслящие и свободные от национальных предрассудков немцы (да и не только немцы) должны были усматривать в подобных заявлениях одно лишь проявление национального самохвальства, чтобы не сказать хуже.

Итак, среди немцев «сервилизм является не только естественным фактом, продуктом естественных причин, но он стал системой, наукой, родом религиозного культа и в силу именно этого составляет неизлечимую болезнь». Вдобавок, немцы не революционеры, а резонёры. «Немец будет рассуждать против всякого начальства и даже против императора, сколько вам будет угодно. Резонерству его не будет конца. Но это самое резонерство, испаряя, так сказать, его умственные и нравственные силы и не давая им возможности сосредоточиваться, изба-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 93—94.

вляет его от опасности революционного взрыва»[1]. С другой стороны, немцы не могут быть революционерами благодаря своим империалистским стремлениям, от которых-де не свободны даже немецкие социалисты[2]. Вся история громко говорит о завоевательных и притеснительных стремлениях германского племени. И никто не испытал на себе так горько этих стремлений, как славянское племя. «Можно сказать, что все историческое назначение немцев, по крайней мере на севере и на востоке и, разумеется, по немецким понятиям, состояло и чуть ли еще не состоит и теперь именно в истреблении, порабощении и насильственном германизировании славянских племен».

Стремление немцев к свободе было убито их стремлением к об'единению Германии. «Как доктор Фауст, эти отличные патриоты преследовали две цели, две противоположные тенденции: одну — к сильному национальному единству, другую — к свободе. Захотев примирить две непримиримые вещи, они долго парализовывали одну другой, пока, наконец, наученные опытом, не решились пожертвовать одной для достижения другой»[3]. Постепенно немцы изменились, стали практическими людьми: из либералов и республиканцев они превратились в бисмаркианцев[4].

Не довольствуясь насаждением государственности у себя, немцы стремились распространять свою «цивилизацию» за пределами своего отечества. Именно «немцам обязаны мы нашим политическим, административным, полицейским, военным и бюрократическим воспитанием и всем завершением нашего здания империи, с династией включительно»[5].

Вопреки мнению Маркса, что роль позвоночного хребта европейской реакции играла в новое время Россия, Бакунин утверждал, что со времени реформации «истинным центром реакции в Европе сделалась Германия» (том II, стр. 454), и что она, а не Россия, была «постоянным источником и школой государственного деспотизма в Европе» (том IV, стр. 499 и сл.). Да иначе, по мнению Бакунина, и быть не могло: вся история Германии фатально вела ее к такому концу.

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 236.

[2] Увы, здесь Бакунин оказался отчасти прав: такие немецкие социалисты нашлись, но они нашлись и среди социалистов других наций и даже среди анархистов (и немало!).

[3] «Кнуто-Германская Империя», стр. 106.

[4] «Государственность и Анархия», стр. 200—201.

[5] «Кнуто-Германская Империя», стр. 105.

«Думает ли Маркс, — восклицает Бакунин, — что народ, как бы одарен он ни был, может безнаказанно оставаться в подобном положении в течение долгого исторического периода без того, чтобы рабство не проникло во все тончайшие фибры его организма и не сделалось его привычкой, его второй натурой? И если этот народ, как это можно с полным правом сказать о немецком народе, даже до этого периода подавляющего рабства никогда не знал и даже не желал свободы; если посреди поступательного движения соседних народов он остался народом косным, созерцательным, самоуглубленным, — правда, много работающим (и за это честь ему и слава), но никогда не возмущающимся, за исключением кратковременного момента в его жизни, в начале реформации, — во что он должен был превратиться за эти века полной неподвижности и отсутствия мысли? В превосходное орудие для всех затей деспотизма как внутри, так и во вне; в прочнейшую основу для пропаганду, распространения и завоевания деспотизма во всем мире» (ibid., стр. 500—501).

Германский империализм или, в тогдашних политических терминах, «пангерманизм» представляет, по мнению Бакунина, естественный продукт исторических судеб и специфического характера немецкой нации. Многочисленный и здоровый народ, «завоеватель и поработитель по традиции и по склонности», не мог примириться с своим униженным положением в мировом концерте. На этой почве возник и развился пангерманизм, с одной стороны, как протест против жалкого состояния и раздробленности Германии, а с другой — как стремление к порабощению других народов в интересах об'единенного немецкого отечества. «Морализовать, цивилизовать, германизовать» другие нации — таков лозунг немецких патриотов, быть может, искренно отождествляющих интересы Германии с интересами человечества (том II, стр. 426; том IV, стр. 480). Будучи самым покорным и послушным народом в мире, немцы вместе с тем сгорают жаждой захвата чужих территорий, систематического поглощения других народов и властью к господству, что делает из них, особенно в настоящее время (1870—1871), «самую опасную для мировой свободы нацию». И при этом их вожди, законодатели германского общественного мнения, вплоть до самых крайних его представителей, не только не стараются противодействовать этим пагубным инстинктам и стремлениям, а, напротив, всемерно потакают им и разжигают их (том II, стр. 380 — 381).

И Бакунин сознается в своем презрении к немецкой культуре, которою чванятся германские культуртрегеры и цивилизаторы. «Эту в ы-

сокую культуру [1], которою так хвалятся немцы, — говорит он в письме в редакцию газеты «Réveil» (том V, стр. 251), — и отсутствие уважения к которой немецкий журнализм нам ставит в упрек, мы действительно презираем, ибо мы судим о ней по делам ее, а до сих пор она не создала ничего, кроме рабского народа и кучки литераторов и политиканов, вроде г. Морица Гесса» [2]. И в другом месте, с негодованием отвергая обвинение в панславизме, выдвигавшееся против него из кругов немецкой демократии, Бакунин пишет: «Признаюсь, что когда я в первый раз прочитал эти статьи, говорившие о моем панславизме,.. я был поражен. Я не допускал, чтобы недобросовестность могла заходить так далеко. Теперь я начинаю понимать, в чем тут дело. Статьи эти были продиктованы не одною жалкою недобросовестностью автора, но и своеобразной национально-патриотической наивностью, крайне глупой, но весьма обычной в Германии. Немцы столько мечтали в обстановке своего исторического рабства, что в конце концов весьма наивно отождествили свою национальность с человечеством, так что, на их взгляд, ненависть к немецкому владычеству, презрение к их добровольно-холопской цивилизации равнозначительно вражде к человеческому прогрессу. В их глазах являются панславистами все славяне, с отвращением и гневом отвергающие ту цивилизацию, которую они хотят насильственно навязать им. Если они придают слову панславизм такой смысл, о, тогда я панславист от всей души. Ибо поистине мало к чему я отношусь с такой глубокой ненавистью и презрением, как к этому гнусному господству и к этой буржуазной, дворянской, бюрократической, военной и политической цивилизации немцев. Я по-прежнему всегда буду проповедовать славянам, во имя всемирного освобождения народных масс, мир, братство, солидарное действие и общую организацию с германским пролетариатом, но не иначе, как на развалинах этого господства и этой цивилизации, и с единственной целью разрушения всех империй, славянских и немецких» (Из 2-го выпуска «Кнуто-Германской Империи», «Oeuvres», том III, стр. 17—18).

Последние строки показывают, что из всего грешного германского Содома Бакунин готов был сделать исключение лишь для немногих пролетарских праведников, да и то под тем условием, чтобы они приняли его анархическую точку зрения. Он выражает уверенность, что наемным агентам Бисмарка никогда не удастся привлечь на свою сторону германских рабочих, которых здоровый инстинкт восстановит против

---

[1] Разрядка в подлиннике.

[2] Это письмо было ответом на статью Гесса, обвинявшего Бакунина в панславизме (см. ниже).

прусско-германской империи. Он предсказывает непримиримую борьбу между Бисмарком и германским рабочим классом на почве «проклятого социального вопроса». Он хвалит вождей немецкого пролетариата за их благородное поведение во время франко-прусской войны, когда они смело протестовали против аннексии французской территории и требовали заключения почетного мира с французской республикой. «Я спешу отдать справедливость вождям социал-демократической партии, всему ее Центральному комитету, Бебелям, Либкнехтам и стольким другим, которые среди воплей официальной челяди и всей опьяненной патриотизмом германской буржуазии имели мужество громко провозгласить священные права Франции. Они доблестно, геройски выполнили свой долг, ибо требовалось действительно геройское мужество; чтобы смело заговорить человеческим языком посреди всех этих рычащих буржуазных зверей» (том II, стр. 404—406) [1].

Но эти и подобные заявления не мешали ему обыкновенно смешивать в своем отрицании все классы немецкого общества, которые казались ему солидарными в смысле пангерманского империализма. Ведь даже социал-демократическую программу немецких рабочих, поскольку она включала знаменитые «ближайшие» политические требования, он об'яснял духовным родством их вождей с Бисмарком, а самих этих вождей, в том числе и Маркса, об'являл добрыми немецкими патриотами и поборниками пангерманизма. В частности, признак марксова пангерманизма Бакунин усматривал в его враждебном отношении к официальной российской государственности того времени [2]. Даже

---

[1] В «Государственности и Анархии», написанной через два года (после исключения его из Интернационала), Бакунин в значительной мере берет обратно эти похвалы. Немецкие рабочие не сделали, мол, ничего, ограничившись парой фраз, и т. п. (стр. 233).

[2] Приводим из написанного зимою 1872 года отрывка «Кнуто-Германской Империи» следующую весьма характерную в этом отношении выдержку: «В этом воззвании или циркуляре, обращенном к рабочим всех стран (речь идет об Учредительном адресе Международной ассоциации рабочих), глава немецких авторитарных коммунистов не преминул заявить, что завоевание политической власти составляет первый долг трудящихся; он показал здесь даже кончик своего пангерманистского уха, присовокупив, что в настоящее время главная политическая задача Международной ассоциации рабочих должна заключаться в борьбе с Всероссийской империей, — задача, несомненно, весьма законная и благородная, но которая, во-первых, не может сделаться задачей Международной ассоциации рабочих, не искажая совершенно ее характера и цели, и которая, во-вторых, чтобы быть поставленной справедливо, серьезно и с пользой для дела рабочих, должна быть определена совершенно иначе. Если бы г. Маркс об'явил войну всем государствам

столь невинное, об'ективное и оправданное всем дальнейшим ходом исторических событий замечание Маркса, как то, что франко-прусская «война переместила центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию», Бакунин истолковывает как проявление самого несомненного и отвратительного пангерманизма (том IV, стр. 370 сл.), а его сторонники, вроде Гильома, и через много лет после того оставались на той же точке зрения (Guillaume — «L'Internationale», том II, стр. 88—89).

И резюмируя все отрицательные черты немецкой нации, ее послушание, нереволюционность, государственность, завоевательные стремления, и об'единяя в общей ненависти все классы германского общества, начиная от надменных юнкеров и кончая рабочими социал-демократами, Бакунин заключает свои рассуждения следующей антитезой между «германизмом» и анархизмом: «На пангерманском (т.-е. марксистском! — *Ю. С.)* знамени написано: удержание и усиление государства вочтобы тонистало; на социально-революционном же, на нашем знамени, напротив, огненными, кровавыми буквами начертано: разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов, организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира»[1].

или, по крайней мере, государствам монархическим, деспотическим и военным, как Пруссия, как Австрия, как императорская или даже современная республиканская Франция, и если бы он сказал, что на первом месте среди них следует поставить государство-образец, — Всероссийскую империю,—его, по крайней мере, нельзя было бы обвинить в пангерманизме. Но, умалчивая о немецком деспотизме, — деспотизме крайне наглом, крайне грубом, крайне алчном и в высшей степени опасном для свободы соседних народов, как это теперь ясно для всех, — и стараясь направить негодование рабочих всех стран против русского деспотизма, с исключением всех остальных, заявляя даже, что он является единственной причиной того деспотизма, который не переставал господствовать в Германии, с тех пор как существует Германия, приписывая, наконец, внушениям русской дипломатии весь позор и все политические преступления этой страны прославленной науки и прославленного холопства, г. Маркс выказал себя, во-первых, очень плохим и мало правдивым историком, а, во-вторых, не интернациональным социал-революционером, но ярым патриотом великого бисмарковского отечества» (том IV. стр. 399—401). Та же мысль подробно развивается в письме к юрским товарищам.

[1] «Государственность и Анархия», стр. 239—240.

И когда мы говорим о шовинистском падении социалистических и анархических групп во время мировой войны, при чем враги марксизма пытаются взвалить ответственность за это падение на влияние социал-демократических идей, которые они кстати неосновательно путают с учением Маркса, мы вправе напомнить им эти заявления Бакунина и след, оставленный ими в сознании социалистов, анархистов и синдикалистов романских и отчасти славянских стран.

4. Антисемитизм.

Столь же тяжелое, чтобы не сказать дикое, впечатление производят в писаниях и выступлениях Бакунина его антисемитические выходки. Отдельные выпады этого рода встречаются у него уже в 40-х годах и в начале 60-х годов. Но систематический характер они приобретают с конца 60-х годов, с момента обострения борьбы в Интернационале, который, казалось бы, меньше всего мог служить почвой для антисемитической пропаганды.

Эра антисемитских писаний Бакунина открывается его письмом в газету «Réveil», написанным в ответ на появившуюся в этой газете статью М. Гесса (см. ниже). С этого момента антисемитские писания Бакунина составляют значительную часть его литературной деятельности (относя к последней не только его работы, предназначавшиеся для печати, но и его многочисленные письма, многие из которых представляют целые брошюры — и немалые, как, напр., его знаменитое письмо к юрцам 1873 года). В своих писаниях Бакунин выступает перед нами в качестве не только немцефоба, но и антисемита, что не мешало ему искренно считать себя интернационалистом и даже упрекать в отсутствии настоящего интернационализма своих противников. Евреев он об'единял в общей ненависти с немцами. В этом отношении он доходил до курьезов: так, приводя статистику Австро-Венгрии, он об'единяет обе ненавистные ему расы в одну группу, противопоставляемую им славянам и итальянцам [1].

Ненависть Бакунина к евреям, как и к немцам, имеет также два источника: личный и идейный. С одной стороны, среди его наиболее ожесточенных противников имелись и евреи, хотя они, разумеется, были в меньшинстве; но антисемитизм тем и отличается, что за «трехи» одного еврея об'являет ответственной всю нацию, а компанию, в которую затесался один еврей, об'являет сплошь семитской или «фи-

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 41.

лосемитской». Правда, социалисту-революционеру и анархисту, казалось бы, не приличествует шпынять своих оппонентов их расовым происхождением. Но раз позволительно зауряд охаивать немцев, то в такой же мере допустимо швыряться на каждом шагу словом «жид». Здесь сказалось дворянское происхождение Бакунина, следы которого оставались в его психике, а может быть, и отголоски его непродолжительного пребывания на военной службе, да еще в Западном крае. С другой стороны, не забудем, что ненависть к евреям, подобно антипатии к немцам, подсказывалась ему мотивами, так сказать, идейного порядка, а именно — его анархизмом и враждою к государству. Евреев, как и немцев, он считал расою государственническою по существу и с злобою подчеркивал, напр., что «все немцы и жиды в (Австрийской) империи ищут отныне своего центра в Берлине» [1], в ненавистном Берлине, — этом средоточии новейшей государственности. Евреев в частности Бакунин считал проводниками капиталистического влияния на отсталые земледельческие, т.-е. главным образом славянские народы, словом, агентами ненавистной буржуазной и государственнической цивилизации.

Ниже мы подробно излагаем содержание «Этюда о немецких евреях», предпосланного Бакуниным задуманной им брошюре в ответ М. Гессу, и потому на нем сейчас останавливаться не будем. Скажем лишь, что все это сочинение, равно как и книга «Государственность и Анархия», исполнены самых резких и голословных нападок на евреев, — нападок, которые производят странное впечатление в устах проповедника общечеловеческого братства. Оправдать эти выходки действительными или мнимыми клеветами, которые распространялись про Бакунина его противниками-евреями, никак невозможно. Ведь, напр., первым источником клеветы, выставлявшей Бакунина агентом русского правительства, был российский посланник в Париже Киселев, который затем и в Италии продолжал вредить Бакунину, обвиняя его чуть ли не в делании фальшивых бумажек. И, однако, это не побудило Бакунина огульно обвинить в смертных грехах весь русский народ. В том-то и дело, что по отношению к немцам и евреям он разделял предрассудки самых отсталых слоев русского народа и в особенности его командующих классов.

Приведем несколько типичных образчиков бакунинского антисемитизма, унаследованного от него и рядом других анархистов и анархо-синдикалистов.

---

[1] Ibid., стр. 72.

О своих противниках, принадлежавших или даже не принадлежавших к еврейской национальности, как, напр., В. Либкнехт, Бакунин выражается не иначе, как о «жидах», «жиденятах» и т. п. Этими словами пестрят и е г о п е ч а т н ы е п р о и з в е д е н и я, и о с о б е н н о — е г о ч а с т н ы е п и с ь м а. По его словам в ответе М. Гессу можно было бы подумать, что он проводит какое-то различие между мелкими «жидками» и «евреями-гигантами»; но на самом деле ничего подобного нет. К Лассалю и Марксу Бакунин относится не лучше, чем к их «подголоскам». Все несимпатичные ему стороны обоих знаменитых агитаторов он об'ясняет их е в р е й с к и м происхождением там, где не может приписать их принадлежности своих противников к н е м е ц к о й нации. Маркс тщеславен (т.-е. это говорит Бакунин), но так и «подобает еврею»; он мрачен, вероломен, злопамятен — это совершенно естественно: все это чисто еврейские черты. Даже переговоры Лассаля с Бисмарком Бакунин умудряется об'яснить его еврейским происхождением, ибо, как еврей, Лассаль не мог, дескать, чувствовать себя удобно среди народа и предпочитал закулисные сделки с сильными мира сего [1]. Если немецкие рабочие отвергают анархическую фразеологию и примыкают к марксизму то, по мнению Бакунина, это происходит потому, что «они сбиты с толку своими политическими, литературствующими и еврействующими коноводами» [2]. Да и, наконец, даже социальная революция в марксистском духе, т.-е. сопровождаемая переходом орудий производства в руки государства, будет выгодна только для еврейских финансистов, которые смогут тогда заняться небывалыми еще спекуляциями [3], блестящая идея, которую впоследствии с одинаковым усердием развивали черносотенные погромщики во Франции, Германии, России и т. д. [4].

---

[1] «Государственность и Анархия», стр. 210 и след. — Лассаль рекомендовал немецкому пролетариату вести мирную агитацию в пользу политической реформы, — два преступления: мирная реформа — раз и политическая деятельность — два. Чем же об'ясняется эта злокозненная тактика Лассаля? Очень просто: «как немец и как еврей, как ученый и как человек богатый», он и не мог советовать рабочим другого пути (там же, стр. 219).

[2] «Государственность и Анархия», стр. 235, — «Oeuvres», том V, стр. 245.

[3] «Письмо в брюссельскую газету «Liberté», — «Oeuvres», том IV, стр. 383.

[4] Реакционное происхождение этой мысли известно. Ее впервые высказал аббат Мори в связи с национализацией церковных имуществ во Франции; затем ее повторил ренегат Борк в своем памфлете против французской революции; а затем она пошла гулять по реакционным кругам.

У Бакунина встречается даже столь популярный в черносотенной печати термин «жидо-масоны». Так, в письме к юрским р а б о ч и м он утверждает, что обвинение в панславизме, выдвигаемое против него в немецких и швейцарских газетах, выставляется, «несомненно, благодаря жидовскому франкмасонству, которое теперь почти безраздельно царит в немецкой прессе».

А вот что он писал о «еврейском» антураже Маркса в неопубликованной рукописи «Мои личные отношения с Марксом» [1]: «Сам еврей, он имеет вокруг себя, как в Лондоне, так и во Франции, но особенно в Германии, целую кучу жидков, более или менее интеллигентных, интригующих, подвижных и спекулянтов, как все евреи повсюду, торговых или банковых агентов, беллетристов, политиканов, газетных корреспондентов всех направлений и всех оттенков, одним словом, литературных маклеров и вместе с тем биржевых маклеров, стоящих одной ногой в банковом мире, а другой — в социалистическом движении (о, Дрюмон! — *Ю. С.*), и усевшихся на немецкой ежедневной прессе — они захватили в свои руки все газеты, — и вы можете себе представить, какая из этого получается мерзкая литература. Так вот, весь этот еврейский мир, образующий эксплоататорскую секту, народ-кровопийцу, тощего прожорливого паразита, тесно и дружно организованного не только поверх государственных границ, но и поверх всех различий в политических убеждениях, — этот еврейский мир ныне большей частью служит, с одной стороны, Марксу, с другой — Ротшильду. Я убежден, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой — Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам». Эти строки, производящие такое дикое впечатление в устах анархиста, социалиста-революционера и интернационалиста, повторяют обычный припев мировой реакции в ее борьбе с социализмом.

Предупреждая г. Кассо и российское дворянство, Бакунин идет еще дальше и заявляет, что даже «святое крещение» не избавляет жида от позора его национального происхождения: «Крещеный жид остается все-таки жидом [2]. Имеются жиды-католики, протестанты, панте-

---

[1] Теперь она опубликована в немецком переводе в «Gesammelte Werke» Бакунина, Берлин 1924 г., т. III, стр. 204—216.

[2] Вероятно, Бакунин имел в виду Н. Утина. Что об Утине он иначе не выражается, как о «жидке» и «жиденке», это само собой разумеется (см. «Переписка», passim; «Протест Альянса», манускрипт «Интриги г. Утина» и пр., не говоря уже о частных письмах): никто столько не повредил ему и не испортил крови, как Утин, сначала выживший его из Женевы, а затем

исты и атеисты; жиды-реакционеры, либералы и даже жиды-социалисты. Но прежде всего они — жиды, и это обстоятельство устанавливает между всеми индивидуумами этой замечательной расы, независимо от всех религиозных, политических и социальных различий, которые их разделяют, неразрывную естественную связь и солидарность... Говорят о неизгладимых чертах католического священника. Но еще более неизгладим еврейский тип не только со стороны внешнего вида, который сразу бросается в глаза, но также и, быть может, еще больше с точки зрения умственных и нравственных способностей и стремлений». И дальше Бакунин доказывает, что евреи по своей природе, по своим умственным склонностям и по социальному положению являются сторонниками власти, государства, врагами свободы и бунта.

Чем же, по мнению Бакунина, об'ясняется вражда к нему евреев? Да просто тем, что он русский! «Я полагаю, что моя национальность сыграла здесь большую роль. Они не могут простить мне, что я — русский, казак или, как писал почтенный Маццини в своей богословской ярости, калмык [1], и что я посмел возвысить свой варварский голос на европейских конгрессах; в особенности же они не могут мне простить того, что я позволил себе выражаться непочтительно о немецкой цивилизации».

Вот какова была шуйца Бакунина! Вот что проповедовал Бакунин рабочим романских стран, наигрывая на антинемецких чувствах после войны 1870—1871 годов! Поспешим же закрыть эту печальную страницу, которую не смогут смыть никакие апологеты Бакунина, и которая показывает, что в душе этого человека жило два мира, и что его недостатки подчас равнялись его достоинствам [2].

сообщивший Марксу целый ряд компрометирующих Бакунина документов, в частности до нечаевскому делу. Правда, Утин был антипатичным суб'ектом и чужаком в революционном лагере. Но и к Лассалю и к Марксу Бакунин относился не лучше.

[1] Итак, калмыком его назвал Маццини, которого даже Бакунин не решится зачислить в «жиды». Казаком же его назвал, по свидетельству Ришара, не кто иной, как известный географ Элизе Реклю, которому не нравилась его кровожадная декламация. Реклю был анархистом и членом бакунинского Альянса и — увы! — тоже не был евреем. Кто же из евреев называл его казаком и калмыком? Здесь Бакунин, что называется, сочинил для красного словца.

[2] Анархисты стараются всячески затушевать эту неприятную для них сторону вопроса о бакунинском мировоззрении. Макс Неттлау, один из первых опубликовавший многое из антисемитских писаний Бакунина в своей литографированной работе о нем, поясняет, с какой целью он это сделал:

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ.

Глава первая.

БОРЬБА В РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ.

1. В Женеве.

Мы уже рассказали в конце II тома об основании Бакуниным женевской секции открытого Альянса, которая, по плану основателей его, должна была служить одновременно центром публичной пропаганды его идей и прикрытием для действий тайного Альянса [1]. В этой группе,

---

дескать, было бы хуже, если бы эти рукописи впоследствии попали в руки марксистов, и те подняли бы по этому поводу шум. По поводу антисемитских выходок Бакунина в манускрипте «Интриги г. Утина» редакция «Голоса Труженика» (1925 г., январь) замечает: «В подобных выражениях, достойных сожаления, многие из современных противников Бакунина усматривают проявление антисемитизма, тогда как на самом деле здесь, как и в других случаях, можно усмотреть только простое личное (?) озлобление раздраженного и выведенного из равновесия Бакунина против людей, в большинстве (?) еврейского происхождения, преследовавших его грязной клеветой, а не против еврейства как нации (!!). Обвинять в антисемитизме интернационалиста Бакунина, по меньшей мере, смешно». А еще более смешно читать такие благоглупости, основанные на невежестве и лицемерии.

[1] Неттлау во II томе своей работы, опубликовав протоколы заседаний этой секции за первые месяцы ее существования, наивно прибавляет: «Т а к о в а была в существенном деятельность этой небольшой группы, которую (?) Маркс преследовал с такой неумолимой ненавистью, и которая нам все же представляется настолько невинной, что действительно с тревогой спрашиваешь себя, как же отсталы были другие, если э т о выдавалось противниками за верх революционности. В действительности это была чисто пропагандистская секция» и т. д. (стр. 317). Не так это просто, как представляется Максу Неттлау, и не эту «местную» группу, как таковую, преследовал с такою ненавистью «Маркс»!

где он состоял председателем, равно как и в Центральной женевской секции Интернационала, членом которой он был с лета 1868 года, Бакунин развил энергическую деятельность. Он лично знакомился с рабочими и с влиятельными их вождями, выступал с речами на собраниях (между прочим 23 ноября 1868 года на народном собрании по поводу открытия во Франции памятника Бодэну), писал в газетах, составлял программы и уставы, словом, развернул широкую работу. В частности он принял активное участие в осуществлении проекта создания романской федерации, об'единившей все интернационалистические секции романской Швейцарии, и в основании ее газеты. Бакунин же составил проект устава этой федерации.

Первый с'езд этой федерации состоялся в Женеве 2—4 января 1869 года. Бакунин лично на нем не присутствовал, но через некоторых своих друзей, в том числе членов Альянса, оказывал влияние на его решения. Был принят в измененном виде проект устава, составленный Бакуниным, и постановлено приступить к изданию газеты под названием «Egalité» («Равенство»), надо полагать, тоже придуманным Бакуниным. В состав избранной с'ездом редакционной комиссии из 9 человек вошли Бакунин, его тогдашние друзья — Анри Перре, Шарль Перрон, П. Вери, И.-Ф. Беккер и пр. Председателем федерального комитета избран был альянсист Броссэ, а секретарем его — А. Перре, тогда тоже бывший членом Альянса. Словом, казалось, что Бакунину удалось забрать в свои руки романскую федерацию и ее печатный орган, газету «Egalité».

Именно во время этого конгресса Бакунин познакомился с Гильомом, делегатом с'езда, который должен был скоро сделаться его правой рукой в борьбе с Генеральным Советом. «Я, — рассказывает Гильом («L'Internationale», том I, стр. 108), — прибыл в Женеву в субботу 2 января 1869 года. Бакунин, располагавший свободной комнатой и собиравшийся предоставить ее одному из делегатов, остановил свой выбор на мне и решительно настаивал, чтобы я поселился у него. Я с удовольствием принял его предложение, обрадовавшись случаю познакомиться со знаменитым человеком, симпатичное обхождение которого сразу меня привлекло. Я оставался в Женеве только два дня, ...но этого короткого времени было достаточно для того, чтобы, несмотря на разницу наших лет, связать меня и Бакунина узами дружбы, которая вскоре должна была обратиться в самую тесную интимную близость».

Как мы уже знаем, Бакунин умел завоевывать любовь и преданность людей — не всегда, впрочем, надолго. Его импонирующая внеш-

ность, его прошлое, его горячее слово, уменье подходить к людям самых различных положений, его горячая преданность интересам революции очаровывали даже тех, кто не сходился с ним во взглядах [1]. Неудивительно, что в первое время ему удалось занять в Женеве видное положение и даже оказывать влияние на таких людей, которые впоследствии должны были вступить с ним в яростную борьбу. Это между прочим сказалось на содержании адреса испанским рабочим, принятого 21 октября 1868 г. Центральным комитетом женевских секций Интернационала (в связи с сентябрьской революцией, низвергшей в Испании

---

[1] М. П. Сажин, познакомившийся с Бакуниным летом 1870 года, когда тот приехал в Женеву из Локарно, а зимою того же года посетивший его в Локарно, следующим образом описывает наружность старого революционера и его манеру подходить к людям: «Я... увидел перед собою мощную, колоссальную фигуру, буквально головою выше всех нас, окружавших его. Он был несколько сутуловат, что сокращало, хотя и немного, его рост. Голова его была большая, покрытая густой, курчавой, седоватой шевелюрой. Одет он был очень бедно, все платье его было довольно старое, потертое, изношенное. Он встретил меня как своего старого знакомого, так что все мое смущение и неловкость, охватившие меня, как-то быстро исчезли, и я стал себя чувствовать совершенно свободно... В это время у него было несколько человек, и он, разговаривая то с одним, то с другим, время от времени бросал на меня испытующие взоры и старался втянуть в общий разговор... Обыкновенно только по вечерам у него собирались для общих бесед, а днем он постоянно имел разные совещания с отдельными лицами, так что и мне он как-то сказал, чтобы я зашел к нему в назначенный им час для беседы. Таким образом он беседовал со мною несколько раз... Знакомство с людьми, из'явившими желание работать на пользу революции, у Бакунина было довольно своеобразное. Обыкновенно он не вступал ни в какие сношения, отталкивал от себя только таких людей, из которых нельзя было извлечь какой-либо пользы для революции. Словам, рассказам, теоретическим рассуждениям, программам всякого нового человека он придавал значение второстепенное и старался реально, практически определить его способности, его пригодность для какой-либо стороны деятельности. Поэтому он тотчас же давал какое-либо поручение, которое соответствовало способностям новичка... Этим путем он постепенно узнавал человека, и бывало, что он прекращал с ним всякое деловое сношение ввиду его неспособности... Удивительная вещь: он обладал талантом скоро, близко и душевно сходиться с людьми, когда эти люди казались ему полезными в революционном отношении. Я помню, что уже на другой день чувствовал себя с ним совершенно свободно и легко, точно с таким же молодым и вполне равным себе. Ведь мне тогда было двадцать пять лет, а ему почти шестьдесят; да разве возможно сравнить его прошлую жизнь, богатую таким огромным опытом, его огромные знания и т. д. соответственно с моими, и тем не менее я нисколько не чувствовал его безусловного превосходства. Когда он был в Цюрихе (в 1872 году), то я то же самое наблюдал

королеву Изабеллу). Об этом адресе [1] Бакунин впоследствии писал: «Под прямым влиянием принципов Альянса было сформулировано первое открытое социально-революционное слово, раздавшееся в Женеве. Я имею в виду адрес женевского Центрального комитета рабочим Испании, составленный Перроном [2] и подписанный Броссэ, председателем, и А. Перре, секретарем Центрального комитета».

Но гораздо более важным результатом того влияния, которое Бакунин сумел за короткое время приобрести в романской Швейцарии, был тот факт, что орган романской федерации «Egalité» попал фактически в его руки. Среди сотрудников газеты мы встречаем имена его прежних или тогдашних сотоварищей по Альянсу, как Гильома, Б. Малона, Элизе Реклю, К. Гамбуцци, А. Туччи, Цезаря де-Папа, И.-Ф. Беккера. Сотрудничать в газете согласились также члены Генерального Совета Г. Юнг и Эккариус; Маркс от сотрудничества отказался ввиду переобремененности работою. Первоначально редактором газеты назначен был Перрон, а с июля 1869 года вследствие его нездоровья его в течение двух месяцев заменял Бакунин. Впрочем, последний и без того был фактическим руководителем газеты, так как Перрон находился тогда всецело под его влиянием и, как мы знаем, был членом тайного Альянса.

Уже в пробном номере газеты, выпущенном еще до с'езда романской федерации, а именно 19 декабря 1868 года, Бакунин поместил статью-письмо в ответ на приглашение к сотрудничеству. Затем в газете появился ряд его статей, из которых наиболее замечательными являются статьи о женевской стачке (в номере от 3 апреля 1869 года), о Куллери и его газете «Гора» (№№ от 5, 10, 17, 24 и 31 июля), «Усыпители» (№№ от 26 июня, 3, 10, 17 и 24 июля), об интегральном образовании (№№ от 31 июля, 7, 14, и 21 августа), о политике Интернационала (№№ от 7, 14, 21 и 28 августа) и пр. [3]. Особенно энергичною

в отношениях его ко всей окружавшей его молодежи; а ведь тогда было несколько десятков лиц, и он со всеми был одинаков» (М. П. Сажин — «Первое знакомство с М. А. Бакуниным» в «Каторге и Ссылке», 1926 г., № 5/26, стр. 12—13, 18—19).

[1] Он напечатан в «Записке юрской федерации», 1873 г., Приложения, стр. 40—45.

[2] Окончательная отделка его принадлежит Бакунину.

[3] Все эти статьи перепечатаны в V томе французского издания сочинений Бакунина; некоторые из них помещены на русском языке в книге «Историческое развитие Интернационала», 1873 г.; из них три статьи («Политика Интернационала», «Усыпители» и «Всестороннее образование») перепечатаны в IV томе «Избранных сочинений» Бакунина, изд. «Голос Труда».

стала работа Бакунина с июля, когда он замещал Перрона в звании редактора: с конца июня до сентября (до Базельского конгресса) он почти один заполнял все столбцы газеты. Надо сказать, что в это время газета велась живо и интересно, а в частности некоторые статьи Бакунина до сих пор сохранили свой интерес и свежесть, поскольку они бичуют соглашательский социализм и выясняют, подчас весьма удачно, задачи Интернационала [1].

Одновременно Бакунин писал и для локльского «Прогресса», который он, как мы знаем, хотел превратить в орган Альянса. Во время посещения им Юры в феврале 1869 года (см. дальше) он прочел в локльском «Интернациональном кружке» лекцию о «Философии народа», вторая половина которой посвящена была истории роста и упадка буржуазии. Эту лекцию он по возвращении в Женеву превратил в серию статей, оставшуюся, как и большинство его работ, незаконченною. Так появились «Письма о патриотизме» («Товарищам... Локля и Лашодефона»), напечатанные в номерах «Прогресса» от 1 марта, 3 и 17 апреля, 1 и 29 мая, 12 июня, 10 июля, 21 августа и 18 сентября 1869 года [2].

---

[1] В частности любопытна статья «Двойная женевская стачка», к которой примыкает в том же номере (3 апреля 1869 года) статья «Организация и всеобщая забастовка». В первой Бакунин предостерегает рабочих от преждевременных революционных выступлений, на которые провоцирует их буржуазия, и советует накоплять силы путем пропаганды и организации. «Когда большинство рабочих Америки и Европы войдет в Интернационал и прочно сорганизуется в его рядах, революция станет излишней: справедливость осуществится без насилия (!)». И раньше: «Является ли Интернационал революционным в смысле баррикад и насильственного ниспровержения существующего ныне в Европе политического порядка? Нет, он очень мало занимается этой политикой и даже вовсе ею не занимается». С одной стороны, Бакунин из дипломатии смягчает революционный характер Интернационала, а с другой — не следует забывать, что в его концепции роль Интернационала должна была сводиться лишь к организации рабочих на почве экономической борьбы, революцию же должен был совершить и руководить ею тайный Альянс в лице интернациональных братьев! Во всяком случае Бакунин в этой статье, удерживая рабочих от преждевременных вооруженных выступлений, писал: «Мы доставили бы этим слишком много удовольствия господам буржуа и надолго погубили бы свое дело». Речи, которые нечасто можно встретить у Бакунина. Он сам чувствовал, что выступает в несколько необычайной для него роли, и иронически писал по этому поводу Гильому 13 апреля 1869 г.: «В настоящее время я играю здесь роль реакционера», т.-е. умеряющего фактора.

[2] Они перепечатаны в I томе французского собрания его сочинений, в книге «Историческое развитие Интернационала» и в IV томе «Избранных сочинений», изд. «Голоса Труда». По поводу их характера Бакунин писал Гильому 21 июня 1869 года: «Будучи несовсем воздержным и в еще меньшей

Чтобы поддержать «Прогресс», который нужен был ему для пропаганды альянсистских идей в Юре, Бакунин 24 июня обратился с просьбою о денежной помощи к своему знакомому, члену Генерального Совета Коуэлю Степнею, который был очень богатым человеком, и притом с неопределенной идейной окраской, — категория людей, которых Бакунин особенно любил уловлять в свои сети. Но Коуэль Степней ответил короткой запиской, в которой сообщал, что все средства его распределены, и что потому он лишен возможности что-либо сделать для «Прогресса». Бакунин поспешил передать об этом Гильому письмом от 8 июля 1869 года, в котором между прочим говорил:

«Прилагаю к этому письму ответ Коуэля Степнея. Это, как видишь, сухой и ясный отказ. Что нам теперь делать? Прекратим ли мы столь полезное, столь необходимое издание нашего дорогого «Прогресса»? Он теперь более необходим, чем когда бы то ни было, и исчезновение его было бы слишком большим торжеством для Куллери [1]. Но что делать, чтобы дать ему средства для дальнейшего существования? Придумайте что-нибудь и напишите мне.

«Друзья, нам нужно — в особенности теперь — много энергии. Наши противники, буржуазные социалисты и буржуазно-настроенные рабочие, сначала было удивленные и напуганные нашей открытой и смелой пропагандой, пришли в себя, подсчитали свои силы и приободрились не только в Лашодефоне, но и в Женеве и повсюду. Они подготовляют против нас решительную атаку, отчаянный приступ, и если мы проявим слабость, то надолго потеряем все выигранные позиции; если же мы теперь выкажем твердость, то окончательно завладеем полем битвы. Наберемся же духу, воли и ума и не отступим ни на шаг. Наоборот, нападем на тех, кто собирается напасть на нас. Жду вашего коллективного ответа» [2].

Бакунин имел в виду уже начавшиеся в Женеве трения между альянсистами и их противниками, в число которых тем временем успели перейти и некоторые из его недавних союзников, как Гета, Дюваль, Перре и т. п. Что среди этих противников Бакунина многие руководи-

---

степени опытным писателем, я иногда произвожу впечатление человека, сбившегося в сторону и потерявшего из виду цель взятого мною направления. Но уверяю тебя, что я ни на минуту ее не забываю и что, пошатавшись немного по сторонам, я не премину вернуть своих читателей на столбовую дорогу социально и политически разрушительной революции».

[1] Врач Куллери был тогда лидером умеренно-соглашательского течения в Юре.

[2] «Прогресс» выжил и с конца ноября стал даже выходить еженедельно.

лись чисто оппортунистическими мотивами, мы не намерены отрицать. Но другие были недовольны его сепаратистской работой, выразившейся сначала в создании открытого Интернационального Альянса, а затем женевской секции Альянса, весь тон и устав которой (составленный Бакуниным) невольно наводили на подозрения.

Эта секция должна была хотя бы отчасти заменить открытый Альянс, дальнейшее существование которого сделалось невозможным ввиду приведенного выше постановления Генерального Совета. Какова была в действительности задача этой секции, видно из ее устава [1]. Первый пункт его заявляет, что женевская группа Альянса составляет секцию Интернационала под названием «Альянса Социалистической Демократии», однако «не имеющую особых от МТР организации, бюро, комитетов и с'ездов». Уже одно то, что в уставе содержалась такая оговорка, которой не было в уставах других секций Интернационала, было чем-то из ряду вон выходящим. Правда, эта оговорка попала в устав в результате конфликта с Генеральным Советом, которому Альянс таким образом как бы давал удовлетворение. Но когда дипломаты обещают другой стороне не делать чего-либо, то всегда, естественно, рождается подозрение, что именно это и будет делаться, но в сокровенной форме. Так оно было и здесь.

Не менее характерны были и другие статьи устава. Пункт 6-й санкционировал специальную анархическую программу Бакунина, включая в условия полного освобождения рабочих отмену наследственного права и «уничтожение политических государств». Пункт 7-й, правда, вменял в обязанность членам группы «поддерживать резолюции конгрессов и власть Генерального совета», но тут же открывал лазейку для будущих споров прибавкою: «поскольку эта власть установлена, определена и узаконена статутами». Ниже мы увидим, как бакунисты истолковали это положение для дезорганизации Интернационала.

Как бы там ни было, но устав был принят, женевская секция Альянса сконституировалась, — и только после этого Перрон, временный секретарь секции (а до того секретарь открытого Альянса!), обратился 22 июня 1869 г. к Генеральному Совету с заявлением, в котором уведомлял его о результатах опроса Центральным бюро Альянса его сек-

---

[1] И не только из устава. Разве не характерно, что членами этой якобы чисто местной женевской группы числились главные деятели Альянса во Франции, Италии и Испании, равно как ряд швейцарских альянсистов из Юры? Входя в романскую федерацию, эта группа таким образом автоматически ввела бы в состав федерации крупнейших альянсистов разных стран.

ций по поводу дальнейшего существования Альянса. Сообщая с удовольствием, что «громадное большинство» групп, согласно с мнением ЦБ, высказалось за роспуск Альянса, и что последний отныне распущен, Перрон просил Генеральный совет признать женевскую группу секцией Интернационала. На этот раз Генеральный совет удовлетворил ходатайство женевской секции, о чем Эккариус сообщил ей письмом от 28 июля 1869 года [1]. После этого секция, уже дважды до того пытавшаяся добиться своего принятия в женевский Интернационал, решила снова обратиться в центральный кантональный комитет женевских секций с просьбою о своем допущении. 16 августа 1869 года комитет отверг это ходатайство, и с этого момента началась борьба, которая в конечном итоге должна была привести к расколу в Интернационале.

В своем «Докладе об Альянсе», уже цитированном нами, Бакунин говорит, что альянсисты «ждали этого отказа и обращались в кантональный комитет только для формы». Об'ясняет он вражду руководителей женевского движения к Альянсу их мелкобуржуазностью и ненавистью к революционному социализму [2].

Массовое социалистическое движение, возбужденное Интернационалом, вообще было еще молодо. Участники его далеко не понимали действительных целей и методов, выдвигавшихся руководителями Международного товарищества рабочих. Особенно же отсталым, естественно, было движение в таких по существу мелкобуржуазных, можно сказать — мещанских, странах, как Швейцария. Политически неопытный рабочий класс плелся за той или иной из боровшихся буржуазных фракций. В Швейцарии в большинстве кантонов шла тогда борьба между консерваторами и радикалами. Последние пытались привлечь на свою сторону рабочих, что им во многих случаях легко удавалось (некоторые из радикалов сначала примкнули было даже к Интернационалу, не сразу разобравшись в его характере). В избирательных кампаниях рабочие в большинстве играли действительно роль орудия в руках демократических политиканов. Это вызывало протесты, порождало разочарование, которыми ловко воспользовались анархисты, начавшие проповедывать

---

[1] При этом, как поясняет конфиденциальный циркуляр Генерального совета от 5 марта 1872 года («Les prétendues scissions dans l'Internationale», Genéve 1872, стр. 9), Генеральный совет, «введенный в заблуждение некоторыми подписями на программе Бакунина, полагал, что она (секция) признана женевским романским федеральным комитетом».

[2] Эту мысль он подробно развивает в «Докладе об Альянсе» и «Протесте Альянса» (Сочинения, французск. изд., том VI; русское — том V), а также в многочисленных письмах.

воздержание рабочих от политической деятельности, как последнее слово социалистической мудрости.

Кроме того, в Швейцарии господствовал дух колокольни, местная ограниченность, отсутствие широкого кругозора — не только среди мещанства, но и среди рабочих, зараженных тем же мещанским духом. Интернационал постепенно, но медленно боролся с этим духом, но, разумеется, не мог в пару лет добиться в этой области заметных и ощутительных результатов. Вероятно, и Маркс, очутившись в среде швейцарских интернационалистов, повел бы борьбу с их мелкобуржуазными устремлениями. Бакунин же с его темпераментом, с его порывами ко всемирной «катавасии» не мог свободно дышать в этой атмосфере мелких интересов и местных счетов. Но если он обвинял во всех этих грехах ненавистных главарей «женевской фабрики», то в интересах справедливости мы должны сказать, что и милые его сердцу юрцы («горцы») были во всяком случае не в меньшей степени пропитаны тем же духом местнической заскорузлости, и значительная часть их оппозиции Генеральному совету, несомненно, об'яснялась именно этим духом колокольни и местной ограниченности.

Действительно, в швейцарской политике было много отталкивающего, и местные интернационалисты, затерянные в этой насквозь мещанской среде, несвободны были от многих отрицательных сторон мелкобуржуазного политиканства. Один из основателей Интернационала в Швейцарии, Куллери, врач из бернской Юры, старый проповедник демократических и гуманитарных идей, подал в этом отношении пагубный пример. Человек с весьма неопределенными взглядами и по существу буржуазным мировоззрением, каких немало было в тогдашнем (и только ли тогдашнем?) социалистическом движении, он, хотя в первое время и оказал делу Интернационала в Швейцарии большие услуги, внес, однако, много смуты и в конечном счете причинил ему своими шатаниями серьезный вред. Попеременно вступая в соглашение то с консерваторами против радикалов, то с последними против первых, он этими виляниями способствовал насаждению среди рабочих политического индифферентизма и отвращения к участию не только в избирательной, но и во всякой политической борьбе. Этим воспользовались юрские бакунисты для своей анархической демагогии. С таким же успехом они использовали избирательные интрижки в Женевском кантоне, где рабочие тоже об'единялись с радикалами.

В Женеве к этому присоединилось влияние еще одного немаловажного обстоятельства. Квалифицированные рабочие женевского часового производства, так называемой «fabrique», — «рабочие фабрики» (а не

«фабричные рабочие», как некоторые неправильно переводят), состояли из женевских граждан. Они поэтому обладали политическими правами и участвовали в избирательных сделках с буржуазными партиями. Напротив, чернорабочие, особенно строительные рабочие, состоявшие главным образом из пришлых элементов, савояров и итальянцев, не будучи женевскими гражданами, не пользовались избирательным правом и потому не могли принимать участия в избирательных кампаниях, отличавшихся мелочным местническим характером и сопровождавшихся деморализующими соглашениями с буржуазными партиями. Между рабочими «фабрики» и строительными рабочими существовал известный антагонизм, окрашенный отчасти корпоративным, отчасти политическим цветом. Поддержка, оказанная всеми рабочими Женевы, в том числе и рабочими «фабрики», забастовке строительных рабочих, имевшей место весною 1868 года, не могла полностью изгладить этот антагонизм. Им-то и воспользовались бакунисты, которые, стремясь найти для себя опору в борьбе с вождями женевского Интернационала, обрели ее в рядах строительных рабочих, по самому своему положению склонных прислушиваться к проповеди политического воздержания.

2. В швейцарской Юре.

Другую опору Бакунин нашел в швейцарской Юре среди рабочих, занятых в тамошнем часовом производстве. В отличие от женевской часовой промышленности, носившей характер крупного мануфактурного и даже фабричного производства, в Юре это производство являлось скорее формою домашней системы крупной промышленности, подчиненной капиталу (в частности — женевскому), эксплоатируемой им, но в значительной степени еще носившей ремесленно-кустарный характер и раздробленной на мелкие предприятия. Эти юрские рабочие, затерянные в своих горах и рассеянные небольшими гнездами среди крестьянских и мелкобуржуазных масс, неспособны были собственными силами отстоять в политической области свои классовые интересы или оказать заметное влияние на политику страны или кантонов. Неудачные опыты самостоятельных избирательных выступлений и сделок с буржуазными партиями поселили в них недоверие к политической деятельности вообще. Как здесь, так и в Женеве первые избирательные кампании, в которых приняли участие рабочие, дали им ничтожное количество голосов или привели к типичным для таких мещанских стран, как Швейцария, избирательным сделкам, в которых обманутой стороной всегда, естественно, оказывались рабочие. Эти неизбежные недо-

статки первых политических попыток пролетариата могли быть преодолены только постепенно, на опыте масс, путем создания рабочей партии, действительно независимой от буржуазных клик и проводящей самостоятельную классовую политику пролетариата. Но бакунисты предпочли другой путь — пропаганду политического воздержания, связанного с надеждами на близость «социальной ликвидации» и способного лишь увековечить политическую отсталость пролетариата, насильственно задерживая его на низшей ступени политического развития.

И Бакунин, и Неттлау, и Гильом утверждают, что только от бакунистов швейцарские рабочие услыхали впервые настоящее социалистическое слово. По их словам, швейцарские интернационалисты, в особенности женевские, приспособляясь к мещанским предрассудкам рабочей массы, в частности рабочей аристократии, т.-е. пользовавшихся привилегированным положением рабочих «фабрики», и учитывая необходимость избирательных сделок с буржуазными демократами, не развертывали перед рабочими всей социалистической программы, не проповедывали социальной революции и даже воздерживались от нападок на принцип частной собственности. Бакунисты же сразу открыто повели принципиальную пропаганду революционного социализма, не считаясь с предрассудками отсталых слоев пролетариата и с мещанским настроением рабочей аристократии и игнорируя негодование буржуазных радикалов. Поэтому только благодаря пропаганде Бакунина и его друзей швейцарские рабочие познакомились с революционно-социалистическими идеями (в пример приводится газета «Egalité» при редакторстве Бакунина и после него).

Целиком принять эту анархистскую философию истории весьма трудно. Более чем сомнительно, чтобы пропаганда, напр., И.-Ф. Беккера, начавшаяся задолго до выступления Бакунина в качестве социалиста, была менее принципиальной и революционной, чем пропаганда Бакунина. Но если даже и верно, что выступления бакунистов внесли свежую струю в пропаганду среди рабочих, говоривших на французском языке (Беккер вел преимущественно работу на немецком языке), то не следует забывать, что мелкобуржуазному соглашательству в духе Куллери бакунисты противопоставили не действительную пролетарскую теорию и политику революционного коммунизма, а другую форму мелкобуржуазного мировоззрения, лево-прудонистскую теорию и тактику политического воздержания, словом — систему анархизма, которая, как это показали факты, не могла принести ничего, кроме путаницы и развала уже начавшегося сплочения пролетарских сил.

На чернорабочих, составлявших в Женеве пришлый и текучий элемент, долго опираться было трудно. Но зато Бакунин нашел твердую точку опоры в юрских кустарях и примыкавших к ним немногочисленных интеллигентах, которые, подобно ему, от прудонистских мечтаний и неудачных избирательных попыток круто повернули к анархизму и отрицанию всякой политики.

В первый раз Бакунин посетил Юру 20—22 февраля 1869 года по приглашению Гильома, который за полтора месяца до того познакомился с ним в Женеве и был им совершенно очарован. Гильом же и оставил нам описание этого события в своей истории Интернационала (том I, стр. 128 и след.).

«Весть о прибытии знаменитого русского революционера, — пишет он, — взволновала весь Локль, и в мастерских, в кружках, в салонах говорили только о нем. Рассказывали друг другу его полную приключений жизнь: как в ранней молодости он принужден был покинуть Россию вследствие своих убеждений (?); как в 1849 году он руководил дрезденским восстанием и, будучи схвачен, провел 8½ лет в крепостях Саксонии, Австрии и России; как в первые два года он сидел закованный в ножные и ручные кандалы, а в Ольмюце был даже прикован за пояс к стене; как в 1857 году заключение было заменено ему вечной ссылкой в Сибирь, и как, после четырехлетнего пребывания в губерниях Томской и Иркутской, ему в 1861 году удалось совершить побег через Японию, Тихий океан и Калифорнию. Выражали удивление по поводу того, что этот непримиримый враг русского деспотизма был (по матери) родственником пресловутого Муравьева, палача Польши. И прибавляли, что вступление столь энергичного человека в Интернационал должно было значительно усилить последний».

На вокзале Бакунин был встречен Гильомом и «отцом Мероном», старым демократом и членом Интернационала, учителем Гильома. Оттуда все отправились в «Интернациональный кружок», где провели несколько часов в товарищеской беседе. «Если, — продолжает Гильом, — импозантная внешность Бакунина поражала воображение, то простота его обращения привлекала сердца; он сразу завоевал общие симпатии, а Констан Мерон сказал мне: «Вот человек по моему вкусу». Мы говорили о тысяче разных вещей. Бакунин рассказал нам о пропагандистской поездке, совершенной его итальянским приятелем Фанелли в Испанию, где он основал в Мадриде первую секцию Интернационала с программою Альянса (курсив мой), и показал нам фотографию, на которой был снят Фанелли с группою испанских социалистов». Вечером состоялся банкет в честь 65-летия старика Мерона.

Бакунин выступал несколько раз: «он говорит очень хорошо, языком простым, но решительным и красноречивым». «Банкет затянулся очень поздно, ибо Бакунин рано не ложился. Он привык бодрствовать до 3—4 часов ночи, а затем спать до 11 часов утра. С 11 до 3 он работал, а затем садился за стол; после обеда он спал с часок и снова принимался за работу, до отхода в постель, если никуда не выходил. Он, не переставая, курил папиросы. В течение своего непродолжительного пребывания в Локле он сохранил приблизительно то же распределение времени».

Вечером второго дня Бакунин прочел в «Интернациональном кружке» лекцию о философии народа, а также об исторических судьбах буржуазии. «Слушатели были очарованы, — говорит Гильом, — а ясность его языка, который шел прямо к цели, без околичностей и с смелой прямотой, никого не испугала, по крайней мере из числа рабочих (среди слушателей были ведь не одни рабочие, так как любопытство привлекло туда и некоторых противников). Напротив, его одобряли за то, что он доводил свою мысль до конца. Большинство членов Интернационала впервые услыхали такие идеи. Впечатление было глубокое».

На собрание прибыли несколько товарищей из Лашодефона, в том числе Фриц Хенг и Фриц Робер, которые вскоре сделались близкими приятелями и единомышленниками Бакунина.

На следующий день снова состоялась товарищеская беседа в «Интернациональном кружке». «Бакунин охотно рассказывал историйки, воспоминания юности, слова, им сказанные или услышанные. У него был целый репертуар анекдотов, поговорок и любимых словечек. Так, напр., по поводу папирос, без которых он не мог обходиться, он рассказал, что однажды в Италии какая-то дама спросила его: «В случае революции, вы, вероятно, останетесь без табаку, — что вы тогда будете делать?», на что он ответил: «Тогда, сударыня, я буду вдыхать революцию». А раз в Германии за обедом, рассказывал он со смехом, он провозгласил следующий тост, встреченный громом аплодисментов: «Пью за разрушение общественного порядка и за разнуздание дурных страстей». Взяв чашку кофе, он процитировал немецкую поговорку (которую я впоследствии несколько раз слышал от него), что кофе хорош тогда, когда он черен, как ночь, горяч, как пекло, и сладок, как любовь. И далее Гильом цитирует из своих тогдашних заметок о Бакунине следующее место: «Вот еще черточка для полной характеристики этого человека. Вчера он смеясь сказал нам, что на его взгляд скала людского счастья такова: на первом месте в качестве высшего счастья стоит смерть в борьбе за свободу; на втором месте — любовь и дружба;

на третьем — наука и искусство; на четвертом — курение; на пятом — выпивка; на шестом — еда; на седьмом — сон».

Но, конечно, Бакунин приехал в Юру не только для таких приятных разговоров. Он имел в виду вербовку новых людей для своего тайного общества. По этому поводу он вел в Локле конфиденциальные беседы с Гильомом, которому он, впрочем, если полагаться на воспоминания Гильома, представил дело в несколько ином виде, чем оно обстояло в действительности. «Он, — пишет Гильом (стр. 130), — рассказал мне о тайном обществе, существующем у ж е н е с к о л ь к о л е т (курсив мой) и связывающем узами революционного братства известное число людей в разных странах, в частности — в Италии и во Франции; он прочел мне программу, содержание которой вполне отвечало моим собственным стремлениям, и спросил, не пожелаю ли я присоединиться к основателям этой организации. Особенно поразило меня в его об'яснениях то, что здесь речь шла не о классическом типе старых тайных обществ, в которых приходилось подчиняться приказам, идущим свыше. Эта же организация представляла свободное сближение людей, об'единяющихся для коллективной деятельности, без формальностей, без торжественности, без таинственных обрядностей, просто потому, что они доверяли друг другу, а соглашение казалось им предпочтительнее изолированных выступлений.

«На это предложение я, естественно (!), ответил, что я вполне готов примкнуть к коллективной работе, которая должна иметь своим результатом придание большей силы и связности великому движению, выражаемому Интернационалом. Я прибавил, что отец Мерон является вполне подходящим человеком для участия в нашем деле. Констан Мерон, которому мы сообщили об этом в тот же день, немедленно и безоговорочно выразил свое согласие на присоединение к нам: он принадлежал до 1848 года к карбонариям и в качестве старого конспиратора торжествовал при мысли, что на-ряду с Интернационалом будет существовать тайное общество, способное предохранить его от опасностей, которым его могли подвергнуть интриганы и честолюбцы».

Итак, для предохранения Интернационала от неведомых «честолюбцев» и «интриганов» нужно было начать дело с колоссальной интрити, — с создания внутри него тайного общества! Это общество по странной альянсистской логике должно было не ослабить и не расколоть Интернационал, а почему-то придать ему больше силы и прочности! Как бы там ни было, Бакунин нашел в Юре подходящие элементы, из коих п е р в ы м о к а з а л с я Г и л ь о м, тот самый Гильом, который, как мы знаем, вскоре, по собственному признанию, основал в Локле

отдел тайного общества за спиною секции Интернационала, а затем, в продолжение 40 с лишним лет до самой своей смерти, категорически отрицал существование тайного общества в рядах Интернационала!

Вторую поездку в Юру Бакунин совершил в конце мая 1869 года. В предместьи Локля состоялся митинг, на котором в числе прочих выступал и Бакунин. Здесь принята была резолюция весьма характерного содержания: во-первых, Интернационалу рекомендовалось «совершенно воздерживаться от участия в буржуазной политике», что на языке альянсистов означало полное политическое воздержание; во-вторых, газете «Egalité» предлагалось приступить к обсуждению вопроса о коллективной собственности и об отмене наследственного права; наконец, в-третьих, Генеральному совету предлагалось включить в повестку предстоявшего Базельского конгресса «вопрос о более действительной и более реальной организации Интернационала, дабы пролетариат мог противопоставить коалиции буржуазии и государств силу, способную над нею восторжествовать». Эта резолюция показывала, что Альянс начинал популяризировать свою программу среди юрских рабочих.

Через день Бакунин выступил с речью на народном собрании в Лашодефоне. Бакунин нашел здесь целую группу людей, которые сделались проводниками его влияния среди юрских интернационалистов. Таковы участники митинга 30 мая: А. Шпихигер, А. Швицгебель, Фриц Робер, Ф. Хенг и т. д. С своей стороны он отрекомендовал юрцам Мрочковского и Жуковского, прибывших специально на это собрание из Веве и Кларана. Жуковский надолго остался в тесной связи с юрцами.

Глава вторая.

ВОКРУГ БАЗЕЛЬСКОГО КОНГРЕССА.

1. Базельский конгресс Интернационала.

Что Бакунин рассчитывал уже на Базельском конгрессе, т.-е. через год после выхода Альянса на широкую международную арену, захватить руководство Интернационалом, как это предполагают авторы брошюры об Альянсе, — в этом дозволительно усумниться. Таких радужных надежд он в тот момент питать еще не мог. В Италии, Испании, Франции и Швейцарии Альянс находился на первых шагах своей работы. В других странах определенной склонности к идеям анархизма и к выступлениям против Генерального совета еще не замечалось. Самое большое, на что Бакунин мог рассчитывать в Базеле, это было громкое выступление, которое должно было обратить внимание на развиваемые им идеи и привлечь на его сторону новые элементы, пока еще неопределившиеся или колеблющиеся. Такое выступление он связал с вопросом об отмене наследственного права.

Бакунин придавал этому вопросу важное значение, возможно, именно потому, что его внимание было поглощено странами, в которых господствовала мелкая земельная собственность и мелкое производство. Ход его мысли был приблизительно таков: эти страны не будут затронуты национализацией и обобществлением производства, которые коснутся крупной промышленности. Отмена частной собственности опять-таки коснется главным образом крупной собственности: революции придется остановиться перед мелкой крестьянской собственностью, чтобы не восстановить против себя крестьянские массы. Но если даже допустить, что установление коллективной собственности будет распространено и на мелкое землевладение, все же мелкое земледелие, мелкое производство останутся надолго, а в таком случае сохранится материальная основа для экономического неравенства и для восстановления эксплоатации человека человеком. Чтобы избег-

нуть этого, необходимо на-ряду с провозглашением общей собственности на землю об'явить отмену права наследования. Только таким путем возможно будет раз навсегда помешать развитию неравенства и возрождению капитализма.

Бакунин поднял этот вопрос задолго до Базельского конгресса [1]. Уже в апреле 1869 года он заставил Гильома написать для «Egalité» статью об отмене наследственного права. Тот сначала сопротивлялся, так как ему «казалось, что вопрос о праве наследования сливается с вопросом о коллективной собственности: раз собственность обобществлена, то и наследование исчезает». Но ввиду настояния Бакунина Гильом написал статью, которая, в исправленном и дополненном Бакуниным виде, была напечатана в номере «Egalité» от 1 мая. Сам Бакунин 21 августа 1869 года сделал на общем собрании женевских секций от имени назначенной ими комиссии доклад об отмене права наследования, и основные положения этого доклада были приняты собранием, на котором преобладали строительные рабочие [2]. Делегатами на Базельский конгресс от Женевы были избраны два альянсиста (Броссэ и Хенг) и два их противника (Грослен и б. альянсист А. Перре). Фракционная борьба в Женеве дошла в этот момент до крайнего обострения.

Секция Альянса, хотя и не признанная романским федеральным советом, послала все же делегата на конгресс. Таковым был избран испанский альянсист Гаспар Сентиньон [3], только 28 августа (т.-е. за день до избрания) принятый для этого в члены секции. Сам Бакунин получил два мандата на с'езд: один — от лионских мотальщиц шелка — раздобыл ему, повидимому, А. Ришар; другой — от секции неаполитанских механиков — достал ему, вероятно, Гамбуцци [4]. Юрцы послали

---

[1] В тайных программах Бакунина, относящихся к концу 1868 и к началу 1869 года, пункт об отмене права наследования уже встречается.

[2] Этот доклад напечатан в «Историческом развитии Интернационала», стр. 365—375. Первоначально он был опубликован в «Egalité» от 28 августа 1869 года.

[3] Это его псевдоним. Повидимому, это был немец; он изучал медицину в Венском университете. В его жизни была какая-то тайна, которую он открыл Бакунину. Проживал он в Барселоне. В 1872 году разочаровался и отошел от движения.

[4] В январе 1869 года при содействии Гамбуцци была организована в Неаполе первая секция Интернационала. Вероятно, это было преобразованное общество «Libertà e Giustizia», о котором мы говорили во II томе. Во всяком случае по всему существу это была секция Альянса (якобы распущенного).

на конгресс сплошь альянсистов: Флоке, Ф. Робера, Швицгебеля, Гильома. Кроме того, на стороне Бакунина были два лионские делегата-альянсиста: А. Ришар и Л. Паликс; второй испанский делегат, тоже альянсист, Фарга Пелисер; от Италии — Капоруссо и, наконец, сочувствовавший Бакунину австриец Неймайр. Таким образом из общего числа делегатов (75) Бакунин насчитывал около дюжины верных сторонников, почти всё членов Альянса. Но по ряду вопросов к нему, кроме того, тянули бельгийцы (например, Гинс и отчасти де-Пап) и некоторые французы (например, Варлен, которого альянсистам удалось на время увлечь революционной фразеологией).

Базельский конгресс происходил с 6 по 12 сентября 1869 года [1]. Здесь впервые столкнулись два враждебные направления, борьба которых должна была на долгие годы заполнить историю международного рабочего движения.

Первая стычка произошла при утверждении повестки конгресса. Цюрихские делегаты, поддержанные в этом отношении немцами Ритингаузеном и Либкнехтом, предложили включить в нее вопрос о прямом народном законодательстве (незадолго до того введенном в конституцию Цюрихского кантона). Против этого предложения выступил целый ряд делегатов, при чем некоторые, как Гинс и Бакунин, напали на него по принципиальным соображениям, усматривая в нем попытку навязать Интернационалу буржуазную политику. Гинс увлекся до того, что воскликнул: «Счастье наше, что мы в Бельгии не имеем всеобщего избирательного права, которое, по мнению кое-кого, должно нас спасти». Разумеется, против референдума, как предварительного условия социальной революции, можно возражать и с коммунистической точки зрения, но возражения Гинса и Бакунина были направлены против рабочей политики вообще. В «Письмах к французу», составленных годом позже, Бакунин об'яснял свое сопротивление предложению цюрихцев, которое он приписывал инициативе германской социал-демократии, тем, что оно, «вполне соответствуя духу их Эйзенахской программы, стремилось не более и не менее, как к тому, чтобы ввести в программу Интернационала принцип национальной или буржуазной политики» («Oeuvres», том IV, стр. 66). В конце концов, было единогласно постановлено поставить этот пункт последним на повестке, а так как из пяти намеченных

---

[1] Существует известный и неоднократно перепечатывавшийся снимок участников Базельского конгресса, среди которых резко выделяется импозантная фигура Бакунина.

вопросов конгресс успел рассмотреть только три, то до обсуждения этого вопроса дело не дошло, и бакунисты сочли это своей первой победой, — победой «антигосударственных» принципов над «авторитарными» [1].

Важнейшим вопросом, подлежавшим обсуждению конгресса, был вопрос о земельной собственности. Правда, он был уже разрешен в коллективистском смысле на предыдущем Брюссельском конгрессе, но ввиду его серьезности и ввиду протеста противников коллективизма, утверждавших, что в Брюсселе вопрос не подвергся достаточно глубокому рассмотрению, решено было вновь обсудить его в Базеле. Консервативная фракция прудонизма во главе с Шемале, Мюра и Толеном, с пеною у рта отстаивавшая принцип индивидуальной собственности, снова потерпела решительное поражение, при чем против нее в данном вопросе коммунисты из школы Маркса об'единились с анархистами, шедшими за Бакуниным. Огромным большинством голосов конгресс высказался за установление коллективной собственности на землю [2]. И озлобленный реакционер-прудонист Фрибур меланхолически заметил, что «немецкий коммунист Карл Маркс, русский варвар (как он сам любил себя называть) Бакунин и бешеный авторитарий Бланки составили всемогущий триумвират» [3].

Песенка правых прудонистов в Интернационале была окончательно спета. Теперь им оставалось только открыто перейти в буржуазный стан, где для них было заготовлено теплое местечко. Но на смену им пришли левые прудонисты, которые под новым флагом возобновили и

---

[1] В письме к А. Лоренцо от 10 мая 1872 года Бакунин говорил: «На Базельском конгрессе, благодаря несомненному совпадению этих (анархических. — *Ю. С.*) принципов с инстинктами пролетариата, мы одержали, можно сказать, полную победу не только над парижскими прудонистами, идеалистами и доктринерами, запоздалыми проповедниками буржуазного социализма, Толенами и Ланглуа, ныне изменившими Интернационалу, но и над авторитарными коммунистами школы Маркса. Вот чего Маркс и его сторонники не смогут никогда нам простить, и вот почему немедленно после Базельского конгресса они предприняли против нас кампанию, которая ставит себе целью не более и не менее, как полное наше уничтожение». Тут смешаны разные вопросы. Бакунин, например, забывает, что тот самый Гинс, который так энергично выступал в роли анархиста на Базельском конгрессе, столь же энергично отстаивал вместе с умеренными прудонистами принцип частной собственности.

[2] Характерно, что Грослен и А. Перре воздержались от голосования.

[3] Fribourg — «L'Association internationale des Travailleurs», Париж 1871 г., стр. 140. — Бланки упомянут здесь всуе, так как никакого отношения к конгрессу он не имел.

продолжили борьбу против коммунизма. И это немедленно же сказалось на том же Базельском конгрессе.

Уже самое выступление в защиту коллективной собственности Бакунин связал с анархическими декларациями. В своей речи, произнесенной в заседании 10 сентября, он указал, что во все исторические эпохи защищало интересы всего человечества какое-нибудь меньшинство. Первый протест во имя пролетариата исходил от Бабэфа. «Мы — его преемники (в устах Бакунина характерное заявление! — *Ю. С.*), и наше небольшое меньшинство скоро станет большинством». Высказавшись против личной собственности, которая равносильна эксплоатации коллективного труда отдельными индивидуумами, Бакунин заключает [1]: «Я голосую за обобществление земли в частности и всего социального богатства вообще в смысле социальной ликвидации. Под социальной ликвидацией я понимаю правовую экспроприацию всех нынешних собственников посредством отмены политического и юридического государства, составляющего санкцию и единственную гарантию современной собственности, всего того, что называется юридическим правом, и фактическую экспроприацию, осуществляемую повсюду и постольку, где и поскольку это позволяют ход событий и положение вещей. Что касается дальнейшей организации, то, принимая во внимание, что всякий производительный труд есть по необходимости коллективный труд, и что труд, который неправильно называют индивидуальным, в сущности является трудом коллективным, так как он становится возможным только благодаря коллективному труду прошлых и существующих поколений, — то я тем охотнее высказываюсь за солидаризацию коммун, предложенную большинством комиссии [2], что эта солидаризация предполагает организацию общества снизу вверх, тогда как предложение меньшинства говорит нам о государстве. Я — решительный противник государства и всякой буржуазной государственной политики. Я требую разрушения всех национальных и территориальных государств

---

[1] Этой заключительной части нет в официальном протоколе, но она имеется в «Egalité» от 1 октября. Вставил ли эти строки Бакунин после конгресса, или же они были случайно пропущены секретариатом конгресса, в котором сидели и его друзья, неизвестно.

[2] Это большинство, в состав которого входили как марксисты, так и бакунисты (Беккер, Леснер, Ритингаузен, Локрафт, Варлен, Сентиньон), высказалось за обработку и эксплоатацию земли об'единенными солидарностью общинами. Эккариус, выражавший мнение Генерального совета, высказывался на пленуме с'езда за сдачу земли в аренду с.-х. обществам, организующим крупное машинное земледелие. Третьи допускали передачу земли в аренду и отдельным лицам.

и основания на их развалинах интернационального государства рабочих» [1].

Но пока конфликта еще не было: две тенденции, правда, в различных выражениях и отчасти по различным мотивам, шли к одной цели — к торжеству коллективизма над индивидуализмом. Настоящий бой разгорелся по следующему пункту повестки дня: об отмене права наследования. В комиссии, составленной конгрессом для разработки вопроса, преобладали альянсисты и склонные к ним делегаты. В состав ее большинства входили 5 альянсистов: Ришар, Бакунин, Гильом, Хенг, Фарга Пелисер; 1 бельгиец (Брисме), готовый их поддержать, француз Дерер, голосовавший по этому вопросу с Бакуниным, и немец И.-Ф. Беккер, еще не порвавший с Бакуниным; а меньшинство комиссии состояло из одного бельгийца (де-Папа), двух немцев (В. Либкнехта и М. Гесса) и члена Генерального совета Германа Юнга. Таким образом комиссия стала на точку зрения Бакунина и внесла проект резолюции, которая требовала отмены права наследования как естественного дополнения к провозглашенному уже предыдущей резолюцией обобществлению земельной собственности.

Не считая доклада брюссельской секции, автором которого был де-Пап, на конгрессе друг другу противостояли две точки зрения: одна, развитая в докладе Генерального совета и излагавшая взгляд Маркса (этот доклад прочтен был на с'езде Эккариусом), и другая, отвечавшая воззрениям Бакунина и выразившаяся в резолюции большинства комиссии.

Точка зрения Генерального совета сводилась по существу к тому, что право наследования представляет не причину, а следствие, юридический результат общественного строя, основанного на частной собственности. Поэтому отмена наследования явится естественным результатом социального преобразования, состоящего в замене частной соб-

[1] Гильом (том I, стр. 198) рассказывает, что когда он, изумленный тем, что Бакунин требовал создания рабочего государства, задал ему по этому поводу вопрос, тот «ответил, что выражение «интернациональное государство», выражая внутренне-противоречивую и неосуществимую идею, равнозначуще (?!) отрицанию государства; делая кажущуюся словесную уступку сторонникам государства, он полагал, что таким путем подрывает основу их теоретических воззрений; его формула равносильна была приведению к абсурду. Таким же путем, употребляя на Бернском конгрессе 1868 года выражение «уравнение классов» («логическая бессмыслица, не могущая быть осуществленной», как правильно заметил Генеральный совет), он приходил к отрицанию самой идеи класса. Странные приемы, умственные привычки, в которых мы со смехом его упрекали, и от которых он в качестве старого гегельянца никогда не мог совершенно отделаться». Кому угодно, тот вправе удовольствоваться «об'яснением» Гильома.

ственности коллективною. Но отмена права наследования не может послужить исходным пунктом такого социального преобразования: это было бы ложным в теории и реакционным на практике. Говоря о праве наследования, мы необходимо предполагаем, что частная собственность на средства производства продолжает существовать. Таким образом всякие меры, направленные против права наследования, могут относиться лишь к переходным эпохам. В качестве таких переходных мер могут быть указаны повышение наследственных пошлин и ограничение права завещания.

Ясно, что точка зрения Маркса связана была с его общей коммунистической программой, предполагавшей, что, захватив политическую власть, пролетариат отменит частную собственность и начнет проводить целый ряд мер, ускоряющих переход от прежнего строя к социалистическому. В систему таких мер «Коммунистический Манифест» уже в 1848 году включал и отмену права наследования. Но в концепцию Бакунина захват власти рабочим классом не входил, а потому не входили и меры, принимаемые рабочим государством для постепенной замены разрозненного индивидуального мелкого производства социалистическим. Именно потому он придавал такое большое значение отмене права наследования, которая должна была по его представлению заменить юридическое право собственности фактическим владением, лишенным правовой санкции и потому не имеющим прочной опоры. По-своему применяя материалистическую философию истории, он хотел, исходя из нового экономического факта, притти к изменению правовой надстройки. А над всею его конструкциею господствует мелкая крестьянская собственность, вытесняющая из его поля зрения другие факторы, в том числе развитие крупной промышленности, вызванный ею рост пролетариата и неминуемое восхождение последнего к власти, которая в его руках становится орудием социалистического строительства.

Возражая против доклада Генерального совета, Бакунин подчеркивал, что его отличает от доклада только точка зрения. Те, кто считает ненужным специально голосовать за отмену права наследования, «становятся полностью на точку зрения будущего и, беря за исходный пункт коллективную собственность, находят, что в таком случае уже не приходится говорить о праве наследования. Мы, напротив, исходим из настоящего, мы находимся под властью режима торжествующей частной собственности (разрядка моя) и, идя к коллективной собственности, наталкиваемся на препятствие в лице права наследования. Поэтому мы полагаем, что его необходимо устранить. Доклад Генерального совета заявляет, что так как юриди-

ческий факт всегда является только следствием экономического факта, то достаточно изменить второй, для того чтобы уничтожить первый. Не подлежит сомнению, что так называемое юридическое или политическое право в истории всегда было только выражением или продуктом совершившегося факта. Но столь же несомненно и то, что право, будучи сначала результатом предшествующих действий или фактов, в свою очередь становится причиною последующих фактов, само становится весьма реальным и весьма сильным фактом, который необходимо опрокинуть, если мы хотим добиться порядка вещей, отличного от существующего строя. Таким образом право наследования, бывшее сначала естественным последствием насильственного присвоения естественных и социальных богатств, позже сделалось основою политического государства и юридической семьи, гарантирующих и санкционирующих частную собственность. Вот почему мы должны высказаться за отмену права наследования».

Далее Бакунин переходит к центральному для него вопросу о судьбах мелкой крестьянской собственности. «Нам много говорили о практичности, — говорит он. — Так вот во имя этой практичности я и приглашаю вас голосовать за отмену права наследования. Сегодня сказано было, что превращение личной собственности в коллективную встретит серьезное затруднение среди крестьян, являющихся мелкими землевладельцами. И действительно, если бы по провозглашении социальной ликвидации сделана была попытка экспроприировать посредством декрета миллионы этих мелких земледельцев, она неизбежно отбросила бы их в лагерь реакции и для подчинения их революции пришлось бы употребить против них силу, т.-е. реакцию. Поэтому их придется оставить фактическими владельцами тех участков, собственниками которых они в настоящее время являются. Но что же произойдет, если вы не отмените права наследования? Они станут передавать эти участки своим детям с санкции государства на правах собственности. Напротив, если вы одновременно с социальной ликвидацией провозгласите политическую и юридическую ликвидацию государства, если вы отмените право наследования, то что же останется у крестьян? Только голое фактическое владение, и это владение, лишенное всякой легальной санкции, не пользующееся уже мощным покровительством со стороны государства, легко будет поддаваться преобразованию под давлением революционных событий и сил» [1].

---

[1] Этот текст также взят из «Egalité» (от 18 сентября 1869 года), куда он был дан Бакуниным в таком виде. Возможно, что и эта речь подправлена Бакуниным для печати. В этом же виде ее приводят Неттлау и Гильом.

Как мы видим, Бакунин явно не допускал возможности проведения социализации или национализации земли путем декрета рабочего правительства, да он, по своему анархическому мировоззрению, и не сочувствовал такой мере. Более того, он полагал, что и Генеральный совет считает такую меру невозможною. Это между прочим видно из одного места его «Писем к французу», где он, ссылаясь на заявление Эккариуса о введении налога на наследства, заключает отсюда, что и «Генеральный совет не надеется на возможность установления в настоящее время коллективной собственности посредством революции, а рассчитывает, что она сложится постепенно путем последовательных политических сделок с буржуазной собственностью» («Oeuvres», том IV, стр. 65—66). Бакунин явно смешивал коллективную собственность на землю с коллективным сельскохозяйственным производством. А между тем история пошла как раз по тому пути, который он считал невозможным. В первой же стране, где произошла социальная революция, а именно в России, рабочий класс, захватив политическую власть, провозгласил отмену частной собственности на землю и оставил за крестьянами фактическое владение, не отменяя права наследования (по крайней мере в тех рамках, которые могли интересовать крестьянскую массу). Никаких протестов со стороны крестьянства этот «декрет» не вызвал (да он в сущности и подсказан был крестьянством). Напротив, можно быть уверенным, что бакунинский метод отмены права наследования, наверное, вызвал бы со стороны крестьян самое ожесточенное сопротивление и толкнул бы их в лагерь реакции.

Голосование дало несколько неожиданные результаты. За предложение комиссии, т.-е. за отмену права наследования (сверх резолюции об установлении коллективной собственности), высказалось 32 делегата, против 23, воздержалось 13, отсутствовало 7. За предложение Генерального совета—19 [1], против 37, воздержалось 6, отсутствовало 13. Итак, оба предложения не были приняты, так как ни одно не собрало абсолютного большинства. Но резолюция Генерального совета была формально отвергнута, ибо против нее голосовало больше делегатов, чем за нее. Резолюция же комиссии, противопоставленная предложению Генерального совета, получила гораздо больше голосов и даже добилась относительного большинства. Впервые Генеральный совет

---

[1] Разница между этими 19 и 23, голосовавшими против предложения комиссии, об'ясняется тем, что 5 делегатов вотировали за оба предложения, не усматривая между ними существенного различия (Ритингаузен, Леснер, Крюгер, Неймайр и Бастэн), а один (А. Гегг), воздержавшийся при первом голосовании, вотировал за предложение Генерального совета.

потерпел открытое поражение на конгрессе, а первое же оппозиционное выступление Бакунина увенчалось для него относительной победой. Маркс, до того склонный преуменьшать опасность Альянса, должен был теперь живо почувствовать, какая серьезная угроза надвигается на Интернационал, и с этого момента возгорается жестокая борьба между обоими сеперничавшими направлениями [1].

Но пока дело не дошло до открытой войны, обе стороны признавали, что необходимо закрепить узы, связывающие рабочих различных стран, и усилить власть Генерального совета, который при слабости или отсутствии тогда политических партий пролетариата являлся единственным серьезным центром его об'единения. Сознание этой необходимости было настолько общим, что при всем различии исходных пунктов за такое упрочение международной связи высказывались все делегаты конгресса. Когда Эккариус от имени Генерального совета внес предложение предоставить последнему право исключать из Интернационала всякую секцию, действуюшую вразрез с его принципами, и разрешать, впредь до ближайшего конгресса, конфликты между отдельными секциями, то на-ряду с В. Либкнехтом за усиление власти Генерального совета высказался и Бакунин, который между прочим заявил, что Генеральный совет должен обладать известною властью именно ввиду международного значения Интернационала. Так называемые «административные резолюции», предоставлявшие Генеральному совету гораздо больше прав, чем он до тех пор имел по уставу, были приняты без большого спора.

Впоследствии, когда бакунисты выступили против «деспотизма» Генерального совета, сторонники последнего, и Маркс в том числе, обвиняли Бакунина в том, что, высказываясь в Базеле за усиление власти Генерального совета, Бакунин надеялся тогда добиться его перевода в Женеву и забрать его в свои руки. Сам Бакунин в письме к итальянским интернационалистам (Рубиконе, т.-е. Набруцци, и всем остальным друзьям) от 23 января 1872 года дает несколько иное об'яснение своему поведению в Базеле, и мы думаем, что во многом его об'яснения верны. Оказывается, что он действовал в Базеле под влиянием впечатлений, вынесенных им из борьбы в Женеве между руководителями «фабрик» и секций Альянса. Считая Генеральный совет более революционным, чем романский федераль-

[1] В письме к редакторам «Бюллетеня Юрской Федерации» от 12 июня 1872 года Бакунин рассказывает, будто Эккариус в Базеле после об'явления результатов этого голосования воскликнул в его присутствии: «Маркс будет крайне недоволен!». Это неудивительно.

ный комитет, бакунисты рассчитывали найти в нем поддержку против женевских главарей, отказавших, как мы знаем, секции Альянса в приеме. Устав этой секции, говорит Бакунин, стремился «усилить власть Генерального совета, представляющего Интернационал, перед лицом узконациональных и реакционных тенденций, господствовавших в женевской федерации. Вот что об'ясняет и, по крайней мере, до известной степени может извинить нашу ошибку. Никто из нас не думал, чтобы Генеральный совет мог использовать эту власть для чего-либо другого, кроме как для защиты принципов Интернационала от всех узконациональных и буржуазных поползновений; чтоб он когда-либо мог, в угоду честолюбию нескольких руководящих им лиц и в целях заполучения правительственной власти, протянуть руку женевской реакции против нас... Я приехал на Базельский конгресс... с тем впечатлением, что областная федерация, руководимая интриганской и реакционной кликой, может злоупотреблять своею властью, и я старался найти средство борьбы с этим в авторитете Генерального совета. Напротив, бельгийцы, которые, впрочем, лучше нас знали тайные властолюбивые стремления некоторых членов Генерального совета, и именно Маркса, играющего в этом Совете руководящую роль,.. приехали на Базельский конгресс с прямо противоположными намерениями. Они отрицали за Генеральным советом всякую власть. Бельгийский делегат Гинс и я энергично спорили друг с другом... (Эти) статьи я помог выработать, по крайней мере, на три четверти, и мне остается только повторить: Mea culpa, mea maxima culpa!».

* * *

Разумеется, Бакунин не мог упустить такого случая, как Базельский конгресс, чтобы не попытаться навербовать там нескольких новых членов в свое тайное общество. Для вербовки парижан он воспользовался посредничеством своего друга Гильома. Вот как последний в той самой книге, в которой он старательно отрицает существование тайного Альянса, рассказывает об этих попытках («L'Internationale», том I, стр. 214—215).

«Я уже рассказал, что с февраля 1869 года в Локле, в Ла-Шодефоне, а затем в Валь-де-Сент-Имье, равно как в Женеве, образовались тайные группы, об'единявшие наиболее надежных людей» [1]. От Бакунина мы узнали, что уже несколько лет существует тайная международная организация, к которой некото-

---

[1] Разрядка моя.

рые из нас примкнули. Нам представлялось весьма желательным, чтобы эта организация получила дальнейшее распространение, и в особенности, чтобы группы, аналогичные нашим, образовались в Париже и в главных французских городах для революционных выступлений, которые во Франции казались неминуемыми. Базельский конгресс должен был доставить случай для некоторых попыток в этом роде: не найдется ли среди французских делегатов элементов, способных войти в революционную организацию?» [1].

Шарль Лонге (зять Маркса, довольно умеренный прудонист) был Гильомом забракован как человек, не подходящий для участия в конспирации. Но в Базеле Гильом познакомился через Бакунина с Аристидом Реем, который явился туда в качестве корреспондента «Демократии» Шассена (мы говорили о ней во II томе) и который, как мы знаем, давно был членом тайного Альянса.

«Бакунин, — продолжает Гильом, — сказал мне, что Рей [2] давно уже состоит в числе его интимных друзей [3]. Втроем мы занялись изучением французских делегатов. Нечего было думать об уже знакомых мне Толене, Мюра, Шемале, которые были противниками коллективизма. Пэнди обладал революционным темпераментом, но он работал тогда в мютюэлистских рядах; один из моих товарищей, сборщик часовых крышек Флоке, делегат от Локля, подружился с ним, и они обещали друг другу писать: можно было установить только эту чисто личную связь. Но там имелся человек, стремления которого совпадали с нашими, и который являлся самым активным деятелем парижского Интернационала: Варлен... Рей и я взяли на себя подойти к нему. В один из последних дней конгресса мы увели его в номер, занимаемый Реем в какой-то гостинице, сообщили ему о нашем желании и, так как он выразил пол-

---

[1] Не забудем, что все это происходило осенью 1869 г., т.-е. когда тайный Альянс был уже давно якобы распущен!

[2] Что Бакунин знал цену этому Рею, равно как и многим другим членам своего Братства, призванным руководить мировой революцией, видно между прочим из отзыва, который он дает ему в письме к Герцену от 28 октября 1869 года: «Как тебе понравился Рей? Он славный человек, только все еще висит между буржуазным небом и рабочею землею (курсив мой), потому еще так много и занимается либерально-сатирическими протестами против неба». Впрочем, Бакунин, как мы знаем, сам отдавал слишком много времени полемике с богом.

[3] Бросается в глаза, как тщательно Гильом во всем своем рассказе, как и в других случаях, избегает слов «тайный Альянс», «Интернациональное Братство» и т. п. Наивные усилия скрыть и м я, когда невольно признаешь в с щ ь!

ную готовность присоединиться к предложенной ему нами общей работе, мы познакомили его с нашей программой [1]. Он заявил нам, что целиком разделяет эти мысли. Мы братски пожали друг другу руки и условились о том, что я и Варлен будем вести по возможности регулярную переписку, чтобы держать друг друга в курсе всего совершающегося в наших кругах».

Тем временем Бакунин с своей стороны подыскивал подходящих людей, которые могли бы представлять идеи Альянса в немецкой Швейцарии. Он думал, что нашел их в лице двух делегатов, проживавших в самом Базеле. Один из них был молодой приват-доцент Базельского университета Янаш, читавший там курс политической экономии, а другой — базельский купец Коллен. «Он (Бакунин), — говорит Гильом, — сообщил мне, что оба эти гражданина сочувственно отнеслись к его предложению и из'явили готовность работать в целях пропаганды и организации революционного социализма в Швейцарии и в Германии. Бакунин часто ошибался в людях. Он ошибся в Янаше и в Коллене: никогда они не работали вместе с нами».

Таким образом в Базеле альянсистский улов был небогатый. Варлен, разумеется, был бы крупным приобретением, но, как показали дальнейшие события и в частности его работа в Парижской Коммуне, настоящим альянсистом он никогда не сделался.

2. Суд чести в Базеле.

(Бакунин и В. Либкнехт).

Что инцидент с Альянсом должен был вызвать неблагоприятные для Бакунина толки в кругах, сочувствовавших Генеральному совету, это вполне понятно. Что при этом по отношению к Бакунину могли быть совершены некоторые несправедливости, это тоже естественно. Да это и неудивительно. Ведь деятельность Бакунина протекала до 1868 года в стороне от европейского революционного, особенно рабочего движения, по крайней мере с 1864 года, когда он работал в итальянском подполье. На открытую арену он вышел только с осени 1867 года, когда примкнул к буржуазной Лиге мира. Его отношения к Интернационалу начались только со второй половины 1868 года, и притом начались крайне неудачно. Сделанная им попытка создать на-ряду с Интернационалом новое, параллельное ему международное общество с особой программой, тактикой и организацией способна была только возбудить подозрения. Отрицательное или в лучшем случае настороженное отно-

[1] С какой именно, Гильом, конечно, умалчивает.

шение к нему являлось при таких условиях совершенно естественным. Его известная всем близость к Герцену, которого считали панславистом, могла только усилить это отрицательное к нему отношение.

Конечно, многие стороны деятельности Бакунина, которые могли бы способствовать рассеянию этих подозрений, оставались неизвестными его противникам из социалистического лагеря. Но ведь для большинства из них зато оставались тогда неизвестными и другие его выступления и действия (например, его брошюры 1862 года, не говоря уже об «Исповеди» и письмах тюремного и сибирского периода), которые способны были бы дать новую пищу для направленных против него обвинений. Как бы то ни было, с основанием Альянса враждебные Бакунину толки в некоторых социалистических кругах сделались неизбежными, а при невыясненности в то время его политической физиономии они легко могли получить и привкус личных нападок. В политической борьбе это, к сожалению, неизбежно, и Бакунин, отважно пускаясь в бурный океан своих кампаний, должен был это предвидеть. Тем не менее он обнаружил слишком много чувствительности к этим нападкам, которую можно об'яснить именно тем, что он чувствовал за собой много грехов и шумом своих возражений и контр-атак хотел терроризировать своих противников и помешать дальнейшим разоблачениям.

Что это так, мы увидим из того, как он реагировал на самые естественные нападки противников и вычитывал из направленной по его адресу критики то, чего в ней вовсе не было.

Приблизительно за месяц до Базельского конгресса Бакунин узнал от некоего Вертгейма, будто бы на каком-то «полупубличном товарищеском собрании» В. Либкнехт сделал на его, Бакунина, счет ряд компрометирующих заявлений. Ввиду того, что в этих заявлениях Либкнехта речь шла и о И.-Ф. Беккере, а последний как раз собирался в это время отправиться на Эйзенахский конгресс [1], Бакунин 4 августа 1869 года обратился к нему со следующим письмом.

«Дорогой Беккер, наш друг Вертгейм сказал мне и еще подтвердил это вчера в твоем присутствии, что господину Либкнехту, немецкому социалисту и честному человеку, угодно было оклеветать меня самым подлым образом. Он публично, в присутствии Вертгейма, утверждал: 1) что я — русский агент; у него-де имеются неопровержимые этому доказательства; 2) что мой побег из Сибири произошел при по-

[1] Конгресс в Эйзенахе происходил 7—9 августа 1869 года. Здесь после неудачной попытки об'единения с лассальянцами рабочие ферейны, руководимые В. Либкнехтом и А. Бебелем, образовали социал-демократическую партию.

пустительстве русского правительства; 3) что основанием Альянса я со злым умыслом вбил клин в Международное товарищество рабочих; 4) что одряхлевший Беккер дал себя одурачить хитрому русскому.

«Я пропускаю остальные «мелочи», из которых каждая заслуживает по-настоящему пощечины.

«С другой стороны, тот же друг Вертгейм показал мне адресованное тебе г. Бебелем письмо, в котором г. Бебель ясно высказывает предположение, что я, вероятно, русский агент, и что я, вероятно, действую заодно с г. Шеейцером, как агентом Бисмарка.

«Я имел бы, конечно, полное право притянуть к ответу также и г. Бебеля, так как ни один порядочный человек не должен позволять себе легкомысленно, на основании одних только слухов, распространять клевету про другого, ему совершенно незнакомого человека. Но так как у меня есть основание считать, что духовным отцом всех этих низостей является г. Либкнехт, равным образом мне незнакомый, то на сей раз я намерен ограничиться им одним.

«Как друга и партийного товарища прошу я тебя, Беккер, и как от брата нашего Альянса, в основании которого ты принимал такое живое участие, я требую, чтобы ты от моего имени заявил г. Либкнехту, что я все-таки должен считать его достаточно серьезным человеком, понимающим, что, когда находишь удовольствие в оклеветании кого-либо, то нужно иметь мужество отвечать за свои слова и прежде всего подтвердить свои заявления вескими доказательствами. Так вот я даю господину Либкнехту месяц сроку, чтобы собрать против меня все возможные улики. И на Базельском конгрессе он или должен будет доказать открыто мою низость, или будет мною в присутствии всех об'явлен бесчестным каналье (canaille), а по-немецки — низким негодяем».

А в приписке Бакунин прибавляет:

«N. B. — Я настаиваю, дорогой друг, чтобы это письмо было сообщено не только тг. Либкнехту и Бебелю, но и всем членам конгресса в Эйзенахе, и было по возможности прочитано на открытом заседании конгресса».

На следующий день Бакунин спохватился и послал Беккеру другое письмо, в котором все касающееся Бебеля было выпущено. В дальнейшем изложении инцидента имя Бебеля больше не упоминается [1].

---

[1] Этот инцидент известен нам только в изложении одной стороны, а именно самого Бакунина (в письме его к редакторам газеты «Le Réveil» от октября 1869 года, которое напечатано в V томе «Oeuvres»). Повидимому, другая сторона не придавала этому инциденту никакого значения. Зато анархисты создали вокруг этого пустякового случая целую легенду, которую

В Базеле по этому вопросу был назначен суд чести, — надо думать, по инициативе Бакунина, хотя ясно об этом он не говорит. Судьями с его стороны были Ф. Робер, Сентиньон, Паликс, де-Пап и Неймайр; со стороны Либкнехта Бакунин называет Ритингаузена, Эккариуса и Шпира; был ли М. Гесс четвертым, Бакунин не помнит («Записка юрской федерации», стр. 84, определенно называет его); имя пятого неизвестно. Беккер присутствовал в качестве свидетеля.

В чем, собственно, было дело, мы хорошенько не знаем. В письме к Беккеру Бакунин приписывает Либкнехту четыре «клеветы» против него. Из них третья и четвертая безусловно справедливы, и если Бакунина они задели, то именно потому, что он опасался в связи с ними дальнейших разоблачений насчет своего тайного общества, относительно которого его обвинители в тот момент располагали только недостаточными сведениями, руководясь скорее правильным чутьем, чем достоверными, нам ныне известными, фактами. Возмущение Бакунина этой «низкой клеветой» явно было деланое и свидетельствовало только о его ловкости и «беспардонности». О второй клевете, судя по рассказу Бакунина, на суде чести в Базеле, видимо, не говорили, да она, впрочем, сливается с первой. Итак, остается единственная, основная клевета: Либкнехт якобы утверждал (где, в точности неизвестно), что Бакунин — агент русского правительства, чему у Либкнехта имеются, дескать, неопровержимые доказательства.

Мы можем смело утверждать, что это неверно, и что никогда В. Либкнехт ничего подобного и не мог говорить. Этому не только противоречит все то, что нам известно о фигуре старого «солдата революции», но это вытекает и из рассказа самого Бакунина о базельском суде чести. Если бы Либкнехт говорил что-либо подобное, то он, во-первых, имел бы муществo поддержать свое обвинение, а, во-вторых, Бакунин бы так легко с ним не помирился. Сопоставляя аналогичные случаи с Бакуниным, когда он всякое упоминание о своих панславистских склонностях отождествлял с прямым обвинением его в «шпионаже» [1], мы вправе предположить, что и здесь произошло нечто подобное. Возможно, что Либкнехт где-то и выразился неодобрительно насчет панславизма Бакунина, при чем, повидимому, сделал это в связи с альянсистской интригой, а для Бакунина этого было достаточно, чтобы поднять шум и превратить это критическое замечание — пусть даже неосновательное, но вполне законное и допустимое не только в «полупу-

---

основательно разрушил т. Рязанов путем обращения к оригинальным источникам (см. его «Очерки по истории марксизма», 1923 г., стр. 223 и след.).

[1] См. дальше инциденты с М. Гессом и Боркгеймом.

бличном товарищеском собрании», но и на вполне публичном народном собрании — в клеветническое утверждение, что он, Бакунин, является агентом русского правительства. Только при таком предположении становится понятным дальнейшее, в том числе и рассказ самого Бакунина.

«Я, — говорит он в упомянутом выше письме, — обвинял своего противника в оклеветании меня и требовал пред'явления доказательств, подтверждающих выдвинутое им против меня обвинение. Он ответил, что его слова были ложно истолкованы (курсив мой); что он, собственно говоря, никогда меня не обвинял и никогда не заявлял, что имеет против меня какие-либо доказательства; что у него и нет ни одного, за исключением разве вот какого: моего молчания после диффаматорских [1] статей Боркгейма, напечатанных против меня в главном органе прусской демократии «Будущность», и что, говоря обо мне в присутствии своих друзей, он просто выразил изумление по поводу этого молчания; что, впрочем, он действительно обвинял меня в том, что я основанием Альянса социалистической демократии причинил ущерб делу Интернационала».

Уже из этого рассказа Бакунина, хотя и нарочито путаного, дело выясняется с достаточной определенностью. Либкнехт признал, что он «действительно» обвинял Бакунина в причинении вреда Интернационалу созданием Альянса [2]. Это была святая истина. А если бы Либкнехт вдобавок знал, что в тот момент, когда Бакунин за эту «клевету» привлекал его к суду, продолжал действовать тайный Альянс, насколько

---

[1] Ясно, что такое выражение не мог употребить Либкнехт; оно принадлежит, очевидно, Бакунину.

[2] Бакунин уверяет, что «вопрос об Альянсе был устранен по требованию Эккариуса, члена Генерального совета, который заметил, что так как Альянс признан ветвью Интернационала, его программа и устав получили единодушную санкцию лондонского Генерального совета, а его делегат был допущен на конгресс, то законность его не подлежит дальнейшему обсуждению». Но ведь очевидно, что ничего подобного Эккариус не мог говорить. Альянс никогда не был признан ветвью Интернационала (принята была лишь женевская секция, присвоившая себе в целях путаницы название «Альянс»); напротив, он был отвергнут и принужден был формально распуститься. Во-вторых, никогда его программа не получила санкции (да еще «единодушной»!) Генерального совета, ибо, как мы знаем, последний уклонился от ее обсуждения. Бакунин здесь путает совершенно сознательно, смешивая открытый Интернациональный Альянс с местной женевской группой «Альянс» (что кстати показывает, насколько мы правы в своей характеристике этой группы). Отсюда следует тот вывод, что ко всему рассказу Бакунина о базельском суде чести надлежит относиться с крайней осторожностью.

более резким был бы его ответ, и каково было бы положение Бакунина, затеявшего это рискованное об'яснение! Что же касается других обвинений, то Либкнехт их определенно отрицал: его слова были ложно перетолкованы; он говорил только одно: почему Бакунин не ответил на статьи Борктейма? А что было в этих статьях? Не говорилось ли там, что Бакунин — шпион? Ничего подобного: там Бакунин, как увидим, обвинялся в панславизме. Итак, ясно: Либкнехт в товарищеском кругу, когда заговорили о Бакунине и его Альянсе, сказал, во-первых, что основание Альянса было вредно для единства Интернационала (Эккариус, член Генерального совета, мог это только подтвердить, а не отводить), а, во-вторых, что Бакунин, открыто обвиненный Борктеймом, знающим русский язык, в панславизме, промолчал. Вот и все! И все это было верно.

После этого дальнейшее сообщение Бакунина представляется мало вероятным. «По основному вопросу (насчет несуществовавшего обвинения в «агентстве» и «шпионстве». — *Ю. С.*), — рассказывает Бакунин, — суд чести единогласно (!) заявил, что мой противник действовал с преступным легкомыслием, обвинив члена Интернационала на основании нескольких диффаматорских статей, напечатанных в буржуазной газете. Эта декларация была выдана мне в письменной форме. Я должен, впрочем, сказать, что мой противник благородно признал перед всеми, что был введен в заблуждение на мой счет. Это была наша первая встреча. Он протянул мне руку, а я в присутствии всех сжег подписанную судом чести декларацию» [1].

Мыслимо ли, чтобы после столь прямых и ясных заявлений Либкнехта суд чести, в котором половина членов была назначена им самим, единогласно признал его легкомысленным клеветником? Это совершенно невероятно. Даже если бы этот суд состоял из одних альянсистов, он не мог бы на основании того, что рассказывает о ходе суда сам Бакунин, вынести *такого* приговора. Единственное, что мог сделать суд, так это выдать Бакунину удостоверение в том, что он — не агент русского правительства и не шпион, и что никаких доказательств этому не существует (насчет Альянса Бакунин, видимо, у суда декларации благоразумно и не добивался; по крайней мере, он об этом молчит и упоминает лишь об «основном» вопросе). Такое удостоверение Бакунин мог преспокойно сжечь на свечке или, как рассказывал потом Кропот-

---

[1] Герцен не одобрил этого героического жеста, о котором ему, повидимому, Бакунин поспешил сообщить через Огарева. «Какая же польза, — правильно замечает он в письме к Огареву от 18 сентября, — в jury Бакунина — Либкнехта, если это не напечатано?».

кин, закурить им папиросу: на большее оно и не годилось. Иначе, надо полагать, он бы его тщательно припрятал и во всяком случае не стал бы протягивать Либкнехту руки, если бы было доказано или если бы тот признался, что на каком-то собрании об'явил Бакунина шпионом.

Что речь шла не об обвинениях в шпионстве, а о разногласиях в политических воззрениях (в частности, о панславизме), видно из дальнейшего рассказа Бакунина об этом суде. «По просьбе моего прежнего противника я передал ему мои бернские речи и серию статей, напечатанных мною в 1867 г. в итальянской газете «Libertà e Giustizia» против панславизма. Через два дня он подошел ко мне в зале заседаний конгресса и сказал мне: «Я вижу, что составил себе совершенно неправильное мнение на ваш счет. Вы — прудонист, так как хотите отмены государства. Я буду полемизировать с вами в моей газете, так как держусь совершенно противоположного взгляда. Но прошу вас оставить у меня ваши писания: я их напечатаю, я должен дать вам это удовлетворение». Поверив этому обещанию, я жду до сих пор».

Верно ли, что Либкнехт обещал Бакунину напечатать в «Volksstaat» его бернские речи и старые статьи из итальянской газеты? В этом позволительно усумниться. Если такое обещание и имело место, то оно могло быть дано лишь в условной форме, ибо какой же особый интерес эти произведения могли представлять тогда для немецких рабочих? Да и при чем тут публичное «удовлетворение», дать которое Бакунину Либкнехт якобы считал себя обязанным, если подозрение в панславизме он высказал в интимном товарищеском кругу? Наконец, можно быть уверенным, что если бы Либкнехт взял на себя подобное обязательство, то он сумел бы его выполнить.

Все это, в конце концов, пустяки. Мало ли по каким соображениям не печатаются те или иные статьи, вопреки обещаниям, данным редакцией авторам. Тем более, что эти речи и статьи имели уже двухлетнюю давность и утратили злободневный интерес. Гораздо важнее другое обвинение, сводящееся к тому, что Либкнехт якобы обязался опубликовать приговор суда чести и не выполнил этого. Но, во-первых, сам Бакунин такого обвинения против Либкнехта никогда не выдвигал, равно как не сделала этого и «Записка юрской федерации», вышедшая в 1873 году, а впервые выдвинул его Гильом в 1904 году, т.-е. 35 лет спустя после Базельского конгресса. А, во-вторых, мы предлагаем самим анархистам опубликовать этот приговор. Держим пари, что и они этого не сделают, и не сделают по той простой причине, что, как рассказывает сам Бакунин, он тогда же сжег его на свечке! И умно сделал, ибо если бы он вздумал публиковать удостоверение, что он — не шпион (а ничего дру-

гого, как мы показали, в удостоверении не могло стоять), то только поставил бы себя в смешное положение. Он был, как мы знаем, умнее своих не по разуму усердных последователей.

Вообще же Либкнехт, видимо, убедившись, что обвинения, выдвинутые Боркгеймом, относились к прошлому времени, что Бакунин отнюдь не являлся в рассматриваемый момент панславистом, что он определенно выступил как смертельный враг царизма и всей как внутренней, так и внешней политики российского самодержавия, начал с тех пор относиться к Бакунину с большей симпатией. И если затем отношение его к Бакунину снова изменилось в худшую сторону, то виноват в этом был сам Бакунин как своим участием в деле Нечаева, так и своей деятельностью в Интернационале, вносившей дух раздора в среду Международного товарищества рабочих.

Насколько щепетильно Либкнехт в первое время относился к Бакунину, видно из следующих фактов.

В последнем номере «Демократического Еженедельника», вышедшем 28 сентября 1869 года (с 2 октября он превратился уже в «Volksstaat»), была напечатана корреспонденция Гесса, представляющая вариант той его статьи о Базельском конгрессе в газете «Réveil», которая вызвала особенное негодование Бакунина (см. следующий параграф). И вот все нападки на Бакунина, заключавшиеся в этой статье, были Либкнехтом выброшены, а вместо них от редакции сделано следующее примечание: «Здесь наш корреспондент приводит некоторые детали, которых мы не печатаем из партийных соображений».

Далее Либкнехт, правда, не перепечатал статей Бакунина из итальянской газеты 1867 года и его бернских речей 1868 года. Но зато Либкнехт сделал лучше: он перепечатал в своей газете последнее литературное произведение Бакунина, относящееся к 1869 году и достаточно ясно характеризующее его взгляды, а именно — его воззвание «Несколько слов молодым братьям в России», то самое, которое французская газета «Réveil», действительно задевшая Бакунина, отказалась поместить на своих столбцах (см. дальше). Более того, Либкнехт напечатал и письмо Нечаева, которое сознательно вводило в заблуждение европейскую публику. Но всего этого Бакунину показалось мало. Он как будто держался того мнения, что Либкнехту разрешается печатать исключительно вещи, говорящие в пользу его, Бакунина, и Нечаева, и категорически воспрещается давать место другим произведениям, критически по отношению к ним настроенным. Достаточно было Либкнехту поместить статью Боркгейма «Письмо Нечаева», в которой автор подверг сомнению ряд утверждений последнего, как Бакунин, говоря сти-

лем Гильома, схватил свое «хорошее перо» и написал письмо Альберу Ришару (1 апреля 1870 года), в котором между прочим говорил:

«Господин Либкнехт продолжает вести себя вероломно по отношению ко мне и вообще ко всем (?) русским революционерам. Правда, он перепечатал мои «Несколько слов к молодым братьям в России» и письмо Нечаева. Но вместе с тем он поместил против нас статью, одновременно глупую и подлую, написанную неким шутом по имени Боркгейм, мелким жидком, орудием Маркса. Заметь, что все эти враги, лающие на нас, — евреи: Маркс, Гесс, Боркгейм, Либкнехт (!), Якоби, Вейс, Кон, Утин и многие другие — евреи. Все они принадлежат к этой подвижной, интриганской, эксплоататорской и буржуазной по традиции и по инстинкту национальности [1]. Маркс, самый выдающийся среди них, обладает большим умом. Все остальные суть не что иное, как перепродавцы его идей в розницу. Маркс оказал социализму крупные услуги. Но вместе с тем следует признать, что это — человек крайне неужичивый, характер — отвратительный, тщеславный, раздражительный, завистливый, обидчивый, угрюмый, вероломный, способный на крайние низости, и величайший интриган, как, впрочем, все евреи. Я начал ряд писем в ответ всем этим еврейско-немецким шавкам. Я хочу раз навсегда покончить с ними. Первое письмо, уже законченное, переводится на немецкий язык и будет послано в «Volksstaat», социал-демократическую газету немецких рабочих, редактируемую Либкнехтом, после чего я напечатаю его по-французски в «Марсельезе» и в локльском «Прогрессе». Пожалуйста, обрати на эти письма внимание друзей».

Итак, несмотря на убийственную характеристику, данную им «вероломному» Либкнехту, которого сгоряча он даже зачислил в евреи, неизвестно только — крупные или мелкие, Бакунин решил для уничтожения еврейско-немецких шавок обратиться в первую очередь именно к марксистскому органу, редактируемому этим самым Либкнехтом! И последний был настолько низок, что... напечатал письмо Бакунина и притом немедленно (оно датировано 8 апреля 1870 года, а появилось в «Volksstaat» 16 и 20 апреля). Оно носит заглавие: «Письма о революционном движении в России» Михаила Бакунина. Бакунин написал всего одно это письмо, напечатанное в двух номерах либкнехтовской газеты.

Но оно не носило того характера, какого можно было бы ожидать на основании цитированного письма Бакунина к А. Ришару. Здесь нет ни громов против евреев-гигантов, ни молний против евреев-пигмеев.

[1] Мы уже и прежде встречались с антисемитскими выходками Бакунина. С этого момента они принимают гомерические размеры. Характерные образчики этого антисемитизма мы увидим еще не раз.

Оно посвящено характеристике русской учащейся молодежи в обычном бакунинском духе. В нем содержатся некоторые нападки на феодально-буржуазные элементы Германии. Но что касается «клеветников», то с ними только дано обещание разделаться в следующих письмах, которые не появились (повидимому, просто не были написаны), при чем эти клеветники не называются. По отношению же к самому «вероломному» Либкнехту, якобы оклеветавшему русских революционеров, Бакунин находит — и правильно — лишь слова признательности.

«Гражданин редактор! — начинает он. — Прежде всего примите мою благодарность за напечатание моего воззвания к русской молодежи и письма моего соотечественника Нечаева и еще более за вашу благожелательную оценку (курсив мой. — *Ю. С.*) происходящего ныне в России революционного движения. Это идущее из Германии признание является для нас новым событием, так как в вашей стране к нам вот уже многие годы относились лишь с антипатией, не говоря уже о той жалкой клевете, которою старались очернить заграничных представителей этого движения».

Более того, когда Нечаев, задетый вопросами, поставленными ему в статье Боркгейма, послал в «Volksstaat» резкое письмо, Либкнехт напечатал его, несмотря на то, что в этом письме Боркгейм был обруган по-нечаевски дураком, софистом, невеждой, лгуном и клеветником! [1]. Правда, затем Либкнехт в номере «Volksstaat» от 18 июля 1870 года солидаризировался в этом пункте с Боркгеймом, заявив, что все сказанное Боркгеймом о Нечаеве было подтверждено ему с самой компетентной стороны, и что Боркгейм заслуживает благодарности за разоблачение этого «скандального надувательства». Но иначе и невозможно было поступить. «Надувательство», допущенное Нечаевым (увы, и Бакуниным), было раскрыто русским революционером Г. Лопатиным (см. ниже), а вскоре его должен был признать и сам Бакунин, до того, несомненно, бывший соучастником этого надувательства и потому так горячо реагировавший на обиды, чинимые Нечаеву «мелким жидком» Боркгеймом.

От анархической легенды о «вероломстве» В. Либкнехта по отношению к Бакунину не остается и следа!

---

[1] Это добродушие Либкнехта даже удивило Энгельса, который 17 мая 1870 года писал Марксу: «Как он может печатать письмо Нечаева, состоящее из сплошной ругани и не содержащее ничего, кроме глупейших русских общих мест в духе Герцена, — совершенно непонятно» («Briefwechsel», том IV, стр. 289).

Глава третья.

ПЕРВЫЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СХВАТКИ.

1. С М. Гессом.

Какой смысл имеют слова Бакунина о том, будто Либкнехт об'явил его агентом русского правительства и шпионом, видно из того, как он оценивал направленную против его взглядов критику в других случаях, например в литературной полемике с М. Гессом [1] и Боркгеймом. Указание на его панславистские тенденции и критику его социалистических воззрений («русского коммунизма») он, ничтоже сумняшеся, приравнивал к обвинению в шпионаже! [2].

Негодование Бакунина против Морица Гесса должно было быть тем более сильным, что еще весной 1869 года он, учитывая тогдашнее расхождение Гесса с Марксом, рассчитывал привлечь его на сторону Альянса. Это видно из письма Бакунина к Гильому от 11 марта 1869 года, где он, сообщая своему приятелю адреса людей, которых можно привлечь к сотрудничеству в локльском «Прогрессе» (об этой газете см. выше), писал: «Есть еще один парижский адрес, я вышлю тебе его на-днях: это Мориц Гесс, немец, такой же образованный, как и Маркс, но более практичный и в известном смысле создавший последнего; его

---

[1] Гесс, Моисей, или Мориц (1812—1872) — немецкий социалист, один из представителей германского утопического, так называемого «истинного» социализма; журналист; то присоединялся к коммунистам, то полемизировал с ними, особенно с Марксом и Энгельсом; в 1849 году за участие в Баденском восстании был заочно приговорен к смерти, эмигрировал и получил возможность вернуться в Германию только в 1862 году. В 1863 году он примкнул к Лассалю, но затем снова стал склоняться к Марксу.

[2] А ведь с тех пор не кто другой, как русские революционеры, подвергли социалистическую систему Бакунина критике куда как более резкой, чем Гесс и т. п. Это ничуть не мешало им признавать революционные заслуги Бакунина и относиться к нему с большим уважением, несмотря на все его недостатки и промахи.

корреспонденции будут ценны». И вдруг этот самый Гесс, которого Бакунин, видимо, считал человеком, окончательно порвавшим с Марксом, напечатал 2 октября 1869 года в парижской газете «Le Réveil», выходившей под редакцией будущего члена Коммуны Делеклюза, статью «Коммунисты и коллективисты на Базельском конгрессе», которая в полном смысле слова вывела Бакунина из себя. Как указывает сам Бакунин, эта статья так сильно задела его потому, что появилась во французской газете, и таким образом впервые во французской прессе против него раздалось обвинение в панславизме, а, как мы увидим ниже, на Францию Бакунин тогда возлагал главные свои надежды в смысле социальной революции и сближение с французскими социалистами ценил особенно высоко, так что всякий подрыв его морального влияния среди передовых элементов этой страны должен был казаться ему особенно чувствительным.

Нужно заметить, что, приступая к критике бакунинских идей, Гесс, может быть, именно потому, что после базельского суда чести он уже знал, как болезненно реагирует Бакунин на упоминание о его панславистских тенденциях, поспешил специально оговорить в своей статье, что он ни в какой мере не заподозривает революционной честности Бакунина и не приписывает ему никаких скрытых задних мыслей в отличие от Швейцера, которого тогда считали агентом Бисмарка. А дальше он обвиняет Бакунина, вождя «русского коммунизма», в панславистских тенденциях, говорит, что его сторонники так же мало сознают, что они работают в пользу панславизма, как сторонники Швейцера, что они работают в пользу прусского пангерманизма; напоминает о конфликте Альянса с Интернационалом, о попытке Бакунина изменить программу и организацию Международного товарищества рабочих и замечает, что вместо открытого боя Бакунин предпочел формально подчиниться требованиям Генерального совета, а на деле тайком подрывать организацию, с которою бороться открыто он не сумел или не посмел; наконец, резко характеризует его поведение на Базельском конгрессе, где, выдвинув на первый план вопросы об отмене права наследования и анархической социальной ликвидации, он хотел такими демагогическими приемами создать себе собственную партию и увлечь конгресс в сторону изменения принципов и руководства Интернационала.

Верны ли эти обвинения или нет (а мы знаем, что в значительной своей части они совершенно верны, несмотря на то, что и Гесс, подобно Либкнехту, в тот момент ничего не знал, а мог только догадываться о существовании тайного Альянса), удачно ли они сформулированы или

нет, — это другой вопрос [1]; но все это не выходило за пределы обычной литературной полемики и идейного спора. Ничего оскорбительного для личной чести Бакунина, никакой «низкой клеветы» здесь не было, никаких позорящих инсинуаций в статье не содержалось. Но Бакунин, проявлявший в этом отношении совершенно ненормальную чувствительность, понял дело не так. Схватившись за перо, он начал писать письмо в редакцию «Le Réveil», которое быстро разрослось в целую брошюру «Исповедание веры русского демократа-социалиста», первая вводная глава которой носила несколько неожиданное заглавие: «Этюд о немецких евреях» [2].

И вот замечательно, что, изложив перечисленные выше обвинения, содержащиеся в статье М. Гесса, Бакунин делает из них совершенно ни на чем не основанный вывод: «Эти обвинения могут означать только одно, они могут иметь только следующее значение: Бакунин — агент-провокатор русского правительства, шпион (курсив автора). Таков единственный смысл статьи». И дальше он вступает в борьбу с этим призраком собственного воображения и начинает доказывать несправедливость утверждения, будто он, Бакунин, является «тайным агентом петербургского правительства» («Oeuvres», том V, стр. 265—266 и след.).

Итак, слова «шпион», «агент русского правительства» и т. п. принадлежат не Либкнехту, не Гессу и не Боркгейму, а самому Бакунину. Это необходимо заметить раз навсегда, чтобы не поддаваться анархической легенде, усердно поддерживаемой бесчисленным количеством крупных и мелких анархических писак, которые упорным повторением этой лжи вколачивают ее в головы публики, не знакомой с источниками. Никогда такого обвинения против Бакунина не выдвигали ни Маркс [3], ни связанные с ним деятели рабочего движения, ни те про-

---

[1] Гесс, например, называл Бакунина «русским патриотом», говорил о том, что конфликт на Базельском конгрессе был столкновением цивилизации с варварством, и тому подобные благоглупости. Но все же это не оправдывает той формы полемики, которую избрал Бакунин.

[2] Брошюра осталась незаконченной: написана была только первая глава, напечатанная в 1911 году в V томе «Oeuvres». В «Избранные сочинения» Бакунина, издаваемые русскими анархистами, она пока не вошла (случайно или преднамеренно, не знаем).

[3] Кстати, как относился Маркс к попыткам представить Бакунина агентом русского правительства, видно между прочим из письма его к Энгельсу от 4 октября 1867 года. Сообщив об уходе Коллетта из английского журнала «Дипломатическое Обозрение» и об изменении в связи с этим характера издания, Маркс продолжает: «Последний номер глуп до-нельзя. Гарибальди

тивники Бакунина, которых он и его последователи называли «агентами Маркса», хотя бы те таковыми вовсе не были (в частности это относится к Гессу и Борктейму). Единственное обвинение такого рода можно было бы усмотреть в цитированных выше словах Грейлиха в цюрихской «Tagwacht», относящихся к 1872 году, когда работа Бакунина успела уже привести к расколу в Интернационале. Но и у Грейлиха сказано не то, что Бакунин был тайным агентом русского правительства, а то, что никакой платный агент не мог бы причинить такого вреда рабочему движению, какой принес он. Опять-таки, верно это утверждение или нет, — это другой вопрос, но даже оно не имеет такого смысла, какой анархисты влагают в уста противников Бакунина. Вольно же было ему всякое указание на его панславистские стремления (пусть ошибочное) или на происки Альянса принимать за обвинение в шпионаже. Это просто какая-то ненормальность! [1].

Итак, что же Бакунин счел нужным ответить на вполне определенные политические обвинения М. Гесса? «Этюдом о немецких евреях», захвативших, дескать, германскую прессу и специализировавшихся на «самых гнусных, нелепых и грязных личных нападках, составляющих их средство к существованию и повседневное занятие»! Бакунин, правда, уверяет, что он отнюдь не является «врагом или хулителем евреев», но тут же забывает об этом и пускается в философию истории, которой мог бы позавидовать самый завзятый идеолог черной сотни.

об'является здесь «простым бандитом, атеистом, глупцом» и пр., напротив, орлеанский епископ Дюпанлу провозглашается великим человеком нашего времени... Конгресс Мира в Женеве сфабрикован-де русскими, которые также послали туда своего «сильно подержанного агента, Бакунина». Мне кажется, что песенка «Дипломатического Обозрения» спета» («Briefwechsel», том III, стр. 412). Об'явление Бакунина агентом русского правительства Маркс считал такою же глупостью, как и об'явление Гарибальди бандитом, а католического архиерея великим человеком. Кажется, ясно? Но это, конечно, не помешает кому следует уверять, что именно Маркс об'являл Бакунина шпионом лично и через своих подручных, не будучи в силах бороться с ним на идейной почве!

[1] Может быть, это об'ясняется тем, что такие слухи распространялись в частных беседах? Нам это неизвестно, хотя возможность этого не исключена. Мало ли что говорится в четырех стенах. Но публично такие подозрения не высказывались. Не действовал ли тут скорее страх Бакунина, что кому-то стали известны подробности его освобождения из крепости и его сибирской жизни? Такие опасения действительно должны были настраивать Бакунина на болезненный лад и заставлять его подозревать в словах противников нечто недосказанное.

«Натура современных евреев не располагает их к настоящему социализму. Их история, задолго до христианской эры, привила им чисто меркантильные и буржуазные тенденции, так что, рассматриваемые как нация, они являются по преимуществу эксплоататорами чужого труда, и им присущи естественный страх и отвращение к народным массам, которых они вдобавок явно или втайне презирают. Привычка к эксплоатации, вполне овладевая интеллектом эксплоататора, придает ему исключительное, пагубное направление, решительно противоречащее интересам и инстинктам пролетариата.

«Я хорошо знаю, что, высказывая так откровенно мою заветную мысль о евреях, я подвергаюсь огромной опасности. Эту мысль разделяют многие, но мало кто решается выразить ее открыто, ибо еврейская секта, гораздо более могучая, чем секта католических и протестантских иезуитов, располагает ныне в Европе действительной силой. Она деспотически царит в торговле, в банках и захватила на три четверти германскую прессу и значительную часть прессы других стран. И горе тому, кто умудрится не угодить ей!»

Бакунин оговаривается, что он не направляет своих обвинений против еврейской нации в целом. Он делает несколько почетных исключений для таких евреев, как Иисус Христос (!), апостол Павел (!!) и Спиноза — в прошлом, Маркс и Лассаль — в настоящем. «Но, — продолжает он, — на-ряду с этими евреями-гигантами имеется масса евреев-пигмеев, к числу коих принадлежит и Мориц Гесс» [1]. И затем идет убийственная характеристика «осиного гнезда», которое Бакунин, дескать, неосторожно разворошил. Ненависть этих мелких еврейчиков к его особе Бакунин об'ясняет своим р у с с к и м происхождением!

По существу вопроса Бакунин заявляет, что ненавистная европейским демократам Российская империя представляет государство «татарско-немецкое, а отнюдь не русское». Он признает, что она подлежит разрушению, и что он, Бакунин, горячо за это стоит, и уже в 1849 году в своем «Воззвании к славянам» определенно высказался в таком смысле. Никакого панславизма в нем никогда не было ни грана. Все это

---

[1] Гильом, прошедший антисемитскую школу Бакунина, в своих комментариях к этому произведению спешит пояснить, что настоящее имя Гесса было не Мориц, а Моисей! Это, конечно, весьма важно. Брошюру Бакунина Гильом считает замечательным произведением. Прочитав статью Гесса, Бакунин, по его словам, «рассердился — и было за что — и схватил свое доброе перо, чтобы написать своими лучшими чернилами ответ» («Oeuvres», том V, стр. 224). Повидимому, русские анархисты не разделяют этих восторгов Гильома; по крайней мере, они не спешат опубликовать это «замечательное произведение» по-русски.

ложь и глупость. И дальше Бакунин доказывает, что он никогда не хотел нарушать интересы Интернационала [1].

Заметив, что ответ слишком разросся, Бакунин решил выпустить его отдельной брошюрой. Послав А. Рею первую ее часть и порекомендовав ему обратиться к Герцену, с которым тот не был до того знаком, Бакунин одновременно (18 октября 1869 года) написал для редакции «Réveil» краткое письмо с просьбою опубликовать как это письмо, так и воззвание «Несколько слов к молодым братьям в России» (см. ниже). В этом коротком письме Бакунин снова повторяет ту же навязчивую мысль, которая возникала в его голове каждый раз, когда нападали на его действительный или мнимый панславизм. «Если бы, — говорил он, — десятая часть его (Гесса) слов была верна, то я был бы, по меньшей мере, крайне опасным панславистом, агентом русского правительства, шпионом». Он все время ставит знак равенства между этими понятиями, а между тем, напр., Герцен, который, как мы знаем, тоже подсмеивался над крайностями бакунинских славянских мечтаний и над его надеждами «полонить» Австрию с помощью Муравьева (чего, к его счастью, противники его в то время не знали), вовсе не делал отсюда вывода, что Бакунин — шпион и т. п. [2].

---

[1] В этом письме имеется интересное место, в некотором смысле пророческое. Обращаясь к «европейско-немецким буржуа», т.-е. к Гессу и подобным, Бакунин приглашает их в Россию, говоря, что там найдется место для всех, и прибавляет: «Но, приходя к нам, откажитесь от надежды навязать нам ваши благоустроенные правительства и вашу буржуазную цивилизацию. Мы их не хотим и собираемся разрушить и те их немногие элементы, которые к нам ввезли от вас. Ту «высшую культуру», которою хвастают немцы, и непочтительное отношение к которой они нам ставят в упрек, мы действительно презираем, ибо мы судим о ней по ее делам... Да, если бы не было в Европе под гниющим буржуазным миром многочисленного пролетариата, способного омолодить и оживить европейский мир, — пролетариата, который почти столь же чужд вашей государственной политике, вашей метафизической морали и вашей римской юриспруденции, как и сам русский народ, мы поистине подумали бы, что конец Европы наступил. Но мы этого не думаем и ждем, что восстание пролетариата в Европе подает сигнал к народному восстанию в России. Но если рабочие Запада слишком долго будут медлить, то им подадут пример русские крестьяне. В России народная революция становится все более неизбежной, и одним из первых ее последствий будет разрушение Всероссийской империи». Бакунин только не предвидел, какую роль сыграет в этой революции русский п р о л е т а р и а т.

[2] Это Герцен писал как раз после Базельского конгресса. Хваля Бакунина за его новое направление и за работу в Интернационале (хотя и не одобряя его анархизма) и имея в виду его интернационалистические декларации, Герцен в письме к Огареву от 18 сентября 1869 года говорил:

Тогда же, 18 октября, он послал письмо Герцену, в котором говорил:

«Любезный Герцен! Я послал через О[зеров]а к моему хорошему приятелю Aristide Rey начало писания, пожалуй, небольшой книжки с разными апендиксами (приложениями), под громким названием «Profession de foi d'un démocrate-socialiste russe précedée d'une étude sur les Juifs allemands».

«I chapitre (глава) готов, II, III и IV пишутся и пойдут как по маслу.

«Первая глава, полемическая против немецких жидов, покажется тебе, может быть, слишком сыра, слишком груба. Предоставляю тебе полное право, не изменяя, разумеется, содержания и смысла, переменить форму, кой-где смягчить, а кой-где и посолить, ведь у тебя афинской, злой соли больше, чем у меня, — уверенный, что жидам сделается от этого не легче, а хуже. Ну, остальные главы будут гораздо серьезнее. Это род мемуаров или, скорее, отчета за последние шесть лет. Что же касается до беспардонного направления, то оно должно остаться всецело, не только по содержанию, но и по форме. Ведь ты давно знаешь, что это моя природа, а природы не переменишь...

«Теперь вот еще в чем дело: Rolin, твой знакомый, обнадеживает меня, что книгоиздатель Dentu возьмется с радостью издать эту книжку и, может быть, даже кое-что заплатит.

«Я подробно писал об этом Рею и просил его пойти к тебе от моего имени с О[зеро]вым, дабы потолковать с тобой об этом предмете. Помоги, Герцен, и приложи совет и руку. Рей тебе понравится, он малый умный и честный. Направь же его и научи, как лучше устроить дело».

Рей побывал у Герцена, показал ему письмо в редакцию (короткое) и начало брошюры. Герцену все это не понравилось («зачем толки о расах, жидах?» — писал он 21 октября Огареву). Вместо письма Бакунина он сам составил другое, короткое и сдержанное, и вместе с воззванием «Несколько слов» понес его в газету. «Делеклюза, как всех редакторов, не было дома. Я стал об'яснять какому-то NN дело, как вдруг отворилась дверь, и вылетел из алтаря Делеклюз... Он, не говоря худого слова, пошел костить Бакунина. Я, не говоря ни одного хорошего, заметил, что дело совсем не в его мнении, а в том, что в

«Изменять ошибки должно. Бакунин был отчаянным панславистом, националистом, хотел Амурским-Муравьевым Австрию заполонить». Кстати, здесь же он выражается отрицательно о выступлении Бакунина в Базеле по поводу отмены права наследования, считая его ответ насчет крестьян неудачным.

статье Гесса инсинуации (хотя, право, из-за этой статьи не стоило ершиться). «Я, — говорит сенатор Озеров [1], — не намерен печатать элукубрацию (разглагольствования.—*Ю. С.)* Бакунина, он делает страшный вред; какой он представитель французских работников? [2]. Мы будем до конца сил бороться с этими теориями. Пусть у вас они хороши, но Европе не идут. Вы, т.-е. русские, умеете как-то согласовать коммунизм с царским самодержавием» etc. — «Где же вы это видели?» — Разумеется, он ничего не видел, кроме Ледрю [Роллена]... A la fin des fins (т.-е. в конце концов) Делеклюз сказал, что он никогда не думал лично оскорблять Бакунина, что если «он», т.-е. Бакунин, так думает, то напечатает мое письмо» (Герцен — Сочинения, том XXI, стр. 504—505).

Это письмо Герцена, датированное 19 октября 1869 года, было действительно напечатано в «Réveil» от 22 октября. Оно гласило: «В одном из номеров вашей уважаемой газеты вы поместили статью г. Гесса, которая намекает на странное совпадение учения Бакунина со взглядами петербургского правительства. С помощью такого оружия немцы нападают на нашего друга и на всех нас не в первый раз. Я не скажу ни слова для защиты нашего друга против этих прозрачно-темных инсинуаций. Но я даю вам возможность лучше познакомить ваших читателей с Бакуниным. Я посылаю вам его воззвание, с которым он несколько месяцев тому назад обратился к русской молодежи. Я уверен, что не все разделят решительные убеждения Бакунина, но я еще более уверен в том, что это не убеждения петербургского правительства» [3].

Редакция сопроводила это письмо следующим примечанием: «Нам незачем приводить статью, возбудившую неудовольствие нашего корреспондента, чтобы заявить, что никогда ее автору не приходила в голову мысль задеть политическую честность г. Бакунина. «Réveil» выступал против теорий Бакунина, он при случае и впредь будет против них выступать, охотно признавая вместе с тем энергичные убеждения этого горячего противника русского императорского деспотизма. Смеем также уверить нашего уважаемого корреспондента, что для нападок

---

[1] Московский сенатор П. И. Озеров, знакомый Герцена, с которым он иронически сравнивает здесь Делеклюза.

[2] Бакунин на Базельском конгрессе имел мандат от лионских работниц (мотальщиц шелка).

[3] Воззвание Бакунина к русской молодежи в «Réveil» не появилось. Рей устроил его в «La Réforme», выходившей тогда под редакцией Вермореля (впоследствии тоже члена Коммуны).

такого рода, какие вызвало его возражение, не нашлось бы места на столбцах газеты Réveil».

Бакунин признал эту декларацию «лояльной». Все это только показывает, что его болезненная чувствительность раздула обычный в литературной полемике инцидент, и что он столь же превратно истолковал критические замечания Гесса, как до того перетолковал слова Либкнехта. Да и Герцен не вычитал из статьи Гесса того, что в ней увидал Бакунин, и даже удивлялся той горячности, с которой Бакунин почему-то вздумал реагировать на эту статью.

Повидимому, Герцен в недошедшем до нас письме к Бакунину высказал свое удивление по поводу того, что тот нападает на мелочь, вроде Гесса и Боркгейма, оставляя в стороне их «вдохновителя» Маркса (в этом одинаково были уверены и Герцен, и Бакунин). На это Бакунин ответил характерным письмом от 28 октября 1869 года. И вот что он там между прочим писал:

«Насчет Маркса вот мой ответ. Я знаю так же хорошо, как и ты, что Маркс точно так же виноват против нас, как и все другие, и даже, что он был зачинщиком и подстрекателем всех гадостей, взводимых на нас. Почему же я его пощадил и даже похвалил, назвав великаном? По двум причинам, Герцен. Первая причина — с п р а в е д л и в о с т ь. Оставив в стороне все его гадости против нас, нельзя не признать — я, по крайней мере, не могу не признать — за ним огромных заслуг по делу социализма, которому он служит умно, энергически и верно вот уж скоро 25 лет, с моего ? [1], и в котором он, несомненно, опередил нас всех. Он был одним из первых, чуть ли не главным основателем Интернационального общества. А это в моих глазах заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы он против нас ни делал.

«Вторая же причина — п о л и т и к а и, по-моему, совершенно верная т а к т и к а. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохим политиком. Не сочти за самолюбие, если я тебе скажу, что ты ошибаешься. Дело в том, что ты меня судил и судишь по моим действиям в цивилизированном обществе, в буржуазном мире, и в самом деле я обращаюсь в этом мире без всякого расчета и без малейшей церемонии с ругательною б е с п а р д о н н о ю откровенностью.

«Но знаешь, почему я с ним так поступаю? Потому что я не ставлю его в грош, не признаю в нем более никакой производительной поступательной силы. Знаю очень хорошо, что материальных средств и

---

[1] Так напечатано у Драгоманова; повидимому, здесь стояли неразобранные Драгомановым слова «знакомства с ним» или что-нибудь подобное.

организованной государственно-рутинной силы у него еще достаточно, гораздо более, чем бы желательно было. Но с этой силой надо бороться, ее надо разрушить; с ней невозможны ни примирения, ни сделки, потому что она в действительности ничего более уступить не может, не может шага сделать вперед и силою вещей теснится назад. Бороться с нею прямо, открыто, беспардонно может быть для лица опасно и сопряжено для борющегося с большими неудобствами и неприятностями,— я это отчасти испытываю на себе, — но для дела, для народного дела полезно и необходимо... Но ты ошибаешься очень, если заключишь, что я так же нерасчетливо или, вернее, с т е м ж е расчетом обращаюсь в мире рабочих. Это единственный мир, в который я верю на Западе, точно так же, как [у нас в] мир мужицкий и грамотный мир беспардонных юношей, не находящих себе ни места, ни возможности занятия в России, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или бессознательно, т.-е. по положению, принадлежащих революции, которых ты до сих пор еще мне простить не можешь. В этом ч е р н о м мире, единственной почве, на которой построится будущее, я... признаю и политику, и тактику, изучаю внимательно все его сильные и слабые стороны, равно у м н о с т и, как и глупости, и стараюсь соображаться с ними так, чтобы и дело народное подвигалось, — это, разумеется, главная и первая цель, — но также и так, чтоб и мое положение в нем укреплялось. Мое обращение с Марксом, который меня терпеть не может, да, я думаю, и никого, кроме себя и разве близких своих, не любит, моя политика и тактика с ним да служит тебе на это доказательством.

«Маркс, несомненно, полезный человек в Интернациональном обществе. Он в нем еще до сих пор один из самых твердых, умных и влиятельных опор социализма, одна из самых сильных преград противвторжения в него каких бы то ни было буржуазных направлений и помыслов. И я никогда не простил бы себе, если бы для удовлетворения личной мести я уничтожил или даже уменьшил его, несомненно, благодетельное влияние. А может случиться и, вероятно, случится, что мне скоро придется вступить с ним в борьбу не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники. Ну, тогда будем драться не на живот, а на смерть. Но все в свое время, теперь же время еще не пришло.

«Я пощадил и превознес его также из т а к т и к и, из личной политики. Как же ты не видишь, что все эти господа вместе, наши враги, составляют фалангу, которую нужно прежде раз'единить, раздробить,

чтобы легче ее разбить? Ты ученее меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказал «Divide et impera» [1]. Если б я пошел теперь открытою войною против Маркса, три четверти интернационального мира обратились бы против меня, и я был бы в накладе, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начав же войну нападением на его сволочь, я буду иметь за себя большинство, да и сам Маркс, в котором, как тебе известно, злостной радости (Schadenfreude) тьма-тьмущая, будет очень доволен, что я задел и отделал его друзей. Ну, а когда я ошибусь в расчете, и он за них вступится, то ведь он первый начнет открытую войну, ну, тогда и я покачуть назад et j'aurai le beau rôle [2]. Зачем я напал так жестоко на Гесса? А потому, что он сделал первую попытку перенести пакостные клеветы против нас во французскую журналистику (курсив мой).

«Ну, теперь поговорим о моем писании, брошюре-книге. Батюшка, Александр Иванович, будьте крестным отцом этого безобразного сочинения, его умывателем и устроителем. Издать его сделалось для меня, по всему настоящему положению, просто необходимостью. Но я не художник, и литературная архитектура мне совсем не удалась, так что я один, пожалуй, с задуманным зданием не справлюсь, или выйдет так, как рассказывают про кого-то, что он построил сначала дом, а потом стал выбивать в нем двери и окна.

«I-ая маленькая глава, étude sur les Juifs allemands, не составляет сути: это только род полемического предисловия. Главная цель — рассказать и об'яснить мою деятельность за последние шесть лет и сопровождавшее ее развитие политико-социальной мысли. Я знаю, что в книге будет много хорошего. А ты вот в каком смысле будь моим благодетелем и крестным отцом, — не как идеалист, как реалист. Если б ты стал действовать как идеалист, то ты начал бы с того, что выбросил бы в окно всю мою натуру, так не подходящую к твоим привычкам и воззрениям, и заместо моей книги издал бы свою. Но, как реалист, ты скажешь себе: «что делать с ним, ведь старика не переделаешь: chassez le naturel, il reviendra au galop [3]. Так постараюсь только сгладить и уменьшить по возможности его естественные недостатки. Пусть он строит дом по-своему, а как у него нет эстетики, ни архитектурного умения, то не он, а я буду выбивать в нем окна и двери. Все же будет лучше, чем если он сам возьмется за эту работу». Работа скучная,

---

[1] Разделяй и властвуй.

[2] И положение мое будет выигрышным.

[3] Гони природу в дверь, она влетит в окно.

я знаю, но возьмись за нее, я не говорю по старой дружбе, а по старой привычке жить вместе, действуя иногда врозь и иногда не переставая спорить друг с другом, но вместе и уважать друг друга. Такая привычка, образовавшаяся не в мире пошлостей, а высших человеческих интересов, стóит дружбы.

«Дело вот в чем. По немногим листам, присланным мною тебе, ты еще не можешь, отнюдь не можешь судить о предполагаемой мною книге. Подожди немного; на-днях пошлю тебе больше листов, и когда понятие твое окончательно составится, ты скажешь мне, что ты можешь, что ты хочешь сделать, как в литературном, так и в материально-административном отношении, в пользу появления этой книги. Работа, если ты за нее возьмешься, будет отчасти тяжелая, но, с другой стороны, и не лишенная интереса. Читая мое писание, ты, может быть, возгоришься благородным рвением, отчасти негодованием и решишься предпослать ему Préface [1], не ругательное, разумеется, и не абсолютно отрицающее, — тогда бы нужно было напечатать его особенно — одобряющее отчасти, а отчасти протестующее. Я бы отвечал в Postepréface [2], а Огарев в jury d'honneur [3] произнес бы свой приговор. Книга выйдет, пожалуй, странная, нечто вроде Notre Dame de Paris [4], не гюговская, а парижская, но все-таки интереснее и значительнее произведений напомаженного радикализма и приличного социализма. Если bourgeois [5] от нее отворотятся, то работники станут читать, — за это я отвечаю. А для меня этого будет достаточно, потому что для меня, повторяю еще раз, нет другой публики».

Хитроумная дипломатия эта Герцена не убедила, а грубо антисемитские выходки Бакунина совсем ему не понравились. Он немедленно ответил следующим письмом [6], в котором между прочим говорил:

«Политика твоя мне не нравится. В Маккиавелли ты не годишься с твоими divide. Я никак не могу согласиться на то, чтоб, по примеру русской цензуры, дозволять ругать титулярных советников и не бранить генералов. Маркса просто ты не хочешь зацепить, чтоб не попортить

---

[1] Предисловие.

[2] Послесловие к предисловию.

[3] Суд чести, третейский суд.

[4] Собор Парижской Богоматери.

[5] Буржуа.

[6] Ответ Герцена в издании Лемке (т. XXI, стр. 509) помечен 28 октября. Но и письмо Бакунина датировано у Драгоманова тоже 28 октября. Здесь какая-то ошибка. Письмо Бакунина из Женевы могло быть получено Герценом в Париже только на следующий день. Следовательно, или письмо Бакунина было послано 27-го, или ответ Герцена написан 29 октября.

свое отношение. Хорошо, ну, так оставь же Гесса и К°. Это — совет и мнение. Далее, что ты так кипятишься? Статья Гесса никем не была замечена и бесследно ухнула. Письмо мое к Делеклюзу... покончило вопрос... Совет мой таков. Рукопись... со всеми приложениями я тебе пришлю; переправь впрохолодь первую часть, выдумай всему громкое заглавие, не обижая Маккавея и Ротшильда, и потом передай Чернецкому... Когда будет все на мази, я помещу в десяти журналах анонсы... Пожалуй, оставь жидовскую улицу, как она есть, но совет мой: все же обдумай».

Ничего из этого плана Бакунина в тот момент не вышло. Всякую его попытку приступить к мемуарам преследовал какой-то злой рок. Сразу он от этой мысли, впрочем, не отказался. 4 января 1870 года он пишет Герцену, что «в редкие свободные минуты пишет книгу-брошюру об упразднении государства», а 7 января сообщает Огареву, что «задумывает и приступает к книге о низложении государства и всех государственных порядков». Последнее сообщение несколько противоречит первому, которое говорит не только о замысле, но и о частичном выполнении. Как бы там ни было, эта книга вышла только в 1873 году под заглавием «Государственность и Анархия».

2. С С. Л. Боркгеймом.

Из всех мелких «немецких еврейчиков», бывших якобы «подручными» Маркса, особенно ненавистен был Бакунину С. Л. Боркгейм, которого и другие анархистские писатели выставляют в виде человека, имевшего бесстыдство публично об'являть Бакунина агентом русского правительства и шпионом, да и вообще систематически оплевывавшего в своих газетных статьях русских революционеров. В цитированном письме к редакторам «Réveil» Бакунин выражается о нем так: «Боркгейм, немецкий еврей, друг Гесса, еще в большей степени, чем последний, сделал себе из клеветы против меня ремесло... Этот Борктейм — странный человек, какой-то маньяк, настолько ненавидящий Россию и русских, что изучил русский язык. Изучил он его не очень-то важно, но в мере, достаточной для того, чтобы сойти в глазах своих соотечественников за ученого русского языковеда». В этом-то и заключался корень дела: у Боркгейма, знавшего русский язык, было перед другими немецкими демократами то преимущество, что он, во-первых, имел некоторое понятие о русских общественных течениях и знал, кроме Бакунина и Герцена, таких русских социалистов, как Чернышевский, а, во-вторых, был знаком с литературной деятельностью Бакунина в на-

чале 60-х годов и потому был убежден, что Бакунин был панславистом не только в сороковые годы, но и гораздо позже. Это свое убеждение он высказывал с тем большей уверенностью, что, подобно другим европейским демократам, считал царскую Россию опаснейшим врагом мировой свободы и признавал обязанностью прогрессивной журналистики разоблачать всех вольных или невольных пособников петербургского правительства. Панславистов, даже революционных, он относил к числу таковых, а отсюда понятно то упорство, с которым он преследовал Бакунина своими разоблачениями.

Что у Боркгейма были свои чудачества, что в роли разоблачителя он впадал подчас в смешные преувеличения, что ему свойствен был душок некоторого руссофобства, присущего вообще тогдашним немецким — и не только немецким — демократам и в значительной мере об'яснявшегося контр-революционной ролью российского царизма, что, наконец, в своих кампаниях против российского империализма он — тоже невольно, быть может, — служил интересам империализма германского, — этого мы отрицать не намерены. Эти недостатки Боркгейма Бакунин довольно метко охарактеризовал в своих выступлениях против него. Но Боркгейм был прав постольку, поскольку он указывал на вредные панславистские тенденции в писаниях Бакунина, относящихся к началу 60-х годов. Он неправ был только в том отношении, что не хотел считаться с дальнейшим изменением взглядов Бакунина, с его отказом от панславизма, даже в его революционной оболочке, с его переходом на интернационалистическую позицию в конце 60-х годов. И не хотел потому, что не верил в искренность этой эволюции Бакунина, усматривая в его анархических выступлениях лишь новую форму тех же старых стремлений, враждебных, по мнению Боркгейма, западной «цивилизации». Страх перед таинственным восточным колоссом ослеплял Боркгейма, и ничто не в состоянии было рассеять его подозрительного отношения к Бакунину, который, нужно это прибавить, своим немцефобством, своей проповедью расовой вражды, своей столь же огульной хулой на все немецкое способен был лишь питать подозрения упрямого ненавистника «русского медведя».

Единственный раз Бакунин встретился с Боркгеймом в 1867 году на Женевском конгрессе Лиги мира и свободы. Здесь Боркгейм произнес (хотя не успел закончить) резкую речь, направленную против царской России и в интересах обеспечения мира требовавшую организации против нее крестового похода европейских держав. Эту же речь он вскоре после того издал отдельной брошюркой под претенциозным заглавием «Мои перлы перед Женевским конгрессом». Бакунин был уве-

рен, что эта речь выражает взгляды Маркса и чуть ли не внушена им, как, впрочем, и другие писания Боркгейма. На самом деле это было вовсе не так.

Как видно из письма Маркса к Энгельсу от 4 сентября 1867 года (того самого письма, в котором он так резко выражается о Лиге мира, и которое мы цитировали во II томе), Боркгейм прислал ему из Берна в Лондон черновик своей речи с просьбою сделать свои замечания на полях. Что ответил ему Маркс на эту просьбу, мы в точности не знаем, но из письма Маркса к Кугельману от 15 октября 1867 года можно заключить, что Маркс, зная недостатки Боркгейма, указал ему на необходимость осторожности и такта. «Уж очень, — пишет он, — меня раззадорила мысль о том скандале, который наш друг вызовет среди почтенных женевских филистеров. Не предвидел я только того, какие плоды принесет это издание речи. Кроме того, я должен был принять в соображение, что Боркгейм при разработке своего плана не сможет удержаться в тех благоразумных границах, которые я указывал ему в моем письме».

Итак, план речи и самая разработка его принадлежали не Марксу, а самому Боркгейму. Маркс только указал ему границы, в которых надо было держаться. Но, как Маркс и предвидел, Боркгейм в этих «благоразумных границах» не удержался, а затем пожелал еще увековечить свою речь.

Маркс был этой речью крайне недоволен и даже опасался, чтобы враги его не использовали ее против него (как это действительно и случилось). Вот что он писал по этому поводу д-ру Кугельману 11 октября 1867 года:

«Я боюсь, что Боркгейм против своей воли готовится сыграть со мною злую шутку. Он печатает свою женевскую речь на четырех языках: французском, немецком, английском и русском. Кроме того, он снабдил ее причудливым и безвкусно переполненным цитатами предисловием. Между нами — и в интересах партии — я должен сказать вам всю правду. Боркгейм — дельный и даже остроумный человек. Но когда он берет в руки перо — увы! У него нет ни такта, ни вкуса. У него нет необходимого образования. Он похож на дикаря, который думает, что украшает свое лицо, татуируя его всевозможными кричащими красками. Банальности и комичные фразы попадаются у него постоянно. Почти каждая фраза невольно наряжается у него в дурацкий колпак. Если бы он не был так безгранично тщеславен, я бы мог не допустить появления этого издания и выяснить ему, что, к счастью для него, в Женеве его не поняли, а поняли только некоторые остроты из его речи. С дру-

той стороны, я обязан ему за его помощь в деле Фохта [1] и считаю его своим личным другом. В его речи есть некоторые фразы, в которых он излагает мои взгляды в прямо юмористическом виде (курсив мой. — *Ю. С.*). Для моих врагов (Фохт в «Neue Züricher Zeitung» намекнул уже, что в сущности я — автор этой речи) будет чрезвычайно выгодно, вместо того, чтобы критиковать мою книгу [2], сделать меня ответственным за господина Боркгейма, за его глупости и за принадлежащие ему лично выходки. Если что-нибудь подобное произойдет, вы должны будете через Варнебольда и т. п. поместить в доступных вам газетах коротенькие статейки, раскрыть в них эту тактику и, не обижая нигде Боркгейма, сказать все-таки прямо, что только с недобросовестной целью или при полнейшем отсутствии критики можно отождествлять такие различные вещи... Если бы Боркгейм не был моим личным другом, я бы открыто дезавуировал его» [3].

Бакунин, однако, думал (подобно Фохту и т. п.), что речь эта внушена была Боркгейму Марксом. Да и что удивляться Бакунину, не знавшему этой закулисной стороны боркгеймовского выступления и вообще имевшему неправильное представление об антураже Маркса, если Гильом, после ознакомления с цитированными сейчас письмами Маркса к Кугельману и на основании этих писем, позволяет себе утверждать («L'Internationale», том I, стр. 51, и «Oeuvres de Bakounine», том V, стр. 255—256), будто Маркс был «инспиратором» речи Боркгейма, а сама речь эта была произнесена согласно «инструкциям» Маркса!

Еще меньше истины в другом утверждении Бакунина и его последователей (Неттлау, Гильома и т. п.), будто статьи Боркгейма, якобы шельмовавшие и позорившие Бакунина и вообще русских революционеров, внушены и подсказаны ему Марксом, дескать, прятавшимся за кулисами и оттуда дирижировавшим клеветнической кампанией против Бакунина, с которым он не мог, дескать, справиться лояльными средствами.

«В 1868 году, — рассказывает дальше Бакунин, — г. Боркгейм снова напал на нас, Герцена и меня, в полуполитической-полусоциалистической, полубуржуазной-полурабочей газете, выходившей в Лейпциге

---

[1] Здесь имеется в виду столкновение Маркса в 1859 году с Карлом Фохтом, который пустил клеветническое измышление о коммунистах, составивших якобы банду поджигателей («серную шайку»), — сплетню, повторенную и Герценом. Эта сплетня особенно задевала Боркгейма.

[2] Т.-е. только что вышедший тогда первый том «Капитала».

[3] К. Маркс, «Письма Л. Кугельману», Спб. 1907 г., стр. 25—26.

под названием «Demokratiches Wochenblatt» («Демократический Еженедельник») [1], а ныне под недавно принятым названием «Volksstaat» («Народное Государство») являющейся органом германской социал-демократической партии, образовавшейся на Эйзенахском конгрессе. Он поставил нам ряд вопросов, на которые я лично дал ответ в моей речи, произнесенной в сентябре 1868 года в Берне... Но клеветники, очевидно, не читают делаемых им ответов, и это естественно, так как им нужна не истина, а клевета. Неудивительно поэтому, что г. Боркгейм с медным лбом, составляющим его талант и силу, повторил те же нападки против меня в ряде статей, напечатанных месяца два тому назад в «Zukunft» («Будущность»), органе немецкой демократии, редактируемом в Берлине исключительно евреями».

О статьях Боркгейма в «Будущности» мы скажем ниже. Что же касается «ехидных» вопросов, поставленных Боркгеймом Герцену и Бакунину в своих статьях в «Демократическом Еженедельнике», то Бакунин дал на них блестящий и убедительный ответ, чего Боркгейм, надо полагать, не сумел бы так прямо сделать по отношению к тем вопросам, которые ему и подобным ему задал в свою очередь Бакунин. В своей речи на Бернском конгрессе Лиги мира (см. том II, часть третью, главу вторую, § 5) Бакунин говорил, имея в виду эти статьи Боркгейма: «Год тому назад один демократический журнал, издаваемый в Лейпциге, обращаясь ко всей демократической русской эмиграции и называя между прочим и мое имя, задал нам такой вопрос: Вы называете себя демократами, социалистами, заклятыми врагами вашего правительства; скажите же нам, каковы ваши чувства и мысли относительно честолюбивых стремлений вашей империи. Ненавидите ли вы, подобно нам, порабощение Польши, Кавказа, Финляндии, Балтийских провинций, ваши недавние завоевания в Бухарии и воинственные планы против Турции? На этот вопрос, впрочем, совершенно естественный, я не счел нужным отвечать тогда; теперь я отвечу на него. После всего сказанного ответ будет легок. Впрочем, для всех добросовестных людей он вытекает сам собой из моей прошлогодней речи, сказанной на Женевском конгрессе [Лиги]. Если мы желаем полного и совершенного уничтожения империи, мы можем только ненавидеть ее властолюбие, а следовательно, и все ее победы на севере, как и на юге, на востоке, как и на западе, и я думаю, что самым большим счастьем для русского народа было бы

---

[1] Эти статьи S. B. (т.-е. С. Боркгейма) под заглавием «Russische politisshe Flüchtlinge in West-Europa» («Русская политическая эмиграция в Западной Европе») были напечатаны в №№ 5, 6, 17, 20 журнала (февраль—май 1868 года).

поражение императорских войск каким-нибудь внутренним или внешним врагом. Вот мое мнение относительно общего принципа».

И далее Бакунин высказывается за полное и неограниченное право всех народов, больших или малых, на самоопределение вплоть до отделения. Конечно, Герцен не мог бы дать такого ответа, но мы сильно сомневаемся, чтобы и Боркгейм и даже многие не только демократы, но социалисты Германии могли столь же решительно ответить на вопрос Бакунина, обращенный к ним: а как же они относятся к германскому империализму [1], к его захватам и притязаниям?

Что большинство упреков Боркгейма относилось к прежнему, а не к тогдашнему Бакунину, что в этом споре правда была на стороне Бакунина, к рассматриваемому моменту стоявшего на интернационалистической позиции [2], а не на стороне Боркгейма, ненависть которого к Бакунину в значительной мере питалась именно националистическими чувствами и отечественно-германскими инстинктами, это ясно. Что лично вечный бродяга и революционер Бакунин стоял сотней голов выше Боркгейма, бывшего поставщиком английской армии во время Крымской войны, это тоже не может подлежать сомнению. Но что при всем этом Бакунин был глубоко неправ, когда литературную полемику в вполне допустимых формах он вздумал об'явить клеветнической кампанией, да еще муссируемой из-за угла К. Марксом, в этом тоже сомневаться не приходится.

В действительности к этой полемике Маркс не имел никакого отношения, равно как и к дальнейшим трем статьям Боркгейма в «Будущности». Или, лучше сказать, если и имел к ним какое-нибудь отношение, то чисто отрицательное, о чем Бакунин в то время не мог догадываться. Опубликованные с тех пор документы говорят об этом самым недвусмысленным языком.

Как мы уже знаем, у Маркса в 1868 году было достаточно оснований для изменения своего отношения к Бакунину, который в 1864 году произвел было на него столь выгодное впечатление. Тем не менее вплоть до выступления Бакунина со своим Альянсом, т.-е. вплоть до конца 1868 года, Маркс и слушать не хотел нашептываний Боркгейма, который всячески старался возбудить в нем подозрение против Бакунина,

---

[1] Тогда это слово в нынешнем смысле еще не употреблялось, но сущность именно такова.

[2] Этому, конечно, несколько противоречат его антинемецкие и антисемитские выходки, но не забудем, что у его противников слышались подчас столь же огульные антирусские нотки.

выдавая последнего за зловредного панслависта. 24 октября 1868 года Маркс писал Энгельсу: «Боркгейм, у которого руссофобия... принимает опасные размеры, затеял теперь свару со старым Филиппом Беккером за то, что тот в хороших отношениях с Бакуниным и написал Боркгейму, чтобы он не нападал на Бакунина в своих писаниях. Боркгейм усматривает в этом опасный московский заговор. Он верит, что его «мастерская ругань» в «Еженедельнике» Вильгельма (Либкнехта) повергла в трепет Византию, а отсюда и Бакунина. В грозном письме к Беккеру он с присущей ему деликатностью заявил, что сохраняет к нему дружбу и денежную (впрочем, весьма недостаточную) поддержку, но чтобы о политике в их переписке больше не было и речи!».

Уже из этого письма ясно, с какой иронией Маркс относился к руссофобии Боркгейма, в частности к его склонности усматривать во всем «русскую интригу», и даже к его статьям в либкнехтовском «Еженедельнике», направленным против Герцена и Бакунина. Из дальнейшей переписки Маркса и Энгельса выясняется тот интересный факт, что сначала оба друга не только не были вдохновителями Боркгейма в его полемике с Бакуниным, но, напротив, старались ей мешать. Так, когда Боркгейм обратился к Энгельсу с просьбою разрешить ему перепечатать его статьи из «Новой Рейнской Газеты» по поводу бакунинского «Воззвания к славянам 1849 года» [1], Энгельс не согласился и начал придумывать, как бы Боркгейму в его просьбе отказать и в то же время его не обидеть. Он ответил Боркгейму, что они с Марксом намерены сами переиздать свои старые статьи и по этому поводу якобы ведут уже переговоры с каким-то издателем. Так сообщает он в письме к Марксу от 6 ноября 1869 года и с насмешкой прибавляет, что Боркгейм в письме к нему, Энгельсу, повторяет свою «чепуховину» (Flansen) про Бакунина и проч. А 7 ноября Маркс, сообщая Энгельсу, что трудно будет отвязаться от «проклятого» Боркгейма и отказать ему в праве перепечатать просимые статьи, прибавляет: «Но я ему скажу, что ты — старый личный друг Бакунина, так что это дело ни в коем случае не должно получить обидной для Бакунина формы. Боркгейм принимает себя всерьез и действительно убежден, что призван выполнить политическую миссию». В конце концов, перепечатать этих статей Боркгейму не удалось, вероятно, вследствие скрытого сопротивления Маркса и Энгельса. И даже статьи его в либкнехтовском «Еженедельнике» остались незаконченными.

[1] Об этих статьях Энгельса см. в томе I нашей работы (стр. 325 и след.).

Именно это обстоятельство, повидимому, и заставило Боркгейма для опубликования своих дальнейших статей (что он, как указывает Маркс, считал своей политической миссией) обратиться к «Будущности».

Редактировал эту «Будущность» прусский демократ Гвидо Вейс, а руководящее влияние оказывал на нее И. Якоби, тот самый старый приятель Бакунина, которому он написал в апреле 1868 года дружеское и почтительное письмо, приведенное нами во II томе (стр. 357—359). Статьи Боркгейма, напечатанные в №№ 167, 187, 189 и 256 «Будущности» за 1869 год, имелись (кроме последней, появившейся в ноябре) в виду Бакуниным, когда он на суде чести в Базеле упрекал В. Либкнехта в том, что тот об'явил его шпионом на основании диффаматорских статей в буржуазной газете.

Д. Рязанов убедительно доказал, что ничего похожего на обвинение в «шпионстве» в этих статьях Боркгейма не было [1]. Напротив, Боркгейм заявлял там, что только «непонимание славянских дел и ненависть ко всякому движению могли и могли бы привести к мысли о том, что он (Бакунин)—русский «шпион», состоящий на жалованьи у петербургского правительства» [2]. Но в них содержатся резкие (и не всегда основательные) нападки на бакунинский панславизм и на славянский мессианизм Герцена, приписывавший чудодейственную силу русской общине, насмешки над превращением Бакунина из прудониста в коллективиста, над его отношениями к Герцену и пр. Сам Герцен, внимание которого на эти статьи обратили Огарев и Бакунин, не придавал им особенного значения и во всяком случае, как и в инциденте с письмом Гесса, не вычитал из них тех страшных обвинений, кои нашел в них Бакунин. 2 октября 1869 года он писал Огареву: «Я тут тебя не понимаю, как и во многом; может быть, радиусы глаз изменились. Например, я получил «Zukunft» (глупо, три письма о России, а их д е в я т ь); за эти три письма кошки не за что выпороть, старая марксовская манера: такие статьи были в «Leader», в «Morning Advertiser». Я приготовился отвечать и хотел писать Якоби, но перед этим fatras (пустословием) остановился».

Герцен, приписывая, повидимому, статьи Боркгейма влиянию К. Маркса, попадает и здесь пальцем в небо, как это уже случилось с ним

---

[1] См. его книгу «Очерки по истории марксизма», М. 1923 г., стр. 245 и след.

[2] Здесь, повидимому, имеются в виду «уркартисты» (см. том I нашей работы) или писатели из английского «Дипломатического Обозрения», которых мы цитировали выше.

в истории с статьями Ф. Маркса в «Morning Advertiser (см. I том нашей работы, стр. 448—462), а сочувственно цитирующий его слова М. Неттлау, вдобавок признающийся, что он этих статей не читал, только показывает этим, что он готов придать веру любому слову Бакунина или всякого другого, лишь бы только оно служило к опорочению ненавистного Карла Маркса.

Но ничего удивительного нет в том, что Маркс и Энгельс, до того иронически относившиеся к «чепуховине» чудаковатого Боркгейма насчет Бакунина и смеявшиеся над его манией во всем усматривать «русскую интригу», начали менять тон, когда Бакунин, выступив со своим Интернациональным Альянсом, показал, что он намерен начать борьбу с Международным товариществом рабочих и создать параллельную и конкурирующую с ним организацию. Теперь у Маркса в письме от 18 декабря 1868 года, при котором он пересылает Энгельсу устав открытого Альянса, вырывается восклицание: «На этот раз Боркгейм прав!». С этого момента тон друзей по отношению к Бакунину резко изменяется в неблагоприятную сторону. Теперь они начинают внимательнее прислушиваться к «нашептываниям» Боркгейма, начинают искать признаков бакунинского панславизма, а Энгельс в письме от 28 февраля 1869 года прямо ставит вопрос, допустимо ли для западноевропейских социалистов вообще сотрудничество с панславистски настроенными элементами. Именно эту мысль, возможно подсказанную ему (теперь!) в личной беседе или в частной переписке, а, может быть, явившуюся и без такого «внушения», высказывает Боркгейм в своей четвертой статье в «Zukunft», напечатанной после Базельского конгресса, но только в более националистических выражениях. «Когда Международное товарищество рабочих, — говорит Боркгейм, — займется прямыми, чисто политическими интернациональными отношениями и официально признает это одной из своих важнейших задач, — что оно обязано сделать, если хочет продлить свое существование, — тогда лучше выяснятся те цели, которые ставит себе панславистская пропаганда, напяливающая на себя маску рабочелюбия. Наблюдение за нею является прежде всего долгом немцев, просто из стратегических соображений».

Последняя нотка характерна для позиции Боркгейма, для которого — в отличие от К. Маркса — во всей этой полемике вопрос шел вовсе не о чистоте социалистического учения и рабочего движения, а о стратегической безопасности германского отечества. Но надо заметить, что националистическая нотка слышалась и в выступлениях Бакунина. Если Боркгейм был руссофобом,

то Бакунин был немцефобом и своим огульным осуждением всего немецкого возбуждал в своих противниках невольные подозрения. В устах проповедника интернациональной солидарности подобного рода выпады против целой национальности, какие мы встречаем в устных и письменных заявлениях Бакунина, представляют нечто действительно из ряду вон выходящее. Особенно же возмущала немцев заимствованная Бакуниным (и Герценом) у славянофилов манера приписывать все темные стороны русской жизни германскому влиянию. И вот в своей статье против Нечаева, напечатанной в «Volksstaat» (куда теперь он снова получил доступ), Боркгейм правильно пишет: «Мы протестуем против обозначения г. Нечаевым русского правительства как «татаро-немецкого». Это обозначение имеет целью ввести в обман, и мы повторяем г. Нечаеву то, что мы уже сказали г. Бакунину в «Zukunft» от 13 августа 1869 года: «Привычка ставить русскую каторжную жизнь в вину немцам не только подогревает взаимную «расовую любовь» славян, но и щекочет их самолюбие по отношению к западным нациям. Петербургское правительство — не татарское, не немецкое и не татаро-немецкое, оно — р у с с к о е».

Как бы там ни было, но Боркгейм был первым, кто разоблачил в социалистической печати плутни Нечаева. Ниже мы поймем, почему это так больно задело Бакунина, но в этом пункте Боркгейм, опиравшийся на сообщения Г. Лопатина, был более счастлив, чем в обличении бакунинского панславизма, в котором он, видимо, инспирировался А. Серно-Соловьевичем, имевшим, впрочем, в виду разоблачение не столько Бакунина, сколько ненавистного ему Герцена. Во всяком случае, поскольку анархическая легенда пытается сделать Маркса ответственным за все выступления Боркгейма и уверить, что через него Маркс об'явил Бакунина агентом русского правительства, она не выдерживает критики фактов и должна быть окончательно сдана в архив.

Глава четвертая.

ПЕРЕЕЗД БАКУНИНА В ЛОКАРНО.

К моменту этой полемики Бакунин доживал в Женеве последние дни. Уже 13 августа 1869 года он заявил своим друзьям, что после Базельского конгресса собирается оставить Женеву, при чем не указывал точно, куда намерен выехать. Близкие друзья, как Гильом, знали, что он хочет переехать в Лугано.

Это решение было подсказано Бакунину мотивами не общественного, а личного характера. Незадолго до того он получил от своей жены письмо, в котором она уведомляла его о предстоящих ей в скорости родах. Жена Бакунина давно уже жила с К. Гамбуцци [1]. Связь эта возникла еще во время пребывания Бакунина в Неаполе. Сам Бакунин к брачной жизни был неспособен. С этой точки зрения женитьба его совершенно непонятна. Возможно, что, вступая в брак, он просто хотел доказать свою «благонадежность» в глазах сибирской администрации и таким образом облегчить себе передвижение по Сибири, а при случае и побег (если он уже думал о нем в 1858 году) [2]. Возможно также, что окончательно его неспособность к брачной жизни выяснилась для него только после брака. Как бы там ни было, но мужем Антонии Бакунин, повидимому, никогда не был. Во всяком случае он очень спокойно отнесся к сближению ее с Гамбуцци [3], тем более, что, согласно своим взглядам, предоставлял жене полную свободу (после его смерти

---

[1] Об этом большинство тогда не знало. Не знал даже Герцен, который 12 октября 1869 года, узнав о предполагавшемся от'езде Бакунина, писал Огареву: «Отчего же Бакунин вдруг идет на покой?». Но скоро Герцен узнал о действительной подкладке всей этой истории.

[2] См. четвертую часть I тома этой работы.

[3] Хотя возможно, что иногда у него вырывались по этому поводу и печальные нотки. Быть может, именно об этом говорит следующее место в письме Герцена к Огареву от 17 декабря 1869 года: «О чем грустит Бакунин, и зачем ты укрывал под иероглифами очень простую семейную тайну, которую рассказал Тхор[жевский или жевскому]?».

Антония официально вышла за Гамбуцци). Уже в 1868 году она родила от Гамбуцци первого ребенка, которого Бакунин в письмах к Огареву называет то «ее сын», то иронически с подчеркиванием «н а ш сын». Теперь ей предстояло родить второго сына, и она хотела, чтобы это событие произошло не в Женеве, а в каком-нибудь захолустном уголке, вероятно, подальше от злых языков эмигрантской братии. Бакунин, относившийся к жене с большой нежностью и в практической жизни подчинявшийся ее желаниям, сразу согласился на от'езд из Женевы, несмотря на то, что от этого его политические интересы могли только пострадать.

Но, повидимому, это переселение отвечало и настроению самого Бакунина. Положение его в Женеве пошатнулось, бесконечная склока, видимо, ему надоела, и он ничего не имел против некоторого отдыха после той лихорадочной деятельности, которую он проявил за последние два года. С другой стороны, к переезду побуждало Бакунина и состояние его денежных дел, которое сильно ухудшилось после разрыва его с княгиней Оболенской. Об этом косвенно свидетельствуют те отчаянные его записки к родным, которые мы привели в конце II тома и из которых первая (4 февраля 1869 года) относится к моменту разрыва с членами старого Братства после шапонерской конференции, а вторая (21 декабря 1869 года) — к началу пребывания Бакунина в Локарно. Повидимому, обычные источники займов были уже исчерпаны, и Бакунину волей-неволей пришлось склониться к мысли о занятии платной литературной работой. Разумеется, поскольку речь шла о работе для России, здесь можно было думать только о переводах. И вот Бакунин через посредство проживавшего тогда за границей студента Любавина получил от петербургского издателя Полякова [1] заказ на перевод первого тома «Капитала» К. Маркса. В счет причитавшегося ему гонорара (1.200 рублей) Бакунин получил авансом 300 рублей [2], на которые и мог переехать затем в Локарно. В женевской обстановке заниматься регулярной литературной работой Бакунину было бы трудно. Вдобавок, как мы уже говорили, возможно, что после бурной деятельности пред-

[1] Гильом, бывший таким же антисемитом, как и его учитель, считает долгом отметить («L'Internationale», том I, стр. 260), что Поляков был «еврейским (?) издателем». Это, вероятно, месть за то, что Бакунин не вернул Полякову взятого у него аванса. Но какие все-таки странные есть на свете анархисты да еще интернационалисты!

[2] По словам Бакунина (письма к Огареву от 16 декабря 1869 года и к Герцену от 4 января 1870 года) он должен был получить за перевод всего 900 рублей; Любавин же говорит о 1.200 рублях (письмо к Марксу, о котором см. ниже).

шествующих месяцев он хотел заодно и отдохнуть и набраться на покое свежих сил[1].

По возвращении из Базеля Бакунин прожил еще несколько недель в Женеве, но общественными делами занимался очень мало. «Я почти не ходил или очень редко ходил на заседания Интернационала, — пишет он в «Докладе об Альянсе», — и выступал только один раз, накануне своего от'езда» (27 октября). Кроме того, он один раз участвовал на заседании секции Альянса (28 октября), на котором решено было обжаловать постановление Центрального комитета от 16 августа[2] перед романским федеральным комитетом. Проект протеста был составлен Бакуниным. «Мы, — говорилось в нем, — протестуем перед вами против этого решения, и мы убеждены, что вы, в большей мере, чем кантональный комитет, проникнутые теми великими принципами, которые должны освободить мир, соблаговолите признать за нами бесспорное право принадлежать к федерации секций романской Швейцарии. Мы имеем честь представить вам наши статуты, и мы убеждены, что, ознакомившись с ними, вы признаете, что, будучи вполне согласованы как с общими статутами, так и со статутами романской Швейцарии, они свидетельствуют о серьезном желании нашей секции всеми силами способствовать великой цели Интернационала — окончательному и полному освобождению рабочего класса».

Это заявление было 22 сентября передано в федеральный комитет Ф. Хенгом, секретарем секции Альянса и одновременно членом федерального комитета. Другим членом этого комитета был Дюваль, тогда еще преданный Альянсу. Кроме того, в федеральном комитете сидело несколько бывших членов Альянса, как Анри Перре, Гета и пр. Однако федеральный комитет, учитывая создавшуюся в Женеве атмосферу, не решился допустить секцию Альянса в состав федерации и отложил свое решение на неопределенное время (это не мешало секции Альянса оставаться регулярной секцией Интернационала, но она должна была сноситься непосредственно с Генеральным советом). Обсудив это постановление на своем заседании 27 сентября, секция решила дождаться ближайшего с'езда романской федерации, который должен был окончательно разрешить этот вопрос.

---

[1] В письме к Гамбуцци от конца августа 1869 года он писал, что ему нужен, «по меньшей мере, год тихого, трудового и безбедного отдыха, что, конечно, не помешает (ему) заниматься самыми интимными делами» (т.-е. делами тайного Альянса).

[2] Отказ допустить секцию Альянса в состав романской федерации (см. выше, стр. 358).

Перед от'ездом в итальянскую Швейцарию Бакунин хотел собрать в Локле маленькую альянсистскую конференцию, о чем писал Гильому 3 октября, но план этот не удался.

30 октября Бакунин выехал из Женевы. Первоначально он думал поселиться в Лугано, но друзья Маццини, проживавшего тогда в этом городе, к которым он имел рекомендательные письма от Огарева, убедили его выбрать другое место. Неясно, по каким причинам они считали неудобным проживание обоих этих деятелей в одном городе. Бакунин, пробыв в Лугано только один день, решил поселиться в Локарно, где нашел квартиру у вдовы Педраццини. Переезд из шумной Женевы с ее дрязгами и суетой в тихий уютный уголок на берегу Лаго-Маджиоре привел Бакунина в восторг. 2 ноября он писал Огареву:

«Ну, друг Ага, я переехал просто в царство небесное. Вообрази себе, после сухой и тесно прозаической атмосферы Женевы — Италия, во всей ее приветливой теплоте, красоте и первобытной мило-ребяческой простоте... На другой день я приехал сюда и сегодня с помощью добрых людей... нашел уж квартиру и кухарку. Квартиру, состоящую из четырех великолепных комнат на солнце, меблированных, с тремя кроватями, бельем, посудою и славною кухнею в саду, с великолепным видом на Lago Maggiore, за 55 фр. в месяц, служанку и кухарку вместе за 15 фр. с едою и постелью. Здесь, кажется, все вдвое дешевле против Женевы, а приволье, а свобода, а простота и теплота (климат Ниццы), и воздух, и красота. Ну, просто царство небесное. Правда, что нет зато уж и никакого общества в буржуазном смысле этого слова. Но в нашем с м ы с л е с тобою есть, и отличное. У меня уж есть друг — моя Провиденция, Angelo Bettoli, armajolo, т.-е. делатель ружей, испытанный маццинианец, очень любимый Маццини, который принял меня как брата и завел к себе сегодня обедать; все итальянская кухня и семья итальянская, и все так весело, просто, радушно. Ты видишь, что я просто в восторженном состоянии духа и боюсь только одного, что мягкость жизни и воздуха уменьшат, смягчат мою дикую социалистическую беспардонность. Право, здесь даже и на буржуа сердиться нельзя, так они еще просты и так нераздельно живут и смешиваются интересами с народом, и такие они еще все немудреные. А что, брат Огарев, подумай, пристрой, устрой, да и сделай salto mortale. Здесь для всякого политического дела (не итальянского) и, разумеется, для русской пропаганды свобода полная. Дешевизна изумительная. Воздух здоровый. Почта из Европы приходит два раза в день, а из Италии — четыре раза. Нельзя ли перенесть типографию в Лугано, а еще лучше сюда в Locarno? Ты здесь оживешь... Герцену другое дело. Ему и семейству его

необходимы люди, много людей, светский шум. Он не любит жить в нем, а подле него. Ты же был бы здесь счастлив совершенно».

Дальше он просит Огарева прислать ему для прочтения «Систему положительной философии» Огюста Конта.

В Локарно Бакунин принялся за перевод книги Маркса, но, видимо, не очень-то налегал на эту работу: при его знании языков и умении быстро писать он мог переводить больше чем по 3 и 5 страниц в день [1]. Но он, надо полагать, все-таки думал довести эту работу до конца; во всяком случае он хотел под будущие блага от этого перевода сделать заем из «общего фонда». Об этом он и писал Огареву 16 декабря 1869 г.

«Ты знаешь, — говорил он, — что мне заказан перевод страшной книги Маркса «Das Kapital» — 784 страницы мелкой печати — за 900 рублей, из которых я уже получил вперед 300 рублей, что мне и позволило, расплатившись с некоторыми долгами, выехать из Женевы и устроиться здесь. Перевод страшно трудный. Сначала я не мог перевести более трех страниц в утро, теперь дошел до пяти, надеюсь скоро дойти до десяти. Тогда дело будет в шляпе. Кроме этого, я уговорился с двумя друзьями — одним итальянским депутатом, другим испанцем [2], — которые будут присылать мне ежедневно корреспонденцию из Италии и из Испании; я буду переводить или, скорее, переделывать их на русский язык и посылать их через N. N. [3] в русские журналы, деля и с тем, и с другим барыши пополам. Маркса перевожу неустанно. Корреспонденции жду.

«Я излагаю тебе все это так подробно потому, что хочу просить тебя быть моим посредником и поручителем перед Герценом. Я хочу просить его, чтобы он мне дал взаймы — не из своего кармана, а из фонда — 800 франков — не вдруг, а в первый месяц и как можно скорее 300 франков; во второй — 200 франков; в третий месяц — 150 франков и в четвертый — тоже 150 франков.

«По мере того как я перевожу Маркса, я посылаю или, вернее, буду посылать по десяти листов перевода N. N., — так мы с ним усло-

---

[1] «А я, брат, — писал он Герцену 4 января 1870 года, — перевожу экономическую метафизику (!) Маркса, за которую получил уже вперед 300 рублей и должен получить еще 600. Читаю Philosophie Positive Конта и Прудона и в редкие свободные минуты пишу книгу-брошюру об упразднении государства». Конечно, при таком отношении к труду Маркса перевод не мог подвигаться особенно успешно. Отчасти, впрочем, Бакунин хотел здесь угодить Герцену, враждебное отношение которого к Марксу было ему известно.

[2] Повидимому, Фанелли и Сентиньон.

[3] Любавин.

вились, — и весьма вероятно, что в продолжение двух месяцев мне удастся перевести достаточно, чтобы дать мне право требовать вперед еще 300 рублей. Тогда я не только не буду нуждаться в остальных 300 франков за два последние месяца, но буду даже в состоянии выплатить если не все 500 франков, взятые в первые два, то, по крайней мере, большую часть их. Я говорю о 800 франков для того, чтобы быть вполне уверенным, что в продолжение четырех месяцев я буду обеспечен, а в это время я, несомненно, успею кончить весь перевод.

«Итак, Огарев, будь другом, помоги мне выпутаться из трудного положения. Поручись за меня, а я постараюсь, чтобы твое поручительство не скомпрометировало тебя перед фондом».

Герцен, не доверяя работоспособности Бакунина, отказался дать ему деньги из фонда, несмотря на то, что в письме от 17 декабря 1869 года Бакунин обязался «честным словом» деньги вернуть без задержки. Герцен при этом опасался, что, узнав о ссуде Бакунину, и другие эмигранты обратятся в фонд с такими же просьбами, и не будет основания им отказать. Герцен просто предложил дать Бакунину 300 франков из своих и «без отдачи». По этому поводу Бакунин писал Огареву 3 января 1870 года: «Поблагодари Герцена от меня. А все-таки мне жаль, что он не согласился на мое предложение и на мою просьбу. Не согласился, разумеется, потому, что по старой привычке и на старых действительных основаниях не верит в мою настоящую работу. Жаловаться на него за это не стану, потому что не имею права. Прошедшее говорит за него. К тому ж скептицизм стал его натурою, а натуры не переменишь. А все-таки жаль. Я был бы свободнее в отношении к Герцену. Не то, чтоб мне было тяжело взять у Герцена, — знаю, он даст от души и попрекать не станет. Но что я буду делать в будущем месяце? Ведь не опять же просить у Герцена».

Ниже мы увидим, чем кончилась работа Бакунина над переводом Маркса. Но, конечно, не этой работой и не идиллическим распиванием чаев со своею Антосею ограничивалась деятельность Бакунина. В Локарно он продолжал руководить деятельностью своего тайного Альянса посредством обширной переписки, которую он поддерживал со своими друзьями в разных странах и из которой до нас дошла пока только ничтожная часть [1]. Как велика была его корреспонденция, видно из того,

[1] Нам известны письма и про письма к Огареву, Герцену, Жуковскому, Гильому, Ришару, Гамбуцци, Набруцци, Чельсо Черетти, Беккеру, Мрочковскому, Нечаеву, Линдеггеру, Дювалю, Броссэ, Перрону, Швицгебелю, Фарга Пелисеру, Мораго, Сентиньону, Озерову, Таландье, Фохту, Беллерио, многим

что он по этому поводу сообщает в письме к Огареву от 23 ноября 1869 г. «Я должен, — говорит он, — написать всякий день не одно, а два, три, четыре письма. Вчера я сосчитал число моих корреспондентов и насчитал их 44, из которых девятнадцати я пишу, по крайней мере, раз, а иногда два и три раза в неделю, шестерым непременно два раза в месяц, а остальным не менее раза в два месяца». Это составляет около 700 писем в год! Прямо невероятно. А если принять во внимание, что некоторые письма Бакунина иной раз достигали размеров брошюры, то нетрудно себе представить, какой энергией нужно было обладать, чтобы в его годы поддерживать такую оживленную и обширную корреспонденцию.

Но одной перепиской дело не ограничивалось. К Бакунину заезжали в Локарно товарищи по Альянсу из Италии, Франции, Испании и других стран. Через них он был в курсе всех событий и давал направление ходу дел Альянса в желательном ему духе. Так, у него бывали Фанелли, Гамбуцци, Сентиньон, Нечаев, Сажин, позже Кафиеро, Пецца и многие другие [1].

Вообще локарнский период принадлежит к самым плодотворным и богатым в жизни Бакунина. Здесь он с перерывами прожил до конца июля 1874 года, проявив на склоне лет величайшую энергию, в которой ему могли бы позавидовать наиболее молодые из его сторонников. Но вместе с тем этот период был и наиболее тяжелым для него — не только в том смысле, что теперь дали себя знать и годы, и болезни, при которых материальная нужда была особенно чувствительной, но и главным образом потому, что именно за это время действительность нанесла первые тяжелые удары его неистощимому революционному оптимизму.

А пока что, в первое время он, живя в Локарно, находился в самом бодром настроении, не оставлявшем его, несмотря на материальную нужду. В письме от 16 ноября 1869 года, упрекая Огарева в копаньи в собственной душе, к чему тот был склонен подобно Белинскому, Бакунин говорил: «Зачем предаваться излишнему ковырянью своего прошлого, своей души? Ведь это также занятие самолюбивое и совершенно

другим французским, швейцарским, итальянским и испанским альянсистам, новым русским эмигрантам (Ралли и К°) и т. д.

[1] Эти поездки начались с первого же времени жизни Бакунина в Локарно. Так, в письме к Огареву от 12 января 1870 года он, уговаривая Нечаева приехать в Локарно, говорит: «Здесь глушь полная, все мне преданы, и никто беспокоиться и говорить не станет... Были у меня уже и французы, и итальянцы, и испанцы, и никто не обратил на них внимания». Дальше мы будем называть многих из гостей Бакунина.

бесполезное. Раскаяние хорошо, когда оно может что изменить и поправить. Если оно этого сделать не может, то оно не только бесполезно, а вредно. Прошедшего не воротишь. Не каяться и не жалеть мы должны, а собрать все, что у нас осталось от наших прошедших ошибок и бед, силы, ума, уменья, здоровья, страсти и воли, и сосредоточить все это для служения одной любимой и последней цели, а наша цель с тобою — революция. Зачем спрашиваешь, увидим ли мы ее или не увидим? Этого никто из нас не отгадает. Да ведь если и увидим, Огарев, нам с тобою не много будет л и ч н о г о утешения, — другие люди, новые, сильные, молодые, — разумеется, не Утины, — сотрут нас с лица земли, сделав нас бесполезными. Ну, мы и отдадим им тогда книги в руки. Пусть себе делают, а мы ляжем и заснем молодецким сном непробудным. А теперь мы еще, несомненно, полезны. Так, не ковыряя бесполезно в себе, обходясь с самим собою как с инструментами попорченными и отчасти разбитыми, с которыми надо обходиться знаючи и умеючи, — а кто же знает их лучше нас самих? — не требуя от себя невозможного, для нас недосягаемого, не приходя в отчаяние от своих слабостей, но умеряя постоянно и по возможности последние, соберем же мы всю свою силу, все уменье, всю страсть, благодаря богам в нас еще не умершую, и будем делать, делать до последнего издыхания. Вот наша жизнь с тобою, Огарев; а для того, чтобы нам было обоим теплее, свяжем их теснее, Огарев. Ведь и две старые жизни, прижавшись друг к другу, могут дать свет и тепло и породить силу. Хочешь? Я готов»...

А далее, советуя Огареву, страдавшему в это время склонностью к запою, пить в меру, Бакунин прибавляет: «Только в меру. Эх, брат, в меру, кажется, вся тайна».

Именно во время пребывания Бакунина в Локарно у него произошел разрыв с Нечаевым, надолго оторвавший Бакунина от русских дел и заставивший его сосредоточить всю свою энергию на европейском революционном движении.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НЕЧАЕВСКОЕ ДЕЛО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА.

1. Кто был Нечаев?

В настоящей книге мы касаемся Нечаева и его дела лишь постольку, поскольку они имеют непосредственное отношение к Бакунину и его деятельности. Поэтому мы, естественно, опускаем ряд деталей, хотя и весьма интересных с точки зрения истории русского революционного движения, но не связанных с прямою темою нашей работы [1].

[1] О Нечаеве см. Сватиков — «Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев)», в сборнике «Наша Страна», Спб. 1907 г.; Б. Козьмин — «П. Н. Ткачев», Москва 1922 г., глава VIII; Л. Никифоров — «Мои тюрьмы, «Голос Минувшего», 1914 г., № 5; В. Засулич — «Нечаевское дело», № 2 сборника «Группа Освобождение Труда», Москва 1924 г.; Ралли — «С. Г. Нечаев», «Былое» 1906 г., июль; А. Успенская — «Воспоминания шестидесятницы», «Былое», 1922 г., № 18; Базилевский (Богучарский) — «Государственные преступления в России XIX века», том I, Штуттгарт 1903 г. (перепечатано в России, 1906 г.); Богучарский — «Активное народничество», Москва 1912 г.; Волков — «Христо Ботев», Москва 1923 г.; Ралли и Тихомиров — «Нечаев в Алексеевском равелине», «Вестник Народной Воли», Женева 1883 г., том I; «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине», «Былое», 1906 г., июль; Щеголев — «Нечаев в Алексеевском равелине», «Красный Архив», №№ 4, 5, 6.

А. Гамбаров в недавно выпущенной изд. «Московский Рабочий» книжке «В спорах о Нечаеве» ставит себе задачей реабилитировать Нечаева и очистить его память от клевет, которые распространялись про него противниками. Нельзя сказать, чтобы ему удалось выполнить поставленную себе задачу. Конечно, ни один серьезный исследователь не рассматривает теперь Нечаева как «полоумного бандита» (правильное замечание М. Покровского — «Очерки по истории революционного движения в России», изд.

Имя Нечаева сделалось известным в связи с студенческими волнениями 1869 года.

Начиная с 60-х годов XIX века в студенческих волнениях находило себе выражение революционизирование страны, не мирившейся больше с оковами, которые старый самодержавный режим ставил новой эволюции русской общественной жизни.

Учащаяся молодежь оказалась наиболее чувствительной социальной группой, которая особенно живо реагировала на противоречия, порождаемые конфликтом между новыми потребностями, вызываемыми капиталистическим развитием России, и сковывавшей их самодержавной политической оболочкой. Особенно ярко проявилось это с начала 60-х годов, когда состав студенчества начал в значительной мере пополняться разночинцами, выходцами из недворянской среды, т.-е. из общественных групп, враждебных господствовавшему помещичьему классу. При этом не следует забывать, что не только классовые инстинкты, но и личное материальное положение этого разночинного студенчества делали его чрезвычайно восприимчивым ко всяким оппозиционным порывам. Большинство этой учащейся молодежи жило в самых тяжелых условиях, так что вопросы о праве студентов об'единяться в землячества, устраивать кассы взаимопомощи, открывать дешевые кухмистерские, созывать сходки и т. п. имели для массы самое злободневное практическое значение. А полицейская реакция мешала ей в этом. Но, разумеется, не одними этими мотивами об'яснялось оппозиционное настроение студенчества.

В качестве наиболее чуткого и передового отряда буржуазии студенчество, естественно, возмущалось самодержавием не только потому, что оно нарушало духовные и материальные интересы учащейся молодежи, но и потому и даже главным образом потому, что оно парализовало все общественное развитие и безжалостно угнетало все классы русского общества в угоду ничтожной группе помещиков-дворян. Но передовое студенчество служило рупором не одной буржуазии, рвущейся к новой жизни. Еще сильнее оно выражало смутные чаяния и порывы обездоленного крестьянства, обманутого земельной реформой 1861 го-

---

«Красная Новь», Москва 1924 г., стр. 64); все знают, что это был энергичный и преданный борец за освобождение трудящихся; но доказывать, как это делает Гамбаров, что Нечаев был коммунистом и предшественником большевистской партии, отрицать употреблявшиеся им приемы авантюризма и мистификации, об'яснять отвращение к «нечаевщине» буржуазностью народников и т. п. — значит перегибать палку в другую сторону (см. Б. Козьмин — «История или фантастика», «Печать и Революция», 1926, кн. VI).

да. Уже первые студенческие волнения 1861 года были отголоском глубокого брожения, охватившего крестьянские массы в этом году. Вторая волна студенческих беспорядков 1869 года, в которые оказался замешанным и Нечаев, связана была с тем брожением, которое шло в массах в связи с приближением десятилетия крестьянской реформы, когда ожидалась отмена выкупных платежей и т. п. К этому времени недостатки реформы 1861 года успели уже сказаться с достаточной ясностью: разорение деревни, как неизбежный ее результат, предсказанный в свое время Чернышевским, уже не подлежало сомнению. Об этом громко говорил и голод, пережитый страною незадолго до студенческих волнений. А голод, как показала история старой России, всегда являлся фактором, усиливавшим революционное настроение в стране.

Реакция, наступившая в России после покушения Каракозова на Александра II в 1866 году и особенно тяжело коснувшаяся высших учебных заведений, которые отданы были во власть новому министру народного просвещения, известному мракобесу Д. Толстому, создала такую напряженную атмосферу, при которой любое, на первый взгляд маловажное, обстоятельство должно было вызвать резкую вспышку.

Среди массы студентов, настроенных хотя и оппозиционно, но не имевших определенного политического миросозерцания, действовали люди, настроенные более революционно и готовые придать студенческому движению, вызванному чисто корпоративными интересами, определенно политическое направление. Первые студенческие волнения 1861 года доставили тогдашним революционным кружкам («Молодой России», «Земле и Воле» и т. д.) рядовых членов и руководителей; точно так же и движение, связанное с именем Каракозова, не прошло бесследно, оставив после себя и яркие воспоминания, и революционную традицию, и активных людей. Они-то и возглавили студенческие волнения, вспыхнувшие весною 1869 г., но подготовлявшиеся уже с конца предыдущего года.

Осенью 1868 года начались студенческие сходки, на которых обнаружилось существование двух течений в студенческой массе: умеренного — под предводительством Езерского, ставившего себе чисто студенческие, корпоративные задачи, и радикального — стремившегося расширить студенческий протест до общеполитического, революционного протеста. Во главе второго течения стал Нечаев.

Какое настроение господствовало на этих сходках, видно из воспоминаний С. Чудновского [1]. По его словам, популярным и почти всеобщим

[1] Кстати, он сообщает о многолюдных сходках по нескольку сот человек («Былое», 1907 г., № 9, стр. 284), но другие мемуаристы о таких обширных сходках не упоминают.

лозунгом было на этих сходках: «В народ!». Вопрос, служивший предметом горячих споров, ставился так: следует ли, хотя бы временно, отдаваться науке, или же нужно, отрекшись от привиллегированного положения, помнить долг свой перед народом, на счет которого молодежь получила свое образование, бросить учебные заведения и слиться с народом[1].

Бросается в глаза, что в этой постановке вопроса слышится отголосок тех идей, которые как раз в это время развивал в «Народном Деле» Бакунин (см. том II нашей работы, часть третья, глава вторая, § I). Именно такие мысли развивал и Нечаев — не столько на общих сходках, где он избегал выступать, а в частных беседах с намеченными людьми. Но знал ли в тот момент Нечаев о писаниях Бакунина? Повидимому, знал. В своих показаниях на суде над нечаевцами в 1871 году В. Черкезов[2] сообщил, что он слыхал на сходках речи Нечаева, в которых он высказывался в пользу программы «Народного Дела», рекомендуя приступить к ее осуществлению, в частности—к насильственному революционному перевороту. Тот же Черкезов сообщил Максу Неттлау еще более определенные сведения. По его рассказу, передаваемому Неттлау в своей статье о Бакунине и русском революционном движении в годы 1868—1873[3], в 1868 году в Петербурге образовалась революционная группа (первая после разгрома ишутинского кружка, происшедшего в связи с покушением Каракозова), в которую, кроме него, входили П. Ткачев, братья Аметистовы и др. Один из членов этой группы, Бочкарев, отправился в Женеву для того, чтобы завязать сношения с тамошними эмигрантами, Жемановым, Элпидиным и другими, участвовавшими в деле «Казанского заговора» в 1863 году[4]. О принадлежности их к Интернационалу было известно, хотя в то время в России сведения о Международном товариществе рабочих не отличались особенной отчетливостью, что впоследствии и дало Бакунину и Нечаеву возможность выдать Альянс за Интернационал. Случайно Бочкареву не пришлось встретиться с Бакуниным, но зато он привез в Россию пер-

---

[1] По его словам, некоторые тогда же так и поступили.

[2] Черкезов уже раньше привлекался по процессу каракозовцев, впоследствии известный анархист; умер в 1925 году).

[3] Max Nettlay — «Bakunin und die russische revolutionäre Bewegung in den Jahren 1868—1873», в «Архиве» Грюнберга, том V, стр. 376.

[4] Такую же поездку совершил в 1865 году И. Худяков, один из главных идейных руководителей движения, связанного с именами Ишутина и Каракозова. Худяков, познакомившийся в Швейцарии с А. Серно-Соловьевичем, привез в Россию первые сведения об Интернационале и его работе.

вый номер «Народного Дела», произведший на группу сильнейшее впечатление [1]. Отдельные статьи этого номера были по тогдашнему обычаю переписаны и разосланы в разные города [2]. Нечаев был восхищен статьями «Народного Дела» и на сходках повторял высказанные там мысли Бакунина. Таким образом Бакунин, сам того не ведая, оказывал уже известное влияние на самое начало Нечаевского дела, в котором вскоре ему суждено было сыграть такую крупную роль.

Далее, по рассказу Черкезова, около того же времени Е. Аметистов предложил ему познакомиться с учителем Нечаевым, который, дескать, является типом настоящего революционера, вышедшего из простонародной среды и проникнутого органической ненавистью к барам. Таким образом Нечаев был приобщен к революционной группе, стремившейся придать студенческому движению политический и социалистический характер.

---

[1] То же, только без упоминания фамилии Бочкарева, рассказывает Черкезов в своем предисловии к первому тому «Избранных сочинений» Бакунина: «Легко... понять, с какою радостью приветствовали мы программу Бакунина и весь первый номер его журнала «Народное Дело» (1868). Получив один экземпляр в Петербурге, мы целый месяц сентябрь переписывали и распространяли его, рассылали в Москву и в провинцию. Мы нашли, наконец, в печати ясно формулированными наши мысли, наши заветные стремления» (цит. по заграничному изданию, стр. XXXV; эта книга переиздана в Петербурге в 1919 году).

[2] О Бочкареве говорится и в представленном 16 мая 1871 года Александру II «Кратком отчете по делам высочайше утвержденной в С.-Петербурге следственной комиссии 1862—1871 г.г.». Там о нем сказано следующее: «В октябре 1868 года задержана другая личность, осташковский мещанин Бочкарев, который в течение 1867 и 1868 г.г. четыре раза ездил за границу и тоже входил в сношения с женевскими агитаторами. Бочкарев рассказывал им о существующих, якобы, в России тайных революционных обществах, выдавал себя за члена их и за ярого революционера, готового на все преступное, говорил о предстоящем в России государственном перевороте и о стремлении связать это дело с восстанием болгар, предлагая обанкротить государство посредством подделки билетов внутренних займов и, наконец, просил Элпидина и других выходцев познакомить его, Бочкарева, с членами Европейского революционного комитета. Но эмигранты недоверчиво относились к личности Бочкарева, заподозрили в нем шпиона и даже обыскали его» (см. В. Богучарский — «Общественное движение 60-х годов под пером казенных исследователей» в «Голосе Минувшего», 1915 г., № 4, стр. 211—212). Кстати, не подали ли расспросы Бочкарева о «Европейском революционном комитете» Бакунину мысль через год сочинить несуществующий «Европейский революционный союз» с «Главным Комитетом» (см. ниже)?

Несколько позже через того же Е. Аметистова Нечаев познакомился с З. Ралли, вокруг которого группировался кружок студентов разных учебных заведений [1]. Нечаев заинтересовался этим кружком [2], в котором имелись старые номера герценовского «Колокола» и другие издания революционного направления. Впоследствии Нечаев свел Ралли с кружком Ткачева.

«Собираясь по вечерам (в декабре 1868 года. — *Ю. С.*) в квартире Нечаева, — рассказывает Ралли [3],— я, Орлов, братья Аметистовы и вскоре еще несколько других студентов, между которыми был и Чубаров, повышенный много позже Тотлебеном [4], мы читали «Lanterne» Рошфора, книжонку, изданную полицией, об Иосафате Огрызке [5], старые «Отечественные Записки» со статьями о Роберте Оуэне и, наконец, добытую нами книгу Буонаротти о заговоре Бабэфа. Эта последняя книга произвела на некоторых из нас потрясающее впечатление, и мы заговорили об организации политического общества в России (курсив мой). История декабристов, петрашевцев и воспоминания о Худякове и его рассказах о существовании какого-то тайного (?) общества за границей были излюбленными сюжетами разговоров наших на этих вечерах. Нечаев знал очень плохо по-французски, а потому при чтении приходилось делать дословный перевод, что в особенности было обременительно при чтении французской революции Луи Блана: ее и пришлось бросить на втором томе и взяться за Карлейля по-русски».

Повидимому, к этому моменту Нечаев был уже человеком определенно революционных убеждений. Сын бывшего крепостного, а затем мещанина-ремесленника, С. Г. Нечаев родился 20 сентября 1847 года в селе Иваново, Владимирской губернии (ныне Иваново-Вознесенск). Сначала он учился в сельской школе, а затем сдал экзамен на звание учителя и, по переезде в Петербург, где поступил вольнослушателем в

---

[1] В том же доме, что и Ралли, жила тогда 15-летняя В. И. Засулич, тоже познакомившаяся тогда с Нечаевым.

[2] Гамбаров (стр. 78 и 83), неизвестно на каком основании, называет этот кружок «кружком Нечаева». Сообщение Ралли о том, что чтение книги Буонаротти о заговоре Бабэфа произвело сильное впечатление на некоторых членов кружка, превращается у Гамбарова в заявление, что взгляды Нечаева начали складываться под влиянием коммунистического учения Гракха Бабэфа (стр. 108 и passim), и т. п. Это несколько вольное обращение с источниками типично для работы молодого историка и сильно вредит ей.

[3] Ралли — «С. Г. Нечаев», «Былое», 1906 г., июль, стр. 137—138.

[4] В 1879 году в Одессе (по процессу Лизогуба, Чубарова и других).

[5] Это книжка муравьевского следователя Н. Гогеля (изд. 1866 года).

университет, сделался преподавателем в приходском Сергиевском училище. Через своего земляка, тоже учителя, Вл. Орлова, он познакомился с Ив. Аметистовым, а через последнего — с его братом Е. Аметистовым, который ввел его в революционные кружки. Когда и как Нечаев сделался революционером, трудно установить. Во всяком случае к рассматриваемому моменту ему был всего 21 год, и тот факт, что он мог среди людей, превосходивших его и летами, и образованием, занять такое выдающееся положение, свидетельствует о его незаурядной натуре.

По рассказу Ралли на собрании у Ткачева в начале февраля (на самом деле в январе) 1869 года поднят был вопрос о создании временного комитета для руководства студенческим движением. Ралли предложил составить его из представителей существовавших студенческих кружков; Нечаев же находил более удобным составить комитет из студентов, уже намеченных движением, без обращения к кружкам. Но тем временем комитет уже составился из среды самого студенчества, и избраны были даже делегаты для поездки в другие университетские города с целью привлечения и тамошнего студенчества к петербургскому движению. В Москву посланы были Л. Никифоров и З. Ралли.

Впоследствии Нечаев снова внес предложение об образовании комитета на централистических началах. По словам Ралли («Былое», 1906 г., июль, стр. 140—142) комитет образован тогда не был. Но позже на одном из собраний «принято было решение сплотиться в один кружок всем тем, которые уже поняли, что студенческое движение поднято для того, чтобы перезнакомить людей между собой и таким образом составить кружок из людей, имеющих целью поднять восстание в России и уничтожить существующий порядок вещей».

Существовал ли когда-либо такой комитет? Судебный процесс по делу нечаевцев не выяснил этого вопроса. В напечатанных по-русски воспоминаниях Ралли о существовании комитета ничего определенного не говорится. Но Неттлау цитирует изданные по-румынски мемуары Ралли «Temnita si Exil» и «In Êxil», где упоминается о существовании «комитета действия» (Ткачев, братья Аметистовы, Орлов, Ралли, Нечаев и еще трое), который, по инициативе Ткачева и Нечаева, был преобразован в «Комитет русской революционной партии (Ткачев, Нечаев, Ралли, оба Аметистова, Сиряков, Никифоров, Орлов и Л.) [1]. Надо полагать, что окончательной организации комитет не получил, а под таким названием фигурировала та инициативная группа, которая пыталась

[1] Между тем именно Ралли («Минувшие Годы», 1908 г., октябрь, стр. 159) определенно называет русский революционный комитет выдумкой Нечаева (см. дальше).

внести единство в студенческое движение и придать ему политический и революционный характер. Эта группа вскоре была разгромлена арестами, но возможно, что, когда Нечаев в марте 1869 года прибыл за границу и впервые встретился с Бакуниным, он не знал еще о полном разгроме этого «комитета». Сам Бакунин в приводимом дальше письме к Таландье писал, что в тот момент комитет еще существовал, но при этом он опирался на слова Нечаева, а кроме того, хотел ослабить свою ответственность утверждением, что в начале нечаевского дела была не одна только фикция, но и нечто реальное [1].

Какова была программа этой группы? Об этом можно только догадываться. Но существует документ, точное происхождение которого, правда, не установлено, но который, повидимому, исходил от этой группы и, вероятно, отражает взгляды если не всех ее участников, то, по крайней мере, наиболее сознательных из них. Это рукопись, найденная в бумагах Ф. Волховского и фигурировавшая на процессе под названием «Программа революционных действий» [2]. Принадлежала ли она Ткачеву, Нечаеву или же была продуктом коллективного творчества, судить трудно. Во всяком случае в ней, видимо, нашли выражение взгляды, которыми руководствовалась инициативная группа, активным членом которой Нечаев был.

Решительно отрицая существующий строй, как основанный на эксплоатации и угнетении, документ выражает уверенность в неизбежности народного восстания против этого строя. Народ поймет, что сила и право на его стороне, а тогда победа непременно останется за ним. Все дело в том, чтоб ускорить переворот, выясняя народу его силу и необходимость восстания. Экономический переворот невозможен без политического. «Единственный выход это — политическая революция, истребление гнезда существующей власти, государственная реформа. Итак, социальная революция как конечная цель и политическая как единственное средство для достижения этой цели».

Как видим, эта мысль очень далека от анархических взглядов Бакунина. Судя по общему ее тону и по логическому развитию основной

---

[1] Впрочем, эти слова Бакунина можно понять и в том смысле, что комитет существовал и в первое время после второго приезда Нечаева за границу, т.-е. в конце 1869 года.

[2] Она перепечатана в «Историко-революционной хрестоматии», изд. «Новая Москва», 1923 г., том. I. — А. Гамбаров, не приводя ни тени доказательств, уверенно приписывает ее Нечаеву (стр. 84, 115); иногда он готов допустить сотрудничество Ткачева (стр. 114).

идеи, можно предположить, что автором программы является скорее всего Ткачев, к тому времени успевший выработать определенное политическое миросозерцание. А отсюда следует, что Нечаев, повидимому, разделявший тогда эти взгляды, был в тот момент не анархистом, а бланкистом[1]. Тем более это верно в том случае, если программа принадлежала самому Нечаеву (что, впрочем, сомнительно). Отсюда следует, что тогдашняя революционная молодежь, верная традиции каракозовцев, не разобралась сразу в программе Бакунина. Если «Народное Дело» привело ее в восторг, то не своим требованием уничтожения всякой государственности и отрицанием политических переворотов, а своим крайним революционным духом и своим призывом к революционной активности. У самого Нечаева мы определенных анархических заявлений нигде не встречаем. Возможно, впрочем, что после своего знакомства с Бакуниным Нечаев стал было временно поддаваться анархическому учению, но если это и было так, то во всяком случае это увлечение анархическими воззрениями не было у него глубоким и оказалось скоропреходящим (как показывают 6 номеров нечаевского «Колокола», № 2 «Народной Расправы» и «Община», изданные им без Бакунина)[2].

Далее «Программа революционных действий» доказывает необходимость создания революционной организации. «Для достижения этого, — говорится там, — мы должны распространять известного рода листки в известном духе, устраивать сходки и частные протесты как предварительную пробу, как практический прием для выработки революционных типов, наконец, как средство сближения между собою как отдельных лиц, так и многочисленных, но разрозненных кружков; вербовать людей и образовывать повсеместно частные кружки в том же

---

[1] Вспомним рассказ З. Ралли о сильном впечатлении, произведенном на членов кружка книгою Буонаротти. Ралли в своих воспоминаниях о Нечаеве («Былое», июль 1906 г., стр. 144) рассказывает, что когда Нечаев приехал в 1871 году из Парижа, у него были с собою две книги: «Исповедь» Руссо и «Мемуары» Робеспьера. Это, несомненно, свидетельствует о его «якобинских», а по-тогдашнему — «бланкистских» симпатиях или интересах. Новые материалы по поводу бланкистских тенденций Нечаева дает статья Б. Н. Николаевского — «Памяти последнего «якобинца»-семидесятника (Гаспар — Михаил Турский)» в «Каторге и Ссылке», 1926 г., № 2/23. В этой статье между прочим высказана довольно правдоподобная мысль, что начало кружку русских «якобинцев» за границей, впоследствии «набатчиков», положено было именно Нечаевым в 1871—1872 годах.

[2] А. Гамбаров (стр. 124) правильно замечает, что «влияние анархистских идей на политическое мировоззрение Нечаева было кратковременным и поверхностным».

направлении и с той же единственной целью — революции; устраивать кассы для устройства революционного фонда; стараться вступать в сношения с европейскими революционными организациями и поддерживать постоянную связь с ними».

В плане организации, развитом в этом документе, надлежит отметить два пункта, от которых потом Нечаев отказался (если предположить, что он был автором программы или целиком разделял ее положения). Это, во-первых, положение, что вся организация строится на принципе децентрализации в смысле ослабления главного центра и предоставления большей инициативы провинциальным центрам. А, во-вторых, — на-ряду с требованием от членов организации отказа от собственности, обычных занятий и привязанностей, поскольку последние способны мешать их революционной работе, — заявление, что требовать полного отречения от них организация не считает себя вправе, так как это было бы ненужным стеснением свободы личности.

Самый план революционных действий сводился к тому, чтобы до мая (1869 года) сосредоточить деятельность революционеров в столицах и частью в университетских городах. За это время должен быть проведен протест студенчества за право сходок и положено начало пропаганды и организации среди т о л ы т ь б ы. Затем деятельность должна быть перенесена в губернские и уездные центры и сосредоточена главным образом в среде разночинцев, семинаристов и провинциальной голытьбы. С октября пропаганда переносится в народные массы, при чем не менее трех четвертей революционеров отправляется из столиц в провинцию. Оставшаяся в столице литературная группа вырабатывает устав русской революционной организации, составляет к а т е х и з и с (курсив мой), правила которого обязательны для членов организации, и намечает план местных выступлений на 1870 год. Эта же группа устанавливает форму будущего устройства государства и время революции. В октябре происходит с'езд, который должен обсудить и принять все намеченные мероприятия. «С этого времени должна начаться систематическая, захватывающая всю Русь, революционная деятельность организации». Моментом восстания предполагалась весна 1870 года.

Именно этот план Нечаев впоследствии пытался осуществить на практике. За исключением «государственного» элемента, содержащегося в этой программе, основные положения ее во многом совпадают с взглядами, изложенными Бакуниным в № 1 «Народного Дела» [1]. Обра-

[1] Вероятно, именно этот документ имел в виду Бакунин, когда в прокламации к «Офицерам русской армии» (январь 1870 года) писал, что «около года тому назад комитет, найдя полезным известить меня о своем существо-

щает на себя внимание то обстоятельство, что мысль об издании «революционного катехизиса», устанавливающего правила для членов организации, возникла в России до встречи Нечаева с Бакуниным.

В разгар подготовительной работы среди студенчества начались аресты. Положение Нечаева, деятельность которого уже обратила на себя внимание полиции, стало опасным. Он решил уехать из Петербурга. Полиции сделалось известно участие Нечаева на одной из сходок (на квартире студента Любимова). Участники сходки были переписаны, а устроители приглашены в полицию для об'яснений. Был ли Нечаев задержан или только вызван в полицию для допроса, трудно установить. В первом полицейском документе определенно говорится что Нечаев «уже арестован». Но в следующих сообщается только о том, что за ним установлен надзор [1]. Как бы там ни было, понял ли Нечаев, что ему предстоит близкий арест или же он был временно действительно задержан и скрылся из полицейского участка, но он решил бежать. Однако бежать не просто, а с церемонией.

В. Засулич, бывшая тогда 15-летней девушкой, получила по городской почте конверт с двумя записками. В одной было сказано: «Идя сегодня по Васильевскому острову, я встретил карету, в которой возят

вании, прислал мне программу с изложением общего плана революционного действия в России». По этим словам выходит, что программа была прислана Бакунину из Петербурга еще до приезда Нечаева за границу. Но ввиду общего мистификаторского тона брошюры полагаться на точность ее указаний трудно. Более вероятно, что Нечаев привез эту программу с собой.

[1] По обозрении всей относящейся к этому делу переписки Александр II, которому эти события лично докладывались, сделал вывод, что Нечаев никогда арестован не был. Но возможно, что он из участка сбежал, и полиция затем старалась загладить свой промах, сообщая в следующих документах, что Нечаев не подвергся личному задержанию. См. Дело 3-й экспедиции III отделения 1869 г., № 112, ч. I, листы 1, 3—4, 15, 16—17. (За сообщение выписок из этого дела приношу свою благодарность т. Гамбарову.) В рапорте руководившего захватом Нечаева в Цюрихе жандармского майора Николича-Сербоградского П. Шувалову от 7/19 августа 1872 года имеется место, подтверждающее версию о действительном аресте Нечаева в 1869 году. «Князь (Горчаков) спросил меня, не имею ли средство удостоверить швейцарскому правительству, что имеющее быть указанным лицо действительно будет Нечаев. Тут я предложил его светлости телеграфировать в Петербург и просить о присылке действительного статского советника Колушкина (Колышкина), знавшего Нечаева по случаю арестования его и допросов о сходках в 1869 году во время студенческих беспорядков» (Р. Кантор — «В погоне за Нечаевым», изд. 2-е, Ленинград, 1925, стр. 131).

арестантов, из ее окна высунулась рука и выбросила записку, при чем я услышал слова: «Если вы студент, доставьте по адресу». Я — студент и считаю долгом исполнить просьбу. Уничтожьте мою записку». Подписи не было. На другой записке рукою Нечаева было написано: «Меня везут в крепость, какую — не знаю. Сообщите об этом товарищам. Надеюсь увидаться с ними, пусть продолжают наше дело».

Несмотря на явную вздорность обеих записок, а особенно невероятность обстоятельств, сопровождавших их передачу, им придали веру, и студенты даже требовали освобождения Нечаева из-под ареста.

Этой проделкой начинается та система мистификаций, к какой прибег Нечаев для создания централизованной и дисциплинированной революционной организации.

Зачем Нечаеву нужна была эта мистификация? Дело ясно. Лично он не пользовался особым авторитетом, революционного стажа у него не было, по молодости лет он не мог оказывать решающего воздействия на окружающих, среди которых были люди, стоявшие выше его в смысле образования и влияния. И Нечаев задумал на время исчезнуть для того, чтобы вернуться уже другим человеком, со славою борца, пострадавшего за свои убеждения. Для этого и придумана была легенда с крепостью, побегом и т. п. В русской революционной истории это был первый случай такого обмана [1].

Но этого мало. Нечаеву нужно было еще прикрыться б о л е е г р о м к и м и м е н е м, чем его собственное. Ему нужно было заключить союз со старым революционером, пользующимся большою популярностью среди молодежи, и выступить в роли его союзника и поверенного. Т а к и м ч е л о в е к о м б ы л Б а к у н и н. И Нечаев, после короткого пребывания в Москве и неясной поездки на юг России, весною 1869 года (в начале марта) двинулся за границу для встречи с Бакуниным.

---

[1] А. Гамбаров, в котором адвокат решительно перевешивает исследователя, категорически утверждает, что Нечаев был действительно арестован, хотя по своему обыкновению этого не доказывает, и говорит: «К числу таких «легенд» относится неизвестно кем пущенный слух, что в конце января 1869 года Нечаев не был арестован, что версию об аресте он распустил сам, дабы в глазах студенчества придать себе авторитет человека, пострадавшего уже за свои политические убеждения» (стр. 19). Легенда заключается вовсе не в этом. Если даже допустить, что Нечаев был задержан на пару часов в участке, то распущенный им слух о его б е г с т в е и з П е т р о п а в л о в с к о й к р е п о с т и (об этом Гамбаров умалчивает!) был развязнейшей мистификацией. От этого факта не отговоришься никаким благородным негодованием.

2. Нечаев и Бакунин.

Первая встреча Нечаева с Бакуниным состоялась в конце марта 1869 года в Женеве, при чем Нечаев произвел на Бакунина весьма выгодное впечатление [1]. Новые союзники быстро столковались, при чем каждый из них рассчитывал использовать своего контрагента в своих собственных интересах или, лучше сказать, в интересах своего собственного дела.

Часто ставился вопрос, кто из них двоих сыграл главную роль в так называемой «нечаевщине» (понимая под последней не просто заговор с целью революционного переворота, а создание организации путем специфических приемов мистификации, насилия, сплошного дурачения и т. п.). Мы думаем, что сыграл ее Бакунин. Друзья последнего, да и он сам в первую голову, позже старались представить Бакунина в виде жертвы нечаевских обманов и плутней, при чем Бакунин изображается в виде невинного и наивного добряка, введенного в заблуждение ловким обманщиком, а Нечаев—в виде какого-то коварного Яго, опутавшего и запутавшего доверчивого и благодушного старика. Этому, разумеется, трудно поверить [2].

В момент их первой встречи Нечаев был 22-летний юноша, правда, весьма энергичный, но неопытный, без связей, без влияния, без средств,

---

[1] Герцену он решительно не понравился, и тот уклонялся от встреч с ним. Напротив, на Огарева он возымел влияние через посредство Бакунина. Надо сказать, впрочем, что решительный характер Нечаева действовал и на Герцена. В письме к Огареву от 2 июля 1869 года он пишет: «Бакунин тяготит массой, юной страстью, бестолковой мудростью. Нечаев, как абсент, крепко бьет в голову».

[2] Сравнивая характеры Нечаева и Бакунина, Рязанов («Маркс и Энгельс», стр. 223—224) отдает преимущество первому. «Нечаев,—говорит он,—малообразованный человек, отрицавший, как совершенно бесплодную, всякую теоретическую работу, был человеком исключительной энергии, с железной волей, беззаветно преданным своему делу революционером, доказавшим после, и на суде, и в тюрьме, свое непоколебимое мужество и непримиримую ненависть к угнетателям и эксплоататорам народа. Готовый на все, считая хорошими все средства для достижения главной цели, которой он посвятил свою жизнь, он никогда не унижался до них, когда речь шла о его личности. В этом отношении он стоит несравненно выше Бакунина, который шел на всякие сделки и во имя личных целей. В этом отношении превосходство Нечаева не подлежит никакому сомнению, и все показывает, что это прекрасно сознавал и сам Бакунин, высоко ценивший и уважавший Нечаева,—человека, который в умственном отношении стоял значительно ниже его».

без имени. Бакунин дал ему и то, и другое, и третье. Можно сказать, что только после соединения с Бакуниным Нечаев стал более или менее заметной фигурой. Тот Нечаев, которого мы знаем по процессу, был в значительной мере создан Бакуниным, да и сама организация, впоследствии созданная Нечаевым, была бы невозможна без патроната Бакунина.

Правда, Нечаев отличался выдающейся энергией и преданностью революционному делу, о чем согласно свидетельствуют все знавшие его люди, даже те, которые пострадали от его бесцеремонных приемов. Но этого было мало для того, чтобы целиком захватить Бакунина и заставить его принять участие в задуманном предприятии. Если даже допустить, что он поверил Нечаеву, когда тот представился ему в качестве представителя или делегата от какого-то таинственного русского революционного комитета [1], то и в таком случае нельзя об'яснить той энергии, с какою Бакунин ринулся в нечаевские предприятия. Секрет заключается в том, что если Бакунин тогда нужен был Нечаеву, то и Нечаев в тот момент не менее нужен был Бакунину.

Впоследствии Бакунин, как сообщает Ралли, уверял, что он искренно верил всем сообщениям относительно организации, переданным ему и Огареву Нечаевым. «Конечно, — говорил Бакунин, — я не верил в окончательный успех дела так, как его мне представлял Нечаев, который убеждал меня, Герцена и Огарева, что Россия мужицкая готова восстать, что комитет имеет глубокие связи в войске, и что власть будет захвачена людьми комитета. Я тоже был убежден, что товарищи Нечаева по всему вероятию очень скоро попадутся в лапы Третьего Отделения, и что разыграется старая русская история с ее каторгой, а может быть, и виселицей. Все это, однако, не умаляло моего интереса к делу, и я был уверен, что мне удастся провести через Нечаева и его товарищей наши идеи и наш взгляд на вещи в России, а также я думал серьезно, что Нечаев способен будет стать во главе русской ветви революционного союза моего. Этим он и был дорог мне» (разрядка моя).

В этом и кроется разгадка того слепого доверия Бакунина к Нечаеву, которое всех поражало (если было такое слепое доверие), и того тесного сотрудничества, которое установилось между этими двумя

---

[1] По рассказу Ралли, Бакунин из сообщенных ему фамилий членов комитета слышал только о Ткачеве. Какие именно фамилии сообщил ему Нечаев, мы не знаем («Минувшие Годы», 1908 г., № 10, стр. 157).

столь различными людьми. Бакунин хотел использовать Нечаева в интересах своего Альянса. Это было, разумеется, совершенно естественно. Но того же нельзя сказать о том легкомыслии, которое было Бакуниным проявлено в этом деле, и о той системе всесторонней мистификации, которую оба они применяли в дальнейшем. Эта система была вполне в духе Бакунина. Здесь они с Нечаевым быстро столковались. Конечно, Нечаев уже самой обстановкой своего от'езда из России показал свою склонность к такому методу работы, но если бы Бакунин на первых порах остановил скромного юношу и выяснил ему, что обманом никакого прочного революционного дела не создашь, возможно, что тот бы поостерегся и не пошел бы до конца по избранному им пути. Но Бакунин не только этого не сделал, но, напротив, раздул эту систему и довел ее до конца, как мы сейчас увидим.

По рассказу Ралли, Нечаев познакомился в Женеве также с Утиным, с которым не поладил. «Относительно несогласия между Утиным и Нечаевым, — говорит Ралли, — следует заметить здесь, что заявление Н. Утина, будто в это время он получил из Петербурга обстоятельные предостережения по поводу новоприбывшего, абсолютно ложно (?). Таковых сведений в то время не могло (?) быть, так как сам Нечаев еще не имел никакого плана действия и много позже (?) стал рассказывать о своем псевдо-бегстве из Петропавловской крепости [1], а также о существовании какого-то комитета партии в России. Нечаев, познакомившись с М. А., на первых порах был почти что совершенно правдив (разрядка моя) и только преувеличивал количественно круг своих связей в России, относительно же существования какой-либо партии не говорил ничего определенного, что, однако, Бакунину казалось похвальной тактикой хорошего конспиратора» («Минувшие Годы», цит. ст., стр. 153) [2].

Из подчеркнутых нами слов Ралли вытекает вполне определенный вывод, а именно, что система мистификации если не была полностью подсказана Нечаеву Бакуниным, то во всяком случае обдумана и пущена в ход обоими ими совместно, по взаимному соглашению. Так

---

[1] На самом деле, как мы знаем, Нечаев уже своей запиской к Засулич еще до от'езда за-границу пустил в ход эту выдумку.

[2] Гамбаров (стр. 21) использует эти слова Ралли для опровержения утверждения, что Нечаев выдавал себя за представителя русского комитета. При этом он умалчивает о других заявлениях Ралли в той же статье, которые определенно говорят именно об этом (например, место на стр. 157 статьи Ралли, приведенное нами выше).

оно, как мы увидим, и было. Но пока остановимся на утверждении Ралли, что в первый момент насчет Нечаева якобы не раздавалось да и не могло раздаваться предостерегающих голосов. Это неверно. В брошюре об Альянсе (стр. 61) определенно рассказывается, что сообщения Нечаева сразу вызвали подозрения. «Некоторые эмигранты положительно знали, что никакой делегат из Петербурга не посылался; другие, поговорив с мнимым делегатом, приняли его за шпиона. В конце концов он назвал свое настоящее имя — Нечаев; он рассказывал, что бежал из Петропавловской крепости, куда был заключен в качестве одного из главных деятелей студенческих беспорядков, вспыхнувших в столице в январе 1869 года. Многие эмигранты, отбывавшие продолжительное заключение в этой крепости, по опыту знали о невозможности всякого бегства оттуда; таким образом они знали, что по этому пункту Нечаев лжет... Но Бакунин с большим треском выступил в защиту Нечаева. Он повсюду заявлял, что тот является «чрезвычайным посланцем крупной тайной организации, существующей и действующей в России». Тогда Бакунина просили не сообщать этому человеку имена своих знакомых, которых он мог скомпрометировать. Он обещал, и документы процесса показали, как он сдержал свое слово» [1].

Не забудем, что как раз в то время (с февраля по май 1869 года) в Женеве находился участник студенческого движения Негрескул. Он тоже обличал Нечаева как лгуна и самозванца. Повидимому, именно его имеет в виду брошюра об Альянсе, когда продолжает: «Во время свидания, которого Нечаев добился от одного эмигранта, он принужден был признать, что он не делегирован никакой тайной организацией, но у него были, по его словам, товарищи и знакомые, которых он хотел сорганизовать, прибавив, что необходимо забрать в руки старых эмигрантов, для того чтобы воздействовать их именами на молодежь и воспользоваться их типографией и деньгами» [2].

Приведем кстати другое свидетельство, правда, относящееся к более позднему времени, но также показывающее, что Бакунин и позже покрывал Нечаева и его плутни. Речь идет о сообщении, которое сделал Марксу Лопатин, также обличавший обманные действия Нечаева. В письме от 5 июля 1870 года («Briefwechsel», том IV, стр. 292—293) Маркс пишет Энгельсу: «Он (Лопатин) рассказал мне, что вся история о Нечаеве (23 лет) выдумана и лжива от начала до конца.

---

[1] Здесь брошюра ошибается: никаких адресов в России Бакунин Нечаеву не давал, да и не мог дать.

[2] Последнее могло относиться только к Герцену (и отчасти к Огареву).

Никогда Нечаев не сидел в русских тюрьмах, никогда русское правительство не пыталось его убить [1] и т. д. Дело обстоит так. Нечаев (один из немногих агентов Бакунина в России) принадлежал к тайному обществу [2]. Другой юноша Х., богатый и восторженный, поддерживал это общество деньгами через Нечаева. В один прекрасный день Х. заявил Нечаеву, что не даст больше ни копейки, так как не знает, куда эти деньги идут. Тогда г. Нечаев (может быть, потому, что не мог дать отчета в этих деньгах) предложил своим сотоварищам по тайному обществу убить Х., так как он может-де в будущем изменить свои убеждения и сделаться предателем. И он действительно его убил. Таким образом русское правительство преследует его как простого убийцу [3].

«В Женеве Лопатин прежде всего потребовал у Нечаева об'яснения (по поводу его лживых росказней); тот в оправдание ссылался на пользу этих политических сенсаций для так называемого дела. Тогда Лопатин рассказал всю историю Бакунину, который заявил, что он, «добродушный старик», всему этому поверил. После этого Бакунин потребовал, чтобы Лопатин повторил все это в присутствии Нечаева. Лопатин сейчас же отправился с Бакуниным к Нечаеву, где сцена повторилась. Нечаев молчал. Пока Лопатин оставался в Женеве, Нечаев держал себя весьма скромно — тише воды, ниже травы. Но как только Лопатин уехал в Париж, эта нелепая комедия началась снова. Вскоре после того Лопатин получил по этому поводу ругательное письмо от Бакунина. Он ответил ему в еще более ругательном тоне. В результате Бакунин написал покаянное письмо (оно здесь в руках у Лопатина), но ведь он — добрый, доверчивый старик» [4].

Почему же Бакунин так ухватился за Нечаева, почему он так тесно связался с ним, несмотря на то, что ему с разных сторон делались предостережения насчет его нового союзника?

Во-первых, его прельстила решимость Нечаева, его горячая преданность делу революции, его глубокая любовь к угнетенному народу. Об этих чертах Нечаева единогласно свидетельствуют все, кто с ним

---

[1] Позже Нечаев, как мы увидим, распространял и такой слух.

[2] Речь идет о последующем периоде деятельности Нечаева и о тайном обществе, созданном им в России осенью 1869 года.

[3] Русское-то правительство действительно добивалось выдачи Нечаева как простого уголовного преступника, но, как бы ни относиться к убийству Иванова, совершенно очевидно, что это был политический акт.

[4] К сожалению, неизвестно, где находится это письмо Бакунина к Лопатину.

встречался. И Бакунин действительно был ими очарован. 13 апреля 1869 года он писал Гильому:

«Сейчас я по-горло занят событиями в России. Наша молодежь, в теоретическом и практическом отношении, пожалуй, самая революционная в мире, сильно волнуется, так что правительству пришлось закрыть все университеты, академии и многие учебные заведения в С.-Петербурге, Москве и Казани. У меня теперь находится один такой образец этих юных фанатиков, которые не знают сомнений, ничего не боятся и принципиально решили, что много, много их погибнет от руки правительства, но что они не успокоятся до тех пор, пока не восстанет народ. Они прелестны, эти юные фанатики, верующие без бога и герои без фраз! Папаша Мерон и ты тоже испытали бы удовольствие при виде того, который гостит у меня».

В таком же восторженном духе он писал Альберу Ришару 7 февраля 1870 года, т.-е. уже после возвращения Нечаева из России. Замечательно, что в этом письме (отчасти уже цитированном нами на стр. 94—95 этого тома) Бакунин не только восхищается организационными приемами Нечаева, которые он ставит в пример европейскому рабочему движению (!), но и выступает в качестве соучастника лживой легенды о мнимом аресте, избиении и страданиях Нечаева.

«Ах, мой милый, — писал он, — как эти ребята там работают, какая у них дисциплинированная и серьезная организация, и какая мощь коллективного действия, где все личности стерлись, отказываются даже от своего *я*, от всякой репутации, от всякого тщеславия и от всякой славы, беря на себя только риск, опасности, жесточайшие лишения, но вместе с тем сознавая, что они представляют силу и действуют! Ты не забыл моего «юного дикаря»? [1]. Так вот, он вернулся. Он наделал таких дел, что у вас этому просто не поверили бы. Он страдал ужасно, был арестован, избит до полусмерти, затем освобожден и начал все с самого начала (разрядка моя). И все они таковы». (И дальше идет цитированное место о бессмертном незримом «легионе».)

И даже позже, уже после разрыва с Нечаевым, Бакунин продолжал признавать в нем крупную революционную силу, неукротимую энергию и горячую преданность народным интересам. В известном письме к А. Таландье от 24 июля 1870 года, имеющем целью дискредитировать Нечаева в глазах адресата и его друзей, Бакунин тем не менее признает его недюжинную энергию и преданность интересам народа.

---

[1] Ришар встретился с Нечаевым у Бакунина.

То же он говорит и в письме к Огареву от 2 ноября 1872 года, уже после ареста Нечаева [1].

Мы видим, что увлечение Бакунина Нечаевым вначале было искреннее. Но одним этим нельзя об'яснить той интимной близости, которая сразу установилась между Нечаевым и Бакуниным и толкнула последнего на ряд весьма опрометчивых и даже гибельных для него шагов. Насколько Нечаев одно время овладел волею рыхлого и, несмотря на свою революционную фразеологию, благодушного Бакунина, видно из факта, сообщаемого со слов старых эмигрантов М. Драгомановым (в комментариях к «Переписке» Бакунина, Женева 1896 г., стр. 343). По его словам, Бакунин выдал Нечаеву расписку, в которой обязывался во всем подчиняться Нечаеву как представителю русского революционного комитета, даже если бы ему приказано было делать фальшивые деньги, при чем в знак полного отречения Бакунин подписался женским именем «Матрена». Можно было бы счесть это анекдотом, но воспоминания Ралли подтверждают этот невыгодный для репутации Бакунина, как серьезного человека, факт [2].

Здесь действовал и другой мотив, на который мы уже выше указывали: если Нечаев хотел использовать Бакунина в своих интересах, то и Бакунин хотел сделать Нечаева своим орудием и агентом. Чтобы понять действительную причину увлечения Бакунина Нечаевым, нужно вспомнить то положение, в котором находился Бакунин, когда встретился с «юным дикарем», «тигренком» и «благородным авантюристом», как Бакунин называл своего нового союзника.

---

[1] См. оба эти письма в § 4 второй главы этой части.

[2] В письме В. Гольстейна к Ралли от 2 октября 1873 года имеется следующая фраза: «Нам по-нечаевски наплюют в рожу; скажут, что мы мерзавцы, с которых пришлось взять расписку: ее будут показывать, как показывал бедный Нечаев расписку, подписанную «Матреной», и т. д.» (Сборник «О Минувшем», стр. 342). Значит, Нечаев не делал даже из этой расписки особенного секрета! Факта выдачи такой расписки не отрицает и Неттлау.

Однако М. Сажин в устной беседе со мною (30 сентября 1926 года) уверял, что такого документа не существовало, и что всю эту историю выдумал Г. Лопатин. Сажин ссылался при этом на то обстоятельство, что среди разобранных им (в 1872 г.) бумаг Нечаева такой расписки не оказалось. Но ведь бумаги эти разбирали также Ралли и Гольстейн; однако Гольстейн подтверждает существование этой расписки, а Ралли, приводя письмо Гольстейна, против этого указания не возражает. Следовательно, они-то не считали отсутствие упомянутой расписки в архиве Нечаева доказательством ее несуществования.

Предоставим слово Ралли. «В тот момент, — рассказывает он, — Бакунин разошелся со всеми (членами русской эмигрантской колонии в Женеве), кроме Огарева и Н. Жуковского; будучи совершенно один, он уже собирался покинуть Женеву и переехать куда-либо поближе к Италии, где имел искренних прозелитов среди итальянской молодежи. Нечаев увлек Бакунина своим темпераментом, непреклонностью своей воли и преданностью революционному делу. Конечно, Бакунин сразу увидел и те крупные недостатки и отсутствие какой-либо эрудиции в новом эмигранте, но как М. А., так и все те, которые встречались в те времена с Нечаевым, прощали ему все ради той железной воли, которой он обладал».

И дальше Ралли, в цитированном нами выше месте, говорит о намерении Бакунина попытаться провести через Нечаева в России программу Альянса и поставить его во главе русской его ветви. Тут-то и начинается колоссальная мистификация, в которой на этот раз повинен был уже не Нечаев (который, по словам Ралли, в то время вел себя скромно и правдиво), а именно Бакунин.

«Увлеченный необычайной энергией новоприбывшего, — в эпическом тоне повествует Ралли, — Бакунин решил сделать его представителем русской ветви Всемирного своего революционного союза. Вот что рассказывал мне по этому поводу М. А.: «Ввести Нечаева в Альянс я не хотел сразу уже потому, что в то время еще не предполагал открыть в нем и русский отдел. Поэтому-то я и решил сделать его представителем особого (!) революционного общества, в которое вошли бы, с одной стороны, все его товарищи в России, а вне России связующим звеном был бы я со всеми моими из М[еждународного] О[бщества] рабочих (?). Поэтому-то и была заказана особая печать с надписью «Alliance révolutionnaire européenne», и полномочие, которое я дал Нечаеву, было подписано лично мною. С этим полномочием, собственно говоря, личным от меня (курсив мой), он и уехал в Россию»...

«Это об'яснение, — продолжает Ралли, — ясно доказало мне, что как русский революционный комитет был фантазией Нечаева[1], так точно и «Революционный Европейский Союз» был измышлен М. А. для его личной связи с С. Г. (т.-е. Нечаевым), которого, однако, Бакунин серьезно считал делегатом от какого-то комитета в России. Ман-

[1] А между тем, как мы видели выше, именно на свидетельство Замфира Ралли ссылается Макс Неттлау, чтобы доказать действительное существование этого комитета.

дат, данный Бакуниным, а также рекомендации к Любену Каравелову[1] в Бухарест много послужили Нечаеву (курсив мой). В Москве в особенности этот мандат произвел большое впечатление на Успенского и других».

Здесь мы пока прерываем цитату из воспоминаний Ралли. Но и того, что мы привели, достаточно для определенного вывода. Мысль об использовании того авторитета, каким пользовался Интернационал среди русской молодежи, хотя и имевшей о нем самое поверхностное и неполное представление, принадлежит Бакунину. Но использовать это обаяние Интернационала Бакунин хотел для своего Альянса, который он, конечно, искренно считал лучшей и самой передовой частью Интернационала. Однако верный своей манере конспирировать и интриговать даже в своей ближайшей интимной среде, он не хотел подчинить будущую русскую организацию непосредственно Альянсу, а решил держать все нити этого нового дела в своих собственных руках. С этой-то целью он и придумал несуществовавший «Европейский Революционный Союз», который являлся новой пристройкой к Альянсу, но оставался для него секретом и вместе с тем был для него недосягаем; с этой целью он и дал Нечаеву полномочие, которое он суб'ективно мог толковать как данное лично от себя, но которое разумеется, теми, кому его пред'являли, понималось как мандат от могучей тайной международной организации, смешиваемой с Интернационалом, известным этим людям по смутным и отрывочным слухам [2]; с этой целью он и назначил Нечаева представителем несуществующей ветви этого несуществующего «Европейского Революционного Союза», а себя — единственным посредником между этой будущей русской ветвью и Альянсом. В основу нечаевского дела лег таким образом второй обман, перед которым первая

---

[1] Каравелов, Любен (1839—1879) — болгарский писатель и революционер; был знаком с Бакуниным, который одно время возлагал на него большие надежды, но впоследствии разочаровался в революционных методах борьбы; брат известного болгарского политического деятеля Петко Каравелова, стамбуловца (1840—1903).

[2] Впрочем, смешивали не только русские студенты, но и такой европейский историк, как Тун, который в своей известной «Истории революционных движений в России» (ГИЗ, 1920 г., стр. 89) сообщает, что «Бакунин принял Нечаева в Интернационал, снабдил членской картой за № 2771 и назначил организатором русского отдела своего интернационального Альянса». В Интернационал Бакунин сам не имел права никого принимать.

нечаевская выдумка о мнимом побеге из крепости сразу побледнела, и который, естественно, сыграл более решительную роль во всем дальнейшем ходе событий, чем наивная выдумка Нечаева.

Мандат, выданный Бакуниным Нечаеву, был датирован 12 мая 1869 года и гласил: «Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза, 2771» [1], он был подписан «Михаил Бакунин», а на печати были выгравированы слова: «Alliance révolutionnaire européenne. Comité général» (Европейский Революционный Союз. Главный Комитет).

Как видим, здесь сколько слов, столько и лживых утверждений. Не было никакого «Всемирного Революционного Союза» (если, впрочем, не разуметь под ним тайного Альянса социалистической демократии); не было во всяком случае «Европейского Революционного Союза», а тем паче его «Главного Комитета»; не было и «русского отдела» этого союза; не было и его представителей, кроме Нечаева. И с такой сплошной лжи и мистификации Бакунин начинал организацию тайного общества для подготовки «всесокрушающей» народной революции в России! Таким образом инициатором того колоссального обмана, каким было все «дело Нечаева», явился не кто иной, как М. А. Бакунин [2]. Дальше мы увидим продолжение этой системы.

Но те благородные юноши, которые рвались в России к служению родному народу, принимали все эти развязные выдумки за чистую монету. Отрезанные царской цензурой от европейской жизни, питаясь обрывками сведений о ней, они сделались легкой жертвой этого систематически задуманного и проводимого обмана. Где им было знать, что «Главный Комитет Европейского Революционного Союза», составляющего, в свою очередь, лишь часть «Всемирного Революционного Союза», есть плод измышления Бакунина? Они верили в его суще-

---

[1] Эта цифра также преследовала специфические цели: она должна была вводить в заблуждение и вызывать мысль, что таких агентов, как Нечаев, было очень много.

[2] Верный своей системе, А. Гамбаров (стр. 21) ссылается на этот документ для опровержения «обвинения, что Нечаев возвратился в Россию самозванцем». Конечно, в этой мистификации вина Бакунина больше, но Гамбарову следовало бы доказать, что Нечаев искренно верил в существование европейского комитета, не участвовал в создании этого мифа и не знал, что № 2771 (который Гамбаров кстати пропускает!) был предназначен для введения в заблуждение.

ствование и наивно смешивали его с Международным товариществом рабочих. Кто, кроме маленькой кучки непосвященных, знал тогда о тайном Альянсе? Зато Интернационал был на виду, действовал гласно, наполнял мир шумом своих выступлений, отголоски которого доходили и до наглухо законопаченной России, и возбуждал смелые надежды в сердцах угнетенных всего мира. Ведь в своих писаниях, предназначенных для публики, Бакунин тоже говорил всегда об Интернационале, верным членом которого он себя выставлял и на который возлагал главные надежды в смысле полного освобождения трудящихся. И когда Нечаев, после первых встреч с Бакуниным, писал в Россию 4 апреля 1869 года, что «здесь дело кипит: варится такой суп, что всей Европе не расхлебать», то читатели этого письма (если не он сам) могли понимать эти слова только как указание на работу Интернационала [1].

Но на этом задуманная Бакуниным мистификация не остановилась. Нужно было создать новому агенту Бакунина еще больший ореол. Собственная подпись под мифическим мандатом признавалась Бакуниным, видимо, недостаточной. Надо было вовлечь в дело мистификации и другое славное имя — старого эмигранта Огарева. Последний в тот момент находился под сильнейшим влиянием Бакунина и хотя по своей натуре не был склонен к таким маккиавелическим приемам, но был, очевидно, в достаточной мере в этом направлении обработан. И вот Бакунин убедил Огарева посвятить Нечаеву стихотворение «Студент», написанное было Огаревым в память своего друга юности С. И. Астракова [2]. Стихотворение это, сильно идеализировавшее Астракова и в сущности говорившее не о нем, а о самом авторе его, Огареве, изображало этого «студента» в виде борца за народ, погибшего на сибирской каторге. Вот оно:

---

[1] Правда, в том же письме Нечаев говорит, что «настоящее вино без подмесей здесь только у Б[акунина] и можно достать». Но эти слова могли означать не предпочтение программы Альянса программе Интернационала, а могли относиться к чисто русским делам и указывать на то, что из русских эмигрантов наиболее решительным и крайним является Бакунин. Об Интернационале Нечаев мог тогда иметь самое неопределенное представление; вряд ли Бакунин посвятил его в тайны Альянса. Но что Бакунин по-своему об'яснял Нечаеву характер происходившей в недрах Интернационала борьбы, это более чем вероятно. И когда Нечаев в № 1 «Общины» говорит о «белоручках» в Интернационале, о рабочей аристократии и в частности о «часовщиках», он, несомненно, повторяет слова Бакунина.

[2] Этот Астраков, приятель Герцена и Огарева, умер в 1867 году от чахотки, но не в Сибири, а у себя дома в Москве, где он был учителем.

СТУДЕНТ.

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей лучшей доли.

* * *

И гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье, —
Кликнуть клич по всем крестьянам
От востока до заката:
Собирайтесь дружным станом,
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

* * *

Жизнь он кончил в этом мире
В снежных каторгах Сибири.
Но, до-тла не лицемерен,
Он борьбе остался верен,
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

Н. Огарев.

Получив это стихотворение, Бакунин на оригинале его сделал следующую приписку: «Великолепно, а лучше бы, полезнее для дела было бы, если бы заместо памяти Астракова ты посвятил это стихотворение „молодому другу Нечаеву“». Огарев так и сделал. Стихотворение было отпечатано отдельным листком и впоследствии распространялось в России. Таким образом первый обман Нечаева о побеге из-под ареста возводился в куб. Надо полагать, что отсюда и возникла позже у Нечаева мысль создать добавочную легенду о своей смерти [1].

[1] В связи с этим инцидентом Драгоманов, повидимому, со слов семьи Герцена, рассказывает еще про следующий случай: «Подобным же образом

После этого друзья решили, что почва отчасти подготовлена, и принялись за литературную кампанию. Средства для нее доставил «общий» (иначе «бахметьевский») фонд [1].

В 1858 году к Герцену в Лондон явился молодой человек, некий Бахметьев (личность, до сих пор не вполне выясненная). Покинув навсегда Россию и уезжая на Маркизские острова, где он собирался основать какую-то коммуну, Бахметьев оставил Герцену 800 фунтов стерлингов (около 8 000 рублей или 20 000 франков) на нужды русской революционной пропаганды. Деньги эти были положены в банк на имя Герцена и Огарева и до 1869 года, несмотря на неоднократные требования молодой эмиграции, вследствие сопротивления Герцена лежали без употребления. Когда Нечаев появился за границей, Бакунин через Огарева начал настаивать на передаче этих денег в распоряжение Нечаева как представителя русского революционного комитета. Герцен, не относившийся к Нечаеву серьезно и считавший это передачею денег в распоряжение Бакунина, категорически против этого возражал. Но Огарев, побуждаемый к тому Бакуниным, столь же твердо стоял на своем, находя вместе с Бакуниным, что такое бесплодное хранение фонда бессмысленно. Тогда по предложению Герцена фонд разделен был на две части, и одну из них получил Огарев [2], немедленно

Бакунин хотел добыть признание Нечаева и со стороны Нат. Ал. Герцен. Для этого он просил последнюю нарисовать виньетку — мужика (великорусского) с топором — и подписать свое имя, но ни за что не соглашался сказать, какое употребление он сделает из этой виньетки. Н. А. Герцен отказала. Вообще надо сказать, что пробы маккиавелизма, как и конспираторства, у Бакунина отличались большой наивностью: видно, что добродушная, русско-помещичья натура Мих. Ал—ча не имела в себе ни зерна натуры хитрого венецианца Яго!» (Введение к «Переписке Бакунина», стр. XCVI заграничного издания).

[1] Историю этого фонда Герцен рассказал в главе XII шестой части «Былого и Дум». Впервые она была опубликована в сборнике «Посмертных статей» Герцена его наследниками в 1870 году за границей. Напечатана в томе XIV Сочинений Герцена под ред. М. Лемке, стр. 411 — 421. Со слов сына Герцена (А. А.) в № 46 «Вольного Слова» за 1882 год, редактировавшегося Драгомановым, помещена была заметка, рассказывавшая о судьбе этого фонда. Об этом же рассказывается в «Воспоминаниях» Тучковой-Огаревой, стр. 127—130 и 264—266, а также в «Воспоминаниях» Г. Пассек, т. III, стр. 129—133. Материалы по этому вопросу имеются и в «Переписке Бакунина», изданной Драгомановым.

[2] В письме от 29 июля 1869 года Герцен, сообщая о выделении 7 950 франков (остальные Огарев забрал до того), писал: «Ты знаешь, что я протестую. Ты должен взять на свою полную единичную ответственность все подобные траты». Остальные 10 000 франков Герцен хотел

же передавший ее Нечаеву. Таким образом последний получил средства на дело.

О дальнейшей судьбе фонда мы расскажем в следующей главе.

3. Литературная подготовка Нечаевского дела.

а) Произведения, авторство которых Бакунину не принадлежит или всеми оспаривается.

За время, протекшее с марта по август 1869 года (то-есть до возвращения Нечаева в Россию), выпущен был целый ряд листовок и брошюр, из которых часть подписана Бакуниным, одна — Нечаевым, а остальные вышли анонимно. Последние приписывались, а многими (например, М. Неттлау, В. Черкезовым, А. Карелиным и т. д.) и до сих пор приписываются, или большею частью, или даже исключительно, Нечаеву. Постараемся же разобраться в этом вопросе.

Обладал ли Нечаев достаточным образованием и литературным талантом? Современники его, даже те, которые дают самый лестный отзыв об его энергии и преданности народному делу, единодушно отрицают за ним как образование, так и литературные способности. А. И. Успенская приводит слова своей сестры В. И. Засулич: «Где ему (Нечаеву) стихи писать, — он и прозой-то плохо пишет». Допустим даже, что здесь имеется некоторое преувеличение, что Нечаев умственно вовсе не был таким беспомощным человеком, каким изображают его многие свидетели, но совершенно ясно, что во всех вопросах, кроме чисто практических и организационных, он должен был пасовать перед Бакуниным и поддаваться его влиянию. Особенно это можно сказать о первом периоде пребывания Нечаева за границей: впоследствии он оперился и даже начал показывать Бакунину когти, но в то время он, несомненно, вдохновлялся и руководился своим более старым, опытным и сведущим товарищем. И если бы даже некоторые издания этого периода действительно принадлежали вполне или главным образом самому Нечаеву, то совершенно немыслимо, чтобы

вложить в типографию, чтобы составить капитал, «не легко убакуниваемый», и советовал так же поместить 5 000 франков Огареву. В письме от 11 августа 1869 года Герцен, говоря, что у Бакунина «дурной глаз», и что в деле фонда он действует на Огарева и через Огарева, прибавляет: «Вообрази, что будет, когда он унесет десятую тысячу, и нужны будут 100 франков на дело, не ясное для меня». И дальше он снова советует Огареву вложить часть полученных им денег в типографию: «Вот и центр пропаганды и обеспеченье хоть вполовину Б[акунину]».

и их он решился печатать и выпускать в свет без одобрения, просмотра и исправления Бакуниным. Вот почему уже a priori нужно допустить, что в рассматриваемый период главным автором «нечаевской» литературы, даже анонимной, был Бакунин. Относительно некоторых неподписанных прокламаций того времени это более или менее твердо уже установлено. Впрочем, если бы это даже было и не так, то тем не менее совершенно очевидно, что Бакунин в полной мере должен нести морально-политическую ответственность за все литературные произведения этого периода, связанные с делом Нечаева [1].

За это время ими выпущены были следующие издания: 1) прокламация «Русские студенты», датированная «Женева, апрель 1869». До сих пор она приписывалась Бакунину: теперь установлено, что она принадлежит Огареву [2]; 2) «Студентам Университета, Академии и Технологического Института», подписанная Нечаевым [3]; 3) прокламация «Несколько слов к молодым братьям в России», датированная «Женева, 1869», написанная в мае и подписанная Бакуниным (перепечатана в брюссельской «Liberté» и в либкнехтовском «Volksstaat'e») [4]; 4) листовка «Постановка революционного вопроса», относящаяся к тому же времени, без подписи, но, несомненно, принадлежащая Бакунину, что видно по стилю и по содержанию [5]; 5) листовка «Начала революции», недатированная и неподписанная, но относящаяся к августу 1869 года

---

[1] По этому поводу Меринг («Карл Маркс», стр. 374) замечает: «Бакунин, несомненно, разделяет с Нечаевым ответственность за эту литературу, и нет особого интереса (?) в том, чтобы исследовать, написаны ли были некоторые наиболее злостные памфлеты им или Нечаевым. Бесспорно во всяком случае, что он автор воззвания, которое требовало от русских офицеров оказывать «комитету» такое же безусловное повиновение, к какому он обязал самого себя (?), а также брошюр, которые идеализировали русское разбойничество, и революционного катехизиса, отразившего до чрезмерности склонность Бакунина к страшным представлениям и словам».

[2] Она напечатана в изданной Драгомановым «Переписке Бакунина», Женева 1906 г., стр. 461—463. Принадлежность этой прокламации Огареву устанавливается письмами к нему Герцена (Сочинения, том XXI, стр. 365). Богучарский («Активное народничество», стр. 137) без всякого основания приписывает ее Нечаеву.

[3] В этой прокламации Нечаев уже публично пускает в ход выдумку о своем побеге из крепости: «Выбравшись, благодаря счастливой удаче, из проклятых стен Петропавловской крепости» и т. д. Она опубликована в отчете о процессе нечаевцев («Правительственный Вестник», 1871 г., № 163).

[4] У Драгоманова, стр. 463—468.

[5] У Драгоманова, стр. 469—474.

и по тем же соображениям тоже принадлежащая Бакунину[1]; 6) так называемый «Катехизис Революционера», недатированный и неподписанный, но относящийся к тому же времени и принадлежащий тому же Бакунину[2]; 7) «Издания общества Народной Расправы», № 1, лето 1869, местом издания указана Москва, на самом деле напечатано в Женеве). Две содержащиеся здесь статьи подписаны: «От русского революционного Комитета». Если даже допустить, что автором обеих этих статей является Нечаев (а это совершенно невероятно), то и в таком случае надлежало бы признать, что, во-первых, редактировались они, несомненно, Бакуниным, во-вторых, ничем по существу они не отличаются от бесспорно принадлежащих Бакунину писаний, относящихся к этому же периоду, а, в-третьих, что Бакунин-то не мог не знать автора статей, а значит не знать, что Нечаев подписывается от имени «русского революционного комитета»; но, как мы докажем, статьи эти тоже принадлежат Бакунину; 8) прокламация «Благородное российское дворянство!», подписанная «Потомки Рюрика и партия российского независимого дворянства»[3].

Итак, из всей этой литературы Нечаеву может, *самое большее*, принадлежать только некоторое участие в первом номере «Народной Расправы» и в составлении прокламации «Студентам Университета и проч.». Все остальное принадлежит отчасти Огареву (воззвание к студентам и стихотворение «Студент»), но главным образом — Бакунину, который, впрочем, является вдохновителем и других, не ему принадлежащих писаний. Таким образом *идейная сторона нечаевского дела первого периода почти целиком представляет достояние Бакунина*. То, что Нечаеву и его друзьям в России мерещилось в самой смутной и зачаточной форме, здесь, на женевской почве, было логически развито, систематизировано и литературно выражено М. А. Бакуниным, при чем выражено в духе идей его анархического Альянса.

Из этих документов, наверно, не принадлежит Бакунину только прокламация Огарева. Сомнения вызывает подписанное Нечаевым обращение к студентам.

---

[1] У Драгоманова, стр. 477—483.

[2] Первоначально напечатан в «Правительственном Вестнике», 1871 г., № 162; у Драгоманова, стр. 490—498; в исправленном виде напечатан А. А. Шиловым в «Борьбе классов», 1924 г., № 1—2, стр. 262—272.

[3] В июле 1869 года Бакунин написал еще брошюру «Наука и насущное революционное дело», но она вышла только в начале 1870 года и потому относится к следующему периоду (вместе с прокламацией к офицерам).

Обращение Огарева к студентам резко отличается от всей другой литературы, относящейся к нечаевскому движению. Почему-то непонравившееся Герцену своим беспардонным и «нигилистическим» стилем, оно в сущности написано чрезвычайно сдержанно, не содержит никаких советов или указаний и выражает веру в студенческое движение ввиду того, что молодежь «для себя ничего не ищет и ничего не хочет, помимо народных потребностей и движения народного». Для других нечаевско-бакунинских прокламаций это воззвание не типично.

Иной характер носит подписанное Нечаевым воззвание к студентам [1]. Оно проникнуто резко революционным духом, глубокою ненавистью к умеренным оппозиционным элементам, с которыми он рекомендует своим единомышленникам порвать все связи и которых он называет сволочью, баричами, паркетными франтами, прикрывающимися маскою дешевого либерализма и оправдывающими свое поведение словами спятившего с ума немца, сказавшего, что действительное — разумно, а разумное — действительно [2]. Изложив историю студенческого движения 1868—1869 годов и указав на допущенные ошибки, воззвание призывает студентов продолжать борьбу и указывает им на возможных союзников в лице угнетенных масс. «У нас есть товарищи, — говорится там, — есть люди, у которых нет никаких прав, кроме фиктивных, положение которых самое худшее в Европе и ожесточение которых тем сильнее, что слепо и не имеет прямого исхода, не зная своего врага. Укажем же рабочим (разрядка моя) [3] этого врага, растолкуем всем сильным и здоровым рукам, отчего голодают и холодают они, изнемогая под непомерным трудом. Обобщим... еще более наш вопрос — и из вопроса русской молодежи сделаем вопрос Русской Земли, к разрешению которого будем горячо и энергично готовиться». Молодежь должна завоевать доверие масс, давно рвущихся к свободе и часто поднимающихся в отдельных местах поголовно. «Но знайте, друзья, что ждут они не говорунов, не проповедников во фраке, а деятелей, которые сумели бы доказать им факти-

---

[1] А. Гамбаров (стр. 130) приписывает этот документ Нечаеву, видимо довольствуясь стоящей под ним подписью. Этого мало.

[2] Нечаев приводит эти слова Гегеля по-немецки. Не выдает ли эта мелочь если не авторства, то хоть сотрудничества Бакунина?

[3] В документе российского происхождения («Программа революционных действий») говорится не о рабочих, а о голытьбе. Термин рабочие принадлежит явно Бакунину, «европейцу» и члену Интернационала.

чески свою преданность. Только таким людям они поверят, только за ними пойдут и постоят крепко» [1].

К категории спорных до сих пор документов относится первый номер «Народной Расправы». Можно согласиться с тем, что не в самих писаниях, но в духе их здесь есть кое-что чисто нечаевское: Нечаев только что прибыл, так сказать, с поля битвы, и ему, естественно, принадлежал, правда, не решающий, но во всяком случае влиятельный голос. Но что Бакунин к этому номеру руку приложил и приложил основательно, не может подлежать никакому сомнению. Логически невозможно допустить, чтобы в составлении первого номера журнала, открыто выступающего от имени русского революционного комитета, Бакунин не принял самого деятельного участия. В литературе Нечаев был тогда совершенным новичком, тогда как Бакунин был старым и опытным литератором. Наконец, самое содержание номера обнаруживает у автора его такие сведения по истории русского общественного развития, которых у 22-летнего самоучки Нечаева в то время просто не могло быть. Внимательное чтение главной статьи этого номера «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание дела» должно убедить всякого в том, что если Бакунин даже не был ее единственным автором, то во всяком случае она главным образом принадлежит именно его перу.

Наконец, у нас имеется в подтверждение авторства или, условно, скажем, сотрудничества Бакунина еще один аргумент — уже не внешнего, а внутреннего характера. Нечаев по всему своему умственному складу был не анархистом, а скорее бланкистом (насколько можно вообще говорить о еще не успевшей тогда окончательно сложиться его политической физиономии). И когда он выступал более или менее самостоятельно (например, в выработке лично или вместе с Ткачевым «Программы революционных действий» или в составлении №№ 1—6 возобновленного «Колокола», второго номера «Народной Расправы» и первого номера «Общины»), он высказывал взгляды, имевшие весьма

---

[1] Это место напоминает следующее место из несомненно принадлежащей Бакунину «Постановки революционного вопроса»: «Для народа слово ничего не значит, дело — все. Братство с ним возможно потому только на деле, и только увидев нас в с в о е м деле, признает он нас за своих». Это сходство, не являющееся единичным, также наводит на мысль о том, что в составлении прокламации, подписанной Нечаевым, Бакунин, п о к р а й н е й м е р е, принимал участие. Мы же думаем, судя по содержанию и по слогу воззвания, что и оно написано в основном, если не целиком, Бакуниным и только подписано Нечаевым.

мало общего с анархизмом [1]. Между тем первый номер «Народной Расправы» выдержан в духе более или менее последовательного анархизма и антигосударственности. Во всяком случае даже тот, кто отрицает авторство Бакунина, должен признать, что редакторскую руку Бакунин к этому номеру, несомненно, приложил, хотя мы глубоко убеждены, что ему принадлежит здесь не только редакторская роль. Указания же Неттлау на то, что «нечаевский стиль» выдают встречающиеся в этом номере ругательные выражения, представляются нам решительно неубедительными. Бакунин вообще не был стыдливой институткой, а в писаниях нечаевского периода он особенно развернулся и щегольнул своей «беспардонностью», хотя мы готовы допустить, что в отдельных местах Нечаев, быть может, подкреплял бакунинский слог, уснащая его кое-где энергичными выражениями.

Мало того, мы думаем, что не только вторая, но и первая программная статья № 1 «Народной Расправы» принадлежит перу Бакунина.

«Мы хотим народной мужицкой революции», — восклицает автор статьи, выражая при этом уверенность, что «всенародное восстание замученного русского люда неминуемо и близко». Редакция ставит себе задачу «соединить в одно неразрывное дело все разрозненные революционные усилия в России». Отвергая современную науку, прогресс, цивилизацию как орудия эксплоатации масс, автор статьи заявляет: «Для нас мысль дорога только, поскольку она может служить великому делу радикального и повсюдного всеразрушения [2]. Ни в одной из ныне существующих книг нет такой мысли. Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником. Мысль, способная служить революции народной [3], вырабатывается лишь из народного революционного дела, должна быть результатом ряда

---

[1] Недаром Неттлау (цит. ст., стр. 394) характеризует статью «Главные основы будущего общественного строя», помещенную в № 2 «Народной Расправы» (где Нечаев пытается переперетъ на свой язык принципы «Коммунистического Манифеста»), как «ультра-авторитарную», а статью «Наша общая программа», напечатанную в № 1 «Общины», называет изложением «чисто авторитарного коммунизма по старому образцу 40-х годов».

[2] Обращаем внимание читателя на свойственные бакунинскому стилю повторения и тавтологии, служащие к усилению выраженной мысли («повсюдное всеразрушение»).

[3] Оборот, заключающийся в постановке прилагательного — определения (эпитета) после существительного — определяемого, также характерен для Бакунина (и для Герцена), воспитавшихся на французской литературе и злоупотреблявших галлицизмами.

практических опытов и проявлений, стремящихся всеми средствами и всегда неуклонно к одной и той же цели беспощадного разрушения. Все, что не идет по этому пути, для нас чуждо и враждебно. Мы не позволим себя закупить никакими революционными фразами, на которые ныне так щедры доктринерствующие поборники бумажной революции. Мы потеряли всякую веру в слова: слово для нас имеет значение только, когда за ним чувствуется и непосредственно следует дело. Но далеко не все, что ныне называется делом, есть дело. Например, скромная и чересчур осторожная организация тайных обществ без всяких внешних практических проявлений в наших глазах не более, как мальчишеская игра, смешная и отвратительная. Фактическими же проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению».

Только человек, незнакомый с писаниями Бакунина и с его литературной манерой, может сомневаться в принадлежности этих фраз Бакунину. В «Письмах к французу», в «Кнуто-Германской Империи», в «Государственности и Анархии», в бесчисленных письмах Бакунина к друзьям, в его статьях и брошюрах излагаются т е ж е м ы с л и и г л а в н о е — т е м и ж е с л о в а м и, т е м и ж е о б о р о т а м и. Здесь в писаниях, предназначенных для русской публики и вдобавок анонимных, автор только отбрасывает в сторону лишние церемонии и заговаривает более определенным и обнаженным языком. Но это тот же Бакунин, который уже известен нам, и с которым мы в дальнейшем познакомимся еще ближе. Просто странно, что люди, писавшие об этом до сих пор, этого не замечали. И если еще нужно внешнее, формальное доказательство принадлежности этой статьи Бакунину, если еще нужен аргумент от стиля, сверх доказательств внутренних, сверх аргументов от содержания, то достаточно привести следующую фразу, идущую вслед за цитированной выше.

«Не щадя живота, — продолжает автор передовой статьи, — и не останавливаясь ни перед какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны рядом личных действий и жертв, следующих одни за другими, по общему строго обдуманному и сговоренному плану, должны р я д о м с м е л ы х, д а, д е р з к и х п о п ы т о к (разрядка моя) ворваться в народную жизнь и, возбудив в народе веру в нас и в себя, — веру в его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его к торжественному совершению его же собственного дела».

Подчеркнутые нами слова содержат оборот, свойственный т о л ь к о п и с а т е л ь с к о й м а н е р е Б а к у н и н а. Это соединение двух

эпитетов-синонимов частицей «да» для усиления их значения, встречается у одного Бакунина [1]. Мы не найдем его ни у Герцена, ни у Огарева, ни у Нечаева в тех немногих писаниях, которые можно признать принадлежащими лично ему. И этим «да» Бакунин невольно выдал свое авторство следующим поколениям (которые, впрочем, до сих пор этого не замечали).

В заключительной части статьи автор хвалит первый (бакунинский) номер «Народного Дела», в котором-де изложена «сущность нашей общей программы», и решительно отмежевывается от содержания следующих номеров журнала, сделавшегося «доктринерствующим» [2]. И далее автор дозволяет себе роскошь критики бакунинских писаний! «Мы, — говорит он, — вполне согласны с программою, высказанной в статье первого номера «Народного Дела», но далеко не согласны с его умеренным тоном, с его литературными формами и

---

[1] Приведем пару примеров. «Великорусскую общину, от которой мистически, да, с мистическою верою и теоретическою страстью вы ждете спасения» (письмо к Герцену и Огареву от 19 июля 1866 года). «Все это не должно заслонять от нас серьезных, да, великих качеств нашего молодого поколения» (письмо к Герцену от 23 июня 1867 года). Что это у Бакунина была манера застарелая, видно из письма его к Герцену от 7 ноября 1860 года из Сибири: «Я... готов попрежнему, да, с прежнею страстью удариться в старые грехи». И еще раньше: «Простившись с ним (с братом Павлом), я еще раз, да, в последний раз простился с вами, с Премухиным, с Россиею, со всем прошедшим» (письмо к родным от 4 ноября 1842 года из Дрездена). Словом, оборот типично бакунинский и в этом смысле предательский.

Что А. Гамбаров без всякой критики приписывает первый номер «Народной Расправы» Нечаеву, хотя его смущает явно анархический характер этого издания, это само собою разумеется. На этом основании он строит даже целый ряд выводов относительно воззрений Нечаева. Но характерно, что подчеркнутый в тексте оборот, изобличающий авторство Бакунина, Гамбаров приводит неточно. У него (стр. 126) он имеет такой вид: «рядом смелых и дерзких попыток» и т. д. Бакунинское «да» куда-то исчезло. Вряд ли потому, что Гамбаров досконально знаком со стилем Бакунина. Это, несомненно, произошло случайно. Но какая счастливая случайность!

[2] У нас имеется еще одно, правда, не совсем определенное, свидетельство в пользу принадлежности этой статьи Бакунину. Дело вот в чем. В его «Докладе об Альянсе», написанном в 1871 году и напечатанном в томе VI «Oeuvres» Бакунина, между прочим говорится (стр. 272): «Летом 1869 года в двух русских прокламациях: одной — подписанной моим именем,.. а другой — анонимной, я напал на смешные мысли или, вернее, фразы его русского журнала». Речь идет об Утине и журнале «Народное Дело». Подписанное воззвание — это «Несколько слов молодым братьям в России», что видно из указания Бакунина, что оно было напечатано во французской газете

вообще со всею абстрактно-теоретической постановкой. Нам нужна та же мысль, но высказанная просто, на языке общенародном, в форме, доступной для всех, и потому без всякого ученого или ложно-ученого хлама. В числе листков, вышедших за последнее время за границей, рекомендуем мы почти безусловно воззвание Бакунина к учащейся бессословной молодежи [1]. Вещь дельная, хотя и далеко не высказывающая всего, что, вероятно, должно приписать обстоятельствам, его окружающим, и положению [2]. [К этому месту сделано примечание: «Мы надеемся, что теперь все честные, деятельные люди русской эмиграции (как-то: Бакунин, издатели «Колокола» и неизвестный (!) автор первого номера «Народного Дела»), составив одно общее, стройное тело, начнут дружно работать для общего движения». Наивная попытка Бакунина и Нечаева повлиять на Герцена!].

Далее в статье говорится: «Бакунин прав, уговаривая нас бросить академии, университеты и школы и итти в народ. Это мысль справедливая, но далеко не новая. Дело в том, к а к и т т и в н а р о д и ч т о д е л а т ь в н а р о д е. Бакунин не сказал об этом ни слова (?), а в этом-то и состоит ныне главная задача всех честных революционеров в России, которые, не довольствуясь словами и требуя дела, нуждаются не в туманных, а точных и определенных советах. Поэтому мы рекомендуем гораздо более листки, в которых этот практический вопрос поставлен прямее и решается откровенней и дельней, — таковы: «По-

---

«La Liberté». Ну, а что это за анонимная прокламация? Неттлау в примечании к 221 странице II тома немецкого издания сочинений Бакунина высказывает предположение, что речь идет о «Постановке революционного вопроса», которую он, скрепя сердце, соглашается с оговорками приписать Бакунину. Но мы думаем, что Неттлау в данном случае ошибается. В «Постановке революционного вопроса», равно как и в «Началах революции», несомненно, тоже принадлежащих Бакунину (см. ниже), о «Народном Деле» прямо не упоминается, хотя там, правда в общей форме, с неодобрением говорится о русских эмигрантах и о взглядах революционеров-доктринеров (то и другое без более точного обозначения). Но в рассматриваемой статье первого номера «Народной Расправы» об утинском «Народном Деле» говорится совершенно определенно. Вот почему в цитированной выше фразе из «Доклада об Альянсе» можно, пожалуй, усмотреть признание Бакунина в авторстве этой статьи. При прочих косвенных доказательствах и это приобретает некоторое значение.

[1] Т.-е. «Несколько слов молодым братьям в России».

[2] Вероятно, намек на сдерживающее влияние Герцена и Огарева, а, может быть, на то, что прокламация эта была подписана, а потому обязывала автора к некоторой сдержанности.

становка революционных вопросов», «Начала революции» и «Прокламация к студенчеству» Нечаева» [1].

Можно было бы думать, что это место статьи говорит против авторства Бакунина и доказывает авторство Нечаева. Стал ли бы Бакунин хвалить сам себя, хотя бы под покровом анонима? Но такое рассуждение было бы более чем наивно и свидетельствовало бы о полном непонимании характера Бакунина. Мы не говорим уже о том, что на основании такого рассуждения следует отвергнуть и авторство Нечаева, ибо, если Бакунин хвалится здесь условно, с оговорками (и то по поводу одного только воззвания к молодежи, ибо оно одно появилось за его подписью), то Нечаев восхваляется безусловно и безоговорочно за свое письмо к студентам. Выходило бы, что автором статьи не мог быть ни Бакунин, ни Нечаев, а надлежало бы искать какого-то третьего, неизвестного автора. Все это пустяки.

Статья безусловно принадлежит Бакунину, но не исключена возможность того, что он при составлении ее советовался с Нечаевым и считался с его указаниями, так как тот мог, опираясь на свой приезд из самой России, представлять в желательном ему духе психологию и настроение революционной молодежи. Вполне возможно поэтому, что, полагаясь на него, Бакунин решил заговорить менее «туманным», менее «абстрактным» и более «прямым» и «откровенным» языком, уверенный в том, что уж Нечаев-то, прямо прискакавший с поля битвы, лучше всякого другого знает, как нужно теперь разговаривать с революционной бессословной молодежью, рвущейся в народ. Отсюда и самокритика, перемешанная с самовосхвалением.

Но при этом у Бакунина было и другое соображение. Он почему-то хотел во что бы то ни стало продолжать мистификацию и скрыть от публики принадлежность ему как этой статьи, так и других его писаний, в том числе даже статей «Народного Дела», автор которого об'-

---

[1] Из этого места статьи М. Неттлау («Биография», стр. 454) делает тот вывод, что все эти три вещи принадлежат Нечаеву: «ему кажется невозможным безоговорочно одобрять то, что он сочинил не сам, а потому он критикует Бакунина». Святая простота! Неттлау исходит из убеждения, что статья в «Народной Расправе» написана Нечаевым, который, дескать, вследствие самовлюбленности хвалит сам себя и слегка разделывает Бакунина. Если бы даже Нечаев и был автором статьи, решительно непонятно, почему бы он не мог расхвалить некоторых сочинений Бакунина, особенно написанных (допустим) под его влиянием. Но что, если автором статьи был не Нечаев, а, как мы уверены, Бакунин? Какие тогда выводы можно было бы сделать, следуя психологическому методу Неттлау! Разумеется, и Гамбаров (стр. 125) введен этим местом в заблуждение.

является «неизвестным» [1]. Зачем нужно было скрывать это авторство? Отчасти, быть может, по соображениям безопасности ввиду содержащихся в «Народной Расправе» террористических призывов; вернее же всего, делалось это для пущей конспирации и для придания большей важности мистическому «Русскому Революционному Комитету», от имени которого и составлен первый номер «Народной Расправы». Но Бакунин и здесь не удержался и нечаянно выдал себя с головой в мелочи, незаметной для неопытного глаза, но весьма характерной. А именно — свою безыменную листовку «Постановка революционного вопроса», он по рассеянности назвал «Постановка революционных вопросов», а последнее заглавие носила именно статья Бакунина в первом номере «Народного Дела». Такую ошибку мог сделать не Нечаев, а только сам Бакунин, как автор и той, и другой статьи. На это обстоятельство до сих пор тоже никем не было обращено внимания.

Вторая статья «Взгляд» и пр., по нашему мнению, также принадлежит Бакунину [2]. Она содержит критику оппозиционных течений в России до каракозовского дела, с которого, по словам автора, началась «новая эра революционного понимания». Интересно в ней только принципиальное отрицание государственности, в отсутствии какового статья и обвиняет все предшествовавшие течения, в том числе и декабристов. Анархия представляется автору идеалом общественного устройства, при чем он, ничтоже сумняшеся, отождествляет казацкий круг с анархией. «В казацком кругу, устроенном Василием Усом в Астра-

---

[1] Впрочем, в написанной несколько позже брошюре «Наука и насущное революционное дело» (составлена, вероятно, в июле — августе 1869 года, вышла весною 1870 года) Бакунин сознается в авторстве первого номера «Народного Дела». Возможно, что он в тот момент уже не считал нужным скрывать эту великую тайну. Но возможно и другое. Ведь он с Нечаевым пытались выдать первый номер «Народной Расправы» за изданный в России; ну, а русским революционерам, отрезанным от эмиграции, позволительно было не знать авторов заграничного «Народного Дела». Это даже придавало их незнанию своеобразный оттенок couleur locale!

[2] Неттлау отвергает авторство Бакунина на том замечательном основании, что в этой статье имеются стихотворные цитаты в заголовках и в тексте, чего, мол, Бакунин никогда не делал. Если бы это даже и было верно (а это несовсем верно: в письмах Бакунина и изредка в его сочинениях такие цитаты встречаются), то в крайнем случае это могло бы говорить в пользу сотрудничества Нечаева, но не более того. Для успокоения г. Неттлау мы готовы допустить, что стихотворные цитаты принадлежат в этой статье не Бакунину, а Нечаеву (а почему бы не Огареву? Такое предположение было бы более основательно).

хани по выходе оттуда Степана Тимофеевича Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского» [1].

«Мы из народа, — заявляет автор статьи, — со шкурой, прохваченной зубами современного устройства, руководимые ненавистью ко всему ненародному, не имеющие понятий о нравственных обязанностях и чести по отношению к тому миру, который ненавидим и от которого ничего не ждем, кроме зла [2]. Мы имеем только один отрицательный неизменный план — беспощадного разрушения. Мы прямо

---

[1] Как видим, те, кто приписывает авторство этой статьи Нечаеву, должны допустить, что за месяц своего пребывания в Женеве Нечаев, не знавший тогда иностранных языков, успел изучить не только историю русской общественной мысли, но и всю старую социалистическую литературу, о которой автор трактует с такою уверенностью! Совершенно очевидно, что Нечаев не мог быть автором этой статьи. Далее, там же цитируется стихотворение К. Аксакова, сохранившееся «в рукописях того времени» (40-х годов): и это, видите ли, было известно Нечаеву. Ему же известна история Бецкого, мартинистов, декабристов (в деталях). Ему же известна деятельность Потебни, который вместе с товарищами «удивил своей преданностью революционному делу самих поляков». Нечего и говорить, что ему известна в подробностях деятельность современных ему Адлерберга, Мезенцева, Трепова и других царских опричников. Это просто смешно! Статья явно принадлежит Бакунину. Нечаев мог разве доставить ему пару подробностей относительно некоторых названных в конце статьи профессоров, да и то Бакунин мог знать об этом и без него. Достаточно сравнить эту анонимную статью с написанной около того же времени и подписанной брошюрой Бакунина «Наука и насущное революционное дело», чтобы убедиться в принадлежности обеих одному автору. Здесь совпадают целые абзацы (о декабристах, об их преемниках и т. п.), а общее содержание приблизительно одно и то же. Удивительно, как этого до сих пор не замечали! Перечисление главных царских опричников в обоих произведениях также почти совпадает.

[2] Угодно параллель? Вот выписка из письма Бакунина к Герцену от 28 октября 1869 года: «Ты меня судил и судишь по моим действиям в цивилизованном обществе, в буржуазном мире, и в самом деле я обращаюсь в этом мире без всякого расчета и без малейшей церемонии с ругательною, б е с п а р д о н н о ю откровенностью. Но знаешь, почему я с ним так поступаю? Потому что я не ставлю его в грош, не признаю в нем более никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что материальных средств и организованной государственно-рутинной силы у него еще достаточно... Но с этой силой надо бороться, ее надо разрушить; с ней невозможны ни примирения, ни сделки» и т. д. Обычные б а к у н и н с к и е революционные фразы Гамбаров без дальних околичностей приписывает Нечаеву и на этом основании делает вывод о небывалом до того развитии у него классового чувства.

отказываемся от выработки будущих жизненных условий, как несовместной с нашей деятельностью, и потому считаем бесплодной всякую исключительно теоретическую работу ума. Мы считаем дело разрушения настолько громадной и трудной задачей, что отдаем ему все наши силы, и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание. А потому мы берем на себя исключительно разрушение существующего общественного строя: созидать не наше дело, а других, за нами следующих».

Единственным новым (сравнительно с прежними взглядами Бакунина) моментом в этой статье является признание индивидуального, хотя и систематического, террора, целую систему которого намечает статья. Мы знаем, что Бакунин прежде не придавал значения этому методу борьбы и в частности цареубийству. В этом пункте на него, возможно, оказал известное влияние Нечаев, принесший с собою из России дух крайнего озлобления и напряжения революционной страсти. Но этому террору не приписывается самодовлеющего значения. Террор, предлагаемый автором статьи, должен послужить к «уничтожению всех тех, ясно бросающихся в глаза препятствий, которые могут особенно помешать в о с с т а н и ю и затруднить его ход». И дальше идет известное перечисление высших, богатых и влиятельных лиц, подлежащих истреблению, экспроприации и другим карам (вплоть до «лишения языка» литераторов-доносчиков). Исключение делается для царя, которого оставляют в живых до народного суда. Вообще же в первую голову террор направляется на тех, кто больше всего будет мешать сближению с народом и подготовительной работе [1].

К числу спорных документов относится еще воззвание к «благородному российскому дворянству» [2]. Содержание его — чисто крепостническое. В нем напоминаются «блестящие страницы», вписанные в историю государства российского дворянством,—усмирение бунтовщиков, собирание земли, защита самодержавной монархии, разгром революции 1848 года, подавление Польши, подвиги «сиявшего доблестями» М. Н. Муравьева (вешателя) и т. д. Что же за все эти «рыцарские» заслуги

---

[1] Террористические призывы этой статьи во многом совпадают с террористическими декларациями в брошюре «Постановка революционного вопроса», которую даже Неттлау считает принадлежащей Бакунину (см. ниже). Там тоже говорится об уничтожении «сил, средств, вещей и людей, на которых зиждется крепость империи». Террористический же уклон сказывается и в бесспорно принадлежащем Бакунину «Катехизисе революционера».

[2] О нем (равно как о других прокламациях Нечаева, например, к мещанству; см. ниже) Гамбаров предпочитает вовсе не упоминать. Метод удобный, но для историка неподходящий.

получило благородное дворянство, какие права были ему за это предоставлены? Никаких! Ввиду этого подписавшие прокламацию «Потомки Рюрика и партия российского независимого дворянства» заявляют, что «наступила пора выступить с открытым забралом перед изумленными глазами немецкой безродной челяди, которая с конца прошлого столетия теснилась около престола, занимая наше место; она марала его холопским служением этому ничтожному потомку голштинского князька, случайно попавшего в российские венценосцы». Далее, чувствуя силу в своем праве, они смело бросают «перчатку в лицо деспота, немецкого князька Александра II Салтыкова-Романова», и вызывают его на «благородный рыцарский бой» в наступившем 1870 году [1].

Эта прокламация прежде всего столько же бесстыдна, сколько и глупа. Рассчитывать на то, что она подействует на дворянство, было просто нелепо. Да и распространялась-то она не среди дворян, а среди студентов, что было особенно глупо. Ввиду слишком явной бесцеремонности этой мистификации даже Драгоманов колеблется приписать ее Бакунину, хотя и сообщает (стр. 489), что Нечаев распространял ее как сочинение Бакунина, а Неттлау на основании ее бесстыдно-мистификаторского характера без обиняков приписывает ее Нечаеву. И все-таки мы думаем, что это маловероятно. Нечаеву, органически ненавидевшему бар, вряд ли могла притти в голову мысль об обращении к «благородному дворянству» во имя его аристократических и олигархических вожделений. Здесь и мысль, и исполнение, несомненно, принадлежат хитроумному, но вместе с тем глубоко наивному Бакунину, этому блудному сыну российского дворянства. Это видно, впрочем, и по стилю прокламации, и по проникающему ее славянофильскому и антинемецкому душку. Если она имела какой-либо смысл, то лишь тот, что в ожидании предстоящего народного восстания автору или авторам ее хотелось внести побольше смуты в ряды господствующего класса и, если удастся, восстановить одну его часть против другой. А обман по отношению к врагам Бакунин считал вполне дозволительным и даже похвальным. Над вопросом же о том, что

[1] Мы цитируем эту прокламацию по тексту, напечатанному у Неттлау (примечание 4 008). Судя по последним словам («наступившем 1870 году»), это — второе исправленное издание прокламации, написанной в 1869 году. Но возможно, что здесь мы имеем дело с новой мистификацией, и что прокламацию, отпечатанную в 1869 году, предполагалось распространить только в 1870 году, когда ожидалось восстание в России; Нечаев же поторопился и начал распространять ее уже осенью 1869 года. Наконец, возможно, что у Неттлау здесь просто описка, и что в оригинале сказано «наступающем».

такими приемами рискуешь скорее обмануть друзей, чем врагов, Бакунин, повидимому, не особенно задумывался.

Как бы там ни было, все говорит за принадлежность и этой прокламации Бакунину. Противники этого взгляда должны доказать, что автором ее является Нечаев. Но и в этом случае на Бакунина ложится ответственность за нее, ибо тогда он действовал вполне солидарно с Нечаевым, и уж если кто влиял сильнее на другого, то Бакунин на Нечаева, а не наоборот. И без Бакунина вся нечаевская мистификация была бы невозможна.

б) Произведения, принадлежащие Бакунину и более часто ему приписываемые.

Первой из этого цикла является подписанная прокламация «Несколько слов к молодым братьям в России», относящаяся к маю 1869 года.

«Вы встали опять, — так начинает Бакунин. — Значит, вас похоронить не успели. Значит, противогосударственный, всеразрушительный дух молодого бессословного поколения — не мимолетная вспышка юношеского легкомыслия и тщеславия, а выражение настоящей жизни и страсти. Значит, он коренится глубоко в потребностях и во всем настроении народа».

От студенческих волнений до вывода, что «значит, приходит конец этому поганому государству», — дистанция огромного размера. Но Бакунин, увлеченный своим темпераментом, да еще подогретый рассказами Нечаева о революционном настроении студенчества и о близости народной революции, закусывает удила и, по выражению Герцена, шагает через годы и поколения.

«Приближаются времена Стеньки Разина, — пророчествует он. — ...Теперь, как и тогда, волнуется вся крестьянская, вся чернорабочая Русь,.. ожидающая новой, настоящей воли, уже не сверху, а снизу... Явно готовится и приближается... новый бой на жизнь и на смерть между Русью народною и между Россией казенною. Кто победит на этот раз? Народ, без сомнения... Теперь... не будет, вероятно, народного богатыря Стеньки Разина... Но будет зато легион бессословной и безымянной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью и сплоченною крепко между собой одною мыслью и целью. Соединение этой молодежи с народом — вот залог народной победы. Русская грамотная молодежь... хочет не своего, а народного торжества. Стенька Разин, на этот раз не одинокий, а коллективный и тем самым непобедимый,

у ней за плечами. Вот настоящий смысл ее нынешних, еще невинных движений».

Вскрыв смысл волнений молодежи, в которых отражается невыносимое положение крестьянских масс и их глухое брожение, Бакунин обращается к ней с горячим призывом уйти из обреченного на гибель мира, бросить школы и двинуться в народ. «Ступайте в народ! Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука... Грамотная молодежь должна быть не благодетелем и не диктатором-указателем для народа, а только повивальною бабкою самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Чтоб приобресть способность и право служить народному делу, она должна утопиться в народе. Не хлопочите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая, несомненно, народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа».

И далее Бакунин указывает на просыпающийся во всем мире рабочий класс, который во имя общей победы зовет русскую молодежь на крепкий союз [1].

Быть может, уступая настояниям Нечаева, Бакунин в следующей прокламации «Постановка революционного вопроса» заговаривает более определенным тоном и пытается дать молодежи конкретные указания относительно работы в народе [2]. Сначала он доказывает, что единственный спасительный путь это — путь анархии, путь «беспощадного разрушения всего государственного строя, коренного уничтожения всех порядков общественных, сил, средств, вещей и людей, на которых зиждется крепость империи». Решительно отвергаются им как «республиканский либерализм», т.-е. буржуазная республика, так и

---

[1] Это воззвание было перепечатано в нескольких европейских газетах: по-немецки в «Volksstaat'e» от 5 марта 1870 г.; по-французски в брюссельской «Liberté» и в «La Réforme» Вермореля осенью 1869 года; в Бельгии же Брисме выпустил ее отдельным оттиском.

[2] Даже Неттлау принужден признать, что брошюра эта принадлежит Бакунину (цит. ст., стр. 388). «Это одно из наиболее резких произведений, в котором повторяется бакунинская идеализация русского разбоя и другие его мысли. Но только по стилю можно решить, принадлежит ли ему окончательная редакция». Кому же другому? Неужели Нечаеву? Смешное предположение. Можем успокоить г. Неттлау, что стиль прокламации совершенно бакунинский. В своей биографии Бакунина (стр. 451) Неттлау, как это делали и другие, правильно указывает на совпадение этой листовки с «Прибавлением А» к книге Бакунина «Государственность и Анархия» (по непростительной небрежности выпущенным в издании «Голоса Труда» 1919 г.).

мысль о возможности «устроить экономическое благо народа... без совершенного разрушения всех государственных условий и форм». Он издевается над тайными кружками, состоящими из «молодых, доктринерно-образованных конспираторов-социалистов и революционеров по книжкам,.. кабинетных революционеров-государственников и будущих диктаторов,.. играющих в революцию, но лишенных способов делать ее». Это «университетское развращение» погубило бы молодежь, но, к счастью, правительство, закрывшее высшие школы, указало молодежи ее «настоящую школу — народ».

Что же делать в народе? Учить его было бы глупо, ибо он сам лучше знает, что ему надо [1]. Его нужно не учить, а бунтовать или, вернее, об'единить его разрозненные и потому бесплодные бунты. Молодежь может и должна дать народу «единство повсеместного движения посредством сплочения его же собственных бунтующих и до сих пор разрозненных сил». А для того, чтобы суметь выполнить эту задачу, нужно самим принимать участие в народных бунтах.

В России существует два вида народного бунта: бунт мирного сельского населения и разбойничий бунт. Частные крестьянские бунты происходят ежегодно и иногда охватывают целые уезды, но вследствие своей разрозненности легко подавляются. Однако из среды подавленной массы беспрестанно выделяются лихие ребята, бегущие в лес и становящиеся разбойниками.

«Разбой — одна из почетнейших форм русской народной жизни. Он был, со времени основания московского государства, отчаянным протестом народа против гнусного общественного порядка, не измененного, но усовершенствованного по западным образцам... Разбойник это — герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством; боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации. Кто не понимает разбоя, тот ничего не поймет в русской народной истории. Кто не сочувствует (!) ему, тот не может сочувствовать русской народной жизни, и нет в нем сердца для вековых неизмеримых страданий народных, тот принадлежит к лагерю врагов-государственников...

«Прекращение разбоя в России значило бы: или окончательная смерть народа, или полнейшее освобождение его. Разбойник в России — настоящий и единственный (!) революционер, — революционер без фраз,

---

[1] Ср. брошюру «Народное Дело» 1862 года, где тоже говорилось: «учиться она (молодежь) должна у народа, а не учить».

без книжной риторики, — революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый на деле, — революционер народно-общественный, а не сословный... Когда оба бунта, разбойничий и крестьянский, сливаются, порождается народная революция. Таковы были движения Стеньки Разина и Пугачева... И ныне... разбойники,.. разбросанные по целой России [1], и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один нераздельный, крепко связанный мир, — мир русской революции. В нем и в нем только одном существует издавна настоящая революционная (!) конспирация. Кто хочет конспирировать не на шутку [2] в России, кто хочет революции народной, тот должен итти в этот мир».

На основании того, что «разбойничий мир пободрел и оживился» (да и верен ли этот факт?), Бакунин умозаключает, что «времена приближаются» [3], и что учащаяся молодежь должна «броситься дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский и, храня верную, крепкую дружбу между собой, сплотить все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную и беспощадную» [4].

Таково было «последнее слово науки», которое Бакунин преподносил русской революционной молодежи от имени международного рабочего движения! [5]. Идеолог крестьянского бунтарства отсталых стран, он не находил в тогдашней реальной русской действительности других более революционных и активных элементов, чем разбойничий мир. Таким образом, якобы по соображениям реальной политики, на место революционного пролетариата, возглавляющего движение передовых групп крестьянства, подставлялся продукт отброса низших обще-

---

[1] Чисто бакунинский оборот (галлицизм) вместо «по всей России».

[2] Тоже одно из бакунинских выражений.

[3] Эта же фраза встречается и в бакунинской брошюре «Русским, польским и пр. друзьям».

[4] Вариант на известные слова Пушкина: «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (по поводу пугачевщины).

[5] Эту прокламацию А. Гамбаров великодушно соглашается уступить Бакунину (опять-таки без всяких доказательств) по той причине, что в ней содержится апология разбоя, которой Нечаев якобы не разделял (хотя она имеется и в первом номере «Народной Расправы», и в «Катехизисе Революционера», которые Гамбаров приписывает Нечаеву). Несмотря на общеизвестные факты (см. следующее примечание), Гамбаров (стр. 127) категорически утверждает, что «на деле Нечаев никогда не обращался к этому преступному миру». Если бы даже это было верно, что бы этот факт доказывал? Ровно ничего. А Бакунин разве обращался на деле к «этому преступному миру»? Меньше, чем Нечаев, что не мешало ему в теории быть апологетом разбоя.

ственных слоев, свойственный начальному периоду социального развития, — эпохе образования полицейского государства и первых шагов буржуазного строя. К идеализации разбоя Бакунина привело его преклонение перед всяким мятежом, всяким бунтом. Но идеал Бакунина коренился в XVII и XVIII веках и уже не соответствовал его эпохе. Желая быть великим реалистом, он фактически выступает перед нами в качестве величайшего идеалиста и фантазера. Никакого разбойничьего мира, якобы выражающего социальный протест угнетенного крестьянства и способного возглавить его массовое движение, во времена Бакунина уже не существовало. И те, кто пытался последовать его советам, принуждены были скоро разочароваться в наставлениях учителя [1].

[1] Повидимому, в минуты освобождения от умственного угара Бакунин с Нечаевым соображали, что идеальных разбойников, вроде Карла Моора, в российской природе не существует. В «Правилах сети для отделений» (устав нечаевской организации) программа-максимум слияния с разбойничьим миром на практике заменяется программой-минимум «знакомства с городскими сплетниками (!), публичными женщинами» и «заведением сношений с так называемой преступной частью общества». Виргилием несчастной молодежи, прислушивавшейся к этому романтическому вздору, был пожилой писатель Прыжов, увлекшийся Нечаевым (см. его «Исповедь» в «Минувших Годах», 1906 г., февраль). В качестве автора ряда брошюр и книг, посвященных исследованию жизни низших слоев народа, в частности «Истории кабаков в России», он считался знатоком преступного мира и был поставлен Нечаевым во главе кружка, задачей которого были «непосредственные сношения с народом». О каком «народе» там шла речь, видно из того, что Прыжов направил студентов Рипмана и Энкуватова на Хитров рынок, Дербеновку и в тому подобные места. Здесь им удалось познакомиться с «несколькими публичными женщинами и так называемыми жуликами», но знакомство это не привело ни к каким результатам и не двинуло социальной ликвидации ни на шаг вперед. Энкуватов, правда, пытался поступить на фабрику рабочим, но этого не добился. Да, повидимому, на т а к о е сближение с народом обращалось мало внимания. Засулич рассказывает в своих воспоминаниях, что Прыжов отговаривал Энкуватова от его намерения поступить на фабрику. «Во время работы разговаривать некогда, — убеждал он его, — а если вам и удастся поговорить с товарищами, то только в кабаке во время отдыха; так не лучше ли прямо начать с кабака?». Но кабак произвел на софистицированных студентов самое тяжелое впечатление: не только разговаривать, но и прислушиваться они не смели, замечая на себе недоверчивые, враждебные взгляды, а от водки и духоты кружилась голова. Наконец, одна проститутка, которую Рипман накормил обедом, сообщила ему, что его хотят ограбить, и он перестал туда ходить, а Энкуватов прекратил посещения после первого же раза (Сборник «Группа Освобождение Труда», № 2, стр. 58). Неудачно кончались и другие попытки сближения с преступным миром, предпринимавшиеся бакунистами (южно-русскими бунтарями) в 70-х годах,

Нужно при этом заметить, что свое увлечение преступным миром Бакунин не ограничивал одной Россией. Альбер Ришар, стоявший в то время близко к Бакунину, рассказывает по этому поводу следующее (цит. статья «Bakounine et L'Internationale à Lyon»). В 1870 году Бакунина сильно занимал вопрос о деньгах, необходимых для его революционных предприятий. «Чтобы раздобыть их, он не отступал перед самыми маккиавелическими комбинациями. Через своих русских друзей он состоял в сношениях с болгарскими разбойниками [1], которые якобы готовы были время от времени делиться своими безгрешными доходами с революционерами. Он охотно рассчитывал на помощь с этой стороны. В сущности не было более щепетильного и честного человека. Если он и оправдывал чужие грехи, то сам был решительно неспособен на какой-либо низкий поступок и не мог бы поступиться своими убеждениями. Он иногда отказывался от довольно крупных сумм, формально завещанных ему умершими в Швейцарии русскими эмигрантами, дабы не пользоваться деньгами, которые, по его мнению, принадлежали всем русским революционерам, а не ему одному [2]. Но по отношению к бандитским деньгам он не проявлял такой щепетильности [3]. Он относился к разбойникам весьма сочувственно, «так как они на свой риск и страх борются со всеми силами общества, закрывающего им все выходы, желающего дисциплинировать и эксплоатировать в своих интересах их личную энергию, желающего укротить их и низвести до положения наемных рабочих,— низость, которую всякий мужественный человек вправе и обязан отвергать. Если им недостает принципов, зато у них имеется, по крайней мере, инстинкт». В его глазах это была все та же борьба слабого с сильным, законный бунт раба против тирана».

особенно в Киеве. Одни из привлеченных «жуликов» оказывались предателями или провокаторами, другие — неустойчивым в моральном и политическом смысле элементом, и вообще, кроме конфуза, вся эта чисто кабинетная затея ничего не дала.

[1] Речь идет, вероятно, о болгарских бандах. Вряд ли здесь действовали русские друзья. У Бакунина были тогда некоторые болгарские связи (Райнов, Л. Каравелов и проч.), через которые он рассчитывал проводить влияние своего Альянса на Балканах. Таким образом и в данном случае бандитизм, разбой являются выражением протеста крестьянства отсталых стран.

[2] Нам такие факты неизвестны. Быть может, Ришар рассказывает здесь в извращенном виде историю «бахметьевского фонда».

[3] Это плохо выражено. Смысл тот, что Бакунин готов был взять бандитские деньги на революционные цели, а не для себя лично.

И если некоторые поклонники Бакунина [1] отрицают принадлежность ему прокламации «Постановка революционного вопроса» на том основании, что она содержит скандализирующее их восхваление разбойничьего мира (а «Прибавление А» в «Государственности и Анархии»? А «Катехизис революционера»?), то из свидетельства А. Ришара выясняется, что Бакунин из своего взгляда вовсе не делал секрета, и что он делился им и с некоторыми европейцами, по крайней мере принадлежавшими к числу альянсистов.

Следующей брошюрой, относящейся к рассматриваемому циклу, является листовка «Начала революции» с многознаменательным мотто из Гиппократа: «Чего не излечивают медикаменты, излечивает железо; чего не излечивает железо, излечивает огонь» [2]. Она излагает основные принципы программы Альянса и Интернационального братства. Отвергая революционную диктатуру, сохраняющую государство, автор утверждает, что «для настоящей революции нужны личности, не во главе толпы стоящие и ею повелевающие, а скрытые незаметно в самой толпе и незаметно связывающие посредством себя одну толпу с другой, дающие так же незаметно одно и то же направление, один дух и характер движению. Такой только смысл имеет ведение тайной подготовительной организации, и настолько она необходима. Деятели настоящей народной революции, как только выработает их жизнь, заявляют о себе фактически, сплачиваются и организуются во время самого дела». Читатель узнает здесь обычные мысли Бакунина, поскольку они выражены в приведенных нами выше документах, относящихся к тайному Альянсу и Интернациональному братству.

Далее Бакунин переходит к обоснованию террористических действий. По мере приближения народного восстания, говорит он, наиболее страстные личности переходят к уничтожению врагов революции. Эти факты все умножаются и, наконец, переходят во всеобщее восстание. «Дела, инициативу которых положил Каракозов, Березовский и проч.,

---

[1] Вслед за своим учителем, который в письме в редакцию «Journal de Genève» от 25 сентября 1873 года отрекался от этой брошюры и от других анонимных прокламаций, требуя, чтобы его судили только по подписанным его именем сочинениям. Но если в свое время это подсказывалось интересами политической борьбы, то теперь отрицать очевидное не имеет никакого смысла.

[2] Опять-таки без всякой критики А. Гамбаров признает автором этой листовки Нечаева, но по мотивам, прямо противоположным тем, которые заставляют анархистов, например, Неттлау, оспаривать авторство Бакунина. Те находят, что она Бакунина позорит, а Гамбаров, наоборот, считает ее большой заслугой Нечаева, хотя сожалеет о ее террористических уклонах.

должны перейти, постоянно учащаясь и увеличиваясь, в деяния коллективных масс, вроде деяний товарищей шиллерова Карла Моора (!), с исключением только того идеализма, который мешал действовать как следует, и с заменой его суровой, холодной, беспощадной последовательностью [1]. Все таковые коллективные деяния молодежи быстро должны принимать все более и более народный характер от прилива озлобленных, ничего не щадящих народных сил» [2].

Вторая и бóльшая часть листовки посвящена обоснованию разрушительной деятельности, впоследствии (во второй половине 70-х годов) получившей среди революционеров название «дезорганизаторской».

Понятие революции, говорит Бакунин, заключает в себе два совершенно различные момента: н а ч а л о, время разрушения существующих общественных форм, доведение их до аморфности, и к о н е ц, созидание, т.-е. образование совершенно новых форм из этого аморфизма. Сначала необходимо разрушать, а затем создавать [3]. «Данное поколение должно н а ч а т ь настоящую революцию, н а ч а т ь полное изменение всех условий общественной жизни, т.-е. данное поколение должно разрушить все существующее сплеча, без разбора, с единым соображением «с к о р е й и б о л ь ш е». И так как данное поколение само под-

---

[1] Здесь мы имеем как бы предварительное благословение таких актов, как расправа Нечаева с Ивановым. Ниже мы увидим попытку оправдания Бакуниным этого акта после его совершения (в воззвании к офицерам).

[2] Возможно, что в этом террористическом уклоне, которого прежде у Бакунина не замечалось, сказалось влияние Нечаева и его преувеличенных рассказов о настроении молодежи. К Каракозову, Березовскому и т. п. Бакунин и раньше относился сочувственно, но он не усматривал пользы в индивидуальных покушениях и не возводил их в систему. Впрочем, он говорит об их расширении и обобщении.

[3] Могут заметить, что Бакунин не ставил так упрощенно вопроса о взаимоотношении творческого и разрушительного моментов, и сослаться на слова Жюля Элизара, что страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть. Это верно, но не всегда Бакунин углублялся в этот вопрос, особенно когда перед ним стояла практическая революционная задача. В письмах к Гервегу он выпячивал разрушительную сторону революции, считая ее первоочередной. Вспомним, что он говорит по этому поводу в «Исповеди», описывая свое тогдашнее настроение: «Не раз (я) говаривал немцам и полякам, когда в моем присутствии они спорили о будущих формах правления: «Мы призваны разрушать, а не строить; строить будут другие, которые и лучше, и умнее, и свежее нас». Того же самого надеялся и для России; я думал, что из революционного движения выйдут люди новые, сильные, и что они овладеют им и поведут его к цели». Но ведь это б у к в а л ь н о то же самое, что говорится в брошюре «Постановка революционного вопроса». Сходство прямо бьет в глаза.

вергалось влиянию тех отвратительных условий жизни, против которых восстает, то этому поколению не может принадлежать дело созидания, дело тех чистых сил, которые выработаются в дни обновления». Рассуждения о будущем преступны, потому что «они мешают чистому разрушению, задерживают ход начала революции, а, следовательно, отдаляют ее конец... Мы должны отдаться безраздельно разрушению, постоянному, безостановочному, неослабному, пока не останется ничего из существующих общественных форм для разрушения. Не конспирация наша задача, а борьба фактическая с первого же шага» [1].

Формы, в которых должна выразиться эта деятельность, могут быть чрезвычайно разнообразны. «Яд, нож, петля и т. п.!.. Революция всё равно освящает в этой борьбе [2]... Жертвы указываются нескрываемым народным негодованием!.. Это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно!» Говоруны, трусы и уклоняющиеся от дела предупреждаются, что они рискуют пострадать при этом заодно с обреченным на истребление миром. Эмигрантам предлагается немедленно вернуться в Россию и стать там в ряды активных борцов. Впрочем, для себя Бакунин, по собственному решению или с дозволения Нечаева, делает из'ятие: «исключения для тех эмигрантов, которые уже заявили о себе как о работниках европейской революции»! И кончается прокламация призывом к молодежи: «Пусть же все здоровые молодые головы принимаются немедленно за с в я т о е д е л о истребления зла, очищения и просвещения русской земли отнем и мечом, братски соединяясь с теми, которые будут делать то же в целой Европе» [3].

---

[1] Исходя из этого принципа, Бакунин и Нечаев внесли в «Общие правила организации» пункт 7-й, где говорилось, что ее цель «не убеждать, т.-е. не вырабатывать, а сплачивать те силы, которые есть уже налицо».

[2] Вероятно, эта террористическая декламация побуждает последователей Бакунина отрицать его авторство. Так, Неттлау в цитированной статье (стр. 388) уверенно заявляет, не приводя тому никаких доказательств, что эта листовка принадлежит Нечаеву. В своей книге (стр. 454) он старается это доказать указанием на сухость, механичность, отвлеченность этой прокламации, на отсутствие в ней порыва, глубины и т. п. Напрасные старания! Эта брошюра написана обычным бакунинским стилем этого периода и логически представляет дальнейшее развитие мыслей, изложенных в «Постановке революционного вопроса», а отчасти в программе Альянса и Интернационального братства. Кто сказал «а», должен сказать «б». Кто признал «Постановку» бакунинской, должен признать и продолжение ее — «Начала» — тоже бакунинским.

[3] Нужно ли снова напоминать, что оборот «в целой Европе» есть чисто бакунинский?

в) «Катехизис революционера».

Среди документов рассматриваемой категории наибольшей известностью пользуется так называемый «Катехизис революционера», в котором широкая публика и в то время, и после того усматривала самую сущность «нечаевщины», т.-е. то, что отличало движение, связанное с именем Нечаева, от других аналогичных подпольных движений, ставивших себе целью вызвать в России насильственный переворот в интересах народного освобождения.

Мы уже знаем, что в кругах, в которых вращался Нечаев до своего от'езда за границу в конце 1868 года и в начале 1869 года зародилась мысль о составлении такого катехизиса, в котором определялись бы правила поведения революционера. Мы знаем также, что форма революционного катехизиса была излюблена Бакуниным еще до того, и что уже в 1866 году он составил два документа (изложенные нами во II томе), приблизительно соответствовавшие по содержанию плану, намеченному в «Программе революционных действий». Отчасти этому соответствовала и программа-устав Интернационального братства периода 1868—1869 годов. После встречи Нечаева с Бакуниным план этот был, наконец, осуществлен, и «Катехизис революционера» был написан летом 1869 года. В виде небольшой зашифрованной книжечки Нечаев привез его с собою в Россию. Содержание этого документа оставалось, впрочем, тайною для большинства участников движения. По поводу этого катехизиса Прыжов показал, что на его вопрос о том, что́ произойдет в случае успеха революции, Нечаев показал ему эту зашифрованную книжечку, об'яснив, что «в ней заключается конечная цель всякого революционного движения, так что знакомство с нею должно быть искомою целью всякого агитатора, прибавив тут же, что книжечка эта есть знак, по которому узнают членов комитета» [1].

Книжечка эта была найдена при обыске у Успенского, расшифрована и оглашена на суде, а затем целиком напечатана в № 162 «Правительственного Вестника» за 1871 год. Опубликованием этого «Катехизиса» правительство явно стремилось скомпрометировать революционеров и запугать «общество», показав ему, что действия революционеров направлены не только против властей, но и против обывателей.

---

[1] Если этот разговор шел действительно о «Катехизисе», то Нечаев сказал Прыжову неправду: здесь говорится вовсе не о том, что «произойдет в случае успеха революции», а как раз о том, как подготовить революцию. Возможно, что речь шла о каком-то другом документе.

Реакционная и либеральная пресса в таком духе и использовала «Катехизис», при чем Катков в передовой статье «Московских Ведомостей» от 25 июля 1871 года доказывал, что ввиду замыслов революционеров «общество» не может оставаться нейтральным в борьбе правительства с крамолою. Особенно использовались, понятно, призывы итти в разбойничий мир и связаться с ним в интересах революции.

Но опубликование «Катехизиса» тяжело подействовало не только на обывательскую публику, но и на самих революционеров. А. И. Успенская, сестра В. И. Засулич и жена подсудимого нечаевца Успенского, рассказывает в своих воспоминаниях («Былое», 1922 г., № 18, стр. 37 и след.): «Среди отданной Нечаевым моему мужу на хранение литературы была небольшая книжечка, напечатанная шифром, и в нерасшифрованном виде она была забрана при аресте мужа. Нечаев сказал мужу, что она заключает в себе «Исповедь революционера». На суде эта книжечка, уже расшифрованная, была прочитана, и она произвела как на подсудимых, так и на публику удручающее впечатление... Эта программа, как называет (ее) Ралли,.. служила и служит до сих пор главным (?) пунктом обвинений и нападок на Нечаева. Составилось убеждение, что эту программу написал сам Нечаев, он же распространял ее среди молодежи и неуклонно действовал по этому катехизису. Таким образом получилась «нечаевщина», — синоним всего мерзкого, безнравственного, отталкивающего. В действительности же в России Нечаев этой программы не распространял, никто из подсудимых ее не читал, даже мой муж, ближе всех стоявший к делу. Как человек, несомненно, умный, знавший русскую молодежь, Нечаев понимал, что подобной программой он не привлечет, а скорее оттолкнет ее от себя».

Не во всем можно согласиться с А. И. Успенской [1], но последнее ее замечание, несомненно, верно. Написать эту программу мог только человек, стоявший очень далеко от русской революционной молодежи, совершенно незнакомый с ее действительной психологией и смотревший на нее через кабинетные очки из далёка революционной абстракции. Только этим и можно об'яснить тот факт, что на-ряду с пунктами, правильно исходившими из предположения о духе героического самопожертвования и преданности народным интересам, обуревавшем

[1] Так, например, мало вероятно, чтобы даже Успенский не был до ареста знаком с содержанием «Катехизиса». Нечаев же в своей деятельности, несомненно, руководствовался изложенными в нем правилами, но, разумеется, широко оглашать их считал нецелесообразным, вероятно, по правилу: «такие вещи делают, но о них не говорят».

тогдашнюю революционную молодежь, «Катехизис» включает положения, резко противоречащие ее моральной высоте и революционному чутью. Именно эти пункты «Катехизиса», в свое время возбудившие негодование революционной молодежи и до сих пор производящие крайне неприятное впечатление, и составили ту ложку дегтя, которая испортила его содержание и сделала его синонимом всего отрицательного, что связывается с именем «нечаевщины».

Вот содержание этого пресловутого «Катехизиса революционера» [1].

ПРАВИЛА, КОТОРЫМИ ДОЛЖНЫ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

Отношение революционера к самому себе.

§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа не на словах только, а на деле разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, — науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и нощно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

---

[1] Отобранный у Успенского экземпляр «Катехизиса» погиб вместе с другими документами по нечаевскому делу во время пожара Петербургской судебной палаты в феврале 1917 года. Но при разборе секретного архива б. III Отделения в 1924 году найден был другой (?) его экземпляр, который, после новой расшифровки, и опубликован А. Шиловым в № 1—2 журнала «Борьба классов» 1924 г., откуда мы и заимствуем исправленный текст «Катехизиса», при чем сами вносим кое-какие (оговоренные) исправления в текст Шилова. Первую его часть, организационную, мы пропускаем.

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер—человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть, и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционерная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции.

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционерным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней—вся сила революционного дела. Товарищи революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разруши-

тельных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, т.-е. несовсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой капитал, которым он сам и один без согласия всего товарищества вполне посвященных распоряжаться не может.

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользою революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем, с одной стороны, а с другой — трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношения революционера к обществу.

§ 12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью[1] его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором все и всё должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционер должен проникнуть всюду, во все слои[2] — высшие

---

[1] В оригинале «велю». Шилов, вслед за «Правительственным Вестником», читает «верою». Но тогда дальше следовал бы предлог «в» с винительным падежом, а не родительный падеж без предлога. Мы думаем поэтому, что нужно читать «целью». Это, впрочем, видно и по § 14.

[2] В оригинале сказано «сле». Думаем, что надо читать не «сословия», а именно «слои», иначе пришлось бы допустить пропуск не одной, а нескольких букв, что маловероятно.

и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в III Отделение и даже в Зимний дворец.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. 1-я категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела так, чтобы предыдущие нумера убрались прежде последующих.

§ 16. При составлении такого списка и для установления вышенареченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемою им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и временно [1] полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым дарują только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежат множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом, ни энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплоатировать всевозможными манерами и путями, опутать их, сбить их с толку и, овладев по возможности их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимою сокровищницею и сильной помощью для разных революционных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибирать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до-нельзя, так чтобы возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§ 20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздноглаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспре-

---

[1] В оригинале «кремего».

станно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда: одни — пустые, обессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться как третьею и четвертою категориями мужчин; другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфразного и фактического революционного понимания; их должно употреблять как мужчин пятой категории; наконец, женщины совсем наши, т.-е. вполне посвященные и принявшие всецело нашу протрамму. Они — нам товарищи. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которого нам обойтись невозможно.

Отношения товарищества к народу.

§ 22. У товарищества нет [1] другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т.-е. чернорабочего люда. Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможны только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению [2] тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революциею народною товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образцу, — движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительною для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения, выработается из народного движения и жизни, но это — дело будущих поколений. Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

---

[1] В оригинале «ведь».

[2] Ясно, что здесь это слово употреблено в смысле: обобщению, расширению.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача.

Таков этот замечательный документ, в котором Бакунин (а что это именно он был автором «Катехизиса», мы сейчас увидим) попытался на практике применить в России свои организационные принципы. Совершенно очевидно, что первые два раздела («Отношения революционера к самому себе» и «Отношения революционера к товарищам по революции») содержат изложение тех принципов, которые Бакунин развивал и в своих аналогичных произведениях, предназначавшихся для европейских революционеров анархического толка, в частности для членов своего «Интернационального Братства». Можно не соглашаться с анархическим мировоззрением, положенным в основу этих правил, можно оспаривать целый ряд выставленных здесь положений о целях и задачах революционного социализма, но ничего такого, что возмущало бы моральное чувство и компрометировало бы революцию, здесь не имеется. Напротив, все содержание этих двух первых разделов проникнуто такой революционной страстью, таким высоким пониманием задач профессионального революционера (а именно его имеет в виду «Катехизис»), что способно пробудить в слушателе только самое возвышенное настроение и дух героического самоотречения. Повидимому, Нечаев обрисовал Бакунину своих сотоварищей по студенческому движению в столь преувеличенно ярких красках, что Бакунин признал их стоящими на такой высоте, какая и предполагается требованиями, пред'являемыми «Катехизисом» к революционеру. Требования эти настолько высоки, что им, разумеется, могли полностью следовать только немногочисленные, совершенно исключительные личности. По рассказу М. Сажина в личной беседе с М. Неттлау (см. цит. ст. последнего, стр. 389), «решимость Нечаева произвела на Бакунина такое впечатление, — это был первый, увиденный им русский этого рода, — что он написал «Катехизис», которому Нечаев всецело следовал, для молодежи, которую

он представлял себе по Нечаеву его первой поры. Но вскоре Нечаев заметил, что сам Бакунин уже не в силах оставаться на такой высоте энергии и самоотречения, и обратил «Катехизис» против него самого, позволяя себе обманывать его так же, как и прочих».

Неттлау выражается несовсем точно. Бакунин, по передаваемым им словам Сажина, не оказался на высоте требований, пред'являемых к революционеру в первых двух разделах «Катехизиса». И Нечаев применил к нему не «Катехизис» вообще, а третий раздел его, провозглашающий принципы иезуитизма, которые, впрочем, применял и сам Бакунин [1]. Эта-то часть «правил» и вошла в понятие «нечаевщины», сделавшей это имя ненавистным для русских революционеров и надолго скомпрометировавшей самую мысль о создании централизованной и дисциплинированной революционной организации. Но можно ли возмущаться действиями Нечаева, впоследствии применившего в России эти наставления учителя, когда последний, вместо того, чтобы удержать пылкого юнца, уже явившегося к нему с основательными задатками авантюриста и мистификатора, на наклонной плоскости, на которую тот вступил, напротив, принялся дурачить вместе с ним всех и вся, составил для него руководство в духе чистейшего иезуитизма, выдаваемого за последнее слово науки и международного рабочего движения, и таким образом заранее освятил все те недопустимые приемы, с помощью которых ничего прочного, разумеется, создать было нельзя, а можно было только в сильнейшей степени скомпрометировать революционное дело?

Но является ли действительно Бакунин автором «Катехизиса»? В этом не может быть никакого сомнения. И это известно было уже давно. Правда, анархистам это чрезвычайно неприятно, и, например, у В. Черкезова [2] мы еще в 1915 году встречаем следующие строки: «Самая поразительная нелепость у Драгоманова — печатание возмутительного (!) «Катехизиса» Нечаева среди писем и статей Бакунина под предлогом, что дикие (!) измышления несчастного и малообразо-

---

[1] Четвертый раздел содержит обычную анархистскую фразеологию Бакунина. Компрометантными в нем являются §§ 25 и 26, об'являющие единственной задачей русской революции об'единение с разбойничьим миром и его организацию в революционную силу. Но это, как мы знаем, говорилось Бакуниным и в других случаях.

[2] Участник нечаевского дела, доживший до 1925 года. Цитату в тексте мы берем из его предисловия к I тому «Избранных сочинений» Бакунина, вышедшему в Лондоне в конце 1915 года, стр. XXIII (перепечатано в 1919 году в России).

ванного Нечаева напоминают Бакунина!»[1]. Правда, Драгоманов («Переписка, стр. 490) ссылается на то, что «юристы процесса[2] и Н. Утин считают этот катехизис за сочинение Бакунина, который не отрицал этого мнения», и осторожно прибавляет, что «вопрос требует проверки, но в катехизисе во всяком случае много сходного с писаниями Бакунина». Однако В. Черкезов, в котором южная горячность и ненависть к марксистам перевешивали все остальные духовные способности, попал здесь пальцем в небо и, думая употреблением резких эпитетов «возмутительный», «дикие» и т. п. отговориться от принадлежности «Катехизиса» Бакунину, только неосторожно бросил запоздалым комком грязи в своего любимого учителя, ибо авторство Бакунина в данном случае может почитаться твердо установленным.

Если бы у нас даже не было никаких других доказательств, то не говорим внимательное, а просто беглое ознакомление с «Катехи-

---

[1] Замечательно, что Нечаев приблизительно в столь же резких выражениях оценивал этот документ, как видно из письма его к гр. Левашеву от 10 января 1873 года. В этом письме Нечаев протестовал против «бестактности» прокурора, «который в своем обвинении представил нелепый катехизис как образчик убеждений заговорщиков, не обращая внимания на то, что никто из этих заговорщиков не только не был знаком с содержанием катехизиса, но и не мог читать шифра, которым он был напечатан» («Красный Архив», 1923 г., том IV, стр. 229). Эти слова можно также рассматривать как отрицание Нечаевым своего авторства катехизиса. Но, разумеется, мы при исследовании вопроса о действительном авторе катехизиса руководствуемся не словами Нечаева, который ведь мог давать о нем резкий отзыв по политическим соображениям (в частности зная, что правительство хотело использовать этот документ для оклеветания и дискредитирования революционеров).

[2] В. Спасович, защищавший на процессе нечаевца Кузнецова, определенно намекал на то, что «Катехизис» принадлежит Бакунину. По его словам, Нечаев был человеком дела, между тем как автором «Катехизиса» является, несомненно, революционер мысли, теоретик, который у себя в кабинете сочиняет революцию, графит бумагу, делит людей на разряды и т. д., словом, строит чисто отвлеченную теорию. «Я полагаю, — говорил Спасович, — что катехизис есть эмиграционное сочинение, произведшее на Нечаева известное впечатление и принятое им во многих частях в руководство. Я не смею приписывать его Бакунину; но во всяком случае происхождение его эмиграционное». Спасович угадал правильно. Но вот вопрос: гадал ли он, или же среди подсудимых ходили разговоры о действительном авторе «Катехизиса»? Думать, что Спасович хотел своими словами выгородить Нечаева, не приходится. Ведь Нечаев тогда не был еще арестован и тоже находился за границей; выдан он был русскому правительству только в ноябре 1872 года, а Спасович произнес свою речь в июле 1871 года.

зисом» должно было бы убедить всякого добросовестного человека в авторстве Бакунина [1]. Мы уже указывали выше на то, что те немногочисленные писания, которые действительно можно признать принадлежащими Нечаеву и которые были им составлены главным образом после разрыва с Бакуниным, не свидетельствуют об особом литературном таланте (об отсутствии такового у Нечаева говорят и его современники). Между тем «Катехизис» написан с большим талантом, с необыкновенной силой и экспрессией, и притом, несомненно, опытным литератором [2]. Но не просто литератором, а именно Бакунинным. В этом нас убеждают как содержание «Катехизиса», так и форма его и стиль. «Сословно-образованное общество» (§ 5), «обыденность, ежеминутность» и «революционерная страсть» (§ 7), «революционерным делом (§ 8),—оба раза вместо «революционный»,—«милым человеком» (§ 8), «несовсем посвященных» и «вполне посвященных» (§ 10 и § 21), сословный и так называемый образованный мир» (§ 13), «отнюдь не..., н и даже...» (§ 16), «государственные честолюбцы» (§ 20), «бесфразного» (§ 21), «чернорабочего люда» (§ 22) — ведь все это типично-бакунинские словечки и обороты, бросающиеся в глаза каждому, знакомому с его письмами, сочинениями и писательской манерой! Мы уже не говорим об общем стиле и содержании документа. Достаточно посмотреть на §§ 23 и 24, чтобы сразу безошибочно узнать Бакунина с его анархическими фразами, употребляемыми им с 1865 г. В общем же «Катехизис» по своей анархической программе и способу ее изложения представляет комбинацию и повторение мыслей, содержащихся во всех известных нам писаниях Бакунина, начиная с неаполитанского «Революционного катехизиса», проходя через уставы Альянса и Интернационального братства и кончая изложенными выше прокламациями нечаевского периода. При желании можно было бы добрую половину «Катехизиса» составить из фраз, содержащихся в воззвании к «Молодым братьям», «Началах революции», «Постановке революционного вопроса» и т. д., не говоря уже об уставах Альянса

---

[1] Автор весьма легковесной книги по истории революционного движения в России, Л. Кульчицкий, без малейшей тени аргументации отрицает принадлежность «Катехизиса» Бакунину. «Этот катехизис, — говорит он («История русского революционного движения», Спб., 1908, том I, стр. 390),— некоторые приписывали перу Бакунина. Это кажется нам неправильным, ибо (?!) Бакунин — человек совершенно иного, чем Нечаев, уклада. При том данное предложение исходило от заклятых врагов Бакунина». Доказательства не особенно убедительные.

[2] Эту сторону вопроса отмечает и Б. Козьмин (цит. соч., стр. 194—195).

и Интернационального братства, о письмах Бакунина к А. Ришару, А. Лоренцо и другим (выписки из которых мы приводили выше).

Сам Бакунин впоследствии, видимо, избегал откровенных разговоров о принадлежности ему «Катехизиса» и других анонимных, но, несомненно, им написанных произведений этой поры. По крайней мере, он, хотя и был весьма откровенен с Ралли, с которым познакомился в 1872 году (т.-е. уже после своего разрыва с Нечаевым), никогда, однако, прямо не признавался ему в авторстве «Катехизиса» [1]. О последнем Ралли мог только догадываться. Рассказывая о трениях, возникших во вновь созданной в 1872 году русской ветви Альянса — «Русском Братстве», Ралли (в сборнике «О Минувшем», стр. 335—336) сообщает: «Относительно всех параграфов нашей тайной программы, т.-е. о неимении политической тайны друг от друга, о взаимной прозрачности и искренности, о всех этих романтических и сентиментальных взаимных отношениях на этот раз не было более речи. Напротив, М. А. откровенно на этот раз перешел целиком на сторону таких отношений революционера к товарищам, которые мне прекрасно были известны из старой нечаевской программы, без ее, однако, циничеcкой формулировки: для этого [2] он был слишком хорошо воспитанный человек. В заключение нашего разговора М. А. признал нужным задать мне головомойку относительно моего желания организовать освобождение Нечаева при его аресте в Цюрихе [3], указывая мне на тот факт, что он прекрасно знает обо всем этом моем участии и что именно поэтому и постарался удалить меня тогда из Цюриха, давши мне поручение на другом конце Европы — в Яссах.

« — Когда революционер стремится спасти кого-нибудь из беды, он должен сообразоваться, взвесить пользу, приносимую спасаемым,

---

[1] Замечательно, что и М. Сажину, выручившему увезенные Нечаевым бумаги Бакунина и бывшему в то время его доверенным лицом, Бакунин, видимо, не признался прямо в том, что «Катехизис» принадлежал ему. Так, по крайней мере, мы понимаем следующие слова Сажина: «При личном свидании с Бакуниным я ему сообщил, что «Катехизис», писанный его рукою и найденный в бумагах Нечаева, был нами (т.-е. Сажиным, Ралли, Гольстейном и Эльсницем) сожжен. Он отнесся к этому совершенно пассивно, не придавая никакого значения и не разговаривая об этом» («Воспоминания», стр. 74).

[2] Для чего «для этого»? Для того, чтобы вообще разделять взгляды «Катехизиса», или для того, чтобы открыто излагать их в личной беседе (а не анонимно)?

[3] Речь идет о попытке отбить Нечаева от швейцарских жандармов после его ареста в 1872 году.

с одной стороны, а с другой — взвесить ту трату революционных сил, которые нужны для спасения, — заявил мне М. А. — В этом-то ты и виноват перед нами, так как за спасение Нечаева ты готов был тогда пожертвовать столькими, скольким не имел права жертвовать.

«Формулировка этого обвинения поразила меня своей тождественностью с текстом старой нечаевской программы. Я ясно видел перед собою автора этой программы, которая, конечно, позже была перередактирована по-своему (на семинарский язык) Сергеем Геннадьевичем (т.-е. Нечаевым)... Переубедить Бакунина я не думал, так как это было невозможно мне, молодому человеку 23 лет, не прошедшему через огонь и медные трубы, — путь-дороженька, которая уже давно была пройдена от конца до конца этим застарелым революционером».

Где и когда «перередактировал» Нечаев «Катехизис» Бакунина, да еще на семинарский язык, об этом Ралли не говорит, да и сказать не сможет. Этого не было и не могло быть. Нечаев был перед Бакуниным маленьким человеком, особенно в литературном отношении. На это правильно указывает А. И. Успенская, когда замечает: «Нечаеву было всего 21 год в апреле 1869 года, когда он познакомился с Бакуниным... Он еще меньше мог переубедить Бакунина, чем Ралли, более взрослый, более развитой, посидевший уже 2 года в Петропавловской крепости, побывавший в ссылке и бежавший оттуда за границу».

Впрочем, впечатление, вынесенное Ралли из беседы с Бакуниным, само по себе не убедительно. При желании он мог бы найти более доказательные аргументы в пользу авторства Бакунина. Для нас, знакомых теперь с большинством писаний Бакунина, дело ясно.

Но оказывается, что о принадлежности «Катехизиса» Бакунину знали уже народовольцы. Узнать об этом они могли от самого Нечаева, с которым находились тогда в сношениях через распропагандированных им солдат Петропавловской крепости[1]. Во всяком случае А. И. Успенская прямо заявляет: «Что программа, читанная на суде,

---

[1] Хотел ли таким путем Нечаев реабилитировать себя в глазах нового революционного поколения, энергия которого ему импонировала, или сообщил об авторстве Бакунина в чисто информационном порядке, об этом можно только гадать. Судя по приводимым А. Успенской словам С. Перовской, Нечаев сделал это именно в целях своей реабилитации. Что он относился к «Катехизису» отрицательно, можно отчасти судить по приведенным выше его выражениям из письма к шефу жандармов Левашеву (хотя делать прямые выводы из письма к политическому противнику можно лишь условно).

авторство которой приписывалось Нечаеву, была написана Бакуниным (речь идет о «Катехизисе». — *Ю. С.*), я узнала в первый раз от Перовской, с которой виделась несколько раз по возвращении из Сибири, в январе и феврале 1881 года. На первом же свидании, при разговоре о Нечаеве, она сказала, что в революционных кругах взгляд на него сильно изменился, что м н о г о е [1] из того, что приписывалось Нечаеву, делали другие, г л а в н ы м о б р а з о м Б а к у н и н (курсив мой), написавший программу, за которую так много нападали на Нечаева; эта же программа была распространена Бакуниным в Италии» [2].

Имеется, наконец, и свидетельство М. Сажина, который в начале 70-х годов стоял очень близко к Бакунину и в частности выручал его бумаги, захваченные Нечаевым. Известны два устные его сообщения о принадлежности «Катехизиса» Бакунину: одно, сделанное им в 1904 году Максу Неттлау и оглашенное последним в цитированной выше статье, и другое, сделанное им в 1921 году в исторической секции Дома Печати в Москве во время обмена мнений по докладу Б. Козьмина о Ткачеве (см. цит. книгу Козьмина, стр. 193). Наконец, в своих «Воспоминаниях», вышедших в 1925 году в Москве, Сажин впервые в печати признал, что автором «Катехизиса» является Бакунин [3], и рассказал, что он, Сажин, при разборке оставшихся после Нечаева бумаг, нашел среди них экземпляр «Катехизиса», целиком написанный рукою Бакунина. Таким образом теперь и самые горячие отрицатели этого факта принуждены согласиться, что вопрос об авторстве «Катехизиса» надлежит признать разрешенным в смысле принадлежности его Бакунину [4].

---

[1] Это слово наводит на мысль, что Нечаев рассказал народовольцам и о принадлежности Бакунину других анонимных брошюр того же периода и статей № 1 «Народной Расправы».

[2] Здесь Перовская, повидимому, ошиблась. Но эти слова показывают, что у народовольцев (вероятно, отчасти тоже со слов Нечаева) имелись кой-какие неопределенные сведения о неаполитанском периоде литературной деятельности Бакунина и в частности о «Революционном Катехизисе», который по сходству названий они могли смешать с «Катехизисом Революционера». А может быть, Перовская говорила вообще о программах и уставах тайного Альянса и Интернационального братства, которые действительно распространялись в Италии и во многом (но не во всем) были похожи на «Катехизис Революционера».

[3] «Революционный катехизис Бакунина» (стр. 70).

[4] А. Гамбарову очень не хочется уступить Бакунину без боя такой замечательный документ, как «Катехизис». Сначала (стр. 87) он уверенно заявляет, что «Катехизис Революционера» н а п и с а н Н е ч а е в ы м, но дальше (стр. 118—119) он готов допустить, что «в худшей части «Катехизиса»

г) Оценка «нечаевской» литературы противниками Бакунина.

Мы видим таким образом, что в деле литературной подготовки нечаевского дела Бакунину принадлежала главная, чтобы не сказать исключительная, роль[1]. Настоящим идеологом «нечаевщины» был вовсе не Нечаев, именем которого окрещено это движение, а Бакунин, попытавшийся впервые применить свои принципы на девственной почве отсталой России.

Вот как брошюра об Альянсе (стр. 70 — 71) характеризует эти писания Бакунина:

заметно авторство Бакунина» (худшими он признает те места, где звучит анархизм с проповедью разрушения и восхвалением преступной части общества). Приемы, с помощью которых Гамбаров пытается доказать, что «в основой своей части «Катехизис» принадлежит безусловно Нечаеву», не выдерживают самой снисходительной критики. Часть приводимых им аргументов верна (например, факт, что о составлении «Катехизиса» говорилось в России еще до знакомства Нечаева с Бакуниным), но ничего не доказывает; другая же часть его доводов просто придумана или основывается на произвольной интерпретации источников. Так, ровно ничем не доказаны его утверждения, что Нечаев, уезжая из России, имел в проекте готовый план этого (?) «Катехизиса» или вообще какого-либо иного; что предложенные при выработке «Катехизиса» проекты Бакунина были Нечаевым, «несомненно, отвергнуты» (откуда он это знает, прямо непонятно; это какое-то историческое ясновидение); что при разборке нечаевского архива найден был не черновик, а только копия «Катехизиса», написанная рукою Бакунина; между тем у Сажина, которого только и мог иметь в виду Гамбаров, сказано: «В особом пакете находился известный «Революционный Катехизис», писанный весь рукою Бакунина» (стр. 73—74). Ни о черновике, ни о копии не сказано ни слова; напротив, это место можно толковать как указание на подлинник. Что же касается стиля «Катехизиса», который, по мнению Гамбарова, доказывает принадлежность его Нечаеву, а не Бакунину, то лучше бы Гамбаров об этой стороне вопроса не заговаривал, ибо, если бы не было других аргументов в пользу авторства Бакунина, то один стиль документа достаточно бы его доказал. Замечательно, что ни одно свое заявление Гамбаров не счел нужным подтвердить точной ссылкой на источник своей информации. Это совершенно недопустимый методологический прием, особенно, когда речь идет о спорном вопросе.

[1] Можно пройти с сострадательным сожалением мимо таких работ, как компилятивная брошюра А. Карелина «Жизнь и деятельность М. А. Бакунина», Москва 1919, где автор, желая защитить честь своего героя, отрицает самые общеизвестные факты. Между прочим, сообщив, что «разные господа, то по недобросовестности, как Утин, то по небрежности, как М. Драгоманов, навязывали ему (Бакунину) взгляды и сочинения Нечаева», он, без малейшей

«Никто не посмеет оспаривать, что эти русские памфлеты, тайные уставы и произведения, опубликованные Бакуниным с 1869 года по-французски, происходят из одного и того же источника Напротив, все эти три категории писаний взаимно дополняют друг друга. Они как бы соответствуют трем степеням посвящения знаменитой всеразрушительной организации. Французские брошюры гражданина Б. написаны для непросвещенных альянсистов, с предрассудками которых считаются. Им говорят только о чистой анархии, антиавторитаризме, вольной федерации автономных групп и других столь же невинных вещах: галиматья простая. Тайные уставы предназначены для интернациональных братьев Запада; анархия превращается здесь в «полное разнуздание народной жизни,.. дурных страстей», но посреди этой анархии существует скрытый направляющий элемент в лице этих самых братьев; им даются лишь некоторые общие указания насчет альянсистской морали, украденной у Лойолы: бегло упоминается необходимость не оставлять камня на камне, ибо это западные европейцы, воспитанные в обывательских предрассудках и нуждающиеся в несколько осторожном подходе. Им говорят, что истина, слишком ослепительная для глаз, не готовых еще для настоящего анархизма, будет полностью раскрыта в программе русской секции [1]. Только с прирожденными анархистами, с избранным народом, с молодежью святой Руси пророк решается говорить начистоту. Здесь анархия выступает в виде повсюдного всеразрушения; революция — в виде ряда убийств, сначала личных, а затем массовых; единственным правилом поведения об'является иезуитская мораль в квадрате, а образцом революционера — разбойник. Здесь мысль и наука решительно запрещаются молодежи, как мирские занятия, способные побудить ее к сомнению во всеразрушительной ортодоксии. Тем же, кто станет упорствовать в теоретической ереси или вздумает подвергать вульгарной критике догматы всеобщего аморфизма, угрожает святая инквизиция. Перед русской молодежью папа не находит нужным стесняться ни по существу, ни по форме. Он дает свободу своему языку. Полное отсут-

---

тени доказательства, уверенно приписывает Нечаеву следующие сочинения: 1) «Постановка революционного вопроса», 2) «Начала революции», 3) «Призыв к русскому дворянству», 4) «Революционный Катехизис» (стр. 30). Все это говорится, конечно, с величайшим апломбом и с дрожью негодования против людей, клеветавших на бедного Бакунина.

[1] Намек на § 1 программы Интернационального братства в том тексте, который напечатан в брошюре об Альянсе (см. стр. 63), и где сказано, что по ряду вопросов принципы этой организации более подробно изложены в программе русской «социалистической демократии».

ствие мыслей выражается в столь напыщенной галиматье, что ее невозможно передать на французском языке, не ослабляя ее нелепости. Даже язык здесь не русский, а татарский (?!), как заявил один россиянин. Эти безмозглые людишки надуваются страшными фразами, чтобы казаться в собственных глазах революционными гигантами. Это история лягушки и вола.

«Какие страшные революционеры! Они хотят уничтожить и аморфизировать все, «решительно все», они составляют проскрипционные списки, жертвы которых обрекаются кинжалу, яду, петле, револьверным пулям, некоторым они даже угрожают «лишением языка», но они преклоняются перед царским величеством [1]. В действительности же царь, чиновники, дворянство и буржуазия могут спать спокойно. Альянс воюет не с существующими государствами, а с революционерами, не желающими унизиться до соучастия в его трагикомедии. Мир дворцам, война хижинам! Чернышевский осыпается клеветой [2]; редакторы «Народного Дела» предупреждаются, что их заставят замолчать «разными практическими способами, которые в наших руках» [3]; он, т.-е. Альянс, угрожает убийством всем инакомыслящим революционерам [4]. Вот единственная часть этой всеразрушительной программы, которая получила начало выполнения» (намек на убийство Иванова).

А по поводу «Катехизиса» брошюра в частности говорит: «Согласно всем показаниям (на процессе) и очевидным доказательствам,

---

[1] Намек на слова № 1 «Народней Расправы», что царя они не собираются пока трогать, оставляя его для народного суда.

[2] Вероятно, имеется в виду глава III второй статьи № 1 «Народной Расправы», где говорится о бесплодном теоретизировании после декабристов и до Каракозова. Но Чернышевский там прямо не назван (замечательно, что Бакунин вообще почти нигде о нем не упоминает). Единственный раз Чернышевский прямо назван там в знаменитом примечании, где его ассоциации ставятся ниже казацкого круга Василия Уса.

[3] Имеется в виду первая статья № 1 «Народной Расправы», где сказано: «Распространению же вещей, хотя и искренних, но прямо противоположных нашему знамени, мы можем помешать разными практическими способами, которые в наших руках».

[4] В «Началах революции» автор, предложив всем эмигрантам, кроме уже известных работников европейской революции, немедленно вернуться в Россию и примкнуть к активным революционерам, продолжает: «Мы обращаемся теперь в первый и последний раз ко всем оппозиционным элементам русской жизни и призываем их к делу практическому тотчас же. Пусть... во имя дела тесно смыкаются с нами во время дела... Если (имеющий очи и уши) не примкнет к ним (революционным деятелям), не наша вина в его гибели,.. если все, что будет прятаться за кулисами из трусости или из подлости, будет раздроблено равнодушно, без сожаления вместе с этими кулисами».

представленным адвокатами, этот катехизис написан Бакуниным, который никогда не решался отрицать свое авторство [1]. Впрочем, форма и содержание этого произведения ясно показывают, что оно имеет общее происхождение с тайными уставами, «Несколькими словами», прокламациями и «Народной Расправой»... [2]. Оно просто их дополняет. Эти всеразрушительные анархисты, стремящиеся к установлению всеобщей аморфности, для введения анархии в область морали доводят до крайности буржуазную безнравственность. Читатель мог уже по нескольким образчикам оценить альянсистскую мораль, догматы которой, будучи чисто христианского происхождения, первоначально были тщательно разработаны эскобарами XVII века [3]. Но Альянс усиливает ее термины до смешного и на место святой католической, апостольской и римской церкви иезуитов ставит свое «святое революционное дело», архи-анархическое и всеразрушительное. Революционный катехизис представляет официальный кодекс этой морали, на сей раз изложенной систематически и откровенно» (стр. 89 — 90).

Нечаевско-бакунинские прокламации не остались без отклика и в зарубежной русской прессе. «Народное Дело», специально задетое в этих прокламациях, решительно высказалось как против их тона, так и против их содержания. Особенно протестовало «Народное Дело» против использования Бакуниным авторитета Интернационала, действительный характер которого в этих прокламациях, как мы видели,

---

[1] На это обстоятельство до сих пор не обращали внимания, а оно тем более замечательно, что если даже Бакунин иногда и отрекался от того или иного произведения, то это вовсе не доказывало, что оно ему действительно не принадлежит. Так, в письме в редакцию «Journal de Genève» от 25 сентября 1873 года (по поводу брошюры об Альянсе) Бакунин заявляет, что он «непричастен к опубликованию произведений», приписанных ему в номере этой газеты от 19 сентября 1873 года. А там Бакунину приписаны: 1) программа Интернационального братства, бесспорно принадлежащая ему, и 2) «Постановка революционного вопроса», которую теперь даже Неттлау считает принадлежащей Бакунину. Мы не хотим сказать, что Бакунин должен был раскрывать врагам свои карты, а только предостерегаем историков от придания решающего значения таким его заявлениям.

[2] Эти слова кстати показывают, что авторы брошюры об Альянсе или, быть может, Утин, принимавший участие в составлении этой части брошюры, догадывались о принадлежности Бакунину и прокламаций, и «Народной Расправы», и «Катехизиса».

[3] Эскобар (1589—1669) — испанский иезуит и казуист, доказывавший, что чистота намерений оправдывает поступки, запрещаемые законами и нравственностью, т.-е. что цель оправдывает средства.

сильно извращался. В номере 7 — 10 «Народного Дела» (ноябрь 1869 года) помещены были заметка по поводу этих прокламаций и запрос старым эмигрантам [1].

В заметке, надо сказать, довольно беззубой и неудобочитаемой, говорилось: «Старые либералы и радикалы думают, что сумеют произвести раскол в молодой России и станут, наконец, коноводами нескольких групп, лишь бы получить хоть какое-нибудь оправдание своему назойливому выставлению себя на изумление Европы в качестве руководителей и отцов русской революции, которая и вспыхнет, по их уверениям, через год, через полгода... Вводя в заблуждение Европу относительно юной радикальной партии, эти почтенные революционных дел мастера готовы извратить его смысл унизительным образом, употребляя таким образом во зло доверие, которое могли бы к ним иметь издали или при первой встрече некоторые юноши, полагающие, что уж, конечно, фигурирующие столпы должны хорошо знать суть и смысл и ход рабочего движения. Говоря о тождественности, о солидарности западного движения с русским, о возможности дружного союзного хода их, мы, конечно, не можем оставаться равнодушными перед ложным умышленным или невежественным толкованием того или иного из них».

В том же номере журнала напечатан был по поводу прокламаций запрос А. Герцену, Н. Огареву и М. Бакунину. «Мы, — говорилось там, — не можем отнестись к ним (этим «тупоумным листкам») иначе, как с отвращением, которое вызывает во всяком трезвом и серьезном человеке подобная непристойная игра с великим святым делом революции. Дикое невежество — рядом с нахальным хвастовством; самовосхваление небывалыми фантастическими подвигами — рядом с завистливым лганием во все прошлое погибших борцов; нерасчетливые или слишком рассчитанные провокации — рядом с кровавыми посулами и инквизиционными угрозами, и не только от'явленным врагам свободы, но решительно всем и каждому, кто посмеет не поверить этим доблестным рыцарям в их уверениях, что они берутся сломать все существующее всеразрушающим кровопролитием, ядом, ножом, петлею, огнем и т. д., и т. д., и кто не пойдет по их приглашению в разбойничий мир, обитающий в лесах, в городах, деревнях, бесчисленных острогах империи, — в этот единственный, нераздельный, крепко связанный мир, в котором «одном только существует издавна настоящая революционная конспирация»... — бред беззубого старче-

---

[1] Горохов — «Русская секция Первого Интернационала», стр. 32 и сл.

ства рядом с бормотанием доморощенных Митрофанов [1], — вот что мы встречаем в этих листках, очевидно принадлежащих одному и тому же коллективному перу. Тяжелое грустное чувство невольно овладевает нами при чтении их: кому понадобилось так издеваться над русским революционным делом? Кто осмелился покуситься так на горячую преданность юношества делу свободы, кто смел кинуть такою грязною клеветою в русское юношество, захотел заставить думать, что эти произведения могут принадлежать ему, могут быть симпатичны ему? Кому, наконец, есть охота и надобность подводить наше юношество и под подозрение, и под обвинение в подобных проделках? Разве мало гибнет жертв за серьезное честное дело? Разве надо помогать правительству в его террористической игре — без всякой цели, без всякого результата? Потому что, конечно, невежество авторов не может итти до того, чтобы они в самом деле воображали, что они могут достичь какого-нибудь серьезного результата».

А далее представителям старой эмиграции, как в их собственных интересах, так и в интересах общего революционного дела, ставится вопрос, солидарны ли Герцен и Огарев с этими листками, в которых поносятся Чернышевский и его сподвижники и вся эмиграция, зато восхваляются только Бакунин вместе с Нечаевым. Если же они с содержанием этих прокламаций не солидарны, то «Народное Дело» охотно предоставляет свои столбцы для такого с их стороны заявления. И наконец, не решаясь прямо приписать Бакунину авторство этих листков, «Народное Дело» из'являет готовность и ему предоставить в журнале место для признания или отрицания своей солидарности с упомянутыми прокламациями.

Конечно, составители запроса хорошо знали, что Бакунин является автором большинства этих прокламаций, что Огарев под его влиянием тоже поддерживает Нечаева, а Герцен относится ко всей этой затее неодобрительно. Запрос преследовал чисто полемические цели. Ответа на него, конечно, не последовало. Ответить мог, собственно, один Герцен, но в данном случае он был связан тем, что пришлось бы дезавуировать не только Бакунина, но и Огарева. Вдобавок «Народное Дело» не пользовалось таким влиянием в эмиграции (о России нечего и говорить), чтобы на его запрос обязательно нужно было дать ответ. Его и не было, но в письме к Огареву от 13 декабря 1869 года Герцен с неудовольствием заметил: «Прочел я глупый «Запрос» в «Народном

---

[1] Намек на сотрудничество Бакунина с Нечаевым.

Деле». Тебе и Бакунину будет больно, что мое имя замешано в деле, против которого я протестовал всеми силами. Оно было нелепо» [1].

Но история имеет свою логику. Благонамеренная критика «Народного Дела» никакого действия не возымела, а прокламации Нечаева — Бакунина продолжали делать свое дело. Да и то сказать, на-ряду с их пламенным языком и горячими призывами бледный, бескровный стиль «Народного Дела» должен был оставаться гласом вопиющего в пустыне» [2].

---

[1] Уже по поводу первой прокламации «Несколько слов молодым братьям» Герцен 11 мая 1869 года писал Огареву, что она «наделает страшных бед. Я буду протестовать и снимаю всякую солидарность». Нетрудно представить себе, как он должен был относиться к последующим изданиям с их идеализацией разбойничьего мира и т. п.

[2] Надо полагать, что и самый строй нечаевской организации, основанный на пирамиде иерархически связанных между собою «пятерок», тоже был подсказан Бакуниным. На стр. 44 второго тома мы приводили выдержку из отчета III Отделения за 1862 год, где Бакунину приписывается такой план организации. Впрочем, это обычный тип заговорщических обществ первой половины XIX века, который Бакунину был, видимо, хорошо знаком.

Глава вторая.

НЕЧАЕВ ЗА РАБОТОЙ.

1. Нечаев в России.

После того, как идейная подготовка была закончена, и план работы по созданию русского отдела Альянса Бакуниным и Нечаевым совместно выработан, Нечаев мог направиться для осуществления его в Россию. План же этот, судя по материалам процесса, сводился по существу к следующему. Создается общество «Народной Расправы» или («Общество Топора») в качестве русского отдела мифического «Всемирного Революционного Союза». В России во главе его стоит русский революционный комитет, организовать который поручается Нечаеву, а до его организации — Нечаев. Заграничными представителями общества (или комитета) являются Бакунин и Огарев, т.-е. фактически один Бакунин ввиду того, что Огарев к этому времени по болезненности уже не был способен к какой-либо серьезной работе. Русский революционный комитет организует ряд групп первой и второй степени, связанных строгой дисциплиной и направляющих свои усилия к тому, чтобы вызвать к 19 февраля 1870 года народное восстание, которое должно было радикально разрушить существовавший строй.

Нечаев, повидимому, искренно верил в осуществимость этого плана. Верил ли в нее также и Бакунин, в этом (как видно и из приведенного выше рассказа Ралли) позволительно усомниться, но он тоже был убежден в том, что России предстоят глубокие потясения. Во всяком случае решимость и самопожертвование революционеров должны были возместить отсутствие благоприятных об'ективных условий и подходящих для переворота социальных элементов.

В августе Нечаев двинулся в Россию, снабженный отпечатанными за границей прокламациями, мандатом от Бакунина и рекомендациями

к болгарским революционерам, в частности к Любену Каравелову [1]. С помощью болгар Нечаев через Румынию переправился в Россию [2]. 3 сентября 1869 года он был уже в Москве и немедленно приступил к работе.

Подробный рассказ об этой работе Нечаева не относится прямо к нашей теме. Поэтому мы будем говорить о ней лишь постольку, поскольку она непосредственно связана с именем Бакунина или имеет к нему какое-либо отношение.

Собственно говоря, все исследователи согласны с тем, что без авторитета имени Бакунина Нечаев не мог бы достигнуть даже тех результатов, которых он добился. Мандат, выданный ему Бакуниным от имени «Всемирного Революционного Союза», оказал сильное влияние на тех, к кому Нечаев обращался в России [3]. В основе созданной им организации лежала эта основная мистификация. Она дополнялась рядом других, как-то: стихотворением Огарева «Студент», россказнями о существовании таинственного и всемогущего русского революционного комитета, от имени которого выступал Нечаев в качестве его представителя, требовавшего от всех участников организации беспрекословного повиновения своим распоряжениям, и т. п. На обмане строилось все. Так, Нечаев продолжал распространять слухи о своем мнимом бегстве из крепости и

---

[1] Как раз в это время Европу об'езжала болгарская революционная делегация (Райнов и еще кто-то), побывавшая у Герцена, Бакунина, Маццини и т. п. С товарищем Райнова Нечаев и уехал на Балканы.

[2] Подробно о пребывании Нечаева на Балканах рассказывает Е. Волков в своей книге «Христо Ботев (На заре балканского революционного коммунизма)», ГИЗ, 1923. Если даже допустить, что автор несколько преувеличивает влияние Нечаева на болгарских деятелей, все же эта книга дает несколько интересных штрихов к характеристике той напряженной революционной страсти, которая тогда (да и впоследствии) владела Нечаевым. По словам Волкова, кратковременного пребывания Нечаева на Балканах достаточно было для того, чтобы оказать решающее влияние на такого выдающегося человека, как Христо Ботев. Как отмечает, впрочем, автор, огромную роль сыграла здесь рекомендация Бакунина, к которому болгары относились с большим уважением (стр. 109).

[3] По показанию студента Долгова, участвовавшего в организации, «Нечаев давал читать листок на французском языке с припискою Бакунина, в котором в общем виде высказывались принципы общества» (по показанию Успенского — устав и программа Международного общества). Надо полагать, что это была программа Альянса или Интернационального братства, которую слушатели по незнанию могли путать и путали с программою Интернационала. Это была та же игра, которая применялась альянсистами в Испании.

даже о своей смерти. Пригласив молодого офицера Ивана Лихутина из Петербурга в Москву, чтобы доказать ему существование в Москве сплоченной организации, Нечаев по дороге вручил ему бланк с женевской печатью, предложив ему выдать себя за агента «Женевского (?) Революционного Комитета», в качестве какового и представил его кружку студентов-петровцев [1]. Этот метод обмана Нечаев, впрочем, применял и к самому «учителю». Так, Прыжов должен был отправиться за границу и представить там Бакунину отчет о работе русской организации, составленный Нечаевым и Успенским; но для того, чтобы Прыжов не мог проговориться насчет действительного положения дел, которое было далеко не блестящим, Нечаев убедил его в Женеве «ни одним словом» не упоминать о том, что делается в России, а на все вопросы отвечать: «не знаю»!

Членов созданной им организации Нечаев держал в повиновении угрозами и запугиванием, а главное — указанием на всемогущество, вездесущность и всеведение таинственного комитета, говорившего его устами и, как заметил член организации Иванов, всегда согласного

---

[1] С именем этого же И. Лихутина связан и другой некрасивый инцидент. По рассказу Лихутина, вернувшись с собрания, на котором он фигурировал в качестве ревизора от грозного «Женевского Революционного Комитета», он просил Нечаева оставить его в покое и дать ему возможность спокойно продолжать свои занятия наукою. Нечаев согласился под условием, чтобы Лихутин по приезде в Петербург достал вексель от помощника присяжного поверенного Колачевского (некогда привлекавшегося по каракозовскому делу и находившегося под полицейским надзором). Этот вексель нужен был Нечаеву, по его словам, для того, чтобы держать Колачевского в руках. Нечаев же научил его, как это устроить. И вот в один прекрасный вечер Лихутин пригласил к себе ничего не подозревавшего Колачевского и вручил ему записную книжку Нечаева, а когда тот вышел на улицу, то брат Лихутина, Владимир, вместе с студентом Прохором Дебогорий-Мокриевичем, переодевшись жандармами, схватили его, увезли в Знаменскую гостиницу и предложили ему или немедленно быть отправленным в III Отделение, или выдать вексель на 6.000 рублей. Испуганный Колачевский выдал вексель. Не его ли имел в виду Нечаев, когда по возвращении за границу уверял Бакунина, что скоро должен получить из России большие деньги? Впрочем, нужно заметить, что ввиду бегства Нечаева за границу другие арестованные по его делу валили на него решительно все, и потому не все обвинения, которые были на него взведены, можно считать действительно доказанными. Сам же Нечаев на своем процессе в Московском окружном суде 8 января 1873 года отказывался давать показания и участвовать в судебном следствии ввиду того, что его судили как уголовного, а не политического преступника. Вообще как на процессе, так и в крепости Нечаев держал себя с величайшим мужеством и достоинством.

с мнениями самого Нечаева. Разумеется, в основе всего дела лежало революционное настроение молодежи, ее сочувствие народным страданиям, ее ненависть к тираническому самодержавию, ее готовность к любым жертвам в интересах народного освобождения. Но все эти благородные чувства эксплоатировались Нечаевым по-своему и использовались в крайне предосудительной форме. Нечаев, повидимому, был невысокого мнения об этой молодежи и считал возможным действовать на нее только путем систематического обмана и застращивания. В этом отношении он довел до абсурда наставления бакунинского катехизиса, так что впоследствии, говоря словами Волкова, «в Нечаеве Бакунин убоялся самого себя и от него отрекся». Совершенно очевидно, что такими приемами ничего прочного создать было нельзя, а можно было только погубить нежные ростки начинавшегося революционного движения и надолго скомпрометировать самую идею дисциплинированной организации, как это с Нечаевым и случилось.

Развитие организации было на первых же шагах насильственно оборвано самим Нечаевым, весь образ действий которого неизбежно вел к такому концу. Студент Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, где Нечаев обосновал свою штаб-квартиру, Иванов, начал протестовать против диктаторских и мистификаторских замашек Нечаева. Особенно усилилась его оппозиция Нечаеву, когда он был переведен из членов кружка в члены отделения, т.-е. кружка второй степени (нечто вроде московского комитета организации). Он позволил себе даже оспаривать некоторые приказы «Комитета», т.-е. Нечаева, и открыто заявлял, что делать пустяков не станет. А работа кружков действительно сводилась к пустякам, — к составлению отчетов, взаимных характеристик и т. п. Нечаев начал относиться к нему с нескрываемой ненавистью. При каждом несогласии дело шло «на разрешение Комитета», который, разумеется, всегда решал в духе Нечаева. Открытое столкновение произошло по поводу распоряжения Нечаева о расклейке написанной им прокламации «От сплотившихся к разрозненным» (по поводу так называемой «Полунинской истории» в университете) в столовой и библиотеке академии. Иванов возражал против этого из опасения закрытия библиотеки и столовой и даже заявил, что если ему это прикажет сделать комитет, то он и тогда не согласится. Более того, Иванов имел разговор с Прыжовым, которому заявил, что не верит в существование комитета и собирается создать свою собственную организацию [1].

[1] Другим противником Нечаева был Негрескул, проживавший в Петербурге. Уже в 1868 году он выступал против Нечаева. В Швейцарии он предо-

Нечаев собирался тогда уехать в Петербург, где, по его словам, существовала уже мощная организация (питерцам же он рассказывал, что могучая организация существует в Москве; см. выше инцидент с И. Лихутиным). В пояснение своей поездки он, как рассказывает Засулич, показал москвичам «рескрипт комитета, в котором № 2771 т.-е. сам Нечаев, помеченный этим номером в мандате Бакунина) осыпается похвалами и командируется в Петербург для образования девятого отделения (а там не было еще не только ни одного отделения, но и ни одного кружка первой степени. — *Ю. С.)* из людей, участвовавших в студенческом движении, с которыми не могут справиться петербургские организаторы».

Узнав о решении Иванова, Нечаев решил остаться в Москве и раз навсегда отделаться от этого человека. Вся созданная Нечаевым организация держалась только его личным влиянием и авторитетом таинственного «Комитета». С того момента, как то и другое подвергалась оспариванию, вся, на живую нитку сшитая и террором поддерживаемая, организация рисковала рассыпаться. Опасность была тем грознее, что Иванов пользовался среди студентов академии большим влиянием и легко мог бы увлечь за собою большинство кружков и создать организацию, которая оказалась бы серьезнее нечаевской.

Чтобы парализовать эту опасность, у Нечаева было два пути: или отказаться от недостойной игры в таинственные комитеты, дающие бессловесной пастве грозные приказы, подлежащие беспрекословному исполнению, и перестроить организацию на действительно разумных, товарищеских началах, единственно допустимых в революционном обществе; или же, доводя до крайних логических последствий усвоенную им систему обмана и террора, убрать Иванова и этим запугать

стерегал против нечаевской лжи. Вернувшись в Россию, он, по словам Засулич (цит. ст., стр. 61), «рассказывал всем и каждому, что Нечаев — шарлатан, что арестован никогда не был, а вздумал разыграть нашаромыжку политического мученика, что его следует опасаться и не верить ему ни в одном слове. Он писал также Успенскому, предостерегая его от Нечаева, но получил холодный ответ. Скинского же... он-таки успел смутить, и тот, после поездки в Петербург, об'явил, что не хочет иметь ничего общего с «Народной Расправой». Впоследствии Нечаев прислал Негрескулу из-за границы несколько прокламаций, но тот умер во время следствия — у него уже и раньше развивалась чахотка». О подобных бесцеремонных приемах Нечаева говорят все исследователи, вплоть до М. Неттлау. Повидимому, здесь применялось правило § 20 «Катехизиса», рекомендовавшее компрометировать «революционеров-доктринеров» из «праздноглаголющих кружков», обреченных на «бесследную гибель».

остальных членов организации, связав их заодно кровавым преступлением. Нечаев избрал второй путь, на который его толкала, с одной стороны, логика раз избранного им образа действий, а с другой — упорный фанатизм и уверенность в своем великом призвании. После некоторого сопротивления Нечаеву удалось убедить других членов отделения (Успенского, Кузнецова, Прыжова и Николаева) в необходимости отделаться от Иванова, якобы способного выдать организацию правительству. Все это, делалось, конечно, от имени несуществовавшего комитета, ослушаться которого обезволенные люди не посмели.

Во всей литературе о Нечаеве имеется лишь о д н о указание на возможность предательства со стороны Иванова. Это в воспоминаниях А. И. Успенской [1]. Передавая по рассказам присутствовавших на суде показания, данные на процессе ее мужем, главным подсудимым по нечаевскому делу (показания, по ее словам, извращенные в стенографическом отчете, печатавшемся в «Правительственном Вестнике»), она говорит: «Все уже давно замечали, что Иванов изменял обществу, слишком много говорил о нем, и что общество от этого страдает. Затем они узнали, что Иванов отказывается от участия, что он выходит из общества и чуть ли (?) не хочет сделать даже больше, т.-е. сообщить обо всем правительству (все это было заявлено Ивановым 19 ноября Прыжову, который передал это другим). Вопрос о том, как поступить с Ивановым, был решен всеми единогласно».

На самом деле из четырех членов отделения только Николаев, совершенно обезличенный юноша 19 лет, во всем подчинявшийся Нечаеву, не возражал против убийства. Успенский спорил, но был переубежден Нечаевым. Прыжов и Кузнецов категорически отказывались принять участие в этом деле, но были принуждены к тому Нечаевым угрозами. А между тем якобы этому самому упиравшемуся Прыжову Иванов «чуть ли» не сообщил о своем намерении выдать организацию властям [2].

---

[1] См. цит. «Воспоминания шестидесятницы», — «Былое», 1922 год, № 18, стр. 40.

[2] Сюда относится один чрезвычайно темный случай. После убийства Иванова Нечаев, показывая на квартире Кузнецова револьвер, которым он умертвил Иванова, нечаянно произвел выстрел. Пуля пролетела около самого уха Прыжова, который только случайно избег смерти. В своей «Исповеди» Прыжов прямо обвиняет Нечаева в желании убить и его. Он же говорит, что Нечаев при обсуждении убийства Иванова говорил один, а все остальные молчали, и что Нечаев намеренно обставил это убийство так, чтобы запутать в него («замешать») всех членов отделения. И это предписывалось параграфом 20 «Катехизиса».

Возможно, что Успенский дал такое показание, что он даже силился уверить себя в виновности Иванова (по человечеству это понятно), но все другие говорят нечто прямо противоположное. Ралли, лично знавший Иванова, пишет: «Мое мнение: Иванов был порядочным человеком и никогда не сделался бы шпионом. Убийство его — великое несчастье» [1].

Да и сам Нечаев невольно отдал дань признания революционной честности и преданности Иванова: чтобы заманить его в трот академии, где его ждала смерть, Нечаев велел передать ему, что там спрятана

---

[1] Теперь к обвинению Иванова присоединяет свой голос и А. Гамбаров. «Иванов действительно был предателем», — решительно заявляет он (стр. 17). С нетерпением ищем доказательств столь категорического обвинения. А вот они (стр. 90—91): «Среди членов общества оказались люди, которые заведомо вносили дезорганизацию и не желали подчиняться основным правилам устава. Доходило до того, что некоторые возымели желание сами распоряжаться... Особенно такое неподчинение обнаружил студент Иванов... Не стесняясь, он часто разбалтывал посторонним лицам о существовании в Москве тайного революционного общества, что неминуемо грозило провалом всей организации... В своем тупом ослеплении Иванов дошел до того, что задумал даже расколоть организацию и образовать свою, отдельно от Нечаева. В связи с этим среди членов московского отделения поднят был вопрос о поведении Иванова и о дальнейшем пребывании его в организации. Но Иванов не хотел считаться с решением «отделения». Это был самолюбивый и крайне ограниченный человек. Желая отомстить Нечаеву, Иванов решил донести на него полиции. Выходило, что свой же член организации становился опаснее всякого врага. А так как на Иванова нельзя было подействовать никакими советами, никакими усовещеваниями, то решено было помешать ему привести в исполнение задуманный им план доноса на организацию».

Прямо диву даешься, откуда Гамбаров взял все это. По свойственной ему манере он, приводя эти якобы установленные факты, не указывает, на основании каких источников он пришел к своим безапелляционным выводам и откуда он позаимствовал приводимые им «факты». Единственный источник, который он может иметь здесь в виду, это воспоминания А. Успенской. Но и она не говорит того, что утверждает Гамбаров. Притом ее мнение является в литературе одиноким. Все другие авторы, писавшие об этом предмете, в том числе и современники, говорят совершенно другое. А Гамбаров берет это одинокое мнение, ничем его не проверяет и не подтверждает, возводит его в куб, умалчивает обо всех противоречащих ему показаниях, огульно зачисляет всех, кто осуждал приемы Нечаева, в буржуазный стан и делает свои смелые заключения. Мы понимаем его стремление реабилитировать Нечаева. Но не следует для очищения памяти одного позорить без всякого основания другого (да еще жертву). Надо считаться с фактами и понимать, что такими приемами не только своего подзащитного не обелишь, но даже ему повредишь, ибо тебя не станут слушать и тогда, когда ты будешь прав.

тайная типография, которую нужно вырыть из земли, чтобы пустить в ход. И Иванов, вчера еще враждовавший с Нечаевым за его мистификаторские приемы, сразу забывает все, оставляет друзей и отправляется на поиски мнимой типографии. Прежде он жаловался на отсутствие дела, на «пустяки», которыми Нечаев заставлял заниматься членов организации. Но когда он услыхал, что представляется возможность чего-то серьезного, он с радостью пошел по приглашению... и нарвался на коварную западню, где его ждала мучительная смерть.

Это бессмысленное, ненужное и глупейшим образом выполненное убийство (21 ноября 1869 года) погубило все дело. 25 ноября полиция нашла в пруду труп Иванова, а затем быстро раскрыла всю организацию, созданную Нечаевым [1]. Сам Нечаев успел уехать за границу, а несколько сот людей было арестовано, и 87 из них преданы суду, который в 1871 году приговорил четырех к каторге, двух — на житье в Сибирь и 27—к тюремному заключению.

Так печально закончилась одна из первых попыток создать в России централизованную революционную организацию, долженствовавшую возглавить борьбу трудящихся масс за свое освобождение. Организация была совершенно разгромлена и не дала никаких непосредственных результатов, не успев связаться с народом и устроить какое-либо выступление. Правда, попытка правительства Александра II дискредитировать идею революции (для чего оно в первый и последний раз инсценировало публичный политический процесс в «нормальном» суде, т.-е. в судебной палате) [2] не удалась, ибо молодежь, хотя и не одобряя нечаевских методов, вместе с тем была поражена благородным поведением подсудимых, их заявлениями и величием преследовавшейся ими цели народного освобождения. Но непосредственные результаты всей работы Нечаева были печальны: зря погублена была масса накопившихся революционных

---

[1] И тогда-то оказалось, что Иванов никого не выдавал, а раскрыта была организация благодаря показаниям участников убийства, арестованных ввиду оставленных ими по неопытности и неосторожности улик на месте преступления. Гамбаров и здесь, игнорируя факты (например, установленные в обвинительном акте и на судебном следствии), намекает на предательство Иванова, говоря о том, что III Отделение давно знало о существовании в Москве тайного общества, связанного с книжным магазином Черкезова (стр. 91). Если бы это и было так, то где же доказательство, что источником полицейской осведомленности был Иванов?

[2] Если не считать дела В. И. Засулич (о покушении на убийство спб. градоначальника Трепова) в 1878 году. Но это дело ставилось как уголовное в окружном суде с участием присяжных заседателей (как и отдельное дело самого Нечаева в 1873 году).

сил, и нанесен на долгое время удар идее революционной централизации и дисциплины. А между тем сам Нечаев, несомненно, был чрезвычайно энергичным и способным человеком, беззаветно преданным делу освобождения трудящихся и питавшим благородную непримиримую ненависть к врагам народного счастья. Но, став на неправильный путь, он погубил себя и других, не дал ничего положительного и нанес революционному делу только вред [1].

2. Возвращение за границу и возобновление союза с Бакуниным.

В конце декабря 1869 года или в начале января 1870 года Нечаев снова появился за границей — на этот раз уже не в роли скромного юноши, ищущего покровительства более старых и авторитетных людей, а в роли человека, стоящего во главе большой (хотя и подвергшейся полицейскому разгрому) революционной организации, имеющего громкое имя и усердно разыскиваемого царским правительством.

Бакунин за все время отсутствия Нечаева получил от него из России одно письмо, содержавшее только уведомление о благополучном прибытии. О ходе самого дела он не знал. В начале января 1870 года, как это видно из его письма к Огареву от 3 января, он был сильно встревожен дошедшим до него слухом о провале Нечаева. Аресты в России действовали на него удручающим образом. Не выдержав характера, в сущности благодушный Бакунин, в противоречии с надуманными правилами своего «Катехизиса», высказывает сожаление даже об арестах «доктринеров», допуская в письме от 7 января, что слух об аресте Нечаева окажется и на сей раз, как и раньше, неверным. Бакунин прибавляет: «А жаль других молодцов, кто бы они ни были и к каким бы партиям они ни принадлежали, даже к утинскому курятнику. Но таких, — утешает он себя, — в России немного».

Наконец, 12 января 1870 года Бакунин окончательно узнал, что Нечаев не только находится на свободе, но даже прибыл в Швейцарию. Восторгу его не было пределов. «Когда я получил вашу записку, — пишет он Огареву 12 января, — я так прыгнул от радости, что чуть не разбил потолка старою головою». Не имея сам средств на поездку в Женеву для свидания с Нечаевым, Бакунин настаивал на приезде последнего к нему в Локарно, обещая ему «покров, постель, стол и комнату,

---

[1] Перед от'ездом из России Нечаев побывал в Петербурге, пытаясь и там наладить организацию. Узнав о начавшихся арестах, он вернулся на время в Москву, а оттуда уехал за границу.

а также и глубочайшую тайну». Нечаев приехал к Бакунину. О чем они говорили, какой отчет представил Бакунину Нечаев, какие планы дальнейшей совместной работы они выработали, — неизвестно. Во всяком случае Нечаев, надо полагать, убедил Бакунина в силе и разветвленности комитета. Так или иначе, но в первое время они, повидимому, столковались. Это в частности видно из того, что Нечаев убедил Бакунина отдать все свои силы русской пропаганде и для этого даже бросить начатый им для заработка перевод «Капитала».

Это произошло в феврале 1870 года. Надо полагать, что Бакунин не особенно противился предложению Нечаева, ибо, как мы знаем из его переписки, он переводил «экономическую метафизику» Маркса без особенной охоты и с прохладцей [1]. Нечаев обещал Бакунину уладить вопрос о полученном Бакуниным авансе с русским издателем. По свойственному Бакунину легкомыслию в денежных вопросах он, повидимому, не осведомился точно у Нечаева, как тот думает уладить этот вопрос. А Нечаев «уладил» его по-своему. 3 марта 1870 года Любавин, бывший посредником между Бакуниным и издателем Поляковым, получил на бланке «Народной Расправы» приказ оставить Бакунина в покое с угрозами в случае неповиновения [2].

Можно сомневаться в том, чтобы Бакунин принял участие в составлении этого письма или знал его содержание. Элементарная осторожность не дозволила бы ему пойти на такую авантюру. Но что он проявил в этой истории величайшее легкомыслие, это бесспорно. Даже Меринг, в общем сочувственно относящийся к Бакунину, признает, что в этом эпизоде он выказал «непостижимую и непростительную для политического деятеля легковерность» («Карл Маркс», стр. 376). Маркс, узнавший об этом инциденте уже в 1870 году от Лопатина, не сомне-

---

[1] То же подтверждает и Любавин в цитируемом ниже письме к Марксу.

[2] В 1908 году, прочитав январскую книжку «Минувших Годов», Гильом обратился к Даниельсону с запросом относительно этого документа. Даниельсон ответил через Лопатина, что документа у него нет, но дал следующие указания насчет его содержания: «Документ не есть письмо, адресованное лично Нечаевым Любавину, а официальное постановление революционного комитета, написанное на официальном бланке комитета и сообщенное в виде угрозы Любавину для руководства. Хотя имени Нечаева на документе нет, никто из причастных к делу лиц не сомневался в том, что он исходит от него, и, сверх того, все представляли себе, что Бакунин должен был знать о его содержании и отправке и одобрял действия Нечаева» (Guillaume — «L'Internationale», том III, стр. 13). Оригинал этого документа находится сейчас в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса; но мне, к сожалению, никак не удалось познакомиться с его содержанием. Приходится ждать, пока он не будет опубликован Институтом.

вался в соучастии Бакунина в этой истории. Незадолго до Гаагского конгресса Маркс обратился к переводчику его «Капитала», Даниельсону (Николаю — ону) с просьбою доставить ему то «в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо», которое Бакунин «написал или велел написать» Любавину [1]. У самого Даниельсона этого документа не было, но Любавин, узнав о желании Маркса, охотно прислал ему этот документ, сопроводив его собственным письмом от 8/20 августа 1872 года [2]. Рассказав о том, как он, узнав в 1869 году от Негрескула о материальной нужде Бакунина, устроил для него заказ на перевод «Капитала» за 1.200 рублей, из коих 300 рублей в виде аванса выслал ему 28 сентября, Любавин передает ряд подробностей относительно медлительности Бакунина, возбудившей подозрение, что он этой работы выполнить не собирается. 19 декабря Любавин получил от Бакунина первую посылку, а 31 декабря последнюю, всего, самое большее, два печатных листа. Далее Любавин продолжает:

«3 марта 1870 года пришло, наконец, ко мне то письмо от «Бюро», которым вы так интересуетесь теперь. Хотя это письмо было писано не Бакуниным (по всей вероятности, оно было непосредственным произведением самого Нечаева), но я почел Бакунина ответственным за него, так как его участие в нем мне казалось тогда совершенно несомненным, а потому я написал ему ругательное письмо... Однако не получил никакого ответа. Впоследствии Бакунин писал моему и вашему знакомому Лопатину, будто бы он послал мне короткий ответ, в котором значилось, что он отказывается от перевода вследствие моей грубости. Но я убежден, что этого ответа никогда не существовало, ибо иначе я получил бы его. Тому же моему другу он вручил квитанцию, в которой заявляется, что он получил от издателя через меня 300 руб. и обязуется возвратить их в возможно скором времени. Но эта квитанция была совершенно излишней, так как я имел уже его собственноручную расписку на эту сумму, а его обещание скорой уплаты не было исполнено. До настоящей минуты от него не было получено ни одного рубля, но зато недавно он послал к тому же издателю одну даму с просьбой дать ему другой перевод, при чем обещалось, что история с «Капиталом» более не повторится. Что за бесстыдство! [3].

---

[1] Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю —ону, «Минувшие Годы», 1908 г., январь.

[2] Приведено в значительной части в книжке Э. Бернштейна — «Карл Маркс и русские революционеры», изд. «Пролетарий», 1923 г., стр. 43 и след.

[3] Если этот случай действительно имел место, то он скорее говорит в пользу Бакунина, который этим явно дезавуировал поступок Нечаева и

«В заключение скажу, что я думаю теперь о том письме, которое я получил в 1870 году от «Бюро». Тогда участие в нем Бакунина казалось мне несомненным. Но я должен сказать, что теперь, когда я хладнокровно перебираю в голове всю эту историю, я вижу, что участие в ней Бакунина совсем не доказано, так как в действительности письмо могло быть послано Нечаевым совершенно независимо от Бакунина. Одно только можно считать установленным вполне: это то, что Бакунин выказал полнейшее нежелание продолжать начатую работу, несмотря на полученные за нее деньги».

В таком виде обвинение перестает быть особенно грозным. Но, как мы узнаем дальше, в разгаре политических страстей, вызванных борьбой в Интернационале, письмо это было истолковано в наиболее невыгодном для Бакунина смысле, и ему пришлось нести ответственность за хулиганскую выходку, допущенную (вероятно, без его ведома) развязным Нечаевым [1].

Но все это случилось через пару лет, и Бакунину пришлось отдуваться за Нечаева уже после того, как он с ним порвал, испытав на собственной шкуре всю бесцеремонность его приемов. А, пока что, Бакунин был уверен в возможности тесной общей работы с Нечаевым.

Нечаев пытался забрать Бакунина в свои руки и уже не выказывал к ветерану революционной борьбы прежнего почтения. «Во второй свой приезд за границу, — рассказывает Ралли («Мин. Годы», 1908 г., октябрь, стр. 159), — Нечаев отнесся к Бакунину уже не с той скромностью, с какой явился в первый раз. Он требовал внимания к себе, как к человеку, действительно имеющему за собой серьезную организацию в России. Таковым, тем более, он показал себя и другим в Женеве, где Бакунин уже не жил... Бакунин указал Нечаеву на свое экономическое положение, которое было из рук вон плохо, и Нечаев обещал ему от лица комитета средства для существования, заявив, что комитет вскоре будет обладать большими капиталами. На вопрос Бакунина, откуда эти средства явятся, Нечаев заявил ему, что один помещик Н... продает свое имение для того, чтобы вырученную сумму передать комитету [2]. Вскоре все эти рассказы Б[акунину] подтвердил новоприбывший

выражал готовность отработать полученный аванс. Иначе нельзя понять обращения к тому же издателю.

[1] Об этом инциденте в книжке Гамбарова о Нечаеве нет ни слова! (Стр. 92.)

[2] Не забудем, что мы имеем здесь рассказ, переданный со слов Бакунина и притом уже п о с л е его разрыва с Нечаевым. Какие действительно разговоры о средствах у них были, мы не знаем. Письма Бакунина, как увидим ниже, проливают на этот вопрос несколько иной свет.

эмигрант Владимир Серебренников, бежавший из России и сделавшийся, к несчастью, alter ego Сергея Геннадьевича. Новоприбывший, однако, с первого же раза произвел крайне нехорошее впечатление на М. Ал.».

Доставил средства для дальнейшей работы не Нечаев, который никаких связей в России уже не имел, а тот же Бакунин, убедивший наследников Герцена и старика Огарева отдать Нечаеву вторую половину «общего фонда». Он же всячески старался свести Нечаева с семьею покойного Герцена и в частности с его старшей дочерью Натальей, которая из всех членов семьи больше всего интересовалась русскими делами.

«О бахметьевском фонде, — пишет Ралли в цитированных воспоминаниях (стр. 159—160),—о Семене Серебре[нни]кове, дочери Герцена Наталье Александровне и о попытках М. Ал. сблизить Нечаева с семьею Герцена нахожу прямо-таки неудобным передавать здесь все те смеха достойные дрязги, которые мне пришлось слышать, с одной стороны, от М. А., возмущавшегося той ролью, которую заставил его играть Нечаев, а с другой — от бедного Семена Серебре[нни]кова, попавшего, как кур во щи, в эту далеко не приятную историю. Во всяком случае письма, напечатанные М. А. Бакуниным, относящиеся к этому периоду времени [1], более чем ясно устанавливают тот факт, что во всех этих некрасивых передрягах виноват не только Нечаев, но и Бакунин, который показал себя слишком наивным конспиратором, слишком доверчивым к человеку, которого психику абсолютно не разгадал» [2].

За 2 недели до своей смерти Герцен писал Огареву (9 января 1870 года): «Я буду очень рад, если Бой («мальчик», кличка Нечаева, данная ему Бакуниным. — *Ю. С.*) выздоровеет (т.-е. избегнет ареста. — *Ю. С.*), но видеться мне с ним не нужно» [3]. А 21 января Герцен умер. Теперь

---

[1] Ралли хочет сказать: «опубликованные (М. Драгомановым) письма Бакунина, относящиеся к этому периоду времени», ибо сам Бакунин этих писем не печатал.

[2] Ралли разделяет в общем ту точку зрения, которая силится выгородить по возможности Бакунина из «нечаевщины» и представить его исключительно в роли наивного и добродушного человека, одураченного Нечаевым. Эта точка зрения большинства писавших по этому вопросу (не говоря уже об анархистских историках) опровергается фактами.

[3] Не относятся ли эти слова к желанию Нечаева лично свидеться с Герценом для разговоров относительно фонда? Т. Пассек («Воспоминания», 2-е изд., том III, стр. 132—133) рассказывает по этому поводу следующее: «Огарев, подчиняясь воле Бакунина, постоянно писал об остальных десяти тысячах и, наконец, сообщил, что Нечаев сам едет в Париж для личных переговоров с ним. Александр (Герцен) взволновался. «Не приму его у себя, лучше пойду к нему на квартиру. Когда Нечаев услышит, что я не дам ни копейки

вторая половина бахметьевского фонда поступала в распоряжение одного Огарева, и Бакунин начал наступление, добиваясь от нерешительного Огарева, чтобы тот немедленно истребовал от наследников Герцена эти деньги (10 000 франков)[1] и передал их Нечаеву. «Требуй только неотступно выдачи всего фонда, — пишет Бакунин 22 февраля.— Это не только твое право, но твой священный долг, и перед этим долгом падают все деликатности отношений. В этом деле ты должен выказать римскую строгость, быть Брутом».

Упрекать Бакунина в том, что он настаивал на передаче денег Нечаеву, просто смешно. Он обязан был делать это, поскольку он верил в существование комитета, представляемого Нечаевым, и поскольку деньги эти должны были не лежать бесплодно в кассах ротшильдовского банка, а пойти на революционное дело, как этого и хотел основатель фонда Бахметьев. Упрекнуть Бакунина можно было бы только в том, что он настоял на отдаче всей суммы в бесконтрольное распоряжение одного Нечаева, но в том-то и дело, что, судя по его переписке с Огаревым, он не предвидел такого исхода и надеялся на то, что и сам будет участвовать в употреблении этих денег.

из десяти тысяч, то, конечно, убьет меня и перепугает вас всех». Но свиданья не было — грозное 19 января наступило раньше» (т.-е. болезнь и смерть Герцена).

На сообщения Т. Пассек полагаться трудновато, но возможно, что Герцен побаивался Нечаева, особенно после убийства Иванова. Она же передает следующий факт. После смерти Герцена его наследники собирались издать сборник его посмертных сочинений, куда предполагалось включить и статью «Общий фонд», в которой Герцен «высказывает свои взгляды относительно крайней революционной партии того времени. Руководители этой партии, узнав об этом намерении детей Александра Ивановича, отправили к его сыну письмо с бланком «Народная Расправа» с угрозами. Письмо было без подписи. В «Народную Расправу» был послан следующий ответ: «Дети Александра Ивановича Герцена не боятся народной расправы». Статья была напечатана». Н. А. Огарева-Тучкова («Воспоминания», М. 1903 г., стр. 317—318), в общем подтверждая рассказ Пассек, прибавляет, что издание печаталось под ее наблюдением, и потому письмо с угрозами было прислано ей (подлинник его она, по ее словам, сообщила в 90-х годах редакции «Русской Старины»). Получив его, она написала в Париж сыну Герцена и посоветовалась с К. Фохтом. «Мы решили, что оригинал посмертного издания будет пока храниться у него, а набор будет продолжаться с копии. А. А. Герцен напечатал (?) ответ, о котором говорит Пассек». Если это верно, то это мог сделать только Нечаев.

[1] А не 1 000 фунтов и не 25 000 франков, как неверно сообщал А. А. Герцен Драгоманову и как за ним впоследствии повторяли другие.

«Еще до смерти отца, — рассказывает А. А. Герцен в письме к Драгоманову, опубликованному последним в «Переписке» Бакунина (стр. 535 — 536), — я видел, с какою настойчивостью Бакунин требовал выдачи бахметьевского фонда «революционному комитету», существовавшему только в словах Нечаева. Отец не хотел давать; Бакунин воспользовался своим влиянием на Огарева, тогда находившегося почти в ребяческом состоянии от болезней и привычки (к алкоголю. — *Ю. С.*), и бедный Огарев стал тоже требовать выдачи фонда; мой отец отдал ему половину, которая тотчас же и была израсходована Бакуниным и Нечаевым. После смерти отца Бакунин стал снова настаивать, чтобы «комитету» выдана была и другая половина фонда, да еще вздумал продолжать «Колокол». Я не хотел ни того, ни другого, зная, что деньги пропадут без малейшей пользы [1], и отлично зная, что ни Огарев, ни Бакунин — уже про Нечаева и говорить нечего — совершенно неспособны продолжать «Колокол», — это личное творение отца. Отказать в деньгах — не моих — я, конечно, не имел права, да и запретить издание «Колокола» не мог, поэтому уступил, наконец, прямому требованию Огарева и привез ему деньги. У него ждали меня Бакунин (?) и Нечаев, и в моем присутствии тотчас же Огарев, взяв от меня деньги и дав расписку, передал их Бакунину, а Бакунин Нечаеву».

На самом деле Бакунин при этой передаче не присутствовал, а присутствовала Наталия Герцен. Нельзя установить с точностью, когда именно эта передача состоялась. По рассказу Тхоржевского [2], который о присутствии Бакунина не упоминает, но зато указывает на присутствие Чернецкого, деньги были отданы сыном Герцена Огареву, который «тут же, не считая, из рук в руки передал их Нечаеву», вскоре после смерти Герцена. Драгоманов («Переписка», стр. 284) неизвестно на каком основании утверждает, будто передача фонда состоялась после 21 июля 1870 года. Это неверно. Передача состоялась во всяком случае не позже половины апреля (вернее, даже раньше), ибо 18 апреля Бакунин уже уехал из Женевы, а 3 мая он пишет Огареву об этой передаче, как о состоявшемся до его от'езда факте. Любопытно, что Бакунин, игравший столь решающую роль в этом деле, почему-то хотел выгородить себя от прикосновенности к нему, может быть, именно потому,

---

[1] В цитируемом ниже письме от 22 февраля 1870 года Бакунин правильно указывает, что семья Герцена вообще относилась отрицательно ко всякой революционной деятельности. «Для них скептицизм — мудрость. В этой мудрости умер наш друг Герцен» («Переписка», стр. 264).

[2] В № 46 «Вольного Слова» за 1882 год; см. Сочинения Герцена, том XIV, стр. 642.

что в то время он еще рассчитывал на свое участие в распоряжении расходованием этих денег [1]. В письме к Огареву от 3 мая 1870 года он пишет:

«Друг Ага! Помнишь наш разговор о фонде, вечером, накануне моего от'езда? Ты для своей собственной чести должен привести его в порядок и надлежащую публичную ясность. Должен немедленно и, не откладывая день ото дня по своему обычаю, сделать счет с Чернецким, если нужно, и написать подробно, что, когда было выдано русскому комитету через Нечаева, с изложением исключительного права тебя и Герцена, а по смерти Герцена тебя одного распоряжаться этим фондом и причин, побудивших тебя и Герцена в прошедшем году выдать из оного часть Нечаеву на русскую пропаганду, а по смерти Герцена побудивших тебя одного, как едино имеющего бесконтрольное право, отдать весь остальной фонд русскому комитету через Нечаева. Вместе с тем ты должен об'явить, сообразно истине, что Бакунин на вмешательство в распоряжение фондом не заявлял никаких притязаний, не имел никакого права вмешиваться и никогда не вмешивался, а советовал только тебе (что, впрочем, тебе и советовать было не нужно, потому что ты сам имел то же убеждение) отдать весь фонд русскому комитету через нашего друга Нечаева.

«Боюсь, что составление такой большой записки, которая непременно должна быть засвидетельствована Нечаевым и двумя свидетелями: Озеровым и Серебренниковым, и, пожалуй, даже и четырьмя: Татою [2] и Жуковским, если они только захотят,— боюсь, что составление ее возьмет у тебя много времени. И потому прошу тебя, старый друг, дай предварительно Озерову и Серебренникову письменное об'явление в том, что я никогда не вмешивался и не имел права вмешиваться в распоряжение и употребление бахметьевского фонда. Это стало необходимым для моей чести. Против меня поднялось слишком много клевет, и мне пора покончить с ними [3]. Без сомнения,

---

[1] Но, с другой стороны, возможно, что это желание Бакунина было результатом трений, которые к тому времени уже начались между ним и Нечаевым. Правда, Бакунин еще рассчитывал на возможность благоприятного исхода переговоров между ними, но вместе с тем он уже тогда допускал и возможность своего разрыва с Нечаевым (см. ниже).

[2] Наталия Александровна Герцен.

[3] Повидимому, эта клевета говорила о желании Бакунина использовать в своих интересах средства бахметьевского фонда и жить на них. Это могло быть связано с его переговорами с Нечаевым, о которых мы говорим ниже, в § 4 этой главы. Но кто же мог распространять эту клевету? Ведь об этих переговорах знала очень ограниченная группа лиц. Или же она

Серебренников и Озеров уже говорили тебе, что мы намерены сделать. Помоги же им и мне».

К этому моменту во взаимных отношениях Бакунина и Нечаева уже появилась трещина, как видно и из этого письма, где в конце содержится намек на возможность самостоятельной работы без Нечаева (мы, по крайней мере, именно так понимаем последние строки письма о намерении что-то делать вместе с С. Серебренниковым и Озеровым). Сообразно просьбе Бакунина, 20 июня 1870 года составлена была записка, подписанная Огаревым и контрассигнованная Натальей Герцен, Н. А. Огаревой и С. Серебренниковым, гласящая: «Мы, т.-е. покойный Герцен и я, нижеподписавшийся, получили в Лондоне фонд для русского дела, и я передал его (и до сих пор расписки я не получил) куда следует через посредство Нечаева. Бакунин в передаче и получении денег не участвовал. В моем распоряжении остаются 1 410 франков и 50 сантимов, из которых я ни сантима никому не выдам до получения ответа об издании «Колокола» [1].

Еще через 2½ года Бакунин снова вернулся к вопросу о фонде. Повидимому, в связи с постановлением Гаагского конгресса опубликовать брошюру о деятельности Альянса и в частности о нечаевском деле, Бакунин хотел заранее оградить себя от возможных нареканий по поводу связанных с общим фондом передряг. И вот 2 ноября он пишет Огареву:

«Теперь, старый друг, вот тебе просьба: ты знаешь, что Маркс и Утин и вся их германо-жидовская компания затеяли против меня грозный (грязный?) клеветливый процесс. Мне нужно доказывать, что я не вор. Поэтому посылаю тебе проект заявления, которое прошу тебя подписать. Так как ты классик, стилист, то, может быть, слог тебе не понравится. За слог я не стою, изменяй его, сколько хочешь, сообразуясь с своим требовательным вкусом. Но не думаю, чтоб ты захотел и нашел нужным что [либо] изменить в самом содержании предлагаемого мною тебе заявления, потому что это содержание, как ты сам знаешь, строго сообразно самой чистой истине, а истина изменена быть не может.

возникла независимо от этих переговоров? Это тоже возможно: ведь о хлопотах Бакунина в пользу передачи фонда Нечаеву знали многие эмигранты, и злоречивые слухи про Бакунина могли пойти из среды враждебных ему эмигрантов, не говоря уже о семье Герцена.

[1] Повидимому, именно из этих денег Бакунин получил 21 июля 1870 года заимообразно 450 франков, которые обязался вернуть в фонд через 3 недели, о чем свидетельствует его расписка, напечатанная у Драгоманова (стр. 284).

«Я не считаю нужным прибегать к старой дружбе, чтобы ты написал и подписал такое заявление. Для этого достаточно будет твоей справедливости, а дружбу припасем на другие более приятные вещи».

Заявление было Огаревым подписано и гласило:

«Об'являю сим, что лично и прямо передал так называемый бахметьевский фонд Нечаеву для передачи русскому комитету, который, по уверению Нечаева, существовал в России и которого Нечаев, по его собственным словам и в силу бумаг, им мне показанных (?), был только заграничным доверенным лицом.

«Бакунин не имел ни малейшего права на распоряжение бахметьевским фондом. Это право принадлежало исключительно Герцену и мне, а по смерти Герцена — только мне. Поэтому Бакунин и не присутствовал при передаче фонда Нечаеву, совершенной мною одним в присутствии Наталии Александровны Герцен. При этом я сделал большую ошибку: веря почти безусловно в революционную честность Нечаева, я не взял с него расписки. Потом, когда вследствие фактов, потрясших мое доброе мнение о Нечаеве, я требовал от него расписки в присутствии Бакунина, Озерова, Росса и Семена Серебренникова, Нечаев, признавая вполне, что получил от меня бахметьевский фонд, отказался, однако, дать мне расписку в получении его под тем предлогом, что русский комитет не имеет обычая давать расписки. Это было со стороны Нечаева крайне недобросовестно и окончательно убедило меня в его нравственной несостоятельности.

«Участие Бакунина в этом деле было такое: по смерти Герцена он уговаривал меня передать весь бахметьевский фонд Нечаеву, как доверенному русского комитета, единственного представителя русского революционного дела. Уговорить меня было, впрочем, нетрудно, потому что и я, и Бакунин равно верили в существование и в серьезный характер этого комитета и оба смотрели на Нечаева, как на главного представителя его за границей.

«Сие показание, вполне сообразное истине, подписываю своим именем».

Но это произошло впоследствии, уже после разрыва Бакунина с Нечаевым. В рассматриваемое же время Бакунин оказывал Нечаеву помощь по мере сил во всех его предприятиях. Ралли упоминает о «передрягах», связанных не только с фондом, но и с попытками Бакунина свести Нечаева с членами герценовской семьи, в частности с старшей дочерью Герцена Натальей (Татой). Последняя находилась в это время в каком-то экзальтированном состоянии. В 1869 году она была очень больна и даже страдала некоторым душевным расстройством. В таком

состоянии, которое могло еще усилиться впечатлением от смерти отца, она и попала в конце февраля в Женеву. То обстоятельство, что Нечаев с Бакуниным пытались воздействовать на нее в это время, впоследствии породило много невыгодных для Бакунина толков [1].

Относясь с величайшим почтением к Огареву и желая сделать что-нибудь для русского дела, Н. Герцен попала в руки Нечаева, который, естественно, должен был стремиться овладеть ее волей. Неттлау думает, что Нечаев хотел использовать ее капиталы для революционной пропаганды [2]. Это вполне вероятно, но и самое имя «Герцен» было для него важно ввиду его намерения продолжать издание «Колокола». Повидимому, Бакунин рассчитывал привлечь к делу не только Наталью Герцен, но и другую дочь Герцена, Ольгу, и его вторую жену Н. А. Огареву. Это видно из письма его к Огареву от 21 февраля 1870 года, где он мечтает о том, что для «исполнения предпринятого дела» (надо полагать, издания «Колокола») желательно было бы всем собраться на жительство в Цюрихе или в Лугано (от переезда в Женеву Бакунин категорически отказывался). «Нашего соединения требует русское дело, — писал он, — значит, мы должны соединиться».

В письме от 22 февраля Бакунин поучает Огарева, как вернейшим путем выманить в Женеву Наталью Герцен, которую родные отпускать туда ввиду ее болезненного состояния не хотели.

«Они, кажется, не хотят ни возобновления «Колокола», ни участия твоей старшей [3] в русском, в твоем деле. С высоты известного благоразумия они решили, что все это пустяки, бесполезная трата денег, и заключили поэтому, что стремление Natalie младшей [4] к этому делу —

---

[1] Неттлау («Биография» Бакунина, стр. 488) приводит выдержки из письма Бакунина к Жуковскому от 7 августа 1871 года, в котором Бакунин сообщает, что он сделался предметом сплетни со стороны Герценов. А именно вдова и сын Герцена при участии Карла Фохта распространяли-де слух о том, что Бакунин, «пользуясь неопытностью Нечаева и болезненною слабостью Огарева, хотел забрать все имение Таты в руки». Поэтому Бакунин просил Жуковского пойти вместе с Озеровым и Огаревым к Герценам (в Женеве) и от его имени потребовать от них или отказа от этих слов, или точной формулировки обвинения против него. Жуковский, не желая привлекать к этому об'яснению Озерова, сам переговорил с Герценами, которые заявили, что ничего подобного они не говорили. На этом инцидент и закончился. «В действительности, — говорил Жуковский Максу Неттлау, — Нечаев использовал неопытность (?) Бакунина, а не наоборот». Пусть будет так!

[2] Надо полагать, что этого хотел и Бакунин.

[3] Так он называет старшую дочь Герцена, которой, дескать, Огарев заменил покойного отца; дальше она называется «Natalie младшей».

[4] Natalie старшая это — вторая жена Герцена, Н. А. Огарева-Тучкова.

вредная экзальтация, не понимая того, что если она останется дольше в их бесцельной, безвыходной и бездельной пустыне, она действительно может сойти с ума, и что ее здоровье, столько же, сколько и сердце ее, требует, чтобы она жила с тобой и помогала тебе. Ты над ней умничать не будешь и не помешаешь ей жить в свою волю, а ей — будет кого любить и что делать. Для меня несомненно, что, если она останется с ними, она пропадет. На тебе лежит обязанность ее спасти, и в этом святом деле ты должен показать гранитную твердость и говорить со всем принадлежащим тебе авторитетом. Но положив в основание всех переговоров и переписок прямое и твердое заявление своей мысли и главное — с в о е й в о л и, ты вместе с тем, мне кажется, должен употребить и некоторую хитрость: не ставь им вдруг всех вопросов, а то, пожалуй, их запугаешь, и они с точки зрения того же самого золотого благоразумия, пожалуй, об'явят и тебя экзальтированным или даже выжившим из ума. А потому ты настаивай с н а ч а л а только на том, чтобы твоя старшая приехала к тебе как можно скорее, немедленно, и напиши им, что ты таким образом сам будешь в состоянии убедиться, своим собственным наблюдением, а не на основании чужих рассуждений, что в ней действует: экзальтация или серьезная воля? Да напиши еще, что если в самом деле толкает ее экзальтация, то самое лучшее средство ее победить и излечить — не противоречить ей, а, напротив, удовлетворить, тем более, что такое начало удовлетворения, т.-е. приезд к тебе, никоим образом не компрометирует и не связывает ее будущности... Ты же ее ни к какому делу насиловать не станешь, в чем они, зная твое глубокое уважение к свободе каждого и твою бесконечную нежность к милой старшей, должны быть уверены». (Дальше идет уже цитированное место о необходимости истребовать от наследников Герцена вторую половину «общего фонда».)

Добившись через Огарева приезда Н. Герцен в Женеву, Бакунин с Нечаевым пытались всецело подчинить ее своей воле. Как рассказывает Драгоманов (стр. 268), вероятно, со слов членов ее семьи, а может быть, и ее самой, «Бакунин очень хлопотал, чтоб она сблизилась с Нечаевым и поступила в его «русское революционное общество», дав обязательство исполнять все приказания «русского комитета», которого представителем будто бы был Нечаев. Увещания Бакунина поддерживал, хотя слабее, и Огарев. Для склонения Наталии А. Герцен Бакунин устроил в Женеве свидание ее с Нечаевым при таинственной обстановке[1] в его

---

[1] Эта «таинственная обстановка», повидимому, долженствующая усугубить вину Бакунина, вероятно, об'яснялась просто тем, что Нечаев, выдачи

присутствии. Н. А-на требовала прежде всего, чтобы ей сообщили, какие же ближайшие цели имеет названный комитет и что собственно он ей может приказать делать. Нечаев и Бакунин отказывались отвечать на эти вопросы и требовали безусловного и априорного повиновения комитету [1]. Н. А. решительно не согласилась на такое требование. Нечаев страшно сердился и называл ее «кисейной барышней». Бакунин же отечески укрощал его словами: «ну, ну, тише ты, тигренок!» [2].

В конце концов Н. Герцен все же вошла в какие-то сношения с Нечаевым. Повидимому, он, по крайней мере на короткий срок, сумел основательно подчинить ее своей воле. Во всяком случае в архиве Нечаева, где он прятал компрометирующие документы, было, по рассказу М. Сажина («Воспоминания», стр. 70, 73, 74), найдено несколько писем Н. Герцен, которые были ей, в из'ятие из общего правила, возвращены (остальные бумаги были зачем-то сожжены). Неттлау даже высказывает довольно вероятное предположение, что бесцветное направление нечаевского «Колокола», которое Бакунин об'явил соглашательским (см. ниже), можно об'яснить влиянием Н. А. Герцен, которая в тот момент, т.-е. в марте — апреле 1870 года, была еще связана с Нечаевым и, по слухам, давала средства на это издание.

Во всяком случае и это дело удалось Нечаеву только благодаря содействию Бакунина.

3. Вторая литературная кампания.

В первый период, продолжительность которого трудно установить, Бакунин вместе с Нечаевым работали над общим делом популяризации имени таинственного русского комитета, поддержания его авторитета в публике и литературной защиты его программы и задач.

В это время Нечаевым выпущен был ряд листовок, как-то: «Что ж, братцы?» (к войску), «До громады» (вероятно, переработка прокламации к украинцам, написанной еще в России Прыжовым), «Мужичкам и всем простым людям работникам» (к народу), «Гой, ребята, люди русские» (то же), «От русского революционного общества к женщинам» (возможно, тоже переработка прыжовской прокламации), «К русскому мещанству» от имени какой-то мифической «Думы всех вольных мещан»

которого добивалось русское правительство, принужден был тогда скрываться от полицейской слежки.

[1] И в это самое время Бакунин протестовал против «диктаторских» замашек Маркса!!

[2] И об этом Гамбаров умалчивает.

и еще несколько мелких листков, стихов и пр. Кроме того, он выпустил второй номер «Народной Расправы». Повидимому, Бакунин не принимал участия в составлении этих прокламаций, но он не мог не знать, что здесь продолжает твориться все та же мистификация. Если он даже верил в существование «русского комитета», то он во всяком случае знал, что никакой мещанской «Думы» не существует [1], что Нечаев не убит жандармами, а жив и здоров, и т. п. Однако он своим именем прикрывал эту бесстыдную мистификацию [2] и, как увидим, всемерно поддерживал легенду о всемогуществе «комитета», требуя от всех друзей народного дела беспрекословного подчинения этой фантастической организации.

В передовой статье второго номера «Народной Расправы», датированного «зима 1870 года» (март?), фиксируется новая легенда о смерти Нечаева, якобы схваченного в Тамбове в конце октября 1869 года и затем убитого жандармами где-то за Пермью. Чтобы показать бесцеремонность нечаевских приемов, покрывавшихся Бакуниным, приведем цитату из этого рассказа. «Утром от пермского губернатора летела в Питер куда-то в высшие сферы телеграмма о том, что пересылаемый в Нерчинские рудники политический преступник во время следования по тракту Пермской губернии умер на пути. Но еще раньше этой телеграммы в самый кабинет Мезенцева прилетела другая от полковника пермских жандармов содержания, повидимому, самого общего. В ней говорилось только: «Приказание вашего сиятельства за № таким-то выполнено в точности, о чем я имею честь почтительнейше донести немедленно по выполнении. Полковник такой-то». Получивши таковую телеграмму, Мезенцев привскочил со стула и целый вечер радостно облизывал свои тонкие иезуитские губы, как-то скверно улыбаясь», и т. д. Вот как подрывалось доверие к печатному революционному слову!

---

[1] Мы уже не говорим о содержании пресловутой прокламации к мещанам. Здесь в интересах народного освобождения рекомендуется просто сжечь до-тла все города: «А для этого надо нам будет, братцы, города их жечь. Да выжигать до-тла. Да места выжженные вспахивать. В городах простого народу совсем мало (!) живет, да и тот живет в услужении, чтоб на подать заработать. А как не будет подушных да поборов, незачем и в городе нашему брату жить, незачем прислуживать, каждый мужик будет сам себе господин». Таким тоном говорили предшественники махновской братии, выражая темные инстинкты отсталой деревни. У Гамбарова об этом ни слова.

[2] Как мы видели выше (стр. 435), Бакунин в письме к А. Ришару от 7 февраля 1870 года поддерживал явно вздорную выдумку Нечаева об его аресте, избиении, побеге и пр. Таким образом друзья дурачили не только полицию, обывателей и «революционеров-доктринеров», но и самых настоящих альянсистов! Но тщетно мы будем искать упоминания об этом у Гамбарова.

Примеров такой развязной лжи не знает история русской революционной литературы ни до, ни после того[1].

Далее сильно преувеличивается значение созданной Нечаевым организации и оправдывается убийство Иванова. «Суровая логика истинных работников дела не должна останавливаться ни перед каким фактом, ведущим к успеху дела, а тем более перед фактами, могущими спасти дело и устранить его гибель».

Во второй статье «Кто не за нас, тот против нас» (мотив, перепеваемый и Бакуниным в воззвании к «Офицерам русской армии») «благодушным либералам» предлагается «или пристать решительно к нашим рядам, или поступить в шпионы: оставаться в теперешнем положении и гибнуть ни за что ни про что — бессмысленно». Далее снова сообщаются заведомо лживые сведения о работе Нечаева, который, «вернувшись из заграничной эмиграции, под носом русских шпионов в продолжение пяти месяцев агитировал на юге (?) во всех средах и в продолжение этого времени бывал несколько раз в Киеве, в Москве и Петербурге, сталкивался часто с полицией и всегда благополучно ускользал. И если погиб, попавши в петлю мезенцевских брави, то тоже по вине благодушного либерала, державшегося золотой середины», и пр. И затем, возвращаясь к убийству Иванова, которое, видимо, не давало покоя и самому Нечаеву, автор статьи продолжает: «Принимая в наши отверстые об'ятия все честные свежие силы, мы заявляем, что связь с нами есть вечная, безраздельная, ненарушимая; что те условия, те правила нашей теперешней работы, лежащие в основе всего плана постройки нашей организации, неуклонное следование которым, хотя бы

---

[1] Предлагая Гильому перепечатать в локльском «Прогрессе» эту статью, Нечаев об'яснил ему, что это должно, мол, сбить с толку швейцарскую полицию, его, Нечаева, разыскивавшую. Из слов Гильома («L'Internationale», том I, стр. 280) неясно, что̀ должно было обмануть полицию — статья в «Народной Расправе» или перепечатка ее в «Прогрессе». Если верно первое толкование, то с этим указанием, конечно, приходится считаться. Но мы все же думаем, что, помещая статью о своей мнимой смерти, Нечаев хотел воздействовать *не на швейцарскую полицию, а на русскую учащуюся молодежь*. Это ясно из следующего: 1) На № 2 «Народной Расправы» поставлено не Женева и не Лондон, а Петербург; 2) Нечаев еще в России распространял слух о своей мнимой смерти (кажется, даже до убийства Иванова); 3) скоро после того он поместил *за своей подписью* письмо в том же «Прогрессе», а затем в «Volksstaat» (то и другое, вероятно, сочинено было Бакуниным). Кого же он, в конце концов, дурачил? Во всяком случае полицию труднее было обмануть, чем доверчивых юношей. К сожалению, чеховское правило «воры завсегда умнее сторожов бывали» не всегда оправдывается.

ценой жизни, составляет главную силу нашу, не только не могут быть нарушаемы, но и всякое отступление от них, каково бы оно ни было по своему значению, совершенное сознательно, вследствие колебания уверенности в истине и справедливости известных начал, ведет к тому, что лицо выбрасывается из нашей среды как загнивший член тела, негодный для работы и могущий только передать гниение остальным частям. Нужно ли присовокуплять, что это исключение из наших рядов при теперешнем положении, когда весь ход нашего дела и весь механизм и состав наших сил есть непроницаемая тайна для всего остального внешнего мира, — что это исключение есть исключение из списка живых?».

Итак, не только открытого нарушения правил организации, но и сомнения в их правильности достаточно для исключения из общества, *т.-е. из списка живых!* Этими словами Нечаев невольно подтвердил, что для убийства Иванова не было никаких оснований. Спрашивается, как же он мог при таких условиях убедить Бакунина в правильности и целесообразности этого акта, — убедить настолько, что, как мы сейчас увидим, Бакунин в своем воззвании к офицерам повторил по существу рассуждения «Народной Расправы»?

Наконец, третья статья журнала «Главные основы будущего общественного строя» набрасывает в основных чертах план коммунистического общества в грубо-упрощенном виде, при чем в примечании сказано: «Подробное теоретическое развитие наших положений желающие найдут в изданной нами статье (sic) «Манифест Коммунистической Партии» [1]; здесь же (т.-е. в статье «Народной Расправы». — *Ю. С.)* выясняется главным образом практический путь достижения». Эта статья заслуживает упоминания лишь в том отношении, что развитый в ней план, весь построенный на предположении диктатуры «комитета», имеет весьма мало общего с анархизмом и со взглядами Бакунина. Уже это одно исключает мысль о близости Бакунина к этому номеру «Народной Расправы», что, впрочем, видно и из тяжелого, нелитературного стиля помещенных в нем статей [2].

---

[1] Нечаевым был издан русский перевод «Коммунистического Манифеста», сделанный, вероятно, Бакуниным (хотя в переписке Бакунина никаких указаний на эту работу мы не нашли). Это первый русский перевод «Манифеста».

[2] Неттлау в цитированной статье называет эту статью «Народной Расправы» «ультра-авторитарной». А брошюра об Альянсе (стр. 87—89) замечает: «Эта статья показывает, что если простые смертные караются за всякую мысль о будущем социальном устройстве, то происходит это потому, что вожди все уже распланировали... Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Здесь есть все: общие столовые и спальни, оценщики и конторы,

Из произведений, вышедших в это время и достоверно принадлежащих перу Бакунину, можно назвать, — кроме уже упоминавшихся нами статьи его о Герцене (в парижской «Марсельезе» от 6 февраля 1870 г.) [1] и «Писем о русском революционном движении» в либкнехтовском «Volksstaat» (апрель 1870 года) [2], — воззвание «К офицерам русской армии» (февраль 1870 года) и брошюры: «Наука и насущное революционное дело», написанную еще летом 1869 года, но выпущенную в феврале или марте 1870 года, «Всесветный революционный союз социальной демократии. Русское отделение», вышедшую около того же времени, и

заведующие воспитанием детей, производством, потреблением, словом, всею общественною деятельностью, и во главе всего — безыменный и неведомый «наш Комитет» в качестве главного руководителя. Чтобы придать этому нелепому плану практической организации видимость теоретической базы, к самому заглавию этой статьи сделано небольшое примечание (приводится это примечание). И действительно, в каждом номере «Колокола» 1870 года имеется об'явление о выходе русского перевода (немецкого) «Манифеста Коммунистической Партии» (цена один франк) на-ряду с об'явлениями о бакунинском воззвании «К офицерам русской армии» и о двух номерах «Народной Расправы». Тот самый Бакунин, который злоупотреблял этим «Манифестом» для придания веса своим татарским фантазиям в России, устами западного Альянса провозглашает его архи-еретическим произведением, проповедующим пагубные учения немецкого авторитарного коммунизма (см. резолюцию конференции в Римини, речь Гильома в Гааге, «Юрский бюллетень» №№ 10—11, барселонскую «Federacion» и т. д.)». Можно сослаться еще на многочисленные писания самого Бакунина и в частности на «Государственность и Анархию» (к тому времени еще не вышедшую), где Бакунин критикует «Манифест Коммунистической Партии» именно с такой точки зрения.

[1] Статья о Герцене начинается следующими словами: «Возвратившись из далекой поездки в страны, куда газеты доходят с трудом, я только два дня тому назад узнал печальную новость о смерти моего друга и соотечественника, Александра Герцена». Другими словами, Бакунин намекает здесь на якобы совершенное им путешествие в Россию. Зачем понадобилась Бакунину эта мистификация, неизвестно. Вероятно, для того, чтобы убедить европейскую публику в серьезности русского движения, потребовавшего, дескать, его личного присутствия на месте. Как видим, Бакунин и сам не брезгал приемами, употреблявшимися Нечаевым.

[2] В этом письме, напечатанном в двух номерах «Volksstaat» от 16 и 20 апреля 1870 года, указывается на влияние германской культуры на русское общество и дается характеристика современной русской молодежи в обычном бакунинском духе. Большинство этой молодежи, по его словам, настроено реалистически и революционно в силу своего материального положения, не имея никаких видов на карьеру и никаких средств к существованию. О нечаевском деле собственно в письме ничего не говорится. Продолжения писем не было.

«Бернские медведи и с.-петербургский медведь» (вышла по-французски в мае 1870 года).

Брошюра «Наука и насущное революционное дело» примыкает по теме к статье «Наука и народ» в № 1 «Народного Дела» (см. том II, стр. 361—363). Вопрос о недоступности и ненужности науки для народа в предреволюционный период Бакунин считает вполне разрешенным «для всякого честного человека». Поэтому автор, оставляя его в стороне, намеревается рассмотреть другой вопрос — об отношении науки к революционной молодежи. Разделавшись по своему обыкновению с государственниками и революционными доктринерами, Бакунин доказывает, что образование в классовом обществе составляет привилегию ничтожного меньшинства и способствует его господству над эксплоатируемым большинством. Государство заинтересовано поэтому в сохранении народного невежества. Но чернорабочий народ и без науки является социалистом по положению и по инстинкту. Массам недостает только организации, сговора. В Европе эта организация совершается посредством Интернациональной ассоциации рабочих. В России ее должна осуществить революционная молодежь. Эту мысль Бакунин не успел развить, так как брошюра обрывается на анализе классового строения русского общества.

Брошюра «Всесветный революционный союз» ставит себе целью развить программу Альянса применительно к русским условиям [1]. Здесь мы таким образом имеем как бы проект программы пресловутого «русского отделения Всемирного революционного союза», т.-е. придуманного Бакуниным и Нечаевым общества «Народной Расправы». Охарактеризовав существующие в мире политические партии, брошюра подробно останавливается на значении Интернационала, попутно критикуя «государственническую» школу Маркса и отдавая преимущество анархическому течению. Изложение ведется в обычном бакунинском духе, при чем задачи Интернационала освещаются односторонне, доказывается, что во всей его программе, выработанной Марксом, «нет ни одного слова, касающегося до политики», и благоразумно пропускается известный пункт о политических движениях, которые должны быть подчинены, как сред-

---

[1] Характерно ее заглавие «Всесветный революционный союз социальной демократии», представляющее комбинацию названий Альянса («Интернациональный Союз Социальной Демократии») и мифической организации, придуманной Бакуниным для нечаевского мандата («Всесветный революционный союз»). При этой мифической организации, как мы знаем, и числилось столь же мифическое «русское отделение», которое было названо обществом «Народной Расправы» (или «Обществом Топора»).

ство, великой экономической цели освобождения труда [1]. Бегло указав на опасность «партии социально-революционной диктатуры или социально-революционного государства», т.-е. коммунистов школы Маркса, и пытаясь провести различие между ними и умными «основателями» Интернационала (хотя выше он же указал, что «основателями» принята была именно программа Маркса), Бакунин намекает на то, что истинные революционеры не могут ставить себе другой цели, кроме полного уничтожения государства. Но увлекшись рядом частных вопросов, например, о тред-юнионах, заработной плате, стачках и т. п., Бакунин не успевает развить своей программы и оставляет и эту брошюру незаконченной. Программы «русского отделения» мы здесь так и не получаем.

Этот пробел отчасти восполняется воззванием «К офицерам русской армии», единственным из произведений Бакунина этого периода, трактующим прямо о нечаевском деле и о непосредственных задачах русского революционного движения. Весь еще во власти настроений начала 60-х годов, когда, как мы знаем, революционеры верили в возможность военно-крестьянского восстания в России, Бакунин убеждает офицеров перейти на сторону народа, напоминая им о подвиге Потебни во время польской инсуррекции. Обрисовав величие задач, которые ставит себе русская революция («разрушение всего сословно-государственного мира в России»), и указав на огромные силы правительства, Бакунин говорит, что для борьбы с ним необходимо создать серьезный заговор, основанный на планомерном и коллективном действии участников, связанных строгой дисциплиной. «Тайная организация это — как бы штаб революционного войска, а войско — целый народ».

Напомнив о своем воззвании «К молодым братьям в России», где он говорил о коллективном Стеньке Разине, который поведет народные массы в бой, Бакунин продолжает: «Для всякого не-дурака должно было быть ясно, что я под этим разумел тайную, уже теперь существующую и действующую организацию, сильную своей дисциплиной, страстной преданностью и самоотвержением своих членов и безусловным подчинением каждого всем приказаниям и распоряжениям единого комитета, все знающего и никому неизвестного.

«Члены этого комитета вполне отреклись от себя: вот что дает им право требовать от всех сочленов организации самоотречения безусловного. Они до такой степени отказались для себя лично от всего,

---

[1] В этом отношении рассматриваемая часть брошюры примыкает к статье Бакунина «Политика Интернационала» в «Egalité» 1869 года.

что составляет главный предмет искания всех тщеславно-самолюбивых, честолюбивых и властолюбивых людей, что, отказавшись раз навсегда от личной собственности, от официальной или публичной власти и силы и вообще от всякого значения в гражданском обществе, они обрекли себя на вечную неизвестность, предоставляя другим славу, внешний блеск и шум дел и оставляя для себя, опять-таки не лично, а коллективно, только сущность его, к а к и е з у и т ы (курсив мой), только не с целью порабощения, а освобождения народного, каждый из них отказался даже от собственной воли. В комитете, равно как и во всей организации, мыслит, хочет, действует не лицо, а только коллективность [1].

«Такое отречение от собственной жизни, от собственной мысли и от собственной воли для многих покажется невозможным и даже возмутительным. Оно действительно трудно, но вместе с тем необходимо. Особенно трудно покажется оно начинающим и только что вступающим в организацию; людям, еще не отвыкшим от пустословного, мишурного фанфаронства, — людям, играющим в полную честь, в личное достоинство и право и вообще потешающим себя теми жалкими призраками вообразимой человечности, за которыми в нашем русском обществе проглядывает полнейшее покорение всех и каждого условиям самой гнусной и самой подлой обыденной действительности. Оно покажется трудным для тех, кто в деле ищет потехи для своего самолюбия, предлога для фразы, любит в нем отражение своего собственного драматически рисующегося лица, а не самое дело; а также для тех, кто, находясь на пороге организации и не втянувшись в дело, еще не успел понять необходимых и непременных условий его торжества, стремление к которому становится в них потом, мало-по-малу и по мере их практического ознакомления с ним, страстью всепоглощающей, исключающей и подавляющей все другие личные страсти».

И дальше идет многословное оправдание расправы с Ивановым.

«Организация требует от всех своих членов отнюдь не отречения от мысли, воли и страсти. Ей необходимы умные, сильные и страстные, а именно сдержанно-страстные люди. Она требует только, чтобы человек, вступающий свободно и сознательно в ее ряды, отказался раз навсегда от тщеславного своеволия мысли и страсти, требует, ч т о б о н

---

[1] Такие сказки рассказывал Бакунин о нечаевской организации, целиком построенной на личной диктатуре, где мыслил, хотел и действовал не коллектив, а один Нечаев (да, пожалуй, еще Бакунин)! Ср. его цитированное выше письмо к Ришару от 7 февраля 1870 года, где употребляются те же выражения (оба документа писались, видимо, одновременно).

был последователен сам с собой. Да, она требует только последовательности от него. Всякий новый член вступает в нее свободно, зная, что, вступив в нее раз, он принадлежит уж ей, не себе. Вступление в организацию свободно; но выход из нее невозможен, потому что всякий член, выходящий, непременно подверг бы опасности (?) самое существование организации, которая не должна зависеть от легкомыслия, капризов или большей или меньшей степени скромности, честности и силы одного или нескольких лиц. В стране, где одного полицейского подозрения достаточно для того, чтоб подвергнуть каждого человека самым грозным пыткам, организация должна смотреть на выходящих как на изменников... И потому, вступая в нее, каждый должен знать, что он отдает себя ей со всем, что у него есть сил, средств, умения и жизни, безвозвратно».

Дальше Бакунин, наговорив достаточно жалких слов о недопустимости праздноглаголания и неуместного «любопытства» людей, которым он предлагает отдаться целиком и навсегда во власть таинственного комитета, спохватывается, что ему могут задать вопрос: «как же нам довериться диктаторскому руководству неизвестного нам комитета?». И с апломбом отвечает на этот естественный вопрос:

«Но комитет вам известен: во-первых, по своей программе, столь определенной и ясной, обнародованной им и об'ясняемой еще подробнее каждому вновь вступающему в организацию. Он рекомендуется вам, во-вторых, тем безусловным доверием, которое имеют к нему известные вам и уважаемые вами лица, — доверие, которое заставляет вас вступить именно в эту, а не в другую организацию. Действительным же членам организации он становится скоро еще более известным своей неутомимой, решительной и всюду проникающей деятельностью, всегда сообразной с программой и с целью организации. И все покоряются ему охотно, убеждаясь все более и более, на самой практике, с одной стороны, в его истинно удивительной предусмотрительности, бдительности, разумной энергии и в целесообразности его распоряжений, а с другой — в спасительности и необходимости такой дисциплины».

Итак, комитет все-таки остается неизвестным. Но неунывающий Бакунин продолжает творить свою легенду.

«Комитет, — говорит он, — представляет всем членам организации еще другое обеспечение. Всем известно, что он есть тело коллективное, в котором каждый член подвергается тому же самому неумолимо-строгому, взаимному контролю, какому подвергаются все остальные члены организации. Ни один из членов его не может действовать сам по себе. Все делается коллективно, и действия каждого из них всегда и везде

прозрачны для всех остальных. Поэтому в комитете не может быть места для личного честолюбия, тем более, что все члены его обрекли свои имена на вечную неизвестность, а самих себя на пожизненную общественную незначительность. Удайся завтра революция, ни один из них не выйдет на свет и не займет видного места (!). Комитет останется тайным, выдвигая наружу людей, находящихся вне его, может быть, даже людей, чуждых целей организации, и довольствуясь тем, что эти люди будут выполнять предначертания его».

В действительности «Комитет», как мы видели из второго номера «Народной Расправы», должен был не только руководить революцией, но и стать во главе будущего общества, устроенного на коммунистических началах. Не отличаясь сам особенной скромностью, Нечаев предоставлял Бакунину расписывать его христианские добродетели и готовность к самоотречению.

Доводя свою мистификацию до конца, Бакунин продолжает:

«Меня могут спросить: если личный состав комитета остается для всех тайной непроницаемой, каким же образом могли вы собрать о нем все эти сведения и убедиться в его действительной состоятельности?

«Отвечу на этот вопрос откровенно (!). Мне не известен ни один из членов комитета, ни число его членов, ни даже местопребывание его [1]. Знаю только, что он существует не за границей, а в России, как и быть должно, потому что заграничный революционный комитет для России такая нелепость, которая может породиться разве только в голове бестолково-честолюбивых и пустозвонных фразеров эмиграции, скрывающих свое тщеславно-суетливое и злостно интригующее безделье под громким именем «Народного Дела» [2].

«Около года тому назад комитет, найдя полезным известить меня о своем существовании, прислал мне свою программу, с изложением общего плана революционного действия в России. Согласный и с тем, и с другим и убедившись в серьезности дела, равно как и людей, предпринявших его, я сделал то, что, по моему убеждению, должен сделать всякий честный эмигрант за границей: подчинился безусловно власти комитета, как единственного представителя и руководителя революцион-

---

[1] Здесь Бакунин невольно сказал правду. Действительно, из членов «Комитета» он не знал никого, кроме Нечаева, но только потому, что этих членов не существовало в природе.

[2] Увы! здесь Бакунин попал не в бровь «Народному Делу», а в глаз самому себе, ибо этот комитет («русское отделение Всемирного революционного союза») он сочинил с Нечаевым летом 1869 года именно за границей.

ного дела в России. Обращаясь к вам ныне, я повинуюсь требованию самого комитета. Больше вам сказать ничего не могу.

«Прибавлю только одно слово о том же предмете. Я достаточно ознакомлен с планом целой организации, для того, чтобы быть вполне убежденным, что никакая сила не может теперь разрушить ее. Если б даже в предстоящей борьбе народная партия потерпела новое поражение, — чего, однако, никто из нас не боится: мы все верим в близкое торжество народного дела; но если б даже наши надежды не сбылись, то и тогда бы, посреди самого бедственного разгрома народного восстания и посреди самой дикой реакции, организация останется цела и невредима. Основанная на безусловной, фанатической и неизменной преданности всех членов, а главное — на глубоко народном характере своей программы, она так крепка и вместе так неуловима, что никакая сила, ни хитрость под нее подкопаться не может. Враги ее ее не найдут; но найдут и обопрутся о нее все друзья по положению, по инстинкту, по осмысленной страсти, — а число таких друзей быстро растет во время реакции, — и будет она набирать новых членов, крепнуть и расширяться до тех пор, пока не создаст новой силы, достаточной, чтобы разрушить вконец поганое государство».

Изложив затем «программу чернорабочего люда всех стран» — «полнейшая свобода и полнейшее равенство всех людей обоих полов и всякого возраста (!), основанные на общественной собственности и общем труде, равно для всех обязательном», — Бакунин заключает: «Кто за нее, тот пойдет с нами и будет нам другом. Кто против нее, тот друг всех супостатов народных, царский жандарм, царский палач, наш враг... Кто не за нас, тот против нас. Выбирайте!» [1].

Вот что писал Бакунин уже после разгрома нечаевского предприятия. Вот насколько он еще солидаризировался с нечаевскими мистификациями, в которых сам принимал посильное участие.

На-ряду с этой теоретической кампанией, Бакунину пришлось еще вести борьбу за личную безопасность Нечаева. Русское правительство, пользуясь убийством Иванова, потребовало от Германии и Швейцарии выдачи Нечаева как уголовного преступника. Швейцарское мещанское правительство, которое во все времена было гнусным прислужником

---

[1] Было бы дешевым удовольствием придираться к отдельным ляпсусам бакунинского пера. Но трудно все-таки сдержать улыбку при чтении угрозы об'явить врагом народа всякого, кто откажется признать «полнейшую свободу и полнейшее равенство людей... всякого возраста», т.-е. и несмысленных младенцев. Революционная горячка подчас увлекала Михаила Александровича за пределы логики.

всех деспотов, искало Нечаева для его ареста, результаты которого были ясны для всех. И Бакунин для спасения своего молодого друга делал все человечески возможное: он писал статьи, издал целую брошюру «Бернские медведи», привел в движение своих русских и иностранных друзей, например, Адольфа Фохта и А. Рейхеля, принимал меры к тому, чтобы прятать его у юрцев, и т. д.

Уже в начале февраля 1870 года сделалось известно, что Нечаеву в Швейцарии угрожает опасность ареста и выдачи. И Бакунин сейчас же начал свою кампанию. 8 февраля он пишет Огареву:

«Наш Бой совсем завертел меня своею работою. Сегодня по его требованию и по немедленному получению его письма написал наскоро статью о полицейских услугах, оказываемых иностранными правительствами русскому в деле разыскания мнимых разбойников, воров и делателей фальшивых бумажек. Эту статью надо вам будет по общим соображениям исправить и переделать и отослать через Перрона Робену, который похлопочет о помещении ее. Но одной статьи мало. Настоящее положение дел в России и особенно положение русских эмигрантов в Европе налагает на нас обязанность, не теряя времени, употребить все усилия для того, чтобы овладеть общественным мнением в Европе; а то, пожалуй, нас скоро выдадут всех, как воров и разбойников, русскому правительству. Вспомни, что мы и без того не слишком хорошо стоим во мнении буржуазной публики, которой мы подозрительны, ненавистны, как социалисты. Если мы будем долее молчать, то эта публика рада будет поверить, что мы в самом деле разбойники, фальшивые монетчики и воры, и правительствам иностранным будет лафа нас выдать. Молчание русской эмиграции в деле Оболенской [1] была большая ошибка, вина которой падает, впрочем, вполне на беспокойного жидовского мальчишку Утина. Мы этой ошибки возобновлять не должны». И Бакунин дальше развивает целый план издания еженедельного литографированного бюллетеня с известиями из России.

Статья Бакунина «Швейцарская полиция» напечатана была без подписи в № 8 выходившего под редакцией Гильома локльского «Прогресса» от 19 февраля 1870 года. Указав на подлое прислужничество европейских и особенно германских правительств перед петербургским кабинетом и приведя факты, доказывающие, что и швейцарская полиция действует в том же духе, Бакунин продолжает: «С наибольшим и все растущим остервенением она, чтобы угодить своему петербургскому

---

[1] Речь идет о насильственном отобрании швейцарской полицией детей у кн. Оболенской по требованию ее мужа в 1869 году.

господину, разыскивает некоего Нечаева, повидимому, атамана всех разбойников Польши и России. Этот г. Нечаев — реальный или вымышленный — представляется нам каким-то чудовищным мифом. Вот уже почти месяц о нем трубят все газеты Европы. Если верить петербургским и московским газетам, он стоял во главе обширного заговора, недавно раскрытого в России и, повидимому, не перестающего интересовать и сильно беспокоить правительство царя. Говорили, что он — не царь, а г. Нечаев — умер; теперь же он воскрес. Он должен существовать, раз его ищут, если только русское правительство не разыскивает под фантастическим именем Нечаева другое лицо. Но предположим, что Нечаев жив — во плоти и крови. Это — заговорщик, следовательно, не разбойник и не вор; его преступление, если он преступник, носит политический характер. Почему же его разыскивают как убийцу и вора? Но он убил, — говорят нам. Кто говорит это? Русское правительство. Но не нужно ли быть совсем наивным, чтобы верить словам русского правительства, или же глубоко развращенным, чтобы делать вид, будто веришь им?» [1].

В это время Бакунин в письмах к Фохту, Рейхелю, Огареву и пр. притворяется, что он не знает Нечаева и даже мало верит в действительное существование такого лица (повидимому, он допускал возможность перлюстрации писем швейцарской полицией). Из всех мистификаций, примененных в нечаевском деле, это была единственно допустимая и законная, ибо обращалась против безжалостного и могучего врага [2].

---

[1] Таким образом, вместо того, чтобы доказывать политический характер убийства Иванова, Бакунин предпочитает просто-напросто его отрицать или подвергать сомнению. Почему? Потому ли, что, как он думал, швейцарское правительство все равно не примет во внимание политического характера убийства и Нечаева выдаст (как это позже и случилось), или же потому, что сам не верил в серьезность мотивов, приведших к этому убийству? Надо полагать, что первое предположение вернее.

[2] В том самом номере «Прогресса», где Бакунин выражает сомнение в существовании Нечаева, было помещено письмо этого самого Нечаева! Гильом правильно полагает, что это письмо было составлено Бакуниным. В нем продолжается та же развязная мистификация — не столько полиции, сколько доверчивой революционной публики. Нечаев повторяет легенду о своем аресте в провинциальном городке, после чего он — «как это обычно делается с политическими преступниками» — был административно отправлен в нерчинские рудники; по дороге его, по приказу III Отделения, хотели убить (на сей раз только хотели!), но «благодаря бдительности друзей» ему удалось освободиться. Тогда русское правительство рассвирепело и стало распространять против него возмутительную клевету в газетах. Более того, оно «воспользовалось, как предлогом, недавним убийством некоего Иванова и бес-

В письмах от 3, 19 и 25 февраля Бакунин просит А. Фохта и Рейхеля сообщить ему фактические справки по делу о требовании выдачи Нечаева, и если такая выдача возможна, то «пустить в ход все его (Адольфа Фохта) влияние, а также его братьев и друзей, чтобы взбудоражить радикальную журналистику Берна и всей немецкой Швейцарии против низости этого правительства, апеллировать с помощью массы статей, а где возможно, то и митингов, к республиканским чувствам и гордости швейцарцев — во имя Вильгельма Телля, который тоже был обвинен в убийстве и в заговоре в Грютли, — против республиканских властей, которые, превращаясь в лакеев, соглашаются играть по отношению к царскому деспотизму, еще обагренному незасохшей кровью поляков, роль г. Бисмарка, поставщика свежего мяса для палача. Молчать и бездействовать в таком случае было бы подлостью» (письмо к Рейхелю от 19 февраля).

Швейцарская полиция, видимо, лучше осведомленная, чем полагал Бакунин, собиралась даже сделать у него обыск, подозревая, что Нечаев скрывается у него (в это время Нечаев скрывался в Локле у знакомых Гильома). Об этом Бакунин сообщает Озерову 29 февраля и А. Фохту 1 марта. В негодующем письме к последнему он говорит: «Республиканские правительства Швейцарии, федеральное и кантональные, превратились в жандармов его всеказачьего величества. Это — гнусность, и ее нельзя оставить безнаказанной... И я спрашиваю себя, сохранил ли швейцарский республиканизм достаточно энергии, чтобы притти в негодование? Я почти сомневаюсь в этом. Старая энергия гельветов, повидимому, расплылась в буржуазном жире. Тем не менее надо будет сделать попытку пробить этот жир, обволакивающий их сердца».

В марте Бакунин приехал в Женеву для переговоров о дальнейшей постановке русской пропаганды (см. в следующем параграфе). В это время он написал брошюру «Бернские медведи и петербургский медведь» с подзаголовком «Патриотическое сетование униженного и отчаявшегося швейцарца». Брошюра, изданная Гильомом в Невшателе в количестве 1 000 экземпляров, полнее развивала мысли, высказанные в упомянутой выше статье «Швейцарская полиция». Она ставила себе задачей возбудить общественное мнение Швейцарии против таких позорных деяний, как служение интересам европейской реакции и в частности — готовность выдать Нечаева, но, увлекшись своими заветными мыслями, Баку-

---

стыднейшим образом обвинило его, Нечаева, в прикосновенности к этому убийству». Далее Нечаев пишет, что он вовсе не выезжал из русских пределов. Мы так подробно останавливаемся на этой бесцеремонной лжи потому, что автором ее был, повидимому, Бакунин.

нин незаметно начал излагать в ней свои анархические идеи и доказывать, что у швейцарцев нет другого выхода, как разрушение государства и создание интернациональной федерации. Это, впрочем, только делает честь если не его практичности, то идейной убежденности.

26 мая Бакунин побывал в Берне, где виделся с Фохтами и заручился их обещанием неутомимо работать по делу Нечаева и С. Серебренникова (который в мае был по ошибке арестован в Женеве вместо Нечаева, а затем освобожден). В «Соборном послании», где он извещал женевских друзей о результатах своих хлопот, он дал список книгопродавцев, которым надлежало разослать его брошюру о «Медведях», и советовал товарищам проявить побольше энергии. Читая это письмо, видишь, что этот 56-летний старик решительно был свежее и деятельнее, чем его более молодые друзья [1].

4. Разрыв.

«Отношения Нечаева к Бакунину и Бакунина к Нечаеву, — говорит Ралли, — изменились лишь тогда, когда оказалось, что Владимир Серебренников [2] похитил письма у некоторых эмигрантов (каких?—*Ю. С.*), а разорвал Бакунин с Нечаевым лишь тогда, когда открылось, что Нечаев задумал устроить за границей, в самой Швейцарии, из нескольких горцев шайку экспроприаторов для добывания средств, в которых сильно нуждался [3]. На великое счастье для русской революционной деятельности в нашем прошлом, задуманное не осуществилось, а поэтому все закончилось лишь тем, что много позже некоторые из эмигрантов-поляков попались в простой подделке русских бумажных денег; Нечаев же так и не разыграл роли Карла Моора, которую выбрал для себя во всем этом неблаговидном деле» («Минувшие Годы», 1908 год, октябрь, стр. 160).

Ралли не приводит точных дат. Но нужно ли и без того доказывать, что его об'яснение ровно ничего не об'ясняет? Бакунина такими пустя-

---

[1] Бакунин же вместе с Жуковским составили протест русской эмиграции против выдачи Нечаева для посылки его федеральным властям, а затем для опубликования.

[2] Вл. Серебренников — студент, приехавший к Нечаеву из России и тесно с ним связавшийся; через несколько месяцев после разрыва Нечаева с Бакуниным уехал в Россию, и с тех пор следы его теряются. Его не следует смешивать с его однофамильцем Семеном Серебренниковым.

[3] Гамбаров, не приводя никаких доказательств, утверждает наоборот, что одною из причин ссоры было то, что Нечаев «не подчинился намеченным экспроприационным замыслам Бакунина» (стр. 94). Допустим, но ради неба укажите хоть раз источник, из которого вы почерпаете свои открытия!

ками, как похищение писем у эмигрантов, испугать нельзя было. Точно так же его нельзя было испугать мыслью об экспроприации в революционных целях: он сам теоретически допускал такие акты и мог, как это, повидимому, было в данном случае, возражать только против данной конкретной формы осуществления этой мысли. Совершенно очевидно, что причины разрыва лежали глубже и в ином месте. Тем более, что самое похищение писем произошло, кажется, уже после того, как отношения между прежними союзниками испортились.

Неттлау, посвятивший всю свою жизнь собиранию сведений о Бакунине, опрашивавший многих оставшихся в живых участников этого периода бакунинской деятельности, тоже не может с положительностью ответить на вопрос о причинах разрыва между Бакуниным и Нечаевым, а потому принужден пускаться в догадки. «Корень дела, — говорит он в цитированной статье (стр. 396 и след.), — мог заключаться в следующем. Нечаев желал попрежнему руководить Бакуниным от имени «Комитета». Бакунин, который из-за него, например, прекратил начатый перевод «Капитала» и находился тогда в крайней нужде, не мог и не хотел безусловно подчиняться этому неизвестному для него «Комитету» [1]. Умер Герцен. В то время как сын его Александр и вдова его относились весьма несочувственно ко всем стремлениям Бакунина, дочь Герцена, Наталья, симпатизировала идеям отца, Огарева и до известной степени также Бакунина, и возник поддержанный Бакуниным план основать в Цюрихе русскую типографию, в которой снова предполагалось печатать «Колокол» под редакцией Бакунина и Огарева. Тогда Нечаев потребовал для своего «Комитета» половину бахметьевского «революционного фонда», которая после смерти Герцена морально перешла в исключительное распоряжение Огарева, и получил ее полностью или (судя по его дальнейшим требованиям) частью. Но для него важно было подчинить себе также Наталью Герцен и получить возможность распоряжаться лично ей принадлежавшим имуществом, а для достижения этой цели он позволил себе применить приемы, которые должны были все больше открыть глаза Бакунину. Он мог только канителить Бакунина, ибо не мог или не хотел исполнить ожидания последнего (условий мы в точности не знаем) ввиду несуществования его «Комитета», если речь шла об употреблении денег фонда, которые Нечаев хотел сохранить в своем распоряжении, на устройство русской

---

[1] Но от других-то он требовал такого безусловного подчинения (см., например, воззвание «К офицерам»)!

типографии и издание журнала (желание Бакунина)? [1]. Довольно того, что разрыв подготовлялся неудержимо. В мае Бакунин встретился в Женеве с Германом Лопатиным, который старался убедить его в том, что никакого «Комитета» в России не существует, но это, как показывают письма от 30/IV и 12/VI, еще не вызвало разрыва. Последний произошел во время продолжительного пребывания Бакунина в Женеве в июне—июле 1870 года» (а дальше идет рассказ о решительном об'яснении согласно письму Бакунина к Таландье).

Об'яснение Неттлау дает несколько больше, чем об'яснение Ралли, но и оно явно недостаточно. Видно только, что вопрос о взаимоотношениях обоих заинтересованных лиц сыграл в этом деле известную роль на-ряду с разногласиями по поводу назначения второй половины бахметьевского фонда и в частности — с вопросом о материальном положении Бакунина. Но об идейных расхождениях в обоих об'яснениях ничего не говорится. А между тем они, несомненно, тоже имели место и притом задолго до окончательного разрыва [2]. Но вопрос об изыскании средств и в частности о материальном обеспечении Бакунина встал, несомненно, раньше. Именно на этой почве возникли, видимо, первые недоразумения и трения, а потом уже, как водится, возникли или проявились и несогласия теоретические.

Нужно, впрочем, сказать, что при имеющихся сейчас в нашем распоряжении данных ответить вполне точно на вопрос о действительных причинах разрыва трудно. Обе стороны ловко законспирировали их не только от современников, но и от потомства. Таким образом мы и сейчас принуждены о многом только догадываться, ограничиваясь темными намеками, отдельными выражениями, неясными фактами. Но все же таких заявлений и фактов имеется достаточно для того, чтобы дать на этот вопрос более определенный ответ, чем те, которые давались до сих пор. Об'ясняется это тем, что люди, писавшие об этом предмете, основывались главным образом на об'яснениях одной стороны, а именно — Бакунина, и, стараясь выгородить последнего и взвалить всю ответственность на Нечаева, смягчали и затушевывали все то,

---

[1] Этот знак вопроса у Неттлау обозначает, что он сам не уверен в своих словах и высказывает только предположение.

[2] Гамбаров, исходя из произвольно построенной им схемы, что Нечаев в отличие от анархиста Бакунина был коммунистом и чуть ли не марксистом, ближе подошел к корню вопроса, когда об'ясняет разрыв между ними и различием политических воззрений (стр. 93); но он не развивает и не обосновывает своей мысли, так что все его рассуждения на эту тему представляются мало убедительными.

что, как им казалось, говорило не в пользу Бакунина или способно было набросить на него тень.

Денежный вопрос выплывает с самого начала. Уже 21 февраля 1870 года Бакунин пишет Огареву:

«Мое дело, кажется, устраивается в согласии с Боем и с К°. Я сказал откровенно условия, на которых могу весь отдаться делу. Победил ложный стыд и сказал все, что должен был сказать. Они были бы глупы, если б не согласились на них, и бессильны и неспособны, если б не нашли средств к исполнению всех условий, необходимых для дела. Мы в самом деле поступали до сих пор, как идеалисты, внутренними стремлениями, пожеланиями и редко постною пропагандою. Кто хочет сделать великое, тот должен много уметь и много сметь. Nous devons devenir des hommes d'affaires [1], а не давать себя вязать и обрекать на бессилье беспомощностью и безденежьем: мы должны создать средства. Иначе подадим лучше в отставку и пойдем в монахи. Итак, в Цюрих, старый друг! Кто не ребенок, не идеалист белокурый, тот должен хотеть все средства, ведущие к цели... Alea jacta est...» (т.-е. жребий брошен).

Это письмо содержит чрезвычайно важные указания. Если бы они не были сформулированы в такой нарочито туманной форме, они, несомненно, могли бы бросить яркий свет как на содержание переговоров между Бакуниным и Нечаевым, так и на причины разрыва между ними. Но и того, что можно извлечь из неясных выражений этого письма, достаточно для некоторых общих выводов [2].

Итак, прежде всего ясно, что Бакунин поставил «Комитету» какие-то личные требования. Судя по словам «победил ложный стыд», он требовал от комитета материального обеспечения и только под этим условием соглашался отдать все свои силы «делу». Нет никакого основания делать отсюда какие-либо демагогические выводы и лицемерно негодовать по поводу того, что вот, мол, человек связывает идейное служение делу с какими-то денежными счетами и т. п. Бакунин с юных лет отдавал все свои силы интересам революции. В этом отношении с ним мало кто мог бы сравняться. Но в рассматриваемое время он был стар и жил в крайней материальной нужде. Герцен умер, родные ему не помогали, и не было ничего противоестественного в том, что он добивался материального обеспечения от «Комитета», который

---

[1] «Мы должны стать деловыми людьми».

[2] Неттлау (ни в книге, ни в статье) почему-то не подверг этого письма внимательному разбору. Не потому ли, что это грозило бы разрушить его конструкцию, целиком направленную против Нечаева?

в лице Нечаева не только требовал от него отдачи всех своих сил делу, но и отклонял его от работ, могущих дать ему заработок, как, например, от перевода «Капитала».

Думал ли в тот момент Бакунин получать эти средства из «фонда», как полагает Неттлау? Трудно сказать. Ведь тогда «фонд» (т.-е. его вторая половина) еще не был передан наследниками Герцена Огареву (это случилось только в апреле). Но если даже Бакунин был в это время твердо уверен в том, что фонд не минет рук Нечаева, он не мог не понимать, что при более или менее широкой работе этих средств хватит не надолго. Таким образом вопрос о средствах, о дальнейшем их добывании все равно вставал перед ним. И именно об этом говорит бо́льшая часть приведенной нами выдержки из письма. В числе условий (на этот раз уже не личного характера), поставленных Бакуниным «Комитету», был и какой-то план добывания денег. Какой? Об этом можно только гадать. Ясно одно: план Бакунина требовал каких-то героических решений и, повидимому, резко расходился с общепринятой революционной (а может быть, обывательской) этикой. Иначе нельзя об'яснить его слова о «белокурых идеалистах», у которых нехватает решимости, о необходимости «создать средства» или уйти в монахи, об обязанности «много сметь» и «хотеть всех средств, ведущих к цели», и т. д. Сомнительно, чтобы Бакунин предлагал подделку кредитных билетов (конечно, не по соображениям моральным, а по мотивам осторожности). Вернее всего, что его план сводился к революционным экспроприациям. При каких условиях, где (в России, на Балканах или в другом месте), когда, — это неясно. Но только так можно, нам кажется, толковать это письмо. И если наше предположение верно, то приоритет этой идеи принадлежит не Нечаеву (с которым, по словам Ралли, Бакунин из-за такого замысла якобы разошелся), а именно Бакунину [1].

Мы не знаем той переписки, которую Бакунин вел по этому поводу с Нечаевым. А что он писал ему очень часто и много, видно хотя бы из записки от 11 мая («Переписка», стр. 277), где сообщается о посылке Нечаеву только за первую треть мая четырех писем и двух телеграмм. Нечаев, повидимому, поставленный в затруднительное положение настояниями Бакунина, долго ему не отвечал. По крайней мере, еще в конце мая Бакунин определенного ответа не получил, как видно из письма его к Огареву от 30 мая 1870 года (по ошибке помеченному

[1] Что Бакунин и после разрыва с Нечаевым не отказался от мысли о революционных экспроприациях, видно из цитируемого дальше письма его к Мрочковскому от 19 августа 1870 года.

у Драгоманова «20 мая»), где он говорит: «Жду, наконец, от нашего комитета ответа, который должен окончательно определить все мои последующие действия, предупреждая вас, что я крепко стою за ультиматум (курсив мой), поставленный мною, и не иначе поеду в Женеву [1], как убежденный, что еду к вам на возможное и прочное положение, как в отношении к самому делу, так и в отношении к средствам существования».

Последние слова показывают, что, кроме личных требований («средства существования»), Бакунин выставил еще какие-то общие требования («в отношении к самому делу»),—те и другие ультимативно. Какого характера были эти общие требования? Опять-таки на этот счет приходится только гадать. Возможно, что здесь говорится о тех же героических решениях, которые требуются от «людей дела», не желающих походить на «белокурых идеалистов», но возможно также, что здесь, кроме того, имеются в виду отношения к пресловутому «Комитету», требование от него ряда гарантий относительно коллективного товарищеского ведения дела и т. п. Бакунин мог уже к этому времени убедиться в фиктивности «Комитета», в стремлении Нечаева диктаторски распоряжаться всеми, в том числе и им, Бакуниным, пожалуй, в наличии некоторых идейных разногласий между ними и т. п. Опыт нечаевского «Колокола» мог поселить в его душе подозрения и на этот счет. А к чести Бакунина надо сказать, что при всей своей склонности к практическим компромиссам он, по крайней мере, с того времени, как окончательно стал на позицию анархизма, т.-е. с конца 1868 года, в этом отношении выказывал большую непримиримость.

Но существовали ли такие программные разногласия между Бакуниным и Нечаевым? Мы думаем, что да. Нечаев, как мы уже говорили, был по существу не анархистом, а бланкистом (поскольку можно говорить о законченности мировоззрения этого молодого, не успевшего тогда сложиться человека). Там, где он освобождает от ферулы Бакунина, он говорит каким угодно языком: бланкистским, примитивно-коммунистическим, соглашательским, но не анархистским (в №№ 1—6 «Колокола», в № 2 «Народной Расправы», в «Общине»).

---

[1] К этому моменту мысль о переезде в Цюрих была уже оставлена, и предполагалось всем собраться в Женеве. Из письма Бакунина к Гамбуцци, написанного в тот же день, видно, что он попрежнему должен был получать по 150 франков в месяц, если останется в Локарно, и по 250 франков, если переедет в Женеву. Значит, он получал по 150 франков от «Комитета»? или от Огарева?

Для нас до сих пор неясна история нечаевского «Колокола», шесть номеров которого вышли в апреле — мае 1870 года в Женеве. Но Бакунин в редакции его, видимо, не участвовал. Это, разумеется, могло об'ясняться тем, что он до тех пор не получил еще от «Комитета» ответа на свой ультиматум и потому держался пока в стороне. Сотрудничество его в нечаевском «Колоколе» выразилось только в помещении статьи о панславизме в № 2 прилагавшегося при «Колоколе» «Русского бюллетеня» на французском языке [1] и письма в редакцию, напечатанного в № 2 «Колокола» от 9 апреля 1870 года.

Цель этого письма неясна [2]. Является ли оно продолжением той системы укрывательства, которая ввиду охоты полиции за Нечаевым заставляла Бакунина даже отрицать знакомство с ним (в статьях, а также в частной переписке), или же оно говорит о действительном недовольстве Бакунина нечаевским «Колоколом»? Трудно сказать, но думается, что последнее толкование вернее.

Дело в том, что «Колокол» Нечаева был совсем не тем изданием, о котором мечтали Бакунин и под его влиянием Огарев, начиная с 1869 г. Пока Герцен был жив, он всячески противился возобновлению «Колокола» — отчасти вследствие своего полного разочарования в революции, но в значительной мере и потому, что с неудовольствием видел влияние Бакунина на Огарева и не ждал от него для «Колокола» ничего хорошего. После смерти Герцена и особенно после возвращения Нечаева из России мысль эта возродилась, при чем предполагалось, что «Колокол» будет выходить под редакцией Огарева и Бакунина, а это ввиду болезненного и старческого состояния Огарева фактически отдало бы газету в руки одного Бакунина. Затем к мысли о возобновлении «Колокола» присоединилась и Наталия Герцен. Разговоры об этом велись во время поездки Бакунина в Женеву в середине марта. Но осуществи-

---

[1] В статье «Панславизм» Бакунин подвергает уничтожающей критике идеи и дела казенного панславизма, разоблачая продажность и реакционность гг. Ригеров, Палацких, Браунеров и К°. Кончается она следующим советом: «Пусть все славянские народы, ныне чувствующие себя угнетенными, — пусть они, наученные печальным опытом и в особенности примером несчастной Польши и следуя примеру, который ныне дают им болгары, — пусть они ищут своего освобождения и спасения в революции и в революционной солидарности всех народов, славянских или неславянских, но отнюдь не в реакции, отнюдь не в дипломатических комбинациях, а главным образом отнюдь не в растлевающем, развращающем и обманчивом покровительстве всероссийских императоров». Здесь уже незаметно даже и духа «революционного» панславизма.

[2] Неясным признает это письмо и Неттлау.

лась эта мысль далеко не так, как предполагал Бакунин, который фактически остался от этого предприятия в стороне (повторяем, быть может, потому, что не получил ответа на свои требования от «Комитета»). Кто в действительности редактировал этот «Колокол», неизвестно. Огарев, хотя и писал там иногда, но по состоянию своего здоровья не мог стоять близко к газете. В первом же номере ее было сказано, что Огарев передает ее ведение «новой редакции». Возможно, что, кроме Нечаева и В. Серебренникова, некоторую роль в ней играла Наталия Герцен, которая, повидимому, и дала средства на это издание (вторая половина «фонда» не была еще тогда Нечаевым получена). Н. Герцен стояла ближе к Огареву; к Бакунину она относилась далеко не с такой благожелательностью. В тот момент она находилась под влиянием Нечаева. Вдобавок Огарев и Н. Герцен, повидимому, не разделяли ультиматума Бакунина «Комитету». Словом, поскольку можно судить на основании имеющихся отрывочных сведений, Бакунин действительно не имел оснований относиться к новому «Колоколу» сочувственно, а зная тенденции Огарева и Н. Герцен, он мог основательно подозревать их в придании газете соглашательского и сочувственного либерализму духа.

В первом номере возобновленного «Колокола» помещено было следующее заявление:

«Новой редакции «Колокола».

«Передаю вам новое издание «Колокола» с глубоким убеждением, что вы его примите с полной преданностью делу Русской Свободы. Вы не измените знамени, поставленному Герценом, при котором каждый свободомыслящий человек мог заявить свои мысли и направление, разумеется, без всякого ущерба для главной цели освобождения России (курсив мой). В этом мы никогда не можем разойтись, и я до конца моей жизни остаюсь вашим преданным сотрудником. Н. Огарев».

В сущности это заявление уже предрешало характер нового «Колокола», и притом далеко не в том духе, который надеялся придать ему Бакунин. Последний хотел сделать газету органом «социально-революционным», т.-е. анархистским. Огарев, анархизм которого был наносным, временным, неглубоким, в сущности стоял на позиции старого герценовского народолюбивого либерализма. На этой же позиции стояла и Н. Герцен. А сам Нечаев, бывший по существу бланкистом, видимо, готов был, как «человек дела», пойти на компромисс и поддаться этому

либеральному влиянию. Таким образом новый «Колокол» сразу взял такой тон, который Бакунину понравиться не мог [1].

И действительно, нечаевский «Колокол» в своей теоретической части не имел ничего общего с тем анархизмом, который проповедовался Бакуниным в № 1 «Народной Расправы» и в брошюрах первого нечаевского периода. Уже в передовой статье первого номера «Колокола» этот либеральный дух давал себя знать. Указав, что «императорский абсолютизм... мешает равно всем и равно у всех отнимает возможность превратить правильную мысль в живую действительность», автор статьи продолжает: «Поэтому, как бы ни была велика и сильна разница теоретических разрешений, первое дело для нас, для нас всех общее — дело освобождения от императорского ига, дело низвержения его». И кончается статья призывом: «Мы зовем всех на этот союз или, если хотят, на эту коалицию, на эту политическую стачку. Мы подадим руку всякому, кто вместе с нами захочет способствовать разрушению монархической власти в России не словами только, а делом» [2].

---

[1] Замечательно, что Нечаев счел нужным держаться этого тона и на своем процессе, и в первое время после него. Так, по вынесении ему приговора Московским окружным судом 8 января 1873 года он воскликнул: «Да здравствует Земский Собор! Долой деспотизм!». А в письме к графу Левашеву от 10 января 1873 года он писал, что «Россия находится накануне конституционного переворота», и заканчивал его выражением «твердой уверенности», что скоро миллионы голосов повторят этот крик: «Да здравствует Земский Собор!».

[2] Этот же тон был выдержан газетою до конца. Так в «Ответе редакции на письмо одного из корреспондентов старого «Колокола», помещенном в № 3 от 16/IV 1870 года, указывается, что «лучшим средством соглашения в воззрениях нужно признать общее дело». Таким делом, способным об'единить всех противников существующего порядка в России, является борьба с императорством, которое не проводит различия между разными партиями и одинаково угнетает умеренных и крайних. «Вместо раздраженных споров о правоте или неправоте той или иной радикальной теории пусть возьмутся все за практическое дело подготовления падения абсолютизма в России... Повторяем еще раз: борьба с абсолютизмом и победа над ним — самый первый и самый важный шаг для всех. Стало, не будем говорить о втором, пока не сделаем первый». В подчеркнутых нами словах нам слышится прямой выпад против Бакунина и его анархических воззрений.

В передовой статье № 4 «Колокола» от 25/IV 1870 года говорилось: «Многие утверждают, что время парламентаризма прошло, что конституционная монархия отжила или отживает свое время даже на Западе, и что представительная система должна вообще будет скоро уступить место прямому управлению народа. Мы не берем вопроса так глубоко, когда в русском

По поводу этого неожиданного призыва к коалиции со всеми оппозиционными элементами Бакунин обратился к редакции нового «Колокола» с письмом, которое было напечатано в № 2 газеты. И вот что он там говорил.

«Прочитав со вниманием первый номер возобновляемого вами «К о л о к о л а», я остался в недоумении. Чего вы хотите? Ваше знамя какое? Ваши теоретические начала какие, и в чем именно состоит ваша последняя цель? Одним словом, какой организации желаете вы в будущем для России? Сколько я ни старался найти ответ на этот вопрос в строках и между строками вашего журнала, признаюсь со скорбью, что я ничего не нашел. Что вы такое? Социалисты — или поборники эксплоатации народного труда? Друзья — или враги государства? Федералисты — или централизаторы?».

Признавая, что редакция враждебна господствующему в России порядку, Бакунин продолжает: «Не довольствуясь п л а т о н и ч е с к о й ненавистью к монархии вообще и в особенности к петербургскому самодержавию, вы зовете к себе в сотрудники всех тех, кому надоели бес-

---

обществе еще не совсем решен вопрос, гораздо более ограниченный», а именно: может ли царизм мирно перейти в конституционную монархию и согласиться на либеральные уступки? Доказав, что это невозможно, и что необходимо низвержение романовского правительства, автор продолжает: «А для того, чтобы наверное сломать, а не надорваться в борьбе, как бывало доселе, надо составлять мощную, крепко организованную силу из в с е х о п п о з и ц и о н н ы х э л е м е н т о в Р о с с и и, а н е и з о д н о й к у ч к и г о р я ч и х г о л о в, п о с л е д о в а т е л е й к р а й н и х т е о р и й, бесспорно отважных и самоотверженных и, может быть, могущих сделаться душой всей оппозиции, но тем не менее не заключающих в одних себе, изолированно, всего количества необходимых для победы сил». Это уже выпад не против одного Бакунина, но и против самого Нечаева первого периода. Если он мог так далеко зайти в своем приспособленчестве, то это лишь показывает, как неопределенны были его политические взгляды и как неустойчив был его «анархизм», временно навязанный ему Бакуниным.

Кстати, этот либеральный дух нечаевского «Колокола» отмечен был и антиподом Бакунина — «Народным Делом», которое со второго номера сделалось органом Н. Утина, а затем «русской секции» Интернационала. В № 3 «Народного Дела» за 1870 год это направление характеризовалось в следующих выражениях: «Партизаны этой теории и с к л ю ч и т е л ь н о политической, либеральной революции указывают нам на историю западных государств, где происходили до сих пор одни политические революции, об'ясняя, что только вслед за этими революциями явилась на Западе возможность вести организационную работу с о ц и а л ь н о й революции». С этой точкой зрения «Народное Дело», естественно, не соглашалось. Но в отличие от Бакунина оно возражало против «нечаевщины» в обоих ее ипостасях — умеренной и террористической.

следные излияния чувства и византийская болтовня, и кто хочет служить низвержению гнусного порядка вещей, «не словами только, а делом». Итак, главная цель вашего журнала практическая? Вам не нужно теорий, вам нужны дела? Вы думаете, вероятно,.. что разных теорий было развито довольно в России и вне России, но что настоящего дела и в чужих краях, и у нас слишком мало».

По мнению редакции, у всех серьезных партий в России имеется общая цель: низвержение самодержавия. А потому они должны действовать согласованно.

«Вы думаете, что наступила пора для такого соединения. И вы подняли свое знамя без всякой теоретической надписи, без всякого принципиального характера, именно, может быть, для того, чтобы не оттолкнуть от временного союза ни одной партии, силы, ни одного человека, хотящих и способных содействовать своим общественным влиянием, своими действиями и средствами общеспасительному, но вместе с тем и нелегкому делу низвержения петербургского самовластия; одним словом, вы зовете всех людей доброй воли, всех врагов настоящего порядка, не довольствующихся словесными или печатными протестами, но имеющих намерение протестовать против него своими действиями. Вы предлагаете им коалицию.

«Мысль для России, по крайней мере, совершенно новая, и которая, если она осуществится, докажет, что сознание партий в России созрело, и что они доросли до того мужественного возраста, в котором совершится переход от теоретических мечтаний к практическому делу.

«Теория по природе своей нетерпима, и вся ее чистота, ее нравственность, искренность, сила обусловливаются и доказываются именно этой нетерпимостью. Поэтому всякая коалиция в теории безнравственна, невозможна. Коалиция на практике также чрезвычайно опасна, но она бывает иногда необходима, спасительна, и именно, когда она имеет ограниченную, временную и легко определенную цель. Так, напр., и в этом случае я, не задумавшись, назову коалицию, которую вы предлагаете, спасительною, если она вам в самом деле удастся, и если, абстрагируясь от всех других принципиальных различий, вы будете неуклонно и без малейшей уступки требовать от всех приступающих к вам несомненных доказательств ненависти к существующему порядку и твердого намерения всеми средствами и силами своими способствовать к его разрушению; если, изгоняя из своей среды всех теоретических краснобаев, говорунов и болтунов, —

этих всегдашних разлагателей всякого практического начинания, вы будете принимать в нее только людей дела.

«Против такой коалиции я с своей стороны уже потому протестовать не могу, что я сам предлагал в своем воззвании «К молодым братьям в России» и в другом воззвании «К офицерам русской армии» такую же коалицию между русскими революционерами и между польскими патриотами.

«Да, я глубоко убежден в том, что для всех свободолюбивых и народолюбивых людей русских и польских нет теперь дела ближе, важнее, чем разрушение поганой всероссийской монархии. Что мы поставим потом, что будем делать и куда будем стремиться на другой день после этого разрушения, для всех равно необходимого и спасительного? До этого теперь нет дела. Можно думать, что мы не только пойдем врозь, но станем друг против друга, как враги непримиримые. Но еще вернее то, что пока будет существовать и давить нас всех одинаково поганая императорская сила, до тех пор мы все останемся обреченными одинаково на самое мучительное и постыдное ничтожество, будем существовать только в бесплодной мечте или на бумаге.

«Поэтому соединяйтесь за правду, сплотите все наши усилия и средства в одну силу, способную повалить медведя, ломящего и душащего всех и каждого, и не станем дурачиться, не будем спорить о шкуре его, пока его не повалили...

«Кончу это письмо просьбой. Не зная собственно направления редакции, я не могу полагаться на нее безусловно. Мое направление ей известно: социальная революция и интернациональная организация общества, основанная на коллективном труде и на коллективной собственности, — такова моя программа. Но программа настоящей редакции «Колокола» мне неизвестна, и потому, вполне признавая ее право браковать мои письма, я не могу согласиться на то, чтоб она их хоть сколько-нибудь изменяла».

Таким образом Бакунин, с одной стороны, как бы соглашаясь с мыслью о практической коалиции, с другой — явно намекает на беспринципность редакции, которая, дескать, не выявила ни своего социалистического, ни антигосударственного лица. Другими словами, он довольно ясно дает понять, что редакция стоит в сущности на почве буржуазного либерализма, и что в будущем, после низвержения самодержавия, редакция и он очутятся по разным сторонам баррикады [1]. Для

[1] Отношение Бакунина к новому «Колоколу» неясно было и для современников. Так, Лавров в «Народниках-пропагандистах» (стр. 28) говорит, что

мистификации это было бы уже слишком много, и что здесь мы имеем дело не с притворством, а с действительными обвинениями, видно по тому резкому тону, каким явно задетая редакция сочла нужным реагировать на ехидные выходки Бакунина. А именно: к тому месту его письма, где говорится о том, что в будущем отдельные члены коалиции станут друг против друга как непримиримые враги, редакция сделала следующее, лично против Бакунина направленное примечание:

«Вполне уважая такое воззрение г. Бакунина, как его л и ч н о е мнение, редакция позволяет себе думать, что при единодушном ведении борьбы с существующим порядком важность самого дела сгладит и при-

---

со смертью Герцена «Колокол» передан был Огаревым в руки Бакунина и Нечаева. Маркс и Энгельс, в это время внимательно следившие за деятельностью Бакунина, сначала также считали его одним из редакторов газеты и насмехались над приданным ей (как они думали, Бакуниным) либеральным характером. Так, в письме к Энгельсу от 7 мая 1870 года («Briefwechsel», том IV, стр. 280) Маркс, сообщая своему другу о получении пяти номеров «Колокола» с приложением, иронически замечает: «Русская программа весьма характерна. Эта газета отнюдь не будет в ы р а ж е н и е м к а к о й-л и б о и с к л ю ч и т е л ь н о й п а р т и и (по-русски в оригинале. — *Ю. С.*), но всех ч е с т н ы х л ю д е й (последние два слова тоже по-русски. — *Ю. С.*), желающих «освобождения России» и «недовольных нынешним положением». Никакого принципиального ригоризма, прежде всего п р а к т и ч н о с т ь! Напротив мы, Западная Европа и Соединенные Штаты, должны с своей стороны ограничиться и с к л ю ч и т е л ь н о пропагандой т е о р и и господина Бакунина (т. е. отсутствия всякой теории), и притом в таком духе, будто все национальности уже отменены. Поэтому он запрещает нам также всякое вмешательство как во внутреннюю, так и во внешнюю политику. Что за хитрец!». На это Энгельс отвечает 8 мая: «Таким образом «Колокол» при Бакунине будет не лучше, чем был при Герцене». Но присмотревшись ближе к содержанию газеты, Маркс начинает догадываться, что Бакунин не играет в ней руководящей или влиятельной роли. В письме от 11 мая (ibid., стр. 287) он пишет Энгельсу: «С Бакуниным дело н е в ы г о р е л о, или же его так устроили, чтобы спасти приличия. При ближайшем рассмотрении я нашел, что редактором является Огарев. Бакунин поместил в первых номерах о д н о только письмо, в котором он отгораживается от газеты, обвиняет редакцию в отсутствии принципов и пр., распространяется насчет своего социализма и интернационализма и т. д. Однако при всем том его письмо сводится к тому, что хотя в теории коалиция подлежит осуждению, но на практике Огарев все же прав. Теперь на первом плане стоит-де низвержение царизма, а для этого необходимо об'единение всех враждебных ему партий и т. д. Впоследствии они могут разодраться и пр. Итак, в России «политика» социалистам разрешается, но ни в каком случае не в Западной Европе!».

Маркс правильно отметил двойственность бакунинского письма, но он не знал тогда о внутренних трениях в группе «Русского Комитета».

мирит все противоречия между серьезными людьми разных партий, что только люди с мелким самолюбием, никогда не способные глубоко проникнуться общественной деятельностью и искренним пониманием ее выгод, могут выгораживать себя из практического дела под видом несогласия с той или другой частностью. Тем более, когда деспотизм императорства падет и даст возможность открыто высказываться всем партиям, когда трусливая узкость либерализма одних будет для всех так же очевидна, как ясна будет утопичность других. Вся сумма лиц, успевших одержать победу над существующим порядком, будет уже так глубоко проникнута сознанием силы соглашения и важности своего назначения, что едва ли предпочтет междоусобную борьбу разумному соглашению и осмысленной постановке условий, равно необременительных ни для кого. Во всяком случае этот вопрос деловыми людьми нашего времени должен быть положительно игнорирован, как ведущий к разноречию и раз'единению, т.-е. к бездеятельности и бессилию.

«Бессилие и бездеятельность дают возможность развиваться теоретическому ритоpизму принципов. Практическое дело заставляет для преуспеяния в сущности приносить в жертву мелочи и частности. Сущность деятельности лучших людей в России в настоящую минуту это — борьба с императорством, и того нельзя назвать серьезным деятелем, кто из-за несогласия в теоретических выкладках будущей жизни решится устранить себя из рядов борцов с абсолютизмом, для всех одинаково ненавистным»[1].

Для игры в конспирацию это было слишком сильно. Если на основании этого обмена любезностями еще нельзя определенно говорить о наличии серьезных теоретических разногласий между обеими сторонами[2], то во всяком случае ясно, что прежних хороших отношений уже не было. Правда, Бакунин еще до конца мая продолжал допускать возможность соглашения между ним и «Комитетом», но это могло иметь место потому, что он еще не отождествлял Нечаева с «Комитетом» и

---

[1] Разрядка в этой цитате везде моя.

[2] А что Бакунин был действительно недоволен характером нечаевского «Колокола» и хотел придать ему другое (открыто анархистское) направление, видно из письма его к Мрочковскому от 31 мая 1870 года. «Я жду известий из Женевы, — пишет Бакунин. — Если окончательно решено будет продолжать издание «Колокола» — не в том виде, как он выходил раньше, а в виде открытого социал-революционного органа под редакцией Огарева и Бакунина, то я переберусь в Женеву. Иначе я пробуду лето здесь. На этих днях жду решения».

верил в действительное существование последнего. Но когда и эта вера была в нем подорвана (разоблачения Лопатина, наверное, сыграли здесь известную роль), разрыв стал гораздо легче [1].

14 июня Бакунин написал Огареву письмо, которое показывает, что он уже начал скептически относиться к возможности соглашения, тем более, что для него было ясно несочувствие Огарева и Н. Герцен поставленным им «Комитету» требованиям. В тот момент Огарев находился еще под сильным влиянием Нечаева. Вот что писал Бакунин:

«Прочитав все мои письма, ты убедился, надеюсь, что я должен был поставить все упомянутые в них и ясно определенные условия Невилю [2], и что, раз решившись их поставить ему, я не намерен, не могу и не должен отступить от них ни на шаг. Теперь, согласится ли он их принять или нет, я думаю, будет главным образом зависеть от того, захотите ли вы, найдете ли вы справедливым, полезным и нужным поддержать меня дружно или нет. Я сказал все, что умел, что мог, чтобы убедить его и чтобы убедить вас. Теперь мне остается поэтому ждать его и вашего ответа. Если оба будут удовлетворены, если, выйдя сами из всех экивоков и недоразумений, которыми он было нас всех опутал, вы мне дадите обеспечение, что можно будет продолжать дело на основаниях более крепких и более истинных, чем было до сих пор, а именно на основаниях и на условиях, мною вам соборно предложенных, тогда я поеду, иначе — нет. Что я буду делать в Женеве? Да и на какие средства поеду к вам? Я доведен теперь до крайней степени разорения и безвыходности. Есть долги, а денег ни копейки, просто не на что жить. А что делать? Все переводные предприятия для меня сделались невозможными вследствие несчастной истории с Л[юбавиным]. Других русских знакомых у меня нет. Одним словом, очень плохо...

---

[1] До того Бакунин с негодованием относился к толкам о фиктивности «Комитета». В письме к юрским интернационалистам от 6 апреля он с возмущением рассказывает о получении им из Парижа от Озерова письма, в котором сообщается о компании против него. «Как только явились здесь Утин и Щербаков, — писал ему Озеров, — то первое дело их было, где только возможно, рассказывать, что ты — негодник, выживший из ума, и что Нечаев — идиот и мошенник, что, кроме вас двух, выдумавших все дело (русское), ровно никого и ничего нет». Бакунин предлагает поднять против Утина и всей его «лавочки» интернациональную кампанию. Надо, впрочем, заметить, что кампания против Утина связана была с общею борьбою Альянса против Интернационала. Как раз в это время происходил второй с'езд романской федерации, который закончился расколом. На этом с'езде противники Бакунина, с Утиным во главе, нападали на Бакунина за его работу по Альянсу и в том числе за его роль в нечаевском деле.

[2] Т.-е. Нечаеву.

«Всего вероятнее, что я останусь здесь. Наш Бой упорен, а я, когда раз принял и высказал решение, не имею привычки его менять. Ergo разрыв с ним, по крайней мере мой разрыв, мне кажется неизбежным. Если бы мы все были одного мнения и все, неразрывно и дружно связанные, действовали заодно, мы, вероятно, успели бы победить его упорство или даже в крайнем случае, оставив его в стороне, поставить настоящее дело на настоящие ноги. Но разве существует между нами такое единство мысли, чувств и воли? Сомневаюсь.

«Во всяком случае буду ждать здесь ваших ответов на мои многочисленные и бесконечно большие письма и не пошевелюсь с места до тех пор, пока не убеждусь совершенно, что меня зовут на настоящее дело, со всеми действительными условиями дела, а не на новые словопрения».

Из этого письма уже несколько точнее выясняется характер требований, поставленных Бакуниным — на этот раз не только Нечаеву, но и Огареву и Н. Герцен (вероятно, эти двое и разумеются под словом «вы»). Личные требования Бакунина насчет материального обеспечения здесь уже отступают на второй план. На первый план выдвигается требование постановки дела на новых основаниях, «более крепких и истинных», т.-е., повидимому, на товарищеских началах, придание взаимным отношениям такого характера, который гарантировал бы Бакунину возможность влиять на дело и избавил бы его от морально невыносимого положения, в какое он был поставлен за последнее время. Характерно, что эти требования Бакунину пришлось пред'являть уже не одному Нечаеву, но и Н. Герцен, а главное — своему старому товарищу Огареву: последние, повидимому, в этой контроверзе склонялись, по крайней мере в тот момент, на сторону Нечаева, вернее — «Комитета», в существование которого они еще верили. Возможно, что этому содействовало и поведение Бакунина, детали которого нам неизвестны, но были хорошо известны Огареву и Н. Герцен, принимавшим личное участие во всех этих передрягах. Вот почему Бакунин так скептически относится в этом письме к возможности соглашения с Нечаевым и считает свой разрыв с ним неизбежным. Бакунину решительно не везло. И здесь, как это с ним случалось и в других его начинаниях, он, инициатор и создатель дела, в конце концов оказывался от него устраненным и даже изолированным.

В конце июня Бакунин выехал в Женеву и пробыл там почти до конца июля. В это время и произошел окончательный разрыв Нечаева, но не с одним Бакуниным, как предполагал последний, а и с Огаревым. Бакунин, как видно из письма его к Талландье, настоял на от'езде Не-

чаева из Швейцарии (с помощью каких аргументов, неизвестно). Нечаев уехал, увозя с собою компрометирующие документы и письма Огарева, Н. Герцен, Бакунина и многих других, а также захватив на прощанье ящик с интернациональной перепиской Бакунина. Озеров погнался было за ним в Юру, чтобы силою отобрать у него эти документы, но опоздал, и только через два с лишним года архив Нечаева попал в руки Сажина и был по разборке им уничтожен [1].

Порвав с Бакуниным, Нечаев оказался совершенно изолированным и с этого времени фактически перестал играть какую-либо серьезную политическую роль. Это только лишний раз показывает, что вся его сила вытекала из союза с Бакуниным и из той поддержки, которую тот ему оказывал. Уехав в Лондон, Нечаев издал там в сентябре 1870 года первый номер «органа русских социалистов» «Община», примерно такого же направления, как и № 2 «Народной Расправы» [2]. В передовой статье № 1 «Общины» особое внимание привлекает место, довольно явственно направленное против Бакунина и Огарева. Правда, они здесь прямо не названы, но слишком очевидно, что сказанное там о «герценовском поколении» относится именно к ним, да это, впрочем, подтверждается и напечатанным в том же номере открытым письмом Нечаева к Огареву и Бакунину, где по существу повторяется та же характеристика.

«Поколение, к которому принадлежал Герцен, — говорит автор передовой статьи, повидимому, Нечаев, — было последним заключительным явлением либеральничающего барства. Его теоретический радикализм был тепличным цветком, пышно распустившимся в искусственной температуре обеспеченной жизни и быстро увядшим при первом соприкосновении с обыкновенным реальным воздухом практического дела. Они критиковали, осмеивали существующий порядок с язвительной

---

[1] Столь же неудачно закончилась попытка Н. Герцен, которая для переговоров с Нечаевым поехала в Локль, надеясь убедить его добром отдать бумаги. Насколько Бакунина беспокоило нахождение этих бумаг у Нечаева, видно из его письма к Мрочковскому от 24 июля (Мрочковский жил тогда в Лондоне, куда уехал Нечаев). «Ты был бы молодец, — пишет ему Бакунин, — и оказал бы нашему общему святому делу огромную услугу, если б тебе удалось выкрасть у Нечаева все украденные им бумаги и в с е е г о б у м а г и (курсив мой). Но боюсь, что ты совсем заржавел, утратил всю прежнюю молодецкую прыть». Судя по подчеркнутым мною словам, Бакунин был несовсем чужд готентотской морали.

[2] В следующем году Нечаев выпустил второй номер «Общины», но этот номер, как говорят, был уничтожен самими издателями и составляет величайшую редкость.

салонной ловкостью, утонченным политическим языком. Их занимал самый процесс этой критики. Они были довольны своими ролями».

Этим кабинетным теоретикам автор статьи противопоставляет свое поколение революционных разночинцев, вышедшее из непривилегированной среды и проникнутое боевым духом. «Нам было некогда наслаждаться, — говорит он, — нас душила тоска общественного застоя... Огонь негодования горел в нашей крови; мозг искал выхода к другой жизни. Не услыхав ничего положительного, мы должны были с презрением отвернуться от дилетантов, которые из гадостей существующего порядка сделали новое удовольствие и наслаждались звучным языком и картинным изложением при описании народных несчастий, блеском острой иронии и фигурных насмешек над палачами русской земли. Мы сочли паясничеством всякую насмешку над тем, что не знаешь чем и как заменить [1]. Когда мы намекнули этим дилетантам о последовательности между словом и делом, мы сразу оттолкнули их и от себя, и от либерализма. Барство оказалось нам враждебно при первом нашем практическом шаге к народной цели».

Здесь имеется в виду как будто один Герцен, выступивший в печати с осуждением Каракозова, но напечатанное в конце того же номера письмо Нечаева к Огареву и Бакунину показывает, что автор статьи направлял свои удары и против них. Вот что сказано было в этом письме.

«Мм. Гг.

«Не предвидя скорой возможности лично видеться с вами, я прошу вас через посредство старшей дочери Герцена, заведующей нашей кассой [2], доставить в редакцию «О б щ и н ы» остаток того фонда, которого части получены мною при жизни А. Герцена и еще в недавнее время [3].

---

[1] В этой критике автор повторяет многое из того, что сказано было против Герцена в брошюре А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела».

[2] Понимать ли это место в том смысле, что Н. Герцен продолжала еще поддерживать отношения с Нечаевым даже после разрыва с ним Огарева и Бакунина, или же речь идет о кассе прекратившегося «Колокола»? Последнее толкование нам представляется более правильным.

[3] Это требование могло относиться к тем 1 410 франкам, которые, как мы знаем, остались у Огарева после передачи им Нечаеву второй половины фонда. По рассказу М. Сажина («Воспоминания», стр. 70 и след.), Нечаев требовал выдачи ему процентов на завещанный Бахметьевым капитал, который, пролежав в банке свыше 10 лет, должен был по его расчету почти удвоиться. Чтобы понудить наследников Герцена выдать ему эти суммы, Нечаев, по словам М. Сажина, предполагал опубликовать компромстирующие документы, которые находились в его распоряжении. Сажин и Смирнов, к которым Нечаев обратился с предложением поддержать его требование, категорически отказались от участия в этом деле.

«При сем пользуюсь случаем заявить, что, несмотря на разногласия в наших воззрениях относительно политических целей и путей [1], — разногласия, выказавшиеся при столкновении с практикой, требующей не одного теоретического радикализма, но и последовательности в действиях, я, отказываясь отныне от всякой политической с вами, Мм. Гг., солидарности, тем не менее не перестаю смотреть на вас, как на лучших представителей поколения, к сожалению, бесплодно сходящего со сцены истории. Идеи вашего поколения, Мм. Гг., не имеющие никаких корней в нашей жизни и положении, полученные извне и совершенно идущие вразрез с вашей обстановкой, хотя и не могли быть поэтому никогда вами практически осуществлены, все-таки спасали хотя немногих от той тины и трязи, в которую погрузились ваши бывшие сверстники и товарищи по школе: Катков, Леонтьев и т. п. Ваши социальные убеждения мешали сделаться сторонниками проклятого теперешнего государственного строя; но они так мало были прочувствованы поколением, вышедшим из вненародной среды, что не делали никого реальным врагом этого государства, потому что противоречие между революционной мыслью и аристократической жизнью вело к безотрадному скептицизму и бесплодному разочарованию даже такие сильные умы, как ум А. Герцена.

«Все, что могло выйти полезного из этого поколения, выразилось в блестящих литературных работах покойного издателя «Колокола» и ваших.

«Поэтому, смотря на вас если не как на действительных работников, то как на верных сторонников нашего дела, я буду считать своею обязанностью относиться к вам с той же искренностью и прямотой, которую я исключаю из своих отношений к нашим врагам.

«Я глубоко уверен в широте вашего, Мм. Гг., политического смысла, который не допустит вас поддаться личной досаде или минутному раздражению и принести тем пользу нашему общему врагу, — русскому правительству, ненавидимому вами, вероятно, так же сильно, как и мной. Поэтому я считаю ложными те слухи, по которым будто бы в ваших последних обо мне отзывах проглядывало более запальчивого

---

[1] Итак, Нечаев определенно констатирует наличие политических разногласий между ним и Бакуниным (с Огаревым). Можно было бы подумать, что они касались только «практики», «последовательности в действиях» (например, проекта экспроприаций), но это не так, ибо Нечаев говорит и о разногласиях относительно политических «целей», а не только «путей». Сопоставляя эти слова с характером № 2 «Народной Расправы» и № 1 «Общины», можно предполагать, что Нечаев не согласен был с бакунинским анархизмом. К сожалению, прямых указаний на этот счет источники не дают.

озлобления, чем здравого смысла, сдерживающего порывы личного неудовольствия у всякого серьезного политического деятеля [1].

«Расставаясь с вами, Мм. Гг., после окончательного об'яснения, я дал вам руку, как друг [2], и смею надеяться, что не перестану быть им, тем более потому, что между нами не может быть никаких деловых столкновений, так как я глубоко уверен, что вы никогда не выступите более как практические деятели русской революции».

Судя по подчеркнутым нами словам, Нечаев внешне расстался с Бакуниным и Огаревым по-дружески. Но если это было так, то искренности не было с той и другой стороны, во всяком случае не было ее со стороны Бакунина. Сейчас же вдогонку Нечаеву Бакунин послал письма к Таландье и Мрочковскому, к которым Нечаев явился с рекомендательными письмами, данными ему Бакуниным еще в мае, и которые, не зная о разрыве, оказали ему хороший прием. На основании этих именно писем историки и составляли себе суждение о характере Нечаева и о причинах расхождения его с Бакуниным. Но не следует забывать, что мы имеем здесь показания одной только стороны, и притом данные в момент раздражения. Вместе с тем нужно помнить, что, обвиняя своего недавнего сотрудника, Бакунин пытается обелить себя, набрасывая стыдливый флер на свое собственное участие в допущенных Нечаевым мистификациях и вообще на всю свою роль в нечаевском деле с первого момента его возникновения.

Мы уже упоминали о первом письме Бакунина к Мрочковскому от 24 июля, в котором он просит его выкрасть у Нечаева бумаги, в том числе его собственные. Там Бакунин писал, что дело идет о «спасении нас всех», и советовал Мрочковскому внимательно отнестись к тому, что он, Бакунин, пишет Таландье. Это большое письмо к Таландье было написано в тот же день в Невшателе, куда Бакунин заехал по дороге в Локарно. Это замечательное письмо заслуживает быть приведенным в большей своей части.

Вот что писал там Бакунин [3]:

---

[1] Намек на цитируемые дальше письма Бакунина к Таландье и Мрочковскому. Были и другие, нам неизвестные, например, письма Огарева и Бакунина к Таландье, о которых Бакунин упоминает в письме от 24 июля к Таландье (см. ниже), письмо Жуковского, упоминаемое там же, и т. д.

[2] Курсив мой.

[3] У Драгоманова (стр. 286—290) письмо напечатано с сокращениями и пропусками. Оно помещено по-французски у Неттлау (стр. 491—492 и в примечании 2330). Мы приводим исправленный текст, при чем даем собственный перевод с французского, так как драгомановский перевод плох.

«Сейчас я узнал, что Нечаев являлся к вам, и что вы поспешили сообщить ему адрес наших друзей (Мрочк[овского] и его жены). Из этого я заключаю, что оба письма, которыми Огарев и я предупреждали вас и умоляли отказать ему, дошли до вас слишком поздно, и я без всякого преувеличения считаю результат этого запоздания настоящим бедствием. Вам может показаться странным, что мы советуем вам оттолкнуть человека, которому мы давали рекомендательные к вам письма, написанные в самых теплых выражениях. Но эти письма относятся к маю, а с тех пор нам пришлось убедиться в существовании столь серьезных вещей, которые заставили нас порвать с Нечаевым все отношения, и, рискуя показаться вам людьми непоследовательными и легкомысленными, мы сочли священным долгом предупредить вас и предостеречь против него.

«А теперь я попытаюсь в немногих словах об'яснить вам причины этой перемены.

«Остается совершенно верным, что Нечаев — это человек, особенно преследуемый русским правительством, и что это последнее покрыло весь континент Европы тучей шпионов, разыскивающих его во всех странах, и что оно требовало его выдачи как от Германии, так и от Швейцарии. Столь же верно, что Нечаев — один из самых деятельных и самых энергичных людей, каких я когда-либо встречал. Когда речь идет о служении тому, что он называет делом, он не колеблется и не останавливается ни перед чем и выказывает себя столь же безжалостным по отношению к самому себе, как и ко всем остальным. Вот его главное достоинство, которое меня привлекло и которое побуждало меня в течение долгого времени искать союза с ним [1]. Некоторые утверждают, что он просто-напросто проходимец; но это неправда! Это — преданный фанатик, но вместе с тем фанатик весьма опасный, союз с которым может быть только гибельным для всех, и вот почему.

«Прежде он входил в тайный комитет, который действительно существовал в России. Комитет этот более не существует, так как все его члены арестованы. Нечаев остался один, и он один составляет в настоящее время то, что он называет комитетом. После того, как русская организация в самой России была истреблена, он старается создать новую за границей. Все это было бы совершенно естественно, законно и чрезвычайно полезно, но способ, применяемый им для этой цели, заслуживает всяческого осуждения. В сильнейшей степени пора-

---

[1] Мы знаем, что не только это связывало Бакунина с Нечаевым, а что он хотел использовать его для организации русского отдела Альянса.

женный катастрофой, постигшей тайную организацию в России, он мало-по-малу дошел до того убеждения, что для создания серьезного и неразрушимого общества нужно положить в основу политику Макиавелли и целиком усвоить систему иезуитов: для тела — одно насилие, а для души — ложь [1].

«Правда, взаимное доверие, серьезная и строгая солидарность существуют лишь между десятком лиц, составляющих святая святых общества. Все остальное должно служить слепым орудием и бездушным материалом в руках этого десятка действительно сговорившихся людей [2]. Дозволительно и даже вменяется в обязанность обманывать их, компрометировать, обкрадывать, а в случае нужды и губить их. Это — мясо для заговоров. Так, напр., вы приняли Нечаева благодаря нашему рекомендательному письму, вы частично оказали ему доверие, вы рекомендовали его вашим друзьям — между прочим г-ну и г-же Мрочковским. Таким образом он проник в ваш круг,—что же он станет делать? Сначала он наплетет вам целый короб лжи с целью усугубить вашу симпатию и ваше доверие к нему. Но этим он не удовольствуется. Симпатии людей половинчатых, отдавшихся революционному делу лишь отчасти и имеющих, помимо этого дела, другие человеческие интересы, как любовь, дружба, семья, общественные связи, — эти симпатии в его глазах не составляют достаточной опоры [3], а во имя дела он должен целиком овладеть вашей личностью без вашего ведома. Для достижения этой цели он будет шпионить за вами и постарается овладеть всеми вашими тайнами, а для этого он в вашем отсутствии, оставшись один в вашей комнате, откроет все ваши ящики, прочтет всю вашу переписку, и, если какое-нибудь письмо покажется ему интересным, т.-е. в каком бы то ни было отношении компрометирующим вас или одного из ваших друзей, он его украдет и тщательно припрячет как документ против вас или против вашего друга. Так он поступил с Огаревым, со мною, с Татою и с другими друзьями, — и, когда на общем собрании мы его уличили, он посмел нам сказать: «Ну да, это наша система: мы считаем врагами и обязаны обманывать и компрометировать всех людей, которые не в п о л н е с нами», т.-е. всех тех, кто не убежден в прелестях этой системы и не обещал применять ее подобно им самим.

---

[1] Увы, как мы теперь знаем, эти приемы (вплоть до ссылки на иезуитов) применял и рекомендовал применять сам Бакунин.

[2] А что говорится в уставах Интернационального братства? Выходит, что Бакунин испугался, когда увидел, к чему на практике приводят его принципы, особенно когда их попытались применить к нему самому.

[3] А что говорилось на эту тему в «Катехизисе» Бакунина?

«Если вы представили его другу, то первою его заботою будет посеять между вами раздоры, сплетни, интриги, одним словом, рассорить вас. У вашего друга есть жена или дочь,— он постарается ее обольстить, сделать ей ребенка, чтобы вырвать ее из-под власти казенной морали и бросить ее в вынужденный революционный протест против общества. Всякие личные узы, всякая дружба, всякого свойства связи [1] рассматриваются ими как зло, которое они обязаны уничтожать потому, что все это составляет силу, которая, стоя вне тайной организации, уменьшает единую силу этой последней. Не кричите о преувеличении, — все это пространно развивалось передо мною и доказывалось мне. Увидев себя разоблаченным, бедный Нечаев остался еще настолько наивным и настолько ребенком, несмотря на свою систематическую испорченность, что считал возможным обратить меня, — он дошел даже до того, что просил меня согласиться на изложение этой теории в русской газете, которую он предлагал мне основать [2]. Он обманул доверие всех нас, он похитил наши письма, он нас страшно скомпрометировал, одним словом, он вел себя как негодяй. Единственным его извинением может послужить его фанатизм. Он страшный честолюбец, сам того не сознавая, так как он в конце концов вполне отождествил революционное дело с своею собственной особой, но это не эгоист в банальном смысле этого слова, так как он лично подвергается страшному риску и ведет жизнь мученика, полную лишений и неслыханного труда. Это — фанатик, а фанатизм увлекает его до превращения в совершеннейшего иезуита; в известные моменты он становится просто дураком. По большей части ложь его шита белыми нитками. Он играет в иезуитизм, как другие играют в революцию. Несмотря на эту относительную наивность, он весьма опасен, так как он ежедневно совершает акты нарушения доверия, предательства, от которых тем труднее уберечься, что трудно заподозрить их возможность. При всем том Нечаев это — сила, так как это — огромная энергия. Я разошелся с ним с большим сожалением, так как служение нашему делу требует большой энергии, и редко можно встретить человека, в котором она была бы развита до такой степени. Но, исчерпав все средства, я должен был с ним расстаться, а раз расставшись с ним, я должен был вступить с ним в решительную борьбу. Его последний проект заключался не больше не меньше как в том,

---

[1] Это слово у Драгоманова пропущено.

[2] На нас, знающих, что Бакунину принадлежит авторство почти всей нечаевской литературы (во всяком случае — основной), эти слова производят странное впечатление. Бакунин уже забыл всю историю последнего года и свою собственную роль в нечаевском деле.

чтобы составить в Швейцарии шайку воров и разбойников, разумеется, с целью раздобыть революционный капитал. Я спас его, заставив его уехать из Швейцарии, так как не подлежит сомнению, что он вместе со своей шайкой был бы раскрыт в несколько недель; он погубил бы себя и погубил бы всех нас вместе с собою.

«Его сотоварищ и сообщник Серебренников — отпетый мерзавец, лгун с медным лбом, не имеющий даже смягчения своей вины в фанатизме. На моих глазах он совершил целый ряд покраж бумаг и писем.

«И вот люди, которых Мрочковский, несмотря на то, что он был предупрежден Жуковским, считал нужным представить Дюпону и Бредло [1]! Зло сделано, и необходимо загладить его б е з ш у м а, б е з с к а н д а л а, поскольку это можно еще сделать.

«1) Во имя вашего внутреннего мира, спокойствия вашей семьи и вашей личной репутации я умоляю вас закрыть для него двери вашего дома. Сделайте это б е з о б ' я с н е н и й, оборвите просто. По многим соображениям мы не хотим, чтобы они т е п е р ь знали о том, что мы повели против них войну на всех пунктах. Пусть они подозревают, что предупреждение против них исходит из лагеря наших противников, — что, впрочем, будет вполне согласно с истиной, так как я знаю, что против них было весьма энергично написано в лондонский Генеральный совет. Поэтому не разоблачайте нас преждевременно в их глазах. Они украли у нас бумаги, которыми мы должны предварительно снова завладеть.

«2) Убедите М[рочковского], что спасение всей его семьи требует от него полного разрыва с ними. Пусть он предостережет против них Н. [2]. Их система и их счастье это — соблазнять и развращать молодых девушек, с помощью чего они забирают в руки всю семью. Я в отчаянии от того, что они узнали адрес М[рочковского], так как они с п о с о б н ы е г о в ы д а т ь. Разве они не посмели открыто заявить мне в присутствии свидетеля, что выдача тайной полиции члена, не преданного или преданного только наполовину, составляет одно из средств, пользование которым они считают вполне законным, а иногда и полезным? Овладевать тайнами человека, семьи, чтобы держать их в своих руках, — таково их главное средство...

---

[1] Э. Дюпон — член Генерального совета Интернационала; Чарльз Бредло (1833—1891) — английский политический деятель, радикал и атеист.

[2] Повидимому, имеется в виду старшая дочь княгини Оболенской, бывшей тогда женою Мрочковского. Эта дочь незадолго до того пробралась в Англию из Швейцарии, где правительство хотело отдать ее отцу. В Англии ей грозила та же опасность. Об этой выдаче Бакунин дальше и говорит.

«3) Вы и Мрочковский должны предупредить всех друзей, которым вы могли представить этих господ, чтобы те были настороже и не оказывали им никакого доверия и поддержки.

«Нечаев, более упрямый, чем игрок, фатально губит себя, другой погиб. Наши друзья не должны быть втянуты в их позорную гибель.

«Все это очень печально и очень унизительно для нас, которые вам их рекомендовали, но правда все еще остается наилучшим исходом и вернейшим средством против всех ошибок».

А 1 августа 1870 г. он писал В. Мрочковскому и кн. Оболенской:

«Я прежде всего хотел и должен был достигнуть одной главной цели: спасти вас от продолжения знакомства с Нечаевым и с Владимиром Серебренниковым, прозывающим себя Sallier. Надеюсь, впрочем, что моего большого письма к Tallandier было достаточно, чтоб убедить вас, что я руководствовался не капризом и не одним из тех быстрых и беспринципных охлаждений, в которых меня так часто и всегда так несправедливо упрекали. Мрук засвидетельствует, что с тех пор, как он меня знает, я не изменил никому, а мне изменяли часто, и что я бросал человека только тогда, когда, истощив все зависящие от меня средства, для того, чтоб сохранить его союз и дружбу, убеждался окончательно в невозможности их сохранить. С Нечаевым я был долготерпелив более, чем с кем-нибудь. Мне страшно не хотелось разрывать с ним союза потому, что этот человек одарен удивительною энергиею. В письме к Tallandier я в общих чертах об'яснил причины, заставившие меня, наконец, разорвать с ним все сношения. Надеюсь, друзья, надеюсь особенно для вашего спокойствия и блага, что вы мне поверили и оттолкнули его от себя. Напиши мне, Мрук, подробно все, что ты о нем знаешь, что он тебе говорил о делах вообще и о нас в особенности, — он лжет по системе,— где и с кем теперь живет, что делает, и что сделал ты для того, чтоб предупредить против него Bradlaugh и Dupont [1].

Мрочковскому же он писал 19 августа:

«Все, что я написал вам о Нечаеве, не выше, а ниже действительности. Да, он изменил и постоянно изменял нам в то время, как мы ему давали все и стояли за него горою. Да, он крал наши письма еще в прошлом году. Да, он компрометировал нас, действуя от нашего имени, без нашего ведома и согласия [2]. Да, он всегда лгал нам бессовестно.

---

[1] Бредло и Дюпона.

[2] Не содержится ли в этих словах намека на тот способ, которым Нечаев счел нужным ликвидировать вопрос о переводе Бакуниным первого тома «Капитала»? В этот момент Бакунин уже знал об угрожающем письме Нечаева к Любавину.

Во всем этом я его уличил при Озерове, при Огареве, при Тате (M-lle Herzen), и, приведенный к невозможности отрицать моими доказательствами, знаете, что он мне отвечал? «Мы очень благодарны за все, что вы для нас сделали, но так как вы никогда не хотели отдаться нам совсем, говоря, что у вас есть интернац[иональные] обязательства, мы хотели заручиться против вас на всякий случай. Для этого я считал себя вправе красть ваши письма и считал себя обязанным сеять раздор между вами, потому что для нас невыгодно, чтобы помимо нас, кроме нас существовала такая крепкая связь». Кто ж это они? Прежде их было достаточно. Но после разгрома остались только Нечаев да С[еребренников], да еще два других человека за границей. Неудачи в России довели Нечаева до сумасшествия. Он стал делать глупость на глупости. Все хитрости и обманы его, впрочем, шиты белыми нитками и обратились против него. Он изолгался до глупости. Иезуитская система окончательно развратила и одурила его. Я постоянно защищал, да и теперь еще готов отстаивать его против Ж[уковского], потому что Нечаев, по крайней мере, делает и делает не для себя, хоть и глупы и вредны его действия, блудный же Ж[уковский] пуще, чем когда-нибудь, парламентствует, болтает и с геройским треском открывает открытые двери. Но связь с Нечаевым стала невозможною, — он изменил всякой солидарности. Вообрази себе, (он) хотел даже поссорить меня с Гильомом и другими горными друзьями. Потеряв почву в России, он пытался создать себе почву здесь — и глупо, идеалистически абстрактно, без всякого знания среды и людей. Ну, скажите на милость, возможна ли какая солидарность с человеком, про которого вы же знаете, что всякое слово его вам — ложь, и всякое доверие, оказанное вами ему, кончится изменою? И все это дошло в последнее время до таких гнусных, робер-макеровских размеров, и все это делалось под конец с таким цинизмом, что я просто становился втупик. Я разоблачил бы все это гораздо ранее, если б я не жил большею частью вдали от него, в Локарно. Что же касается до его последнего предприятия в Швейцарии, то ты, милый Мрук, чрезвычайно ошибаешься, вообразив, что, расстроив его, я стал в противоречие с началами и планами, мною самим защищаемыми некогда против Моншаля. Я от них отнюдь не отказался и покажу это в широкой практике скоро[1]. Но дело в том, чтоб все это вести, во-первых, в самой строгой солидарности, а во-вторых, с знанием места, обстоятельств, людей и с чрезвычайным умом. Нечаев же хотел

[1] Неттлау, сопоставляя эти слова с отрывком письма Бакунина к Огареву из Лиона (у Драгоманова, стр. 306), где говорится: «Итак, милый друг, помоги нам теперь, и мы скоро вместе с тобою поможем русскому делу

начать его помимо нас, втянуть в него, тайно от нас, наших людей, например, Henry [1], и к тому же так глупо, что все дело осрамило бы и погубило бы всех до конца. Вот почему я разрушил его. Что ж касается до его мнимого признания тебе, что будто бы я хотел диктатуры, — наплюй ему в глаза, Мрук, это — нахальная ложь. Если б мне были нужны свидетели перед тобою, я привел бы тебе свидетельство Озерова, Огарева и многих других, и ты увидел бы, что я хотел не диктатуры для себя, а освобождения себя и друзей от его самодурствующей диктатуры, от его эксплоатации. Мне кажется, что я сказал вам довольно, чтоб показать вам настоящую суть дела. Нечаев — человек погибший, и отныне можно сказать наверное, что он ничего путного не сделает, а к гадостям он способен. Жаль, что я не мог послать тебе копии большого письма к нему, написанного мною из Локарно [2]. Эта копия хранится у друзей в Женеве. Она бы тебе все до конца об'яснила. Но, надеюсь, что теперь вы поймете, а где не поймете — поверите мне».

Враждебное отношение к Нечаеву могло только усилиться у Бакунина после выхода № 1 «Общины», в котором напечатано было цитированное выше письмо к нему и Огареву. 19 сентября он писал Огареву из Лиона: «Пришли мне журнал лондонских мерзавцев. Прочту и скажу тебе свое мнение, как поступить». Но революционные события во Франции скоро отвлекли его от этих передряг, и больше следа их мы в его переписке не находим. В дальнейшем он не только не хотел слышать о Нечаеве, но даже требовал от всех, кто желал работать с ним, прекращения всех сношений с Нечаевым [3]. Но когда Нечаев был аресто-

---

составлением нового широкого фонда для русского революционного дела», полагает, что этот план Бакунина связан был с его надеждами на предстоящие революционные вспышки во Франции. Это возможно, но все же ясно, что у Бакунина речь идет здесь о революционных экспроприациях.

[1] Генри Сутерланд, сын второй жены Огарева (англичанки), член Альянса.

[2] Это письмо Бакунина к Нечаеву, к сожалению, до нас не дошло.

[3] В письме к Мрочковскому от 1 августа 1870 года Бакунин сообщал ему: «Русских дел я отнюдь не бросил, напротив, отыскал, наконец, настоящих людей и основал русскую секцию нашего тайного союза». Речь могла итти только о Россе (Сажине), о котором Бакунин дальше и говорит. Сажин, познакомившийся с Бакуниным именно в то время (летом 1870 года), рассказывает в своих воспоминаниях («Каторга и Ссылка», 1926 г., № 5/26, стр. 12), что во время их первых бесед Бакунин говорил ему о Нечаеве приблизительно то же, что содержится в письмах к Таландье и Мрочковскому. «Он рассказал мне, — пишет Сажин, — что с Нечаевым он порвал решительно всякие отношения, что это — человек, совершенно свихнувшийся, отождествивший себя с революцией, и т. д., что у него теперь нет никаких связей

ван и выдан царским агентам, в сердце Бакунина проснулось к нему старое теплое чувство. 2 ноября 1872 года он писал Огареву:

«Итак, старый друг, неслыханное совершилось. Несчастного Нечаева республика выдала. Что грустнее всего, это то, что по этому случаю наше правительство, без сомнения, возобновит нечаевский процесс, и будут новые жертвы! Впрочем, какой-то внутренний голос мне говорит, что Нечаев, который погиб безвозвратно, и, без сомнения, знает, что он погиб, на этот раз вызовет из глубины своего существа, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную энергию и доблесть. Он погибнет героем и на этот раз ничему и никому не изменит. Такова моя вера. Увидим скоро, прав ли я [1]. Не знаю, как тебе, а мне страшно жаль его. Никто не сделал мне, и сделал намеренно, столько зла, как он, а все-таки мне его жаль. Он был человек редкой энергии, и, когда мы с тобою его встретили, в нем горело яркое пламя любви к нашему бедному забитому народу, в нем была настоящая боль по нашей исторической народной беде. Он тогда был еще только неопрятен снаружи, но внутри не был грязен. Генеральствование, самодурство, встретившиеся в нем, самым несчастным образом и благодаря его невежеству, с методою так называемого маккиавеллизма и иезуитизма, повергли его окончательно в грязь. Под конец он стал дураком круглым. Вообрази себе, что еще недели за три или две до его ареста мы через знакомых — не прямо, потому что ни я и никто из моих друзей с ним не хотели встречаться,— мы предупреждали его, чтоб он убирался скорее из Цюриха, что его ищут. Он не хотел верить и говорил: «Это бакунинцы гонят меня из Цюриха» и прибавлял: «Теперь не то, что в 1870 году; теперь у меня в Бернском федеральном совете есть свои люди, они предупредили бы меня, если б мне грозила такая опасность». — Ну, вот и пропал» [2].

с Россией, и что нечаевская организация вся вполне разбита, что нам надо начинать с начала, что у него (Бакунина) тоже нет никаких связей с Россией». В действительности русская секция Альянса была основана только в 1872 году (см. IV том этой работы).

[1] Бакунин оказался совершенно прав. Нечаев вел себя на суде и в Петропавловской крепости, куда он был после суда посажен, геройски. Он сумел даже распропагандировать крепостных солдат, надзиравших за ним, и через них войти в сношения с «Народной Волей». Подробно мы об этом здесь не говорим, ибо это не относится к прямой теме нашего рассказа. Упомянем только, что Нечаев до конца остался верен своим мистификаторским приемам и в таком духе давал советы и народовольцам, которые этим советам, разумеется, не последовали. Революционную гордость и непреклонность Нечаев сохранил до конца (умер 21 нояб. 1882 г. в Алексеевском равелине от цынги).

[2] См. Д—а — «Арест С. Г. Нечаева в Цюрихе», «Былое», 1906 г., № 7.

Так закончился инцидент с Нечаевым, в котором Бакунин, увлеченный своей революционной страстью, проявил столько наивной доверчивости и неудачного маккиавеллизма [1]. 2 августа 1870 года, сообщая Огареву о получении письма от Нечаева, Бакунина говорил:

«Вот тебе, друг Ага, и записка от н а ш е г о «Боя» [2]. Получил ее вчера вечером, посылаю ее тебе сегодня, чтобы поскорее утешить тебя так же, как и сам утешился. Нечего сказать, были мы дураками, и как бы Герцен над нами смеялся, если б был жив, и как бы он был прав, ругаясь над нами! Ну, нечего делать, проглотим горькую пилюлю и будем вперед умнее [3].

«Записку дай прочесть Озерову и отдай на сохранение Tata. Она наш архивариус [4]. Я не намерен отвечать. Думаю, что и ты также ответчать не станешь. О т д а й п р и л а г а е м о е п и с ь м о Т а т е, которой адрес мне не точно известен».

История с Нечаевым доставила Бакунину много неприятностей. Но Бакунин не был таким человеком, который легко и надолго падает духом. Порвав с Нечаевым, он сейчас же принялся создавать новую русскую секцию (правда, на первых порах без особого успеха). Но, в отличие от Нечаева и даже Огарева, диапазон его интересов был гораздо более широким. Кроме русского дела, у него были и другие, отнимавшие у него даже больше сил и сулившие ему еще более радужные надежды. Он правильно писал 11 августа 1870 года Огареву: «ты т о л ь к о русский, а я интернационал[ист]». Не забудем, что как раз на время его совместной работы с Нечаевым приходятся: начало организации тайного Альянса в Швейцарии, Франции, Италии и Испании, личные сношения с альянсистами всех стран, обширная переписка с ними, участие в Базельском конгрессе, усиленная литературная работа (в «Egalité», ряде других газет и т. п.). Для Нечаева русское дело было все, для Бакунина — это была часть его широкой международной работы, а вся нечаевская история — лишь преходящий эпизод, который мог только

---

[1] Впоследствии, т.-е. летом 1871 года, Бакунин, следивший за процессом нечаевцев по русским газетам, был, повидимому, удручен раскрывшейся картиною мистификаций и насилий, и в своем дневнике 1 августа записал: «Процесс Нечаева. Какой мерзавец!» (G u i l l a u m e — «L'Internationale», том II, стр. 186).

[2]) Вероятно, в записке содержалось требование остатков «общего фонда».

[3] После разрыва с Нечаевым Бакунин думал было приступить вместе с Огаревым к изданию русского журнала (вероятно, «Колокола»), но мысль эта не осуществилась.

[4] Записка Нечаева Наталии Герцен Огаревым передана не была, как сообщает Драгоманов в примечании к этому письму.

на время отвлечь его внимание от не менее важных с его точки зрения дел и революционных предприятий [1].

И действительно, покончив с Нечаевым [2], он сейчас же нашел себе другое дело, в которое и окунулся с головой. Вспыхнула франко-прусская война, — и Бакунин с чисто юношеской энергией принялся за работу в надежде, что эта война повлечет за собою «всеобщую катавасию» (письмо к Мрочковскому от 19 августа) и даст толчок к социальной революции, которую он призывал со всем пылом неутомимого и неутомимого бунтаря.

Конец третьего тома.

---

[1] Это, как мы видели, даже возбуждало известную ревность в Нечаеве, который хотел использовать все силы Бакунина для русского дела, хотя, конечно, не мог доставить ему для этого достаточно широкой арены.

[2] В сентябре 1870 года русская полиция, повидимому, вернулась к мысли об издании направленного против Бакунина памфлета, о котором мы говорили на стр. 256—262 второго тома. Для этого материал старой брошюры был слегка подновлен, а также сделана пара вставок в начале и в конце. Первая вставка говорит «о новейшей агитаторской деятельности его, посредством которой он, с берегов Женевского озера, замыслил вызвать в России всеобщую народную революцию и, по окончательном разрушении всего нашего государственного и общественного строя, на развалинах его создать царство вечного мира, безусловного равенства, полного блаженства для всех и каждого». А в конце прибавлено: «Несколько лет после этого эпизода (поездка в Швецию в 1863 г. — *Ю. С.)* о Бакунине было мало слышно: казалось, судьба хотела сжалиться над ним и предать его имя забвению. Но он опять не сумел воспользоваться благостью судьбы. С весны прошлого года Бакунин в сообществе с достойным другом своим, 23-летним полуграмотным учителем одного из петербургских приходских училищ Нечаевым, бежавшим за границу, стал печатать в Женеве ряд воззваний к русским студентам, к русским мужичкам и простым людям и проч., воззваний, столько же преступных по намерению, сколько нелепых по содержанию. Цель этих воззваний — опять-таки вызвать в России революцию; средства к достижению цели — «разбой», «яд», «нож», «петля», «огонь и меч». Бакунин в своей «Исповеди» сравнивает себя с Дон-Кихотом. Напоминаем читателям, что ламанчский рыцарь, несмотря на свои смешные похождения, не переставал быть никогда честным человеком».

Но и в этом «исправленном и дополненном виде продукт полицейского творчества в свое время не увидал света и остался погребенным в архивах III Отделения: имеются две папки приложений к «Делу» Бакунина, при чем в одной содержится первая редакция брошюры (с материалами к ней), а во второй — последняя ее редакция на русском и на французском. Отсюда можно заключить, что ее хотели издать на обоих языках. Теперь эта брошюра во второй редакции опубликована в томе XVII «Красного Архива» 1926 г. (стр. 144—154).

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР 1973 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка	*Напечатано*	*Должно быть*
67	9 сверху	кад	как
69	20 »	неофициальных	не официальных
95	16 снизу	словом,	словом
100	1 сверху	справедливости	справедливости,
109	20 »	потерпят	потерпят»
117	10 »	жестокой	жесткой
132	7 снизу	intluence	influence
136	12 »	рабочими	рабочим
»	11 сверху	коституционность	конституционность
253	2 »	зло,	зло
327	4—5 »	движения	движениям
334	12 снизу	— только	только —
346	15 »	1873	1872
375	6 »	«фабрік»	«фабрики»
376	3 »	людей».	людей.
381	13 »	мущество	мужество
393	23 »	европейско-немецким	еврейско-немецким
396	11 сверху	мелочь	мелкоту
398	10 »	покачуть	покачусь
453	10—11 »	вопросов	вопросов
525	10 снизу	освобождает	освобождается